7

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

зарубежная фантастика

DESTINY DOLL

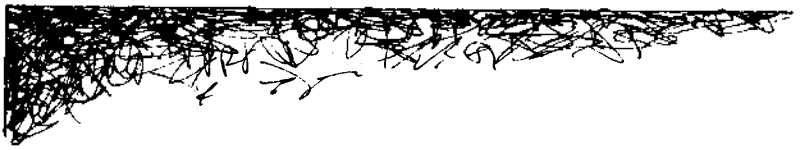

Clifford SIMAK

Robert HEINLEIN

Isaak ASIMOV

РОКОВАЯ КУКЛА

Клиффорд САЙМАК

Роберт ХАЙНЛАЙН

Айзек АЗИМОВ

МОСКВА
Обьединение
"Всесоюзный молодежный
книжный центр"
1992

ББК 84.7. США
Р 665

Иллюстрации *А. АЛЕКСЕЕВОЙ*

Оформление *С. РАДИМОВА, Е. РАДЧЕНКО*

Р665 **Роковая кукла:** Сборник фантастических романов — М., Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр», 1991. — 464 с. («Юнион»)

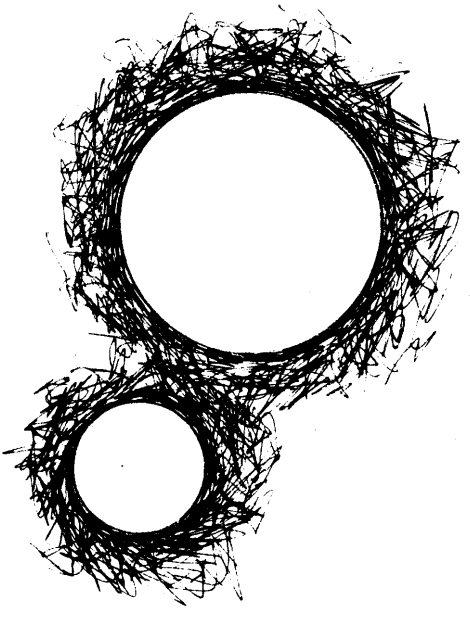
В данный сборник вошли произведения известных американских писателей-фантастов К.Саймака, Р.Хайнлайна, А.Азимова, впервые переведенные на русский язык.

Р $\frac{4703040100—016}{022(01)—91}$ Без объявл.

ББК 84.7. США

ISBN 5—7012—0103—1

© Составление, оформление. Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр», 1991
© Переводы. И. Б. Обухова, Л. В. Паперина, В. Ю. Рыжков, А. Ф. Синодов, 1991

Клиффорд САЙМАК

РОКОВАЯ КУКЛА

1

Все вокруг было белым-бело, и белизна казалась враждебной, а город выглядел строгим и равнодушным. Город высокомерно взирал на нас, он был погружен в свои мысли, и ему как будто не было дела до мирской суеты и превратностей бытия.

И все же, говорил я себе, над всем этим высятся деревья. Я вспомнил, что, когда корабль в пучке приводных лучей, пойманных нами в открытом космосе, уже спускался на посадочное поле, — тогда именно лес навел нас на мысль о загородном местечке. Наверно, мы опускаемся на деревню. Может быть, говорил я себе, на деревню, похожую на ту старую белую деревеньку в Новой Англии, которую я видел на Земле, на то селеньице, уютно расположившееся в долине веселого ручья, среди холмов, покрытых по-осеннему пламенеющими кленами. Теперь, оглядываясь вокруг, я был приятно удивлен новой встречей с райским уголком. Тихое, мирное местечко и, конечно же, здесь живут тихие и мирные существа, и их не коснулись причудливые нравы и диковинные обычаи, которых я в избытке навидался на других планетах.

Но это не деревня. И ничего общего с деревней. Меня обманул лес, возвышающийся над белизной, он напоминал мне сельский пейзаж. Нельзя было и представить себе, что деревья могут парить над городом, причем городом, разросшимся вверх настолько, что увидеть его самые высокие башни можно, только запрокинув голову.

Город врывался в небо, словно горная цепь без предгорий, резко возвышающаяся над плоской равниной. Он окружал посадочную площадку всей своей громадой, подобно высоким трибунам, овально окаймляющим спортивное поле. Когда мы смотрели на город из космоса, он был ослепительно белым. Но теперь блеск исчез, и белизна приобрела нежный бархатистый оттенок. Перед нами предстал город цвета фарфоровой безделушки, освещаемой тусклым огоньком свечи.

Город был белым, и посадочная площадка была белой, и небо —

таким бледно-голубым, что тоже казалось белым. Все абсолютно белое, кроме деревьев, венчающих невероятно высокий город.

Я все еще изучал город и деревья, откинув голову, и от этого шея начала уставать. Я перевел взгляд на поле и только теперь заметил другие корабли, очень много кораблей. Кораблей даже больше — удивился я, — чем бывало на крупных и оживленных площадках, которые я встречал в галактике. Корабли всевозможных размеров и форм, и все — белые, вот почему я не заметил их раньше. Белый цвет, сливаясь с белизной самого поля, служит им камуфляжем.

Все белое, думал я. Проклятая, целиком белая планета! И не просто белая, а особого белого цвета — кругом один и тот же фарфоровый отблеск. И город, и корабли, и само поле похожи на белые изваяния, вырезанные трудолюбивым скульптором из одной-единственной каменной глыбы.

Ничего не происходило. Ничего не двигалось. Никто не встречал нас. Город стоял как мертвый.

Вдруг сильный порыв ветра, одно сильное дуновение рвануло меня за куртку. И тут же я обратил внимание на то, что вокруг совсем нет пыли. Пыли, которую мог бы развеять ветер, или бумажных обрывков, которые бы он закрутил. Я потер ногой по земле, и трение не оставило следа. Посадочное поле было покрыто неизвестным материалом, на нем не скапливалась пыль. Поле выглядело так, словно его скоблили и чистили не больше часа тому назад.

Я услышал, как за спиной заскрипел трап. По лестнице спускалась Сара Фостер, и было заметно, что дурацкая баллистическая винтовка, висевшая на ремне через плечо, причиняет ей неудобство. Оружие качалось в такт ее шагам, угрожая застрять между перекладинами.

Я помог ей спуститься, и как только Сара оказалась на земле, она обернулась и изумленно уставилась на город. Изучая классические линии лица мисс Фостер и копну ее вьющихся рыжих волос, я вновь подумал, что Сара — по-настоящему красива. Только почему-то ее облику не доставало той нежной слабости, которая могла бы лишь подчеркнуть красоту.

Сара подняла руку и откинула локон. Он все время падал ей на глаза, еще с тех пор, как я впервые встретил ее.

— Я ощущаю себя муравьем, — сказала она. — Оно просто стоит там, глядя на нас сверху вниз. А вы не чувствуете взгляд?

Я покачал головой. Нет, я не чувствовал никакого взгляда.

— Каждую минуту, — сказала она, — оно может поднять лапу и раздавить нас.

— А где другие? — поинтересовался я.

— Тэкк собирает вещички, а Джордж слушает — и, как всегда, со своим тупым умиротворенным выражением. Он говорит, что он — дома!

— О, Господи!

— Вы не любите Джорджа, — сказала Сара.

— Это не так, — заметил я. — Я не обращаю на него внимания. Меня раздражает сделка сама по себе. Она бессмысленна.

— Но он привел нас сюда.

— Верно. И надеюсь, теперь он доволен.

А вот сам я не был доволен ничем. Ни величием города, ни окружающей белизной, ни спокойствием. Ни тем, что никто не вышел навстречу нам. Ни лучом, который привел нас на эту безлюдную посадочную площадку. Ни деревьями. Деревья не могут, не имеют права расти так высоко, как эти, возвышающиеся над городом.

Над нами раздался топот. Это были монах Тэкк и Джордж Смит. Джордж, громко пыхтя, пятился из люка, а Тэкк, который спускался первым, помогал его трясущимся ногам нащупать ступеньки.

— Он оступится и сломает себе шею, — сказал я, не беспокоясь особенно, если так и случится.

— Он очень крепко держится, — отметила Сара, — да к тому же Тэкк помогает ему.

Я завороженно наблюдал, как они спускаются по трапу, как монах управляет ногами слепого, как помогает ему найти ступеньку, когда тому случается ошибиться. Слепой, — твердил я себе. — Слепой, а с ним вольный монах и женщина, любительница большой охоты — ничего себе компания для погони за дикими гусями, для поиска человека, который, возможно, вовсе не человек, а нелепая легенда. Я, должно быть, сошел с ума, — говорил я себе, — взявшись за подобное дело.

Джордж и Тэкк наконец спустились, и монах, взяв слепого за руку, повернул его лицом к городу. Сара была права относительно его глупого вида. Лицо Смита расплылось в блаженной улыбке, и это выражение в сочетании с его вялой и безучастной фигурой казалось просто неприличным.

Сара слегка тронула слепого за руку.

— Вы уверены, что это то самое место, Джордж? Вы не ошибаетесь?

Блаженство на лице слепого сменилось исступленным восторгом, наводящим страх.

— Ошибки нет, — пролепетал он, его писклявый голос снизился от волнения. — Мой друг здесь. Я слышу его, и благодаря ему, я вижу. Как будто я могу протянуть руку и коснуться его.

Он вытянул толстую коротенькую ручку, словно хотел нащупать что-то перед собой. Но то, что он хотел тронуть, существовало только в его воображении.

Я прав — судя по всему, это безумие. Безумно считать, что слепой человек, слышащий голоса — нет, не голоса, а один единственный голос, — способен провести нас через тысячи световых лет, сначала к галактическому центру, а потом за его пределы, в неизведанную область, на планету, известную ему одному. Всегда находились люди, которые слышали голоса, но до сих пор мало кто обращал на них внимание.

— Здесь город, — объясняла слепому Сара. — Огромный белый город, а деревья — выше города, они уходят вверх и вверх на мили. Это то, что вы видите?

— Нет, — ответил Джордж, весь зачарованно обратившись в слух. — Нет, я вижу не это. Я не вижу ни города, ни деревьев, — он набрал воздух. — Я вижу, — сказал он, — я вижу...

Джордж попытался найти слова, но в конце концов сдался. Он размахивал руками, и его лицо морщилось от усилия поведать нам о том, что он видит.

— Я не могу объяснить вам, — прошептал он, — я не могу подобрать слова, я теряюсь в мыслях.

— К нам идут! — сказал монах Тэкк, показывая на город. — Не разобрать, что там происходит... Какое-то мерцание. Как будто что-то движется.

Я всмотрелся и действительно заметил мерцание. Но разглядеть что-либо еще было невозможно. Где-то там, у подножия городской стены ощущалось волнение, неотчетливое движение и блеск.

Сара смотрела в бинокль, потом она передала его мне, стянув ремень с плеча.

— Что вы думаете об этом, капитан?

Я приблизил бинокль к глазам и начал настраивать его до тех пор, пока не засек движение. Сперва я увидел передвигающееся пятно, оно медленно увеличивалось, потом распалось. Лошади? Я был изумлен. Как ни странно, но это были именно лошади. К нам скакали белые лошади — ведь если здесь и есть такие животные, то они, конечно, должны быть белыми! — и, к тому же, очень забавные лошади. Они бежали необычно, не так, как бегают лошади, они двигались неустойчивым аллюром, забавно раскачиваясь.

Когда они приблизились, я смог лучше разглядеть их. Это действительно были лошади. Настоящие лошади — изысканно стоящие уши, изогнутые шеи, раздутые ноздри, и даже гривы, — хоть и неподвижные, но как будто вздыбленные ветром. Подобные изображения обычно помещают на календарях, где лошади засты-

вают навеки в позе, выбранной для них художником. А их ноги? Нет же, не ноги, заметил я. Совсем не ноги, а полозья. Две пары полозьев — передняя и задняя, и когда лошади бежали, они поочередно касались ими земли — то раскачивались на передней, более узкой паре, то на задней.

В недоумении я опустил бинокль, передал его Саре и продолжал наблюдать за приближающимися лошадьми. Их было восемь, и все они были белые, похожие друг на друга так, что их нельзя было различить.

Сара убрала бинокль.

— Карусель, — сказала она.

— Карусель?

— Вот именно. Такая хитрая механическая штуковина, на ярмарках, или карнавалах, или в луна-парках.

Я отрицательно покачал головой.

— Я никогда не был в луна-парке. Но когда я был ребенком, у меня был конь-качалка.

Восемь лошадей стремительно приблизились и постепенно остановились. Даже на месте они продолжали слабо раскачиваться вперед и назад.

Стоящая впереди лошадь начала вещать на межкосмическом жаргоне. Этот язык уже существовал, когда человек более двадцати веков назад появился в космосе. Он был составлен из терминов, фраз и слов, выбранных из сотни различных языков и в конце концов превратился в подобие тарабарщины, но при его помощи существа, не похожие друг на друга, все же получили возможность общаться.

— Мы — лошади-качалки, — сказала лошадь. — Меня зовут Доббин, и мы пришли, чтобы забрать вас с собой.

Пока Доббин говорил, не дрогнула ни одна частица его тела. Он просто стоял перед нами — уши стоймя, точеные ноздри, развевающаяся на несуществующем ветру грива. У меня даже сложилось впечатление, что слова, которые он произносил, исходили из его ушей.

— Думаю, они очень милы, — восхитилась Сара, и это было в ее духе. Ей действительно хотелось думать, что они «очень милы».

Доббин не моргнул и глазом в ее сторону.

— Мы настаиваем на том, чтобы вы поторопились, — сказал он. — Для каждого есть оседланная лошадь, а четверо из нас помогут вам перевезти груз. Мы не располагаем временем.

Все, что происходило, не нравилось мне, совсем не нравилось. Плевал я на эту качалку!

— Мы не любим, когда нас подгоняют, — сказал я Доббину. —

Если у вас нету времени, то мы проведем ночь на корабле и отправимся завтра утром.

— Нет! Нет! — страстно возразила лошадка. — Это невозможно. С заходом солнца возникнет великая опасность. Вы должны быть спрятаны до захода солнца.

— Почему бы нам не сделать так, как он говорит? — предложил Тэкк, поплотнее закутываясь в рясу. — Мне не нравится здесь. Если время поджимает, то мы можем вернуться и собрать вещи потом.

Доббин ответил:

— Мы возьмем ваш груз сейчас. Утром будет некогда.

— Мне кажется, — заявил я Доббину, — вы спешите. И если это правда, то почему бы вам попросту не повернуться и не уйти туда, откуда вы явились? Мы сами можем позаботиться о себе.

— Капитан Росс, — решительно сказала Сара Фостер. — Я не собираюсь идти пешком, если есть шанс двигаться верхом. Я полагаю, вы ведете себя глупо.

— Очень может быть, — рассердился я, — но я терпеть не могу, когда мной командуют нахальные роботы.

— Мы — лошади-качалки, — сказал Доббин. — Мы не роботы.

— Вы человеческие качалки?

— Я вас не понимаю.

— Вас сделали люди? Я имею в виду — существа, похожие на нас?

— Я не знаю, — ответил Доббин.

— Как бы не так! — сказал я и обратился к Смиту. — Джордж!

Слепой повернул ко мне одутловатое лицо. Восторженное выражение как будто прилипло к нему.

— В чем дело, капитан?

— Скажите-ка, Джордж, когда вы толковали о том о сем со своим приятелем, не упоминался ли в ваших беседах какой-нибудь конек?

— Мой конек? Вы имеете в виду коллекционирование?

— Нет, — сказал я. — Я подразумеваю конька, который качается. Вы говорили про коня-качалку?

— Впервые слышу, — ответил слепой.

— Но ведь у вас были игрушки, когда вы были ребенком?

Слепой вздохнул.

— Не такие, как вы думаете. Я слепой от рождения. Я никогда не был зрячим. Игрушек, обычных для других детей, не было...

— Капитан, — Сара злилась, — вы нелепы. К чему все эти подозрения?

— Я объясню, — сказал я столь же злобно. — И ответ прост...

— Я знаю... Я знаю. Вы подозревали всех и каждого — и тем самым спасали свою шкуру.

— Милостивая госпожа, — вмешался Доббин, — я прошу вас, поверьте: как только зайдет солнце, вам будет угрожать страшная опасность. Я умоляю вас, я заклинаю вас, настоятельно советую отправиться с нами, и как можно скорее.

— Тэкк, — обратилась Сара к монаху, — иди и начинай спускать из корабля наши вещи, — она воинственно повернулась ко мне. — У вас есть возражения, капитан?

— Мисс Фостер, — сказал я ей. — Корабль ваш, и деньги ваши. Музыку заказываете вы.

Она взорвалась.

— Вы смеетесь надо мной. Смеялись все время. Вы никогда не доверяли моим словам! Ни одному слову!

— Я привел вас сюда, — твердо сказал я. — И выведу назад. Мы договаривались об этом. Я только прошу, чтобы вы не усложняли мою задачу.

Но не успел я произнести эти слова, как тут же пожалел о них. Мы были на непонятной чужой планете, очень далеко от дома, и, чем затевать перебранки, лучше было бы поддерживать друг друга. Сара абсолютно права, признался я сам себе, я действительно вел себя нелепо. Но тут же я представил дело в более выгодном для себя свете. Да, быть может, я и нелеп, но только на первый взгляд. Я знал, что если уж оказался на чужой планете, надо действовать на свой страх и риск и доверять шестому чувству. У меня был богатый опыт, и я всегда выходил сухим из воды. Так же, впрочем, как и Сара, но во время путешествий ее всегда сопровождал отлично снаряженный отряд — я же всегда действовал сам по себе.

При первом же указании Сары Тэкк подоткнул рясу и быстро вскарабкался по трапу. Вскоре он уже передавал мешки со снаряжением Саре, которая стояла посередине трапа и аккуратно бросала груз к его подножию. Ничего не скажешь — эта девица еще ни разу не увильнула от работы, она всегда была в центре событий и трудилась, наверное, больше, чем другие.

— Ну, хорошо, — сказал я Доббину. — Где же ваши вьючные лошадки? И что делать дальше?

— К сожалению, — сказал Доббин, — у нас нет рук. Поэтому навьючить лошадей придется вам. Сложите все вещи им на спины, и когда вы закончите, из их животов выскочат металлические подпруги и надежно стянут груз.

— Как это просто, — удивился я.

Доббин слегка качнулся вперед, как будто кланяясь.

— Мы всегда, — сказал он, — к вашим услугам.

Раскачиваясь, к нам приблизились четыре лошади, и я начал нагружать их. Тэкк уже вытащил вещи из корабля, и Сара стала мне помогать. Тэкк закрыл люк, и когда он спустился, все уже было готово к отправлению.

Город на линии горизонта соприкасался с солнечным диском, и самые высокие башни вгрызались в светило, откусывая от него целые ломти. Это было ярко-желтое солнце, ярче, чем земное, возможно, звезда из серии «К». Конечно, корабль мог бы помочь и дать ответы на все вопросы. Ведь корабли работают на человека. Они проглатывают информацию целиком, потом расчленяют ее, затем вновь собирают воедино. Я понимал, что наш корабль знает все об этой планете и светиле. Он осведомлен о ее атмосфере и химическом составе, и он готов выдать информацию любому, кто ее запросит. Но я не сделал этого. Я все время собирался взять с корабля лист данных, но вышло так, что табун лошадей-качалок преградил мне путь. Хотя, говорил я себе, это не имеет значения. Я могу вернуться сюда утром. Но тем не менее оттого, что я так и не заглянул в лист данных, я испытывал чувство досады.

— Доббин, — спросил я, — в чем заключается опасность? Что угрожает нам?

— Я не могу ответить на ваш вопрос, — сказал Доббин, — так как я и сам не понимаю, но я должен вас заверить, что...

— Ладно, хватит об этом!

Тэкк, тяжело дыша, пытался подсадить Смита на лошадь. Сара уже сидела верхом, важно выпрямившись. Она воплощала образ женщины, предвкушающей грандиозное приключение; собственно, все, что с ней происходило, в любом случае было необычно. Вот так горделиво восседать в седле, с забавной древней винтовкой через плечо, в костюме, словно предназначенном для бурных событий, — чем не происшествие!

Я мельком взглянул на посадочную площадку, обрамленную городскими постройками, и потому похожую на чашу. На поле не было заметно никакого движения. Солнце медленно заходило за дома, и с запада, из-за городской стены, выплывали тени. Белые здания постепенно темнели, однако огни не зажглись.

Где же все? Где жители города? Где те, кто прибыл сюда на кораблях, которые до сих пор возвышаются над полем, подобно фантастическим надгробиям? И почему все эти корабли белые?

— Высокочтимый господин, — обратился ко мне Доббин, — не будете ли вы так любезны сесть верхом на меня? У нас мало времени.

Повеяло холодом, и я признался себе, что мне становится страшновато, хотя и не понятно отчего. Возможно, меня пугал

вид города, возможно, я предчувствовал, что это поле окажется ловушкой. Возможно, страх объяснялся тем, что вокруг не было ни одной живой души, кроме лошадей-качалок. Да и живые ли они?

Но мне они казались вполне живыми. Я подошел к Доббину и, с лазерным ружьем наизготовку, запрыгнул к нему в седло.

— Здесь оружие бесполезно, — явно неодобрительно сказал Доббин.

Я не ответил. Черт возьми, это мое личное дело!

Доббин тронулся с места, и мы двинулись к городу через поле. От скачки можно было сойти с ума: мы двигались спокойно, без резких толчков, но лошади под нами постоянно раскачивались. Казалось, мы перемещаемся не вперед, а только вверх и вниз. Мы не ощущали тряски, мы как будто пробивались сквозь бесчисленные волны.

Мы двигались, но город не приближался, еще не приобретал ясных очертаний. Я понял, что на самом деле мы были дальше от него, чем казалось сначала. Да и посадочное поле — оно тоже на самом деле было гораздо больше.

— Капитан! — завопил Тэкк.

Я повернулся к нему.

— Корабль! — пронзительно крикнул монах. — Корабль! Они что-то с ним делают!

И верно, они — дьявол разберет, кто это, — суетились вокруг нашего корабля. Рядом с машиной возвышалось механическое устройство. Оно напоминало насекомое с коротким толстым телом и очень длинной и толстой шеей, увенчанной крошечной головкой. Из его пасти в сторону корабля вырывалась воздушная струя, и там, где она касалась его обшивки, корабль становился белым, как и другие корабли-надгробия, разбросанные по полю.

Я взвыл от злости и сильно натянул поводья. С таким же успехом я мог бы попытаться остановить камнепад: Доббин настойчиво двигался вперед.

— Разворачивайся! — заорал я. — Назад!

— Возвращение невозможно, высокочтимый сэр, — спокойно проговорил Доббин, ничуть не запыхавшийся от скачки. — У нас нет времени. Нам надо спешить в город, чтобы обрести там спасение.

— Клянусь Богом, время есть! — завопил я.

Я сорвал с плеча ружье и, держа его над головой Доббина, направил дуло на дорогу впереди нас.

— Закройте глаза! — крикнул я своим спутникам и нажал на курок. Я прищурился, но все равно вспышка лазерного света, отраженного от земли, чуть не ослепила меня. Доббин встал на дыбы и закружился волчком. Когда я открыл глаза, мы уже мчались к кораблю.

— Вы погубите нас, — простонал Доббин. — Мы погибнем, безумец!

Оглянувшись, я убедился, что все лошадки следовали по пятам. Оказывается, Доббин был их вожаком, и куда бы он ни направился, лошади послушно сопровождали его.

Я заметил, что в том месте на дороге, куда попал лазерный заряд, не было даже отметины, хотя я ожидал увидеть дымящуюся воронку. Ведь след остается от любого, самого слабого выстрела.

Сара ехала, прикрыв глаза рукой.

— Вы в порядке? — спросил я.

— Идиот! — закричала она.

— Я предупредил, чтобы вы закрыли глаза, — сказал я. — Всегда бывает такая яркая вспышка.

— Ты крикнул и сразу же выстрелил, — ответила Сара. — А мы не успели.

Она отняла руку от лица и тут же зажмурила глаза, но я успел заметить, что — слава Богу! — она не пострадала. Просто был повод поблефовать, а она никогда его не упускала.

Между тем существо, которое обливало корабль, уже удалялось от нас через поле. Оно мчалось, вытянув шею вперед, с безумной скоростью. Я даже решил, что оно продвигалось на колесах или гусеницах.

— Пожалуйста, сэр, — молил Доббин. — Мы попросту теряем время. Вы ничем не поможете.

— Еще одно слово, — сказал я, — и на этот раз ты тоже получишь.

Мы приблизились к кораблю, и Доббин притормозил. Я не стал ждать, пока он остановится. Лошадка еще продолжала покачиваться, а я уже спрыгнул на землю и бежал к кораблю. Правда, я и сам не знал, что собираюсь предпринять.

Я подбежал к кораблю и увидел, что он покрыт веществом, похожим на заиндевевшее стекло. Каждый дюйм машины был затянут белой оболочкой, из-под которой нигде не проглядывал металл. Это был уже не настоящий корабль, а просто макет. Уменьшенный в размерах, он мог бы сойти за сувенирный значок.

Я прикоснулся к кораблю. Покрытие было гладкое и твердое. Теперь уже ничто не напоминало о том, что корабль сделан из металла. Я постучал по машине прикладом, и корабль зазвенел, как колокол. Звук отозвался по всему полю и эхом возвратился от городской стены.

— Что с ним? — спросила Сара. Ее голос слегка дрожал. Это был ее корабль, и он не был ей безразличен.

— Какое-то твердое покрытие, — объяснил я. — Кажется, корабль опечатан.

— Вы хотите сказать, что теперь нельзя войти внутрь?

— Не знаю. Возможно, удастся отколупать это кувалдой.

Она сделала резкое движение, и вот уже — винтовка сдернута, приклад прижат к плечу. Как бы нелепо ни выглядело ее оружие, но, точно скажу, обращаться с ним она умела.

Прозвучал выстрел, и лошадки в страхе попятились. Но громче, чем выстрел, прозвучал другой звук — неприятное завывание, почти вопль. Наш молочно-белый корабль глухо загудел под ударом пули, которая, бешено крутясь, с пронзительным свистом отскочила от его поверхности. Но белизна корабля оставалась нетронутой; в том месте, куда попала пуля, не было и следа. Не было ни трещинки, ни пятнышка, ни отметины — от пули мощностью в две тысячи фунтов!

Тогда я поднял лазерное ружье, но Доббин сказал:

— Это бессмысленно, неразумный вы человек. Здесь уж ничего не поделать.

Я со злостью обернулся к нему.

— Кажется, я предупреждал, — почти провизжал я. — Еще одно слово — и получишь в лоб!

— Насилие, — самоуверенно заметил Доббин, — не поможет. А вот пребывание здесь после захода солнца приведет к немедленной смерти.

— Но наш корабль! — отчаянно крикнул я.

— Корабль опечатан, — сказал Доббин. — Так же, как и все другие. И хорошо еще, что при этом вы оказались снаружи, а не внутри корабля.

Я знал, что Доббин был прав, хотя мне было трудно признаться себе в этом. Вспомнив, что лазерный луч не оставил следов на поле, я вдруг понял, почему вокруг все было одинакового белого цвета. Конечно же, белое поле, белые корабли, белый город — все было покрыто одним и тем же сверхпрочным веществом, которое было невозможно разрушить.

— Я скорблю вместе с вами, — сказал Доббин без сожаления в голосе. — Я разделяю ваше возмущение. Но однажды посетивший эту планету никогда не покинет ее. Хотя это не обязательно означает смерть. Я сочувствую вам и умоляю двинуться в путь, чтобы мы могли надежно укрыться.

Я взглянул на Сару, и она незаметно кивнула. Я знал: она рассуждала так же, как я, и уже давно приняла решение. Оставаться было бесполезно. Корабль опечатан — и этим сказано все. Утром мы, возможно, вернемся и попробуем что-нибудь предпринять. С тех пор, как мы повстречались с Доббином, он не перестает говорить об опасности. Так или иначе — но проверить

это было нельзя. И единственный разумный выход — последовать за лошадкой.

Поэтому я быстро вскочил в седло, и не успел я как следует усесться, как Доббин уже развернулся и начал свой бег.

— Мы потеряли очень много времени, — сказал он. — Но мы приложим все силы и попытаемся наверстать упущенное. Мы еще можем успеть.

Теперь уже почти все поле находилось в тени, только небо еще оставалось светлым. Из города надвигалась легкая сумрачная дымка.

Итак, вырваться с этой планеты невозможно. Так сказал Доббин, но это только слова, и ничего более. Похоже, что кто-то действительно намеревается задержать нас здесь, — и именно по этой причине опечатал наш корабль. Но должен же быть какой-нибудь выход, говорил я себе, какой-нибудь способ покинуть планету, и нам необходимо воспользоваться им. Выход можно найти всегда.

Мы приближались к городу, и он приобретал все более четкие контуры. У домов появилась форма. До сих пор они выглядели одним сплошным массивом и напоминали громадный утес на ровном поле. Здания казались высокими даже с середины поля, теперь же их крыши терялись из виду высоко в небе.

Город был по-прежнему пуст. Нигде в окнах не горел свет — если, конечно, в домах вообще присутствовали окна. Возле зданий не было никакого движения. И не было приземистых домишек, обычных для городских окраин: поле вплотную подступало к зданиям, устремленным в небесную высь.

Лошади во весь опор мчались по направлению к городу, звонко цокая полозьями — точь-в-точь табун лошадей, спасающийся от бури. Мне стоило только приноровиться к езде на лошадях-качалках, как она мне понравилась. Просто надо было расслабиться и отдаться во власть непрерывной качки.

Город все яснее маячил впереди, и теперь мы уже могли рассмотреть каменную кладку домов. Мы разглядели улицы, или по крайней мере нечто, отдаленно напоминающее улицы, — узкие пространства между домами, черные и пустые, похожие на трещины или щели в исполинской скале.

Лошадки нырнули в одну из таких щелей, и темнота сомкнулась. Свет проникал на эту улицу, только когда солнце оказывалось прямо над ней. Дома обступали нас со всех сторон, их стены возвышались вокруг — и смыкались над нами в далекой невидимой точке.

Одно из зданий стояло чуть в стороне, там, где расширялась улица. К его массивным дверям вел просторный пандус. Туда

и направились лошадки. Они преодолели подъем и вбежали в здание через открытую дверь.

Мы очутились в комнате, и прямо перед нами на стене я увидел огромные прямоугольные блоки, от которых исходил неяркий свет. Лошадки мягко подкатили к одному из блоков и остановились перед ним. Тут же у стены я заметил гнома — или его подобие — маленькое горбатое, похожее на человека существо. Гном возился с диском, закрепленным в стене за светящейся каменной плитой.

— Капитан, посмотрите! — закричала Сара. Она могла бы и не кричать — я видел все не хуже ее. На светящемся блоке неотчетливо возникла картина. Это был пейзаж. Казалось, картина проступила со дна кристально-чистого моря и ее яркие краски скрыты под толщей воды, а очертания расплываются в легкой ряби на морской поверхности.

Это был кровавый пейзаж. Красная земля сливалась с лиловым небом; на горизонте, над редкими темно-красными холмами бушевала стихия, а на переднем плане ядовито желтели цветы. Я попытался сопоставить увиденное с известными мне планетами, но картина изменилась. Теперь перед нами уже были джунгли — мир, утопающий в зелени, испещренный пронзительно яркими пятнами — наверно, тропическими цветами. Но за пышной растительностью таилось что-то враждебное. От одного только вида этого непроходимого леса я ощутил легкую дрожь.

Потом картина опять растаяла — я успел лишь взглянуть на нее — и на месте леса уже была желтая пустыня, освещенная луной и мерцающими звездами. Лунный свет серебром отражался в небе, преломляясь, падал на песчаные дюны и превращал их в пенящиеся волны.

Пустыня не испарилась из виду подобно другим картинам. Она наступала на нас, словно желая поглотить.

Я почувствовал, как Доббин бешено рванулся вперед. Я сделал отчаянную попытку удержаться и протянул руку к седлу, где должна была находиться задняя лука. Но напрасно — ее не было и в помине — и тут же я кувырком вылетел из седла.

Я упал — удар пришелся на плечо — проехал по песку и наконец остановился. Перехватило дыхание. Я с трудом встал и выругался — вернее, я только хотел выругаться, но не смог, потому что задыхался. И уже поднявшись, я увидел, что мы оказались в той самой пустыне, которая вырисовывалась на светящемся камне.

Сара упала в стороне от меня. Неподалеку, пытаясь выпутаться из рясы, уже поднимался на ноги Тэкк. Рядом с монахом ползал на четвереньках Джордж. Он скулил, как щенок, которого ночью выпихнули за дверь в чужой непонятный мир.

Вокруг простиралась пустыня, и не было ни травинки, ни капли воды, только белый свет огромной луны да мерцание звезд, разбросанных по безоблачному небу и похожих на лампочки.

— Он исчез! — хныкал Джордж, все еще стоя на четвереньках. — Я больше не слышу его! Я потерял своего друга!

Но друг Джорджа был не единственной потерей. Пропал город, да и сама планета, на которой он располагался. Мы были совсем в другом мире.

Мне не следовало браться за это дело. Я и раньше отдавал себе в этом отчет. Я не верил в успех с самого начала. А ведь удача всегда только с тем, кто верит в нее! Если уж взялся — нельзя сомневаться в успехе.

Хотя, вспомнил я, у меня не было выбора. Я был обречен с того момента, когда в первый раз увидел на Земле великолепный корабль Сары Фостер.

2

Я возвратился на Землю в тайне от всех. Хотя слово «возвратился» здесь не совсем правильное. До тех пор я никогда не бывал на этой планете. Но именно на Земле я хранил свои деньги, и к тому же Земля стала единственным местом, где я не чувствовал за собой слежки. И дело не в том, что я нарушил закон или был не чист на руку. Просто вышло так, что многие из тех, с кем я был когда-то связан, в конце концов разорились до нитки и жаждали встретиться со мной. И, конечно, они бы добились своего, не попади я на Землю, где действовало право неприкосновенности.

Корабль, на котором я приземлился, помог мне сбить этих людей с толку. Машина едва избежала участи быть похороненной на кладбище кораблей, хотя место ей было именно там. Залатанный, наспех отремонтированный, корабль больше был мне не нужен. Единственное, что от него требовалось — доставить меня на Землю. Я покинул корабль, и меня бы не огорчило, даже если бы он распался на куски. Я на Земле — и останусь здесь.

Было очевидно, что мне предстоит встреча с Земным Патрулем. Земля гостеприимна и придерживается принципа «в тесноте, да не в обиде», но ей не помешает патруль, охраняющий планету от подозрительных личностей вроде меня.

Итак, я вошел в Солнечную систему и оказался между Землей и Солнцем. Я надеялся, что логарифмическая линейка не обманула меня при расчетах. Я выжимал из своего драндулета все, что было возможно, к тому же я воспользовался солнечным притяжением,

и мимо Солнца мы промчались так, как будто за нами гнались черти. Был даже один рискованный момент, когда мне показалось, что, срезав путь, мы подошли к светилу слишком близко. Но спасла радиационная защита; я сбавил скорость наполовину, и Земля оказалась прямо впереди по курсу.

Заглушив двигатель и отключив все системы, я летел по инерции в направлении к Земле. Слева, не более чем в пяти миллионах миль от меня, пронеслась Венера.

Мне повезло, и Патруль не обнаружил меня. По правде говоря, им было бы непросто это сделать. Мой корабль не оставил энергетического следа, и все его электронные устройства были отключены. Единственное, что они могли засечь — это просто груду металла, да и то небольшую. Кроме того, мне удалось миновать Солнце, а солнечная радиация затрудняет обнаружение даже посредством лучших приборов.

Конечно, с моей стороны это была безумная попытка, и на самом деле я подвергался большой опасности. Но я уже пережил множество межпланетных гонок с преследованием и, случалось, испытывал судьбу. Я рискнул и на этот раз.

На Земле существует только один космодром. Для них этого вполне достаточно, потому что корабли курсируют здесь не часто.

На Земле осталось мало людей, все они разлетелись по космическим далям. Те немногие, кто еще остался, считаются безнадежными мечтателями. Они полагают, что жизнь на планете, которая была колыбелью человечества, возвышает их над остальными. Теперь же эти идеалисты, а также люди, подобные мне, и являются обитателями Земли. Мне говорили, что сентиментальные чудаки с Земли не более чем сборище надменных лжеаристократов, но я не опасался их. Я не собирался иметь с ними дело. Возможно, я займусь экскурсионными кораблями, которые время от времени привозят на прародину человечества толпы паломников, или грузовыми кораблями — но не более.

Я установил корабль и ушел от него прочь. С собой у меня были две сумки, и в них вмещалось все мое добро — то немногое, что я успел схватить, когда на меня были спущены собаки. Корабль не распался на части, он просто стоял, как загнанная лошадь, и являл самое жалкое зрелище, которое только можно представить.

Недалеко от места стоянки моей развалюхи я увидел прекраснейшую из космических машин. Блестящий, изящный корабль, от которого веяло мощью, — он был похож на космическую яхту, страстно устремленную в небо. Конечно, разглядывая корабль со всех сторон, я не мог точно сказать, что скрывалось внутри. Но каждый корабль всегда говорит сам за себя, и что касается этого, то я был уверен: на него не пожалели средств. Стоя перед

кораблем и изучая его, я почувствовал, как у меня чешутся руки к нему прикоснуться.

Думаю, что желание дотронуться до корабля было тем сильнее, чем лучше я понимал, что мне больше не вернуться в космос. Я вышел из игры. Мне предстоит провести остаток жизни на Земле. Иначе меня сцапают.

Я покинул посадочное поле и прошел через таможню — если это можно было так назвать. Таможенники просто выполнили необходимые формальности. Они не имели ничего против меня, как и против кого-либо другого. Все сходятся на том, что таможня — лучшее учреждение на Земле.

Я остановился в гостинице при космодроме. Устроившись в номере, я спустился в бар.

Я был немного навеселе, когда в бар вошел робот и пугливо уставился на меня.

— Вы — капитан Росс?

Неужели я снова влип в историю? — подумал я в тревоге. На Земле не было ни одной души, которая что-либо знала обо мне или о моем прибытии. Мои контакты здесь ограничились только общением на таможне и со служащим гостиницы.

— У меня есть для вас письмо, — сказал робот, протягивая послание.

Конверт был без марок и скреплен печатью. Я раскрыл его, вытащил записку и прочел:

Гостиница «Хилтон»
Капитану Майклу Россу

Буду очень обязана капитану Россу, если он поужинает сегодня вместе со мной. Моя машина будет ожидать у входа в гостиницу в восемь часов. И позвольте мне, капитан, первой поприветствовать вас на Земле.

Сара Фостер.

Я сидел, уставившись на листок бумаги. Робот-бармен, скользя вдоль стойки, подкатил ко мне и забрал пустой стакан. «Еще одну порцию?» — спросил он.

— Еще одну, — ответил я.

Кто такая эта Сара Фостер, и как она узнала обо мне спустя час после моего появления на Земле?

Я мог бы, конечно, навести справки, но вокруг никого не было. Кроме того, мне почему-то казалось — я и сам не мог понять почему — что не стоит ни о чем выспрашивать.

Возможно, это ловушка. Я знал: есть люди, ненавидящие меня настолько, что могут попытаться тайно вывезти меня с Земли.

Конечно, им уже известно, что я приобрел корабль, но вряд ли кому-то пришло в голову, что подобная развалина доставит меня на Землю. И никто, естественно, не догадывается, что я уже на Земле.

Я сидел в баре, тянул стакан за стаканом и, пораскинув мозгами, наконец решил рискнуть.

Сара Фостер жила в просторном доме на вершине холма. Холм был окружен дикой местностью, которая простиралась на много акров и, в свою очередь, окружала акры тщательно ухоженных лужаек и аллей.

Посреди всего этого расположился огромный дом, сложенный из обожженного кирпича, с широкими галереями, огибающими здание, и многочисленными трубами на крыше.

Я предполагал, что у дверей меня встретит робот, но навстречу мне вышла сама Сара Фостер. На ней было нарядное зеленое платье, которое касалось пола и, создавая бешеный контраст, подчеркивало огненный оттенок ее растрепанных волос и непослушного локона, как будто навсегда упавшего ей на глаза.

— Капитан Росс, — сказала Сара, протягивая руку, — как мило, что вы пришли. И вас не смутила моя невразумительная записка! Боюсь, я поступила необдуманно, но я слишком хотела увидеться с вами.

В высоком зале, где мы встретились, было прохладно. Его стены покрывали свежевыкрашенные деревянные панели; паркетный пол был отполирован до блеска, а с потолка свисала массивная хрустальная люстра. От дома веяло богатством, эдаким земным аристократическим размахом — и все это мне очень понравилось.

— Остальные в библиотеке, — сказала она, — давайте присоединимся.

Она взяла меня под руку, и мы прошли через зал к двери, ведущей в комнату, которая отличалась от зала, как небо от земли. Комната могла сойти за библиотеку — несколько полок в ней были заставлены книгами, — но больше всего она походила на склад трофеев. Каждую стену украшали чучела, на застекленной полке хранилось оружие, на полу лежали шкуры животных, на которых еще сохранились головы с навеки застывшим оскалом.

В комнате возле огромного камина сидели два человека, и, когда мы вошли, один из них поднялся. Это был долговязый изнуренный человек с длинным, худым и смуглым лицом. Не солнце и не ветер затемнили его лицо, подумал я, глядя на него, просто чувствуется, какие тёмные мысли шевелятся у него в мозгу. Он носил темно-коричневую рясу, опоясанную четками, и был обут в крепкие сандалии.

— Капитан Росс, — сказала Сара Фостер. — Позвольте представить вам монаха Тэкка.

Он протянул мне свою костлявую руку.

— Официально, — сказал он, — меня зовут Хьюберт Джексон, но я предпочитаю, чтобы меня называли монахом Тэкком. Во время моих странствований, капитан, я много слышал о вас.

Я пристально взглянул на него.

— Вы много путешествовали?

Надо признаться, я встречал таких типов и раньше, но никогда не питал к ним симпатии.

Он кивнул.

— Много и далеко, — сказал он. — И всегда в поисках истины.

— Иногда, — заметил я, — истину найти совсем не просто.

— А теперь, капитан, — быстро проговорила Сара, — познакомьтесь с Джорджем Смитом.

Второй незнакомец неловко поднялся на ноги и вяло протянул руку в мою сторону. Это был маленький кругленький человек неопрятной наружности, с абсолютно белыми глазами.

— Как вы догадались, — начал Смит, — я слепой. Вы, конечно же, простите меня за то, что я не встал, когда вы зашли в комнату.

Я почувствовал себя неловко. Я впервые встретил человека, который так открыто заявлял о своей слепоте.

Я пожал его руку, она оказалась совсем вялой — даже не верилось, что это рука живого человека. Слабое рукопожатие Смита вполне соответствовало его облику.

Слепой нащупал стул и уселся.

— Сюда, пожалуйста, — сказала Сара. — Сейчас подадут напитки. Вкус моих друзей мне известен, а вот ваш...

— Если позволите, шотландское виски.

Я занял указанное место, Сара тоже уселась, и мы, вчетвером, словно дружная компания, устроились вокруг камина, и со стен на нас взирали набитые чудища, привезенные с других планет.

Сара заметила, что чучела привлекают мое внимание.

— Я совсем забыла, — сказала она. — Прошу прощения. Вы ведь никогда ничего не слышали обо мне — пока не получили мою записку, конечно.

— Мне очень жаль, сударыня.

— Я — охотник, и охотник с баллистической винтовкой, — сказала она, и мне показалось, что она гордилась этим более, чем того заслуживало ее занятие.

Мне не удалось скрыть свою реакцию, вернее, ее отсутствие.

— Я использую только баллистическое оружие, — объяснила она. — То есть оружие, которое стреляет пулями. Лишь такой

способ охоты, — добавила она, — является настоящим спортом, потому что он требует значительного мастерства во владении оружием и наличия крепкой нервной системы. Если вы промахнетесь и не убьете зверя с первого же выстрела, он может броситься на вас.

— Понятно, — сказал я. — Вы предпочитаете спортивное состязание. Но ведь за вами всегда право первого нападения.

— Это не обязательно так, — ответила она.

Робот принес напитки, и мы, с бокалами в руках, почувствовали себя свободней.

— Я подозреваю, капитан, — сказала Сара, — что вы не одобряете мое занятие.

— Ни да, ни нет. Я недостаточно хорошо разбираюсь в этом вопросе, чтобы составить свое собственное мнение.

— Но ведь вы убивали диких животных, не так ли?

— Было дело, — сказал я, — но я ни разу не делал этого ради спортивного интереса. Иногда я убивал, чтобы прокормиться. Иногда — чтобы спасти себе жизнь.

Я сделал несколько глотков из своего бокала.

— Я не испытываю судьбу, — продолжал я. — Я стрелял из лазерного оружия. Я просто сжигал этих тварей.

— Вижу, что вы не спортсмен, капитан.

— Вы правы. Меня можно назвать космическим охотником. А теперь я вышел на пенсию.

В течение всего разговора я не переставал гадать, к чему вела Сара. Я понимал, что она пригласила меня не ради компании. Я не вписывался в эту комнату, в этот шикарный дом; я был чужим среди людей, сидящих бок о бок со мной. Как бы то ни было, но они вполне подходили друг другу, и предположение о том, что они могут втравить меня в авантюру, не придавало энтузиазма.

Похоже, она читала мои мысли.

— Думаю, вам хотелось бы узнать, что происходит.

— Сударыня, — сказал я. — Не скрою, я размышлял об этом.

— Вам знакомо имя Лоуренс Арлен Найт?

— Да, я слышал о нем. Его еще зовут Странником. О нем ходило много толков. Это — старая история. Она произошла задолго до моего рождения.

— И что же вы слышали?

— Обычная нелепица. Космические сказки. Герои, подобные Найту, всегда были и есть, но авторы небылиц оказались в плену у его образа. Может быть, все дело в звучном имени. Как, например, Джон Ячменное Зерно или Ланселот.

— Но известно ли вам, что...

— Что он был охотником? Естественно. Все они где-нибудь охотятся.

— Однако он исчез.

— Попробуйте побродяжничать, — объяснил я, — и если вы будете соваться в чужие дела и в чужие земли, вам суждено исчезнуть. Рано или поздно вы столкнетесь с тем, что прикончит вас.

— А вы же...

— Я вовремя завязал. Но мне ничего не угрожало. Единственное, что мне было нужно, так это новые планеты. Ни Семь Городов Сиболы, ни таинственный Эльдорадо, ни Сады Эдема...

— Вы смеетесь над нами, — заявил монах Тэкк. — Мне не нравится это.

— Я и не намеревался смеяться, — сказал я Саре. — Космос наводнен сказками. Я упомянул только несколько. Они развеивают скуку, когда нечего делать. И, кроме того, должен заметить, что я не в восторге, когда поп-шарлатан с грязными ногтями делает мне замечания.

Я поставил стакан на стол и поднялся.

— Спасибо за угощенье. Возможно, в другой раз...

— Подождите минутку, — попросила Сара. — Пожалуйста, присядьте! Простите Тэкка. Вы имеете дело со мной, а не с ним. У меня есть для вас соблазнительное предложение.

— Я в отставке.

— Возможно, вы видели корабль недалеко от того места на поле, где вы приземлились.

— Да, я видел его и восхищен. Так он — ваш?

Сара кивнула.

— Капитан, мне нужен кто-нибудь, кто мог бы управлять этим кораблем. Что вы скажете на это?

— Но почему я? Есть ведь и другие...

Она покачала головой.

— На Земле? Сколько, вы думаете, настоящих астронавтов осталось на Земле?

— Полагаю, не так уж и много.

— Никого! — сказала она. — Или почти никого. По крайней мере, никого, кому бы я могла доверить корабль.

Я снова сел к столу.

— Давайте начистоту. Почему вы уверены, что можете доверить его мне? И вообще, что вы знаете обо мне? Откуда вам известно, что я прилетел?

Сара взглянула на меня, чуть прищурившись. Наверно, она так же щурилась, когда прицеливалась в зверя.

— Я доверяю вам, — сказала она, — потому, что вам некуда

деться. В космосе вы — изгой. Пока вы будете на корабле, вам гарантирована безопасность.

— Ну что же, достаточно откровенно, — признал я. — А как же мы выйдем в космос? Патруль...

— Капитан, поверьте, ничто не способно остановить мой корабль. И если кто-нибудь осмелится сделать это, нам все равно не смогут помешать. Нам предстоит долгий сложный путь. Никакие трудности не сравнятся с ним. И кроме того, можно так устроить, чтобы никто и не узнал, что вы отправились в космос.

— Это все очень интересно, — сказал я. — Не могли бы вы поведать мне, куда мы собираемся?

Она ответила:

— Я не знаю куда.

Это была неудачная уловка, конечно. Нельзя отправляться в путь, когда не известна цель. Если она не хотела говорить, так почему бы не сказать об этом прямо?

— Мистер Смит, — добавила Сара, — знает, куда мы направимся.

Я повернулся к Смиту, подобно глыбе развалившемуся в кресле, и мое внимание снова привлекли его незрячие белые глаза на рыхлом лице.

— Я слышу голос внутри себя, — объяснил Смит. — У меня есть связь кое с кем. Там, далеко, у меня есть друг.

Ничего себе! — подумал я. — Вот, оказывается, к чему все шло. Он, видите ли, слышит голос внутри себя!

— Спорим, что я догадался, — сказал я Саре, — мистера Смита к вам привел этот верующий джентльмен.

Неожиданно она разозлилась. Она побледнела, ее голубые глаза сузились и казались блестящими льдинками.

— Вы правы, — процедила она сквозь зубы. — Но это еще не все. Вы знаете, конечно, что Найта сопровождал робот?

Я кивнул:

— Знаю, его звали Роско.

— А вам известно, что это был робот-телепат?

— Таких не бывает, — сказал я.

— Нет, бывает. Или были. Я все проверила, капитан. У меня есть техническое описание этого робота. Я получила его задолго до того, как возник мистер Смит. А еще есть письма Найта к своим друзьям. Я единственная, быть может, обладаю достоверными материалами о Найте и предмете его поиска. Все это появилось у меня еще до возникновения этих двух джентльменов, и из источников, о которых у них даже не было представления.

— Но они могли случайно услышать...

— Я никому ничего не говорила. Это было — как бы выра-

зиться? — не более чем хобби. Или навязчивая идея. Я собирала информацию по крохам, то там, то здесь, и не предполагала, что из этого что-то выйдет... Такая захватывающая легенда!

— Вот именно. Всего лишь легенда. Пронесенная сквозь годы, абсолютная, пусть и непреднамеренная, ложь. Берется один незначительный фактик, обсасывается со всех сторон, связывается с другими, такими же незначительными, и так до тех пор, пока цепочка всех этих фактиков не станет такой запутанной, что в конце концов исчезнет всякая возможность узнать, где правда, а где вымысел.

— Но письма? И техническое описание робота?

— Просто очередные факты. Если только они достоверны.

— В этом не может быть сомнения. У меня есть доказательства.

— И что вы прочли в письмах?

— Я поняла, он искал что-то.

— Я же говорил вам, они все ищут — все до одного. Некоторые верят в реальность своих целей. Некоторые заставляют себя в нее верить. Так было в старину, то же самое происходит и в наши дни. Они тем самым искупают вину за постоянное бродяжничество. Им надо скрасить бесцельное существование придуманной целью. Они обожают космос и новые, неизведанные миры, открывающиеся за горизонтом. Никто вокруг не понимает, отчего они порхают там-сям, вот они и стряпают всякие небылицы и...

— Капитан, так вы не верите мне?

— Ни одному слову.

То, что два авантюриста предлагают ей охотиться вслепую, меня не касалось, но я не собирался составлять им компанию. Правда, когда я вспоминал корабль на поле, я испытывал сомнение. Но нет, это невозможно! Земля предоставляла убежище, а я в нем нуждался!

— Я не нравлюсь вам, — сказал монах Тэкк. — Да и вы мне не по душе. Но позвольте мне честно признаться, что я привел моего слепого друга к мисс Фостер, не думая о материальной выгоде. Я выше денег! Все, что я ищу, — это правду.

Я не ответил ему. Да и зачем? Я понимал, кто передо мной.

— Я слепой, — сказал Смит, обращаясь не к нам, не к себе самому, а к какому-то собеседнику, которого никто ни разу не видел. — Я никогда не был зрячим, и я могу судить о форме предметов только по подсказке рук. В моем воображении живут образы, я вижу их, но наверняка неправильно, потому что я не представляю себе, что такое цвет. Хотя мне говорили, что предметы бывают цветные. «Красное» что-то значит для вас, а для меня это бессмысленное понятие. Слепому человеку невозможно

описать цвет. Изучить предмет на ощупь — пожалуйста, но это не означает, что предмет действительно изучен. Я пью воду, но как она выглядит? Виски подают в стакане со льдом, но на что похоже виски? Лед — тот тяжелый и гладкий и дает ощущение, называемое холодом. Я знаю, лед — это вода, которая превратилась в кристаллы, и я понимаю, что он белый. Но что такое кристалл, что значит «белый»? Наш мир существует для меня только в виде пространства, в котором я двигаюсь, и, кроме того, передо мной раскрыты мысли людей. Но как я могу быть уверен, что я правильно толкую чужие мысли? Что я верно понимаю происходящее? Да, от этого мира мне досталось немного, но я обладаю совсем иным миром, — Смит постучал пальцами по макушке. — Иной мир, — сказал он, — здесь, в моей голове. И это не воображаемый мир, но мир, врученный мне другим существом. Я не знаю, где обитает это существо, хотя мне было дано понять, что очень далеко. Больше я не знаю ничего — только об огромном расстоянии, разделяющем нас, и в какой стороне расположен тот мир.

— Теперь все понятно, — сказал я, обращаясь к Саре. — Он будет служить компасом. Мы отправимся в указанном им направлении и будем двигаться, пока...

— Именно так, — ответила она. — И так же было с Роско.

— С роботом Найта?

— С роботом Найта. Об этом говорится в письмах. Найт сам немного обладал такими способностями — достаточно для того, чтобы ощутить существование далекого голоса. И для него был специально изготовлен робот.

— Заказной робот? Робот с телепатическим управлением?

Сара кивнула.

Это было невозможно осознать и абсолютно неправдоподобно. Такое видится только в бреду.

— Здесь кроется истина, — заявил Тэкк. — Истина, о которой можно лишь догадываться. Я готов рискнуть жизнью, но отправиться на поиски.

— Вы правы, — сказал я, — вам придется рисковать жизнью. И даже если вы отыщите истину...

— Если она действительно существует, — сказала Сара, — кто-нибудь когда-либо найдет ее. Почему не мы?

Я огляделся вокруг. На нас смотрели диковинные животные, фантастические свирепые существа с различных далеких планет. Некоторые из этих тварей встречались мне, а о других я знал только понаслышке, но были там звери, которых никто никогда не упоминал даже во время пьяных бесед между одинокими, измотанными космосом людьми, когда мы собирались вместе на планетах, названия которых были известны отнюдь не многим.

Все стены заняты чучелами. Для новых уже нет места, — подумал я. — И, кроме того, охота и погоня за трофеями, возможно, теряют прелесть и остроту. И не только для Сары Фостер, охотницы на крупного зверя, но и для окружающих ее людей, в глазах которых приключения на далеких планетах придавали ей некоторый престиж. И, разумеется, было бы вполне логично изменить объект охоты, принести домой непохожее на прежних чучело, пережить новое и более чудесное приключение.

— Никто, — сказала Сара, — никогда не узнает, что вы покинули Землю и находитесь в космосе. Вы сможете вернуться сюда когда-нибудь, а ваш двойник исчезнет. Он будет похож на вас, как две капли воды, но это будете не вы. Он будет жить на Земле вместо вас, а вы отправитесь в космос.

— И у вас достаточно денег, чтобы оплачивать подобное предприятие? — спросил я. — Чтобы купить молчание такого человека?

Сара пожала плечами.

— На свои деньги я могу купить все, что угодно. И, кроме того, если мы окажемся в космосе, не все ли равно, будет ли он здесь разоблачен?

— Отнюдь нет, — ответил я. — Я бы хотел и сам вернуться сюда с кораблем, если кораблю суждено возвратиться.

— Это можно будет устроить, — сказала Сара. — Я позабочусь обо всем.

— Может быть, — спросил я, — мой двойник погибнет в результате несчастного случая?

— Ни за что! Это не для нас. Существует много способов установить подлинную личность погибшего.

Мне показалось, Сара была огорчена невозможностью воспользоваться таким простым решением.

Затея претила мне. Мне не нравились эти люди и не нравился их план. Но вся история предоставляла мне небольшой шанс принять участие в судьбе прекрасного корабля Сары и вновь оказаться в космосе. Земля губит людей, — подумал я, — она выпивает из них все соки. Я не успел хорошо изучить Землю, а то немногое, что я видел, мне понравилось. Но моих симпатий хватит ненадолго, и очень скоро я начну ненавидеть здесь все. Любовь к космосу у меня в крови. Я теряю покой, когда подолгу не бываю там. Космос проникает в душу, становится частью тебя. Заполненное звездами пространство, безмолвие, ощущение того, что ты ни к чему не принадлежишь, что волен отправиться куда и когда тебе угодно... Но не только это. Существует что-то еще, чему пока не удалось подыскать название. Может быть, как это ни банально, ощущение истинности бытия.

— Подумайте об оплате, — сказала Сара, — потом удвойте цифру. Вы не встретите непонимания.

— Но как же так? — спросил я. — Неужели вы не жалеете денег?

— Конечно, жалею, — ответила Сара. — Но деньги научили меня, что надо платить за то, что имеешь. А мне нужны вы, капитан Росс. Вы никогда не пользовались проторенными космическими дорогами, размеченными и безопасными. Вы продвигались впереди других и искали новые планеты. Мы можем довериться вам.

В дверях показался робот.

— Стол накрыт, мисс Фостер.

Она с вызовом посмотрела на меня.

— Я подумаю о вашем предложении, — пообещал я.

3

И мне бы следовало получше подумать над ним, говорил я себе, разглядывая утопающую в лунном свете пустыню. Мне не надо было лететь.

Смит все еще ползал на четвереньках и скулил. Его белые незрячие глаза блестели, как глаза кошки, завидевшей добычу. Тэкк выпутался из своей смехотворной рясы и заковылял к ноющему Смиту. Что же все-таки, — подумал я, — связывает этих людей? Они, конечно, не гомосексуалисты, потому что ничего подобного я за ними не замечал в течение всего путешествия. Должно быть, они душевно очень близки друг другу. Естественно, Смит радуется, что кто-то заботится о нем, и, наверно, Тэкк рассматривает слепого и его способности как выгодное капиталовложение, но секрет их дружбы в ином. Возможно, двух этих ни к чему на свете не приспособленных людей объединяют похожие страдания, и они испытывают друг к другу сочувствие.

В пустыне было светло, как днем, и, глядя на небо, я понял, что свет шел не только от луны. Небесный свод был опален звездным огнем. Я никогда раньше не видел столько больших и ярких звезд. Они выглядели теперь иначе, чем когда лошадки-качалки вышвырнули нас в пустыню. Над нами были звезды, которые очутились так близко, что, казалось, можно было протянуть руки и собирать их, как яблоки с дерева.

Сара была уже на ногах, она так и не выпустила винтовку и теперь крепко держала ее наперевес.

— Я следила, чтобы она была дулом вверх, — сказала она.

— Да здравствует мисс Фостер! — воскликнул я.

— Главное правило, — объяснила она мне, — всегда держать оружие дулом вверх, чтобы оно не засорилось. Если бы я не проследила, в ствол бы забился песок.

Джордж продолжал ныть, но теперь сквозь завывания можно было различить слова. «Что случилось, Тэкк? — стонал он. — Где мы? Что случилось с моим другом? Он исчез. Я не слышу его больше».

— Ради Бога, Тэкк, — сказал я с отвращением, — поднимите Смита, стряхните с него грязь и вытрите ему нос! И объясните своему товарищу, что происходит!

— Я не могу ничего объяснить, — ответил Тэкк, — пока мне самому не растолкуют, что происходит.

— Я помогу вам сделать это, — пообещал я. — Мой друг, мы в плену. Нас обвели вокруг пальца.

— Они вернутся! — простонал Джордж. — Они придут за нами. Они не оставят нас здесь!

— Конечно, не оставят, — сказал Тэкк, ставя его на ноги. — Они возвратятся с восходом солнца.

— А есть ли солнце на небе сейчас, Тэкк?

— Нет, — ответил Тэкк. — Только луна. И множество звезд.

А я был в недоумении. Я был выброшен на незнакомый берег в компании с двумя простофилями и белокурой Дианой, которая заботилась лишь о том, чтобы удержать ружье в правильном положении.

Я огляделся вокруг. Мы упали на пологий склон дюны; по обе стороны к ночному небу вздымались песчаные холмы. На небе виднелись только луна и звезды, не было ни облачка. А на земле ничего, кроме песка, — ни деревца, ни кустика, ни травинки. В воздухе ощущался легкий холодок, но я понимал, что и он исчезнет с восходом солнца. Было очевидно, что нам предстоит провести длинный жаркий день без капли воды.

На песке были отчетливо видны места, где наши тела проборазделили его. Мы были брошены со стороны другой дюны, и мне пришло в голову, что точная информация о том, откуда нас выбросили, нам бы пригодилась. Я прошел назад и прикладом ружья провел на песке длинную линию и несколько неровных стрел, ведущих от нее.

Сара внимательно наблюдала за мной.

— Вы думаете, мы можем вернуться обратно? — спросила она.

— Я бы не рискнул утверждать это.

— Там была какая-то дверь, — продолжала она. — И лошадки вышвырнули нас в нее, а когда мы упали, здесь уже не было никакой двери.

— Они держали нас на крючке, — сказал я, — с той минуты,

как мы появились. Они не цацкались с нами с самого начала. У нас не было шансов.

— Но мы уже здесь, и нам стоит подумать о том, как выбраться отсюда.

— Если вы последите за двумя нашими шутами и позаботитесь о том, чтобы они не наделали бед, — предложил я, — я бы мог пойти на разведку.

Сара внимательно посмотрела на меня.

— Вы что-то задумали, капитан? Что-нибудь определенное?

Я покачал головой.

— Только взглянуть, что вокруг. Возможно, мне удастся наткнуться на воду. Сегодня нам понадобится много воды.

— Но если вы потеряетесь...

— Я буду ориентироваться по своим следам, — объяснил я. — Если только внезапно не поднимется ветер и не сотрет их. Но если что-нибудь случится, я выпущу вверх луч, а вы стрельнете один-два раза, и звук выстрела укажет мне путь обратно.

— А вы не думаете, что лошадки вернутся за нами?

— А вы?

— Мне кажется, нет, — ответила она. — Но в чем же их цель? Чего они добивались? Вряд ли их привлек наш груз.

— Зато они избавились от нас.

— Но они сами заманили нас к себе! Если бы не приводной луч...

— Вы забываете о корабле, — сказал я. — Возможно, им нужен был корабль. Видели, сколько у них кораблей на поле? Наверно, они сцапали многих.

— И всех выбросили сюда? Или на другие планеты?

— Я допускаю все, — ответил я. — Наша задача сейчас найти более подходящее место, чем это. У нас нет ни пищи, ни воды.

Я повесил ружье на плечо и начал карабкаться вверх по склону песчаного холма.

— Я могу как-нибудь помочь? — спросила Сара.

— Хорошо, если бы вы позаботились о том, чтобы те двое не затоптали линию, проведенную мной. Если подует ветер и песок заметет линию, попытайтесь оставить отметки.

— Вы возлагаете большие надежды на эту линию?

— Она, надеюсь, поможет выяснить, где мы находимся.

— Но может ничего не означать, — сказала Сара. — Мы, вероятно, оказались в ином временном измерении, и определять наше местонахождение бесполезно.

— Согласен, — заметил я. — Но пока у нас нет других шансов вырваться.

Я поднимался по дюне, и это оказалось нелегким делом.

Ноги глубоко вязли в песке, я все время скользил вниз. Я едва продвигался вперед. Когда я, наконец, почти добрался до гребня холма, я остановился на минутку отдохнуть и оглянулся. Все трое стояли у подножия дюны, наблюдая за мной. И меня охватило необъяснимое чувство: я ощутил, что люблю их — и вечно копошащегося дурачка Смита, и мошенника Тэкка, и Сару — черт ее возьми с ее непослушным локоном на лбу и дурацкой старомодной винтовкой! Несмотря ни на что, они — люди, и так или иначе мне надо вытянуть их отсюда. Потому что они надеются на меня. Для них я был человеком, «исколесившим» космос и пережившим различные приключения и неприятности. Я фактически возглавлял экспедицию и действовал грубо и сурово. Но я был капитаном, а когда встает вопрос жизни и смерти, именно от капитана экипаж ждет спасения. Проклятые идиоты, бедные доверчивые простаки — они и не предполагают, что я и сам не могу разобраться в происходящем, что у меня нет ни планов, ни надежд и что я обеспокоен, растерян, потрясен так же, как и они. Но нельзя было допустить, чтобы они поняли это. Я должен играть роль человека, который может в любой момент при помощи хитроумных фокусов сохранить всех целыми и невредимыми.

Я поднял руку и помахал им, и как я ни старался сделать это весело и беспечно, у меня не получилось. Потом я вскарабкался на самую вершину дюны и увидел, что передо мной простиралась пустыня. В любой стороне, куда бы я ни посмотрел, открывалась одна и та же картина — песчаные волны, дюны, похожие друг на друга, везде одно и то же и ни намека на дерево, а, значит, и на воду, абсолютно ничего, кроме песчаной россыпи.

Увязая в песке, я спустился по склону дюны, взобрался на другую, с нее пустыня выглядела такой же. Я могу идти и идти, понял я, перебираться с дюны на дюну, и не встречу ничего нового. Вся проклятая планета, возможно, состоит из пустыни, и здесь не найти оазисов. Лошади-качалки знали, что делали, когда выбросили нас сюда через дверь, или ворота, или Бог знает что еще. Если они хотели избавиться от нас, они не могли придумать ничего лучшего.

Лошадки (или тот мир, к которому они принадлежали) не тратили усилий даром. Они заманили нас приводным лучом, вынудили оставить корабль, опечатали его, а потом, не дав нам ни подумать, ни воспротивиться, вытолкнули в этот мир. Выпихнули людей под зад коленом, — подумал я, — и проделали это не в первый раз.

Я вскарабкался на другую дюну. Все же есть шанс, — твердил я себе, — что где-нибудь между дюнами найдется что-нибудь заслуживающее интереса. Например, вода — это нам нужнее всего. Или

дорога, которая могла бы вывести нас к более приятным краям или к местным жителям, способным помочь нам. Хотя сложно представить себе, чтобы кто-нибудь мог жить в стране, подобной этой.

Честно говоря, я ни на что не надеялся. Среди песчаных волн пустыни ничто не поддерживало надежду. Но когда я почти достиг вершины дюны и увидел пространство за ней — я заметил что-то на гребне соседнего холма.

Какая-то штуковина, похожая на птичью клетку, наполовину утонула в песке, ее металлические прутья поблескивали в свете луны и звезд и походили на скелет доисторического животного, которое было загнано на дюну и корчилось от страха, пока смерть не прервала его мучений.

Я сдернул ружье с плеча и приготовил его к бою. Песок подо мной заскрипел и протащил меня вниз по дюне. Больше я уже ничего не видел из-за гребня холма. Тогда я развернулся влево и вновь начал подъем, пригнув голову. За двадцать футов до вершины дюны я лег на песок и, распластавшись, пополз вверх. Когда мои глаза оказались над гребнем, и я снова увидел клетку, я замер, уткнувшись носками в песок, чтобы не скользить вниз.

Я увидел, что песок под клеткой был взрыхлен и песчинки тонкими струйками все еще неслись по склону. Должно быть, подумал я, — клетка приземлилась не так давно, — следы на песке еще совсем свежие, они даже не приняли окончательную форму.

Приземлилась — не совсем подходящее слово для клетки, но все же я считал, что она именно приземлилась, потому что вряд ли кто-то просто положил ее туда. Конечно же, это корабль какой-то незнакомой мне марки, с необшитым каркасом. А если, как я предполагал, это был действительно корабль, то в нем наверняка находилось нечто одушевленное, и это живое существо либо погибло внутри корабля, либо находилось поблизости.

Я внимательно обшарил взглядом дюну и далеко справа заметил глубокую борозду, похожую на санный след, исчезающую в тени между двумя дюнами. Я напряг зрение и попытался различить что-нибудь в темноте, но так ничего и не разглядел. Мне надо было приблизиться к санному следу.

Пятясь, словно паук, я начал спускаться с дюны и все время стремился держаться правее. Я двигался очень осторожно, стараясь, чтобы песок скользил и падал по склону дюны бесшумно. Наверно, там, по другую сторону холма, притаилось что-то и прислушивается к малейшему шуму.

Когда я поднял голову, я был еще далеко от санного следа, но все же немного поближе, чем раньше. Мне удалось услышать, что из

ложбины между дюнами доносился монотонный скрежет. Я прищурился и, как мне показалось, заметил, что во впадине кто-то шевелится. Но я мог и ошибиться. Монотонный скрежет прекратился, затем зазвучал вновь, и опять мне почудилось еле уловимое движение. Я направил ружье вперед, с тем чтобы в любой момент прицелиться в сторону ложбины.

Я ждал.

Звук исчез, возник опять, что-то там, внизу, шевельнулось (теперь я был в этом уверен) и простонало. Потом все замолкло.

Ожидание становилось бессмысленным.

— Эй, там, внизу, привет! — позвал я.

Ответа не последовало.

— Привет! — крикнул я еще раз.

Возможно, — подумалось мне, — я имею дело с представителем мира, настолько удаленного от привычного мне сектора галактики, что межкосмический язык неизвестен ему, и у нас не будет возможности понять друг друга.

Но в ответ раздался прерывающийся свистящий голос. Сначала я воспринял его просто как шум, но, прислушавшись, я понял, что это было слово, скорее, один просвистанный вопрос.

— Друг? — вопрошало слово.

— Друг! — ответил я.

— Испытываю необходимость в друзьях! — заявил свистящий голос. — Просьба приблизиться без опасений: не имею оружия.

— А я имею, — заявил я устрашающе.

— Нет нужды, — донесся голос из тени. — Слаб и беспомощен.

— Этот корабль там, наверху — твой?

— Корабль?

— Я имею в виду средство передвижения. Оно твое?

— Именно так, друг. Пришло в негодность и стало неуправляемым.

— Я спускаюсь, — предупредил я. — Ты под прицелом. Учти, одно движение — и...

— Иди сюда, — просвистело существо. — Буду лежать как мертвый.

Я встал во весь рост и быстро пересек вершину дюны. Пригнувшись, я стал спускаться по склону. Я пытался вести себя так, чтобы в меня было нелегко выстрелить. Дуло моего ружья было направлено в ту затененную точку, откуда шел скрипучий голос.

Я соскользнул в ложбину и скрючился там, стараясь разглядеть все вокруг. И наконец я увидел его — темное неподвижное пятно.

— Эй! — позвал я. — Теперь приблизься.

Пятно вздулось, потом приняло прежнюю форму и вновь замерло.

— Подойди! — ответило пятно. — Я не могу.

— Хорошо. Лежи спокойно. Не вздумай шевелиться.

Я побежал вперед и остановился. Пятно не двигалось. Оно даже не дрогнуло.

Я придвинулся еще немного, не спуская с него глаз. Теперь я мог лучше разглядеть существо, распластавшееся передо мной. Из его головы — если только это была голова — во все стороны торчали щупальца, безжизненно лежавшие на земле. Голова переходила в суживающееся книзу туловище. Я заметил, что у него были короткие ноги без ступней. Рук не было. Вероятно, с такими щупальцами уже нет нужды в руках. На нем не было ни одежды, ни снаряжения. В щупальцах я не увидел никакого оружия или инструмента.

— Что у тебя стряслось? — спросил я. — Чем я могу помочь?

Щупальца поднялись, извиваясь подобно клубку змей. Изо рта, окруженного щупальцами, раздался сиплый голос:

— Ноги слишком коротки. Не могу передвигаться на них. Только взрыхляю песок под собой и тону в нем.

Двое щупалец с глазами на кончиках были направлены в мою сторону. Существо оглядывало меня с ног до головы.

— Я могу поднять тебя.

— Не принесет пользы. Песок вновь затянет.

Щупальца, на которых были глаза, двигались вверх и вниз, как бы примериваясь ко мне.

— Новый друг большого роста, — проквакало существо. — Но есть ли в нем сила?

— Чтобы перенести тебя?

— Только на твердую поверхность.

— Я не знаю, где найти такую.

— Ты не знаешь... Так друг не местный?

— Нет, — ответил я. — Я надеялся, что, может быть, ты...

— Как ты мог подумать? Представитель моего рода счел бы для себя унизительным даже справить нужду на подобной планете.

Я сел на корточки и пригнулся к нему.

— А твой корабль? — спросил я. — Если бы я смог отнести тебя туда...

— Это не поможет. Там ничего нет.

— Но ведь что-то должно остаться. Пища или вода...

А я был особенно заинтересован в воде.

— Мне ничего не требуется. Путешествую в своем втором образе и не испытываю ни голода, ни жажды. Защита в открытом космосе и немного тепла — вот все, в чем я нуждаюсь.

Господи Боже мой, подумал я, что происходит? Он находится в своем втором образе. И, хотя я не знал, что это означает, я все же не решался уточнить. Я догадывался, что может последовать за расспросами. Сначала удивление, или ужас, или любопытство при мысли о существе настолько беспомощном и неосведомленном, что оно само не осознает себя. Потом — неуверенная попытка объяснить суть явления, за которой последуют пространные рассуждения о преимуществах самосознания, и затем — чувство жалости к тем, у кого оно отсутствует. А может быть, об этом вообще нельзя говорить, и даже намек на недоумение оскорбит странное создание.

И его боязнь холода. Кажется, тепло играет в его жизни немалую роль.

А на самом деле все шло нормально. Тот, кто путешествует в космосе, часто сталкивается с непонятными существами, но если обычно их можно обойти стороной или перехитрить, то в этот раз я не мог сделать ни того, ни другого.

Мне надо было каким-нибудь образом вызволить попавшее в беду живое создание — пусть я даже не имел ни малейшего представления о том, как это сделать. Я мог бы поднять его и перенести туда, где остались мои спутники, но это не изменит его положения. Однако просто так повернуться и уйти, оставив его одного, было тоже невозможно. Существо, по крайней мере, стоило того, чтобы кто-то позаботился о нем и дал ему понять, что его жизнь что-нибудь да значит.

Когда я увидел его корабль и понял, что он потерпел крушение не так давно, во мне зародилась надежда: вдруг на борту окажется пища или вода, или другие полезные для нас предметы. Но теперь я знал, что мои надежды не оправданы. Я был не в силах помочь незнакомцу, а он был бесполезен для нас и мог оказаться еще одной ношей, дополнительной головной болью.

— Не знаю, что и предложить тебе, — сказал я. — Нас всего четверо, со мной трое моих товарищей. У нас нет ни воды, ни пищи — абсолютно ничего.

— Как сюда попали? — спросило существо.

Я попытался объяснить, но, подбирая слова, почувствовал, что зря теряю время. В конце концов, не так уж и важно, как мы оказались на этой планете! Но он, тем не менее, понял меня.

— Ах, вот как, — заметил он.

— Итак, ты сам видишь, что мы немногим способны помочь тебе.

— Взялся бы перенести меня туда, где разбили лагерь?

— Да, пожалуй.

— Не имеешь ничего против?

— Нет, конечно, если тебя это устраивает.

Естественно, я был против. Семь потов сойдет, пока дотащишь его через дюны до цели. Но я не представлял себе, что возможно, оценив серьезность ситуации, послать все к черту и бросить потерпевшего.

— Более чем устраивает, — ответил он. — В компании лучше, одиночество вредно. Кроме того, вместе — легче. Никогда не угадаешь, как сложится дело.

— Между прочим, меня зовут Майк, — представился я. — Я с планеты, которая называется Земля. Она расположена в направлении созвездия Карина Сигнус.

— Майк, — проговорил он, приноравливаясь к непривычным звукам. Он просвистел это слово так, что его можно было принять за все, что угодно, но только не за мое имя. — Нравится. Доступно для голосовых связок. Твоя планета — загадка. Ориентиры ничего мне не говорят. Если опишу, где находится моя планета, ты тоже не поймешь. А мое имя? Сложная основа — описание структуры моего организма. Понятно только моему народу. Пожалуйста, выбери для меня имя по вкусу. Короткое и простое, прошу.

Конечно, было смешно вообще затевать разговор об именах. Как это ни забавно, но я даже не собирался представляться. Мое имя вырвалось у меня само собой, почти инстинктивно. Назвав себя, я удивился этому. Но теперь, когда знакомство состоялось, я почувствовал себя спокойней. Отныне мы уже не чужаки, повстречавшиеся на узкой тропе. Казалось, мы больше сблизились.

— Что, если я буду звать тебя Свистуном? — спросил я, но тут же прикусил язык. Я предложил не самое подходящее имя, и он имеет право отвергнуть его. Но это было не так. Он пошевелил похожими на змей щупальцами и несколько раз повторил имя.

— Отлично! — сказал он в конце концов. — Подходяще! — и добавил: — Привет, Майк!

— Привет, Свистун!

Я повесил ружье на плечо, зарылся ступнями в песок и наклонился, чтобы обхватить Свистуна обеими руками. Мне удалось поднять его на другое плечо. Он оказался тяжелее, чем я ожидал, а его туловище было таким круглым, что удержать его было очень трудно. Но все же я приноровился и начал подниматься вверх по дюне.

Я даже и не пытался идти вверх напрямик, но двигался к вершине холма под углом. Песок рассыпался под моими ногами, засасывая их по щиколотку; мне приходилось бороться за каждый дюйм — и поэтому подъем оказался труднее, чем я предполагал.

Наконец я достиг гребня дюны и позволил себе расслабиться; осторожно опустил Свистуна на землю и упал на песок, тяжело дыша.

— Слишком много хлопот из-за меня, — сказал Свистун. — Потратил на меня столько сил!

— Мне надо чуть-чуть передохнуть, — объяснил я. — Нам уже не далеко.

Я перевернулся и уставился в небо. Звезды, мерцая, смотрели вниз. Прямо над моей головой сиял голубой гигант, похожий на драгоценный камень, а рядом тускло, как красный уголек, поблескивало еще одно светило, наверно, супергигант. А вокруг сверкали миллионы других звезд, словно волей художника разбросанных по небу.

— Где мы, Свистун? — спросил я. — В каком месте галактики?

— Сферическое созвездие, — ответил он. — Я думал, знаешь.

Это было похоже на правду. Планета, на которую мы приземлились, куда нас привел идиот Смит, находилась выше уровня галактической плотности, далеко от ее центра — в области сферического созвездия.

— Твоя родина где-то здесь?

— Нет, далеко, — ответил Свистун. И он проговорил это так, что у меня пропала охота продолжать расспросы. Если ему не хотелось говорить, откуда он родом, то я не настаивал. Может быть, он в бегах, или эмигрант, или изгнан. Все было возможно. Космос полон бродяг, которым нельзя возвратиться домой.

Я лежал, глядя на звезды, и пытался представить себе, где мы находимся. Сферическое созвездие, как сказал Свистун. В галактике таких много, и это могло быть любым из них. Расстояние не играет роли, когда приходится перемещаться из одного места в другое.

И вообще, какая разница, где мы? Если мы не обнаружим воду, мы не продержимся долго. Без пищи нам тоже придется туго, но все же найти воду куда важнее. Тем не менее, я не был особенно удручен. Возможно, объяснял я себе, я так часто попадал в передряги в незнакомых местах и каким-то чудом выбирался из них, что уверовал в собственную неуязвимость. Или во мне созрело ощущение, что удача наконец отвернулась от меня, что мне пора уже было сдаться смерти, которую я столько раз обманывал, — ощущение, что в какой-то момент кто-нибудь покончит со мной самым заурядным способом. И, осознав это, я решил, что беспокоиться не о чем, раз этому моменту суждено так или иначе прийти, и преждевременное волнение не поможет.

Я старался представить себе, как это произойдет, когда кто-то легко тронул меня за плечо. Я оглянулся и понял, что это Свистун дотронулся до меня одним из своих щупалец.

— Майк, — просвистел он. — Посмотри. Мы не одни.

Я резко повернулся, схватив ружье.

Над той самой дюной, на которую упал корабль Свистуна, висело колесо. Это было большое блестящее колесо с зеленой точкой в центре, ярко сверкающей в лунном свете. Я не мог видеть весь круг, а только одну гигантскую дугу, светящуюся над дюной на высоте ста футов. Обод колеса достигал десяти или более футов, блестел, как шлифованная сталь, и был соединен с зеленым блестящим пятном в центре сотней серебрящихся спиц.

Колесо не двигалось. Оно парило в воздухе над дюной. Освещенный луной остов корабля Свистуна казался раздавленной игрушкой по сравнению с исполинским колесом.

— Живое? — спросил Свистун.

— Возможно, — ответил я.

— Тогда лучше приготовиться к бою...

— Мы будем спокойно ждать, — выпалил я. — И не поднимем на него руки.

Я был уверен: оно наблюдает за нами. Что бы оно из себя ни представляло, оно, скорее всего, пытается исследовать остатки корабля Свистуна. Ничто не говорило о том, что колесо живое. Но казалось, в зеленом пятне скрывается жизнь. Возможно, колесо покружит и улетит. Но если даже этого не случится, мы были не в том положении, чтобы лупить по всякому двигающемуся предмету.

— Лучше-ка спрячься внизу, — сказал я Свистуну. — Если нам придется бежать, я подниму тебя.

Он пошевелил щупальцами, выражая несогласие.

— Есть оружие, можно бы воспользоваться.

— Ты сказал, что безоружен.

— Враки, — весело просвистел он.

— Ты мог напасть на меня, — рассерженно сказал я, — в любой момент.

— Нет, — ответил он. — Пришел как друг. Если бы я сказал правду, ты бы не подошел.

Я решил пропустить это мимо ушей. Он был хитрый, дьявол, но на моей стороне, и я был рад этому.

Кто-то позвал меня, и я резко повернул голову. На вершине соседней дюны стояла Сара, а слева от нее я увидел две торчащие над гребнем головы. Она стояла с винтовкой наперевес, и я замер от страха, когда подумал, что она может разрядить ее в небо.

— Все нормально, капитан? — спросила она.

— Я в порядке.

— Вам помочь?

— Да, — ответил я. — Захватите моего дружка с собой в лагерь.

Я назвал место, где оставил их, лагерем, потому что, как ни старался, не мог придумать ничего лучшего.

Я посмотрел на Свистуна и проворчал сквозь зубы: «Хватит молоть языком и скатывайся вниз».

Я вновь обратил внимание на колесо. Оно находилось на прежнем месте. Не отпускало чувство, что оно смотрит на меня. Я пригнулся и напряг ноги, чтобы в случае необходимости сразу рвануть вперед.

Я слышал, как Свистун скользит вниз по склону дюны. Через мгновение меня окликнула Сара.

— Что это такое? Где вы нашли это?

Она стояла над Свистуном, уставясь на него.

— Тэкк, — воскликнул я, — спустись и помоги мисс Фостер. Скажи Смиту, чтобы он оставался на месте.

Я боялся, что этот слепой идиот пойдет за Тэкком и испортит все дело.

— Но, капитан... — начала Сара жалобным и все же строгим голосом.

— Он заблудился так же, как и мы, — объяснил я. — Он нездешний и попал в беду. Просто отнесите его в лагерь.

Я опять взглянул на колесо. Оно наконец начало двигаться. Колесо медленно вращалось, почти завораживающе, и поднималось все выше и выше над дюной.

— Убирайтесь отсюда, — крикнул я Саре и Тэкку, не оборачиваясь.

Колесо остановилось. Теперь оно было над гребнем, и дюна не мешала рассмотреть его. Оно маячило высоко в небе.

Самое удивительное, что странный предмет действительно оказался колесом. Его обод, шириной десять футов и толщиной не более чем фут, был сделан из необычайно блестящего материала. Несмотря на громадные размеры, колесо казалось изящным. Пока оно медленно крутилось над дюной, к ободу поднимался песок, а потом высыпáлся из него. Зеленое пятно плавало посреди колеса. Именно плавало — потому что тонкие спицы, невзирая на их многочисленность, не могли удержать его в центре. И вдруг я увидел, что между спицами были протянуты еще более тонкие провода (если это были провода), они заполняли все пространство между центром колеса и его ободом паутиной. Однако, зеленое пятно ничуть не походило на паука. Это была просто какая-то сфера, висящая в центре.

Я поднялся на ноги, оглянулся и никого не увидел. Склон дюны был покрыт глубокими следами в том месте, где мы взбирались.

Я встал, соскользнул со склона и поднялся на соседний песчаный холм. На его вершине я остановился и посмотрел назад. Колесо все еще было на прежнем месте. Я спустился и возобновил подъем вверх по дюне, за которой я оставил своих спутников.

Они все уже собрались там, а колесо, заметил я, так и не двигалось. Может быть, этим все и кончится, понадеялся я. Наверное, колесо появилось, чтобы посмотреть на нас, и теперь, удовлетворившись увиденным, может заняться своими делами.

Я спускался к лагерю, а навстречу мне с торжественным видом поднималась Сара.

— У нас есть шанс, — сказала она.

— Шанс выбраться отсюда?

— Вы рассказали этому свистуну, что случилось, а он, кажется, может чем-то помочь.

Я удивился.

— Я даже не был уверен, что он понимает меня.

— Он не все понял, и у него есть вопросы. Сейчас они обсуждают это.

— Они?

— Ему помогают Тэкк и Джордж. Джордж очень полезен в таких случаях. Он, кажется, умеет найти общий язык со всеми.

— Еще бы не уметь!

— Жаль, что вы продолжаете недолюбливать Джорджа.

Не время выяснять с ней отношения, подумал я и пошел взглянуть на них.

Три моих спутника сидели в ряд на корточках, вернее, двое из них, а что касается Свистуна, то он лежал, зарывшись ногами в песок. Тэкк напряженно смотрел вперед, а вялое лицо Смита казалось возбужденным. Все щупальца Свистуна были вытянуты вперед, и кончики их дрожали. Я посмотрел туда, куда уставился Тэкк, но ничего не увидел, кроме склона дюны, вздымающейся к небу.

Я тихо стоял позади них. Подошла Сара и встала рядом. Мы замерли. Я ничего не понимал, но что бы ни происходило, мне не хотелось вмешиваться. Если они думают, что есть шанс смыться, я был только за.

Неожиданно щупальца Свистуна стали вялыми и безжизненно повисли. Тэкк и Смит упали ничком на землю. Похоже было, что у них что-то не получалось.

— Недостает силы, — сказал Свистун. — Может быть, если все...

— Все? — спросил я. — Боюсь, я вам здесь не помощник. Для чего столько стараний?

— Вспоминаем дверь, — ответил Свистун, — чтобы открыть ее.

— Она все еще рядом с нами, — добавил Смит. — Я ощущаю ее.

— Мы можем попробовать, — сказала Сара. — Больше ничего мы все равно не в силах сделать.

Она присела на корточки рядом со Свистуном.

— Что делать? — спросил я.

— Попробуйте представить себе дверь, — сказал Тэкк.

— Открой ее, — сказал Свистун.

— Открыть как?

— При помощи воображения, — продолжал Тэкк. — Иногда, капитан, громкий голос и крепкие мускулы оказываются бессильны.

— Монах Тэкк, — строго сказала Сара, — ваши слова неуместны.

— Это все, чем он примечателен, — заявил Тэкк. — Он только и делал, что орал на нас да погонял.

— Брат, — сказал я, — если вы так считаете, то, когда мы выберемся отсюда...

— Успокойтесь оба! — велела Сара. — Капитан, пожалуйста...

Она разгладила песок рядом с собой, и я покорно сел на корточки бок о бок с остальными. Я ощущал себя кретином. За свою жизнь я не видел столь откровенной глупости. Да, конечно, есть космические народы, которые могут творить чудеса при помощи умственной энергии, но люди не отличаются таким умением. Хотя, подумал я, стоит связаться с чудаками вроде Тэкка и Смита, и всякое может случиться.

— Теперь прошу, — сказал Свистун, — все вместе распахнем дверь.

Свистун так стремительно вытянул щупальца вперед, что казалось, он выстрелил ими. Щупальца выпрямились, их кончики дрожали.

Господь свидетель, я старался сосредоточиться, я старался увидеть дверь со светящимся ореолом вокруг, и когда я ее увидел, я сделал попытку открыть ее. Но на ней не было ничего, за что удалось бы схватиться, и поэтому ее вряд ли вообще было возможно открыть. Но я все равно снова и снова пытался открыть. Я даже чувствовал, как мои руки стараются ухватиться за гладкую скользкую поверхность, но в конце концов сползают с нее.

У нас никогда ничего не получится, подумал я. Казалось, что дверь немного приоткрылась и полоска света вокруг нее стала шире. Но дело продвигалось слишком медленно, мы бы не смогли распахнуть ее настолько широко, чтобы пройти.

Я почувствовал страшную усталость — не только физическую, но и умственную. Я понимал, что другие чувствуют себя не лучше. Мы, конечно, будем пытаться еще и еще, лезть из кожи вон, но с каждым разом будем слабее и слабее, и если только мы не сможем добиться ничего с первых попыток, мы выдохнемся.

Итак, я прикладывал все силы, и мне показалось, что я ухватился за дверь, тогда я потянул за нее что было мочи и чувствовал, как все остальные тоже тянут. И дверь начала открываться, поворачиваясь в нашу сторону на невидимых петлях. И вот она уже

открылась настолько, что в щель — если дверь существовала в действительности — можно было просунуть руку. Но даже когда, обливаясь потом, я мысленно открывал ее, я знал, что на самом деле никакой двери нет, и человек никогда не сможет прикоснуться к ней.

И в конце концов, лишь только дверь приоткрылась, произошла осечка. Попытка провалилась. И дверь исчезла. Перед нами не было ничего, кроме дюны, поднимавшейся до неба.

За спиной что-то щелкнуло, я подпрыгнул и резко повернулся. Колесо висело высоко над нами и, скрежеща, понемногу теряло скорость. А по серебряной паутине, натянутой между ободом и центром колеса, из зеленого сгустка опускалось, сползало на нас нечто, похожее на каплю. Форма капли и особенно способ стекания по паутине, напоминали паука. Но это был не паук. Паук показался бы красавцем по сравнению с тем уродом, который спускался по паутине. Вниз сползало трясущееся, безобразное существо, похожее на омерзительного слизняка. У него было с дюжину рук и ног, и на одном конце непонятной капли я разглядел то, что можно было назвать лицом. Нет слов, чтобы описать чувство ужаса, ощущение гадливости, которые вызывало это лицо. Меня охватило единственное острое желание — держаться подальше от этого чудовища, я боялся, что оно приблизится и коснется меня.

Слизняк с нарастающим шумом спускался по паутине. Хотя у него и было лицо, но на нем не было рта, и кричать ему было нечем. Тем не менее урод издавал шум, от которого у нас звенело в ушах. В этом шуме слышался и скрежет зубов, размалывающих кости, и чавканье шакала, жадно раздирающего гниющий труп, и озлобленное рычание. Все эти звуки раздавались одновременно, а не поочередно, или, может, одновременно напоминали и то, и другое, и третье: я думаю, если бы мы слушали дольше, наверняка бы расслышали и новые ноты.

Жуткий монстр достиг обода колеса, спрыгнул на дюну и замер над нами, широко расставив ноги. Отвратительная слизь текла с его тела на песок, и там, куда падали капли слизи, песок скатывался в маленькие мокрые шарики.

Он стоял, уставясь на нас, издавая звуки, которые заполняли всю пустыню от земли до неба.

И за страшным шумом, как будто закодированное в самих звуках, звучало одно-единственное слово. И в жуткой какофонии я, казалось, смог почувствовать — именно почувствовать, а не услышать — это самое слово.

— Убирайтесь! — кричало нам существо. — Убирайтесь! Убирайтесь! Убирайтесь!

Откуда-то из лунной ночи, из страны вздымающихся дюн, на нас налетел ветер, или другая сила, подобная ветру, которая закру-

тила нас и отбросила назад. Хотя, если хорошенько подумать, ничего общего с ветром не было, ведь ни одна песчинка не шелохнулась, и мы не слышали гула ветра. Но нас как будто ударили со всего размаху, толкнули и опрокинули, отшвырнули назад.

Мерзкая тварь все еще стояла на дюне и неистовствовала, а я, отшатнувшись под напором ветра, вдруг сообразил, что у меня под ногами уже не песок, а что-то вроде мостовой.

А потом, неожиданно, из виду исчезла и дюна, а вместо нее перед нами была стена. Все произошло так, словно невидимая дверь распахнулась прямо перед нами. И в то же мгновение приступ ярости уродливого существа закончился, и воцарилась тишина.

Но недолгое молчание было прервано возгласом Смита, который начал кричать как сумасшедший: «Он снова вернулся! Мой друг с нами опять! Он вновь в моем мозгу! Он вернулся...»

— Заткнись! — заорал я. — Кончай нытье!

Он утихомирился, но все же продолжал негромко бормотать, сидя с вытянутыми вперед ногами. На его лице появилось знакомое выражение безумного восторга.

Я быстро огляделся и обнаружил, что мы находимся в том месте, откуда начали свое путешествие, в той же комнате с картинами, и на каждой картине изображены непохожие друг на друга миры.

Мы вернулись живыми и здоровыми, подумал я с чувством облегчения, но в том нет нашей заслуги. Возможно, если бы у нас было время, мы в конце концов распахнули бы эту дверь сами. Однако это было сделано за нас. Появился монстр из песчаного мира и вышвырнул нас из своей страны.

Ночь, опустившаяся на город, уже сменилась днем. За просторным дверным проемом светило солнце, и на фоне желтого света я увидел возвышающиеся городские кварталы.

Я не приметил ни лошадей-качалок, ни того гномообразного существа, по воле которого мы оказались в пустыне.

Я отряхнул одежду и снял с плеча ружье. Мне нужно было кое с кем свести счеты.

4

Мы обнаружили их в большом зале, этажом ниже комнаты, ведущей в другие миры. Похоже, это был склад.

Маленький гном раскидал наши вещи по полу и теперь просматривал их. Несколько тюков уже прошли через его руки. Он изучал очередной мешок, а оставшаяся часть груза была аккуратно сложена в стороне и ожидала своей очереди.

Лошадки собрались в полукруг и наблюдали за происходящим.

Они спокойно покачивались, и хотя их морды ничего не выражали, мне показалось все же, что я заметил на них удовлетворенные ухмылки. Они явно были довольны собой.

Все в комнате были настолько поглощены своим занятием, что никто не обратил на нас внимания, пока мы не вошли внутрь и не приблизились к ним. Увидев нас, лошадки откатились назад, а гном начал медленно распрямляться. Наверно, пока он стоял, склонившись над нашими вещами, у него затекла спина. Все еще полусогнувшись, он уставился на нас сквозь взлохмаченный чуб, падающий ему на глаза. Он был похож на скотч-терьера.

Мы остановились и встали плечом к плечу. Мы не проронили ни слова. Мы выжидали.

Гном наконец-то выпрямился, сантиметр за сантиметром, очень осторожно и медленно. Лошадки стояли неподвижно, откатившись назад, насколько это было возможно.

Гном всплеснул неуклюжими ручонками.

— Мы собирались, господин, пойти за вами.

Я указал ружьем на наш груз, разбросанный на полу. Гном посмотрел на нас и покачал головой.

— Формальность чистой воды, — заявил он. — Таможенная проверка.

— Чтобы вытянуть пошлину? — поинтересовался я. — И, наверно, высокую?

— Ни в коем случае, — сказал он. — Просто некоторые предметы запрещены к ввозу на нашу планету. Однако, если вы не против, речь может идти о чаевых. У нас почти не бывает возможности отобрать что-нибудь стоящее. Ведь мы оказываем нужные услуги. Я имею в виду укрытие в случае опасности и...

Я осмотрел склад. Он был весь заполнен коробками, корзинами, какой-то другой неизвестной мне тарой. Меня окружали различные предметы, аккуратно сложенные в груды.

— Кажется, — заметил я, — ваши дела идут не так плохо. У вас и в мыслях не было возвратить нас. Будь ваша воля, мы бы остались в пустыне навсегда.

— Клянусь, — сказал он, — мы вот-вот хотели открыть дверь. Но слишком увлеклись вашим замечательным багажом и потеряли счет времени.

— Почему вы, ответьте прежде всего, выбросили нас туда? — спросила Сара. — В эту пустыню?

— Почему? Чтобы защитить вас от смертоносной вибрации, — объяснил гном. — Мы и сами прячемся в укрытии. Каждый раз, когда приземляется корабль, происходят эти колебания. Обычно они случаются по ночам в предрассветные часы, на следующий день после приземления корабля.

— Землетрясение? — спросил я. — Планета трясется?

— Не планета, — ответил гном. — Происходит сотрясание чувств. Мозг свертывается, а плоть разрывается. Не остается ничего живого. Именно поэтому мы поместили вас в другой мир — чтобы спасти ваши жизни.

Он лгал. Я был уверен в этом. Или, по крайней мере, он обманывал, говоря, что они намеревались привести нас из пустыни обратно. Он был провокатором, больше никем. Он добился всего, чего хотел, и ему не было смысла спасать нас, возвращая из того мира, куда он сам нас вышвырнул.

— Послушай, приятель, — сказал я. — Я не верю ни одному твоему слову. С какой это стати приземление корабля должно вызывать вибрацию, о которой ты рассказал?

Он потер скрюченным пальчиком бесформенный нос.

— Этот мир закрыт для всех, — объяснил он. — Тут никого не ждут. Когда все-таки гости наведываются, требуется убедиться, что все они погибли, не успев покинуть город. А если им удается ускользнуть, корабль опечатывается, чтобы они не смогли воспользоваться им вновь и разнести по вселенной информацию об этой планете.

— И все же, — сказал я, — существует мощный направленный луч, или приводной луч, распространяемый на огромные расстояния в космосе. Луч-приманка. Вы заманили нас сюда, потом избавились от нас, бросив в пустыню, а потом вы забрали все, что мы взяли с собой с корабля. Вы получили все, кроме корабля, и, возможно, вы заняты тем, что пытаетесь овладеть и кораблем — и нашим, и другими, опечатанными на взлетном поле. Не удивительно, что лошади настаивали на том, чтобы мы ничего не оставляли. Они знали, что произойдет с кораблем. Очевидно, вы еще не изобрели способ распечатывания.

Он кивнул.

— Таковы порядки на закрытых планетах, сэр. Возможно, секрет можно разгадать, но пока это не удалось.

Я попал в точку. Он понял это и больше не пытался отпираться. Он признался во всем или почти во всем и надеялся спасти свое положение, подкупая нас честностью и откровенностью. Отчего, подумал я, многие человекообразные, где бы я их ни встречал, оказываются дерьмом?

— Еще я не могу понять, — сказал гном, — каким образом вы вернулись. Никому не удавалось возвратиться из другого мира. Если только мы сами не помогали им.

— И ты заявляешь, что собирался вызволить нас?

— Да, клянусь в этом. И вы можете забрать все свои вещи. У нас не было намерения присваивать их.

— Хорошо, — сказал я. — Ты становишься благоразумнее. Нам надо еще кое-что.

Гном напрягся.

— Что же это? — спросил он.

— Информация, — ответил я. — Она касается другого человека. Гуманоида, очень похожего на нас. С ним должен был быть робот.

Он отвел взгляд, пытаясь принять решение. Я поднял ружье, и это помогло.

— Давно, — сказал он. — Очень давно.

— Появлялись ли еще такие, как мы? Или он был единственным?

— Нет. До него здесь побывали подобные вам. Их было шестеро или семеро. Они вышли за черту города и больше я их не видел.

— А разве вы их не отправили в другой мир?

— Конечно, отправили, — ответил гном. — Мы поступаем так со всеми, кто прибывает. Это необходимо. Каждое приземление вызывает новую смертоносную волну. Как только она уходит, мы снова в безопасности до появления следующего корабля. Всех прибывших мы перемещаем в другие миры, но мы всегда возвращаем их.

Может быть, думал я, он говорит правду. Хотя, очевидно, только частично. Или он снова готовится поймать нас на удочку. Однако теперь я был абсолютно уверен, если у него и есть приманка, он остережется воспользоваться ею. Он был в наших руках.

— Но ведь всегда следует другая смертоносная волна, — напомнил я, — когда прибывает новый корабль.

— Но только в городе, — объяснил он. — Если вы оказались за его границами, вы в безопасности.

— И никто из прибывших не остается в городе?

— Никто. Они всегда покидают его. Они охотятся за чем-то и думают найти это что-то вне города. Они всегда за чем-нибудь охотятся.

О Боже, он прав, подумал я, каждый из них идет по чьему-нибудь следу. Кто знает, сколько разнообразных мыслящих существ слышали голос, который слышит Смит, и были заворожены им?

— Они когда-нибудь рассказывали вам, — спросила Сара, — что именно ищут?

Он криво усмехнулся.

— Они держат это в тайне.

— Но тот гуманоид, — не отставала Сара, — тот самый, который прибыл один в сопровождении робота...

— Робота? То есть металлического гуманоида, похожего на него?

— Не придуривайся! — прикрикнул я. — Ты знаешь, что такое робот. Эти лошадки — роботы.

— Мы не роботы, — заявил Доббин. — Мы честные лошадки.

— Заткнитесь-ка! — сказал я.

— Да, — продолжал гном. — Был один с роботом. Он тоже ушел и не вернулся. Однако робот позже возвратился. Хотя он мне ничего не объяснил. Он не сказал ни слова.

— И робот все еще здесь? — спросила Сара.

— У меня есть одна часть от него, — сказал гном. — Мне очень жаль, но та часть, которая управляла им, пропала. Мозги, по-вашему. Так вот, его мозги пропали. Я продал их диким лошадям, которые обитают в плохо изученных районах. Они очень просили и много заплатили. Я не мог отказать им. Это была выгодная сделка.

— Дикие лошади? — переспросил я. — Где мы можем найти их?

Гном пожал плечами.

— Трудно сказать, — ответил он. — Они живут на больших и отдаленных территориях. Чаще всего их можно обнаружить к северу отсюда. Там действительно очень дикие места.

— Зачем же им понадобились мозги Роско? — спросила Сара. — Какая от них польза?

Гном развел руками.

— Откуда мне знать? — сказал он. — Им не задают вопросов. Они на редкость грубые и дикие. У них туловище лошадей, а головы — такие же, как ваши, и руки тоже; они неразумны и издают очень громкие звуки.

— Кентавры, — сказал Тэкк. — Насколько мне известно, их много по всей галактике. Не меньше, чем гуманоидов. И они, как заметил джентльмен, неразумны. Но, правда, я их ни разу не встречал.

— Ты продал им только мозговой блок, — сказал я. — У тебя еще должно остаться туловище.

— Лошади не просили туловище. Оно у меня.

Я обратился к Саре, перейдя с космического языка на английский.

— Что вы думаете об этом? — спросил я. — Мы продолжаем поиски Найта?

— Он один из тех...

— Если он все еще жив, он очень, очень стар. Я думаю, у нас мало шансов найти его живым. Робот вернулся. Он бы не покинул Найта, если бы тот был жив.

— Хорошо бы выяснить, куда они направлялись, — сказала Сара. — Если бы нам удалось раздобыть мозговой блок Роско и соединить его с туловищем, то он бы мог сообщить, что искал Найт и где он теперь находится.

— Но робот молчал. Он ничего не сказал гному.

— Может, он заговорит с нами, — сказала Сара. — В конце концов, мы — люди, такие же, как те, что сделали его. Если он предан кому-либо, а я подозреваю, что это так, то он может быть предан только человеку.

Я повернулся к гному.

— Итак, — сказал я, — нам необходимы: туловище робота, карты планеты, запас воды. А также лошади-качалки, для того, чтобы везти нас, и наш груз, и...

Гном в ужасе взмахнул руками, отпрянув от меня, упрямо мотая головой из стороны в сторону.

— Я не могу предоставить лошадей, — твердил он. — Мне самому они нужны.

— Ты не дал мне закончить, — сказал я. — Мы берем тебя с собой.

— Нельзя, — воскликнул Доббин. — Он должен остаться, чтобы предупреждать вновь прибывших и спасать их от смертоносной волны. Господин, поймите...

— Мы позаботимся об этом, — сказал я. — Мы заблокируем луч. Если луч не будет приманивать, то никто не появится здесь.

— Вы не сможете ничего сделать с лучом, — ныл гном. — Никто не сможет, потому что нам неизвестно местонахождение датчика. Мне не удалось обнаружить его. Я охотился за ним, и не я один, но все было напрасно.

Он был удручен. Так или иначе почва была выбита у него из-под ног.

— Проклятье! — проговорил я.

— Кажется, он говорит правду, — сказала Сара. — Луч придумал тот, кто построил и сам город, а наш худосочный друг на создателя города не похож. Он просто живет здесь — варвар, который рыщет в пустом городе и тащит, что плохо лежит.

Я должен был сам понять это. Но я сгорал от злости из-за нашего путешествия в пустыню и чуть с ума не сошел, когда увидел гнома, копающегося в наших вещах. Кровь ударила мне в голову. Если маленький пройдоха надул нас, я уничтожу его.

— Скажите нам, — обратилась к гному Сара, — кто вы такой. Вы ведь не один из строителей этого города?

Его лицо перекосилось от гнева.

— Вы не имеете права спрашивать, — закричал он в ярости. — Вы и так зашли слишком далеко.

— Мы имеем право задавать вопросы, — сказал я. — Мы должны знать правду о том, что происходит. Я даю тебе пять минут.

Ему не понадобилось и пяти секунд. Его ноги подогнулись, и он тяжело осел на пол. Он обхватил себя худыми ручонками и

принялся раскачиваться назад и вперед, словно его мучили желудочные колики.

— Я скажу, — простонал он. — Не стреляйте, я скажу. Но какой стыд! Стыд, стыд, стыд!

В его глазах была мольба:

— Я не могу лгать. Если бы я мог, я бы солгал. Но здесь есть тот, кто распознает мою ложь.

— Кто же? — спросил я.

— Он обо мне, — сказал Свистун.

— У тебя есть детектор лжи?

— Одна из моих незначительных способностей, — ответил Свистун. — Не спрашивайте, нельзя выдавать тайну. Мои возможности невелики, но этой я управляю отлично. Была сказана правда, хотя не вся.

Гном внимательно смотрел на нас.

— Мне кажется, что в подобных ситуациях гуманоиды должны поддерживать друг друга. Мы связаны и...

— Только не ты и я. Мы ничем не связаны.

— Вы слишком грубы с ним, — сказала Сара.

— Мисс Фостер, — заметил я, — это еще не грубость. Я намерен выяснить все.

— Но если у него есть оправдание...

— У него нет оправдания. Не правда ли, парень?

Гном бросил на меня пристальный взгляд. Затем он кивнул головой.

— Моя честь поругана, — сказал он. — Память о моих предках осквернена. С давних пор — таких давних, что всего и не упомнишь, — мы делали вид, что принадлежим к числу тех, кто воздвиг этот необычный город. И если бы вы оставили меня в покое, если бы вы никогда не появились здесь, я бы умер со сладкой мыслью о том, что именно мы построили его. Тогда бы все кончилось; уже было бы не важно, если кто-то, даже вся вселенная узнает, что архитекторами были другие. Потому что я последний в роду, и больше никого не заинтересует эта история. У меня нет потомков. Обязанности, которые я выполняю, перейдут лошадям, а с течением времени они могут передать их кому-нибудь еще. Ведь всегда кто-то должен предупреждать прибывших на планету об опасности и помогать им.

Я взглянул на Доббина.

— Не могли бы вы объяснить, — попросил я, — в чем здесь дело.

— Ничего я не скажу вам, — ответил Доббин. — Вы пришли сюда с дурными намерениями. Мы спасли вас, спрятав в другом мире, а вы подозреваете, что мы бы вас не вернули. Вы негодуете, когда ваш благодетель из простого любопытства рассматривает

ваш багаж. И вы еще даете нам пять минут, и помыкаете нами, и ведете себя отвратительно, и вы...

— Достаточно! — крикнул я. — Я не позволю недоделанному роботу так разговаривать со мной.

— Мы не роботы, — натянуто сказал Доббин. — Я говорил вам и повторяю снова и снова, что мы — самые обычные лошади-качалки.

Ну вот, мы опять вернулись к этой теме, к нелепому утверждению лошадок, к их странной упрямой гордости. Если бы я не был столь раздражен, я бы расхохотался. Но мне срочно надо было что-то предпринять и сделать все от меня зависящее.

Я дотянулся, вцепился в рубашку гнома на груди и приподнял его. Тот повис, болтая тонкими ножками, как будто пытался убежать. Но убежать он не мог, потому что его ноги «упирались» в воздух.

— Это уже слишком, — сказал я ему. — Я не знаю, что тут у вас происходит, да мне и наплевать, но вы дадите нам все, что нужно. И не финтить! А если нет — я сверну твою мерзкую шею.

— Осторожно! — крикнула Сара. Я резко повернул голову и увидел, как лошадки нападают на нас. Они надвигались на задних полозьях, угрожающе подняв передние.

Я отбросил гнома в сторону. Я даже не заметил куда, просто отшвырнул его и поднял ружье. Но тут же с упавшим сердцем я вспомнил, что лазерный луч не оказал воздействия на покрытие посадочного поля. Если лошадки сделаны из того же материала, а это было скорей всего, я с таким же успехом могу бросать в них камнями.

Но как только я взвел курок, Свистун рванулся вперед и, делая рывок, вспыхнул. Возможно, я выбрал неподходящее слово, чтобы описать его состояние, но ничего другого на ум не приходит. Он выбежал вперед, стуча крохотными ногами по полу, потом задрожал, окутываясь голубоватой дымкой. Он напоминал мне забарахливший электрический прибор. Казалось, все пришло в движение, каждый из нас совершал немыслимые па, а затем все кончилось и встало на свои места. Только лишь лошадки сгрудились в дальнем углу комнаты, устроив кучу малу. Их полозья шевелились в воздухе. Я не видел, каким образом они попали туда, — просто они ни с того, ни с сего оказались в углу. Все произошло так, как будто они и не перемещались в пространстве. Они наступали на нас с поднятыми полозьями — миг — и они уже прижаты в углу.

— Все будет нормально, — сказал Свистун, извиняясь. — Я не причинил им вреда. Они испытывают некоторое неудобство, но это на мгновение. Они смогут двигаться опять. Простите, все случилось слишком неожиданно, но нужно было действовать быстро.

Гном медленно выбирался из-под кипы мешков, коробок и кор-

зин, куда я швырнул его. Глядя на него, я понял, что бойцовский дух в нем иссяк. Лошадки выглядели не лучше.

— Тэкк, — сказал я, — мы отправляемся. Соберите наши вещи. Как только навьючим лошадок, трогаемся.

5

Дома обступили нас. Они высились с обеих сторон. Стены поднимались до неба, и там, где они кончались (если они действительно кончались, ведь, стоя у основания дома, нельзя было быть в этом уверенным), виднелась только узкая бледно-голубая полоска. Небо было так высоко и такое блеклое, что почти сливалось с белыми стенами. Узкая улица изгибалась впереди нас. Она струилась между домами, как ручеек среди валунов. Здания были похожи друг на друга, словно близнецы.

Все было белым, даже покрытие улицы, по которой мы продвигались. Его нельзя было назвать мостовой, это был, скорее, пол, одна сплошная плита, положенная между домами так, что казалась их продолжением. Плита тянулась без конца и края, на ней не было заметно ни одного шва. Плита убегала за горизонт, там же терялся из виду город. Было ощущение, что из города выйти невозможно, что мы захвачены в плен, и выхода не найти.

— Капитан, — сказала Сара, шагая рядом со мной. — Я не одобряю ваше поведение.

Я не счел нужным отвечать. Я знал, что недовольство мной зрело в ней день ото дня — и на борту корабля, и после приземления. Было очевидно, что рано или поздно она взорвется и все выскажет мне. Но что бы я ни сказал в ответ, ничего не изменится.

Я бросил взгляд через плечо и увидел, что остальные движутся позади. Лошадки везли наш багаж и фляги с водой. Смит и Тэкк ехали верхом. Шествие замыкал Свистун. Он напоминал собачку, стерегущую стадо овец. Временами он даже описывал круги, как собака. Его тело, словно тело сороконожки, было низко посажено на двух дюжинах ног. Я понимал, что пока Свистун идет за лошадками, они не посмеют дурачить нас. Он держал их в страхе.

— Вы чересчур грубы, — сказала Сара в ответ на мое молчание. — Вы всегда идете напролом. Вы абсолютно не умеете хитрить, и иногда мне кажется, что это приведет нас к беде.

— Вы имеете в виду гнома, — предположил я.

— Можно было бы договориться с ним.

— Договориться? В то время, как он обчистил нас до нитки?

— Он сказал, что собирался вызволить нас из пустыни, — настаивала она, — и я склонна верить ему. Очевидно, сюда прибывали

другие экспедиции, и он всегда забирал их из того мира, куда их поместили, и, возможно, отпускал.

— В таком случае, — сказал я, — как вы объясните его комнату, набитую различными предметами?

— Похоже, он украл их, — согласилась Сара. — Или напустил туману и получил от экспедиций эти вещи, когда освобождал их. Или некоторые экспедиции потерпели неудачу, и он собрал все это после их гибели.

Не исключено, что она была права. Каждая ситуация, которую она предположила, была возможна. Но я чувствовал, дело обстоит иначе. Гном сказал, мы были первыми, кто смог выбраться из другого мира без его помощи. Может быть, он лгал, рассчитывая, что мы придем в восторг от собственной находчивости. Но на самом деле, мы так и не выбрались из другого мира. Нас выбросили оттуда и, вполне вероятно, таким же образом оттуда выбросили и остальных. Жители этих других миров, наверное, устали оттого, что им время от времени подсовывают чужаков.

Но не все те, кто оказался в другом мире, выбрались оттуда, и это означало, что гном и его ребята — лошадки — могли набить карманы. Правда, я не понимал, какой прок был от собранных вещей. Вряд ли они пользовались ими, а на планете, уничтожающей визитеров, вести торговлю весьма затруднительно. Ясно, гном был дельцом — недаром он продал мозговой блок Роско племени кентавров — но местная торговля не могла бы привести к такому изобилию товаров.

— Что касается гнома, — сказала Сара, — сначала вы пригрозили взять его с собой, а потом отказались. Лично я бы, уж если на то пошло дело, предпочла, чтобы он был с нами и мы могли присматривать за ним.

— Я не вынес бы его воплей и нытья, — объяснил я Саре. — И кроме того, он был так счастлив от нас наконец отделаться, что не препирался, когда мы брали нужные нам вещи. В том числе останки Роско, воду и карты.

Некоторое время мы шли молча. Сара не была удовлетворена беседой. Она злилась на меня. Ей не нравились мои методы, и она намеревалась решительно заявить мне об этом, но ее попытка не имела успеха.

— Мне не по душе этот ваш Свистун, — продолжала Сара. — Какое-то пресмыкающееся.

— Он спас нас, когда угрожали лошади, — сказал я. — Я вижу, вы все озадачены поведением Свистуна, потому что не понимаете его приемов против лошадей. Что касается меня, то мне все равно; лишь бы только он не потерял этой способности и применил ее, если мы вновь окажемся в переделке. И меня не волнует

его внешность. Пусть он будет при нас. Нам нужен малый вроде него.

Сара вспыхнула.

— Это пощечина нам всем. Вы не любите Джорджа, не выносите Тэкка, и едва вежливы со мной. И вы всех называете «парень». Мне не нравятся люди, которые так обращаются с другими.

Я глубоко вздохнул и начал считать про себя до десяти, но не досчитал.

— Мисс Фостер, — сказал я ей, — вы, несомненно, помните, какие деньги вы предназначили для меня на Земле. И теперь я пытаюсь заработать эту кругленькую сумму. И я заработаю ее независимо от того, что вы говорите или делаете. Вы не обязаны любить меня. Вы не должны одобрять все мои действия. Но вы ввязались в эту нелепую авантюру так же, как и остальные, а я отвечаю за успех дела, потому что вы наделили меня этой ответственностью. Я и дальше буду в ответе за все, и вам не надо ничего говорить, пока мы не вернемся на Землю, — если нам суждено вернуться.

Я не знал, что она предпримет. Меня это особенно и не волновало. История затянулась, с момента нашего старта с Земли прошло много времени. Пора было наступить развязке, иначе — мы все пойдем ко дну. Хотя, честно говоря, я чувствовал, что мы уже тонем. На этой планете есть нечто неуловимо-тревожное — в ней скрыто что-то злобное, какой-то сковывающий холод, похожий на холод разбойничьего взгляда, то, что человеку и не дано осознать, и, может быть, чего он не хочет осознавать, потому что боится. Да и как мы улетим с планеты, если корабль опечатан?

Я ожидал, что Сара набросится на меня в гневе посреди улицы. Я был готов к тому, что она ударит меня винтовкой или выстрелит.

Она не сделала ни того, ни другого. Она продолжала идти рядом со мной. Она не сбилась с шага. Потом она спокойно проговорила: «А вы, оказывается, слабак и сукин сын».

Ну и ладно. Наверное, я заслужил это. Я был суров с ней, но в силу необходимости. Она должна была понять меня, а, кроме того, я слышал и худшие слова в свой адрес.

Мы продолжали идти, и мне захотелось узнать, который час. Судя по моим часам, мы шли по улице уже чуть дольше шести часов, но это ничего не значило, потому что мне было неизвестно, сколько длится день на этой планете.

Пока мы продвигались вперед, я старался не выпускать из виду ничего вокруг, хотя и сам не понимал, что я высматриваю. Город казался опустевшим, но не было никакой уверенности, что в нем не прячется что-нибудь для нас малоприятное. Город выглядел слишком тихим и безопасным. Место, подобное этому, как бы само напрашивалось, чтобы в нем кто-нибудь поселился.

Все улицы были узкими — и та, по которой мы шли, и те, которые от нее отходили. Над улицами возвышались дома. В белых, ничем не украшенных стенах то тут, то там виднелись отверстия. Хотя они и не походили на окна, но все же, наверно, это были окна. Небольшие скромные двери, как правило, выходили на улицу, но иногда я замечал, что перед домами построены мосты, ведущие к массивным дверям, расположенным на верхних этажах зданий. Только некоторые из дверей закрывались, большинство из них были распахнуты. Возможно, кто-то давным-давно построил этот город, жил в нем, а потом покинул его, даже не утруждая себя закрыть двери.

Неожиданно улица круто вильнула, и завернув за угол, мы увидели, что улица продолжается, такая же прямая, как прежде, и что впереди нас большее расстояние, чем мы уже прошли. А вдалеке, в конце улицы росло дерево, одно из тех деревьев, которые возвышались над городом. Это было первое дерево, увиденное нами с тех пор, как мы покинули посадочное поле. Из-за высоченных городских домов удавалось разглядеть только то, что оказывалось прямо над головой.

Я остановился, и Сара — рядом со мной. За нами, замедляя ход, семенили лошадки. Когда бряцанье их полозьев стихло, я услышал тихую мелодию. Она уже давно звучала, только я не обращал на нее внимания, потому что она сливалась с лошадиным цоканьем.

Но теперь лошадки угомонились, а мелодия все не смолкала. Я огляделся и понял, что не кто иной как Смит, слегка раскачиваясь в седле, словно дитя, мурлыкает что-то себе под нос.

Я стоял спокойно и ничего не говорил.

Но Сара спросила:

— Вы что-то хотите сказать?

— Я еще ничего не говорил и не собираюсь, — ответил я. — Но если он не прекратит, я заткну ему глотку.

— Он поет от счастья, — объяснил Тэкк. — Не сомневаюсь, капитан, вы не против, если кто-нибудь счастлив. Похоже, мы приблизились к тому существу, которое взывало к нему на протяжении многих лет, и сейчас счастье переполняет его.

Смит никак не реагировал на происходящее. Он по-прежнему сидел верхом, напевая песенку, подобно неразумному ребенку.

— Едем дальше! — скомандовал я. Конечно, надо было бы остановиться — отдохнуть и перекусить, но мне казалось, что это место не подходит для привала. Хотя, может быть, оно и было вполне подходящим — но мне хотелось двигаться вперед, чтобы звяканье лошадиных полозьев заглушило песню Смита.

Я предполагал, что Сара не согласится и заявит, что я держу

их всех в черном теле, но она безмолвно пристроилась за мной, и мы продолжили путь.

Дерево в конце улицы становилось все выше и выше. Возможно, так только казалось, потому что, по мере приближения мы могли лучше его рассмотреть. В конце концов мы увидели, что оно растет чуть в стороне от того места, где кончается улица. Оно было минимум в два раза выше зданий, стоящих по обеим сторонам улицы. И это означало, что оно было в два раза выше любого здания в городе, потому что дома, расположенные вокруг нас, были выше зданий, находящихся в городском центре.

Солнце клонилось к западу, когда мы дошли до конца улицы. Улица действительно обрывалась в этом месте. Город тоже закончился, и перед нами простирались его окрестности, красно-желтая земля — не пустыня, но похожая на нее, — край одиноких холмов, голубых горных цепей, деревьев, растущих поодаль друг от друга. Виднелась и другая растительность — невысокие кусты то тут то там, — но в глаза бросались только эти огромные деревья. Лишь одно из них росло близко — около трех миль — от нас, но, признаться, определить расстояние было не просто.

Улица завершалась и переходила в тропинку — не в дорогу, а именно в тропинку, вытоптанную за много лет. Кружась, изгибаясь и поворачивая, она пролегала через красно-желтую землю. В миле от города я заметил отдельно стоящее здание, не такое массивное, как в городе, но все равно очень высокое. В отличие от городских домов, оно не напоминало огромную прямоугольную глыбу. Оно казалось и легким — но никак не легкомысленным, — и прочным. Его построили из какого-то красного материала, и уже это отличало его от белых городских зданий. Его украшали шпили, башни, высокие окна, а к трем распахнутым дверям в центре дома вел высокий пандус.

— Капитан Росс, — сказала Сара, — не устроить ли нам привал? У нас был долгий тяжелый день.

Она, наверно, ожидала, что я начну спорить, но я не стал. У нас действительно был долгий тяжелый день, и пора было устраивать привал. Следовало сделать это раньше, подумал я, но мне до смерти хотелось выйти из города. Мы были на ногах в течение восьми часов, а солнце только-только начало склоняться к западной части неба. Стемнеет еще не скоро, но с нас достаточно. Световой день длится здесь целую вечность.

— К дому! — предложил я. — Мы разобьем лагерь и осмотрим здание.

Сара кивнула, и мы снова тронулись. Смит все еще напевал свою песенку, но ее было чуть слышно сквозь лязганье полозьев. Если он будет продолжать и в лагере, подумал я, мне будет трудно удер-

жаться, чтобы не вынудить его замолчать. Позволить ему и дальше издавать эти идиотские звуки — выше моих сил.

Находясь в черте города, мы были спрятаны от солнца, теперь же мы вышли из тени. Солнце не слишком припекало, от него исходило приятное ласкающее тепло, напоминающее о весне. Мы с удовольствием купались в солнечном свете. Воздух был чист и пах зеленью, его пряный смолистый аромат щекотал ноздри.

Красное здание стояло перед нами, выделяясь на фоне безоблачного неба. Казалось, его шпили и башни стремятся пронзить небо. Было здорово, что мы наконец выбрались из города, видим небо над собой; и у меня возникло чувство, что куда бы мы ни направлялись — мы на верном пути.

До какого же безумия можно дойти, подумал я. Если мы пойдем по этой змеящейся тропинке, мы сможем выйти к племени кентавров, купивших мозг Роско, и если он все еще там, а они, допустим, продадут его... и если нам удастся каким-нибудь образом вставить его в туловище робота, то последний, вполне вероятно, расскажет нам о том, что произошло. В свое время я и сам любил большую охоту, но вот появилась женщина, которая тоже непрочь поохотиться, слепой мечтатель да отвратительный монах с грязью под ногтями — и я готов идти на поиски чудес. Не исключено, у меня когда-нибудь будет другая компания. Но пока нет другой, со мной пойдут эти трое.

Мы были на полпути к красному зданию, когда я услыхал испуганные возгласы. Я посмотрел назад и увидел, как на нас мчатся лошади. Ни секунды не размышляя, я спрыгнул с тропы, успев схватить Сару и оттащить ее в сторону. Вместе с ней мы упали на обочину. Мимо нас пронеслись лошадки, их полозья промелькнули так быстро, что, казалось, слились в одно пятно. Смит и Тэкк отчаянно держались за седла, коричневая ряса Тэкка развевалась на ветру позади него. Лошадки устремились к пандусу, ведущему в здание. От их ора у меня по коже забегали мурашки.

Я уже почти встал на ноги, когда над моей головой раздался негромкий взрыв, почти приглушенный; в воздухе просвистели темно-красные пули, рикошетом отскочив от земли.

Я не понимал, что происходит, но было очевидно, что оставаться здесь больше нельзя. Лошадки, вероятно, знали больше меня, поэтому они так спешили к пандусу, и мне очень хотелось последовать за ними. Я рывком поднял Сару на ноги и мы побежали за лошадками.

Справа от нас опять что-то взорвалось, по земле запрыгали темно-красные пули, поднимая пыль.

— Дерево! — крикнула Сара, переводя дыхание. — В нас стреляет дерево!

Я поднял голову. Множество красных шариков проносилось над нами в воздухе. Без сомнения, их направляло дерево.

— Осторожней! — воскликнул я и подтолкнул Сару. Она оступилась и упала на землю, увлекая меня за собой. Вокруг нас пролетали темные шарики — удар! удар! удар! — казалось, все пространство было заполнено пулями, угрожающе свистящими. Одна попала мне в ребро, и мне почудилось, что меня лягнул осел. Другая пуля ударила мне в щеку.

— Вперед! — крикнул я и потянул Сару с земли. Она вырвалась и побежала к пандусу. Пули все взрывались и взрывались вокруг, и отбивали чечетку по покрытию пандуса, но все-таки мы поднялись к дому и ворвались в дверь.

Все уже были там. Лошадки испуганно прижимались друг к другу, а Свистун сновал перед ними подобно встревоженной овчарке. Тэкк привалился к седлу, а Смит прекратил петь, но сидел прямо — насколько позволяла его неловкость, и лицо слепого глупо светилось счастьем. Его вид мог испугать любого.

За дверью продолжали метаться из стороны в сторону темные шарики; они взрывались, издавая приглушенный звук, и из них гроздьями вылетали свистящие пули, которые скакали по пандусу.

Я посмотрел на Сару. Она стояла с растрепанными волосами, ее всегда аккуратный походный костюм был смят и заляпан грязью. Одна ее щека была испачкана.

Я улыбнулся. Несмотря ни на что, она не выпустила своего ружья. Уж не приклеила ли она его к себе, подумал я.

Мимо меня быстро пробежало какое-то маленькое существо. За ним промчалось еще одно, потом — еще, и когда крохотные бегуны высыпали на пандус, я увидел, что они походили на крыс. Они набрасывались на пули, схватывали их зубами, причем их не останавливало даже то, что пули прыгали по земле. Потом, плотно сжав челюсти, грызуны исчезали один за другим.

В темноте позади нас послышался шорох и писк, и через секунду новые сотни крысообразных существ промчались мимо, задевая наши ноги, натыкаясь на них в безумной спешке. Они все стремились к пандусу и пулям.

С появлением ватаги грызунов лошадки сбились в кучу с одной стороны от дверного проема, чтобы освободить путь. Мы последовали их примеру. Маленькие суетящиеся звери не обращали на нас никакого внимания. Их интересовали только пули, и они, толкаясь, сновали туда-сюда, пытаясь схватить странную добычу так яростно, как будто от этого зависела их жизнь.

Снаружи прибывали красные шарики, и все так же с глухим шумом взрывались и разлетались пули.

Свистун поджал ноги и опустился на пол, раскинув щупальца.

— Собирают урожай, — предположил он. — На черный день.

Я согласился. Похоже, Свистун прав. Темные шарики — это стручки, наполненные семенами, и дерево нашло своеобразный способ их распространения. Да, шары — это стручки, но не только. Они могут использоваться в качестве оружия, как это и произошло в нашем случае. Наверно, дерево давно ожидало нас, и, как только мы приблизились к нему на нужное расстояние, оно открыло огонь. Если бы радиус попадания был меньше и мы были застигнуты стельбой в открытом месте, нам пришлось бы туго. Я еще чувствовал боль в боку, а на щеке я нащупал маленькую царапину. Нам повезло, что красное здание стояло неподалеку.

Сара уселась на пол, положив винтовку на колени.

— Все нормально? — спросил я.

— Устала — и все! — ответила она. — Думаю, что нам ничего не мешает обосноваться прямо здесь.

Я осмотрелся. Тэкк спешился, но Смит сидел в седле, прямой как стрела. Он высоко поднял голову, склонив ее немного набок, как будто прислушивался. С его лица до сих пор не исчезло идиотское выражение счастья.

— Тэкк, — сказал я. — Не могли бы вы и Смит разгрузить лошадей? Я пока поищу дров.

Мы захватили с собой походную печку, но было глупо тратить горючее, имея возможность раздобыть дрова. Да и, кроме того, костер, вокруг которого можно собраться и поболтать, — совсем другое дело.

— Я не могу заставить его спуститься, — почти плача, сказал Тэкк, — он не слушается меня. Он попросту не обращает внимания.

— Что с ним? Он ранен?

— Не думаю, капитан. Полагаю, он наконец оказался там, куда стремился. Я думаю, он добрался до места.

— Вы имеете в виду тот голос...

— Здесь, в этом здании... — сказал Тэкк, — здесь когда-то, возможно, был храм. Дом напоминает культовую постройку.

Извне дом действительно походил на церковь, но было трудно разглядеть его изнутри. Солнечные лучи проникали в дверь, вход ярко освещался, но дальше была абсолютная темень.

— Его нельзя оставлять так на всю ночь, — сказал я. — Надо снять его. Вдвоем мы сможем стащить его с седла.

— А что потом? — спросил Тэкк.

— Что вы подразумеваете под «потом»?

— Мы снимем его сегодня. Но что мы сделаем завтра?

— Черт возьми! — сказал я. — Очень просто. Если он не придет в себя, мы поднимем его и привяжем к седлу, чтобы он не выпал.

— Вы хотите сказать, что собираетесь его увезти отсюда? Из того места, которое он искал и нашел? Он стремился сюда почти всю свою жизнь!

— На что ты намекаешь? — закричал я. — На то, что мы поставим на себе крест и останемся тут навсегда только потому, что этот блаженненький идиот...

— Должен напомнить вам, капитан, — мрачно заметил Тэкк, — что не кто иной, как этот блаженненький идиот, начертал наш маршрут. Если бы не он...

— Господа, — вмешалась Сара, — пожалуйста, потише. Вы, по-видимому, не понимаете, капитан, что мы не можем покинуть это место так быстро, как бы вам хотелось.

— Не можем покинуть? — сказал я сквозь зубы. — Что же задерживает нас?

Сара указала на дверь.

— Наш друг-дерево выбрало нас в качестве мишени. Я наблюдала за ним. Все, чем оно бросается в нас, падает на пандус. Не было ни промаха. Выход за дверь будет стоить нам жизни. Даже эти грызуны не всегда могут увернуться, как они ни малы и ни юрки.

Я увидел, что дорога, ведущая к дому, кишела скачущими по ней семенами. То здесь, то там лежали маленькие крысиные тела, распростертые и неподвижные.

— Дерево устанет, — предположил я. — У него истощатся силы или кончатся боеприпасы.

Сара покачала головой.

— Не думаю, капитан. Какая, вы полагаете, высота дерева? Четыре мили? Пять миль? Его крона тянется на несколько верст вверх, а шириной достигает, наверное, мили. И сколько же, по-вашему, стручков, наполненных семенами, может расти на таком дереве?

Я понимал, что Сара права, что она рассчитала верно. Если дереву будет угодно, мы не сдвинемся с места в течение многих дней.

— Доббин, — обратился я к лошади. — Может, вы объясните, что происходит? С какой стати дерево лупит по нам?

— Благородный сэр, — сказал Доббин. — Я не пророню ни слова. Я следую за вами. Я несу ваше имущество. Большего я для вас не сделаю. Вы не получите ни информации, ни помощи. Вы недостойно вели себя по отношению к нам, и в глубине души я не вижу оснований, чтобы вас поддерживать.

Легкой походкой из темноты приблизился Свистун. Его щупальца шевелились, а два глаза на их кончиках светились.

— Майк, — просвистел он, — любопытное зданьице. Напоми-

нает о древних тайнах. О давних временах и чудесах. Наводит на мысль о том, что здесь кто-то есть.

— Ага, ты того же мнения, — заметил я.

Я снова взглянул на Смита. Он так и не пошевелился. Слепой продолжал прямо сидеть в седле. На его лице, как и прежде, застыла маска безумного счастья.

Наш спутник был далеко от нас. Его мысли гуляли по вселенной.

— В доме обретаешь покой, — продолжал Свистун. — Очень странный покой. Наводит страх. Говорю со стороны. Не знаю ничего подобного. Нахожу покой и отдых, когда понадобится. О чем догадаюсь — сообщу.

— Скажите, — поинтересовалась у меня Сара, — вы собираетесь снять Смита с лошади или оставить его так, как есть?

— Похоже, — сказал я, — ему все равно, где он находится, но давайте спустим его.

Я позвал Тэкка и мы сняли слепого с седла, опустили на пол и прислонили к стене возле двери. Он не сопротивлялся и не подал виду, что осознает происходящее.

Я подошел к одной из лошадок и сбросил с нее мешок. Копаясь в нем, я обнаружил карманный фонарь.

— Давай-ка, Свистун, — предложил я, — пойдем на разведку и поищем дрова. Может быть, здесь есть старая мебель или что-то в этом роде.

Продвигаясь в глубь здания, я заметил, что было не так темно, как я ожидал. Дом казался темным по сравнению с ярким светом солнечных лучей, проникавших в дверь. Однако, в здании не было и светло. Все здесь утопало в сумрачной мгле. Мы шли как в тумане.

Вместе со Свистуном, который семенил бок о бок со мной, мы проникли в глубь здания. Рассматривать было нечего. Стены скрывались в полумраке. Предметы неотчетливо выступали из темноты. Высоко над нами светились солнечные блики — свет, должно быть, пробивался сквозь щели окон. Справа от нас сплошным потоком бежали маленькие крысообразные твари, сжимая в зубах семена. Я направил на них фонарь, и свет отразился в их красных свирепых глазках. Я выключил фонарик — от вида грызунов меня пробила дрожь.

Свистун похлопал меня щупальцем по руке. Ни слова не говоря, он указывал в сторону. Я взглянул туда и увидел огромную кучу, похожую на черный холм, скорее всего, груду мусора, наваленного в беспорядке.

— Вдруг есть дрова, — предположил Свистун.

Мы свернули к куче, и оказалось, что она больше и дальше от нас, чем мы думали. В конце концов мы подошли к ней и осветили со всех сторон. Там действительно были дрова — поломанные,

искореженные деревяшки, остатки мебели, словно нарочно разрушенной. Но в куче были не только дрова. Мы нашли и металлические детали — некоторые — ржавые и нещадно искривленные, некоторые — все еще сохранившие блеск. Когда-то эти куски металла представляли собой, вероятно, рабочие инструменты, но теперь все они были погнуты так, что абсолютно потеряли форму. Кто-то здесь хорошенько постарался и над изделиями из металла, и над мебелью. В куче валялись обрывки одежды и странного вида деревянные чурбаны.

— Удивлен. Неживые объекты вызывают ярость! — заметил Свистун. — Таинственный случай, невозможно постичь разумом.

Я передал ему фонарь. Он обвил его щупальцем и стал светить мне. Я встал на колени и принялся выбирать из кучи дрова, складывая бревна на одну руку и следя за тем, чтобы они подходили для костра. Деревяшки были тяжелыми и сухими. Они будут хорошо гореть, и можно не бояться, что их не хватит, если придется провести здесь слишком много времени. Я наткнулся на кусок дерева, обтянутый тканью, и хотел было отбросить его, однако мне пришло в голову, что его можно использовать как трут, и я прихватил его с собой.

Я приготовил дрова и начал медленно подниматься на ноги. Груз лежал на изгибе моей левой руки, и мне надо было подправить его правой, чтобы дрова не сползли на пол.

— Помоги мне, — сказал я, обращаясь к Свистуну.

Он не ответил, я взглянул вниз и увидел, что Свистун замер. Он застыл, как пойнтер, учуявший дичь, и его щупальца указывали прямо на потолок — если только у этого здания был потолок.

Я поднял голову и ничего не увидел. У меня лишь возникло ощущение, что передо мной необъятное пространство — одно сплошное пространство от пола до башенок и шпилей. С дальнего конца огромного пространства до нас доносился шелест, становившийся громче и громче. Как будто множество птиц быстро и отчаянно бились крыльями, как будто крылатая стая разом поднялась с земли и рвется в небо. Но звук не исчез, птицы не улетели испуганно прочь; пока мы вслушивались в шум, он усиливался с каждым мигом. В темной мгле над нашими головами происходил великий исход, и миллионы крыльев швыряли своих обладателей из ниоткуда в никуда. Они — эти существа с хлопающими крыльями — не просто кружили в пространстве. Их неистовые метания не прекращались; в течение одного мига они пересекали несколько тысяч футов пустоты, зияющей над нами, и исчезали навсегда, но на их месте появлялись другие, и так снова и снова, и поэтому шуму хлопающих крыльев не было конца.

Я напряг зрение, но ничего не смог увидеть. Либо они носились

слишком высоко, либо были невидимы, либо, подумал я, их не было там вовсе. Но звук шел оттуда, и в другой ситуации я вообще не обратил бы на него внимания, но здесь он казался необычным. С безотчетным леденящим чувством я понял, что столкнулся с явлением, которое выше моего понимания.

Потом шум крыльев прекратился — так же неожиданно, как возник. Они все улетели, и теперь мы стояли в глухой тишине, от которой звенело в ушах.

Свистун опустил щупальца.

— Не здесь, — сказал он. — Где-то в другом месте.

Я понял, что он был охвачен теми же ощущениями, что и я. Но он ничего не понял. Эти крылья, то есть шум этих крыльев, шел не из того измерения, где мы находились. Он зарождался в ином измерении, и только какое-то странное пространственно-временное эхо помогло нам услышать его. Я не мог объяснить, что натолкнуло меня на эту мысль.

— Давай вернемся, — сказал я Свистуну. — Все, должно быть, проголодались. Мы давно не ели. И давно не спали. А ты, Свистун? Я не спрашивал тебя — можешь ли ты есть нашу пищу?

— Нахожусь в своем втором образе, — ответил Свистун.

Я вспомнил, что когда он во втором образе (что бы это могло значить?), ему не требуется еда.

Мы вернулись к входу в здание. Лошади собрались в круг, опустив головы. Мешки, снятые с их спин, аккуратно стояли возле стены недалеко от двери. Подле них расположился Смит, все еще расслабленный, все еще счастливый, все еще погруженный в себя, похожий на надувную куклу, прислоненную к стене. Рядом с ним упиралось в стену тело Роско, безмозглого робота. Жуть брала глядеть на эту парочку.

Солнце село. За дверью стало темно, но не так темно, как в здании. Крысообразные создания не прекращали сновать из дома и обратно, собирая семена.

— Стрельба стихла, — сказала Сара. — Но она возобновляется, как только высунешь голову.

— Не сомневаюсь, что вы сделали это, — сказал я.

Сара кивнула.

— Это не опасно. Я нырнула обратно, мгновенно, — я всегда трушу в таких ситуациях. Но дерево видит нас. Я уверена.

Я опустил дрова на пол. Тэкк уже распаковал несколько кастрюлек, сковородок и даже кофейник.

— Разведем костер прямо здесь, — предложил я. — Рядом с дверью, чтобы дым выходил.

Сара согласилась.

— Я чуть не падаю, капитан, — пожаловалась она. — Огонь и пища не повредят нам. А Свистун? Ест ли...

— Он не пьет и не ест, — ответил я. — Он в своем втором образе, но не стоит говорить об этом.

Она поняла меня и кивнула.

Подошел Тэкк и присел на корточки.

— Хорошие дрова, — сказал он. — Откуда?

— Мы набрели на мусорную кучу. Чего в ней только нет!

Я присел рядом и достал нож. Выбрав палку поменьше, я начал обстругивать ее. Потом я извлек из кучи деревяшку, обтянутую тряпкой. Я уже был готов сорвать ткань, как Тэкк знаком остановил меня.

— Подождите, капитан!

Он взял кусок дерева и повернул его к свету. И впервые я смог разглядеть, что подобрал. До тех пор я считал, что передо мной не больше, чем деревянная палка, обернутая тряпьем.

— Кукла, — сказала Сара удивленно.

— Не кукла, — сказал Тэкк. Его руки дрожали, он крепко сжимал нашу находку, возможно, чтобы унять дрожь.

— Не кукла, — повторил он. — Но идол. Посмотрите ей в лицо!

Лицо, как ни странно, отчетливо проступало в сумерках. Это было человеческое лицо. Возможно, лицо примата, хотя я не был уверен. Я испытал шок. Кукла выглядела на удивление выразительно. Никогда раньше мне не приходилось видеть в лице столько печали, столько смирения. Игрушку едва ли можно было назвать изящной. Черты ее лица, вырезанного из одного куска дерева, скорее были грубыми. Вся фигурка напоминала кукурузный початок. Но нельзя было не понять, что умелыми руками, которые вырезали кукольное личико, двигала печаль — одному Богу известна ее причина! — и они изобразили на нем весь ужас бытия, и сердце сжималось, когда я смотрел на их создание.

Тэкк медленно поднял куклу и прижал ее к груди. Он переводил взгляд с одного из нас на другого.

— Неужели вы не видите? — крикнул он. — Неужели вы не понимаете?

6

Пришла ночь. Костер высветил в темноте волшебный круг, который заставил всех нас придвинуться к огню. За спиной спокойно покачивались лошадки, тихо звеня полозьями. Смит безжизненно привалился к стене. Мы сделали попытку поднять его и накормить, но ничто не могло привести его в чувство.

Он лежал мешком, он был с нами телом, но не разумом. Его мысли унеслись далеко. Рядом с ним находилось металлическое тело неразумного робота. Поодаль сидел Тэкк. Он крепко прижимал к груди куклу, уставившись в темноту.

Все начинается сначала, — подумал я. — Экспедиция распалась.

— А где Свистун? — осведомилась Сара.

— Где-то ходит, — ответил я. — Вынюхивает. Он никогда не устает. Не попробовать ли вам заснуть?

— А вы будете сидеть и сторожить?

— Я не Ланселот, — сказал я, — если вы к этому клоните. Можете быть уверены: попозже я растолкаю вас, чтобы самому вздремнуть.

— А вы обратили внимание, — спросила Сара, — что здание построено из камня?

— Возможно. Но я не задумывался над этим.

— Оно не похоже на городские. Здесь — настоящий камень, я плохо разбираюсь, какой именно. Может быть, гранит. Вы имеете представление о том, из чего построен город?

— Только не из камня, — предположил я. — Этот материал никогда не лежал в земле. Больше всего похоже на искусственный камень. Особый химический состав, вероятно. Очень крепко сцепленные атомы. Ничто на свете не может разрушить этот материал. Когда я выстрелил в посадочную площадку из лазерного ружья, покрытие даже не было поцарапано.

— Вы знаете химию, капитан?

Я покачал головой.

— Не так хорошо, как кажется.

— Строители этого здания и строители города — не одни и те же мастера. Этот дом возвели раньше.

— Неизвестно, — сказал я. — Довольно сложно выяснить, как давно существует город. Потребуется миллион лет, чтобы на зданиях появились следы повреждений, — если вообще появятся.

В течение минуты мы сидели молча. Я поднял палку и бросил в костер. Огонь вспыхнул.

— А утром, капитан?

— Что вы имеете в виду?

— Что мы будем делать утром?

— Мы пойдем дальше, если дерево позволит. Нам надо найти вольных кентавров, выяснить, есть ли у них мозговой блок и можем ли мы получить его...

Она показала на Смита.

— А что будет с ним?

— Может, он придет в себя. Если нет — мы усадим его в

седло. А если к тому времени не выйдет из транса и Тэкк, я приведу его в чувство.

— Но ведь Джордж тоже чего-то искал. И он нашел!

— Послушайте, — сказал я. — Кто купил корабль и платит по счету? Кто привел сюда Смита? Не вздумайте сказать, что вы готовы зарыться здесь и остановиться на полпути в своих поисках только потому, что у нас на шее такая развалина, как Смит.

— Я не знаю, — ответила Сара. — Если бы не он...

— Хорошо, — сказал я. — Давайте просто оставим его здесь. Если ему так хочется, Если он достиг своей цели...

— Капита́н, — выдохнула Сара. — Вы не сделаете этого!

— Почему вы так решили?

— Вы не растратили доброту. Вы не отвернетесь от...

— Это он отвернулся от нас. Он получил желаемое...

— Откуда вы знаете?

Вот в чем беда, когда имеешь дело с женщиной. Нет логики. Она только что сказала, что этот идиот Смит получил все, что хотел. Когда я заявил то же самое, она принялась спорить.

— Я ничего не знаю. Не уверен...

— Но вы пробиваетесь вперед и принимаете решения.

— Конечно, — сказал я. — Потому что, если я буду вести себя иначе, мы останемся здесь навсегда. А нам нельзя сидеть сложа руки. Нам надо еще много пройти. Необходимо продолжать путь.

Я поднялся, подошел к двери и выглянул наружу. Луна спряталась, ночь была темной и беззвездной. Во мраке проступала белизна города, а дальше неясно вырисовывался горизонт. Больше ничего не было видно.

Дерево прекратило бомбардировку. Крысообразные существа, собрав все семена, ушли туда, откуда они появились.

Может быть, подумал я, если мы тронемся прямо сейчас, мы сможем беспрепятственно миновать дерево. Но я сомневался. Вряд ли темнота что-то меняет для него. Конечно же, дерево не могло видеть нас. С каких это пор у деревьев есть глаза? Оно, очевидно, воспринимало нас другим способом. Вероятно, оно остановило стрельбу, потому что понимает, что приковало нас к дому. Потому что знает, что в любой момент, если мы решимся тронуться с места, сможет вновь открыть пальбу. Наверно, оно даже знает, что мы не склонны путешествовать по ночам.

Но тем не менее мысль о возможности воспользоваться темнотой не давала мне покоя. Правда, я понимал, что мы рискуем очутиться в неизвестной местности, руководствуясь едва заметной тропинкой, ни разу нами не хоженной. Да и кроме того, наши силы были на пределе. Надо было отдохнуть.

— Почему вы пошли с нами, капитан? — послышался голос Сары. — С самого начала вы не верили в успех моей затеи.

Я вернулся к костру и уселся рядом с Сарой.

— Вы забываете, — объяснил я, — о деньгах, которые вы посулили мне. Вот вам и причина моего присутствия здесь.

— Это еще не все, — сказала она. — Деньги не главное. Вы боялись, что вам не удастся больше вырваться в космос. Вы представляли себя прикованным к Земле навсегда. Уже в первый день вашего пребывания на этой планете она угнетала вас.

— На самом деле вы хотите знать, почему я оказался на Земле и искал убежище. Вы жаждете выяснить, какие преступления я совершил. Как случилось, что вы не осведомлены о моей жизни в неприглядных подробностях? Вам было известно все, даже точное время моего приземления. На вашем месте я бы разогнал свою разведывательную службу. Ваши агенты провалились.

— Про вас ходило много слухов, один нелепей другого. Невозможно было ни во что поверить. Но знайте, вы переполошили весь космос. Скажите, капитан, может ли кто-нибудь сравниться с вами в умении мошенничать?

— Не знаю. Я не собирался ставить рекорды, если вы это имеете в виду.

— Но речь шла о какой-то планете. Это то, что я слышала, и это похоже на правду, потому что вы охотник за планетами. Там действительно было так красиво, как говорят?

— Мисс Фостер, — сказал я, — эта планета была прекрасна. Похожа на Землю в доледниковый период.

— Что же тогда с ней случилось? Рассказывали разное. Одни говорили о вирусе, другие — о губительном климате. Третьи считали, что никакой планеты и не было.

Я усмехнулся, сам не знаю почему. Мне было не до смеха.

— Дело обстояло иначе, — сказал я. — Одна маленькая деталь. Она уже была населена разумными существами.

— Но вам следовало бы это знать...

— Не обязательно. Они были немногочисленны. И их было трудно обнаружить. Как исследовать планету, чтобы удостовериться в ее обитаемости?

— Не знаю, — сказала Сара.

— Я тоже.

— Но вы...

— Я охотился за планетами. Я не изучал их. Ни один охотник за планетами не снаряжен для исследования планет. У него, естественно, может быть представление о ней. Но у него не хватит ни оборудования, ни помощников, ни знаний, чтобы во-

зиться с этими проблемами. Исследование, проведенное первооткрывателем планеты, не имеет юридического статуса. Должен быть соответствующий контроль. На планету заводится патент...

— Но несомненно, планета была запатентована. Вы не могли ее продать без этого.

Я кивнул.

— Патент был выдан, — сказал я. — Престижной исследовательской фирмой. Чистая работа. Я был заинтересован в результатах, но допустил ошибку. Я дал денег, чтобы они вложили их в экспедиционное оборудование и больше платили людям. Я хотел, чтобы они поскорее сделали дело. Дюжина фирм по торговле недвижимостью уже представила выгодные предложения, и я боялся, что может возникнуть другая планета, которая окажет конкуренцию.

— Вряд ли бы это произошло.

— Вы правы. Но попробуйте понять меня. Можно потратить всю жизнь на охоту за планетами и при этом ни разу даже на расстояние выстрела не приблизиться и к менее прекрасной планете. Но когда это наконец-то случается, ты оказываешься в плену диких фантазий. Ты просыпаешься по ночам в холодном поту от страшных снов. Ты знаешь, что больше не попадешь в цель. Что это твой единственный и последний шанс. И невозможно вынести мысль, что появится кто-то — и все пойдет прахом.

— Кажется, я понимаю. Вы спешили.

— Вы чертовски правы! И исследователи спешили не меньше, чтобы отработать мои деньги. Не хочется говорить, что они были недобросовестны, хотя боюсь, это так. Но надо отдать им должное. Разумные формы обитали в районе джунглей, незначительном по площади, и поэтому не были заметны. Если бы миллион лет назад на Земле проводились подобные исследования, то не было бы обнаружено ни единого человека. Тогда разумные организмы находились на той же стадии развития, что и на моей планете. Это были питекантропы. В свое время питекантропы не могли повлиять на результаты изучения Земли. Их насчитывалось немного, они были скрыты из виду и не строили зданий.

— Ваша компания здорово ошиблась, — заметила Сара.

— Ага, — сказал я, — ошиблась.

— А что, не так?

— О, именно так. Но попытайтесь объяснить это миллиону поселенцев, которые в мгновение ока перебрались на планету, обустроили свои фермы, основали маленькие города, и уже начали любить свою новую страну. Попробовали бы вы объяснить все фирме по торговле недвижимостью, когда эти миллионы поселенцев вопили о возвращении своих денег и требовали возмес-

тить ущерб. И вот тогда всплыла история с моим денежным вкладом.

— Они решили, что вы дали взятку?

— Мисс Фостер, — сказал я, — вы попали в точку.

— Но это правда? Это была взятка?

— Я не знаю. Я бы не сказал так. Я абсолютно уверен, что когда я предложил, а потом дал деньги, я не считал их взяткой. Просто я вложил некоторую сумму, чтобы ускорить дело. Хотя я чувствовал, что фирма будет вынуждена постараться для меня больше, чем для кого-нибудь другого, не предоставившего вклада. Что им придется закрыть глаза на некоторые проблемы.

— Вы хранили деньги в земном банке. На расчетном счету. Вы делали так в течение многих лет. Это выглядит не слишком честно.

— За это петлю не накинешь, — объяснил я. — Для деловых людей космоса здесь нет ничего необычного. Земля — единственная планета, где можно открыть расчетный счет. Кроме того, земной банк — самый надежный. Чек, выданный на Земле, везде вызывает уважение, чего вы не скажете о чеках с других планет.

Сара улыбнулась.

— Странно, — сказала она. — Что-то в вас меня привлекает, а что-то отталкивает. Как вы собираетесь поступить с Джорджем, когда мы покинем это место?

— Если его поведение не изменится, нам вскоре придется его хоронить. Сколько времени он может обходиться без еды и питья? Я не умею кормить насильно. Может, у вас получится?

Она сердито покачала головой.

— Как насчет корабля? — спросила Сара, меняя тему.

— А что вас беспокоит?

— Возможно, нам бы следовало не покидать город, а вернуться на поле.

— Зачем? Постучать по скорлупе? Попробовать открыть корабль кувалдой? А где ее взять?

— Корабль еще пригодится нам.

— Может, да, — сказал я. — Может, нет. Нужна информация. Вы не думаете, что если нашелся кто-нибудь способный так просто убрать вязкую дрянь, покрывающую корабль, это уже давным-давно сделано?

— Возможно, они так и поступили. Или кто-то другой расковырял покрытие. Как узнать?

— Сложный вопрос. Но если история про вибрацию не выдумана, то город не место для прогулок.

— Итак, мы уходим, даже не попытавшись возвратиться на корабль?

— Мисс Фостер, — сказал я, — мы напали на след Лоуренса Арлена Найта. Разве вы не этого хотели?

— Да, конечно. Но корабль...

— Решайтесь, — сказал я. — Что же, черт возьми, вам надо?

Она спокойно посмотрела на меня.

— Отыскать Найта.

7

Она разбудила меня перед рассветом.

— Джордж исчез! — крикнула она. — Он был здесь только минуту назад. Потом я взглянула опять, а его уже нет.

Я тотчас встал. Я не мог проснуться окончательно, но в ее голосе звучала тревога, и я заставил себя действовать быстро.

Вокруг было темно. Костер догорал и больше не отбрасывал тусклый свет. Джордж исчез. Место возле стены, где он находился, пустовало. Фигура робота неестественно вырисовывалась на фоне стены. Рядом лежало снаряжение, сброшенное в кучу.

— Может быть, он проснулся, — предположил я, — и ему надо было выйти...

— Нет! — закричала она. — Вы забываете, что он слепой. Он бы попросил Тэкка, чтобы тот вывел его. А он никого не позвал. Он даже не шевельнулся. Я бы услышала. Я сидела вот тут, у костра, и смотрела в сторону двери. За миг до этого я взглянула на Джорджа. Он был на своем месте. А когда я посмотрела снова, его уже не было...

— Стоп! — сказал я. Сара была на грани истерики, и я боялся, что, если она будет продолжать рассказ, она сорвется. — Подождите немного. Где Тэкк?

— Там. Спит, — она махнула в сторону, и я увидел скрюченного человека, спящего у костра. За ним угадывались расплывчатые контуры лошадок. Скорее всего, роботы не спали. Очень глупо с их стороны, подумал я. Они, очевидно, никогда не спят. Они попросту стояли и наблюдали за нами.

Свистуна тоже нигде не было видно.

Сара права. Если бы Смит очнулся и ему что-либо понадобилось — глоток воды или справить нужду или что-то в этом роде — ему бы потребовалась помощь. Он бы поднял шум и позвал Тэкка, своего всегда заботливого, всегда любящего Тэкка. И Сара услышала бы каждое его движение. Нас обступала та оглушающая тишина, которая воцаряется в пустом доме, покинутом

обитателями. Падение булавки, чирканье спичкой, дыхание, шорох одежды — каждый звук был бы слышен и заставил бы насторожиться.

— Ну что же, — сказал я. — Он исчез. Вы не слышали его. Он не позвал Тэкка. Мы будем его искать. Надо сохранять спокойствие. Мы не собираемся никого списывать со счета.

Я поежился от холода. Мне было плевать на Смита. Он исчез, и хорошо, если мы никогда не найдем его. Он был чертовски обременителен. Но я не переставал мерзнуть. Холод зарождался внутри меня и только потом леденил кожу. Я сгорбился и напрягся, потому что начинал дрожать от холода.

— Мне страшно, Майк, — сказала Сара.

Я сделал несколько шагов по направлению к Тэкку.

Склонившись над монахом, я увидел, что он спит не так, как обычно спят люди. Он свернулся калачиком, как дитя в материнской утробе, плотно завернувшись в коричневую рясу. Руками он крепко сжимал свою дурацкую куклу, устроив ее между коленями и грудью. Он напоминал трехлетнего ребенка, затащившего в безопасный мир своей постели плюшевого медвежонка или зайца с оторванным ухом.

Я готов был разбудить его, но остановился. Я стыдился потревожить этого скрюченного человечка, погруженного в глубокий сон, и возвратить его в кошмар холодной ночи, в пустое здание на чужой непонятной планете.

— Что случилось? — спросила Сара.

Я потряс Тэкка за костлявое плечо.

Еще одурманенный сном, он медленно просыпался. Одной рукой он тер глаза, другой — крепче прижал к себе отвратительную куклу.

— Смит исчез, — сообщил я. — Мы идем на поиски.

Тэкк выпрямился. Он продолжал тереть глаза и, казалось, не понимал значения моих слов.

— Вам непонятно? — спросил я. — Смит исчез.

Он покачал головой.

— Не думаю, что он исчез, — сказал Тэкк. — Полагаю, что его забрали.

— Забрали? — воскликнул я. — Кто, черт возьми, уведет его? Кому он нужен?

Он снисходительно посмотрел на меня. Я готов был придушить его за этот взгляд.

— Вы не понимаете, — сказал он. — Вы никогда не понимали. И не поймете. Вы ничего не ощущаете, не правда ли? Вокруг вас происходят события, а вы ничего не чувствуете. Вы чересчур грубы

и материалистичны. Животная сила и напыщенность — вот все, что привлекает вас.

Я уцепился за его рясу и резко обернул ее вокруг монаха. Потом я поднялся на ноги, потянув его за собой. Он попытался ослабить мою хватку, и кукла выпала у него из рук. Я отпихнул ее ногой далеко в темноту.

— Ну, отвечай, — закричал я, — в чем дело? Что же такое происходит, чего я не замечаю, или не чувствую, или не понимаю?

Я тряс Тэкка с такой силой, что его руки безжизненно повисли, голова подскакивала, зубы стучали.

Подошла Сара и схватила меня за руку.

— Оставьте его! — кричала она.

Я отпустил Тэкка. Некоторое время он стоял, покачиваясь.

— Что он сделал? — спросила Сара. — Что он сказал вам?

— Вы сами слышали. Он сказал, что Смита забрали. Кто забрал — вот что мне надо знать. Куда? И почему?

— И я хочу выяснить это, — сказала Сара.

Слава Богу, на этот раз она на моей стороне. А несколько минут назад она назвала меня по имени.

Тэкк отступил от нас, постанывая. Потом он вдруг отпрыгнул, исчезнув в темноте.

— Эй, куда!? — крикнул я, следуя за ним.

Но прежде, чем я настиг его, он остановился, нагнулся и подобрал ту самую смехотворную куклу.

Я с отвращением повернулся и, с трудом пробираясь в темноте, возвратился к огню. Я вытащил палку из кучи поленьев, сгреб ею горящие головни и положил три или четыре деревяшки на угли. Языки пламени сразу же начали лизать дерево.

Я сидел у костра и смотрел, как Сара и Тэкк медленно двигались по направлению к костру. Я ждал, пока они приблизятся, и сидел на корточках, глядя на них снизу вверх.

Они остановились передо мной. Первой заговорила Сара.

— Мы будем искать Джорджа?

— А где?

— Хотя бы здесь, — сказала Сара, указывая в темноту.

— Вы не слышали, как он ушел, — ответил я. — Вы видели его в течение всей ночи, потом в какой-то момент вы заметили, что он отсутствует. Вы не слышали, как он шевелится. Если бы он сделал хоть одно движение, вы бы услышали. Он не мог встать и на цыпочках уйти. У него не было времени для этого, кроме того, он был слепой и вряд ли осознавал, где находится. Если бы он очнулся, он был бы в растерянности и позвал нас.

Я обратился к Тэкку:

— Что вам известно о нем? О чем вы пытались мне поведать?

Он потряс головой, как упрямый ребенок.

— Поверьте, — сказала Сара. — Я не спала. Я даже не дремала. После того, как вы разбудили меня и заснули, я была все время начеку. Как я говорю, так и было.

— Я верю вам, — успокоил я ее. — Я не сомневаюсь в ваших словах. Стоит выслушать Тэкка. Если он знает что-то, пусть скажет сейчас, прежде чем мы куда-либо рванем.

Мы больше не обращались к Тэкку. Мы просто ждали, и наконец, он заговорил:

— Вы знаете, что был голос. Голос, принадлежавший его другу. И здесь Джордж нашел его. Прямо здесь, в этом самом месте.

— И вы считаете, что этот друг забрал его?

Тэкк кивнул.

— Не знаю, каким образом, — сказал он, — но надеюсь, это так. Джордж заслужил это. Наконец-то и он познал радость. Многие недолюбливали его. Он часто раздражал. Но он обладал прекрасной душой. Он был благородным человеком.

О Боже, сказал я себе, благородный человек! Господь, сохрани меня от всех этих благородных нытиков.

— Вы принимаете версию? — спросила Сара.

— Трудно сказать. Что-то произошло с ним. Может быть, Тэкк не ошибается. Смит не уходил. Он исчез не по своей воле.

— А кто он — этот друг Джорджа? — поинтересовалась Сара.

— Не кто, — сказал я, — а что.

И, сидя перед костром, я припомнил шум крыльев, возникший в высях этого темного заброшенного здания.

— В доме что-то происходит, — сказал Тэкк. — Вы должны чувствовать.

Из мрака донесся стук, быстрый, ритмичный стук, все время усиливающийся. Звук приближался. Мы повернулись лицом к темноте. Сара приготовила винтовку, Тэкк отчаянно сжимал куклу, как будто он принимал ее за талисман, способный спасти его от любых напастей.

Я первым увидел того, кто стучал.

— Не стреляйте! — крикнул я. — Это Свистун.

Он шел к нам. Его многочисленные ножки блестели при свете костра и стучали по полу. Когда он увидел, как мы встречаем его, он остановился, потом медленно приблизился.

— Обо всем осведомлен, — сказал он. — Узнал, что он покинул нас, и поспешил обратно.

— Что-что? — переспросил я.

— Ваш друг исчез. Я его не ощущаю.

— Ты узнал об этом в момент исчезновения? Как это возможно?

— Все вы, — сказал Свистун, — всегда в моем сознании. Даже

когда вас не вижу. Один исчез из сознания, я решил — трагедия, и вернулся.

— Вы сказали, что слышали, как он ушел, — сказала Сара. — Это случилось только сейчас?

— Совсем недавно, — ответил Свистун.

— Вы знаете, куда он делся? Что с ним произошло?

Свистун устало помахал щупальцем.

— Не могу знать. Знаю — ушел. Бессмысленно искать.

— Хотите сказать, что он не здесь? Не в этом здании?

— Не в этом строении. Не извне. Не на этой планете. Полностью исчез.

Сара посмотрела на меня. Я пожал плечами.

— Почему вы способны поверить только в то, что трогаете и видите? — спросил Тэкк. — Почему вы думаете, что все тайны возможно раскрыть? Почему вы мыслите только категориями физических законов? Неужели в ваших умишках нет места чему-то большему?

Мне хотелось стереть его в порошок, но в тот момент было глупо обращать внимание на такое дерьмо, как он.

— Можно поискать, — предложил я. — Не верится, что мы найдем его, но можно попробовать.

— Я буду чувствовать себя лучше, если мы рискнем, — ответила Сара. — Ничего не предпринять было бы неправильно.

— Не верите моей информации? — спросил Свистун.

— Не думай так, — сказал я. — Ты, безусловно, прав. Но представители нашей расы преданы друг другу. Это сложно объяснить. Если даже надежды не осталось, мы все равно идем до конца. Вероятно, это нелогично.

— Логики нет, — согласился Свистун. — Бессмысленно, но привлекательно. Иду и помогу искать.

— Нет необходимости, Свистун.

— Не позволяете участвовать в преданности?

— Ну, хорошо, пойдем, — согласился я.

— Я тоже пойду, — сказала Сара.

— Ни в коем случае, — ответил я. — Кто-то должен следить за лагерем.

— А Тэкк? — спросила Сара.

— Вам следует знать, мисс Фостер, — сказал Тэкк, — что он не доверит мне ничего и никогда. Кроме того, вы поступаете глупо. Это создание говорит правду. Вы не найдете Джорджа, где бы вы его ни искали.

8

Едва мы немного продвинулись в глубь здания, как Свистун сказал:

— Хотел рассказать новости, но не стал. Казались неважными по сравнению с печальным уходом спутника. Рассказать сейчас?

— Я слушаю.

— Касается семян, — сказал Свистун. — Великая тайна в немощном разуме.

— Ради Бога, — взмолился я, — хватит ходить вокруг да около.

— Одобряю откровенный разговор. Все укажу. Будь добр, измени направление.

Он резко свернул, и я пошел за ним. Мы увидели большую металлическую решетку в полу.

— Семена внизу, — сказал Свистун.

— И что это означает?

— Пожалуйста, смотри. Освети яму.

Я встал на четвереньки и направил луч в яму. Я склонился так низко, что прижался лицом к металлическим прутьям.

Яма казалась огромной. Луч света не достигал стен. А под решеткой в огромную кучу были свалены семена, и их было значительно больше, чем могли собрать крысовидные твари накануне.

Я попытался понять, почему Свистун придает яме такое значение, но, ничего не заметив, встал и выключил фонарь.

— Не вижу ничего необычного, — сказал я. — Это склад провианта, не больше. Крысы приносят семена и сбрасывают их вниз.

— Ошибаешься, — не согласился Свистун. — Вечное хранилище. Я смотрю. Я просовываю свою смотрелку между прутьями. Я вожу ею из стороны в сторону. Я исследую колодец. Я вижу, пространство закрыто. Семена попадают внутрь, и нельзя взять их обратно.

— Но внизу темно.

— Темно для тебя. Не для меня. Умею настраивать зрение. Умею видеть во всех частях космоса. Умею видеть дно сквозь семена. Умею больше, чем просто видеть. Умею подробно изучать поверхность. Нет выхода. Нет даже запертого выхода. Нет возможности вынуть их. Маленькие сборщики собирают семена, но не для себя.

Я вновь взглянул вниз и увидел там тонны семян.

— Нашел много любопытного.

— Что еще? Что еще ты выискал?

— Груды ветоши. Как та, в которой нашли дрова. Следы на

стенах и полу, оставленные сдвинутой мебелью. Место для поклонения.

— Алтарь?

— Не знаю про алтарь, — сказал Свистун. — Место для поклонения. Священное. И дверь. Ведет к выходу.

— К выходу куда?

— Из дома.

— Почему ты не сказал сразу? — закричал я.

— Я говорю сейчас, — ответил Свистун. — Сомневался, в связи с пропавшим другом.

— Давай пойдем к ней.

— Но, — сказал Свистун, — сначала внимательно ищем исчезнувшего товарища. Прочешем все, без надежды однако...

— Свистун!

— Да, Майк?

— Ты сказал, его нет здесь, и ты уверен в этом.

— Уверен, конечно. Все же ищем его.

— Нет, не будем. Твоего слова достаточно.

Он посмотрел в закрома, покрытые мглой, и увидел, что нет ни выхода, ни входа. Он мог больше, чем просто видеть. Он не видел: он знал. Мы все были в его сознании, и один из нас исчез. И этого довольно. Если он сказал, что Смита больше нет, то я был не прочь согласиться с ним.

— Не знаю, — сказал Свистун. — Я бы не хотел...

— Все нормально, — ответил я. — Давай поищем дверь.

Он повернулся и засеменил в темноту. Я поправил ружье на плече и пошел вслед за ним. Мы двигались в тишине, и малейший шорох отзывался громким шумом. Неожиданно я увидел, как сплошную тьму разорвало пятно слабого света. Впереди маячила приоткрытая дверь. Мне показалось, что какая-то фигура промелькнула в проеме, но я не был уверен.

Мы шли дальше в пустоту, далекий свет костра позади нас становился все бледнее и бледнее. Над головой я ощущал огромное пространство, упирающееся в крышу. Вдруг Свистун остановился. Я не мог разглядеть стену, но она была там, впереди, через несколько футов. Полоска света стала шире. Свистун открыл дверь настежь. Дверца была невелика. Меньше двух футов в ширину, и такая низкая, что мне пришлось нагнуться.

Передо мной простиралась красно-желтая местность. Дом был окружен оградой, сложенной из того же темно-красного камня, что и само здание. Впереди, довольно далеко, виднелись деревья, но дерево, которое стреляло в нас, было скрыто из виду домом.

— Сможем ли мы вновь открыть дверь, когда захотим вернуться? — поинтересовался я.

Свистун внимательно изучил внешнюю сторону раскрытой двери.

— Безусловно, нет, — ответил он. — Открывается только изнутри.

Я выбрал небольшой валун, подкатил его к двери и засунул под нее, чтобы она случайно не закрылась.

— Пойдем, — позвал я. — Посмотрим. Но старайся идти за мной.

Я направился налево вдоль дома. Дойдя до края стены, я выглянул из-за угла и увидел дерево.

Оно заметило меня, или почувствовало, или как-то иначе узнало обо мне и, когда я вторично выглянул, оно принялось стрелять. От него отделялись черные точки, и по мере приближения, они раздувались, как шары.

— Ложись! — крикнул я. — Падай!

Я отпрянул к стене и упал на Свистуна, закрывая лицо руками. Надо мной взрывались стручки. Какой-то из них ударил по углу здания. Семена проносились, издавая свистящий монотонный звук. Одно задело мое плечо, другое ударило в ребро. Они не причиняли мне вреда, только жалили, как осы. Другие с легким завыванием рикошетом отскакивали от стены.

Все стихло, и я встал. Не успел я как следует выпрямиться, как начался новый обстрел. Я опять бросился на спину Свистуна. В этот раз семена не задели меня серьезно, только слегка царапнули шею, и кожа в этом месте горела, как от ожога.

— Свистун, — позвал я. — Ты можешь быстро бегать?

— Передвигаюсь очень быстро, — ответил он, — когда в меня бросают различные предметы.

— Тогда слушай.

— Весь обратился в слух.

— Дерево стреляет залпами. После очередного залпа я крикну, а ты попытайся рвануть к двери. Держись поближе к стене. Не выпрямляйся. Сейчас ты лежишь головой к двери?

— Нет, — ответил Свистун. — Развернусь.

Он завертелся подо мной. Грянул новый залп. Семена прыгали вокруг меня. Одно укусило меня в ногу.

— Подожди, — сказал я. — Когда ты доберешься до мисс Фостер, передай ей, чтобы она погрузила мешки на лошадок и увела их с собой. Мы уходим.

На нас обрушился новый шторм снарядов. Семена барабанили по стенам и прыгали по песку. Песчинки угодили мне в глаза, однако, в остальном вроде бы пронесло.

— Давай! — крикнул я и, пригнувшись, выбежал из-за угла, держа руку на спусковом крючке. Семена, как буря, свирепствовали вокруг. Я почувствовал удар в челюсть и в голень. Меня качнуло,

и я чуть не упал, но заставил себя бежать дальше. Интересно, как дела у Свистуна, подумал я, но у меня не было возможности оглянуться.

Я поравнялся с углом здания и увидел дерево — возможно, в трех милях от меня. Непросто было определить расстояние.

Я поднял ружье. От дерева ко мне направлялись черные точки, похожие на комаров, но я выждал. Я прицелился, затем нажал на курок. Ружье, выстрелив, дернулось вниз. Лазерный луч блеснул яркой вспышкой и исчез, и прежде чем дерево ответило, я бросился ничком на землю.

Миллионы кулачков заколотили по моей голове и плечам — несколько стручков врезалось в стену и разорвалось, осыпая меня градом семян.

Я привстал на колени и посмотрел в сторону дерева. Я видел, что оно пошатнулось и начало опрокидываться. Стряхнув песок с ресниц, я наблюдал, как оно все ниже и ниже клонится к земле. Дерево падало медленно, как бы неохотно, как бы пытаясь выстоять. Потом оно стало набирать скорость и все быстрее валиться на землю, опускаясь с небес.

Я поднялся и провел рукой по шее. На ладони остался кровавый след.

Дерево рухнуло, и земля задрожала, как от мощного взрыва. Над местом падения дерева поднимался столб пыли и осколков. Я повернулся, чтобы направиться к двери, и не смог сдвинуться с места. Голова разрывалась от боли. Однако я успел заметить, что дверь была открыта, возле нее стоял Свистун, но войти не представлялось возможным, потому что из дома сплошным потоком выбегали крысообразные существа. Грызунам, наверно, было тесно в узком дверном проеме, они забрались один на другого, и теперь толпа крыс, движимых отчаянным желанием собрать упавшие семена, неслась сквозь проход, как бурный ручей, загнанный в тонкий шланг.

Я падал — нет, парил — сквозь вечность и пространство. Я понимал: это падение, но я падал не просто медленно; пока я падал, земля отдалялась от меня, уходила из-под ног, и как долго я ни падал, земля не приближалась, а наоборот, оказывалась все дальше и дальше. И в конце концов земля исчезла совсем, опустилась ночь, и я стал тонуть в непроглядной темноте, окутывающей меня.

Время тянулось бесконечно, но все же темнота отступила, и я открыл глаза, которые почему-то закрылись, когда я упал в темноту. Я лежал на земле, а надо мной было ярко-голубое небо и солнце.

Возле меня стоял Свистун. Крысы ушли. Облако пыли рассеивалось над тем местом, где свалилось дерево. Неподалеку возвышалась красная каменная стена. Было тихо.

Я попробовал сесть и обнаружил, что эта попытка отняла у меня последние силы. Ружье лежало под боком, и я взял его в руки. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что оно сломано. Ствол был искорежен, а приклад наполовину разбит. Я положил ружье на колени, хотя мог бы его выбросить: ни один человек в здравом уме не осмелился бы им воспользоваться, а починить его было невозможно.

— Выпил твою жидкость, вот что я сделал, — проверещал Свистун весело. — И поместил обратно. Надеюсь, не сердишься.

— Что-что?

— Не о чем говорить, — просвистел он, — дело сделано.

— Какое дело?

— Выпил твою жидкость.

— Черт возьми, подожди минутку! — недоумевал я. — Что это значит?

— Ты был наполнен смертоносной жидкостью, — объяснил он, — в результате ударов. Смертельно для тебя. Но не смертельно для меня.

— И ты ее выпил?

— Что еще было делать? Процедура общепринята.

— Господи, спаси! — воскликнул я. — Вот тебе и живой фильтр с щупальцами!

— Слова твои не понятны, — пожаловался Свистун. — Я освобождаю тебя от жидкости. Я отделяю вредное вещество. Я наполняю тебя опять. Внутри тебя нахожу биологический насос. Но волнуюсь, волнуюсь, волнуюсь! Думаю, опоздал. Теперь вижу — нет.

Мне снова надо было лечь. Я сидел всего одну минуту — долгую, долгую минуту — и ту с превеликим трудом. И все же я был живой — больной и ослабевший, но живой. Я вспомнил ощущение, что у меня разрывается голова, вспомнил, как я падал, как мне было плохо, очень плохо. Семена, ударявшие до этого, ни разу не поранили меня до крови. А в тот раз, когда я вытер шею, на руке осталась кровь.

— Свистун, — прошептал я. — Кажется, я обязан тебе...

— Ты ничего не должен, — ответил Свистун счастливым голосом. — Я плачу долг. Меня ты спас раньше. Теперь расплачиваюсь. Квиты. Не хотел тебе говорить. Боялся, что грех. Запрещается твоей религией, возможно. Может быть, нельзя проникать в тело. Поэтому не хотел говорить. Но ты принял спокойно, и все правильно.

Мне удалось подняться на ноги. Ружье упало с колен и так ударило меня по ноге, что я снова свалился. Я был без сил.

Свистун внимательно наблюдал за мной при помощи щупалец, оснащенных глазами.

— Ты нес меня раньше. Я тебя не могу, — сказал он. — Если привяжешься ко мне, могу тебя тащить. Имею сильные ноги.

Я отверг предложение.

— Иди один, — сказал я. — Веди меня. Я справлюсь сам.

9

Тэкк пытался изображать настоящего мужчину. Они с Сарой усадили меня на лошадку, и он настоял на том, чтобы Сара ехала на второй, ненагруженной, лошади. Сам он собирался идти пешком. Мы спустились по пандусу, вышли на тропу и двинулись. Тэкк, вцепившись в куклу, шагал впереди, а Свистун замыкал шествие.

— Я надеюсь, — сказал мне Доббин. — В этот раз вам не выжить. Я хочу сплясать на ваших костях.

— А я на твоих, — парировал я.

Не самый умный ответ, конечно, но я был не в лучшем состоянии. Я чувствовал себя неуверенно и едва сидел в седле.

Тропа привела нас на вершину высокого холма, и с нее мы увидели дерево. Оно находилось на расстоянии нескольких миль и казалось больше, чем я предполагал. Упав, оно перегородило дорогу. Разломанный ствол напоминал ствол дерева, срубленного топором. Из трещин во все стороны вылезали серые букашки. Они ползали, кишели вокруг поверженного дерева, сновали по тропе. Их было очень много, и они издавали тонкий пронзительный писк, от которого меня передергивало.

Доббин нервно покачивался, и в его странном ржании слышался не то гнев, не то испуг.

— Вы пожалеете об этом, — взвизгнул он. — Никто до сих пор не осмеливался поднять руку на дерево. Никогда еще обитатели ствола не ступали на землю.

— Малый, — сказал я, — дерево превратило меня в мишень. Если в меня не стреляют, то и я не стреляю в ответ.

— Надо обойти, — предложила Сара.

Тэкк посмотрел на нас.

— Здесь обойти быстрее, — он махнул влево, где находился пень, срезанный по диагонали лазерным лучом.

Сара согласилась:

— Идите вперед.

Тэкк сошел с тропы на бугристую землю, усеянную круглыми камнями, величиной с человеческую голову. Кругом разрастался низкий кустраник с острыми колючками. Под ногами у нас был песок, перемешанный с красной глиной и каменной крошкой.

Я подумал, что на протяжении миллиона лет какие-то существа молотили по камням, с целью превратить их в осколки.

Как только мы свернули с тропы, чтобы обойти дерево, серая масса букашек двинулась нам наперерез. Они ползли друг за другом и напоминали широкое подвижное полотно, волнующуюся реку с пенящимися водоворотами. Казалось, они никогда не остановятся.

Тэкк разгадал их намерение и ускорил шаг. Он почти бежал, но все время падал и спотыкался, потому что земля под ногами была неровной и коварной. Падая, он ударялся коленями о камни и, пытаясь подставить руки, не раз угодил ими в колючки. Он ронял куклу и останавливался, чтобы поднять ее, и кровь капала из его израненных пальцев на игрушку.

Лошадки тоже прибавили шаг, но всякий раз, когда Тэкк, запутавшись в рясе, растягивался на земле, они притормаживали.

— У нас ничего не получится, — сказала Сара, — пока он плетется впереди. Я спешиваюсь.

— Нет! — решительно возразил я.

Я попробовал спрыгнуть с лошади, но сделал это так неловко, что только обладая большой фантазией, можно было назвать мою попытку прыжком. Приземлившись, я лишь чрезвычайным усилием воли удержался на ногах и не упал прямо лицом в колючий куст. Я побежал вперед и схватил Тэкка за плечо.

— Возвращайся и садись на Доббина, — приказал я. — Дальше пойду я.

Он повернулся ко мне, и я увидел, что его глаза горели злобой. Его лицо прямо-таки перекосилось от гнева. Не было сомнения, он ненавидел меня.

— Вы никогда не давали мне шанс! — крикнул он. — Никому и никогда! Вы хапаете все сами.

— Убирайся и садись в седло, — повторил я. — Если ты этого не сделаешь, я поколочу тебя.

Я не стал дожидаться, пока он выполнит мой приказ, и двинулся вперед, осторожно выбирая дорогу. В отличие от Тэкка я не бежал, а просто шел быстрым шагом. Я по-прежнему неуверенно держался на ногах, у меня сосало под ложечкой, перед глазами все расплывалось, и голова кружилась.

И несмотря на все это — на ватные ноги, пустой желудок, звон в ушах, я размеренно пробирался вперед и даже успевал замечать, как ширится серая живая лента.

Букашки быстро ползли в нашу сторону. Их процессия явно напоминала боевой порядок, и я понял, что, как ни старайся, невозможно избежать встречи. Надо попытаться обойти их с фронта,

в этом случае нам грозит столкновение лишь с авангардом, но не с основными частями.

По мере того, как мы приближались к букашкам, их писк звучал все громче и все больше походил на протяжный вой, на плач заблудившихся существ.

Мои спутники наступали мне на пятки. Я попробовал идти быстрее, но чуть не грохнулся, и мне пришлось присесть, чтобы передохнуть.

Мы могли бы сделать крюк и обойти дерево в другом месте. Возможно, в этом случае нам удалось бы избежать нападения серых букашек. Но вероятность удачи была мала, да и времени терять нельзя. Будет лучше просто не сводить глаз с авангардных рядов и пройти между ними.

Конечно, трудно предугадать, насколько они опасны. Если они будут вести себя слишком угрожающе, мы всегда сможем убежать. Какая досада, что лазерное ружье сломано! Единственное оружие, которым мы располагаем, — это баллистическая винтовка Сары.

Одно время я даже надеялся, что мы опередим их и сможем спокойно продолжать путь. Но я ошибся, они накатывались на нас, и мы задевали ногами за край огромного ковра.

Букашки оказались крохотными — не более фута в высоту — и выглядели как улитки. Только вместо улиточьих рожиц у них были человеческие лица, или, скорее всего, пародии на них — смешные, безучастные, большеглазые физиономии — такие встречаются в мультфильмах. Визги букашек стали отчетливей и превратились в слова. Естественно, это были не слова, составленные из определенных звуков, но так или иначе их взвизгиванье и вой воспринимались как слова, и было понятно, что *именно* они кричат. Они выкрикивали разное, но каждый раз об одном и том же, и это было ужасно.

— Мы бездомные, — многоголосо кричали они. — Ты лишил нас крова. Ты разрушил наш кров, и теперь у нас нет крыши над головой. Что же с нами будет? Мы в растерянности. Мы нищие. Мы голодные. Мы погибнем. Мы не знаем, куда податься. Мы не желаем другого дома. Мы довольствовались малым, а теперь ты забрал у нас и это. Какое право имел ты обездолить нас — ты, обладающий многим? Что это за существо, которое вышвырнуло нас в мир, неизвестный, ненужный? Можешь не отвечать. Но рано или поздно тебе придется дать ответ — и что ты скажешь?

Конечно же, слова не были связаны, не лились сплошным потоком, не заключали утверждений, не складывались в вопросы. Но именно это слышалось в отрывочных звуках, именно это хотели сказать нам крохотные ползучие осиротевшие существа, которые знали, что мы ничего не можем, да и не хотим сделать для них.

Смысл их стона скрывался не только в словах, но и в лицах, на которых читалось горе, растерянность, беспомощность и жалость. Да, жалость к нам — низким, распутным, греховным созданиям, способным лишить их дома. Эта жалость была для меня хуже всего.

Итак, путь перед нами был свободен, и вскоре визги позади нас начали стихать, а потом и вовсе смолкли, должно быть, мы слишком удалились от букашек, или они просто прекратили стенать, поняв, что плач уже не имеет смысла. Скорее всего, они с самого начала знали — жаловаться бесполезно, но не могли сдержаться.

Рыдания стихли, но слова не выходили у меня из головы, и в душе зарождалось и росло, росло, росло осмысление того, что простым нажатием на курок я убил не только дерево, но и тысячи несчастных маленьких существ, для которых дерево было пристанищем. Непонятно отчего я вспомнил, как в детстве мне рассказывали про эльфов, живущих в старом величественном дереве за нашим домом. Хотя, надо сказать, эти серые визгуны, Господь свидетель, не похожи на эльфов.

Глухая злоба поднималась во мне. Надо было как-нибудь погасить ощущение собственной вины, и я пытался оправдать выстрел в дерево. Это оказалось простым делом и не потребовало долгих размышлений. Дерево хотело убить меня, и оно бы добилось своего, если бы не Свистун. Дерево хотело убить меня, а я вместо этого убил его, и это было справедливо с любой точки зрения. Но убил бы я его, спрашивал я себя, если бы знал о сотнях тысяч букашек, населяющих дерево? Я старался убедить себя в том, что не поступил бы так. Но я не верил своим мыслям. Я лгал сам себе. Если бы я знал, все бы повторилось!

Перед нами вырос остроконечный холм, и мы начали подъем. Мы шли вверх, и из-за холма показался ствол дерева. Чем выше мы поднимались, тем выше становился пень. Я вспомнил, что когда я выстрелил в дерево, я стоял лицом к северу и целился в ту часть дерева, которая смотрела на запад. Потом, вспомнилось мне, я провел ружьем влево и вниз, срезав ствол по диагонали, и заставил дерево свалиться ветвями на восток. Если бы я был предусмотрительней, я бы опрокинул дерево на запад. Тогда оно не перегородило бы тропу. Хлебнешь забот, если не подумаешь хорошенько перед тем, как что-либо предпринять!

Наконец мы поднялись на холм и смогли впервые рассмотреть пень. Перед нами был самый обычный пень, только очень большой, а вокруг него все поросло травой. Да, посреди красно-желтой равнины находился зеленый оазис, круглая поляна, в милю или больше диаметром, обступающая ствол.

Сердце защемило при взгляде на нее — она так напоминала о родине, о заботливо ухоженных лужайках, которые всегда появлялись там, где бы ни очутились представители человеческой расы. Я никогда раньше не задумывался о них, но теперь мне хотелось понять причину, которая заставляла отказавшихся от многих привычек людей все же сохранить обычай высаживать траву и ухаживать за ней даже на самых отдаленных планетах.

Лошадки выстроились в ряд на тонком гребне холма. Рядом со мной встал Свистун.

— Что это, капитан? — спросила Сара.

— Не знаю.

Очень странно, подумал я. Похоже на обычную лужайку. Но что-то подсказывало мне, что все не так просто.

Глядя на лужайку, хотелось спуститься к ней, растянуться на траве во весь рост, положив руки под голову и спрятав лицо под шляпой, и пролежать так полдня. Пусть там больше не было дерева, отбрасывающего тень, но все равно казалось, что нет ничего лучше, чем подремать на солнце.

В том-то и беда, — решил я. — Лужайка слишком заманчива, слишком знакома, слишком спокойна.

— Пойдем вперед, — предложил я.

Свернув влево, чтобы не очень приближаться к зеленому кругу, я начал спускаться с холма. Я шел, не отводя взгляда от лужайки, но ничего не происходило, совсем ничего. Я был готов к тому, что дерн превратится в страшное чудище, которое нападет на нас. Я представлял, как трава расступится и под ней обнажится геенна огненная, а из нее вылетят привидения.

Но лужайка продолжала быть лужайкой. Посредине стоял высоченный пень, а за ним лежал израненный ствол — бывшее жилище несчастных существ, выплеснувших на нас свое горе.

А впереди виднелась тропинка, тонкая грязная нить, извивающаяся по неровной местности и ведущая в неизвестность. На горизонте, утыкаясь ветвями в небо, стояли другие огромные деревья.

Я чуть не падал. Теперь, когда дерево оказалось позади и мы вновь вышли к тропе, нервное напряжение, которое не позволяло мне скиснуть, сошло на нет. Я поставил перед собой цель пройти один фут, потом другой, и все пытался держаться прямо, мысленно измеряя расстояние, отделяющее нас от тропы.

Наконец мы достигли ее. Я сел на валун и разрешил себе расслабиться.

Лошади остановились, построились в ряд. Тэкк смотрел на меня глазами, полными ненависти, и этот взгляд абсолютно не вязался со всем его обликом. Так он и восседал на лошади — пугало,

ряженное в драное монашеское платье, — по-прежнему прижимал к груди археологическую находку, напоминающую куклу. Он был похож на угрюмую девочку-подростка с печально-задумчивым лицом. Если бы Тэкк сунул большой палец в рот и принялся сосать его, это выглядело бы абсолютно естественно. Но что-то в его облике разрушало образ взлохмаченной маленькой девочки, и стоило только получше вглядеться в его длинное, остроносое лицо, почти такое же коричневое, как и ряса, — и огромные, мутные глаза озадачивали выражением ненависти, скрывающимся в них.

— Вы, как я полагаю, гордитесь собой, — отчетливо проговорил Тэкк, обнажив похожие на капкан зубы.

— Я не понимаю вас, Тэкк, — отреагировал я. И это была чистая правда: я не понимал, что он хочет сказать. Я никогда не мог понять монаха и, боюсь, уже никогда не сумею.

Он мотнул головой назад, туда, где осталось поваленное дерево.

— Вон там, — сказал он.

— А вы считаете, что я должен был оставить его в покое и позволить ему стрелять в нас?

Я не намеревался спорить с ним, я был как выжатый лимон. И я не мог уразуметь, с какой стати он так печется о дереве. Черт возьми, оно било по нему, точно так же, как и по остальным.

— Вы уничтожили их всех, — продолжал Тэкк, — тех, кто жил в дереве! Подумайте об этом, капитан. Какое грандиозное достижение! Один удар — и никого не осталось!

— Я не знал об их существовании, — парировал я. Я бы мог, конечно, добавить, что знай я о букашках, их участь бы не изменилась. Но я промолчал.

— И что же, — допрашивал он, — вам больше нечего сказать?

Я пожал плечами:

— Им просто не повезло.

— Отстаньте от него, Тэкк, — попросила Сара. — Откуда ему было знать?

— Он ни с кем не считается, — заявил Тэкк. — Ему ни до кого нет дела.

— Меньше всего он заботится о себе, — сказала Сара. — Он стал проводником вместо вас, потому что вы едва справлялись.

— Нельзя хозяйничать на чужой планете, — провозгласил Тэкк. — Надо подстраиваться под ее законы. Приспосабливаться к ней. Нельзя идти напролом.

Я был готов стерпеть его слова. Монах побрюзжал вволю. Он высказался и облегчил душу. Даже такой ничтожный человечишка, как Тэкк, имеет право почувствовать себя оскорбленным, когда

его останавливают на полдороге. Пускай монах обливает меня помоями, если от этого ему легче.

Я с трудом поднялся с камня.

— Тэкк, — сказал я, — я бы попросил вас сойти с лошади. Мне необходимо двигаться верхом.

Он спешился, и пока я пытался усесться в седло, мы оказались лицом к лицу. Его взгляд все еще был полон ненависти, даже более сильной, чем раньше. Едва шевеля тонкими губами, он прошептал:

— Я переживу тебя, Росс! Ты сдохнешь, а я останусь жив! На этой планете тебе воздастся по заслугам.

Я был еще слаб, но во мне осталось достаточно силы, чтобы схватить его и отбросить — он распластался в пыли. Кукла выпала у него из рук, и Тэкк, ползая на четвереньках, старался поднять ее.

Я ухватился за седло, чтобы не упасть.

— А теперь веди нас вперед, — приказал я. — И видит Бог, если ты вновь дашь маху, я спущусь и сделаю из тебя котлету.

10

Тропа извивалась по поверхности иссушенной земли, пересекая песчаные дюны и растрескавшиеся низины, которые недели и месяцы, а может быть, даже и годы назад заполнялись дождевой водой. Она карабкалась по изломанным, осыпающимся склонам, возвышающимся среди нелепых нагромождений земли, огибала шарообразные валуны. Грунт повсюду был красным и желтоватым, и только кое-где выделялись гладкие черные пятна в местах выхода на поверхность вулканической породы. Далеко впереди, иногда видимая глазу, а иногда сливающаяся с голубизной горизонта, возникала отсвечивающая пурпуром линия, которую можно было принять за горную гряду.

Растительность представляла собой редкий низкорослый кустарник, прижавшийся к земле, с торчащими то там, то здесь колючками. На безоблачном небе продолжало ослепительно сиять солнце, но жара по-прежнему не наступала — было все так же тепло и приятно. Солнце, наверное, было меньшего размера и не таким ярким, как наше земное, либо планета находилась от него на большем расстоянии.

На высоких склонах возвышались куполообразные каменные здания или, по крайней мере, какие-то сооружения, напоминавшие дома. Как будто кому-то срочно понадобилось временное убежище, и он, набрав плоских камней, которыми были усыпаны

окрестные склоны, сложил эти хрупкие пирамиды. Камни были незатейливо нагромождены один на другой, причем, видимо, не скреплены раствором. Некоторые сооружения хорошо сохранились, в других часть камней осыпалась, а встречались и такие, что совсем развалились и лежали бесформенной грудой.

Были также и деревья. Они поднимались со всех сторон и каждое из них тянулось вверх в горделивом одиночестве, отделенное от соседних пространством в несколько миль. Мы не приближались ни к одному из них.

Не было ни одного признака жизни. Кругом простиралась лишь земля — застывшая и неподвижная. Не было даже ветра.

Я держался обеими руками за луку седла, чтобы сохранить равновесие и все время боролся с искушением провалиться в зияющую темноту, которая наплывала на глаза, как только я переставал ей сопротивляться.

— Все в порядке? — спросила Сара.

Я даже не помню, ответил ли я ей, настолько я был поглощен стараниями не выпасть из седла и одолеть темноту.

Мы остановились на привал в полдень. Не помню, ели мы или нет, хотя полагаю, что ели. Хорошо помню одно. Мы расположились на участке бесплодной земли под одним из склонов, и я сидел, прислонившись к земляной стене, перед моими глазами находилась другая такая же стена, и я заметил, что она была образована отчетливо проступающими слоями обнаженной породы различной плотности. Некоторые слои были глубиной не более нескольких дюймов, другие — не менее четырех-пяти футов, и каждый из них имел свой неповторимый оттенок. По мере того, как я разглядывал эти слои, я постепенно начинал осознавать смысл исторических эпох, которые каждый из них представлял. Я пытался переключиться на что-нибудь другое, так как с этими мыслями возникало тревожное ощущение причастности к великой тайне. Казалось, я, подвластный чьей-то посторонней воле, сосредотачиваю все свои способности, концентрирую свою энергию и духовные силы на глубоком проникновении в суть времени, которое на моих глазах воскрешает стена. Но переключиться я не мог: по неведомой причине я должен был это делать, вынужден был прилагать все старания, чтобы добиться истины. Я мог лишь надеяться, что где-нибудь на пути познания достигну конечной точки — точки, за которой уже нет дороги вперед, или рубежа, на котором я пойму или почувствую все, что я должен понять или ощутить, подталкиваемый к этому невидимой рукой.

Время стало настолько осязаемым и реальным, что у меня вряд ли найдутся слова, чтобы описать мое состояние. Вместо

абстрактного понятия оно выступало в материальных формах, которые я мог не только отчетливо различать (хотя они не были ни видны, ни ощутимы), но также и осознавать. Причем годы и эпохи не прокручивались перед моими глазами, как в кино. Наоборот, они представали передо мной в застывшем виде. Словно хронологическая таблица вдруг ожила и окаменела. Через дрожащую зыбь временной структуры, как сквозь стекло витрины, плохо отшлифованное неумелым ремесленником, мне удалось смутно различить планету такой, какой она была в минувшие века; века, которые очутились не в прошлом, а перешли в настоящее. Я будто бы находился за пределами времени и был независим от него, я, как сторонний наблюдатель, мог разглядывать и изучать его, словно некую материальную форму, находившуюся в одном измерении со мной.

Еще я помню, как проснулся, и несколько секунд мне казалось, что я пробудился от бредового наваждения, в котором мне пригрезилось ожившее время. Но потом я понял, что это не так: перед глазами уже не было земли, я лежал спиной на подстеленных одеялах и был укрыт ими. Мое лицо было обращено к небу. Надо мной нависал небосвод, подобного которому я никогда в жизни не видел. Какое-то время я был просто ошарашен и лежал, пытаясь разгадать открывшуюся мне тайну. Затем, словно кто-то мне подсказал (хотя никто, конечно, не подсказывал), я понял, что передо мной наша галактика, раскинувшаяся на небосводе во всей своей красе. Почти над моей головой сиял ее центр, а вокруг него в водовороте раскручивались щупальца ответвлений и оторвавшиеся от них сегменты. Повернув голову, я увидел, что то здесь, то там, чуть выше линии горизонта, сверкали крупные звезды. И тут до меня дошло — я наблюдаю одно из немногих шаровидных звездных скоплений или, что менее вероятно, космических соседей той самой звезды, вокруг которой обращалась эта планета. Это были изгои, века назад покинувшие галактику и теперь затерявшиеся в бездне космоса на ее периферии.

Костер догорал всего в нескольких футах от меня, рядом, скрючившись, лежал кто-то, закутанный в одеяла. Неподалеку, слегка покачиваясь, стояли навьюченные лошадки. Тусклый свет костра отражался от их лоснящихся боков.

Кто-то сзади тронул меня за плечо. Я перевернулся. Передо мной на коленях стояла Сара.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила она.

— Хорошо, — ответил я. Это действительно было так. Я чувствовал себя каким-то обновленным и цельным, голова была чиста, и все мысли пронзительно ясны, словно я был первым чело-

веком, проснувшимся в первый день новорожденного мира, в первый час мироздания.

Я сел. Прикрывавшее меня одеяло сползло на ноги.

— Где мы? — спросил я.

— На расстоянии одного дня пути от города, — ответила Сара. — Тэкк хотел остановиться раньше. Он сказал, что ты не в состоянии путешествовать, но я настояла. Мне казалось, ты бы это одобрил.

Я удивленно покачал головой.

— Ничего такого не помню. Ты уверена, что Тэкк действительно сказал, что мы должны остановиться?

Она кивнула.

— Ты болтался в седле и совсем ослаб, но отвечал, когда с тобой заговаривали. И потом, не было места, подходящего для привала.

— Где Свистун?

— Охраняет. Где-то бродит, наверное. Он сказал, что не нуждается в отдыхе.

Я встал и потянулся. Потянулся так, как тянутся собаки после хорошего сна. Я чувствовал себя прекрасно. Боже, как мне было хорошо!

— Есть чем перекусить?

Она поднялась и рассмеялась.

— Над чем ты смеешься? — спросил я.

— Ни над чем. Над тобой.

— Почему?

— Теперь ясно, что у тебя все в порядке. Я беспокоилась, все мы беспокоились.

— А всё этот проклятый Свистун, — вздохнул я. — Это он выкачал из меня кровь.

— Я знаю, — кивнула она, — он мне все объяснил. Ведь он был вынужден это сделать. Другого выхода не было.

Меня аж передернуло, как только я представил, чем вся эта история могла закончиться.

— Невероятно, — сказал я.

— Свистун сам по себе невероятен, — ответила Сара.

— Нам повезло, что мы его встретили, — сказал я. — Подумать только, я ведь почти уже собрался оставить его в дюнах. Хотел было бросить. Мы уже столько всего натерпелись, что даже не хочется думать, сколько еще испытаний нас ждет впереди.

Она первой подошла к костру.

— Разведи огонь, — сказала она. — Я приготовлю что-нибудь поесть.

Рядом с костром лежал хворост и кривые ветви, наломанные с приземистых деревьев пустыни. Я наклонился и подложил несколько ветвей в костер, пламя вспыхнуло, жадно облизывая сухое дерево.

— Сюда бы лазерное ружье, — сказал я. — Без него мы как будто голые.

— Еще осталась моя винтовка, — заметила Сара. — Это грозное оружие. В надежных руках...

— Вроде твоих.

— Вроде моих.

Куча одеял рядом с костром оставалась все такой же неподвижной. Указав на нее, я спросил:

— Как там дела у Тэкка? Никаких признаков избавления от дурных привычек?

— Ты слишком жесток по отношению к нему, — сказала она. — Тебе бы следовало быть к нему снисходительным. Он другой, совсем не похож на нас с тобой... Ведь мы очень похожи друг на друга. Ты не думал об этом?

— Думал.

Она принесла кастрюлю и поставила ее на углу, присев на корточки рядом со мной.

— Мы оба выпутаемся, — сказала она. — Тэкк — нет. Где-нибудь по дороге он сломается.

С удивлением я поймал себя на мысли, что думаю о нем. Тэкк, возможно, утратил часть воли к жизни. С тех пор, как исчез Смит, существование по меньшей мере наполовину потеряло для него смысл. Не потому ли, размышлял я, он так привязался к этой кукле? Очевидно, он нуждался в ком-то, кого он мог бы обнять, к кому он мог бы приникнуть и, наконец, кто, в свою очередь, тоже нуждался бы в человеческом участии и защите? Правда, припомнил я, эта кукла появилась у него еще до исчезновения Джорджа. Да он и не казался особенно удивленным, когда все это произошло.

— Есть еще кое-что, — сказала Сара, — о чем тебе необходимо знать. Это касается деревьев. Ты сам сможешь увидеть, когда рассветет. Мы расположились как раз у подножия холма, а с его вершины отлично видны окрестности, в том числе много деревьев: двадцать, а то и тридцать. Они не выросли сами по себе. Их посадили. Я уверена в этом.

— Ты хочешь сказать, что они представляют собой нечто наподобие сада?

— Правильно, — ответила она. — Что-то вроде сада. Деревья находятся на равном расстоянии друг от друга. Все они посажены в шахматном порядке. У кого-то когда-то здесь был сад.

11

Мы продвигались все дальше, дальше и дальше. День за днем мы шли с рассвета до заката. Погода не менялась. Не было ни дождей, ни ветра. Местные природные особенности указывали на то, что дожди здесь редкость. Временами изменялся пейзаж. Случалось, мы поднимались и опускались по склонам холмов, шли по изрезанной оврагами местности. А бывали дни, когда мы пересекали равнины такие плоские, что словно оказывались в центре гигантской вогнутой чаши, а точнее — просторного неглубокого блюда, где нас со всех сторон окружали восходящие края горизонта. То, что первоначально представлялось багряным облаком, покоящимся на его северном ободе, теперь, без всяких сомнений, оформилось в отдаленную горную цепь, которая на расстоянии все еще казалась окрашенной в багряные тона.

Теперь нам стала встречаться, хотя и достаточно редко, кое-какая живность. На вершинах окрестных холмов появлялись крикливые существа, которые, завидев нас, давали стрекача, прячась в лощины, и верещали на ходу от восторга. Попадались также животные, которых мы прозвали скороходами. Они встречались не часто и всегда держались на приличном расстоянии, во всяком случае, достаточно далеко, так что даже при помощи бинокля мы были не в состоянии их как следует рассмотреть. Но даже то, что нам удалось разглядеть, представляло собой весьма оригинальный образец природной фантазии: передвигаясь на длинных конечностях, как на ходулях, они ковыляли вразвалочку с удивительной скоростью, причем не столько за счет частоты шага, сколько благодаря его длине.

На безводных равнинах водились пискуны, животные (если, конечно, это были животные) размером с волка, передвигавшиеся столь стремительно, что мы так и не поняли, как же они выглядят и каким образом бегают. Сначала они представали пятном, надвигавшимся на нас, затем что-то с писком проносилось мимо, и наконец они моментально превращались в другое пятно, но уже удалявшееся. Но, даже приближаясь, они не причиняли нам никакого вреда. Впрочем, как и крикуны со скороходами.

Растительность по мере смены ландшафта также изменялась. В некоторых долинах росли странные вьющиеся травы, а в гористой местности какие-то уродливые деревца жались к скалистым склонам или, скрючившись, прятались в лощинах. По виду они больше напоминали пальмы, нежели сосны, хотя, разумеется, это были не пальмы. Их древесина была невероятно жесткой и маслянистой, и, пересекая области, в которых они росли, мы старались собрать столько упавших с них ветвей, сколько могли

унести наши лошадки. Это было идеальное топливо для костра.

И всегда нас окружали деревья — гигантские пирамиды, уходящие на мили в небеса. Сейчас уже не было и тени сомнения в том, что они некогда выращивались на хорошо ухоженной земле и представляли собой сады, покрывавшие геометрически безупречной сетью поверхность планеты. Мы не рисковали подойти ни к одному из них ближе, чем на милю. И тропа, очевидно, была проложена с таким расчетом, чтобы избежать соседства с деревьями. И когда периодически деревья отстреливали стручки с семенами, мы замечали, что они уже никогда не направляют их в нашу сторону.

— Похоже, урок пошел им впрок, — заметила Сара. — Кажется, они поняли, что им грозит, если они попробуют выстрелить в нас.

— Только теперь нам уже нечем ответить, — напомнил я, еще раз пожалев, что оставил корабль, поленившись зайти в зал управления и взять еще одно лазерное ружье и комплект запасных частей к нему.

— Но им-то об этом не известно, — возразила Сара.

Однако я был далек от искушения разделить ее оптимизм.

Иногда в бинокль мы замечали стаи похожих на крыс зверьков, проворно выскакивавших из своих нор, расположенных в некотором удалении от деревьев, и собиравших семена разбросанных стручков. У нас уже не было сомнений, что они переносили семена в укрытия, предназначенные для их хранения. Мы никогда не пытались заглянуть хотя бы в один из этих складов: слишком уж они были близко к деревьям. Коль уж деревья решили оставить нас в покое, мы были рады ответить им взаимностью.

Тропа уходила все дальше, временами становясь едва заметной, иногда расширяясь и отчетливо проступая на местности. Видимо, было время, когда некоторые ее участки чаще использовались для передвижения, чем другие.

Путешествие не казалось нам тяжелым. По дороге нам так и не встретилось ни одного разумного существа.

Однажды мы пересекли то, что когда-то представляло собой мощеную дорогу, теперь выщербленную, с торчащим лишь кое-где булыжником. Остатки мостовой были частью очень сильно разбиты, частью выворочены из земли. Однако даже вынутый булыжник был аккуратно, почти под правильным углом, поставлен в местах пересечения с тропой. В любом из двух направлений, куда тянулась дорога, прямой стрелой, без единого намека на поворот, рассекавшая равнину, открывалась далекая перспектива.

Мы провели совет, решая, куда идти. Дорога выглядела более

привлекательной и по всем признакам могла показаться более важной, чем тропа, по которой мы шли. Века назад она, должно быть, соединяла два значительных объекта, в то время как тропа петляла по местности и, очевидно, была проложена как придется, без разумного вмешательства. Но в то же время она, несомненно, несла в себе следы древнего, хорошо исхоженного пути. Дорога же таких следов не имела. Она, похоже, все еще продолжала существовать только потому, что не прошло достаточно времени, чтобы окончательно стереть ее с лица земли. Более того, тропа шла в северном направлении, а именно на севере, как нам дали понять, можно было найти кентавров. Дорога же пролегала с запада на восток. И еще: тропа, безусловно, была древнее дороги, каждый ее участок нес на себе неуловимый налет далекого прошлого. В местах, где ее делали непроходимой естественные природные препятствия, она была вытоптана на глубину от трех до четырех футов. Совершенно очевидно, что по ней путешествовали на протяжении тысячелетий и что она была привычным маршрутом с незапамятных времен.

С некоторыми колебаниями мы наконец, наполовину сознательно, наполовину интуитивно, приняли решение продолжать путь по тропе.

Ведь кто-то же все-таки обитал на планете? Но как давно? Ведь кто-то построил город, проложил дорогу и вырастил деревья. Но теперь город вымер, застыв в безмолвии и опустев, а дорога превратилась в руины. Что за всем этим кроется, гадал я. Цивилизация существовала на этой планете много веков, ее жителями было истрачено много энергии. А затем обитатели, которые так долго жили здесь и угрохали столько сил на благоустройство, разом покинули планету, причем перед уходом приняли все меры к тому, чтобы любой, попавший сюда, не имел шансов вырваться обратно. Приземлись мы в любом другом месте, кроме города, наш корабль несомненно был бы в безопасности и без помех мог взлететь. Но в том-то и дело, что всякий корабль, приближающийся к планете, почти наверняка обречен был приземлиться не где-нибудь, а именно в городе, завлеченный (как мотылек — огнем свечи) в ловушку сигналами, посылаемыми из города в глубины космоса.

Вдоль тропы, возвышаясь на вершинах холмов, продолжали встречаться похожие на пчелиные улья каменные дома. Их осмотр ничего не дал. Не было никакого мусора, никаких брошенных вещей. Очевидно, дома никогда не служили постоянным пристанищем, а просто использовались для ночлега — на ночь или две. Несмотря на всю свою кажущуюся необитаемость, воздух в них все равно был каким-то затхлым.

За время нашего путешествия постепенно сформировался и наш походный порядок. Тэкк почти постоянно ехал верхом. Он был чересчур неловок и неуклюж для того, чтобы быстро идти. Сара и я ехали по очереди. Свистун по-прежнему держался на расстоянии, находясь, как правило, в арьергарде и подгоняя лошадок. Этот порядок не являлся результатом какой-либо предварительной договоренности, мы сами собой влились в этот естественный походный режим. Мы с Тэкком мирно сосуществовали. Но мы не стали лучше относиться друг к другу, просто научились приспосабливаться. Он все еще таскал с собой эту дурацкую куклу, ни днем ни ночью не отнимая ее от груди. С каждый часом он все более отдалялся от нас, словно уходил в себя. После ужина он, как правило, уединялся, ни с кем не разговаривая и никого, похоже, не замечая.

Мы уже преодолели приличное расстояние. Однако конца нашему пути пока не было видно. Мы все дальше забирались в неведомые края, которые пока не пугали нас открытой враждебностью, но, казалось, опасность могла возникнуть в любую минуту.

Однажды днем мы вошли в район, столь сильно изрезанный самыми разнообразными препятствиями, что нам далеко не сразу удалось разобраться, куда же нас занесло. Вступая на эти косогоры, мы даже не могли представить, что нас ожидает впереди. Как только мы достигли сравнительно ровного участка, мы тут же сделали привал, хотя у нас в запасе еще оставалось часа два светлого времени.

Мы развьючили лошадок и сложили тюки в кучу. Лошади мирно пошли пастись, что они делали всегда, как только им выпадал удобный случай хотя бы на короткое время оторваться от нас. Мы не испытывали опасений, что они могут сбежать. Свистун всегда сопровождал их и пригонял обратно. На протяжении всего пути он выполнял роль пастуха при табуне, и лошадки тоже, как нам казалось, чувствовали себя с ним в безопасности.

Мы развели костер, и пока Сара готовила ужин, мы с Тэкком пошли набрать дров.

Мы уже возвращались назад, каждый с доброй вязанкой сушняка, когда вдруг услышали испуганное ржание лошадок и частый дробный звук, который обычно издавали их полозья на бегу. Мы бросили хворост и устремились со всех ног по направлению к лагерю. Как только мы достигли его, мы увидели взмыленных лошадок, бешеным аллюром выбегающих из узкой лощины. Они скакали во весь опор и проносились через лагерь, сметая все на своем пути. Они растоптали костер и разнесли в стороны кастрюли и горшки, приготовленные Сарой. Сара и сама едва уцелела, с трудом успев увернуться от их полозьев.

Миновав лагерь, они без колебаний повернули направо и ринулись по тропе в ту сторону, откуда мы только что пришли. За ними гнался Свистун. Он буквально стелился по земле, двигаясь одному ему известным способом и, надо признать, развил вполне приличную скорость. Он отставал совсем чуть-чуть, можно сказать, висел у них на пятках, но как только лошадки достигли лагеря, Свистун резко затормозил и, застыв как вкопанный, разразился страшными проклятиями. Упираясь в землю своими короткими ногами, он буквально кипел от ярости. С ним происходило то же, что случилось в городе, когда лошадки неожиданно набросились на нас. Его окутала голубая дымка, все вокруг заплясало и заходило ходуном, а бегущие впереди лошадки поднялись над тропой и полетели, шумно рассекая воздух. Коснувшись полозьями земли, они опять поскакали, но лишь только они достигли вершины холма, Свистун вскипел еще раз. Теперь они исчезли, снесенные, сметенные, смятые той неведомой силой, которую направил против них Свистун.

Ругаясь как сумасшедший, я побежал вверх по склону, но когда я добрался до вершины, лошадки уже были далеко, и я понял, что их уже ничем не остановишь. Они неслись по направлению к городу, не чуя под собой ног.

Я стоял и наблюдал за ними до тех пор, пока они почти совсем не скрылись из виду, и только после этого спустился с холма в лагерь.

Костер был совершенно разорен. Кругом валялись обугленные и дымящиеся головешки, а две кастрюли были раздавлены полозьями промчавшихся лошадок. Сара стояла на коленях, склонившись над лежащим на боку Свистуном. Теперь он казался мне призраком. Это было что-то туманное, полуматериальное, словно он пытался уйти в какое-то другое измерение и остановился на полпути, застряв на границе между этим и иным мирами.

Я подбежал и опустился на колени возле него. Я старался подсунуть под него руки, чтобы приподнять, и когда мне это удалось, возникло ощущение, что здесь уже и поднимать-то нечего. Очень уж было странно — вроде что-то лежало передо мной, и, в то же время, я мог поклясться, не было ничего. Я приподнял Свистуна, поражаясь его невесомости, в нем не было и половины его обычного веса.

Он едва слышно прогудел:

— Майк, я очень старался.

— Что случилось, Свистун? — закричал я. — Что с тобой происходит? Чем мы можем тебе помочь?

Он не ответил. Я посмотрел на Сару, по ее щекам катились слезы.

— О Боже, Майк. О Боже, Майк, — причитала она.

Тэкк стоял в нескольких футах позади нее, впервые выронив из рук куклу. Его вытянутое лицо выражало печаль.

Свистун пошевелился.

— Нужна жизнь, — произнес он таким слабым голосом, что я едва расслышал, что он сказал. — Нужно разрешение взять часть жизни кого-нибудь из вас.

При этих словах Тэкк быстро подошел и, наклонившись, вырвал Свистуна из моих рук. Он выпрямился, прижав Свистуна к груди так же, как до этого прижимал куклу. Он прямо посмотрел на меня. Его глаза сверкали.

— Не вы, капитан, — решительно заявил он. — Вам нужно сохранить жизнь. Жизнь дам я!

— Разрешение? — спросил Свистун жутким хрипящим шепотом.

— Я даю разрешение, продолжай, — сказал Тэкк. — Пожалуйста, продолжай.

Сара и я, припав к земле, зачарованно следили за происходящим. Весь процесс занял всего несколько минут, а может быть, даже мгновений. Но время будто растянулось, и нам показалось, что прошли часы.

Никто не двигался, и я почувствовал, что мои мышцы начали болеть от напряжения. Постепенно Свистун изменил свой призрачный облик и снова стал самим собой, возвратившись из другого мира, в который он уже наполовину перешел.

Наконец Тэкк, наклонившись, поставил его на ноги, а потом сам мешком рухнул на землю.

Я подошел и приподнял Тэкка. Его тело безвольно повисло в моих руках.

— Быстро, — сказал я Саре. — Одеяла.

Она расстелила одеяло на земле, я положил Тэкка, распрямив его тело, а затем обернул его другим одеялом, плотно подогнув края. В нескольких футах от меня на земле лежала оброненная Тэкком кукла. Я подобрал ее и положил ему на грудь. Он медленно приподнял руку и, нащупав куклу, прижал к себе.

Приоткрыв глаза, он улыбнулся мне.

— Спасибо, капитан, — сказал он.

12

Мы сидели вокруг костра в сгущающихся сумерках.

— Кости, — сказал Свистун. — Кости на земле.

— Ты в этом уверен? — спросил я. — Может быть, это что-нибудь другое? Неужели лошадки так испугались каких-то костей?

— В этом уверен, — ответил Свистун. — Единственное, что там было — это кости. Больше там не было ничего.

— Наверное, это были не просто кости, — предположила Сара, — а скелет какого-то существа, которое даже после смерти внушает им страх.

Где-то в скалах горластые животные наперебой перекликались друг с другом нестройным хором, переходящим иногда в какофонию безумного речитатива. Костер вновь ярко вспыхнул, как только занялось очередное полено маслянистого дерева, а налетевший порыв ветра подхватил огонь.

Куда же мы попали, подумал я. Выброшенные, как потерпевшие кораблекрушение мореплаватели на необитаемый остров, в самый центр этой наполненной воем дикой страны, не ведающие даже пути своего. Петляющая тропа — наш единственный ориентир и единственный путь возможного спасения, если, конечно, считать убежищем большой белый город, который по-своему не менее дик, чем эта воющая пустыня.

Я почувствовал, что сейчас не время заводить об этом речь. Утром, когда займется новый день, мы посмотрим на все другими глазами и затем уже решим, что же предпринять.

Свистун указал щупальцем в сторону одеял.

— Я пожадничал, — сказал он. — Взял у него чересчур много. Не мог предположить, что у него так мало останется.

— Все будет в порядке, — успокаивающе сказала Сара. — Сейчас он спит, а до этого он съел целый котелок похлебки.

— Но зачем? — зарычал я. — Зачем этому болвану понадобилось влезать? Я был готов и желал дать все, что нужно. И потом, Свистун обратился именно ко мне. Он имел в виду меня. Более того, Свистун и я...

— Капитан, — сказала Сара, — вам не приходило в голову, что это был первый удобный случай для Тэкка хоть каким-то образом внести свой вклад в наше дело? Несомненно, он чувствовал себя самым бесполезным участником экспедиции. Причем именно вы сделали все возможное, чтобы он чувствовал свою ущербность.

— Давайте смотреть правде в глаза, — ответил я. — Пока он не принес себя в жертву ради Свистуна, он был только обузой.

— И вы хотели лишить его единственного шанса?

— Нет, — сказал я. — Конечно же, нет. Меня только волнует, что же он имел в виду, когда сказал, что именно он должен отдать жизнь?

— Я не знаю, — ответила Сара. — Сейчас не имеет смысла ломать голову над этим. О чем следует побеспокоиться, так это о том, что нам делать дальше. Теперь-то мы можем рассчитывать

лишь на собственные ноги. Что бы мы ни предприняли, нам все равно придется бросить здесь припасы. И еще проблема воды. Нужно брать максимум воды, и она составит основную часть того, что мы сможем нести. До тех пор, пока лошадки не вернутся.

— Они не вернутся, — перебил я Сару. — Они искали возможность удрать с тех пор, как мы вышли из города. Они дезертировали бы незамедлительно, если бы Свистун не присматривал за ними. Только он держал их в узде.

— Поражаюсь, как им удалось застать меня врасплох, — прогудел Свистун. — Был готов ко всему. Казалось, все предусмотрел, не отходил от них ни на шаг, а все тщетно.

— Мне на ум пришла ужасная догадка, — сказала Сара. — А вдруг это их стандартный способ заманивать в ловушку? Взять группу путешественников, завести их к черту на кулички и бросить, оставив им ничтожные шансы на выживание и возвращение назад. Хотя, возможно, наши шансы не стали бы выше, даже если бы лошадки вернулись...

— Не наши шансы, — сказал я. — Шансы других, может быть, но не тех, кто сейчас здесь, вокруг этого костра.

Она посмотрела на меня жестко и неодобрительно, но этот взгляд не был вызван непосредственно моими словами. Уж очень многое во мне она и без этого считала не заслуживающим одобрения.

— Я не совсем понимаю, — спросила она, — пытаешься ли ты уязвить меня или просто от нечего делать свистишь в темноту?

— Посвистываю в темноту, — ответил я. — Ты даже не можешь представить себе, каких результатов можно достигнуть с помощью воодушевляющего и решительного свиста.

— Мне кажется, ты уже точно знаешь, что нам нужно делать, — сказала Сара. — Тебе в голову пришла отличная мысль. И ты готов выдать ее нам как гениальное открытие, пришедшее в минуту вдохновения. Некоторое время ты был в растерянности, но не поддавался панике, и вот...

— Ну, хватит, — перебил я Сару, — давай покончим с этим. Поговорим утром.

Самое ужасное во всем этом было то, что я действительно подразумевал только одно — подождать до утра. Впервые в жизни мне пришлось отложить принятие решения. Впервые в жизни я боялся посмотреть в глаза опасности, которая ждала меня впереди. Во всем виноваты эти скалы, убеждал себя я, эти бесплодные, безлюдные пространства уродливой земли, эти изломанные деревья. Они вырывают сердце из груди человека, лишают его воли, делают его таким же заброшенным и бесполезным, как эта нелепая, забытая Богом земля. Всем существом своим я ощущал, что меня погло-

щает этот унылый ландшафт, что я послушно превращаюсь в его органическую часть, такую же ненужную и отчаявшуюся.

— Утром мы пойдем, — сказала Сара, — и посмотрим кости, которые видел Свистун.

13

Мы обнаружили кости в полумиле от входа в ущелье. Здесь оно делало крутой поворот влево, сразу же за поворотом они и лежали. Я ожидал, что мы найдем несколько разбросанных костей, сверкающих белизной на коричневатом пыльном грунте. Но груда костей нам предстала широкой полосой, перегораживающей ущелье от стены до стены и напоминающей продолговатые стога скошенных колосьев.

Это были крупные кости, многие имели фут или даже больше в диаметре, а скалящийся череп, который, словно специально уставился на нас из кучи, должен был принадлежать существу размером не меньше слона. Кости, растрескавшиеся и пористые в местах, где солнце и ветер постепенно вытянули из них кальций, отливали желтизной.

Кроме основной массы костей, лежащих в куче, были отдельные кости, разбросанные по ее краям. Их, видимо, растащили стервятники, которые в тот далекий страшный день, должно быть, слетелись на кровавое пиршество.

Сразу же за нагромождением костей ущелье резко обрывалось. Земляные валы, из которых, как изюм из пирога, то там, то здесь выпирали камни величиной от кулака до огромного валуна, полукругом закрывали низину. Кости находились приблизительно в пятидесяти футах от конца ущелья, а у подножия замыкавшей его насыпи в беспорядке лежало множество камней, скатившихся за долгие века с крутого обрыва.

Само по себе ущелье внушало отчаяние: бесплодная голая земля, столь голая, что не укладывалась в понятие пустыни. Можно было бы сказать, что в природе нет ничего более пустынного и бесплодного, чем данное место, но и это оказалось бы неверным, так как кости привносили дополнительный фактор, расширяющий шкалу измерения этих понятий до беспредела и возводяший картину в степень ужасающей пустынности. Пейзаж вызывал ощущение безысходности, которое, пожалуй, человеческий разум был не в силах выдержать.

Я чувствовал себя отвратительно, почти больным — а нужно было хорошо постараться, чтобы заставить меня ощутить недомогание. В этом месте витало дурное предчувствие, побуждавшее по-

вернуть назад и бежать. Катастрофа, происшедшая здесь сотни лет назад, вселила в ущелье дух проклятия и ужаса, способный смертельно испугать любого.

И вдруг из самых глубин окружавшего нас страха донесся голос.

— Благородные дамы и господа, — пропел он неожиданно громко и бодро, — или те уважаемые создания, которыми вам довелось родиться, взываю к милосердию, прошу вас, вызволите меня из того неловкого и унизительного положения, в котором мне выпало несчастье некогда оказаться.

Найди я вдруг миллион долларов, и то вряд ли был бы более поражен. Этот голос буквально пригвоздил меня к месту, так я был ошарашен.

— Я здесь, возле насыпи, — снова раздался голос, — за грудой камней, которые некогда оказались столь ненадежным укрытием, что не смогли защитить от гибели никого, кроме меня, вашего покорного слуги.

— Это может быть ловушкой, — сказала Сара твердым металлическим голосом. — Лошадки, должно быть, почуяли засаду. Поэтому они и убежали.

— Пожалуйста, — молил напевный голос, — пожалуйста, не уходите. Сюда приходили другие, и все повернули обратно. Здесь нет ничего, что могло бы испугать вас.

Я сделал шаг или два вперед.

— Не надо, капитан, не надо, — закричала Сара.

— Мы не можем уйти, — сказал я. — Мы никогда себе этого не простим.

Это было совсем не то, что я хотел сказать или сделать. Мне хотелось лишь одного: повернуть назад и бежать. Но словно кто-то другой, спрятавшийся во мне двойник, ответил за меня.

Несмотря ни на что, я пошел вперед, добрался до кучи костей и начал карабкаться на нее. Идти было трудно, кости крошились под ногами и осыпались, но я все же перебрался через них и оказался по другую сторону кучи.

— О, наиблагороднейшее из созданий природы, — пропел голос, — вы проявили сострадание и пришли спасти меня, недостойного и жалкого.

Я перебежал пространство, отделяющее кости от валунов и полез на груду камней, из которой, похоже, и исходил голос. Валуны были довольно крупного размера, больше человеческого роста, и только когда я забрался на вершину нагроможденной из них гряды, я смог увидеть обладателя певучего голоса.

Это была лошадка. В тени камней ее шкура отливала молочной белизной. Она лежала на спине с задранными вверх по-

лозьями. Один ее бок был прижат к валуну, на котором стоял я, другим — меньшим валуном, отвалившимся от груды. Сдавленная двумя огромными глыбами, бедняжка находилась в совершенно безвыходном положении.

— Благодарю вас, благороднейший. Я так признателен. Вы не спасовали. Увидеть вас я не в состоянии, но, полагаясь на свой опыт, я сделал заключение, что вы принадлежите к человеческой расе. Люди — это лучшие из разумных существ. Им присуще сострадание не в меньшей степени, чем доблесть.

В знак признательности мне оставалось только покачать ее полозья.

Зажатая среди камней лошадка была не единственным заслуживающим внимания объектом. Из пыли на меня скалился человеческий череп, кругом были разбросаны кости и куски проржавевшего металла.

— Как давно это случилось? — спросил я. Конечно, это был дурацкий вопрос, имелись гораздо более важные вещи, о которых мне следовало спросить.

— Досточтимый сэр, — ответила лошадка. — Мною потеряно всякое представление о времени. Минуты тянутся, как годы, а годы, как столетия, и мне кажется, что с того момента, когда я в последний раз стоял на своих полозьях, минула вечность. Любой, окажись он на моем месте, да еще вниз головой, утратил бы счет времени. Здесь были другие из моих собратьев, но все они разбежались или погибли. Так что из всей нашей экспедиции остался я один.

— Ладно, — сказал я, — не переживай. Мы вызволим тебя отсюда.

— Не переживать? — послышался напевный голос. — Я слишком долго переживал. Я проводил это нескончаемое время в размышлениях, мечтах, постоянных надеждах и предавался самым невероятным фантазиям, пытаясь представить, что меня ожидает. Я знал, что рано или поздно буду свободен, так как со временем камни разрушатся: ведь материал, из которого я сделан, долговечнее любой породы. Но все же я надеялся, что мне удастся освободиться раньше, благодаря вмешательству существа, исполненного добрых намерений, подобного вам.

Я заметил, что мои попутчики тоже взбираются на груду костей и помахал им рукой.

— Здесь лошадка, — закричал я им, — а также по крайней мере один человеческий череп и разбросанные кости.

Прокричав это, я не особенно задумывался, что же здесь произошло и что послужило причиной гибели людей. Я думал лишь о том, что с помощью спасенной нами лошадки мы уже не бу-

дем так беспомощны среди простирающейся вокруг пустыни. Лошадка сможет переносить воду, независимо от того, решим мы продолжать путь или повернем обратно к городу.

Втроем (Свистун стоял в стороне и поддерживал нас одобряющими возгласами) мы с трудом откатили меньший из валунов, которым была зажата лошадка. После этого мы перевернули это бестолковое существо и поставили его на полозья. Лошадка торжественно уставилась на нас тем взглядом, который, по моим наблюдениям, был единственным возможным для роботов ее породы, — они вряд ли были спроектированы с расчетом на изменение выражения лица.

— Меня зовут Пэйнт, — пропел голос, — хотя когда-то меня называли Старина Пэйнт, что не доступно моему ничтожному разумению. Мы все были изобретены и изготовлены в одно и то же время, и ни один из нас не был старше другого.

— Были и другие лошадки? — спросила Сара.

— Нас было десять, — ответил Пэйнт. — Девять убежало, а единственной причиной того, что я остался здесь, явились трагические обстоятельства, от которых вы столь великодушно избавили меня. Нас изобрели на далекой планете, название которой мне неведомо, а затем доставили сюда. Следуя по тропе, мы подверглись нападению стаи хищников, результаты которого перед вашими глазами.

— Те, что привезли вас сюда... Те, что изготовили вас, — спросила Сара, — они были такими же, как мы?

— Такими же, как вы, — ответил Пэйнт. — О них нет смысла больше говорить. Они погибли.

— Зачем они сюда приехали? — спросила Сара. — Что они искали?

— Еще одного такого же, как вы, — сказал Пэйнт, — человека, исчезнувшего давно и оставившего много рассказов.

— Лоуренса Арлена Найта?

— Не могу знать, — ответила лошадка. — Они ничего мне об этом не говорили.

14

Мы решили продолжать путь, следуя по тропе. Мы постановили это после долгого обсуждения вокруг дымного костра, в то время как Пэйнт стоял возле кучи наших припасов, слегка перекатываясь на полозьях. В действительности обсуждать было практически нечего. Тэкка этот вопрос совершенно не интересовал. Он сидел немного в стороне от нас, прижимая к груди куклу и тихо пока-

чиваясь. Наблюдая за этими двумя раскачивающимися фигурами, Пэйнтом и Тэкком, можно было дойти до нервного истощения. Решение приняли Сара и я, и возражений оно не вызвало. Для нас обоих было очевидно, что в городе нам ловить нечего. Впрочем, ничего хорошего нельзя было ждать и от продолжения путешествия по тропе, разве что какого-нибудь неприятного сюрприза, вроде преподнесенного в ущелье нашим предшественникам. Однако сам факт того, что другие люди, Бог знает как давно, шли по этой же тропе, вероятно, имея перед собой такую же цель, как и мы, являлся для Сары достаточным аргументом, чтобы мы продолжили путь.

Но была одна деталь, которую, я считал, необходимо выяснить с ней окончательно.

— Найт наверняка уже умер, — сказал я. — Ты, несомненно, знаешь об этом. Ты была убеждена в этом еще до того, как мы покинули Землю.

Она набросилась на меня:

— Опять ты завел свою волынку! Не пора ли прекратить? Ты был против этой идеи с самого начала! Зачем ты вообще полетел с нами?

— Я уже говорил тебе раньше. Деньги.

— Тогда какое тебе дело до того, жив он или мертв? Не все ли равно тебе, найдем мы его или нет?

— На это легко ответить, — сказал я ей. — Мне наплевать на любой исход.

— Но ты собираешься продолжать? Всего лишь недавно ты говорил так, как будто предпочитаешь идти вперед.

— Мне кажется, — сказал я, — только впереди нам удастся хоть что-то найти. Возвратившись, мы не найдем ничего.

— Мы можем собрать лошадок.

Я отрицательно покачал головой.

— Если лошадки или гном узнают, что мы возвращаемся назад, мы их больше никогда уже не увидим, и тем более никогда не поймаем. В этом городе места достаточно, чтобы спрятать целую армию.

— Лошадки, должно быть, разбежались, войдя в ущелье: ты думаешь, они что-то вспомнили, увидев кости? И это так потрясло их, что эти воспоминания, пришедшие из далекого прошлого...

— Их было восемь, — перебил я Сару, — а Пэйнт был девятым. Он говорил, что их было десять. Куда же делась десятая?

— Мы можем никогда об этом не узнать, — сказала Сара.

До меня никак не доходило, зачем нам все это нужно. Зачем нам нужно было сидеть и спорить до хрипоты. Я действительно не мог понять, какое нам до всего этого дело. Мы могли продолжать путь

и в то же время не знать, куда идем. Но у нас всегда оставалась надежда, что где-то впереди нас ждет место лучше, чем эта высушенная, как кость, дикая местность с кремнистыми горными кряжами и изрезанной оврагами бесплодной землей. Мы всегда могли рассчитывать, что нам подвернутся благоприятные обстоятельства, которые мы не упустим и которыми вовремя воспользуемся.

Люди, чьи кости были рассеянны у выхода из лощины, кого-то искали. Но это вовсе не обязательно означало, что тот человек шел именно этой дорогой. Возможно, они шли наугад, так же, как и мы. И не было никаких признаков, что Найт именно тот человек, поисками которого они занимались.

Поэтому мы сидели у костра и планировали наши дальнейшие действия. Теперь мы можем погрузить на Пэйнта недвижный остов Роско, а также все оставшиеся запасы воды и продуктов, которые он в силах потянуть. Мы с Тэкком понесем тяжелые тюки, а Сара, единственная из нас имевшая оружие, возьмет более легкий груз, с расчетом, что в случае опасности, она быстро бросит вещи и будет наготове для стрельбы. Свистун не может нести ничего. Он будет нашим дозорным, двигаясь в авангарде и разведывая обстановку.

После полудня мы вышли из ущелья и, преодолевая отвращение, забрались в форт. Там мы обнаружили три человеческих черепа и полдюжины проржавленных ружей, изъеденных коррозией до такой степени, что было уже невозможно определить, к какому типу огнестрельного оружия они принадлежали. Пэйнт припомнил, что тогда с ними было восемь людей: большое количество разбросанных костей, пожалуй, подтверждало его слова. Но нашли мы лишь эти три черепа.

Вернувшись в лагерь, мы перевязали тюки и перетащили оставшиеся запасы подальше от тропы, спрятав их в узкой расщелине. С помощью ветвей мы замели наши следы, идущие от тропы к тайнику. Ни маскировка припасов, ни заметание следов не проводились нами достаточно тщательно. Но у меня было ощущение, что все наши старания пустая трата времени, так как тропа давным-давно заброшена, и мы, скорее всего, были первыми, прошедшими по ней за последние сто лет.

День уже давно закончился, но мы двинулись в путь. Никто из нас не хотел оставаться в ущелье хотя бы на минуту дольше, чем это было необходимо. Мы ушли из лагеря, испытывая облегчение оттого, что наконец-то освободились от тягостных переживаний, нагнетаемых обступившими нас безжизненными земляными валами, и сбросили бремя древнего проклятия, витавшего над этим мрачным местом. Кроме того, нас подгоняло никогда никем не высказываемое вслух опасение, в котором бы вряд ли кто-либо из нас

решился признаться, опасение — что мы опаздываем, выбиваясь из созданного для нас кем-то свыше временно́го графика.

15

Через день Свистун наткнулся на кентавров.

К этому моменту мы все еще не вышли из пустыни. До сих пор пустынные участки земли пересекались нами за несколько часов, максимум за день. Но эта пустыня, казалось, была беспредельной, и мы все с нетерпением ждали, когда же она кончится, временами гадая, имеет ли она границы вообще. Для нас с Тэкком, нагруженных до отказа, это был довольно утомительный переход — большей частью пролегающий через пересеченную местность, с подъемами и спусками, перемежающийся редкими передышками, когда тропа выходила на достаточно ровную поверхность.

Свистун все время держался впереди. Мы очень редко видели его, и то лишь в те моменты, когда он задерживался на какой-либо господствующей высоте, чтобы убедиться, продолжаем ли мы идти следом.

Незадолго до полудня я увидел, как он быстро, перекатываясь с боку на бок, спускается по склону нам навстречу. Обрадовавшись возникшему вдруг предлогу сделать привал, я бросил на землю тюк с поклажей и стоял, выжидая, когда он подойдет. То же сделала и Сара, только Тэкк, остановившись одновременно с нами, не снял рюкзака. Он застыл, сгорбившись под весом давившего на него груза и уткнувшись глазами в землю. С момента, когда мы вышли из ущелья, после бегства лошадок, он выглядел еще более отрешенным, чем когда-либо. Обычно он ковылял в молчании и не обращал внимания ни на кого вокруг.

Свистун наконец скатился по тропе и остановился перед нами.

— Впереди лошадки, — прогудел он в мою сторону. — Десять раз по десять лошадок. Но *они* без полозьев, и у них лица, как у вас.

— Кентавры, — догадалась Сара.

— Играют, — задыхаясь, пропыхтел Свистун. — В низине между горами. Во что-то играют. Гоняют шар палками.

— Кентавры играют в поло! — восторженно воскликнула Сара. — Сколько в этом гармонии!!!

Она грациозно подняла руку, чтобы поправить упавший на глаза локон, а я, следя за ее движением, вновь уловил знакомый облик той чудесной девушки, которая встретила меня в холле старого дома на Земле — той прежней Сары, какой она была до того, как пыль пустыни и усталость скрыли лучшие грани ее красоты.

— Я понял, — сказал Свистун, — именно их вы искали. Очень рад, что нашел.

— Спасибо, Свистун, — сказала Сара.

Я поднял свой рюкзак и продел руки в лямки.

— Веди нас, Свистун.

— Неужели ты думаешь, — спросила Сара, — что кентавры сохранили мозговой блок? Они наверняка потеряли или сломали его, а, может быть, уже использовали для какой-нибудь цели.

— Поговорим с ними, — узнаем, — ответил я.

— А что же с памятью? Если мы найдем блок и поставим его на место, сработает ли память? Будет ли робот помнить то, что он знал до изъятия мозга?

— С памятью все будет в порядке, — уверил я ее. — Все, что он помнил, при нем и останется. Так уж сконструирован мозг роботов. Они ничего не забывают, в отличие от людей.

Конечно, у меня сохранялось опасение, что на планете было не одно племя кентавров, могли быть и другие племена, и это, которое развлекалось игрой в поло на нашем пути, не обязательно было тем, которое когда-то завладело мозговым блоком Роско. Но я не стал волновать своим предположением Сару.

И потом, кентавры могут не пожелать с ним расстаться. Хотя мне трудно было представить, какую практическую пользу можно извлечь из мозга робота, не имея самого робота.

Когда мы приблизились к вершине холма, следующего за тем, с которого скатился Свистун, неся нам долгожданную весть, он шепотом сообщил, что кентавры находятся сразу же за холмом.

Я не знаю, почему мы повели себя таким образом, поскольку никто не предлагал этого делать, но мы все дружно залегли, подобрались к вершине ползком и осторожно заглянули на другую сторону.

Перед нами предстала ровная песчаная равнина с чахлой растительностью, а за ней — обширная желтовато-красная пустыня, на которой кое-где возвышались редкие невысокие скалы.

Свистун ошибся в подсчетах. Кентавров было гораздо больше, чем десять раз по десять. Основная их масса располагалась компактной группой по сторонам четырехугольного игрового поля, его можно было так окрестить, лишь наблюдая зрелище, для которого оно служило площадкой. Оно представляло собой ровный пустынный участок с двумя рядами белых камней, служивших, видимо, для обозначения ворот. По полю бешено носилась дюжина кентавров; зажав в руках длинные дубины, они яростно боролись за мяч, гоняя его из стороны в сторону. Это можно было лишь с натяжкой считать грубой и весьма приблизительной версией благородного состязания, которое принято называть игрой в поло.

Между тем, по нашим наблюдениям, игра закончилась. Игроки ускакали за пределы поля, а толпа начала расходиться.

Неподалеку от игрового поля находилось несколько несуразных сооружений, по внешнему виду напоминавших навесы. Они представляли собой несколько больших кусков грубой материи, привязанных к концам закрепленных в земле шестов. Их предназначение, видимо, ограничивалось простой защитой от солнца. Кое-где под навесами виднелись кучки мешков, по всей вероятности, составлявших нехитрое имущество племени.

Кентавры кружились по равнине без видимой цели — так обычно дефилируют толпы беззаботных людей, вышедших в праздничный день на прогулку в парк.

— Что нам теперь делать? — спросила Сара. — Просто спуститься к ним?

И тут Тэкк вышел из транса.

— Спуститься, но не всем сразу, — предложил он. — Только одному из нас.

— И я полагаю, что этот один — ты, — сказал я с издевкой.

— Конечно, я, — ответил Тэкк. — Если кому-то суждено погибнуть, то я — первый кандидат.

— Я не думаю, — предположила Сара, — что они просто так возьмут и убьют кого-то из нас.

— Это ты так думаешь, — резко возразил я.

— Давайте размышлять логически, — сказал Тэкк в своей противной надменной манере, которая провоцировала меня задать ему хорошую трепку. — Из всех нас я самый последний претендент на то, чтобы быть убитым. Самый скромный на вид, безобидный, без всяких признаков агрессивности. Более того, я похож на человека, у которого не все дома. Я ношу коричневую сутану, а на ногах у меня не тяжелые ботинки, а сандалии...

— Эти детки внизу, — сказал я ему, — не имеют ни малейшего представления о таких вещах как сутана и сандалии. И их не интересует, гений ты или дурак. Если они решат кого-нибудь прибить, то не будут особенно раздумывать...

— Но ты не можешь знать этого, — сказала Сара. — А что, если они вполне дружелюбны?

— Они что, кажутся тебе дружелюбными?!

— Нет, я полагаю, они не такие уж добрые, — ответила она, — хотя только по одному внешнему виду судить преждевременно. А Тэкк, по-моему, обладает одним достоинством, с которым к ним не страшно пойти. Может быть, им ничего не известно о коричневых сутанах и сандалиях, но они, должно быть, способны почувствовать простую человеческую душу. Они вполне

могут определить, что Тэкк совершенно не опасен, а наоборот, полон благочестивых мыслей.

Все время, пока она говорила, я думал о том, что, излагая свои аргументы, Сара проявляла заботу о другом человеке, который, по ее мнению, не должен был оказаться на месте Тэкка.

— Господи, да я — единственный, кто может туда пойти, — сказал я. — Так что давайте прекратим эту болтовню, и я пойду к ним. Тэкка они просто превратят в мокрое место.

— Можно подумать, что тебе эта участь не грозит, — язвительно заметила Сара.

— Черт возьми, ты попала в самую десятку! По крайней мере я знаю, как обращаться...

— Капитан, — прервал меня Тэкк, — почему бы вам не прислушаться к голосу здравого смысла? Или вам не терпится уснуть вечным сном? Если уж вы претендуете на роль супермена, то постарайтесь понять две простые вещи. Во-первых, я говорил, что думал. Они не забьют меня своими дубинами уж только потому, что я сделан не из того теста, из которого сделаны вы. Если они захотят расправиться со мной, то это не принесет им такого удовольствия, как если бы они захотели разделаться с вами. Подумайте, что за радость убить или отдубасить слабого и жалкого. А если я постараюсь, то буду выглядеть втройне слабым и жалким. И второе — вы нужны всем нам больше, чем я. Если что-то случится со мной, особой перемены не произойдет, а уж коли вы спуститесь вниз и позволите расправиться с собой, то вся наша экспедиция понесет невосполнимую утрату.

Я с удивлением уставился на него, ошеломленный: неужели у него хватило духу такое произнести!

— Ты хочешь сказать, что идти именно мне было бы глупо? — спросил я.

— Конечно. Неужели вы думаете, что я просто набиваю себе цену? Вы, наверное, решили, будто я смекнул, что вы все равно не отпустите меня, и что бы я тут ни говорил, мне не придется идти и рисковать собой?

Я не ответил ему, но он был прав. Именно так я и подумал.

— Кому бы ни пришлось спускаться, — сказала Сара, — он должен ехать на Старине Пэйнте. Судя по их конституции, они испытывают большее уважение к тем, кто ездит верхом. И еще, Пэйнт сможет вывезти, если ситуация будет складываться неблагоприятно.

— Майк, — прогудел Свистун, — святой отец говорит очень разумно.

— Все это — глупости. Должен рисковать я. В конце концов именно мне за это платят деньги.

— Майк, — сказала Сара резко, — перестань ребячиться. Кто-то все равно должен идти вниз — даже я могу быть этим человеком. Нас трое, не считая Свистуна, его мы не можем посылать к ним. Идти должен кто-то из людей. Давайте рассмотрим проблему со всех сторон...

— Но весь фокус в том, что нужно не просто спуститься, чтобы поговорить с ними, — запротестовал я. — Ведь придется еще и торговаться из-за мозга Роско. Тэкк может все испортить.

Мы лежали, припав к земле, и смотрели друг на друга.

— Бросим монету, — прорычал я. — Никто не против жребия?

— У монеты только две стороны, — сказала Сара.

— Этого достаточно, — заметил я. — Ты участвовать в этом не будешь. Либо Тэкк, либо я.

— Никакого жребия, — сказал Тэкк. — Пойду я.

Сара посмотрела на меня.

— Мне кажется, мы должны его отпустить, — поддержала она Тэкка. — Он сам так хочет. Сам. Он справится.

— А торговаться? — спросил я.

— Нам нужен мозговой блок робота, — заявил Тэкк. — Мы отдадим за него все, что они попросят, и...

— Почти все, включая винтовку, — продолжила Сара.

Я взорвался при ее словах.

— Только не винтовку! Она еще может нам очень пригодиться. Это единственное наше оружие.

— Нам нужен мозг, — возразила Сара, — без него уж точно ничего не выйдет. А винтовка нам может и не пригодиться. За все время, пока мы здесь, я выстрелила всего один раз, и то, это был совершенно бесполезный выстрел.

— А эти парни, чьи черепа мы видели в ущелье?

Ее передернуло.

— У них было оружие. И что, оно им помогло? — заметила она.

— Все, что я смогу сделать, — сказал Тэкк, — это узнать, есть ли у них блок и захотят ли они с ним расстаться. Настоящие переговоры начнутся после этого. Мы все сможем принять в них участие.

— Хорошо, — согласился я.

Пусть идет, подумал я, и попробует что-нибудь сделать. Если ему повезет, может быть, мы бросим всю эту дурацкую охоту за тенью Лоуренса Арлена Найта и попытаемся решить, как нам выбраться с этой планеты. Признаться, у меня было самое туманное представление о том, каким образом это удастся провернуть.

Я подошел к Пэйнту и освободил его от поклажи, поставив фляги с водой в стороне от тропы и положив на них металлический остов Роско.

— Ну что ж, валяй, — сказал я Тэкку.

Он приблизился к Пэйнту и залез в седло. Посмотрев на меня сверху вниз, он протянул мне руку. Я протянул в ответ свою: в пожатии его длинных худых пальцев было больше силы, чем я мог ожидать.

— Удачи, — сказал я ему.

Пэйнт галопом перевалил через вершину холма и понесся вниз по тропе. Мы высунули головы и следили за ним.

Я пожелал ему удачи и был искренен. Видит Бог, этому бедному остолопу поистине повезет, если он выберется из этой переделки.

Сверху он выглядел маленьким и жалким, смешно подпрыгивающим в седле. Поднятый капюшон закрывал его лицо, а края сутаны, как боевой плащ, развевались за спиной.

Тропа поворачивала и уходила вниз, и мы на какое-то время потеряли его из виду. Но через несколько минут Тэкк вновь показался: он скакал по равнине в направлении к прогуливающимся кентаврам. Наконец, кто-то из них заметил его и издал предостерегающий крик. Все кентавры повернулись в сторону Тэкка, чтобы рассмотреть его, и их круговое движение прекратилось.

Ну вот, началось, с волнением подумал я, глядя на происходящее внизу с замирающим сердцем. Через мгновение они могут наброситься на него, и все будет кончено. Но они не бросались на него, они просто стояли и смотрели.

Пэйнт, покачиваясь, рысил вперед. Тэкк болтался на нем, словно кукла, неаккуратно завернутая в коричневую пеленку. Почти как его любимая кукла, подумал я...

— А где кукла? — вдруг вспомнив о ней, прошептал я Саре. Не знаю, почему я заговорил шепотом. Ведь никакой необходимости в этом не было. Я мог бы и закричать — орда кентавров внизу не придала бы этому никакого значения. Все их внимание было приковано к Тэкку.

— Где же кукла? Он ее оставил? — не унимался я.

— Нет, — ответила Сара, — он взял ее с собой. Подоткнул ее под пояс и как следует затянул его, чтобы не потерять.

— Господи милосердный! — воскликнул я.

— Ты продолжаешь считать, — уверяла меня Сара, — что это — обычная кукла и нужно быть ненормальным, чтобы с ней таскаться. Но ты не прав. Он видит в ней нечто большее, чем ты и я. Это не просто приносящий удачу талисман, вроде кроличьей лапки. Это нечто большее. Я наблюдала, как он обращается с ней. Он делает это с нежностью и почтительностью. Словно это религиозный символ. Как скульптура Мадонны, возможно.

Я пропустил ее последние слова мимо ушей — Пэйнт уже приближался к стаду кентавров и замедлял свой бег. Наконец,

он остановился в футах пятидесяти от них и замер в ожидании. Тэкк сидел в седле — чурбан чурбаном. Он даже не поднял руку в приветственном жесте. Он ничего не сделал: просто-напросто подъехал к ним и сидел на Старине Пэйнте, как мешок.

Я оглянулся. Сара смотрела на равнину в бинокль.

— Он говорит с ними? — спросил я.

— Не могу определить, — ответила она. — Его лицо закрыто капюшоном.

Неплохое начало, сказал я про себя. Если уж они не убили его сразу, то какая-то надежда остается.

Два кентавра рысцой двинулись ему навстречу, маневрируя таким образом, чтобы оказаться по разные стороны от Тэкка.

— Смотри, — сказала Сара, передавая мне бинокль.

Через окуляры я тоже не мог хорошо разглядеть Тэкка: его голову полностью закрывал поднятый капюшон. Зато лица двух кентавров удалось рассмотреть достаточно четко — очень суровые, волевые лица, скорее даже жестокие. Вопреки моим ожиданиям, в них было много человеческого. Похоже, они внимательно слушали Тэкка, и время от времени то один, то другой, казалось, бросал в ответ короткие фразы. Затем они вдруг засмеялись. Они смеялись во весь голос, можно сказать, оглушительно ржали. Это был язвительный смех, полный презрения. И сзади этот смех подхватило все стадо.

Я отнял от глаз бинокль и, прижавшись к земле, прислушивался к этим доносящимся издалека раскатам дружного хохота, усиленного эхом, отраженным от скатов холмов и дна низины.

Сара смотрела на меня полными удивления глазами.

— Я не понимаю, что происходит, — сказала она.

— Преподобный Тэкк, — ответил я, — опять опростоволосился.

Смех начал стихать и наконец прекратился. Два кентавра продолжили разговор с Тэкком. Я вернул бинокль Саре. И без его помощи я мог увидеть не меньше, чем мне хотелось.

Один из кентавров развернулся и прокричал что-то в толпу. Какое-то мгновение оба кентавра и Тэкк стояли в ожидании, затем из толпы выехал еще один кентавр и зарысил к ним, держа в руках какие-то блестевшие на солнце предметы.

— Что это у него? — спросил я Сару, приникшую глазами к окуляру бинокля.

— Это — щит, — ответила она. — И еще у него какой-то ремень. А, теперь я вижу. Это ремень и меч. Они передают все это Тэкку.

Пэйнт развернулся и припустил назад. Солнечный свет играл на поверхности щита и на лезвии меча, которые Тэкк держал

перед собой. А на плато кентавры вновь оскорбительно заржали. Раскаты смеха наплывали на нас волна за волной, и, словно подхваченный ими, Пэйнт летел по равнине с невероятной скоростью. Он мчался, как перепуганный кролик.

Когда он исчез из виду, я и Сара недоуменно переглянулись.

— Скоро узнаем, — успокаивающе сказал я.

— Боюсь, — отозвалась Сара, — ничего хорошего мы не узнаем. Не исключено, что мы допустили ошибку. Вероятно, следовало идти тебе. Но Тэкк этого так хотел.

— Но зачем? — спросил я. — Зачем этот безмозглый болван захотел идти? Из напускной храбрости? Но я ведь говорил, что сейчас не время рисоваться...

Сара отрицательно покачала головой.

— Это — не напускная храбрость. Что-то более серьезное. Тэкк — человек с очень сложным складом ума...

— Согласен. Его все время что-то гложет. Хотелось бы только знать — что?

— Он думает совсем не так, как мы с тобой, — продолжала она. — Он видит вещи совершенно иначе. Его как будто что-то направляет. Что-то нематериальное, не подчиняющееся физическому измерению — не страх, не тщеславие, не зависть. Какая-то мистическая сила. Я знаю. Ты всегда считал его религиозным фанатиком. Думал, вот — мошенник, еще один из той когорты странствующих пилигримов, которые привыкли маскировать свои корыстные интересы религиозной одержимостью. Но, уверяю тебя, это не так. Я знаю его гораздо лучше, чем ты...

Пэйнт, ныряя, добрался до вершины и застыл, намертво зафиксировав свои полозья. Тэкк, свесившись с седла, выпустил из рук щит и меч, которые со звоном упали на землю.

Тэкк сидел и тупо смотрел на нас, словно парализованный.

— Ну, что же с мозговым блоком? — спросила Сара. — Он у них?

Тэкк кивнул.

— Они продадут его?

— Они не будут менять его, — просипел он. — И не продадут. Они будут за него драться. Это — единственный выход...

— Драться за него? — спросил я. — На мечах?!

— Так они мне сказали. Я объяснил им, что пришел с миром. А они заявили мне, что мир — это трусость. Они хотели, чтобы я дрался с ними сразу же. Но я сказал, что я должен уйти и помолиться, и тогда они подняли меня на смех, но все же разрешили уехать.

Он соскользнул с Пэйнта и грохнулся на землю, как мешок с дерьмом.

— Я не могу драться, — завизжал он. — Я никогда не дрался. До сего дня я вообще никогда не держал оружия в руках. Я не могу убивать, не хочу убивать. Они сказали, что все будет честно. Я один против одного из них, но...

— Но ты не можешь драться, — перебил я.

— Конечно, он не может драться, — огрызнулась Сара. — Он совершенно не знает, как это делать.

— Хватит пускать сопли, — зарычал я на Тэкка. — Поднимайся и снимай свою чертову рясу.

— Ты? — задыхаясь, произнесла Сара.

— А кто еще, черт побери? — сказал я. — Он поехал и заварил кашу. А теперь моя очередь ее расхлебывать. Или тебе уже не нужен этот блок?

— Но ты ведь никогда не дрался на мечах!

— Конечно, никогда. Или ты думаешь, дрался? Что я, какой-то дикий варвар?

Тэкк все еще не пришел в себя. Я взял его за грудки и рывком поставил на ноги.

— Снимай рясу! — заорал я на него. — Мы не можем заставлять их ждать.

Я сбросил рубашку и начал развязывать шнурки на ботинках.

— Сандалии тоже снимай, — буркнул я. — Я должен выглядеть так же, как и ты.

— Они заметят разницу, — сказала Сара. — Ты совсем не похож на Тэкка.

— Если я накину капюшон на голову и прикрою им лицо, они ничего не заметят. Они не помнят, как он выглядел. И даже, если помнят, им все равно. Они собрались драться против сосунка и уверены в себе. Для них это забава.

Я встал и начал стягивать штаны. Тэкк не шевелился.

— Сними с него рясу, — попросил я Сару. — Нельзя молиться бесконечно. В конце концов им надоест ждать. Неужели ты хочешь, чтобы они пришли сюда с облавой?

— Давай все бросим, — предложила Сара. — Следует признать свое поражение и вернуться назад по тропе...

— Они будут нас преследовать, — ответил я. — Мы не сможем от них оторваться. Снимай же с него рясу!

Сара сделала движение в сторону Тэкка, и тут он неожиданно ожил. Он быстро расстегнул ремень и, сорвав с себя рясу, бросил ее мне. Я надел ее и, закутавшись, натянул на голову капюшон.

— Ты ведь никогда не держал в руках меча, — продолжала уговаривать Сара. — А против тебя они выставят своего лучшего бойца.

— У меня есть одно преимущество, — возразил я. — Их лучший боец, как бы хорош он ни был в схватке, будет убежден, что ему противостоит неумеха. Наверняка, он будет беспечен, потому что настроится не на бой, а на спектакль. И не станет особенно стараться. В общем, ему захочется показать себя, устроить красивое зрелище. Если мне удастся к нему приблизиться...

— Майк...

— Сандалии, — требовательно сказал я.

Тэкк швырнул их в мою сторону, и я обулся. Он стоял перед нами почти голый, на нем были только грязные мятые трусы. Он был самым тощим человеком, какого мне когда-либо приходилось видеть. У него был невероятно впалый живот, казалось, прилипший к позвоночнику. Все его ребра можно было без труда пересчитать. А ноги и руки были похожи на обтянутые кожей палки.

Я наклонился, чтобы поднять ремень с ножнами для меча, а затем обернул его вокруг талии. Вытащив меч, я с опаской рассмотрел его. Это было тяжелое, неудобное оружие, тронутое кое-где ржавчиной и не особенно острое. Я вдел меч обратно в ножны и, подняв щит, закрепил его у себя на руке.

— Удачи, Майк, — сказала Сара.

— Благодарю, — ответил я. Но я не испытывал чувства благодарности. Этот паршивый идиот сначала влез не в свое дело, все испортил, а теперь мне приходится браться за грязную работу. Глубоко в душе, что было особенно печально, я отнюдь не был уверен, что впрягаюсь в упряжку, которую смогу потянуть.

Я взобрался на Пэйнта. Как только он развернулся и уже готов был рвануться с места, Тэкк вдруг подбежал и, загородив мне путь, протянул куклу, видимо, предлагая ее взять.

Я сделал выпад ногой и ударил его по руке. Кукла, выбитая из его ладони, полетела в сторону, упав рядом с тропой.

Пэйнт, окончательно развернувшись, ныряя, побежал вниз с холма. Кентавры находились на прежнем месте. Я опасался, что столкнусь с ними, когда они будут подниматься по тропе в поисках Тэкка.

При моем появлении стадо разразилось оскорбительным ржанием. Мы выехали на плато, где собрались кентавры, и Пэйнт поскакал к ним резвым аллюром. Один из кентавров выбежал нам навстречу, и Пэйнт, приблизившись, остановился напротив него. У кентавра был точно такой же, как у меня, щит, а ремень, на котором висел меч, был перекинут через плечо.

— Ты возвратился, — сказал он. — А мы думали, что ты уже не появишься.

— Я и сейчас пришел с мирными намерениями. Неужели нет другого способа договориться?

— Мир — это трусость.

— Вы настаиваете? — спросил я.

— Да, — ответил он, — другого честного способа нет.

Он явно издевался надо мной.

— Если мы заговорили о чести, — продолжал я, — могу ли я быть уверен, что после того, как убью тебя, я действительно получу шар?

— Ты говоришь, что убьешь меня, как будто для тебя это раз плюнуть.

— Кто-то из нас должен умереть, — заметил я.

— Верно, — усмехнулся он, — и это будешь ты.

— Но, если предположить, что ты ошибаешься, — настаивал я, — как быть с шаром?

— Если случится невероятное и ты останешься жив, — сказал он, — тебе его принесут.

— И мне позволят спокойно уйти?

— Ты оскорбляешь меня, — холодно заявил он. — И ты оскорбляешь мое племя.

— Я никогда здесь не был, — возразил я. — И не знаю обычаев твоего племени.

— Мы — честные, — сказал он сквозь зубы.

— В таком случае, — предложил я, — приступим к делу.

— Нужно соблюдать правила, — сказал он. — Каждый из нас должен отъехать назад и встать лицом друг к другу. Ты видишь вымпел на шесте?

Я кивнул. Кто-то в толпе кентавров держал в руках шест с привязанным к его концу обрывком замызганной тряпки.

— Когда вымпел опустят, — объяснил он, — начнется бой.

Я снова кивнул и пришпорил Пэйнта пятками, понуждая его развернуться. Я отъехал на несколько шагов и повернул Пэйнта мордой в сторону своего противника. Кентавр тоже развернулся. Теперь мы стояли друг против друга, как рыцари перед поединком. Шест с грязной тряпкой был все еще поднят вверх. Кентавр обнажил свой меч, я последовал его примеру.

— Ну что, Пэйнт, старая кляча, — сказал я, — здорово мы влипли!

— Высокочтимый сэр, — ответил мне Пэйнт, — в этой ситуации я постараюсь сделать все от меня зависящее.

Шест с тряпкой опустился. Мы ринулись вперед одновременно. Пэйнт набрал полную скорость уже после двух качков на своих полозьях, а кентавр с грохотом надвигался на нас, вырывая копытами из земли большие куски дерна и далеко отбрасывая их

назад. Свой меч он держал острием вверх, а щитом прикрывал голову. Как только мы сблизились, кентавр издал душераздирающий боевой клич, уже одного этого звука было достаточно, чтобы кровь застыла в моих жилах.

С момента падения вымпела не прошло и двух секунд (конечно, если действительно минуло две секунды, как мне показалось), а я уже очутился нос к носу с кентавром. За эти секунды в моем лихорадочно заработавшем мозгу прокрутилась по меньшей мере дюжина коварных уловок, с помощью которых я должен был перехитрить своего противника, и так же мгновенно все эти уловки были мною отвергнуты. В последний миг перед столкновением я понял, что ничего не смогу ему противопоставить, кроме одного: сначала отразить удар его меча щитом, а потом постараться любым способом нанести ответный удар.

Мой мозг разом откинул все беспорядочно роившиеся в нем идеи и замыслы и превратился в волевую и бесстрастную вычислительную машину. Мой разум воплощал теперь беспощадную жестокость, и это было именно то состояние, без которого нельзя в такой момент обойтись. Или я сразу же прикончу его, или погибну сам. Удастся ли мне справиться с кентавром, зависело только от удачи, так как у меня не было ни навыков обращения с мечом, ни времени, чтобы ими овладеть.

Я видел, как он обрушивает на меня свой меч хорошо отработанным, размашистым ударом, и я также знал, что мой меч направлен в его голову со всей силой, которую я мог вложить в свою руку. Его глаза, почти утопавшие в густой бороде, были прищурены, их выражение представляло сплав самоуверенности и сосредоточенности.

Ведь он считал меня игрушкой в своих руках. Он знал, что у меня нет ни единого шанса. Наблюдая за мной, он должен был сделать вывод, что я не умею обращаться с мечом и, соперничая с ним, нахожусь в совершенно безнадежном положении.

Его меч обрушился на край моего щита с такой силой, что моя левая рука тут же онемела. Отраженный клинок просвистел у моего плеча. И вдруг сразу же после удара кентавр как-то судорожно дернулся, отступая и заваливаясь назад. Его взгляд остекленел, а рука, держащая щит, оказалась в стороне, и здесь лезвие моего меча со всего размаха опустилось прямо на его голову и вошло в череп, разрубив его на две части до самой шеи.

И вот как раз в то мгновение, когда мой клинок еще не коснулся кентавра, а его взгляд только начал терять ясность и рука, держащая щит, оказалась в стороне, я увидел черное отверстие точно на линии между его глазами, посредине лба. Но я

видел его только долю секунды, так как в следующий миг мой меч прошел через него. Словно это отверстие было специально нанесено чьей-то невидимой рукой, чтобы послужить ориентиром для моего удара.

16

Мозговой блок робота был испещрен зазубринами и вмятинами. Кентавры нашли ему весьма своеобразное применение.

Я передал его Саре.

— На, бери, — промолвил я. — Ради этого стоило рискнуть жизнью.

После моих слов она чуть не задохнулась от негодования.

— Никакого риска не было, — закричала она. — Я стреляю так, что пуля попадает именно в то место, в которое я целюсь. Или я промахнулась?

— Нет, ты сработала отлично, — пробурчал я, все еще переводя дух после схватки. — Но стоило только взять на два фута в сторону...

— Это исключено, — вскипела она. — Я прицелилась точно...

— Да, да! Я знаю, — перебил я. — Точно в середину его лба.

Я слез с Пэйнта и сбросил с себя рясу. Тэкк лежал, скрючившись, у ствола уродливого низкорослого дерева. Я швырнул ему рясу.

— Где мои брюки? — спросил я.

— Здесь, — указала Сара. — Я их подобрала и сложила.

Я поднял брюки и, встряхнув, начал залезать в них.

Сара вертела мозг в руках, рассматривая повреждения.

— Что с ним произошло? — с недоумением спросила она. — Для чего они его использовали?

— Интересно, как ты думаешь, что можно ожидать от банды варваров, помешанных на игре в поло, когда им попадает в руки такая штука?

— Ты имеешь в виду, что он служил им мячом для игры? — продолжала недоумевать Сара.

Я утвердительно кивнул.

— Теперь им придется вернуться к мячам, выдолбленным из камня. Представляю, как их это огорчило.

Свистун спустился к нам со склона, откуда мы недавно наблюдали за кентаврами.

— Сработал превосходно, Майк, — протрубил он. — Покон-

чить с ним всего лишь одним ударом, имея оружие, которым раньше никогда не пользовался...

— Уж кто превосходно сработал, так это мисс Фостер, — сказал я. — Это она подстрелила птичку для меня.

— Не важно, чья заслуга, — заметил Свистун. — Главное — дело сделано, а играющие лошадки эвакуируются.

— Ты хочешь сказать, что они уходят?

— Строятся для марша.

Я взобрался на вершину холма и увидел, что кентавры действительно образовали неровную колонну и направились на запад. Их уход принес мне величайшее облегчение. Несмотря на все их благородство (а оно было доказано хотя бы тем, что они вернули мозговой блок), я все же чувствовал себя крайне неуютно, когда они находились поблизости.

Обернувшись, я заметил, что Тэкк и Сара откопали тело Роско из-под фляг с водой и теперь открывали его череп, чтобы поместить в него мозг.

— Как *ты* думаешь, он не поврежден, — спросила Сара, — после того, как его столь нещадно лупили? Только посмотри на эти вмятины!

Я отрицательно покачал головой. Если бы я имел понятие.

— Ведь он наверняка не так уж много знал, — с надеждой в голосе утешала себя Сара. — Нам не так уж много нужно от него. Ему достаточно ответить всего лишь на несколько простых вопросов.

Тэкк протянул руку за мозгом, и Сара передала блок ему.

— Ты хоть знаешь, что с ним делать? — спросил я.

— Думаю, что знаю, — ответил он. — Здесь есть пазы. Мозг нужно вдвинуть в череп как раз по ним.

Он вставил блок и задвинул его ладонью в глубь черепа. Затем захлопнул черепную крышку.

Роско зашевелился. Он был прислонен нами к земляной насыпи, а теперь он выпрямился, оторвавшись от опоры и стараясь встать на ноги. Он вертел головой из стороны в сторону, поочередно рассматривая каждого из нас. Его руки двигались очень осторожно, словно он проверял их.

Наконец он медленно заговорил, постепенно повышая голос:

— Иногда, — промолвил он, — никогда, всегда, навсегда, завсегда.

Он замолчал и оглядел нас, как будто стараясь убедиться, понимаем ли мы его. Когда ему стало очевидно, что до нас ничего не дошло, он снова продекламировал, на этот раз торжественно и размеренно, полагая, что теперь ему удастся избежать неправильного понимания:

— Шапка, тряпка, лапка, тяпка, лепка, репка, кошка, кепка.

— Абсолютный пень, — вскричал я.

— День, — откликнулся Роско.

— Он рифмует, — догадалась Сара. — Все, на что он остался способен, — это выступать в качестве словаря рифм. Ты предполагаешь, что он все забыл? Неужели он ничего больше не знает?

Я улыбнулся ей.

— Почему бы тебе не узнать у него самого?

— Роско, — спросила она, — ты помнишь хоть что-нибудь?

— Позабудь, — отозвался он, — не вернуть, завернуть, как-нибудь, долгий путь.

— О, нет же, нет, — воскликнула Сара. — Ты помнишь своего хозяина?

— Каина, — без всякого намека на издевку, просто и естественно ответил Роско.

— Роско, — решительно произнес я, — мы ищем Лоуренса Арлена Найта. Тебе ясно?..

— Грязно, — сказал Роско, — гласно, опасно...

— Да будь ты неладен, трепач проклятый! — завопил я. — Мы его ищем. Укажи хотя бы направление, где его искать, куда нам надо смотреть.

— Реветь, — проговорил Роско, — медведь, корпеть.

Но, несмотря на то, что он болтал рифмованную белиберду, он повернулся и, вытянув руку, указал пальцем вниз. Его рука с вытянутым пальцем застыла, как дорожный указательный знак, дающий четкое направление на север, дальше по тропе.

17

Итак, мы отправились по тропе на сéвер. Пустыня и каменистые холмы остались позади, и теперь мы изо дня в день упорно поднимались на высокое плато, открывающее путь к неуклонно уходящим вверх горам. Они упирались в небо огромными, величественными кряжами, которые по-прежнему тонули в голубоватой дымке.

Теперь нам попадались источники воды: холодные быстрые потоки мелодично звенели, устремляясь вниз по выстланным галькой руслам. Мы спрятали наши фляги в одной из каменных хижин, все еще встречавшихся на высотах вдоль тропы.

После того, как мы пересекли изрезанную каменистыми холмами равнину, никто из нас уже не нес поклажи: все тюки теперь были надежно закреплены на сильной спине Роско. Чувствуя с непривычки неудобство оттого, что теперь прихо-

дится идти налегке, я шел со щитом, пристегнутым к плечам за спиной, и мечом, висящим на поясе. Конечно, это было оружие, не достойное взрослого человека, но все же щит и меч придавали мне некое воинственное чувство собственной значимости, наверное, свойственное нашим жившим тысячелетия назад древним предкам, испытывавшим гордость лишь от одного обладания боевыми доспехами.

Теперь наше путешествие, казалось, начинало приобретать смысл. Хотя иногда я все же сомневался, действительно ли Роско знал, куда нам идти, когда твердо указал на север (и продолжал указывать всякий раз, когда мы его об этом спрашивали). Его невозмутимая уверенность вселяла в нас, по меньшей мере, убеждение в том, что мы уже не слепо блуждаем во мраке, а видим выход из лабиринта.

Растительность вокруг нас стала более разнообразной. Вдоль тропы появились трава и цветы, оригинальные кустарники, а временами встречались рощи красивых деревьев, приютившиеся на берегах водоемов. И, разумеется, в отдалении все так же уходили ввысь подпирающие небо колонны деревьев-гигантов. Воздух становился прохладным, и, если раньше ветра практически не было, то теперь он дул почти постоянно, налетая колючими, пронизывающими порывами. В траве обитали похожие на грызунов зверюшки, которые, сидя вдоль тропы, провожали нас свистом, временами попадались небольшие стада травоядных. Сара подстрелила одного из этих животных, и после того, как мы его разделали, все по очереди тянули жребий, кому есть первый кусок; а так как самое длинное перо досталось мне, то я выступил в роли подопытного кролика. Я съел несколько кусков поджаренного мяса и долго сидел, ожидая результата. Поскольку ничего со мной не случилось, остальные тоже принялись есть. Таким образом мы нашли источник пополнения наших съестных припасов. Оставшееся мясо было взято нами в дорогу.

Нагорье, по которому мы шли, имело сказочный вид, над ним словно витал дух неразгаданной тайны, и временами мне казалось, что все это я вижу во сне. Причем восторженное чувство нереальности зарождалось не столько под влиянием волшебной красоты самого нагорья, сколько под воздействием всего облика этой странной планеты. Завораживающая сила ее чар пронизывала все поры моего существа — и я, как влюбленный юноша, все время думал о планете. Мною постоянно владели размышления о тех, кто населял планету, почему они покинули ее, для чего ими был посажен, а потом заброшен гигантский сад и построен опустевший затем белый город. Нежась в тепле костра, отгонявшем ночную прохладу, я разглядывал Свистуна,

не переставая удивляться, как между нами, такими непохожими, могло возникнуть связавшее нас навек чувство братства. Он очистил мою кровь от яда, а позднее просил меня поделиться с ним жизнью, потом, когда Тэкк уговорил его отказаться от моей помощи, он принял часть жизни Тэкка, хотя я подозревал, что он принял его помощь только потому, что она была дана ему как бы по доверенности от меня, поскольку между ним и Тэкком не было той братской близости, какая была между нами.

Сейчас, и это было более заметно, чем когда-либо, Тэкк шел словно сам по себе, как случайный попутчик, на время пристроившийся к нашей компании. Он почти всегда молчал, только изредка он что-то шептал своей кукле, а после ужина садился отдельно, вдалеке от костра, похоже, совершенно не ощущая ночного холода. Его лицо еще более утончилось, а тело, казалось, совершенно затерялось в складках сутаны. Он будто усох, но напоминал скорее не скелет, а что-то вроде задубевшей необработанной шкуры, которую вовремя не успели замочить в растворе. Он стал каким-то ветхим и бродил, как тень. Мы просто перестали замечать его. Были ситуации, когда я натыкался на него взглядом и никак не мог сообразить — кто же он такой. Может быть, эти странные, неожиданные провалы в памяти тоже возникали под влиянием заколдованной горной голубизны, в которую мы всё глубже и глубже погружались.

Прошлое и настоящее, а также наши надежды и мысли о будущем, казалось, сливались в поразительно ясное общее ощущение времени; времени, ставшем живым воплощением вечности, не имеющим ни конца, ни начала; времени как субстанции нового измерения, неподвижно застывшей в пространстве в виде чудесной картины, открывающей дорогу к сокровенной тайне вселенской мудрости.

Мы по-прежнему двигались по обширному плато, и Пэйнт все так же молчаливо покачивался на ходу. Только иногда тишину нарушал стук камней, отскакивавших из-под его полозьев с тропы. Свистун держался впереди, на расстоянии одного перехода от нас, выполняя начинавшую казаться бесполезной роль дозорного. Закутанный с головой, Тэкк сопровождал нас, как привидение. Роско твердым шагом маршировал по тропе, бормоча под нос бесконечную поэму из рифмованных слов, абсолютно лишенную всякого смысла: жизнерадостный придурок, беспечно бредущий по враждебной и незнакомой земле. Да и я, со щитом за спиной и мечом, путающимся в ногах, должно быть, представлял собой фигуру не менее нелепую, чем любой из них. Одна лишь Сара, возможно, выглядела не так странно, как мы, но и она преобразилась, словно в ней опять запылал прежний огонь искательницы

приключений, померкнувший недавно под влиянием монотонности и напряжения долгого перехода через пустыню и бесконечные гряды каменистых холмов. Я снова видел в ней женщину, когда-то встретившую меня в прихожей изысканного особняка, спрятанного в глубине старинного парка, женщину, которая ввела меня за руку в зал, откуда потом все и началось.

Горы грозно вздымались над нами, и некогда скрадывавшая их острые грани голубоватая дымка постепенно растаяла. Теперь стало очевидно, что это были дикие, страшные горы, от одного вида которых захватывало дух. Горы с нависающими утесами, глубокими каньонами, крутыми склонами, покрытыми густым лесом, добиравшимся почти до самых скалистых вершин.

— У меня такое чувство, — как-то раз, сидя у костра, сказала Сара, — что мы уже почти у цели, что мы очень, очень близко.

Я кивнул в ответ, поскольку чувствовал то же самое, хотя при всем желании не мог объяснить, к чему же такому мы столь близко подошли. Где-то здесь, в горах, мы, несомненно, должны найти ответ на этот вопрос. Я не был уверен, что мы найдем Лоуренса Арлена Найта. Здравый смысл подсказывал, что он уже давно должен был умереть. Я сам недостаточно ясно отдавал себе отчет почему, но во мне закрепилось убеждение, что мы отыщем эту вещь или предмет, что где-то рядом тропа должна оборваться, и там будет находиться это нечто, к которому мы так упорно стремились. Но как бы я ни старался выразить это нечто словами, я был не в состоянии. Я просто не мог представить, что это такое. Но незнание отнюдь не подавляло чувства возбуждения и не ослабляло напряженного ожидания встречи с невиданным. Мое отношение к этому «нечто», возникшее под влиянием окружающей нас голубизны, было совершенно необъяснимо. А ведь могло случиться и так, что тропа не имеет конца, что, достигнув подножия гор, она будет карабкаться вверх, извиваясь змеей по бескрайним кручам. Да, для логики здесь попросту не было места. Но я все же продолжал верить — тропа вот-вот оборвется, и в том месте, где она исчезнет, мы обнаружим нечто удивительное.

Над нами сияло сердце галактики — сумасшедшей красоты голубовато-белое ядро с расходящейся от него по спирали туманной паутиной щупалец.

— Интересно, — вздохнула Сара, — вернемся ли мы когда-нибудь назад? А если вернемся, то что мы расскажем им, Майк? Как можно описать словами место, подобное этому?

— Большой белый город, — сказал я, — затем пустыня, а после нее каменистые холмы, за ними плоскогорье и горы.

— Но все это ни о чем не говорит. Даже близко не отражает реальной картины. Чудо и мистика...

— Для этого еще не придумано слов, — ответил я. — Как нет слов для того, чтобы выразить волшебство и великолепие, страх и счастье.

— Я думаю, ты прав, — согласилась Сара. — Но как ты считаешь, мы возвратимся? Ты еще не придумал, как это сделать?

Я отрицательно покачал головой. У меня появилась одна идея, но она могла оказаться неверной, и не было нужды спешить ее высказывать. Не следовало воскрешать надежду, которая имела достаточно призрачные шансы воплотиться в реальность.

— Ты знаешь, — заметила Сара, — собственно, меня это особенно и не беспокоит. Мне кажется, это уже не важно. Здесь есть что-то, чего я не находила нигде и никогда, и я не могу объяснить тебе, что именно. Я все думала и думала об этом, но так и не смогла понять.

— Еще день-два, и, может быть, узнаешь, — сказал я.

Я был очарован так же, как и она, хотя, наверное, не поддавался всецело этим чарам, подобно Саре. Она, вероятно, была чувствительней меня, замечала детали, ускользавшие от моего внимания, или совершенно иначе переживала общие для нас впечатления. Не было способа, размышлял я, понять, разгадать или хотя бы предположить, как будет реагировать мозг другого человека, какие в нем произойдут процессы, как эти сложные процессы будут взаимодействовать, и, наконец, какое влияние они могут оказать на разум и чувства другого человека.

— Да, может быть, завтра, — отозвалась Сара.

Действительно, подумал я, это может произойти уже завтра.

Я посмотрел на нее через пламя костра: она была похожа на ребенка, мечтающего о том, что завтра наступит Рождество, на самом деле понимая, что, может быть, оно и не наступит.

И назавтра мы так и не дошли до конца тропы. Рождество не наступило. Завтра стало днем, когда исчез Тэкк.

Мы заметили, что его нет, в середине дня и, как ни старались, мы не могли вспомнить, был ли он с нами во время полуденного привала. Мы были уверены, что утром он вышел со всеми, но это было единственное, в чем мы были уверены наверняка.

Мы остановились и пошли назад. Мы искали и кричали, но так и не дождались ответа. Наконец, когда сгустились сумерки, мы прекратили поиски и расположились на ночлег.

Было смешно, конечно, что никто из нас так и не смог вспомнить, когда же мы его в последний раз видели, и я, откровенно говоря, не исключал, обдумывая случившееся, что он вовсе не отстал от нас, заблудившись сознательно или случайно где-то

по дороге, а попросту испарился, как Джордж в ту ночь, когда мы подверглись бомбардировке со стороны дерева и отсиживались в красном здании на окраине города.

Возможно, убеждал я себя, причиной того, что мы перестали замечать присутствие Тэкка, была его прогрессирующая неприметность. День за днем он все более замыкался в себе, отдалялся от нас, пока не дошел до того, что бродил между нами, как привидение, почти незаметно. Эта неприметность, а также колдовское очарование голубой земли, на которой время уже не имело привычного значения и смысла, а реальность сливалась со сновидением — соединение этих двух факторов, как я объяснял себе, — и послужило причиной его бесследного исчезновения.

— Нет никакого смысла продолжать поиски, — сказала Сара. — Будь он здесь, мы бы уже давно нашли его. Если бы он нас слышал, он бы откликнулся.

— Ты думаешь, что его уже просто не существует? — спросил я, подумав, что это была достаточно замысловатая формулировка вопроса о том, жив он или нет.

Она кивнула в ответ.

— Он нашел то, что искал. Так же, как Джордж в свое время нашел то, что искал.

— А эта его кукла? — спросил я.

— Символ, — ответила Сара. — Точка концентрации. Что-то вроде хрустального шара, глядя в который можно потеряться. Мадонна некой древней и могущественной религии. Талисман...

— Мадонна, — заметил я. — Ты уже как-то об этом говорила.

— Тэкк был очень чувствительным, — продолжала Сара, — до мозга костей. И настроен в унисон с чем-то вне нашего времени и пространства. С агрессивным типом характера — да, теперь я могу это признать, — агрессивный тип и очень своеобразный. Не от мира сего.

— Когда-то ты говорила мне, что он не выдержит, — вспомнил я. — Что где-то по пути он должен сломаться.

— Да, я помню. Я полагала, что он слаб, но я ошибалась. Он был сильным.

Стоя в молчании, я недоумевал, куда же все-таки он мог деться. Да и «делся» ли он? Или его неприметность достигла такой степени, что он просто растворился в воздухе? Был ли он все еще с нами, невидимый и неосязаемый, споткнувшийся на границе, отделяющей реальный мир от потустороннего, иного мира, недоступного нашим органам чувств? Может быть, он все еще здесь, взывает к нам и дергает нас за рукава, чтобы подать сигнал о своем присутствии, а мы неспособны услышать его и ощутить его прикосновения?

Да не в этом же дело, убеждал я себя. Тэкк не станет дергать за рукав и кричать. Ему все равно! На черта мы ему сдались! Ему плевать, знаем ли мы о его присутствии или нет. Все, что ему нужно — это прижать к груди куклу и остаться наедине с наполняющими его дурацкую голову мыслями. Возможно, его исчезновение было не столько исчезновением как таковым (ведь и его бледность была не обычной болезненной бледностью), сколько полным и абсолютным отвержением всех нас.

— Вас осталось двое, — сказал Свистун, — но вас сопровождают надежные союзники. Втроем продолжаем оставаться с вами.

Я совсем забыл о Свистуне и двух других наших спутниках: ведь мне казалось, что нас осталось только двое из четверых, дерзко вышедших за пределы галактики, чтобы найти на ее задворках что-то, неизвестное нам ни тогда, ни сейчас.

— Свистун, — спросил я, — ты почувствовал, что Джордж покидает нас. Ты знал, когда он ушел. А сейчас?..

— Не слышал, как он уходит, — ответил Свистун. — Ушел уже давно, несколько дней назад. Растворился так легко, что у меня даже не появилось ощущения потери. Просто его становилось все меньше и меньше.

Конечно, в этом все и заключалось. Его действительно оставалось все меньше и меньше. Интересно было бы узнать, находился ли он с нами когда-нибудь полностью.

Сара стояла рядом — с высоко поднятой головой, словно бросая вызов чему-то безжалостному, набиравшему силу в наливающихся чернотой сумерках — нависшему над нами року, или, может быть, явлению, или фатальному стечению обстоятельств, забравших Тэкка от нас. Хотя, конечно, было трудно поверить, что в исчезновении Тэкка повинна какая-то случайность или какие-то определенные обстоятельства. Ответ находился в душе Тэкка и в его разуме.

При свете костра я заметил, как слезы катятся по щекам Сары: она плакала тихо, высоко подняв голову навстречу скрывавшейся в темноте неизвестности. Я осторожно положил на ее плечо руку. Почувствовав прикосновение, она повернулась ко мне и оказалась в моих объятиях — это получилось непреднамеренно и совершенно неожиданно. Она уткнулась лицом в мое плечо, и теперь ее сотрясали рыдания, а я крепко прижимал ее к себе.

Недалеко от костра стоял Роско, бесстрастный и неподвижный. Сквозь всхлипывания Сары я услышал его приглушенное бормотание: «Вещь, лещ, клещ...»

18

Мы достигли цели на второе утро после исчезновения Тэкка — мы пришли на это место и поняли, что находимся именно там, куда и хотели попасть. Наступило мгновение, о котором мы мечтали все эти бесконечные дни по пути сюда. Честно говоря, мы не испытали большого восторга, когда, поднявшись на вершину небольшого холма, увидели в конце простиравшейся впереди болотистой низины образованные двумя огромными скалами ворота, в которые уходила тропа. И мы сразу догадались, что эти ворота открывают путь к нашей цели.

Перед нами вздымались в небеса горы. Горы, которые мы впервые наблюдали еще из города, когда они казались пурпурной лентой, протянутой на севере вдоль линии горизонта. Они все еще сохраняли багряную окраску, теперь уже отражающую игру света и тени в голубоватых сумерках, окутавших землю. Все слишком явно подсказывало нам, что мы у цели, — горы, ворота, наконец, наши чувства.

Но эта очевидность рождала у меня странное ощущение какого-то несоответствия, хотя, постарайся я его объяснить, мне вряд ли бы это удалось.

— Свистун, — позвал я, но не услышал отклика. Он стоял позади меня так же неподвижно и безмолвно, как и все остальные. Он, должно быть, переживал то же, что и мы, и по-своему ощущал приближение к цели.

— Ну что, пойдем, — сказала Сара, и мы двинулись вниз по тропе в направлении величественной каменной арки, открывавшей дорогу в горы.

Когда мы дошли до ворот, составленных из нагроможденных друг на друга каменных плит, мы обнаружили табличку. Она была сделана из металла и закреплена на одной из каменных стен. Рядом было прикручено еще несколько таких же металлических табличек с текстом, по-видимому, содержащих аналогичную информацию на других языках. На одной из табличек ужасными каракулями было нацарапано объявление на местном диалекте, которое гласило:

Все биологические создания, добро пожаловать. Механические, синтетические формы и их разновидности любого вида не имеют права доступа. Также запрещено проносить все типы инструментов и оружия, в том числе самые примитивные.

— Я не в обиде, — прокомментировал объявление Пэйнт. —

Составлю компанию этому железному бормотателю рифмованных слов и буду прилежно охранять ваши ружье, саблю и щит. Я буду молиться, чтобы вы поскорее вернулись. После того, как я нес вас на своей спине, меня бросает в дрожь от одной мысли лишиться общества биологических существ. Поверьте, близость подлинной протоплазмы дает непередаваемое ощущение комфорта.

— А мне все это не нравится, — заявил я. — Теперь мы будем вынуждены продолжать путь с голыми руками.

— Ведь это именно то, — напомнила Сара, — ради чего мы сюда шли. И мы не можем нарушать простого правила. К тому же здесь безопасно. Я это чувствую. А ты разве не чувствуешь, Майк?

— Разумеется, чувствую, — ответил я. — Но все равно мне это не нравится. Чувство безопасности — слишком ненадежная защита. Мы ведь не можем знать, что нас ждет впереди. А что, если мы нарушим инструкцию и...

— Би-и-и-п, — дала сигнал табличка, или то, что там было на стене.

Я обернулся и на той же табличке, где только что были строки объявления, прочитал другую надпись:

Администрация не несет ответственности за последствия сознательного нарушения правил.

— Ну ладно, ты, чудо-юдо, — обратился я к стене. — Какие такие последствия ты имеешь в виду?

Табличка не удостоила меня ответом: на ней осталась прежняя надпись.

— Не знаю, что собираешься делать ты, — сказала Сара, — а я собираюсь идти. И поступлю так, как они требуют. Не для того я преодолела весь этот путь, чтобы отступить сейчас.

— Кто говорил об отступлении? — спросил я.

— Би-и-и-п, — пропиликал знак, и появилась новая надпись:

Не рискуй, сам ты чудо-юдо!

Сара прислонила винтовку к стене под знаком, расстегнула пояс, на котором висел подсумок с боеприпасами, и опустила его рядом с прикладом винтовки.

— Пойдем, Свистун, — сказала она.

Табличка снова подала сигнал:

Многоногий? Он настоящее биологическое существо?

Свистун фыркнул от негодования.

— Соображаешь, что говоришь, чудо? Или считаешь, что я незаконнорожденный?

— Би-и-и-п!

И снова надпись:

Но тебя здесь больше одного!

— Меня — трое, — с достоинством прогудел Свистун. — Сейчас я в своем втором образе. Превосходящем мое первое я, но еще недостаточном для перехода в третью степень.

— Би-и-и-п, — прозвенела табличка, изменив содержание надписи:

Прошу прощения, сэр, милости просим!

Сара обернулась и посмотрела на меня.

— Ну, что? — спросила она.

Я бросил щит рядом с винтовкой и развязал ремень, на котором висел меч, — он упал на землю.

Сара пошла первой, и я не стал возражать. В конце концов, затеяла этот спектакль и заплатила за музыку она. Свистун семенил за ней мелкими шажками, а я замыкал процессию.

Мы спускались вниз по тропе, все более погружаясь в густую тень, которую отбрасывали возвышавшиеся по сторонам каменные стены. Мы спустились на дно узкой траншеи, шириной не более трех футов. Затем траншея и проходящая по ней тропа сделали неожиданный поворот, и на нас хлынул поток ослепительного света.

Мы вышли из замкнутого каменистыми стенами прохода и, сойдя с тропы, вступили на Землю Обетованную.

19

Это было место, перенесенное из Древней Греции, о которой я когда-то читал в школе. Наш учитель пытался привить нам любовь к истории и культуре планеты, ставшей колыбелью человечества. И хотя ни Земля сама по себе, ни обстоятельства возмужания и развития человечества не вызывали во мне особых эмоций, я, помню, был поражен классической красотой и гармонией греческой философии. В то время она поразила меня именно как оставленное нам богатейшее наследие, которое может быть предметом гордости любой расы. Правда, затем я забыл о своих переживаниях, связанных с изучением античности, и не вспоминал о них долгие годы. Но здесь я увидел пейзаж, который в точности воскрешал картины, рисуемые моим

воображением много лет назад, когда я читал о Древней Элладе в учебнике.

Тропа теперь проходила через узкую, окруженную скалами долину, по дну которой текла быстрая горная река. Она сверкала и золотом переливалась на солнце в местах, где поток перебегал через каменистые пороги.

В целом пейзаж был суров и дик. В основном преобладали голые скалы, но то там, то здесь его оживляла свежая зелень горных деревьев, зацепившихся в расщелинах за скалистые склоны.

Тропа вела вниз по долине, иногда приближаясь к речке, иногда карабкаясь по серпантину на уступы скал, подходивших вплотную к потоку. И повсюду на этих обрывистых скалистых склонах, нависающих карнизами над долиной, сияли белоснежным мрамором (или другим материалом, казавшимся нам снизу мрамором) портики небольших дворцов, построенных по безупречным классическим канонам греческой архитектуры.

Даже солнце в этой долине казалось мне не просто солнцем, а солнцем той Греции, которая некогда жила в моих мечтах. Исчезла голубизна, затоплявшая плоскогорье, исчезло пурпурное одеяние горных кряжей. Здесь в долине господствовал чистый и яркий солнечный свет, слепящая белизна, заливавшая сухую суровую землю.

Это было именно то, что мы искали — место, за которым мы бессознательно охотились, наивно предполагая, что нас ожидает встреча с человеком, предметом или просто какой-то идеей. Заканчивалась охота, которая велась нами вслепую. Хотя, разумеется, после всех наших треволнений мы могли найти в этой долине даже самого́ искомого человека, или, возможно, его могилу, или какой-то знак, свидетельствующий о том, что произошло с этим легендарным космическим путешественником.

Любуясь суровой красотой долины, я не испытывал ни малейшего сомнения, что тропа, по которой мы шли, имела единственную цель — привести нас или кого-то другого, решившегося на долгий и трудный путь, именно сюда.

Никто из нас не промолвил ни слова после того, как мы вышли из ущелья на этот древнегреческий солнцепек. Нам просто нечего было сказать. Сара продолжала идти впереди, а Свистун и я следовали за ней.

Мы дошли до пересечения с тропинкой, которая вела вверх к первому из расположенных высоко на скалистых утесах и нависших над речкой дворцов, и возле тропинки увидели указательный знак, с прикрепленной к нему табличкой и надписью на неизвестном нам языке.

Сара остановилась.

— Дощечка с именем? — спросила она.

Я кивнул. Это действительно мог быть указатель с именем существа, жившего во дворце на вершине скалы. Но даже если это была дощечка с именем, не было ни единого признака, что дворец обитаем. Точнее, не имелось вообще никаких признаков жизни.

Не было ничего, что нарушало бы безмятежное спокойствие долины. Никто не выглядывал из окон, заинтересованный нашим появлением. Над головой не летали птицы. Не раздавалось назойливого гудения и стрекотания насекомых. Из всего того, что мы видели и слышали, можно было заключить, что мы — единственные живые существа в долине.

— Предполагаю, — заявила Сара, — что этот знак — именная дощечка.

— Что ж, будем считать, что ты не ошиблась, — сказал я. — Тогда пойдем дальше и поищем ту, на которой будет написано Лоуренс Арлен Найт.

— Даже сейчас, — заметила Сара — ты относишься ко всему несерьезно. Ты ведь говорил, что мы никогда не найдем его. Ты утверждал, что он — лишь легенда; клялся и божился, что он умер...

— Не надо так на меня смотреть, — возразил я. — Я мог ошибаться. Хотя я не думаю, что ошибался, но сейчас об этом бесполезно спорить. Это была твоя затея...

— И ты был против с самого начала.

— Я не был против, — заметил я. — Я просто не принадлежал к ее безусловным сторонникам.

— Мы ведь уже прошли такой путь, — сказала Сара притворно жалобным тоном.

— Сара, — попросил я. — Тогда помоги мне разобраться, помоги мне понять. Пойдем дальше и посмотрим на указатели.

Мы тронулись, спускаясь в низины, карабкаясь по склонам. Дальше были другие дворцы и другие знаки, на каждом из которых были надписи, все на разных языках, выведенные разными алфавитами, если, конечно, некоторые из них можно было отнести к алфавитам, и ни одну из них мы так и не смогли прочитать.

Солнечный свет обрушивался на нас сверху, разбиваясь вдребезги о камни, дробясь и переливаясь в речной воде. Кроме шепота и бормотания горного потока ничто не нарушало тишины. Ничто не вторгалось в покой долины.

И тут мы увидели еще один знак с надписью, выведенной крупными печатными латинскими буквами:

ЛОУРЕНС АРЛЕН НАЙТ

Конечно же, все, что происходило с нами, было каким-то безумием. Безумием было пересечь всю галактику только ради того, чтобы найти одного-единственного человека — и действительно найти его. Безумием было найти человека, который должен был умереть десятки лет назад. Безумием было дойти до истоков легенды. Но тем не менее, табличка с именем Лоуренса Арлена Найта была реальностью.

И теперь, когда я в растерянности стоял перед ней, мне оставалось тешить себя последней надеждой, что это не жилище, а гробница; не дворец, а мавзолей.

— Сара, — позвал я, но она уже карабкалась вверх по тропинке, рыдая от счастья и облегчения, дав, наконец, волю чувствам после долгих дней поиска.

А на крыльце этого сияющего белоснежного здания появился человек — старый, но все еще крепкий, с седой бородой и седыми волосами, прямой спиной и уверенной походкой. Он был одет в белую тогу, и это не вызывало удивления. В подобной обстановке скорее любая другая одежда показалась бы неуместной.

— Сара! — закричал я.

Я и Свистун едва поспевали за ней. Она не слышала. Она просто не обращала на меня внимания.

И тут старик заговорил.

— Пришельцы! — провозгласил он, простирая вперед руку. — Мои соплеменники! Мог ли я мечтать, что мои глаза вновь увидят вас!

Звук его голоса окончательно рассеял все мои сомнения. Это был не мираж, не привидение, не призрак. Это был нормальный человек, гомо сапиенс, с низким густым голосом, полным искренней человеческой радости, вызванной встречей с подобными себе.

Сара протянула ему руки, и старик сжал их в своих ладонях. Они стояли и смотрели друг другу в глаза.

— Как же это было давно, — сказал старик. — Очень давно. Путь по тропе долог и труден, и никто не знает о нем. А вы, как вам удалось узнать?

— Сэр, — воскликнула Сара, задыхаясь после восхождения, — ведь вы, вы — Лоуренс Арлен Найт?

— Да, конечно, — ответил старик. — Это я. А кого вы ожидали встретить?

— Ожидали встретить? — переспросила она. — Конечно же, вас. Но мы могли только надеяться.

— А эти добрые люди с вами?

— Капитан Майкл Росс, — представила меня Сара. — И Свистун, наш верный друг, которого мы встретили по пути сюда.

Найт поклонился Свистуну.

— Ваш покорный слуга, сэр, — сказал он.

Затем он протянул руку мне и сжал мою ладонь. Его рукопожатие было теплым и крепким. В этот момент (когда, наверное, нужно было замечать более существенные детали) я увидел, что его рука, несмотря на крепость рукопожатия, была бледной, морщинистой и покрытой старческими пятнами.

— Капитан Росс, — сказал он, — добро пожаловать. Здесь есть место для вас, для всех вас. И для этой молодой леди, простите, я не знаю вашего имени.

— Сара Фостер, — подсказала Сара.

— Подумать только, — сказал он, — я уже больше не буду одинок. Боже мой, как это удивительно снова слышать звук человеческой речи, видеть лица людей. Как я об этом мечтал! Здесь есть много других разных существ, сильных характером и исключительной чувствительности, но общение ни с одним из них не может заменить общения с подобными себе.

— Как давно вы здесь? — спросил я, стараясь прикинуть в уме, сколько же лет уже существует легенда об этом человеке.

— Когда человек проживает каждый день полноценно, — ответил он, — и заканчивает его с мыслью о дне грядущем, считать время бессмысленно. Каждый день, каждая минута становятся частью вечности. Я размышлял об этом и теперь не уверен, существует ли реально такое явление как время. Время в обыденном понимании — это абстрактная категория, грубый измерительный прибор, структурная форма, изобретенная некоторыми видами цивилизаций, причем отнюдь не всеми, а лишь теми, которые испытывают потребность поместить себя в то, что они называют пространственно-временными рамками. Время в глобальном смысле теряется в беспредельной вечности, и нет нужды доискиваться до начала или конца, так как ни того, ни другого просто никогда не существовало, и в нашей ситуации скрупулезное измерение таких смехотворно маленьких и ничтожных частей вечности представляет собой задачу, лишенную всякого смысла. Разумеется, я спешу добавить, что можно отслаивать вечность...

Он продолжал и продолжал говорить, а я, стоя на ступенях под колоннами мраморного портика, озирал лежащую внизу долину и думал, свихнулся ли он от длительного одиночества, или он действительно был уверен в правильности того, в чем пытался нас убедить. Может быть, именно эта возникшая, как по волшебству, долина несла на себе отпечаток вечности. Думая об этом, я никак не мог представить, каким образом может человек знать, как должна выглядеть вечность, но, будь я неладен, в этом чудесном месте, залитом ослепительным солнечным светом, запросто могло родиться представление о постоянстве и неизменности.

— Но я, впрочем, перескакиваю с одного на другое, — продолжал рассуждать старик. — Вся беда в том, что я могу вам очень много рассказать, слишком много у меня накопилось. Конечно, неразумно пытаться выложить все сразу. Прошу прощения за то, что держу вас на пороге. Будьте любезны, проходите.

Мы прошли через открытую дверь и оказались в тихом помещении, воплощающем собой классическое изящество. В нем не было окон, но откуда-то сверху, из отверстий в крыше струился мягкий солнечный свет; стулья и диван, вырезанные с бесподобным мастерством, письменный стол с небольшим деревянным ящиком и разбросанными по нему листами бумаги, элегантный чайный сервиз на маленьком столике в углу, удачно дополняли световой эффект.

— Пожалуйста, — пригласил он, — садитесь. Надеюсь, вы сможете уделить мне немного времени. (Ну вот, подумал я, а он еще говорил, что самого понятия времени не существует). Господи, — поправил он себя, — как глупо с моей стороны говорить об этом, конечно же, у вас есть время. Вы держите в своих ладонях все время вселенной. Если вы пришли сюда, то вам уже некуда больше торопиться: лучшего места просто нет. Попав сюда, никто уже не хочет уйти, никогда не ощущает такой потребности.

Все это казалось слишком уж елейным и гладким и до ужаса напоминало хорошо разыгранный спектакль, хотя по-прежнему выглядело вполне правдоподобно: будто старый и живущий в одиночестве человек вдруг дал волю давно распиравшим его словам, когда к нему домой нежданно нагрянули желанные гости. Но подспудно, где-то в глубине моего сознания крылось тревожное подозрение в искусственности всего происходящего, причем недоверие вызывал не только старик, но и сама окружавшая нас обстановка.

— Здесь, разумеется, хватит места и вам, — продолжал говорить старик. — Здесь всегда найдутся уголки, ждущие своих хозяев. Очень редко кому-то удается добраться сюда, но зато здесь ему всегда находится место. Через день-два я покажу вам окрестности, и мы зайдем к остальным жителям долины. Это будут сугубо официальные визиты, так как мы здесь привыкли строго соблюдать формальности. Но уж после этого, что особенно приятно, отдав должное требованиям приличий, вы будете избавлены от необходимости совершать повторные визиты. Хотя некоторые из здешних обитателей могут показаться вам симпатичными, и вы будете испытывать потребность их время от времени навещать. Тут собралась элита — общество избранных, приглашенных со всех звезд галактики. Одних вы найдете любо-

пытными, других назойливыми, и, я должен предупредить вас, многое из того, чем они занимаются, может вызвать у вас недоумение. Некоторые их привычки могут показаться вам неприятными и даже отвратительными. Впрочем, это не должно вас особенно беспокоить, так как каждый здесь имеет собственный угол, как рак-отшельник — собственную раковину, и...

— Что же представляет собой это место? — перебила его Сара. — Как вы узнали о нем? Как вам...

— Что такое это место? — переспросил старик, приглушенно вздохнув.

— Да, что же это за место? Как вы его называете?

— Я никогда не размышлял над этим. Никогда не задумывался. Ни у кого не спрашивал.

— Вы хотите сказать, — спросил я, — что жили здесь все это время и никогда не удосужились задуматься, где находитесь?

Он посмотрел на меня с ужасом, словно я совершил неслыханное святотатство.

— Какой смысл в том, чтобы спрашивать об этом? — воскликнул он. — Какая нужда в пустых размышлениях? Неужели что-то изменится от того, будет иметь это место название или нет?

— Простите нас, — вмешалась Сара. — Мы здесь новички и не хотели вас обидеть.

Бесспорно, она поступила правильно, извинившись, но я, признаться, действительно хотел вывести его из равновесия и таким образом хоть как-то добиться от него логичных объяснений. Если эта долина была безымянной, то я бы желал узнать (хотя, может быть, это мне ничего бы и не дало), по какой причине она не имеет названия, и потом, мне казалось странным, почему старик никогда не интересовался, как она называется.

— Вы говорили, что дни здесь полноценны, — спросил я. — А чем же вы их конкретно заполняете? Как вы проводите время?

— Майк! — возмущенно воскликнула Сара.

— Я хочу знать, — настаивал я. — Просто знать, проводит ли он часы в праздных размышлениях или...

— Я пишу, — с достоинством ответил Лоуренс Арлен Найт.

— Сэр, — заволновалась Сара, — прошу прощения. Капитан, устраивая допрос с пристрастием, вы демонстрируете свои дурные манеры.

— Для меня нет дурных манер, — я огрызнулся. — Я неисправимый упрямец, который всегда добивается правды во что бы то ни стало. Мистер Найт утверждает, что любой пришедший сюда никогда уже не захочет уйти. Он говорит, что дни здесь наполнены смыслом. Если уж нас навечно притянет к этому месту, я бы хотел знать, чем я буду здесь заниматься...

— Каждый, — мягко перебил меня Найт, — делает то, что ему хочется. И делает только потому, что ему так нравится. И у него нет других мотивов, кроме желания получить удовольствие от того, что он хорошо сделал задуманное, или от того, что просто занимается любимым делом. Он не испытывает материальной нужды, не зависит от общественного мнения. Он работает не за вознаграждение, деньги и не ради славы. Здесь чувствуешь всю суетность и ничтожность этих побуждений и остаешься верен только себе самому.

— И поэтому вы пишете?

— Да, пишу, — ответил Найт.

— А о чем вы пишете?

— О том, о чем мне хочется писать. Я излагаю мысли, которые приходят мне в голову. Я стараюсь выразить их как можно яснее. Я излагаю их, а потом заново переписываю. Шлифую их. Я ищу точные слова и фразы. Я пытаюсь передавать посредством слова накопленный мною жизненный опыт. Стремлюсь понять, что я такое и почему я такой, какой есть. Хочу развить...

— Это то, ради чего вы живете? — спросил я.

Он указал на деревянную шкатулку, стоящую на столике.

— Все, что мне необходимо — здесь, — ответил Найт. — Пусть это только начало. Намеченная мною работа займет много времени, но я от нее никогда не устаю. Нужно сделать вдесятеро больше, чтобы завершить ее, если это вообще возможно. Хотя об этом глупо говорить, так как в моем распоряжении неограниченное время. Некоторые из здешних обитателей увлекаются живописью, другие сочиняют музыку, третьи ее исполняют. Некоторые занимаются вещами, о которых я раньше не имел никакого представления. Один из моих соседей — весьма оригинальное существо, если его можно так назвать, — играет в очень сложную игру с разными наборами фигур и фишек на доске, размещенной в трех измерениях. Иногда мне кажется, что даже в четырех и...

— Не надо! — закричала Сара. — Пожалуйста, прекратите. Не нужно все это нам объяснять.

Она пронзила меня презрительным взглядом.

— Меня это не обижает, — сказал Лоуренс Арлен Найт. — В действительности, мне это даже нравится. Я хочу столько всего рассказать вам, что ваше любопытство может меня только радовать. Мне вполне понятно, что для вас, только что пришедших сюда, все кажется удивительным и вызывает много вопросов. Сразу просто невозможно все переварить.

— Майк, — свистящим шепотом позвал меня Свистун.

— Тихо, — прервала его Сара.

— Ведь это трудно, — продолжал говорить Найт, — очень трудно осознать, что здесь время неподвижно, и, если бы не смена дня и ночи, которая порождает обманчивую иллюзию его течения, было бы легко понять, что времени просто не существует. Надо привыкнуть к тому, что вчера — это то же, что сегодня, а завтра — это одно целое с вчерашним днем. Каждый окунается в бездонную пучину вечности, неподвластную переменам. Здесь можно выйти из-под тирании времени...

Свистун громко прогудел:

— Майк!

Сара поднялась, одновременно с ней встал я, и пока я поднимался, все на глазах переменилось — и комната, и человек. Теперь я находился в лачуге с прогнившей крышей и грязным полом. Кругом стояли расшатанные стулья, а стол без одной ножки был прислонен краем к стене. На нем стоял деревянный ящик и лежала пачка бумаги.

— Это выше человеческого восприятия, — вещал Найт. — Это за пределами человеческого воображения. Иногда мне кажется, что в древние времена кому-то каким-то непонятным образом удалось увидеть это место, уловить его суть, и тогда он назвал его Раем Небесным...

Найт был очень стар. Он был невыносимо старым и дряхлым — настоящий ходячий труп. Кожа обтягивала его скулы, обнажая желтые гнилые зубы. Через огромную прореху в его задубевшей от грязи одежде просвечивали ребра необычайно худого, как у изголодавшейся лошади, тела. Его руки были похожи на клешни. У него была нерасчесанная грязная и забрызганная слюной борода, а запавшие глаза источали рассеянный свет. Это были наполовину мертвые глаза, но все же не настолько старые, чтобы принадлежать такому древнему и иссохшему телу.

— Сара! — закричал я.

Я закричал, так как она стояла, словно завороженная, жадно внимая словам Найта, впитывая в себя все, что врала нам эта скрючившаяся в кресле неряшливая развалина.

Она набросилась на меня.

— Если ты скажешь еще хоть одно слово, Майк...

По выражению ее лица я догадался, что она все еще видит Найта в прежнем облике, что она не заметила происшедших с ним изменений и все еще находится во власти чудодейственных чар, пленником которых только что был я сам.

Я сделал все быстро, почти автоматически. Я ударил ее кулаком в подбородок сильно и безжалостно, и тут же поймал ее, не дав ей осесть на пол. Перекинув ее бесчувственное тело через плечо, я заметил, что Найт тщетно пытается встать с кресла,

и даже при этом его рот не перестает двигаться, а речь продолжает безостановочно литься.

— Что случилось, мой друг? — спросил он. — Разве я допустил какую-нибудь бестактность, обидел вас? Иногда бывает так непросто понять чужие вкусы и угодить другому человеку. Достаточно одного неловкого поступка, одного неосторожного слова...

Я повернулся, чтобы уйти, и тут заметил деревянный ящик на столе и, не задумываясь, взял его.

Свистун с мольбой уговаривал меня:

— Майк, не задерживайся, пожалуйста, обойдись без церемоний. Уходи как можно быстрее.

И мы ушли, не задерживаясь.

20

Мы пробежали весь путь назад без оглядки. Я обернулся лишь однажды, когда мы уже дошли до края долины и готовы были нырнуть в теснину зажатого между отвесными скалами каньона, ведущего к воротам.

Сара пришла в себя и с криком неистово колотила меня руками и ногами по чему попало, но я крепко держал ее, прижимая одной рукой к плечу. В другой руке я тащил деревянный ящик, который взял со стола Найта.

Так же бегом мы выскочили из каньона. Роско и Пэйнт стояли на том же месте, где мы их оставили. На месте была и винтовка Сары, а рядом с ней лежали мои щит и меч.

Я сбросил Сару на землю, не особенно церемонясь. Признаться, ее тумаки мне уже порядком надоели, и, разумеется, в этот момент я был настроен по отношению к ней не особенно доброжелательно — так что с удовольствием избавился от столь неспокойной ноши.

Она шлепнулась на мягкое место и так и осталась сидеть с красным от ярости лицом и горящими от гнева глазами. Ее рот раскрывался, как у выброшенной на берег рыбы, но негодование настолько переполняло ее, что с губ слетало лишь одно слово: «Ты — ты — ты...» Вероятно, впервые в ее благополучной и безбедной жизни Саре пришлось испытать такое унижение и столкнуться с такой грубостью по отношению к себе.

Я стоял, глядя на нее сверху вниз, стараясь восстановить дыхание после сумасшедшей гонки по долине и каньону. Я шумно втягивал в себя воздух, чувствуя неприятную дрожь в коленях. Моя спина и живот болели в местах, по которым Сара особенно безжалостно молотила, но это меня не беспокоило. Я думал толь-

ко об одном — о том, что увидел, бросив последний взгляд на долину.

— Ты ударил меня! — наконец провизжала Сара.

Прокричав это, она замолчала, видимо, ожидая ответа. Но его не последовало. У меня не было ни слов, ни дыхания, чтобы как-то отреагировать. Интересно только, что она рассчитывала услышать. Наверное, она думала, что я стану оправдываться, и тогда она сможет обозвать меня не только хулиганом, но и лгуном.

— Ты ударил меня! — снова выкрикнула она.

— Черт тебя подери, кто бы спорил! — прокричал я в ответ. — Ты же ведь ни черта не видела. Ты бы стала сопротивляться, и мне ничего не оставалось, как ударить тебя.

Она поднялась на ноги и набросилась на меня с кулаками.

— Мы нашли Лоуренса Арлена Найта! — вопила Сара. — Мы нашли чудесное сказочное место! После всех наших мытарств мы наконец нашли то, что хотели, и вот...

И тут в разговор вмешался Свистун.

— Благородная леди, — сказал он, — во всем случившемся виноват только я. Уловил реальность органами чувств своего третьего я и настроил Майка увидеть это. Не хватило сил на двоих. Пришлось выбирать. Настроил только Майка...

Теперь наступила очередь расплачиваться Свистуну.

— Ах ты, паршивая тварь! — заорала Сара и ударила беднягу ногой. Удар пришелся по бочкообразному туловищу и перевернул Свистуна вверх тормашками. Он лежал на спине, беспомощно перебирая крошечными конечностями, которые работали, как поршни двигателя, и отчаянно пытался вернуться в нормальное положение.

Сара уже стояла на коленях подле него.

— Свистунчик, бедненький, — причитала она. — Прости меня, пожалуйста. Я очень огорчена, честное слово. Мне очень больно и стыдно, поверь мне.

Она поставила его на ноги и, повернув лицо ко мне, сказала:

— Майк! Боже мой, Майк! Что же с нами такое происходит?

— Наваждение, — произнес я. — Думаю, что это единственно верное определение случившегося с нами. Мы стали жертвами наваждения.

— Добрейшая леди, — прогудел Свистун, — не испытываю ни малейшей обиды, вполне понимаю, что рефлекс вашей ноги был закономерным.

— Встань, — задолдонил Роско, — дрянь, рвань, пьянь...

— Заткнись, — грубо оборвал его Пэйнт. — Ты нас всех сведешь с ума своей белибердой.

— Все, что мы видели, было лишь иллюзией, — сказал я Саре. — Не было никаких мраморных дворцов — одни лишь грязные

лачуги. И речка, вовсе не была так чиста и стремительна, как нам казалось, — это была замусоренная застойная лужа. И потом еще этот ужасный запах: от этой грязной помойной канавы так несло, что у меня перехватило дыхание. А этот Лоуренс Арлен Найт, если это действительно был он, оказался ходячим трупом, неизвестно с помощью какой черной магии удерживаемый в этой жизни.

— Здесь нам места нет, — прогундосил Свистун.

— Мы оказались нарушителями границы, вторглись в запретную зону, — сказал я. — Теперь для нас закрыта дорога в космос, так как никто не должен узнать о существовании этой планеты. Мы оказались в западне, гигантской мышеловке. Когда мы приблизились к планете, нас заманили сигналом приводного маяка. Мы увязались в погоню за легендой и оказались ее пленниками, угодив еще в одну ловушку — мышеловку в мышеловке.

— Но ведь Лоуренс Арлен Найт тем и занимался, что искал мифы в галактике.

— И тем же занялись мы, — заметил я. — То же делали люди, чьи кости мы видели рассыпанными по ущелью. Некоторые хищные насекомые используют определенные запахи и ароматы для приманки добычи. И эти запахи способны распространяться очень далеко. Случается, что их заносит ветром на невероятно большие расстояния в самые укромные уголки. В нашем случае запахами и ароматами послужили легенды и мифы.

— Но ведь этот человек в долине, — возмутилась Сара, — был так счастлив и доволен, полон жизни и творческих планов. Каждый его день проходил полноценно, в плодотворном труде. Будь это Найт или кто-либо другой, но он достиг того, к чему стремился.

— Как ты думаешь, что проще, — спросил я, — задержать живое существо там, где ты хочешь, или сделать его счастливым там, куда оно попадет?

— Ты уверен в этом? — спросила Сара. — Ты действительно убежден, что видел именно то, о чем рассказал мне? Может быть, Свистун обвел тебя вокруг пальца.

— Вовсе и не думал никого дурить, — с обидой прогудел Свистун. — Помог Майку увидеть все как есть.

— Но, в конце концов, не все ли равно! — воскликнула она. — Ведь он счастлив. У него есть цель. Если жизнь наполнена смыслом и никакое время не может лишить ее этого смысла, так как нет самого времени...

— Этим ты хочешь сказать, что мы должны остаться?

Она кивнула.

— Он сказал, что там найдется место и для нас. Что там

всегда найдется место. Мы могли бы поселиться в долине. Мы могли бы...

— Сара, — оборвал я ее, — неужели ты действительно этого хочешь? Поселиться в стране воображаемого, поддельного счастья и никогда не возвратиться на Землю?

Она было нашлась, что ответить, но потом вдруг заколебалась.

— Черт возьми, ведь ты понимаешь, что все это чепуха! — сказал я. — На Земле ты имела прекрасный дом с самыми экзотическими охотничьими трофеями — целую коллекцию шкур и чучел. Славу великой амазонки галактики. Покорительницы самых зловещих чудовищ. На Земле ты была знаменита, вокруг тебя существовал романтический ореол. Но постепенно он стал исчезать. Людям наскучили твои подвиги, их больше не интересовали твои приключения. И тогда, чтобы восстановить пошатнувшийся авторитет, ты решила сыграть в иную игру...

Она стремительно подошла ко мне, и ее рука, изящно изогнувшись, резко хлестнула меня по щеке.

Я улыбнулся.

— Ну вот, теперь мы квиты, — сказал я.

21

Мы повернули назад и пошли по той же тропе, которая привела нас в долину, по огромному, отливающему голубизной нагорью, ограниченному стеной вздымающихся, но теперь уже за нашими спинами, гор.

Я предполагал, что Сара будет противиться возвращению, и не был уверен, что она поверила моему рассказу. Да и почему она должна была поверить? Единственной гарантией его правдивости было мое честное слово, и оставалось только гадать, на сколько она ему доверяет. Ведь она не видела того, что открылось мне. И для нее долина продолжала оставаться изумительным райским уголком, наполненным музыкой сбегающего с гор бурного потока и залитым морем ослепительно яркого солнечного света. Волны этого моря омывали мрамор античных дворцов, венчающих вершины живописных утесов. Тем более, я был уверен, что, если она решится возвратиться в долину, все это предстанет перед ее глазами в прежнем волшебном обличьи. Ведь она все еще находилась во власти тех же чар.

У нас не было четкого плана. Наш поход не имел конкретной цели. Разумеется, задача достигнуть пустыни, которую мы пересекли на пути сюда, не могла считаться целью. Нас не привлекала

и перспектива снова очутиться в белом городе. Не знаю, что думали об этом Свистун и Сара, но для себя я решил, что необходимо уйти на достаточное расстояние от входа в долину и держаться на приличной дистанции от этой каменной арки.

Я не замечал ни голубизны нагорья, ни мшистых холмов, ни зарослей, источающих сладковатый аромат кустарников, ни мелодичного перезвона прохладных ручейков, и даже гигантские башни уходящих за облака деревьев ускользали от моего взора.

Если бы кому-то пришло в голову докопаться до причин, почему эта планета непременно должна была быть недоступной или превратиться в таковую, то, по моим наблюдениям, ему нужно было начинать поиск истины с этих громадных деревьев. Так как совершенно очевидно, что огромный сад был делом рук чужой, пришлой цивилизации. Деревья, выросшие в естественных условиях, не будут располагаться сами по себе в шахматном порядке. Со временем к их присутствию можно было привыкнуть, но эта привычка, в чем я был абсолютно уверен, приходила в результате того, что разум, устав от бесплодных размышлений, оставлял их в покое, переставая задумываться об их происхождении. Чтобы не сойти с ума, человек должен был отказаться от опасного искушения разгадать эту головоломку.

В эту ночь, сидя вокруг костра, мы попытались определить наши перспективы.

Похоже, у нас не было надежды пробраться на корабль, запечатанный на космодроме в центре города. По крайней мере, две дюжины других кораблей находились в аналогичном положении, и за те годы, которые они стояли на космодроме, прилетевшие на них существа, несомненно, прилагали все усилия, чтобы проникнуть в них, но было ясно, что никому из них это не удалось.

И потом, что же случилось с другими людьми, другими разумными существами, прилетевшими в этих кораблях? Мы уже знали, что произошло с людьми, чьи скелеты мы обнаружили в ущелье. Также можно было предположить, что кентавры являются деградировавшими потомками некогда высокоцивилизованных пришельцев с другой планеты, прибывших сюда столетия назад. Эта планета была достаточно велика, ее полезная, пригодная для проживания площадь значительно превышала земную, и кругом было достаточно места для расселения целых орд заблудившихся путешественников. Некоторые из них могли поселиться в городе, хотя это казалось нам довольно сомнительным из-за убийственной вибрации, потрясавшей город при каждом приземлении очередного космического корабля. Нельзя было исключить и другую гипотезу, согласно которой все прибывшие на планету экспедиции состояли только из существ мужского пола, что лишало пришельцев возмож-

ности оставить потомство. Отрезанные от своих цивилизаций, они были обречены на элементарное вымирание.

— Есть еще один вариант, — заметила Сара. — Некоторые из них могли поселиться в долине. Ведь Найту же удалось в ней поселиться. То же самое, возможно, сделали и другие, причем многие из них.

Я кивнул, соглашаясь с ней. Это была последняя ловушка. Если пришелец не погибал по пути к долине, он становился ее пленником. Однажды очутившись в ней, он уже не мог из нее выбраться. Это была идеальная западня, которую никто не хотел покидать по собственной воле. Хотя, совсем не обязательно, что все дошедшие до нее существа стремились попасть в нее по *той* же причине, что и Лоуренс Арлен Найт, и искали *то* же, что он или мы.

— Ты действительно убежден, — спросила Сара, — что видел все, о чем рассказывал мне?

— Честное слово, я уже не знаю, как мне заставить тебя поверить, — ответил я. — Неужели ты полагаешь, я все это придумал? Придумал специально, чтобы испортить тебе жизнь? Или ты считаешь, что я не способен чувствовать себя счастливым? Конечно, такой отпетый скептик и дегенерат, как я, чересчур толстокож, чтобы испытывать истинную радость, на которую способна ты, но после такого изнурительного пути и меня должно было пронять...

— Да, конечно, — перебила меня Сара, — у тебя не было причин врать мне. Но почему все это видел ты один? Почему не я? Ведь я ничего такого не наблюдала.

— Свистун тебе уже все объяснил, — вскипел я. — Он мог заставить прозреть только одного из нас. И он открыл глаза только мне...

— Одна из частей моего существа принадлежит Майку, — сказал Свистун. — Одалживали друг другу свои жизни. Есть незримая связь между нами. Его разум всегда со мной. Мы — почти что одно целое.

— Одно, — торжественно забубнил Роско, — давно, равно, темно...

— Прекрати квакать, — отозвался Пэйнт. — Что за бессмыслица!!

— Мысль с лица, — невозмутимо ответил Роско.

— Самый умный из нас, — прогудел Свистун, — пытается нас чему-то научить.

— У него просто переплелись все извилины в мозгу, — сказал я, — вот и вся разгадка. Эти кентавры...

— Нет, Майк, — возразил Свистун, — он пытается найти с нами взаимопонимание.

Я повернулся и пристально посмотрел на Роско. Он стоял гордо и прямо, пламя костра замысловато отражалось от зеркальных граней его металлического корпуса. Я припомнил, что еще в пустыне, когда мы упорно пытались от него чего-нибудь добиться и задавали бесчисленные вопросы, он указал нам, что нужно двигаться на север. Неужели он действительно что-то соображал? Найди он способ сформулировать свою мысль... Было ли у него что-то в голове, чтобы поделиться с нами?

— Ты не можешь помочь, — обратился я к Свистуну, — заглянуть вовнутрь и узнать, что он хочет сказать?

— Это выше моих сил, — вздохнул Свистун.

— Неужели до тебя не доходит, — раздраженно сказала мне Сара, — что все наши попытки найти выход из этого тупика обречены на неудачу? Мы не можем возвратиться на Землю или улететь куда-либо еще. Мы останемся на этой планете навсегда.

— Есть одно средство, к которому мы можем прибегнуть, — заявил я.

— Я знаю, что ты имеешь в виду, — сказала Сара. — Я тоже об этом думала. Другие миры. Вроде мира сплошных песчаных дюн и барханов. И ты думаешь, таких миров сотни...

— И не исключено, что один из этих сотен подойдет и нам.

Она покачала головой.

— Ты недооцениваешь людей, построивших город и посадивших деревья. Они знали, что делали. Каждый из этих миров будет таким же изолированным, как и этот. Все они были задуманы с определенной целью...

— Тебе никогда не приходило в голову, что один из них является родиной тех парней, что построили город?

— Нет, не приходило, — сказала она. — Но разве это что-нибудь меняет? Они раздавят тебя, как букашку.

— Тогда что же нам делать?

— Я могу возвратиться в долину, — сказала Сара. — Ведь я не видела того, что открылось тебе. Могу и не увидеть.

— Ну, ты молодец, — воскликнул я. — И там ты будешь жить так, как мечтала.

— А, собственно, какая разница? — заметила Сара. — Я еще не знаю, что за жизнь ждет меня там. Может быть, вполне, реальная. Почему она должна в корне отличаться от того существования, которое мы влачим здесь? Откуда нам знать, лучше там или хуже? Чем ты можешь доказать реальность происходящего?

Конечно, на ее каверзный вопрос был такой же каверзный ответ. Еще никем не был придуман способ, чтобы доказать реальность самой реальности. Лоуренс Арлен Найт добровольно принял вымышленную жизнь, смирился с нереальностью долины, жил

в мире иллюзий, конструируя в своем воображении идеальную жизнь и приближая ее к реальности в меру своих сил и способностей. Но Найту было легко пойти на это, так же, вероятно, как и другим обитателям долины, близким ему по складу ума, поскольку им было решительно все равно, в реальном или вымышленном мире они живут, на это им было наплевать.

Я размышлял, какие, наверное, фантастические побуждения приписал нам Найт, чтобы объяснить себе причины нашего стремительного бегства. Естественно, он старался придать нашему поступку такой смысл, который ни на йоту не возмутит его спокойствия, не внесет ни малейшего диссонанса в гармонию его вымышленной жизни.

— Ну, ладно, Бог с тобой, — промолвил я, смирившись с бесполезностью своих доводов. — Но я не смогу вернуться.

Мы сидели молча у костра, высказав все, что думали, исчерпав все контраргументы. Ее нельзя было переспорить. Она не могла разобраться даже в собственных мыслях. Оставалось надеяться, что утром ее здравый смысл возьмет верх и мы найдем общий язык. Мы пойдем своим путем, но куда он нас приведет?

— Майк, — наконец произнесла она.

— Да, что такое?

— Если бы мы остались на Земле, наверное, у нас все вышло бы хорошо. Мы очень подходим друг другу. Мы смогли бы поладить.

Я жестко посмотрел на нее. На ее лице играли блики огня, и его выражение показалось мне неожиданно мягким.

— Забудь о том, что ты сказала, — зло отрубил я. — Я установил для себя правило никогда не заводить шашни с нанимателем.

Я ожидал, что она вскипит, но этого не произошло. Она проглотила мои слова, не моргнув глазом.

— Ты же ведь понимаешь, что я имела в виду совсем другое, — сказала она. — Ты знаешь, о чем я говорила. Все испортила эта проклятая экспедиция. Мы слишком много узнали друг о друге, слишком много, чтобы не возненавидеть. Ты уж прости меня, Майк.

— А ты меня, — ответил я.

Утром она ушла.

22

Я накинулся на Свистуна.

— Ты же ведь не спал. Ты видел, как она уходила. Ты мог разбудить меня!

— Зачем? — спросил он. — Какой в этом смысл? Все равно не смог бы ее остановить.

— Я бы выколотил дурь из ее упрямой головы, — негодовал я.

— Все равно это бы ее не остановило, — настаивал Свистун. — Шла за своей судьбой. Ничья судьба не может стать судьбой другого. Не потерпит никакого насильственного вмешательства. У Джорджа — своя судьба. У Тэкка — своя. У Сары тоже своя судьба. Моя судьба принадлежит только мне.

— К черту судьбу! — заорал я. — Посмотри, до чего она их всех довела. Джорж и Тэкк испарились, а теперь Сара. Я должен пойти и вытащить ее оттуда...

— Не надо вытаскивать, — протрубил Свистун, распухая от негодования. — Нельзя этого делать. Пошевели мозгами! Не лезь не в свое дело.

— Но она же чихать хотела на нас!

— Ничего подобного, — упрямо гудел Свистун. — Сказала мне, куда собирается идти. Взяла с собой Пэйнта, чтобы доехать до места, а потом отошлет его обратно. Оставила винтовку и боеприпасы. Сказала, что они могут нам пригодиться. Потом объяснила, что у нее не хватит духу проститься с тобой. Плакала, когда уходила.

— Она просто дезертировала, — отрезал я.

— И Джордж сбежал, и Тэкк?

— Тэкк и Джордж не в счет.

— Мой друг, — сказал Свистун, — мой друг, честное слово, я тебе очень сочувствую.

— Оставь эти слюнявые сантименты при себе, — прорычал я. — Не то я пошлю тебя к чертовой матери.

— А это очень плохо? — спросил он.

— Да, очень.

— Ничего, потерплю, — ответил он.

— Что ты будешь терпеть? — кричал я. — Терпеть, пока возвратится Сара? Да тебе на это наплевать. Все, хватит, я иду за ней...

— Дело не в Саре, дело во мне. Надеялся, что могу подождать, но уже слишком поздно и ждать больше нельзя.

— Свистун, перестань нести околесицу. О чем ты говоришь?

— Должен уйти от тебя сейчас, — объяснил Свистун. — Больше не могу оставаться. Слишком долго был в своей второй сущности и должен переходить в третью.

— Послушай, — сказал я, — ты ведь без устали говоришь о своих многочисленных сущностях еще со времени нашей первой встречи.

— Должен пройти три фазы, — торжественно заявил Свистун, — сначала первую, потом вторую, а затем третью.

— Постой-ка, вот оно что, — догадался я, — ты трансформи-

руешься, как бабочка. От гусеницы к кокону, а затем уже превращаешься в бабочку...

— Ничего не знаю ни о каких бабочках.

— Но за свою жизнь ты ведь успеваешь побывать в трех состояниях?

— Вторая стадия должна была продолжаться несколько дольше, — с грустью промолвил Свистун, — если бы мне не пришлось на время перейти в свою третью сущность, чтобы ты смог разглядеть, что же в действительности представляет собой этот ваш Лоуренс Найт.

— Свистун, — сказал я, — мне очень жаль.

— Не стоит огорчаться, — ответил Свистун. — Третья сущность — это прекрасно. Она желанна. Великое счастье предвкушать ее наступление.

— Ну ладно, черт с тобой, — сказал я, — если так надо, то переходи в свое третье состояние. Я не обижаюсь.

— Мое третье я — за пределами этого мира, — прогудел Свистун. — Это не здесь. Это — вовне. Не знаю, как объяснить. Очень грустно, Майк. Жалко себя, жалко тебя. Очень жаль, что мы расстаемся. Ты дал мне свою жизнь, а я дал тебе свою жизнь. Мы прошли вместе по трудному пути. Нам не нужно было слов, чтобы разговаривать. Охотно бы разделил свою третью жизнь с тобой, но это невозможно.

Я сделал шаг вперед и встал на колени. Мои руки потянулись к нему, а его короткие щупальца обвили их и сомкнулись в крепком пожатии. И в этот момент, когда мои руки и его конечности сомкнулись, я знал, что рядом друг. На какое-то время я словно погрузился в бездну его существа, а в моем сознании замелькали мириады его мыслей, воспоминаний, надежд, зазвенели мелодии его мечтаний, открылись тайны его души, цель его жизни (хотя я не уверен, что действительно ее уловил), передо мной раскрылась невероятная, потрясающая и почти не поддающаяся постижению структура общества, в котором он жил; проявилась затейливая радужная гамма фантастических нравов этого общества. В мой разум ворвался стремительный поток, наводнивший его бурлящим морем информации и чувств — яростью, счастьем и восторгом.

Все это длилось лишь один миг, и вдруг все пропало — и крепкое рукопожатие, и сам Свистун, Только я продолжал стоять на коленях с протянутыми вперед руками. Голову болезненно сжимало леденящим обручем, и я почувствовал, как по лбу скатилась капля холодного пота; никогда, сколько я себя помню, не был я так близок к небытию — но все же остался по эту черту жизни и сохранил человеческий облик. Я чувствовал свое сущест-

вование каждой клеточкой тела, гораздо острее и глубже, чем когда-либо раньше, я впервые отчетливо осознавал свою неповторимую человеческую сущность. Но теперь я почему-то не мог вспомнить, где я был и что я видел, так как за короткий миг этого духовного сеанса связи я успел побывать в неисчислимом количестве мест. Мне не удавалось воскресить в памяти хоть одно из них — я не успевал осмыслить того, что стало доступным моим органам чувств. В этот миг я как будто воспарил над неизведанным миром, а мой разум выполнял роль наблюдателя, мгновенно впитывая в себя новые, доселе недоступные впечатления, которые не мог сразу переварить.

Я не знаю, как долго длился этот сеанс, может быть, какую-то долю секунды, хотя мне показалось, что гораздо дольше, — а затем неожиданно, словно ощутив резкий удар, который испытывает парашютист во время раскрытия парашюта после затяжного прыжка, — я вдруг очнулся и пришел в себя: перед моими глазами вновь была небесная голубизна и фигура сумасшедшего робота, застывшего по стойке «смирно» возле потухшего костра.

Я с трудом встал на ноги и огляделся, пытаясь восстановить в памяти картины и явления, только что заполнявшие мое сознание, но тщетно: всё открывшееся мне, вплоть до самой ничтожной детали, было начисто стерто возвратной волной реального мира, вытеснено моим человеческим я. Так приливная волна вмиг слизывает замысловатый рисунок на песке. Но я понимал, что открывшееся мне не ушло, я ощущал его присутствие под плотным покровом вернувшегося ко мне человеческого сознания.

Оглушенный, я стоял, размышляя, была ли эта потеря памяти защитной реакцией организма, блокировавшего переданную Свистуном информацию, чтобы предохранить меня от умопомешательства. И еще я гадал о том, какие тайны канули в глубины моего подсознания, — видит Бог, я был уверен, что в них нет ничего опасного и ничего, что мне запрещалось знать.

Я склонился над костром, присев на корточки. Разворошив золу палкой, я наконец добрался до тлеющих в глубине углей. Аккуратно положив на них сухие щепки, я дождался, когда над костром снова, вздрагивая на ветру, заструилась бледная лента дыма, и на дровах заплясал веселый язычок пламени.

Сжавшись в комок, я молча сидел, глядел на огонь и подбрасывал в костер щепки — медленно возвращал его к жизни. В моих силах вернуть жизнь костру, подумал я, но в остальном я бессилен. Прошедшая ночь унесла с собой всех, кроме меня и неуклюжего робота. Все пришло к логическому концу. Из пяти разумных существ — четырех людей и одного инопланетянина — остался один, им оказался я. Я уже был близок к тому, чтобы

распустить нюни и пожалеть себя, но быстро преодолел минутную слабость. Черт побери, ведь бывал же я и до этого в переделках. И в одиночестве мне не впервые оставаться, если уж по правде сказать, то почти всегда я и был один. Так что в этом для меня нет ничего нового. Джордж и Тэкк сгинули, и я о них не плакал, они просто не заслуживали ни единой слезы. Свистун ушел, вот уж действительно о ком стоит пожалеть, хотя в этой истории скорее пожалеть следует меня, так как он трансформировался, приняв более совершенную форму, перешел на новый — высший уровень развития. Единственная родственная душа, человек, по-настоящему дорогой мне — Сара, ну что ж, она, как и Свистун, ушла в свой мир, о котором всегда мечтала.

Особенно убивала меня догадка, что Джордж и Тэкк тоже где-то нашли то, чего искали, свой идеал. Для всех нашлось место — для всех, кроме меня.

Но что же все-таки будет с Сарой, спрашивал я себя. Конечно, можно пойти в долину и выгнать ее оттуда пинками. Или можно переждать, пока она одумается, обретет чувство реальности и вернется сама (что, по моему убеждению, было совершенно невозможно, так как добровольно она никогда не вернется). Или можно, не мудрствуя лукаво, послать все к черту и пойти назад, взяв курс на город.

Споря сам с собой, я пытался убедить себя, что, избрав последний вариант, я поступлю правильно и не буду впоследствии испытывать угрызений совести. Конечно, я мог плюнуть и снять с себя всякую ответственность. Ведь я выполнил все условия контракта. И, что говорить, результат получился гораздо более впечатляющим, чем я мог представить, и превосходил мои самые оптимистические прогнозы. В конечном итоге, вся наша авантюра обернулась даже не погоней за мифической жар-птицей: Лоуренс Арлен Найт оказался реальным живым человеком, а не призраком; реальным оказался и изображенный в его романах галактический рай. Все оказались правы — неправ был только я один. Я ошибался и, вероятно, поэтому мне и приходится теперь сидеть у разбитого корыта, в одиночестве, не зная, куда податься и чего искать.

Послышалось звяканье металла и, подняв голову, я с удивлением обнаружил, что Роско пристраивается поближе ко мне, словно желая разделить мое одиночество и составить мне компанию, заменив ушедших товарищей.

Устроившись поудобнее рядом с костром, Роско вытянул руку и тщательно выровнял ладонью на земле небольшую площадку. Посреди площадки оказался небольшой пучок оплавленной жаром костра травы. Роско аккуратно выщипал его пальцами, а затем снова

выровнял поверхность, представлявшую собой смесь пыли и пепла.

Я завороженно наблюдал за ним, гадая, какой фортель он на этот раз выкинет. Задавать вопросы было бессмысленно: разравнивая землю, Роско продолжал нашептывать себе под нос несвязную тарабарщину.

Указательным пальцем он осторожно прочертил в пыли угловатую линию, а затем добавил к ней несколько непонятных значков. Возможно, он рисовал и не такую уж чепуху, но разобраться в ней было трудно. Приглядевшись, я стал догадываться, что он пишет какую-то математическую или химическую формулу — ее смысл казался совершенно неуловимым, но часть символов мне была знакома по статьям из научных журналов, которые я иногда просматривал на досуге.

Наконец я не вытерпел и заорал на него:

— Черт возьми, что это значит?

— Это, — отозвался он, — лето, где-то, вето, нетто, спето.

И вдруг он заговорил уже не в рифму. Но все равно, как мне показалось, без малейшего проблеска связной мысли.

— Функция валентных волновых связей идентична функциям, производимым ассиметричными пространственными волнами; функции симметричных временных волн — функциям временных промежутков равно ассиметричных и симметричных волновых функций...

— Да помолчи хоть минутку, будь ты неладен, — рявкнул я на него. — Что, черт возьми, происходит, то ты квакаешь, как лягушка, то вдруг читаешь лекции, как проф...

— Проф, — сияя от счастья, радостно задолдонил Роско, — кров, плов, клев...

И снова он начал выводить знаки в пыли. Он писал уверенно, не испытывая даже секундного замешательства, будто достоверно знал, что он делает и что все эти формулы обозначают. Он полностью заполнил знаками выровненный им участок, тщательно стер написанное, вторично выровняв площадку, и снова продолжил писать с тем же усердием.

Затаив дыхание, я следил за его движениями, сетуя, что не могу ничего понять. Все же, несмотря на кажущуюся комичность его поведения, я догадывался: за его усилиями стоит что-то действительно важное.

И вдруг он застыл, его палец уткнулся в песок, больше не выводя знаков.

— Пэйнт, — промолвил он.

Я уже ожидал услышать привычный набор соответствующих рифм, но, к моему удивлению, его не последовало.

— Пэйнт, — повторил Роско.

Я вскочил на ноги, и Роско, поднявшись, встал рядом со мной. Пэйнт резво сбегал вниз по тропе, выделывая на ходу грациозные па. Он был один, без Сары.

Покачиваясь на полозьях, он остановился перед нами.

— Босс, — заявил Пэйнт, — докладываю о возвращении и готовности к исполнению новых приказов. Хозяйка велела мне поторопиться. Она велела попрощаться с вами от своего имени и еще передать, чтобы Господь хранил и благословил вас. Смысл сего высказывания не доступен моему скудному уму. Она также сказала, что надеется на ваше благополучное возвращение на Землю. Простите за глупый вопрос, сэр, но мне не понятно, что такое Земля?

— Земля — это родная планета нашей с Сарой расы, — ответил я.

— Прошу вас, досточтимый сэр, не окажете ли вы мне честь взять с собой на Землю меня.

Я недоуменно покачал головой.

— Что тебе нужно на Земле?

— Мне нужны вы, сэр, — торжественно заявил Пэйнт. — Человек, способный на сострадание. Вы не бросили меня в минуту опасности. Вы пришли на страшное место и не позволили себе поддаться испугу. Вы оказались настолько любезны, что вызволили меня из досадной и позорной западни, в которой я оказался. Теперь ничто меня не заставит добровольно расстаться с вами.

— Спасибо за лестную оценку, Пэйнт, — поблагодарил я.

— Тогда, если вы позволите, я буду сопровождать вас на всем пути к Земле.

— Нет, этого я позволить не могу.

— Но вы же ведь говорили, благородный сэр...

— У меня на тебя другие планы.

— Я с готовностью выполню любые ваши пожелания, чтобы отблагодарить за мое спасение, но, добрый человек, мне так хочется полететь на Землю с вами.

— Ты должен вернуться назад, — твердо сказал я, — и дождаться Сару.

— Но ведь она ясно сказала: прощайте. Она сказала то, что думала.

— Ты будешь ее ждать, — отрезал я. — Я не хочу, чтобы она вернулась из долины и не нашла никого, кто бы помог ей на обратном пути.

— Неужели вы думаете, что она вернется?

— Не знаю.

— Но я все равно должен ее ждать?

— Совершенно верно, — сказал я.

— Вот я буду ждать, — захныкал Пэйнт. — Вы улетите на Землю. А я все буду ждать и ждать ее. Может быть, ждать вечно. Если вам, добрейшему из живых существ, так хочется, чтобы она вернулась, почему бы не пойти в долину и не попробовать ее уговорить...

— Да не могу я этого сделать, — взорвался я. — Какой бы дурой она ни была, она тоже должна воспользоваться своим шансом. Как Джордж и Тэкк.

Я сам был удивлен больше всех, что набрался смелости такое сказать. Необходимо было решение. Требовалось принять решение. И вот, наконец, оно пришло — без размышлений, без колебаний, — это был выход, продиктованный не логикой, а пришедший по наитию. Словно не я, а кто-то другой, наперекор моей воле принял это решение за меня. Может быть, это сделал Свистун. Подумав о нем, я сразу вспомнил, как он настойчиво уговаривал меня не вмешиваться, умолял не ходить в долину, чтобы вызволить оттуда Сару, когда я заявил о своем намерении. Обескураженный этим, я размышлял: сколько же от себя оставил во мне Свистун перед исчезновением. Я снова попытался восстановить в памяти то, что со мной происходило, когда мои руки были сомкнуты с его щупальцами, но так и не смог вспомнить: мои впечатления были погребены в бездне подсознания, в глубинах, недоступных человеческой воле.

— В таком случае я возвращаюсь, — вздохнул Пэйнт, — преисполненный грусти, но покорный. Хоть здесь и не Земля, но все же и не ужасное ущелье.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но я остановил его. Я взял винтовку и патронташ и привязал их к седлу.

— Оружие она оставила вам, — запротестовал Пэйнт. — Ей оно не нужно.

— Если она вернется, оружие ей пригодится, — ответил я.

— Она никогда не вернется, — объявил Пэйнт. — И вы знаете, что она не вернется. Ее глаза так сверкали, когда она проходила через ворота.

Мне нечего было ему сказать. Я молча стоял и наблюдал, как он развернулся и неторопливо зарысил по тропе, стараясь не забегать слишком далеко, чтобы услышать, если я позову его назад, вдруг передумав.

Но я не передумал.

23

Этим вечером, устроившись у костра, я вскрыл шкатулку, которую прихватил со стола в халупе Найта.

Я шел весь день, и каждый мой шаг сопровождало неприятное чувство чьего-то присутствия, причем этот некто уговаривал меня повернуть назад, и его беззвучный зов был так настойчив, что я ни на минуту не усомнился в реальности существования силы, пытающейся заставить меня вернуться. В постоянном противоборстве с этой силой я старался понять, кто же за ней стоит (причем у меня не было и тени сомнения — это был именно кто-то, а не что-то). Может быть, это была Сара — чувство, что я должен как-то ей помочь по-прежнему не оставляло меня, хотя максимум, что я мог для нее сделать — это попытаться дождаться ее возвращения. Наверное, все же это были угрызения совести, вызванные мыслью, что я бросил ее, хотя, разумеется, и это было совершенно очевидно, я ее не бросил, также, как раньше мы не бросили ни Джорджа, ни Тэкка. Тем не менее я был уверен, что обманул ее ожидания и в определённом смысле изменил ей.

По правде говоря, мне уже давно приходило в голову, что она не поверила нашим со Свистуном рассказам о том, как выглядит заколдованная долина в реальности. Но я должен был найти способ убедить ее и заставить поверить в правдивость наших слов — эта мысль беспрерывно сверлила мой мозг. Ее возвращение в долину я мог вполне понять — если кому-то посчастливится оказаться по ту сторону врат рая, то он уже ни за что добровольно не согласится вернуться в грешный мир. Единственное, чего я не мог понять — как она могла упрямо не признавать иллюзорность своих идеалов перед лицом неопровержимых фактов.

Или все это были проделки Свистуна, манипулировавшего изнутри моим сознанием? Может быть, что-то скрывалось в глубинах моего разума, нечто, имплантированное туда Свистуном в те несколько мимолетных мгновений нашего последнего контакта и заставлявшее меня, словно марионетку в кукольном театре, подчиняться чьей-то посторонней воле? Я попытался еще раз воскресить в памяти хоть какой-то ничтожный эпизод нашего контакта со Свистуном, отыскать малейшую зацепку, но и это усилие оказалось тщетным.

Или, может быть, все дело в Пэйнте? Ведь я сыграл с ним злую шутку, поставив задачу, которую не мог, точнее, не хотел выполнить сам. Наверное, думал я, нужно вернуться и сказать, что я освобождаю его от ответственности, которую на него возложил. Я старался избавиться от неприятных мыслей, связанных с Пэйнтом, но у меня постоянно возникала перед глазами картина, на которой Пэйнт по прошествии тысячи (или даже миллиона) лет, если, конечно, он был способен столько прожить, все еще стоит, как стойкий оловянный солдатик, на страже перед фасадом классического дворца, терпеливо ожидая того, чему уже никогда не

суждено произойти; стоит непреклонно, верный слову, данному столетия назад, послушный приказу, неосторожно сорвавшемуся с губ жестокого человека, который сам уже давно превратился в прах.

Угнетенный этими размышлениями, я плелся вниз по тропе. Если посмотреть на нас со стороны, то, вероятно, мы с Роско представляли довольно чудну́ю пару: идущий впереди человек с мечом на поясе и щитом в руках и покорно следующий за ним, увешанный рюкзаками и бормочущий себе под нос робот.

Когда мы собрались расположиться на ночлег и я подвел итоги дня, оказалось, что за сутки мы сделали приличный переход. Роясь в рюкзаке, чтобы найти что-нибудь на ужин, я и наткнулся на эту шкатулку, взятую со стола Найта. Я отложил ее в сторону, решив разобраться с ее содержимым после еды. Роско натаскал дров, а я развел костер и приготовил поесть. Пока я ел, этот безмозглый болван расхаживал по ту сторону костра и разговаривал сам с собой, — причем, на этот раз не выдавая, как автомат, рифмованные очереди и не извергая математический бред.

— Одно твое око сотворено, — велиречиво провозгласил Роско, — дабы прозревать красоту мироздания. Единственным своим оком солнце зрит мир сущий.

Я удивленно уставился на него, недоумевая, считать ли это признаками просветления ума, или он уже окончательно свихнулся.

— Роско, — сказал я осторожно, стараясь не смутить его только что проснувшийся разум.

И вдруг он произнес:

«Они покорны могут быть,
Такой удел им предрешен.
Молчи, услышав плач души,
Огнем несчастий обожжен.
И как ни горек крестный путь,
Тебе отмеренный судьбой,
Смирись, терпи и не забудь,
Как он ни тяжек, — но он твой».

— Господи, не хватало еще поэзии, — возопил я. — Стихи, Боже милостивый! Как будто не достаточно дурацких рифм и формул...

А тем временем Роско, проворно перебирая ногами и громыхая металлическими конечностями, отплясывал задорную джигу, напевая:

«На сковороде сгорел каплун,
А хряк сорвался с вертела,
Двенадцать раз ударил гонг часов,

А милочка моя лишь раз мне поддала.
Она так распалилась оттого,
Что холодно жаркое на плите,
А холодно жаркое на плите
Из-за того, что дома не был я.
А не явился я домой в тот день
Лишь потому, что брюхо разорвал,
А брюхо прохудилося мое
Из-за того, что в пост скоромного поел...»

Он замер, не закончив очередного па, и восторженно уставился на меня: «Пост, рост, тост, прост...»

В его случае этот переход можно было считать возвратом к норме.

Он опустился на корточки подле костра, уже не разговаривая со мной, а бормоча что-то себе под нос.

Сумерки сгустились, и галактика вновь расцвела на небе во всем своем великолепии. Сначала проявилась ее сердцевина, нависшая над горизонтом на востоке, затем, когда вечерние сумерки стали наливаться чернотой, прорезалась тончайшая паутина спиральных щупалец, сначала похожая на серебристый туман, а затем все более и более разгоравшаяся огнем. Легкий ветерок что-то нашептывал у нас над головами, и прямой столб дыма, поднимавшийся вертикально над нашим костром, достигнув воздушного потока, ломался и, подхваченный ветром, растворялся в темноте. В отдалении заливался смехом какой-то зверек; в траве и кустах, недалеко от круга, очерченного светом костра, шевелились и шуршали крошечные животные и насекомые.

Интересно, это были стихи Шекспира? Слова и размер похожи, но я не был уверен, ведь уже прошло столько лет, с тех пор как я в последний раз читал его стихи. Но если это были стихи Шекспира, где Роско мог их слышать? Может быть, во время полета через галактику, а затем на протяжении длинных ночей у костра, когда они шли по тропе, Найт читал их Роско? А может быть, в его рюкзаке или в кармане куртки лежал томик стихов древнего и почти забытого поэта?

Я закончил ужинать, помыл посуду в ручье, рядом с которым мы остановились на ночлег, и затем сложил ее в стороне, приготовив к завтраку. Роско все еще сидел перед затухающим огнем, выводя что-то пальцем на расчищенном пятачке земли.

Я поднял шкатулку Найта и открыл ее. В ней лежала толстая несшитая рукопись, занимавшая почти все ее пространство. Взяв первый лист, я повернул его так, чтобы свет костра падал на текст, и прочитал:

«Голубизна и высота. Чистота. Застывшая голубизна. Шум воды. Звезды над головой. Обнаженная земля. Раздающийся с высоты

смех и грусть. Грустный смех. Наши действия лишены мудрости. Мысли лишены твердости...»

Все это было написано как курица лапой; буквы походили на маленьких танцующих уродцев. Я с трудом разбирал слова:

«... и объема. Нет ни начала, ни конца. Вечность и бесконечность. Голубая вечность. Погоня за несуществующим. Несуществующее — это пустота. Голая пустота. Разговор — ничто. Дела — пустота. Где найти нечто — пустое? Нигде, таков ответ. Высокий, голубой и пустой».

Это был бессмысленный набор слов, тарабарщина, почище бреда Роско. Я стал разбирать текст ниже и не нашел ничего путного. Взяв пачку листов, я извлек страницу из середины: «52» значилось в верхнем правом углу. А дальше шло:

«... далеко не близко. Дали глубоки. Не коротки, не длинны, но глубоки. Некоторые бездонны. И не могут быть измерены. Нет средства их измерить. Пурпурные дали глубже всех. Никто не идет в пурпурную даль. Пурпур — это путь в никуда. Некуда вести...»

Я положил листы обратно в шкатулку, закрыл крышку и долго держал ее рукой, чтобы не дать листам высыпаться. Сумасшествие, думал я, — жить жизнью наивного безумца в заколдованной, опутанной таинственными чарами древнегреческой долине. И бедная Сара в это время находится там. Ничего не подозревая, ни о чем не догадываясь, не желая сбрасывать с себя цепи обмана.

Я удержался, чтобы не вскочить и не закричать. Я не позволил себе подняться и броситься со всех ног назад в заколдованную долину.

Я не имею права этого делать, убеждал я себя. Впервые в жизни я думал о ком-то другом, а не о себе. Она выбрала свой путь — вернуться в долину. Что-то влекло ее туда. Счастье, может быть, думал я, и тут же спрашивал себя, а что значит счастье и чего оно стоит?

Найт чувствовал себя счастливым, когда писал эту ерунду, не понимая ее никчемности. Его это совершенно не волновало. Он замкнулся в скорлупе своего выдуманного счастья, как червячок тутового шелкопряда в своем коконе, скованный паутиной заблуждений, и считает, что достиг цели своей жизни, — самодовольный слепец, не подозревающий, что его цель может оказаться иллюзией.

Ах, если бы Свистун был сейчас со мной. Впрочем, я и так знал, что бы он сказал. Не должен вмешиваться, наверное, прогнусавил бы он, не должен встревать. Он говорил бы о судьбе. А что такое судьба? Записана ли она в генетическом коде человека или на звездах? Указано ли на ее невидимых скрижалях, как должен поступать человек, чего он будет желать, что он будет

предпринимать, дабы осуществить самую заветную свою мечту?

Холодной волной на меня накатило одиночество, и я сжался, придвинувшись вплотную к костру, словно ища у него защиты от леденящих объятий пустоты. Из всех, кто начинал это путешествие или участвовал в нем, присоединившись по дороге, остались только я и Роско, причем, именно он был лишен качеств, позволяющих разделить мое одиночество. По-своему он был не менее одинок, чем я.

Все остальные уже достигли каждый своего неясного и непостижимого миража, манившего их издалека. Возможно, всем им это удалось, потому что каждый из них знал или догадывался, что нужно искать. А я? Что искал я? Я пытался представить, чего я хочу больше всего, что для меня важнее всего в жизни — и не мог.

24

Утром мы нашли куклу Тэкка на том же месте, недалеко от тропы, где она и была брошена. Она лежала открыто, не более чем в шести футах от дороги. Ума не приложу, как мы ухитрились пропустить ее. Я старался припомнить район, который мы прочесывали в поисках Тэкка, и сопоставить его с этим местом. Но ни одного надежного ориентира я так и не смог восстановить в памяти.

По сути, до этого дня у меня не было возможности как следует рассмотреть куклу. Единственный раз, когда я более или менее внимательно разглядывал ее, был в ту памятную ночь, которую мы коротали в красном здании на окраине города. Теперь у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть куклу во всех деталях, испытать на себе завораживающее влияние странного выражения грусти, запечатленного на ее грубом лице. Одно из двух, думал я, либо тот, кто вырезал куклу, был невежественным дикарем, случайно ухитрившимся придать ее лицу выражение грусти, либо это был искусный мастер, способный несколькими скупыми штрихами воплотить в дереве отчаяние и терзания разумного существа, стоящего лицом к лицу с тайнами вселенной и дерзнувшего разгадать их.

Это было не совсем человеческое лицо, но достаточно близкое к человеческому. Его можно было даже отнести к земной расе. Вернее, это было лицо человека, искаженное потрясением, вызванным грандиозной истиной — и очевидно, истиной, раскрывшей свои секреты не в результате сознательного поиска, а как бы внезапно обрушившейся на человека, дарованной свыше.

Хорошенько изучив куклу, я хотел отбросить ее в сторону, но неожиданно обнаружил, что не могу этого сделать. Она словно пустила в меня корни. Кукла как будто нашла во мне убежище и, заняв его, уже не хотела покидать. Я стоял, сжимая ее в кулаке, и пытался отшвырнуть от себя, но мои пальцы не могли разомкнуться, а руки не хотели подняться для замаха.

Мне пришло в голову, что нечто подобное происходило с Тэкком, единственное отличие состояло в том, что он добровольно подчинился ее власти, находя в этом непонятное для меня удовольствие. Не исключено, она порождала неслышные другим звуки, отклик на которые он находил в своей душе. Видимо, потому, что он видел в ней божественный знак, способный указать ему дорогу к спасению. Сара назвала ее Мадонной. Возможно, она была права, хотя я так не считал.

Теперь я пошел по тропе, так же, как Тэкк, прижимая к себе этого проклятого деревянного идола и укоряя себя, но не столько за то, что у меня не хватает сил избавиться от куклы, сколько за то, что я поневоле становлюсь кровным братом Тэкка. Больше всего меня раздражало, что я делаюсь чем-то похожим на него — человека, которого я органически не переваривал и глубоко презирал.

Мы продолжали двигаться по бескрайнему голубому плато, сзади багровые горы теряли ясность очертаний, постепенно превращаясь в фиолетовые облака. Я размышлял, не являлась ли очарованность Найта голубизной, что доказывали первые предложения его рукописи, результатом влияния этой голубой земли, возбуждавшей его воображение на всем пути до подножия гор и входа в долину. Тут он и оставил Роско у ворот, а потом Роско поплелся назад по тропе в город, где, наконец, по наивности угодил в ловушку и стал пленником коварного гнома.

По прошествии нескольких дней, скорее от скуки, нежели из любопытства, я снова открыл шкатулку и извлек рукопись. Я перечитал ее с самого начала, перечитал внимательно — конечно, не сразу. Уж слишком она была велика и к тому же убористо и небрежно написана. Мне стоило большого труда разобрать и расшифровать каракули Найта. Я вникал в ее содержание так же дотошно, как в забытом Богом монастыре историк копается в пыльных манускриптах, разматывая дюйм за дюймом пергаментный свиток, и не столько доискивается, как мне представлялось, до какой-нибудь сенсационной тайны, сколько старается понять человека, исписавшего такую груду бумаги, проследить маршрут блужданий человеческого разума на пути к истине, скрывающейся где-то в неизведанных глубинах подсознания.

Но в тексте не было ни одного рационального зерна, или,

по крайней мере, я не мог его отыскать. Это была абсолютная бессмыслица, не поддающаяся пониманию. Разве что только самому Найту, мучающемуся недержанием слов и изливающему их потоки ради них самих, это и казалось разумным.

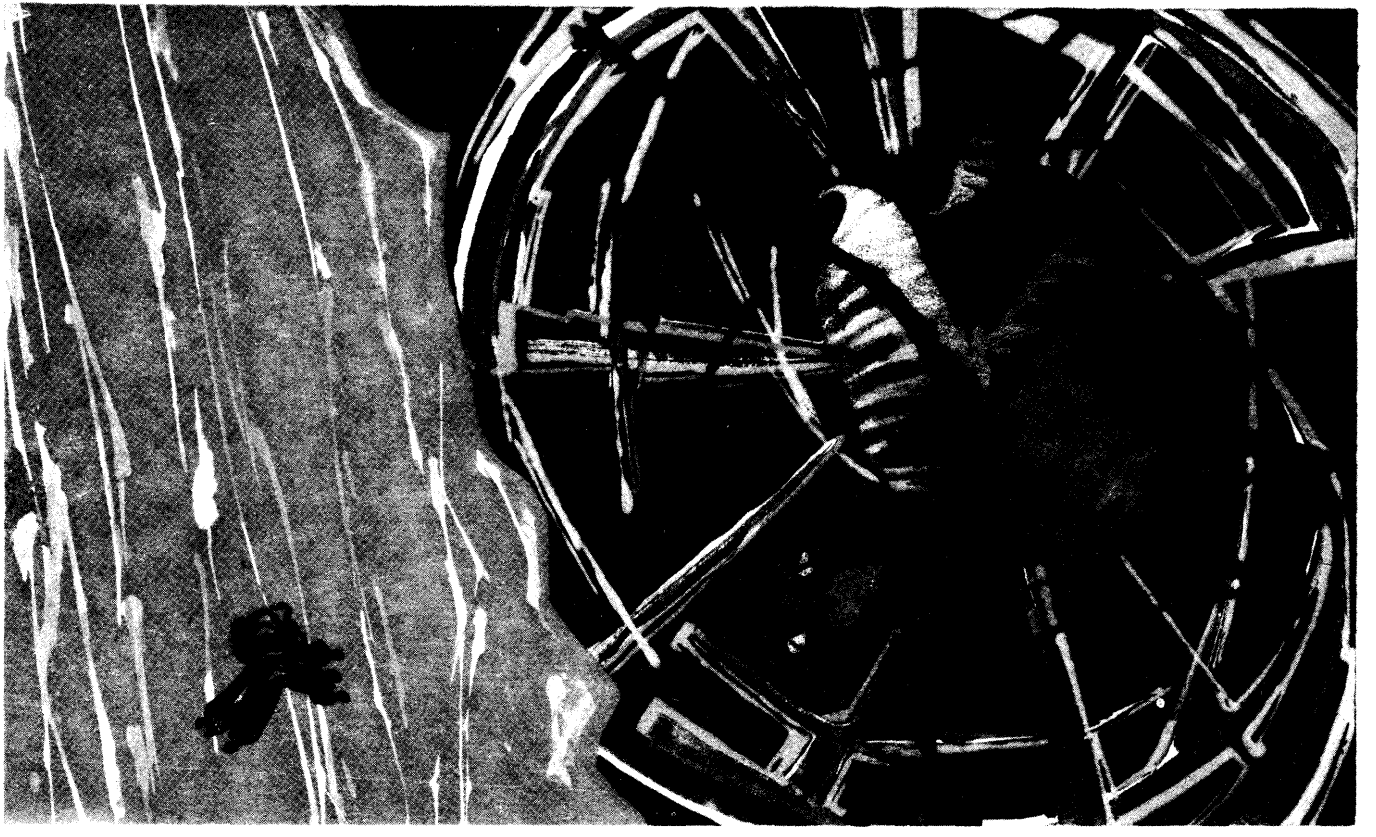
Лишь на десятый вечер, когда мы были в двух переходах от начала пустыни, я наконец наткнулся на отрывок, показавшийся мне не лишенным смысла:

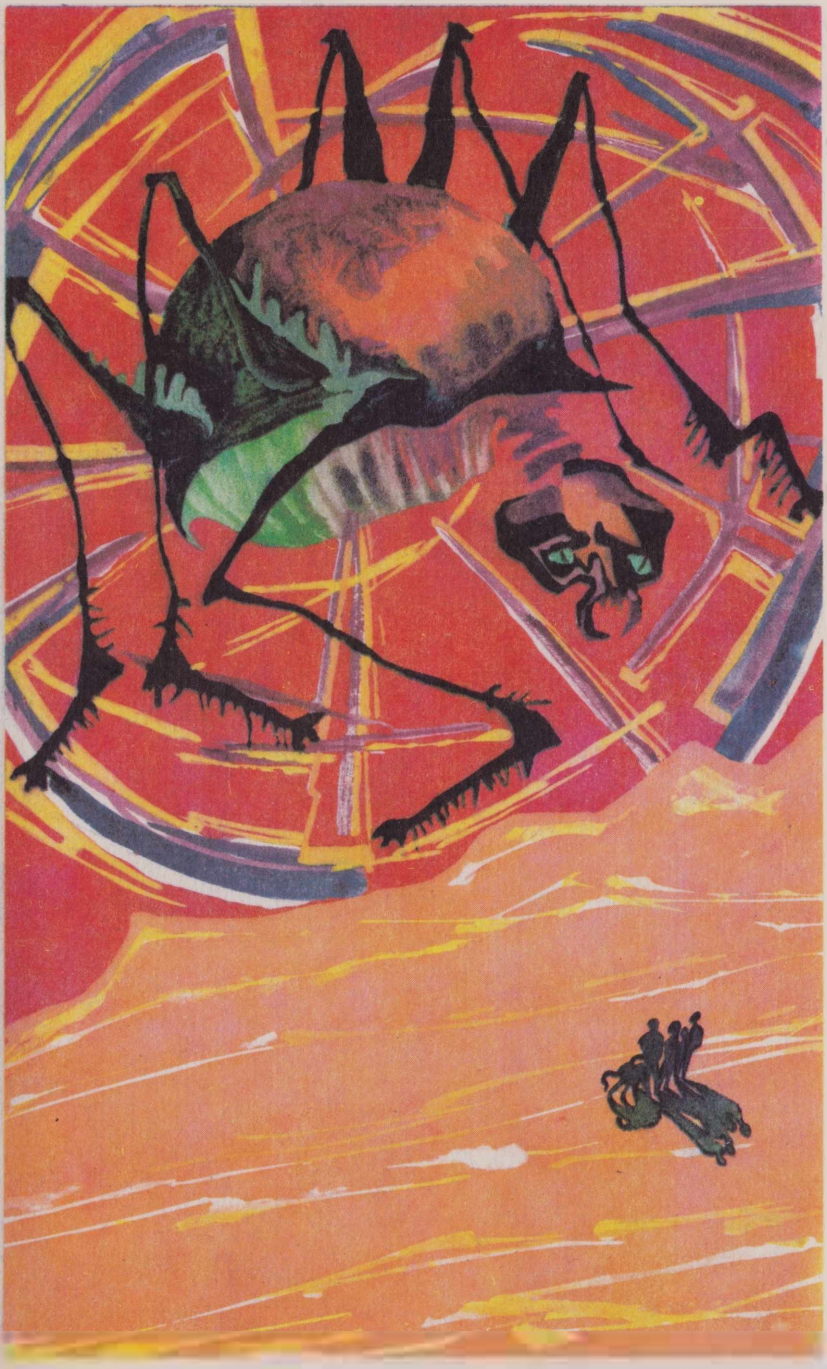
«...А эти ищут голубого и багрового знания. Они ищут его по всей Вселенной. Они ловят все, что может быть известно или придумано. Не только голубое и багровое, но весь спектр знаний. Они ставят ловушки на одиноких планетах, затерянных в бездне пространства и времени. В синеве времени. Знания ловятся деревьями, и, пойманные, они складируются и хранятся до сбора золотого урожая. Огромные сады могучих деревьев пронзают синеву, на мили погружаясь в нее, пропитываясь мыслями и знаниями. Так иные планеты впитывают золото солнечного света. Эти знания — их плоды. Плоды многообразны. Они — пища для тела и ума. Они круглы и продолговаты, тверды и мягки. Они и голубы, и золотисты, и багряны. Иногда красны. Они созревают и падают. И их собирают. Так как урожай — это время сбора, а созревание — время роста. И голубое и золотистое...»

Здесь Найт снова впал в бессвязный бред, который, как и во всей рукописи, преимущественно выражался в бесконечном перечислении оттенков цвета, разновидностей форм и размеров.

Я опять внимательно перечитал этот единственный абзац, показавшийся не лишенным смысла, и пролистал предшествующие ему страницы текста в надежде обнаружить хоть какую-то зацепку, указывающую на то, что он подразумевал под «этими», но так ничего путного и не нашел.

Я отложил рукопись и присел у костра, лихорадочно обдумывая, какой же смысл скрывается за содержанием этого отрывка. Был ли он случайным порождением больного воображения; также, как и текст в целом? Или представлял собой плод сиюминутного озарения, во время которого Найт успел изложить важный факт, несколько затуманенный пеленой мистицизма? А, может быть, Найт вовсе и не был таким сумасшедшим, каким казался, и вся эта рукописная галиматья была не более чем искусным камуфляжем, за которым скрывалось тайное послание, предназначенное для того, в чьих руках волею судьбы окажется рукопись. Впрочем, я тут же отбросил это предположение, как несостоятельное. Если бы он был действительно в своем уме и додумался до столь хитрого способа передачи информации, он бы уже давно бежал из долины и стремглав несся обратно в город, надеясь выбраться с этой планеты-ловушки и с приобретенными знаниями вернуться в галактику.

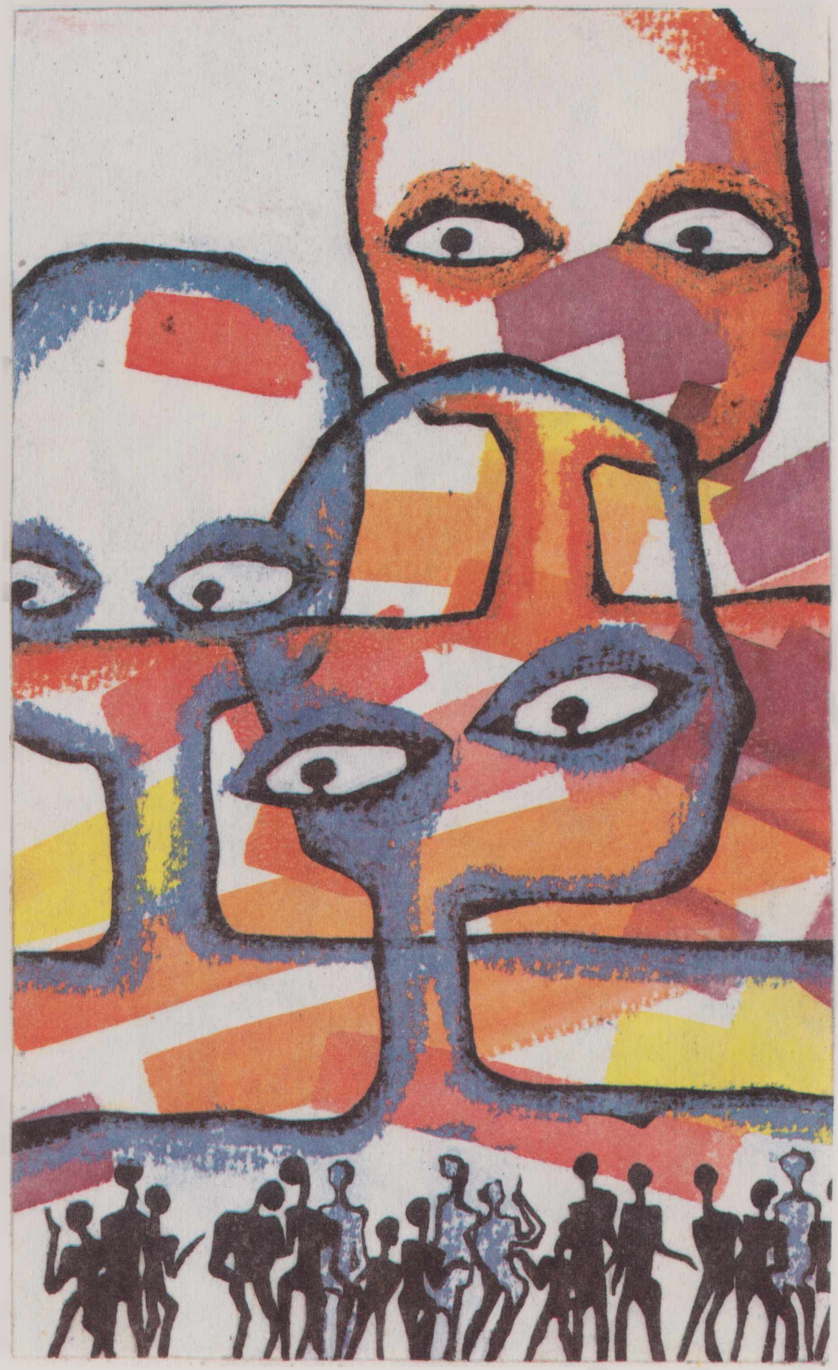

А если в этом отрывке действительно содержалось замаскированное послание, тут же возникал вопрос: как ему удалось об этом узнать? Были ли в городе какие-то записки, из которых он почерпнул сведения, проливающие свет на историю планеты? Или он говорил с кем-то, кто объяснил ему, почему эта планета была превращена в гигантский сад? А, может быть, правду удалось раскопать Роско? Было вполне достаточно оснований подозревать в этом Роско, поскольку он, помимо всего прочего, был еще и роботом-телепатом. Честно говоря, вряд ли бы кто-нибудь решился сейчас приписывать ему эти феноменальные способности. Он пристроился рядом со мной и по-прежнему вычерчивал пальцем на расчищенном пятачке земли какие-то символы, бормоча себе под нос.

Я почти уже собрался спросить его о верности моих предположений, но потом удержался. Я по-прежнему был убежден, что от этого болвана ничего не добьешься.

На следующее утро мы возобновили поход, а на второй день вышли к устроенному нами тайнику, где пополнили запасы воды и продовольствия. Закрепив флягу с водой и рюкзак с провизией на спине Роско, мы снова тронулись в путь, и вскоре перед нашими глазами открылась пустыня.

Мы шли очень быстро. Мы пересекли поле, где я дрался с кентавром, и пошли дальше, не делая привалов, к ущелью, в котором мы нашли Старину Пэйнта. Мы натыкались на оставленные нами кострища в местах наших остановок на ночлег по пути к горам. Я легко узнавал пройденные недавно места. Земля вокруг была все такой же красновато-желтой, в отдалении трубили неугомонные крикуны, а по временам мы замечали и других странных обитателей пустыни. Никто и ничто не препятствовало нашему движению, и мы продолжали стремительно идти вперед по тропе.

Я часто воображал, что покинувшие нас попутчики все еще с нами, что нас сопровождают их тени. Вот она — кавалькада призраков: Сара верхом на Старине Пэйнте; Тэкк, закутанный в коричневую сутану, ковыляет, поддерживая под руку спотыкающегося и трясущегося Джорджа Смита; Свистун, наш вечный дозорный, рыщущий далеко впереди. Иногда я что-то кричу ему, позабыв, что он ушел слишком далеко и не может меня услышать. Порой я настолько поддавался игре воображения, что действительно начинал верить, будто они с нами, а потом, очнувшись, понимал — их уже нет. Но даже зная, что их уже не вернешь, было приятно фантазировать, представляя их рядом. Меня смущало только одно обстоятельство. Тэкк нес куклу, прижав ее к груди, и я тащил эту же куклу, только спрятав ее в кармане куртки.

Кукла уже больше не прилипала к руке, при желании я мог бы от нее легко отделаться, но все же я нес ее с собой. Я не

знал, почему поступаю таким образом. Просто так было нужно. Вечерами я подолгу рассматривал ее, иногда с отвращением, иногда с удовольствием, попадая под ее очарование, но с каждым вечером, казалось, моя антипатия к ней все более ослабевала, и притягательная сила ее обаяния брала верх. И я продолжал коротать вечера, глядя кукле в лицо с надеждой, что в один прекрасный день смогу постичь мудрость, заключенную в его выражении, и поступить в согласии с ней.

Временами я продолжал читать рукопись. Текст был все таким же бессвязным, и только в самом конце встретилась фраза:

«...Деревья — это вершины. Деревья достигают высот. Вечно неудовлетворенные. Всегда ненасытные. Все, что я пишу о деревьях и пойманном знании, — истинно. Их вершины туманны. Голубой туман...»

ВСЕ, ЧТО Я ПИШУ О ДЕРЕВЬЯХ
И ПОЙМАННОМ ЗНАНИИ, — ИСТИННО...

Было ли это единственное предложение, потонувшее в волнах бредовых сентенций, специально вставлено, чтобы укрепить и подтвердить то, что было написано много страниц назад? Было ли оно еще одной искрой озарения во мраке затуманенного разума? Легко было поддаться искушению и поверить в это, но доказать было нельзя.

На следующий вечер я закончил чтение рукописи. Больше я в ней ничего не нашел.

А на третий день после этого мы увидели на горизонте город, тянущийся в небеса белоснежными башнями домов — как горная цепь своими вершинами.

25

Дерево лежало на том же месте, где я срезал его лучом лазерного ружья. Его высокий, неровно обрубленный пень упирался в небо кривыми зубцами. Массивный лежащий на земле ствол простирался на мили, листья уже засохли и сморщились, обнажая бурую древесину ветвей.

Позади дерева возвышалась громада красного каменного здания, в котором мы нашли убежище после устроенной нам деревом бомбардировки. Когда я смотрел на дом, в моей памяти воскресали пережитые в нем впечатления, и слух наполнялся хлопаньем миллионов невидимых крыльев, бьющихся под крышей в поисках дороги из ниоткуда в никуда.

От дерева исходил отвратительный тошнотворный запах, и

по мере приближения к нему я смог разглядеть, что круглая лужайка, окаймлявшая пень, просела и превратилась в яму. Именно из этой ямы и несло, как из помойного ведра. С вершины холма, на который мы забрались с Роско, я увидел, что в вязкой маслянистой слизи, до половины наполнявшей яму, плавали разлагающиеся останки каких-то животных.

Я с горечью подумал: одного выстрела хватило, чтобы отнять не одну жизнь — жизнь самого дерева, а жизни целой общины существ, вроде тех маленьких ноющих и хныкающих улиткообразных, которые высыпали из рухнувшего дерева и набросились на нас с упреками. А теперь, как оказалось, пострадали обитатели подземного резервуара, расположенного под деревом. Их благополучие было всецело связано с деревом, они не могли выжить после его гибели. Как только умерло оно, эти животные стали обречены. Я пытался отыскать какие-нибудь признаки присутствия маленьких грызунов, но не нашел. Они, должно быть, тоже уже погибли. Мне даже представилось, как их истлевшие, почти невесомые косточки разносит ветром.

Я был убийцей, моя рука принесла им смерть. Я намеревался уничтожить только дерево, а в результате отобрал столько невинных жизней. Черт возьми, что же на меня нашло? Почему я вдруг стал задумываться о такой чепухе? Ведь они сами навлекли на себя беду! Дерево первым напало на нас, и я имел полное моральное право на ответный удар. Это был древний неписанный закон — око за око, зуб за зуб. Всю свою жизнь на насилие я отвечал насилием. И, надо признать, всегда срабатывало. И в данном случае, после того, как я срезал это чертово дерево, ни одно из других деревьев не посмело напасть на нас. Каким-то образом до них дошел сигнал: не трогай этого парня, свяжешься — не поздоровится. Конечно, они не знали, что у меня уже нет лазерного ружья, но попробовали бы они проверить!

Я вдруг почувствовал, как Роско схватил меня за плечо, и повернулся в ту сторону, куда он уже указывал рукой. С севера, со стороны гор на нас двигались они. Их был легион. Их ни с кем нельзя было спутать. Это могли быть только те чудовища, чьи скелеты мы видели в груде костей, перегораживающих проклятое ущелье, где был найден Старина Пэйнт. Теперь они предстали во плоти — массивные животные, быстро передвигавшиеся на задних лапах, с вытянутыми назад хвостами, помогавшими им сохранять равновесие на бегу. У них были могучие тела, гигантские головы. Передние лапы с острыми, сверкавшими на солнце когтями они держали на весу. Они скалили пасти, и даже на большом расстоянии были хорошо видны их хищные жестокие гримасы. Вероятно, они уже давно преследовали нас, но показались впервые.

Они были ужасно большими и уродливыми и приближались очень быстро. Не стоило обладать богатым воображением, чтобы представить, как они с нами обойдутся, если сумеют догнать. Долго раздумывать значило дать им возможность заживо спустить с себя шкуру. Я изо всех сил припустил по тропинке, ведущей к городу. Щит мешал мне, и я его бросил. Болтающийся в ножнах меч бил меня по коленкам, и я, пытаясь на бегу развязать ремень, споткнулся о него и кубарем покатился с пригорка, как оторвавшееся от телеги колесо. Прежде чем я успел остановиться, сильная рука схватила меня за ремень, к которому были подвешены ножны, и приподняла вверх, так что я оказался на весу. В таком подвешенном состоянии меня крутило то по, то против часовой стрелки, а мимо моего носа пролетали комья земли, выскакивавшие из-под ног бегущего Роско. Краем глаза я видел, что его ноги мелькают, как спицы велосипеда.

Боже милосердный, как он, оказывается, умел бегать!

Я пытался повернуть голову, чтобы определить, где мы находимся, но мое лицо оказалось так близко от земли, что я ни черта не мог разглядеть. Что говорить, положеньице отнюдь не самое удобное, и это немного раздражало. Но и грех жаловаться: Роско шпарил, как гончая собака, а у меня показать такую прыть была кишка тонка.

Вдруг перед моими глазами зарябила мощеная дорога, и Роско, перевернув меня вверх головой, поставил на ноги. Голова у меня кружилась, земля вокруг ходила ходуном, но я понял, что мы уже на узкой городской улице, замкнутой с двух сторон высокими стройными стенами белых домов.

Позади слышались злобное рычание и яростный скрежет когтей по камню. Обернувшись, я увидел, как преследовавшие нас чудовища тщетно пытаются протиснуться в узкую щель между домами. Все их усилия добраться до нас, к счастью, не принесли результата. Мы были в безопасности. И я наконец получил ответ на давно волновавший меня вопрос: зачем в городе такие узкие улицы.

26

Призрачные силуэты кораблей все также виднелись на белом поле посадочной площадки космодрома. Величественные белоснежные утесы городских домов окаймляли ее, как края гигантской чаши. Площадка сияла стерильной чистотой. Кругом стояла мертвая тишина. Ни единого движения, ни малейшего дуновения ветерка.

Повешенное на привязанной к стропилу веревке сморщенное тело гнома расслабленно свисало из-под потолка кладовой. И в кладовой все было по-прежнему: те же горы поставленных друг на друга ящиков, коробок, тюков и узлов. Лошадки куда-то исчезли.

В небольшой комнате, куда надо было подниматься с улицы по пандусу, каменные плиты тоже находились на своих местах. На их боковых гранях виднелись телефонные наборные диски. От одной из плит исходило сияние, и в нем, как на экране кинотеатра, демонстрирующего фильм ужасов, представала картина кошмарного мира новорожденной планеты. Ее наполовину расплавленная, наполовину затвердевшая поверхность медленно вздымалась, подвластная мощному внутреннему дыханию. Кругом открывались страшные, наполненные лавой нарывы кратеров, на дне которых шевелился раскаленный докрасна шлак. Из расщелин вырывались клубы дыма и пара, выплескивались волны кипящей воды. В отдалении вулканы извергали пламя, выбрасывая вверх огромные облака пепла.

Роско уже успел снять походные мешки, а флягу с водой поставил в проеме двери. Теперь он сидел на корточках, царапая пол пальцем, правда, на этот раз он не пытался изобразить какие-нибудь заумные формулы и, что особенно странно, уже не бубнил себе под нос.

Я принялся разламывать деревянную скамью, прихваченную из кладовой, чтобы как следует разжечь костер, устроенный мною прямо на полу. Хорошенькое зрелище, подумал я, мы, наверное, представляем со стороны: дикий варвар, разбивший лагерь в мертвом городе погибшей цивилизации, еще один варвар из другого племени, болтающийся на веревке за дверью соседней комнаты, и представитель механического интеллекта, упорно старающийся разрешить одному ему понятную проблему (а может быть, непонятную ему самому).

Я бы упал в обморок от удивления, если бы мне доказали, что Роско отдает себе отчет в своих поступках. Наверняка он никогда не был запрограммирован для проведения тех расчетов, которыми он постоянно занимался. Видимо, размышлял я, основательная встряска, полученная его мозгом во время исполнения «заглавной партии» при игре в поло, не только вышибла все остатки здравого смысла, но и вколошматила вместо него черты гениальности.

Солнце уже прошло свой зенит, и правая сторона улицы теперь тонула в глубокой тени. Но, повернув голову, я увидел, что солнечный свет все еще озаряет верхние этажи домов на противоположной стороне. И здесь, в верхней части города, слышалось отдаленное, едва различимое дыхание ветра, посвистывав-

шего, как в дымоходе печной трубы. В нижних слоях воздуха не чувствовалось ни малейшего движения.

Покинутый город... А почему он был оставлен? Что заставило его обитателей уйти? Или они были уведены насильно? Возможно, они выполнили свою задачу, а город обеспечил ее выполнение, и тогда людям уже не было необходимости здесь находиться. Их ждали другие планеты, где перед ними стояли уже другие цели, а может быть, там они занимались тем же, чем и здесь. Не исключено, что единственным их занятием на этой планете было выращивание деревьев — сначала посадка, а потом тщательный уход за ними до тех пор, пока они не наберут достаточно сил, чтобы существовать самостоятельно, и уже не будут нуждаться в помощи. Этот период мог длиться века, даже тысячелетия, и только после этого можно было оставить деревья без присмотра. Лишь на предварительный этап — изучение условий выращивания деревьев и их посадки — понадобились многие годы. А помимо этого, нужно было еще построить подземные склады для хранения семян, вывести маленьких грызунов, занимающихся их сбором. Да, тут требовалось провести огромную работу.

Но эти колоссальные затраты времени и сил, естественно, не должны были пропасть даром, если деревья выращивались с целью, аллегорическая формулировка которой содержалась в рукописи Найта. Каждое из деревьев выполняло функции своеобразного приемного центра, собиравшего информацию с помощью каких-то средств перехвата, принцип действия которых был мне не известен (может быть, это был перехват волн, излучаемых интеллектом?).

Деревья представляли собой что-то вроде фильтров, пропускающих через себя распространяющееся по галактике информационное излучение. Миллионы приемников были расставлены на периферии галактики и беспрерывно просеивали информационные волны, анализировали, усиливали их, а затем, после переработки, закладывали полученные данные на хранение. А через определенные промежутки времени являлись «садовники» и извлекали накопленные таким образом знания. К тому же, где и как можно было хранить такую информацию? Конечно, сами деревья не могли дополнительно брать на себя функцию банка данных. Лучше всего эту задачу можно было решить с помощью семян, закладывающих знания в сложные цепи ДНК-РНК, преобразуя сугубо биологические характеристики нуклеиновых кислот таким образом, что, помимо чисто биологической информации, позволяло семенам помещать на хранение самые разнообразные знания других видов, в том числе неорганического происхождения.

Когда я думал об этом, испарина выступила на моем лбу. В закромах и бункерах, в которые грызуны складировали семена,

содержались поистине бесценные сокровища. Любой, кто бы смог овладеть семенами, а затем разработать технологию выделения из них информации или раскрыть код, открывающий доступ к зашифрованным в них данным, сосредоточил бы в своих руках все интеллектуальные ресурсы галактики. Тот, кому удалось бы опередить владельцев сада и снять урожай раньше их, завладел бы невиданной добычей. И «садовники», предусмотрев такую опасность, приняли чрезвычайные меры предосторожности, предупреждая малейшую возможность утечки информации как о самой планете, так и о цели, ради достижения которой она эксплуатировалась. Пришельцам, впрочем, не препятствовали появляться здесь, более того, их даже могли заманить на планету, если они оказывались поблизости от нее. Но коли уж им выпало несчастье совершить посадку на местном космодроме, они, похоже, уже не имели ни единого шанса выбраться из западни и возвратиться в галактику с сообщением о своем открытии.

Все-таки любопытно узнать, как часто появлялись на планете владельцы сада. Можно было предположить, что каждую тысячу лет в галактике накапливались знания, стоящие приобретения. А вдруг с этими «садовниками» что-нибудь случилось? И они не имели больше возможности прилетать на планету для сбора урожая. А еще они могли отказаться от осуществления задуманного ими проекта, как нереального или нерентабельного. За тысячелетия, прошедшие со времен постройки города и разведения сада, могла произойти переоценка ценностей и коренной пересмотр стратегических целей расы. И теперь им, как более зрелой и умудренной опытом цивилизации, создание планеты-сада (или, не исключено, целой системы подобных планет) могло представляться не более, чем детской затеей, ошибочным начинанием, претворенным в наивном запале юношеского энтузиазма.

От долгого сидения на корточках ноги начали затекать, и я, вытянув руку, оперся о пол ладонью, чтобы переменить позу. Сделав это, я почувствовал, что под моей рукой оказалась кукла. Я не стал ее поднимать: мне не хотелось смотреть на нее. Я просто нащупал ладонью ее лицо и прошелся по нему кончиками пальцев. И тут мне пришло в голову, что строители города и создатели сада не первые жители планеты. Прежде чем они появились здесь, планета была заселена другой расой — расой, построившей похожее на храм красное здание на окраине города. Один из ее представителей и вырезал эту куклу. Я был уверен, что создание куклы, в некотором смысле, явилось более значительным достижением, нежели строительство города и разведение деревьев. Эта кукла была грандиозным явлением духовной культуры планеты.

Но к настоящему времени обе эти великие расы покинули планету, а я, посланец другой цивилизации, вероятно, не такой развитой, но, бесспорно, не менее честолюбивой, находился здесь. Я находился здесь и знал историю планеты, мне открылась тайна ее сокровищ. Это были настоящие сокровища, а не мифы, за которыми охотился Найт. Они имели реальную цену, их можно было выгодно продать, и в этом плане для меня они были более привлекательны, чем бесплотные сказочные богатства. Найт мог догадываться о их существовании — об этом недвусмысленно свидетельствовали отрывки из его записей, — но к тому времени, когда ему пришла в голову эта догадка, Найт уже настолько был увлечен своим идефиксом, настолько попал под власть созданных его собственным воображением призраков, что пренебрег своим открытием, как недостойным внимания.

Несчастный глупец, думал я, упустить такой шанс! Хотя, не исключено, что он совершил такую оплошность уже после того, как утратил все надежды вырваться с этой планеты.

А я этих надежд не утратил! Выход должен быть. Выход всегда можно найти, если упорно и непреклонно его искать. Никакая банда тупых «садовников» не сможет помешать мне выбраться отсюда!

Сначала нужно найти продовольствие и немного отдохнуть, а потом уж я доберусь до этих параллельных миров. Хотя Сара и старалась убедить меня, что все они изолированы один от другого, нельзя отвергать возможности, что хоть один из них населен разумными существами, имеющими средства передвижения в пространстве. А это — все, что мне было нужно. Только бы добраться до них и любыми способами завладеть каким-нибудь кораблем.

Я раздумывал, как мне поступить с гномом, и решил, что надо оставить его повисеть. Пусть посидит на поводке. Если я его сниму, неизвестно, какая от него будет польза. К тому же я не знал, что он еще захочет выкинуть. В конце концов, он сам шел к подобному финалу и получил по заслугам, так что я не буду вмешиваться. Честно говоря, мне все же было любопытно узнать, зачем он это сделал. Сам по себе поступок доказывал его принадлежность к расе гуманоидного типа. Только существо, подобное человеку, могло на такое решиться.

Я бросил взгляд на Роско. Он перестал писать свои иероглифы и теперь смирно сидел с вытянутыми вперед ногами и тупо смотрел перед собой. У него был вид человека, впавшего в оцепенение после того, как ему внезапно открылась потрясающая правда.

27

Сара оказалась права. Выхода не было. Все миры приводили в тупик. Я изучил каждый, неустанно переходя из одного в другой, постоянно подгоняя себя. Спал я урывками, и только тогда, когда изматывался до такой степени, что начинал опасаться, как бы, переутомившись, чего-нибудь по рассеянности или небрежности не пропустить. В то же время я не позволял себе допускать поспешность в работе. На изучение миров я тратил значительно больше времени, чем было необходимо, подвергая каждый из них самому скрупулезному и тщательному анализу.

Пришлось порядочно повозиться, прежде чем я научился обращаться с наборным диском, открывающим путь в другие миры. Но как только я приобрел навык, я немедленно, засучив рукава взялся за дело, уже ни на что не отвлекаясь. Роско не беспокоил меня, и я, в свою очередь, не обращал на него внимания. Правда, иногда замечал, что он часто отсутствует. У меня сложилось впечатление, будто он бродил по городу, но времени разобраться, зачем ему это было нужно, не хватало.

Конечно, никто не мог поручиться, что ни одна из открывшихся мне планет не обладает техникой, поисками которой я занимался. Ведь передо мной распахивалась лишь дверца, ведущая в другой мир, через проем которой можно было разглядеть только незначительную его часть. Было бы крайне безрассудно и рискованно перейти границу другого мира и вступить в неизведанное, не имея веских доказательств, что я найду в нем то, что мне было нужно. Однажды перейдя Рубикон, я мог потерять все надежды на благополучное возвращение назад. Без помощи Свистуна и паукообразного существа нам никогда бы не удалось выбраться из зыбучих песков пустынного мира.

Итак, к сожалению, я не увидел ни единой планеты, на землю которой мне захотелось бы вступить, ни одного мира, в котором бы я обнаружил хотя бы зачаточные формы разумной жизни. Преимущественно все эти планеты были ужасны, в них только нарождалась живая природа — непроходимые дикие джунгли, скованные льдами пространства, материки, находящиеся в процессе карстовой ломки. Некоторые из планет имели очень плотную атмосферу, их поверхность окутывали клубящиеся облака паров, один взгляд на которые вызывал у меня удушье.

Было несколько совершенно мертвых планет (с обширными равнинами, начисто лишенными растительности), тускло освещенных бледным кроваво-красным умирающим солнцем. Встретилась и обуглившаяся планета, сожженная дотла вспышкой новой звезды.

Меня очень занимал вопрос, зачем были нужны эти двери

в другие миры? Несомненно, если бы кто-то собирался пользоваться ими для того, чтобы переходить из одного мира в другой, он поставил бы двери где-нибудь на окраине города или в деревне. Никто не стал бы переселяться в дикие джунгли, на ледяные торосы или на прогоревшие угли. Может быть, двери были сделаны с единственной целью — как канализационный люк, предназначенный для избавления от непрошенных гостей. Но если их предназначение ограничивалось только этой функцией, достаточно было бы выхода в один или несколько миров. А тут их — сотни. Не было никакой необходимости иметь их так много.

Разумеется, представители использовавшей их расы могли руководствоваться совершенно другими соображениями, не доступными человеческой логике, а я просто был не в состоянии предусмотреть все способы их возможного применения.

Я проглядел все миры и теперь был не в лучшем, а даже, наверное, в худшем положении, чем до начала поиска. По крайней мере, до того, как я все это затеял, оставалась надежда, а теперь и она умерла.

Я подошел к костру. Он погас. Осторожно потрогав ладонью угли, я не ощутил тепла. Роско не было, и кажется, его не было уже несколько дней.

Может быть, он бросил меня? Наверное, все же не бросил, но попросту забрел куда-нибудь и не особенно задумывается о возвращении. Да, черт побери, следует признать, что я исчерпал свою фантазию. Я сделал все, что было в человеческих силах.

Я тихо сидел у потухшего костра и всматривался в сумрак узких улиц. Возможно, еще есть за что уцепиться — например, отыскать какой-нибудь выход в городе или на планете, пойдя на восток, запад или юг, а не к призрачным вершинам пурпурных гор на севере. Где-то должен быть ответ. Но моя воля иссякла. Я не хотел никуда идти. Я не хотел ни за что больше браться. Хотелось бросить все к чертовой матери и сдаться.

Будет еще один гномик, подумал я.

Конечно, я был неправ. Это было пораженческое настроение. Нечего драматизировать. Когда придет время совершить новую попытку, когда только забрезжит новая, пусть самая эфемерная надежда на успех, я опять встану и ринусь в бой.

Но сейчас я, сгорбившись, безвольно сидел у костра и жалел себя — не только себя, а всех нас. Хотя стоило ли переживать из-за Смита, Тэкка или Сары? Они получили то, что хотели.

Внизу в уличной темноте мелькнула тень: черное пятно на сером фоне. Холодок страха пробежал по моей спине, но я не пошевелился. Если некто или нечто, кто бы это ни был, захочет

застигнуть меня врасплох и разделаться со мной, что ж, пусть придет и попробует. Пока у меня есть меч, пусть это и не самое подходящее для меня оружие, — без боя я не сдамся.

Как же все-таки были измочалены мои нервы, если я докатился до таких мыслей! Не было ни малейших оснований предполагать, что в городе мог находиться кто-то, кому была нужна моя жизнь. Город был пустынным и заброшенным, и никто, кроме привидений, в нем не мог обитать.

Тем более странно, что тень продолжала двигаться. Она вышла с улицы и направилась по пандусу прямо ко мне, шагая медленной неуверенной походкой, напоминавшей старческую поступь.

Теперь я разглядел, это был Роско. Боже, как я был рад, что этот несчастный вернулся. Я встал, чтобы поздороваться с ним. Он остановился перед самой дверью и заговорил, осторожно произнося слова, словно боясь опять сбиться на привычную рифмованную белиберду. Медленно и старательно, делая отчетливые паузы после каждого слова, он произнес: «Пойдемте со мной».

— Роско, — сказал я, — спасибо, я рад, что ты вернулся. Что произошло?

Он стоял в сгущающихся сумерках, тупо глядя в мои глаза. Затем также медленно и осторожно, с трудом артикулируя каждое слово, он выдавил из себя: «Если математические выкладки...» — и снова замолчал. Особенно тяжело ему далось слово «математические».

— У меня были трудности, — сказал он увереннее, — со мной случилась беда, но теперь я справился с трудностями и чувствую себя лучше. Борьба вылечила меня.

Он уже говорил свободнее, но все еще с усилием. Длинные фразы давались ему нелегко. Было заметно, как он преодолевает невидимый барьер, чтобы правильно произнести фразу.

— Не волнуйся, Роско, — посоветовал я. — Не мучай себя. У тебя прекрасно получается. Не стоит переживать.

Но он не мог расслабиться. Ему очень нужно было что-то мне объяснить. Это что-то слишком долго бродило в его мозгу и теперь настойчиво требовало выхода наружу.

— Капитан Росс, — сказал он, — долгое время я боялся, что не смогу справиться. На этой планете есть два явления, требующих объяснения, и я никак не мог привести их к знаменателю... нагревателю, предателю, законодателю...

Я быстро подошел к нему и взял за руку.

— Ради Бога, — взмолился я, — не волнуйся. У тебя вагон времени. Не надо торопиться. Я тебя спокойно выслушаю, не спеши.

— Спасибо, капитан, — произнес он с усилием, в его голосе звучала искренняя признательность, — за ваше терпение и сострадание.

— Мы прошли вдвоем длинный путь, — сказал я. — Мы можем позволить себе не торопиться. Если ты нашел ответы, я могу и подождать. Что до меня, то я готов воспринять любые открытия.

— Существует структура, — выдавил он, — материал белого цвета, из которого сделан город, вымощена посадочная площадка, которым оснащены корабли.

Он сделал паузу и молчал так долго, что я начал опасаться, как бы с ним опять чего-нибудь не произошло. Но потом он снова заговорил.

— В обычных молекулярных структурах, — сказал он, — связи между атомами существуют только вне их ядер. Вы понимаете?

— Думаю, что да, — ответил я. — Хотя, туманно.

— В белом материале, — пояснил он, — связи распространяются глубже внешних орбит электронов, распространяются на ядра атомов. Вы улавливаете идею?

Я вздохнул, показывая, что, по крайней мере, частично до меня дошло.

— А, черт, — сказал я, — и эти связи, наверное, никак нельзя разорвать.

— Точно, — объявил он. — Так и было задумано. А теперь, капитан, пожалуйста, пойдемте со мной.

— Погоди минутку, — запротестовал я. — Ты еще не все сказал. Ты говорил о двух явлениях.

Он пристально посмотрел на меня, как будто прикидывая, стоит ли метать бисер перед свиньями, а затем вдруг спросил:

— Капитан, что вам известно о реальности?

Я даже вздрогнул от неожиданности. Более дурацкого вопроса нельзя было придумать.

— Какое-то время назад, — ответил я с сомнением, — я мог поручиться, что хорошо умею отличать реальность от вымысла. Сейчас я не уверен.

— На этой планете, — заявил он, — реальность разделена на части, слои. Здесь их, как минимум, два. А, может быть, гораздо больше.

Теперь он говорил уже достаточно бегло, хотя временами начинал заикаться, с трудом выталкивая из себя слова, и тогда его речь становилась невнятной.

— Но откуда, — спросил я, — ты обо всем этом знаешь? О молекулярных связях и реальности?

— Не знаю, — ответил он. — Я только знаю, что знаю об этом. Ну, а сейчас, пожалуйста, пойдемте.

Он повернулся и начал спускаться по пандусу, и я последовал за ним. Мне нечего было терять. Я уже исчерпал все свои резервы, похоже, и у него тоже не было другого выхода, хотя, к сожалению, все его открытия могли оказаться ничем иным, как игрой больного воображения. Но я уже находился на той стадии, когда человек готов ухватиться за любую соломинку.

Идея о более тесных молекулярных связях несла в себе рациональное зерно, правда, подвергнув ее анализу, я едва ли представлял, как эти связи могли осуществляться на практике. Но уж вся эта затея с многослойными реальностями казалась мне абсолютной белибердой. В ней не было ни капли здравого смысла.

Мы вышли на улицу, и Роско направился к космодрому. Он уже не бормотал себе под нос и шел очень быстро — уверенной походкой человека, знающего, куда и зачем он идет. Я едва поспевал за ним. Бесспорно, он изменился, но стоило еще хорошенько поразмыслить, являлись ли эти изменения следствием выздоровления или признаком новой стадии умопомешательства.

Когда мы подошли к космодрому, уже занималось утро. Солнце на востоке было на полпути к зениту. Молочно-белая посадочная площадка космодрома, окруженная белоснежными стенами городских домов, ослепительно сияла, как глянцевое дно фарфорового блюда. В этом сиянии бледные силуэты кораблей были похожи на ночные привидения, застигнутые врасплох рассветом.

Мы двинулись вперед по огромному полю космодрома в сторону кораблей. Роско заметно прибавил шагу. Я то и дело вынужден был переходить на бег, чтобы не отстать. Мне очень хотелось спросить его, зачем нужна эта гонка, но у меня не хватало дыхания произнести хоть слово, к тому же я не был уверен, что добьюсь от него вразумительного ответа.

Этот марафонский бег выбивал меня из колеи. Тем не менее, очень долго мне казалось, что мы топчемся на месте. И вдруг я с удивлением обнаружил, что позади уже больше половины пути от домов к кораблям.

Когда мы подошли достаточно близко к кораблю Сары, я заметил какую-то штуковину, неизвестно откуда появившуюся у его основания. Эта штуковина представляла собой настоящее чудо художественного дизайна, включавшее в качестве конструктивных элементов весьма странное зеркало и аккумуляторную батарею (или какой-то другой источник питания). Их дополняли невероятные хитросплетения проводов и трубок. Довольно небольших размеров — около трех футов высотой и десяти квадратных футов площадью — эта машина смотрелась со стороны как

скульптура в стиле авангардизма. Вблизи она уже не казалась кучей художественного мусора, а скорее напоминала плоды творческих усилий мучающихся от безделья школьников, на каникулах устроивших игру в машину времени.

Я стоял, уставившись на этот несуразный аппарат, не в силах вымолвить ни слова. Из сотен дурацких вещей, которые мне пришлось повидать на своем веку, эта была вне конкуренции. Как оказалось, в то время, пока я обливался холодным потом, наблюдая ужасы самых отвратительных миров, этот рехнувшийся робот шастал по городу, собирал мусор и металлолом, затем сносил всю эту ерунду сюда для того, чтобы построить эту уродину.

Он присел перед панелью, которую, видимо, воображал пультом управления, и начал крутить расположенные на ней ручки и включать тумблеры.

— А теперь, капитан, — заявил он, — пусть восторжествует математика!

Он произвел еще какие-то операции на «пульте управления», и вдруг прозрачные трубки конструкции засветились и замигали. Раздался звук, похожий на звон бьющегося стекла, и сверкающий ливень напоминающих стеклянные бусы осколков скатился по бортам корабля, рассыпаясь по земле звонкими брызгами.

Корабль стоял, сбросив мантию из молочно-белой глазури, в лучах, исходивших от этого жукоподобного аппарата.

Я был в шоке. Невероятно, но эта дурацкая машина сработала, и теперь корабль был распечатан. Оставалось только выяснить, готов ли он к полету. Я не верил своим глазам. Это было непостижимо. Нет, Роско не мог этого сделать! Этого не мог сделать придурковатый, бормочущий Роско, которого я знал как облупленного. Такое могло произойти только во сне. Я не заметил, как Роско подошел ко мне. Он обнял меня за плечи, глядя прямо в глаза.

— Я сделал это, — сказал он, — и для корабля, и для себя. Освободив корабль, я освободил себя. Я снова цел и невредим. Я такой же, как прежде.

Действительно, теперь он был похож на нормального робота, правда, я понятия не имел, каким он был прежде. Сейчас он говорил без натуги, раскованность движений делала его похожим скорее на человека, чем на искусственный механизм.

— Я был потрясен, — произнес Роско, — всем тем, что случилось со мной, теми изменениями, которые произошли в моем мозгу. Я не мог в них разобраться и не знал, как их использовать. Теперь, найдя им применение, я снова стал самим собой.

Я почувствовал, что охватившее меня оцепенение прошло, и попытался повернуться, чтобы немедленно бежать к кораблю. Но

Роско крепко держал меня за плечи, не позволяя вырваться.

— Свистун рассказывал тебе о судьбе, — сказал он. — Это — моя судьба. Более того. Странники Вселенной всех рас и цивилизаций рыщут по галактике, пытаясь найти свое предназначение. Кто бы мог подумать, что удары деревянных колотушек по моему мозгу вызовут такие короткие замыкания и переключения в цепи умственных процессов, что мне вдруг станут доступны истины, доселе неведомые...

Я с трудом высвободился из его железной хватки.

— Капитан, — промолвил он.

— Ну, что еще?

— Вы так и не поверили. Вы все еще считаете меня дурачком. Поверьте, я — другой.

— Да нет же, — ответил я, — конечно, ты не дурачок. Честное слово, даже не знаю, как тебя благодарить.

— Мы же друзья, — воскликнул Роско. — Какие могут быть благодарности. Вы спасли меня, отобрав мой мозг у кентавров. Я освободил вас от ига планеты. Это сделало нас друзьями. А сколько дней мы провели рядом у костра! Это тоже сделало нас друзьями...

— Да заткнись же ты, — оборвал я его. — То же мне, распустил слюни. Ты стал хуже Свистуна.

Я обошел его несуразный аппарат и вскарабкался по трапу на борт корабля. Роско залез вслед за мной.

Устроившись в кресле пилота, я проверил пульт управления. Все было в порядке. Можно было взлетать хоть сейчас. Мы могли немедленно покинуть планету и унести с собой тайну ее сокровищ. Конечно, в данный момент я не представлял, как перевести ее богатства в звонкую монету, но был уверен, что придумаю способ. Было бы что-нибудь стоящее, а уж как продать — это детали.

Неужели, спросил я себя, все свелось к тому, что у меня появился товар на продажу? Не просто еще одна планета (хотя ее тоже можно было выгодно реализовать), а бесценные знания, хранящиеся на планете в виде семян. Знания, которые сначала перехватывались в пространстве гигантскими приемниками-деревьями, затем трансформировались в семена. Семена разбрасывались по земле и тут же собирались прыткими грызунами, которые не ели их, а складывали в огромные закрома и амбары до сбора урожая.

Но я также отдавал себе отчет в том, что знания — не единственное богатство планеты. Не только белый город и информационные ловушки в виде деревьев были ее достоянием. На этой планете любой человек мог бесследно исчезнуть (или испариться,

как Тэкк), причем, было невозможно понять, куда он девается. Переходит ли он в другую реальность, в другую жизнь, как перешел в свое третье естество Свистун?

Здесь существовала еще одна, более ранняя цивилизация, еще одна культура, процветавшая до того, как был построен город. Эта цивилизация сложила здание из красного камня, она создала деревянную куклу. Возможно, представителям этой культуры и была известна разгадка таинственных исчезновений.

Роско болтал что-то о многослойных реальностях. Может быть, в них следовало искать ключ к тайне? И если все это окажется правдой, интересно, существуют ли такие многослойные реальности только на этой планете, или это явление — общее для всех планет?

Я думал, что все это чепуха, и даже сейчас был уверен в своей правоте. Но Роско нашел способ с помощью математических рассчетов (если его манипуляции не относились к области черной магии) создать устройство, освободившее корабль. Не исключено, что его идея о реальностях тоже может оказаться не такой уж блажной.

Но все это не имело никакого отношения ко мне. Я вспомнил, чего же мне больше всего хотелось во время нашего похода по тропе. Ведь я не искал того, что искала Сара, Тэкк или Джордж, тем более Свистун. Я мечтал об одном — поскорее убраться с этой планеты. Теперь я мог это беспрепятственно сделать. В конце концов, каждый из нас, по-моему, достиг своей цели. Мне оставалось только задраить люк и включить двигатель. Для меня это было раз плюнуть, тем не менее, я почему-то колебался. Я долго сидел в кресле, уставившись на приборную доску. Что же меня удерживает, спрашивал я себя?

Может быть, причина в моем одиночестве? Мы прилетели сюда вчетвером, а теперь я должен возвращаться один.

Я старался сосредоточиться, чтобы сказать себе правду. Но, оказалось, быть честным с самим собой совсем не просто.

Тэкка и Джорджа уже не найти. Свистун вне досягаемости. Бессмысленно их разыскивать. Но оставалась Сара. К ней я мог пойти, мог привести ее назад, во всяком случае, мог попробовать.

Я силился перебороть свои сомнения, почти не замечая странного пощипывания в глазах, и вдруг с ужасом осознал, что плачу, и это слезы текут из моих глаз и скатываются по щекам.

Сара, мысленно взывал я, Сара, Бога ради, ответь мне, зачем ты покинула меня, зачем тебе нужна эта долина? Почему ты не вернулась и не пошла со мной? Почему я не пошел за тобой и не забрал тебя?

Я вспомнил, как в ту нашу последнюю ночь, когда мы разго-

варивали у костра, она сказала, что между нами все могло бы быть хорошо. Да, да, у нас все было бы хорошо, если бы мы так не увлеклись погоней за легендой. Эх, зачем эта проклятая легенда оказалась правдой и все нам испортила!

А еще я вспомнил тот день, когда мы впервые встретились: она ждала меня в холле своего дома, и мы, взявшись за руки, пересекли холл и вошли в зал, где нас ждали Тэкк и Джордж.

Нет, дело не в Тэкке, не в Джордже, не в Свистуне. Даже не в Саре. Я все равно не решусь увезти ее силой. Есть кто-то еще.

Я выскочил из кресла и бросился в отсек, расположенный за кабиной пилота. Здесь я нашел другое лазерное ружье.

— Мы возвращаемся, — сказал я Роско.

— Возвращаемся? — переспросил Роско. — За мисс Фостер?

— Нет, — отрезал я, — за Пэйнтом.

28

Конечно, это была сумасшедшая мысль: Пэйнт был только лошадкой. Если бы не мое вмешательство, он все так же лежал бы вверх тормашками, зажатый среди камней. Он говорил, что хочет попасть на Землю, а что он вообще знал о Земле? Он никогда не видел ее. Он даже спрашивал меня, что означает слово Земля. Он никуда не хотел лететь до тех пор, пока я сам не рассказал ему о Земле. И все же я не мог без жалости вспоминать его медленную поступь, когда я приказал ему идти к долине и ждать Сару, а он неохотно поплелся, стараясь не уходить далеко, чтобы расслышать, если я, передумав, попрошу его вернуться. Разве можно было забыть, как он отважно нес меня в седле на битву с кентавром. Хотя, надо честно признать, что ни мне, ни ему слава победы не принадлежала. Мы выиграли этот поединок только благодаря Саре.

— Мне хочется, — промолвил Роско, подстраиваясь со мной в ногу, — постичь в деталях концепцию множественных реальностей. Так бы я их назвал. Я уверен, что представление о них уже оформилось в моем мозгу, только я пока не могу воссоздать целостной картины. Это что-то вроде головоломки, состоящей из множества деталей, — стоит только собрать их воедино и перед тобой предстанет целое, простое и естественное, а ты будешь удивляться, почему не мог дойти до решения сразу.

Мне пришло в голову, что если бы он вернулся к своему бессвязному бормотанию, было бы лучше. Оно все же не так действовало на нервы. По крайней мере, я к нему не прислушивался. А теперь я должен вникать в его болтовню, чтобы добраться до сути его глубокомысленных суждений.

— Эта моя новая способность, — продолжал тем временем Роско, — приводит меня в замешательство, полагаю, что ее можно было бы окрестить чувствительностью к окружающей среде. Куда бы ты ни пошел, чем бы ни занимался, ты всегда чувствуешь, вернее, знаешь факторы окружающего тебя мира.

Я особенно не прислушивался к его словам, так как был занят своими мыслями. Я сомневался, стоило ли нам вообще возвращаться в долину. Разумнее было бы убраться с планеты подобру-поздорову. Правда, для того, чтобы сделать бизнес и иметь доход с нашего открытия, следовало взять с собой несколько пригоршен семян, дабы исследовать их на Земле и выяснить, действительно ли они содержат ценные знания. А так можно было улетать с чистой совестью. Цель экспедиции была достигнута, программа выполнена: каждый получил то, что хотел.

Неоднократно я уже собирался было повернуть назад, но всякий раз продолжал идти вперед. Возникало ощущение, что чья-то сильная рука подталкивает меня в нужном ей направлении.

Когда мы вышли из города, не было никаких факторов присутствия ужасных звероподобных монстров. Все же я опасался, что они будут ждать нас на окраине, но признаться, даже желал новой встречи. Теперь, когда у меня было лазерное ружье, боязнь исчезла. Однако их не было. И мы спокойно пошли дальше мимо дремлющего под палящими лучами солнца красного здания, лежащего на земле ствола гигантского дерева и зловонной ямы, окружавшей зубчатую башню огромного пня.

Путь казался короче, чем наше первое путешествие. Мы летели на всех парах, словно догадываясь, что наше время ограничено. Вечерами Роско привычно расчищал участок земли возле костра и продолжал выводить пальцем бесконечные формулы и уравнения, что-то бормоча себе под нос, как будто стараясь убедить в чем-то то ли меня, то ли себя самого.

И так вечер за вечером он все писал и бубнил, а я сидел рядом и, наблюдая за игрой пламени костра, старался понять, почему мы находимся здесь, а не за миллионы миль отсюда, в открытом космосе, на пути к своей галактике. Теперь я решился признаться себе, что не Пэйнт был причиной моего безрассудного порыва, хотя обязательство перед ним тоже повлияло на мое решение. И все же мой выбор зависел не от него — Сара притягивала меня к себе через многокилометровые пространства. Я видел ее лицо в отблесках костра, за прозрачной вуалью легкого дыма; видел ее вечно непослушный локон, щеку, испачканную дорожной грязью, и, главное — ее глаза, пристально глядящие на меня.

Временами я извлекал из кармана куклу и сидел, изучая ее

лицо. Возможно, этим я хотел отвлечь себя от взгляда Сары, неотступно преследовавшего меня. Или, может быть, я смотрел на жестокое лицо игрушки в безумной надежде на то, что эти немые губы разомкнутся и ответят на мучивший меня вопрос. Меня не покидало ощущение, будто кукла является необходимым и важным участником всего происходящего, и в резких чертах ее лица пересекаются неуловимые нити закономерностей и противоречий.

Наконец, после долгих дней пути мы взобрались на крутой склон и увидели холмистую, изрезанную оврагами равнину, открывающую дорогу к страшному ущелью.

Тропа сбегала вниз под гору, пересекала небольшую ровную площадку и, извиваясь, карабкалась по каменистым склонам холмов.

Вдалеке, почти рядом с линией, где тропа терялась в неровных складках местности, по направлению к нам двигалась какая-то точка, маленькая блестка, сверкающая на солнце. Я некоторое время удивленно наблюдал за ней, пока она не выползла на участок, где ее можно было лучше рассмотреть на контрастном фоне более темной земли. Теперь я не мог ошибиться — эту трясскую подпрыгивающую иноходь нельзя было ни с чем спутать.

Роско тихо сказал:

— Это — Пэйнт.

— Но Пэйнт не может пойти назад без...

И вот я уже мчался вниз по склону, размахивая руками и безумно крича. Роско бежал вслед за мной.

Сара увидела нас издалека и помахала рукой в ответ. На расстоянии она была похожа на крошечную куколку с двигающимися ручками, посаженную верхом на лошадку-качалку.

Пэйнт несся к нам со скоростью ветра. Его полозья почти не касались земли. Мы встретились на ровной площадке. Прежде чем я подбежал к Саре, она уже успела спрыгнуть с Пэйнта. Боже, как восхитительно она кипела от бешенства!

— Ты снова добился своего! — кричала она на меня. — Я не смогла остаться. Ты все мне испоганил. Как я ни старалась, я не в состоянии была забыть того, что ты и Свистун мне напели. Ты знал, что так оно и получится. Ты все рассчитал. Ты был так уверен в себе, что даже оставил Пэйнта, чтобы он довез меня до города.

— Сара, — запротестовал я, — ради Бога, будь разумной.

— Нет, — орала она, — это ты меня послушай. Ты все испортил, ты лишил меня радости наслаждаться волшебством, ты, ты...

Она вдруг замолчала на полуслове, и было похоже, что она вот-вот разрыдается.

— Нет, не то, — сказала она уже спокойнее, — виноват не

только ты. Все мы виноваты. С этими нашими мелочными препирательствами...

Я быстро подошел к ней и обнял. Она приникла ко мне. Возможно, отвечая на мою ласку, она все еще продолжала меня ненавидеть, но я остался единственным человеком, на кого она могла положиться.

— Майк, — сказала она приглушенно, уткнувшись лицом в мою грудь. — Мы не выберемся отсюда. Все наши усилия ни к чему не приведут. Они нас просто не выпустят.

— Ты ошибаешься, — успокоил я ее. — Корабль свободен. Роско нашел способ распечатать его. Мы возвращаемся на Землю.

— Если благородный и полный надежд человек соблаговолит бросить только один-единственный взгляд, — вежливо вмешался Пэйнт, — ему сразу станет ясно, о чем говорит благородная леди. Они преследуют нас всю дорогу. Они, как гончие псы, идут по нашему следу. И они постепенно нас нагоняют.

Я поднял глаза и увидел их: их тела перекатывались через изрезанную холмами линию горизонта — на нас надвигалась могучая орда огромных зверей.

Они, толкая и сшибая друг друга, яростно мчались к нам, некоторые из них скатывались со склонов под напором поджимавших сзади. Их были сотни, даже тысячи. Они наплывали, как волны, переваливаясь через вершины холмов и обтекая их с флангов.

— Они и сзади нас, — сказал Роско неожиданно тихим голосом, очевидно, прилагая значительные усилия, чтобы не показать охвативший его страх.

Я повернул голову и увидел, как они появляются на седловине хребта, через который мы только что перешли.

— Ты ведь нашел куклу? — сказала Сара.

— Какую еще куклу? — раздраженно спросил я. В такой момент она выбрала самый «достойный» предмет для разговора...

— Куклу Тэкка, — пояснила Сара. Она протянула руку и вытащила куклу из кармана моей куртки. — Ты знаешь, за все время, пока Тэкк носил ее с собой, я так ни разу и не удосужилась ее рассмотреть.

Я оттолкнул Сару и поднял ствол лазерного ружья. Роско перехватил мою руку.

— Их слишком много, — заявил он.

Я резко выдернул руку из его стального захвата.

— Интересно, чего ты ждешь от меня? — заорал я на него. — По-твоему, нужно стоять смирно и ждать, пока они нас растерзают?

Зверей становилось все больше, целая тьма, и они приближались отовсюду. Мы были окружены. Волны их тел вскипали на

склонах со всех сторон. Они образовывали сплошную бурлящую массу, а мы ютились на островке, который она была готова вот-вот поглотить. Они надвигались уверенно. Теперь они уже не спешили. Они обложили нас, как охотники — медведя в берлоге, и готовы были прикончить в любую минуту.

Роско упал на колени и разровнял ладонью пятачок земли.

— На черта тебе это нужно?! — завопил я.

Картина была потрясающая: мы были со всех сторон окружены кровожадными монстрами, и в это время Сара не нашла ничего лучшего как разглядывать куклу, а этот железный идиот, стоя на коленях, колдовал над математическими уравнениями.

— Иногда создается впечатление, что весь окружающий нас мир немножко сошел с ума, — невозмутимо провозгласил Пэйнт, — но пока вы, капитан, и я на посту...

— Хоть бы ты помолчал! — рявкнул я на глупое создание.

Конечно, я не мог уложить их всех. Но бóльшую часть я бы поджарил. Я бы нарезал из них тысячи дымящихся бифштексов с кровью, и тем самым деморализовал их. Эти звери были чересчур наглыми и самоуверенными: чувствовалось, что им никогда не приходилось сталкиваться с лазерным ружьем. О-о-о... сейчас они взмоют вверх в клубах дыма, навсегда испарятся. Если они вдруг решатся напасть, им придется дорого заплатить за первую попытку.

Но все же их было слишком много. Они полностью окружили нас, и как только стая приходила в движение, волны тел начинали колыхаться со всех сторон.

— Капитан Росс, — позвал Роско, — мне, кажется, удалось найти то, что нужно.

— Хорошо, оценка — «отлично», — ответил я.

Сара придвинулась вплотную ко мне. Ее винтовка свисала на ремне через плечо, а в руках была дурацкая кукла, которую она прижимала к груди, как в свое время делал Тэкк.

— Сара, — сказал я. И тут я произнес такое, чего не хотел говорить, произнес с дрожью в голосе, как это прозвучало бы из уст подростка, впервые решившегося на подобное признание. — Сара, если мы выберемся из этой переделки, может быть, попробуем начать все сначала? С того момента, когда я переступил порог твоего дома на Земле, а ты встретила меня в холле, на тебе тогда было зеленое платье...

— И ты влюбился в меня с первого взгляда, — сказала Сара, — а потом ты оскорблял и высмеивал меня, а я отвечала тебе тем же, и все у нас пошло кувырком...

— Мы так с тобой, бывало, славно схватывались, — сказал я, — что будет обидно оставить наш спор незаконченным.

— Ты — хулиган, — заявила Сара, — и я тебя ненавижу. В некоторые моменты я была готова пробить тебе голову. Но когда я потом вспоминала эти мгновения, мне они почему-то казались самыми сладостными в моей жизни.

— Когда они бросятся на нас, не забудь пригнуться, чтобы не попасть под огонь. Я буду вести круговой огонь, пока...

— Есть другой выход, — перебила меня Сара. — Им воспользовался Тэкк. С помощью куклы. Древний народ изобрел куклу. Они понимали...

— Чушь собачья, — заорал я. — А Тэкк — просто урод и никто другой...

— Тэкк все понял, — заорала она в ответ. — Он понял, как можно использовать куклу. А Джордж знал, что нужно делать, и без куклы. Свистун на твоем месте тоже смог бы понять.

Свистун, подумал я с грустью. Бочкообразная семенящая маленькая многоножка, со множеством щупалец на лице и жизнью, состоящей из трех фаз... Теперь он перешел в свой третий образ, оставив часть себя во мне и унеся большую часть с собой... Да, будь он здесь, он бы знал, что делать...

Я думал о нем и чувствовал его присутствие, его отзывное шевеление в моем мозгу, как тогда, в мгновения нашей наибольшей близости, когда мои руки и его щупальца были сомкнуты в крепком пожатии и мы оба были как единое целое.

И вдруг это ощущение вернулось ко мне — все то, что я тогда узнал и пережил, а потом безуспешно пытался восстановить в памяти. Это было смешанное чувство гордости, удивления и страха, да, именно страха, так как постижение тайн бытия не мыслимо без сопутствующего ему трепетного испуга. Из сумбурного нагромождения знаний и эмоций постепенно начали прорисовываться четкие факты, наконец принявшие ясную форму. Только одна моя половина осталась мной самим, другая была Свистуном, точнее, не только им, а всеми его соплеменниками, пришедшими вместе с ним. Они были рядом, благодаря способности, привитой мне Свистуном — способности, позволявшей проникать в чужой разум и схватывать смысл его знаний, словно на мгновение разрозненные интеллекты тысяч существ превращаются в один слитный коллективный ум. Тайные грани моего существа, неизмеренные глубины моего подсознания тоже вдруг открылись моему восприятию.

Для меня стало доступным все окружающее: интуиция Сары, тайное предназначение куклы, философская мудрость Пэйнта, смысл выведенных на земле уравнений Роско. Мне стала понятна многослойная структура скалы, которую я разглядывал, пребывая между жизнью и смертью — я постиг эту говорящую хроно-

логическую таблицу, повествующую о течении времени и событиях, потрясавших когда-то эту планету.

И вдруг перед моими глазами открылась еще одна структура. Я видел ее так же ясно, как структуру времени, — конечно, не только своими глазами, но и глазами Свистуна и тех, других, вместе с ним. Передо мной лежало, как на ладони, множество вселенных, множество их самостоятельных уровней, в определенные временно-пространственные интервалы проступавших так же очевидно и реально, как были реальны слои геологических пород, хорошо известные любому геологу, способному читать их, как книгу. Только в моем случае это была не просто видимая картина: я одновременно видел, чувствовал и постигал разумом архитектонику окружающего мира.

Древние жители планеты знали об этом еще до того, как пришли «садовники». Они знали и чувствовали истину подсознательно и вырезали на лице куклы выражение, передающее восторг, удивление и ужас, вызванный их открытием. Джордж Смит понимал это, наверное, лучше, чем остальные; Тэкк, впадая в экстаз, порожденный его воображением, также подошел близко к истине еще задолго до того, как нашел куклу; Роско помимо своей воли овладел тайной после встряски, устроенной его мозгу деревянными молотками кентавров.

А теперь и для меня все стало совершенно ясно.

Кольцо звероподобных монстров стало быстро сужаться, из-под их когтистых лап, взрыхляющих землю в стремительной скачке, поднимались густые облака пыли. Но они уже не могли нас испугать: они принадлежали другому миру, другому времени, другой реальности, и нам было достаточно сделать один маленький шаг и — оказаться далеко от них, в другом — лучшем мире.

Не знаю, как это произошло, но я ощутил переход всем своим существом: мы сделали шаг — и очутились в этом неведомом мире.

Это было очень странное место, окруженное объемными пейзажами, словно вытканными на гобелене. Оно порождало чувство ирреальности, но ирреальности, дружественной нам. Оно представлялось страной тишины и мира, неподвижности. Люди, населявшие эту страну, казалось, не проронили за свою жизнь ни одного слова, а лодка, застывшая на воде, — никогда не плыла по реке. Все, открывшееся перед моим взором: деревня и река, трава, облака, люди и собаки — было элементами неподвижной картины, искусно перенесенной на ткань много веков назад и не тронутой временем.

Цветные нити прочно легли на предназначенное место и замерли навсегда. Небо имело желтоватый оттенок, хорошо подчеркнутый отражением в воде, скромные дома были окрашены в корич-

невато-красный цвет, а зелень деревьев была не той привычной глазу зеленью природной растительности, а мастерски выполненной композицией, созданной для украшения стен. И все же от картины веяло человеческой теплотой и доброжелательностью. А нараставшая уверенность, что однажды войдя в этот пейзаж, ты уже не сможешь его покинуть, органично вплетясь в фактуру полотна, проникнув в выделку материи, слившись с ее красками, была загадочно приятна.

Мы стояли на высоком пригорке. Все были на месте. Не было только куклы: кукла осталась в покинутом нами мире, возможно, чтобы послужить кому-то другому. Не было не только куклы, не было оружия. Винтовка уже не висела на плече Сары, куда-то исчезло и мое лазерное ружье. Видимо, здесь тоже действовали определенные правила. Некоторые предметы и, вероятно, свойства характера нельзя было приносить в эту страну.

— Майк, — мягко сказала Сара, — это та земля, которую мы искали. Это — тот мир, за которым охотился Найт. Но ему не удалось найти его, так как он не сумел разыскать куклу. Или он упустил еще что-то важное. Много дорог могло привести его сюда.

Я крепко обнял ее. Она подняла лицо, и я поцеловал ее. Глаза Сары сияли от радости.

— Мы не будем возвращаться, — сказала она. — Мы больше не вспомним о Земле.

— Мы не можем вернуться, отсюда нет пути назад.

Здесь не было места чувству ностальгии, влекущему человека к родному дому. Мы оставили его в том мире, как и многое другое, хорошо известное или привычное нам. Так ребенок, подрастая, забывает свои старые игрушки.

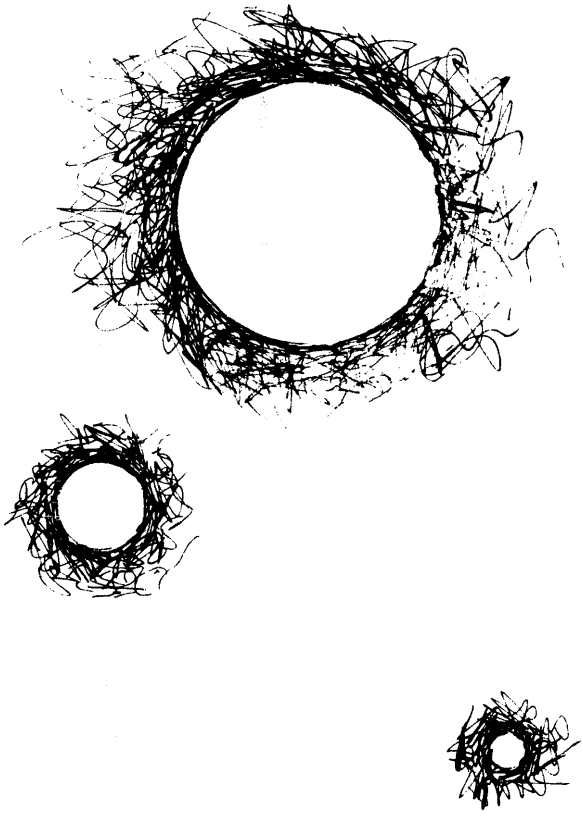
Внизу виднелись река и деревня. Поля и леса тянулись до самой линии горизонта. И каким-то образом я понимал, что этот мир бесконечен, в нем переставало действовать время и в этой вечной и неизменной стране было место для каждого.

Где-то здесь поселились Смит и Тэкк, возможно, Свистун. Но мы, наверное, никогда не смогли бы разыскать их, так как не испытывали в этом потребности. Пространства этой земли были необъятны, и стимулы к путешествиям здесь пропадали.

Ирреальность исчезла, хотя сочные краски гобелена остались. Лодка плыла по реке, даже слышны были удары весел. Маленькие дети — мальчики и девочки — бежали к нам с криком, радостно лаяли собаки: они спешили в гору нам навстречу. Взрослые в деревне дружелюбно смотрели на нас. Некоторые махали руками.

— Пойдем к ним, — предложила Сара.

И мы все вчетвером начали спускаться с горы навстречу новой жизни.

Роберт ХАЙНЛАЙН

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА

I

ВИЛЛИС

Разреженный марсианский воздух был прохладен, но до настоящего мороза пока не дошло. Зима еще не добралась до Южных широт, и днем температура обычно поднималась выше нуля.

Странное существо, стоящее на пороге куполообразного здания, в целом напоминало человека, если бы не весьма причудливая голова. Сверху вздымалось что-то вроде шутовского колпака, большие панорамные стекла впивались пристальным взглядом, а передняя часть лица рылообразно выступала. Всю голову покрывал узор из тигриных черно-желтых полос.

На ремне существа висело похожее на пистолет ручное оружие, а в согнутой правой руке был шар, размером несколько больше баскетбольного мяча. Оно переложило шар в левую руку, открыло внешнюю дверь здания и шагнуло внутрь.

Здесь находилась крошечная прихожая и внутренняя дверь. Как только захлопнулась внешняя дверь, раздалось легкое шипение и атмосферное давление в прихожей стало подниматься. Динамик над внутренней дверью рявкнул громким басом:

— Ну? Кто там? Отвечайте! Отвечайте!

Пришедший аккуратно положил шар на пол, затем схватился обеими руками за свое безобразное лицо и, дернув вверх, поднял его над макушкой. Под ним оказалось лицо земного мальчика.

— Это Джим Марлоу, доктор, — сказал он.

— Ну входи. Входи же! Не стой там как пень.

— Иду.

Когда атмосферное давление в прихожей поднялось и сравнялось по уровню с давлением в остальной части помещения, внутренняя дверь открылась автоматически.

— Входи, Виллис, — сказал Джим и ступил в помещение. Шар трижды высоко подскочил, а затем последовал за ним, вращаясь, шагая и катясь одновременно. Точнее, способом передвижения он напоминал бочку, которую матрос катит по палубе. Они ми-

новали коридор и вошли в большую комнату, занимавшую половину круглого дома. Доктор Макрей взглянул на вошедших, но вставать не стал.

— Привет, Джим. Раздевайся. Кофе на скамейке. Привет, Виллис, — добавил он и вернулся к своей работе. Он бинтовал руку мальчика примерно того же возраста, что и Джим.

— Спасибо, док. А, Френсис, привет. Что ты здесь делаешь?

— Привет, Джим. Я убил водянщика, но потом поранил большой палец о его иглы.

— Не дергайся! — велел доктор.

— Жжется, — пожаловался Френсис.

— Ничего, потерпишь.

— Как же ты это так? — продолжал Джим. — Тебе следовало бы знать, что этих тварей нельзя трогать. Их просто надо сжигать от хвоста до носа.

Он расстегнул молнию на своем прогулочном костюме, стянул его и повесил на крючок около двери. Рядом висели костюм Френсиса, верхняя часть которого была размалевана так, что напоминала боевую раскраску индейца, и костюм доктора — маска на костюме сохраняла свой первоначальный цвет. Джим теперь остался во внутренней аккуратной изящной марсианской одежде — ярких красных шортах.

— Я сжег его, — сказал Френсис, — но он шевельнулся, когда я до него дотронулся. Я хотел сделать из хвоста ожерелье.

— В таком случае ты недожег его. Наверное, оставил полно живых зародышей внутри. Кому ты хотел сделать ожерелье?

— Это уж мое дело. И, естественно, я спалил его утробу. Ты что, меня за туриста держишь?

— Иногда. Ты же знаешь, что эти твари не умирают до заката.

— Не мели чепуху, Джим, — вмешался доктор. — Сейчас я введу тебе антитоксин, Фрэнк. Толку от него ноль, но твоя мама будет счастлива. Не далее чем завтра твой палец раздуется, как от пчелиного укуса; тогда придешь еще раз, и я его вскрою.

— А вы его не отрежете? — спросил мальчик.

— Нет. Но несколько дней тебе придется чесаться левой рукой. А ты, Джим, зачем сюда явился? Живот болит?

— Нет, док. Из-за Виллиса.

— Из-за Виллиса, говоришь? Мне он кажется довольно бодрым, — доктор внимательно посмотрел на существо. Виллис уже подкатился к его ногам и наблюдал за перевязкой. Для этого он выдвинул три глаза на стеблевидных ножках из верхней части своего шарообразного тела. Стебельки выдавались вверх, образуя равносторонний треугольник, и из каждого смотрел глаз, поразви-

тельно похожий на человеческий. Малыш медленно развернулся на трех своих выступах, или ложноножках, так, чтобы каждый из его глаз мог рассмотреть доктора.

— Дай-ка мне чашку кофе, Джим, — скомандовал доктор. Затем он наклонился и сложил лодочкой свои ладони:

— Сюда, Виллис, оп!

Виллис слегка подскочил и опустился к доктору в руки, на лету втянув все выступающие части. Доктор положил его на свой рабочий стол, и Виллис тотчас вновь выдвинул свои глаза и ноги.

Они внимательно изучали друг друга.

Перед доктором был шар, покрытый густым коротким мехом, напоминающим стриженую овечью шкуру, и лишенный каких-либо характерных черт, за исключением ножек и втяжных глаз. Марсианин же видел перед собой пожилого землянина, почти целиком заросшего жесткой щетиной стального цвета. Средняя часть этого странного, немарсианского существа была скрыта снежно-белыми шортами и рубашкой. Виллис разглядывал его не без удовольствия.

— Как ты себя чувствуешь, Виллис? — спросил доктор. — Хорошо? Плохо?

На самой вершине шара, между стебельков, появилась ямочка, быстро превратившаяся в отверстие.

— Виллис в порядке, — сказал он.

Его голос был очень похож на голос Джима.

— В порядке, м-м?

Не оглядываясь, доктор добавил:

— Джим! Вымой-ка эти чашки еще разок. И простерилизуй их. Ты хочешь, чтобы все здесь скопытились?

— Ладно, док, — согласился Джим и повернулся к Френсису:

— Ты тоже будешь кофе?

— Угу. Слабый и молока побольше.

— Не суетись.

Джим погрузил руки в лабораторную мойку и выудил оттуда еще одну чашку. Мойка была завалена грязной посудой. Рядом, над горелкой Бунзена кипела большая колба с кофе. Джим тщательно вымыл три чашки, простерилизовал их и наполнил кофе.

Доктор Макрей взял чашку и сказал:

— Джим, сей гражданин утверждает, что он в порядке. Так в чем же дело?

— Я знаю, док, что он так говорит, но это неправда. Разве вы не можете осмотреть его?

— Осмотреть его? Но как? Я даже не могу измерить ему температуру, потому что не знаю, какой она должна быть. В его обмене веществ я разбираюсь примерно так же, как свинья в

апельсинах. Хочешь, чтобы я вскрыл его и посмотрел, что там внутри?

Виллис мгновенно втянул все свои выступы и стал гладким, как бильярдный шар.

— Ну вот, теперь вы его напугали, — укоризненно сказал Джим.

— Извини.

Доктор протянул руку и начал почесывать и щекотать пушистый шар.

— Виллис хороший, Виллис славный. Никто не обидит Виллиса. Ну, парень, вылезай, вылезай из своей норы.

Виллис чуть-чуть расслабил мышцы над звуковоспроизводящей диафрагмой.

— Не обижать Виллиса? — тревожно спросил он голосом Джима.

— Не обижать Виллиса. Обещаю.

— Не резать Виллиса?

— Не резать Виллиса. Ну ничуть.

Глаза стали медленно выдвигаться наружу. Непонятно как, но облик Виллиса свидетельствовал о тревожном ожидании, хотя у него не было ничего похожего на человеческое лицо.

— Так-то оно лучше, — сказал доктор. — Давай разберемся, Джим. Почему ты считаешь, что с этим хлопцем что-то не в порядке, если ни он, ни я ничего такого не находим?

— Дело в том, док, что он стал вести себя как-то странно. В помещении с ним все в порядке, но снаружи... Раньше он всюду катился за мной, скакал по всей округе, везде совал свой нос.

— У него нет никакого носа, — заметил Френсис.

— Больно ты много знаешь. Но теперь, когда я беру его на улицу, он просто сворачивается шаром, и я не могу ничего добиться. Если он здоров, почему тогда он так себя ведет?

— У меня есть одна догадка, — ответил доктор Макрей. — Как давно ты подружился с этим пузырем?

Джим мысленно окинул взглядом двадцать четыре марсианских месяца.

— С конца Зевса, то есть почти с ноября.

— А сейчас конец марта, почти Церера, лето кончилось. Этот факт дает тебе повод для размышлений?

— Гм, нет.

— Ты что же думаешь, он будет скакать по снегу? Мы переселяемся, когда становится холодно, а он остается здесь.

Джим открыл рот:

— Вы хотите сказать, что он собирается впасть в спячку?

— А что еще? Предки Виллиса располагали не одним мил-

лионом лет для того, чтобы приспособиться к смене здешних времен года. Ты едва ли вправе предполагать, что он не будет реагировать на нее.

Джим забеспокоился:

— Я собирался взять его с собой в Малый Сёртис.

— В Малый Сёртис? Ах, ну да, ты ведь пойдешь в колледж в этом году. И ты, Фрэнк, тоже.

— Это точно.

— Никак не могу привыкнуть к тому, как быстро вы растете. Казалось бы, на Марсе годы должны тянуться вдвое дольше, но разницы не ощущаешь — они мелькают еще быстрее.

— Послушайте, док, сколько вам лет? — поинтересовался Френсис.

— Все мои. Кто из вас собирается изучать медицину, чтобы, вернувшись, помочь мне?

Ответа не последовало.

— Ну отвечайте, отвечайте! — настаивал доктор. — Чему вы собираетесь учиться?

— Точно не знаю, — сказал Джим. — Я интересуюсь Ареографией *, хотя мне нравится и биология. Может быть, я стану планетарным экономистом, как мой старик.

— Это серьезная дисциплина. Тебе придется покорпеть над ней не один год. А ты, Фрэнк?

Френсис слегка смутился.

— Хм, черт... Я по-прежнему хотел бы стать космолетчиком.

— Я думал, что ты уже вышел из этого возраста.

— А почему бы и нет? — ответил Фрэнсис. — Нормальная профессия.

— Тебе решать. В связи с этим, вы, молодые люди, поедете в колледж еще до миграции колонии, не так ли?

Поскольку земляне в спячку не впадали, колонии необходимо было мигрировать два раза в год. Летом жили в Чараксе, всего тридцатью градусами севернее Южного Полюса, а теперь колония готовилась переселиться в Копайс, находившийся в почти столь же высоких северных широтах в Утопии. Там предполагалось провести половину марсианского года, что примерно соответствовало одному земному.

Существовали также немигрирующие поселения рядом с экватором: Нью-Шанхай, Марспорт, Малый Сёртис и некоторые другие, но они не были колониями в полном смысле слова: здесь работали, в основном, служащие Марсианской Компании. По кон-

---

* Ареография: эквивалент земной географии. «Аресом» называли Марс древние греки.

тракту и в соответствии с уставом Компания была обязана давать марсианским колонистам высшее образование, отвечающее земным стандартам. Компания сочла, что только Малый Сёртис пригоден для этой цели.

— Мы отправляемся в следующую среду, — сказал Джим. — Почтовым скутером.

— Уже?

— Да, поэтому-то я и решил позаботиться о Виллисе. Что же делать, док?

Услышав свое имя, Виллис вопросительно посмотрел на Джима и его голосом повторил:

— Что же делать, док?

— Заткнись, Виллис.

— Заткнись, Виллис, — голос доктора Виллис воспроизвел не менее успешно.

— Вероятно, лучший выход из ситуации — это взять его наружу, найти подходящую норку и сунуть туда. А знакомство ты возобновишь, когда он проснется.

— Но, док, в этом случае я его потеряю! Он выберется намного раньше, чем я вернусь из колледжа. Ведь он проснется, видимо, даже прежде, чем вернется колония.

— Возможно, — Макрей задумался. — Вряд ли ему без тебя станет хуже. Теперешний образ жизни не естествен для него, Джим. Кроме того, он — личность, а не чья-либо собственность, ты сам это знаешь.

— Конечно. Он — мой друг.

— Никак не пойму, — вмешался Френсис, — чего Джим так носится с ним? Ну да, он умеет болтать, но ведь в основном просто повторяет, как попугай. По-моему, это маленький придурок.

— Тебя никто не спрашивает. Виллис, ты ведь любишь меня, а? Ну иди к папе.

Джим протянул руки, маленький марсианин подпрыгнул и теплым, пушистым, слегка пульсирующим шаром устроился на коленях. Джим погладил его.

— А почему ты не спросишь какого-нибудь марсианина? — посоветовал Макрей.

— Я пытался, но никто из них даже не обращает на меня внимания.

— Ты хочешь сказать, что тебе не хватило терпения дождаться. Марсианин заметит тебя, если ты терпелив. Ладно, но почему бы тебе не спросить его самого? Он сам может все объяснить.

— А о чем его спрашивать?

— Я попробую. Виллис!

Виллис двумя глазами посмотрел на доктора; Макрей продолжал:

— Хочешь выйти на улицу и найти местечко поспать?

— Виллис не сонный.

— Станешь сонным снаружи. Холодно, хорошо. Найдешь норку в земле, свернешься и будешь спать долго-долго. Что ты об этом думаешь?

— Нет!

Доктор быстро взглянул в сторону, чтобы убедиться, не Джим ли это; если Виллис не передразнивал кого-либо, он говорил голосом Джима. Звуковоспроизводящая диафрагма Виллиса обладала собственным тембром не более, чем динамик радиоприемника. Она вообще очень напоминала диафрагму громкоговорителя, с той только разницей, что являлась органом живого существа.

— Ответ ясен, но попробуем спросить иначе. Ты хочешь оставаться с Джимом, Виллис?

— Виллис остаётся с Джимом, — сказал Виллис и добавил задумчиво: — Тепло!

— Вот причина твоей притягательности, Джим, — сказал доктор сухо. — Ему приятна температура твоего тела. Но ipse dixit — держи его при себе. Я не думаю, что это ему повредит. Возможно, он проживет лишь пятьдесят лет вместо ста, зато получит вдвое больше удовольствий.

— Они обычно живут до ста лет? — спросил Джим.

— Кто знает? Мы слишком мало живем на этой планете, чтобы ответить на такой вопрос. А теперь, валяйте, выметайтесь отсюда. Меня ждет работа.

Доктор задумчиво посмотрел на свою постель, которую не убирал уже неделю, и решил, что теперь она может подождать и до дня стирки.

— Что значит «ipse dixit», док? — спросил Фрэнсис.

— Это значит: «Он все сказал».

— Док, — предложил Джим, — почему бы вам не пообедать с нами сегодня? Я позвоню маме. А ты, Фрэнк?

— Я — нет, — сказал Фрэнк. — Я лучше не буду. Моя мать и так говорит, что я слишком часто ем у вас дома.

— Моя мать, будь она здесь, несомненно, сказала бы то же самое, — согласился доктор. — Позвони своей маме, Джим.

Джим подошел к телефону, отстроился от двух местных кумушек, болтавших о своих детках, и с трудом дозвонился домой на вспомогательной частоте. Когда лицо его матери появилось на экране, он сообщил ей о своем желании.

— Рада видеть доктора у нас, — ответила она. — Скажи ему, чтобы поторопился, Джимми.

— Сейчас, ма!

Джим отключился и взял свою уличную экипировку.

— Не надевай ее, — посоветовал Макрей. — На улице прохладно. Мы пойдем по переходам.

— Так вдвое дольше, — возразил Джим.

— Пусть Виллис решит. Что ты предпочитаешь, Виллис?

— Тепло, — важно сказал Виллис.

II

ЮЖНАЯ КОЛОНИЯ, МАРС

Южная колония была спроектирована наподобие колеса, в центре которого ступицей стояло административное здание. Над разбегающимися от него во всех направлениях туннелями находились остальные постройки. Концы спиц предполагалось замкнуть еще одним туннелем-кольцом, восьмая часть которого была уже завершена.

За исключением трех лунных лачуг, построенных при основании колонии, а теперь заброшенных, все здания имели одинаковую форму. Каждое представляло собой полусферу из силоксанового пластика, добытого из марсианской почвы и здесь же надутого. Собственно говоря, каждая постройка была сделана как двойной пузырь, внешнюю оболочку которого обычно надували до тридцати-сорока футов в поперечнике. Когда она затвердевала, по туннелю пробирались в это новое здание и там надували еще одну — внутреннюю оболочку — немного меньшего размера. Внешняя оболочка «полимеризировалась» — иначе говоря, застывала и отвердевала под действием солнечных лучей; а установка из ультрафиолетовых и обогревательных ламп укрепляла поверхность внутренней. Стенки двух пузырей разделяла воздушная прослойка толщиной около фута, которая являлась защитой от жестоких ночных холодов.

После того, как новое здание затвердевало, прорезалась входная дверь и устанавливался пневматический замок. Давление внутри поддерживалось обычно на уровне двух третей от земной нормы: колонисты любили комфорт, а марсианское давление было еще более чем в два раза ниже. Не привыкшему к местным условиям землянину без респиратора грозила смерть. Из числа колонистов только тибетцы и индейцы Боливии отваживались выходить без респираторов, но даже они надевали эла-

стичные марсианские костюмы во избежание кожных кровотечений.

Дома не имели окон, прилегающая пустыня была красива, но однообразна. Южная колония с согласия марсиан располагалась чуть севернее древнего города Чаракса — едва ли необходимо приводить это название по-марсиански, поскольку ни один землянин не в состоянии его произнести, — между русел двойного канала Стримон. Здесь мы вновь, следуя традиции колонистов, используем имена, присвоенные незабвенным доктором Персивалем Ловеллом.

Фрэнсис сопровождал Джима и доктора Макрея до центрального перекрестка, находящегося под административным зданием, а затем свернул в свой туннель. Несколько минут спустя доктор, Джим и Виллис поднялись в дом Марлоу. Мать Джима встретила их; Макрей поклонился:

— Мадам, я вновь злоупотребляю вашим гостеприимством.

— Что за вздор, доктор. Мы всегда рады видеть вас за нашим столом.

— Хотел бы я обладать мужеством пожелать вам утратить ваши исключительные кулинарные способности; тогда вы смогли бы понять, что причиной моих визитов являетесь лично вы, моя дорогая.

Мать Джима вспыхнула и переменила тему.

— Джим, повесь свой пистолет. Не бросай его на диване, ведь Оливер может схватить его.

Услыхав свое имя, маленький брат Джима немедленно рванул к пистолету. Джим и его сестра Филлис, увидев это, вместе вскрикнули «Олли!», — что не замедлил повторить Виллис, который исполнил непростой трюк, воспроизведя оба голоса одновременно, благодаря исключительным возможностям своей атональной диафрагмы. Филлис была ближе; она схватила оружие и шлепнула малыша по рукам. Оливер заплакал, а Виллис подхватил.

— Дети... — начала миссис Марлоу.

В этот момент мистер Марлоу появился на пороге.

— Что за шум? — спросил он спокойно.

Доктор Макрей подхватил Оливера, перевернул его вниз головой, а затем посадил к себе на плечи. Оливер перестал плакать.

Миссис Марлоу повернулась к мужу:

— Всё в порядке, дорогой. Я рада, что ты дома. Дети, идите мыть руки и садитесь за стол.

Младшее поколение повалило из комнаты.

— Так что случилось? — повторил мистер Марлоу.

Через несколько минут мистер Марлоу вошел в комнату Джима:

— Джим?

— Да, папа.

— Как получилось, что ты оставил свой пистолет там, где ребенок мог его взять?

Джим покраснел:

— Он не был заряжен, папа.

— Если всех убитых из незаряженного оружия положить в ряд, длинная получилась бы шеренга. Ты ведь горд разрешением носить оружие?

— Да, сэр.

— И я горжусь, что тебе разрешили. Это значит, что ты сознательный, внушающий доверие взрослый человек. На Совете я поручился за тебя и стоял рядом, когда ты давал клятву. Я гарантировал, что ты будешь следовать инструкциям и выполнять устав искренне и постоянно, а не только бóльшую часть времени. Понимаешь меня?

— Да, сэр. Думаю, что да.

— Хорошо. Пойдем обедать.

Мягким рокотом своих соленых шуток и несдержанных замечаний доктор Макрей, как всегда, задавал тон за столом. Вскоре он повернулся к мистеру Марлоу и сказал:

— Ты упомянул что-то о том, что лет через двадцать мы сможем избавиться от респираторов; скажи мне: есть какие-нибудь новости о Проекте?

Колония располагала десятками проектов, каждый из которых должен был упростить для людей условия существования на Марсе, но когда говорили о Проекте, всегда имели в виду атмосферу или кислород. Участники первой экспедиции Харварда-Карнеги охарактеризовали Марс как в целом пригодный для заселения, но с той важнейшей оговоркой, что нормальный человек в здешнем разреженном воздухе задохнется. Однако, они также сообщили, что миллиарды и миллиарды тонн кислорода содержались в песках марсианской пустыни — те самые окислы железа, благодаря которым Марс имел свой красноватый оттенок. Проект предполагал высвободить этот кислород для дыхания людей.

— Разве ты не слышал сегодня новости с Деймоса? — ответил мистер Марлоу.

— Никогда не слушаю новости. Так лучше для нервной системы.

— Не сомневаюсь. Но это были хорошие новости. Опытный завод в Ливии работает, и работает успешно. В первый день

производства он восстановил почти четыре миллиона тонн кислорода — и никаких срывов.

Миссис Марлоу была поражена:

— Четыре миллиона тонн? Ведь это, кажется, ужасно много.

Ее муж ухмыльнулся:

— Ты представляешь себе, сколько времени потребуется заводу такой мощности, чтобы выполнить всю работу, то есть увеличить кислородное давление на пять фунтов на квадратный дюйм?

— Нет, конечно. Но не слишком много, я полагаю.

— Давай прикинем, — его губы бесшумно шевелились. — Хм, около двухсот тысяч лет — марсианских лет, конечно.

— Ты смеешься надо мной, Джеймс!

— Совсем нет. Но пусть большие цифры не пугают тебя, дорогая; мы, безусловно, не станем ограничиваться единственным заводом, а построим их по всей пустыне, каждый мощностью миллиард лошадиных сил. Не существует, слава Богу, предела их мощности; и если наших жизней не хватит доделать эту работу, то, по крайней мере, наши дети наверняка дождутся ее окончания.

Миссис Марлоу погрузилась в мечты:

— Хорошо было бы пройтись по улице, подставив ветру открытое лицо. Мне вспомнился наш сад и ручей, пересекающий его — я была тогда маленькой девочкой... — она запнулась.

— Жалеешь, что мы прилетели на Марс, Джейн? — мягко спросил ее муж.

— Нет! Это мой дом.

— Хорошо. О чем печалишься, доктор?

— М-м? Да так, ерунда. Я просто задумался о конечном результате. Ведь в целом это отличная работа; трудная работа, хорошая работа, за которую человек может ухватиться. Но вот мы закончим ее, а зачем? Чтобы еще два или три миллиарда овец бессмысленно здесь бродили по округе, почесываясь и блея? Лучше бы мы оставили Марс марсианам. Скажи мне, сэр, а ты знаешь, для чего вначале использовали телевидение?

— Нет, откуда?

— Хм... Сам я, конечно, этого не видел, но мне рассказывал мой отец. Кажется...

— Твой отец? Сколько же ему было лет? Когда он родился?

— Ну, мой дед. Или, может быть, это был мой прадед. Неважно. Первые телевизоры устанавливали в коктейль-барах — развлекательных заведениях — и смотрели по ним борцовские поединки.

— Что такое «борцовский поединок»? — спросила Филлис.

— Устаревшая форма народных танцев, — ответил ее отец. — И, тем не менее, допуская вашу точку зрения, доктор, я все же не вижу, какой вред...

— А что такое «народный танец»? — настаивала Филлис.

— Объясни ей, Джейн. Меня она поставила в тупик.

— Это когда народ танцует, глупая, — самоуверенно сказал Джим.

— Почти верно, — согласилась мама.

Доктор Макрей посмотрел внимательно:

— Эти ребята многое теряют. Думаю открыть клуб старинных танцев. Я был некогда весьма хорошим танцмейстером.

Филлис повернулась к брату:

— Теперь, наверное, ты скажешь мне, что старинный танец — это когда старина танцует.

Мистер Марлоу поднял брови.

— Мне кажется, дорогая, дети уже поели. Нельзя ли их отпустить?

— Да, конечно. Можете идти, мои родные. Олли, скажи: «Разрешите, пожалуйста, выйти из-за стола».

Малыш повторил фразу, а Виллис эхом присоединился к нему.

Джим наспех вытер рот, схватил в охапку Виллиса и направился к себе в комнату. Он любил слушать доктора, но в присутствии других взрослых старина иногда нес самую фантастическую чепуху. Неинтересен был для Джима и разговор о кислородном проекте: он не видел ничего странного или неудобного в ношении маски. Без нее он чувствовал бы себя на улице неодетым.

По мнению Джима, Марс был и так хорош, и незачем было стараться сделать его похожим на Землю, ведь она не представляла собой ничего особенного. Его собственные впечатления о Земле ограничивались туманными воспоминаниями раннего детства, прошедшего на высокогорном плато в Боливии, где проходила акклиматизация эмигрантов — холод, недостаток кислорода и жуткая скука.

Его сестра плелась сзади. В дверях своей комнаты он остановился и спросил:

— Что тебе надо, детка?

— Ну, это... Джимми, похоже, мне придется позаботиться о Виллисе, когда ты уедешь учиться, и, может, ты скажешь ему об этом. Чтобы он слушался меня и не обижался.

Джим изумленно посмотрел на нее.

— А с чего ты взяла, что я собираюсь оставить его здесь?

Теперь удивилась она.

— А как же иначе? Тебе придется. Его нельзя брать в колледж. Спроси маму.

— Мама не имеет к этому никакого отношения. Ее мало волнует, что я возьму с собой.

— Все равно тебе нельзя его брать, даже если она не возражает. Какой же ты упрямый.

— Ты считаешь меня упрямым всегда, когда я отказываюсь потакать каждому твоему желанию!

— Не во мне дело, а в Виллисе. Здесь его дом; он привык к нему. Он будет тосковать в колледже.

— Я буду *с ним*!

— Довольно редко. Ты будешь на занятиях, а Виллису ничего не останется, как только сидеть и грустить. Лучше тебе оставить его здесь со мной — с нами — где ему будет хорошо.

Джим выпрямился.

— Я спрошу об этом прямо сейчас.

Он вернулся в гостиную и стал нетерпеливо ждать, когда его заметят. Скоро отец повернулся к нему:

— Ну? Что случилось, Джим? Что-то не дает тебе покоя?

— Да вот... послушай, па. Что-нибудь может помешать мне взять с собой Виллиса, когда я поеду в колледж?

Отец удивился:

— Мне не приходило в голову, что ты вдруг вознамеришься взять его.

— Хм... А почему бы и нет?

— Но колледж — не место для него.

— Почему?

— Но ты не сможешь как следует позаботиться о нем. Ты будешь жутко занят.

— Виллис не требует особой заботы. Просто кормить его каждый месяц, да примерно раз в неделю давать ему воды — и больше ему ничего не надо. Почему же я не могу его взять?

Мистер Марлоу не нашелся, что сказать, и повернулся к жене.

— Дорогой Джимми, мы не хотим, чтобы ты... — начала она.

Джим прервал ее:

— Мама, каждый раз, когда ты хочешь отговорить меня от чего-то, ты начинаешь: «Дорогой Джимми!»

Ее губы дрогнули, но она сдержала улыбку.

— Прости, Джим. Возможно, это так. Я лишь хотела сказать следующее: мы хотим, чтобы ты хорошо начал учебу в колледже, а я не думаю, что необходимость опекать Виллиса будет способствовать этому.

Джим растерялся на мгновение, но уступать он явно не собирался:

— Послушай, мама, послушай, отец, вы оба видели присланный мне из колледжа проспект, в котором говорится, что делать и

что взять с собой, когда надо прибыть и так далее. В случае, если любой из вас сможет где-нибудь в этой инструкции обнаружить нечто, запрещающее мне взять Виллиса с собой, я замолкну как марсианин. Это справедливо?

Миссис Марлоу вопросительно взглянула на мужа. Его взгляд, обращенный к ней, выражал ту же надежду на помощь. Мистер Марлоу прекрасно сознавал, что доктор Макрей, храня молчание, смотрел на них обоих с выражением насмешливого сочувствия на лице.

Мистер Марлоу пожал плечами.

— Бери с собой Виллиса, Джим. Но отвечать за него будешь сам.

Джим широко улыбнулся.

— Спасибо, па!

Он быстро исчез из комнаты, чтобы родители не успели передумать.

Мистер Марлоу выбил свою трубку в пепельницу и мрачно взглянул на доктора Макрея.

— Ну так чему же ты усмехаешься, ты, старый шимпанзе? Ты считаешь, что я слишком потакаю ему, не так ли?

— Что ты, совсем нет! Я думаю, ты поступил абсолютно правильно.

— Ты полагаешь, что этот любимчик Джима не создаст ему никаких трудностей в колледже?

— Отнюдь. Я имею некоторое представление о причудах поведения Виллиса.

— Тогда почему ты сказал, что я поступил правильно?

— А почему парень должен избегать трудностей? Трудности — это нормальные условия существования человечества. Они нас взрастили. Мы расцвели на них.

— Иногда я думаю, доктор, что ты, как выразился бы Джим, совсем рехнулся.

— Возможно. Но поскольку я один здесь разбираюсь в медицине, я не намерен попасть в психушку. Миссис Марлоу, вы не могли бы облагодетельствовать старика еще одной чашечкой вашего восхитительного кофе?

— Конечно, доктор.

Она наполнила ему чашку, а затем обратилась к мужу:

— Джеймс, я не жалею о том, что ты разрешил Джиму взять Виллиса с собой. Теперь мы сможем вздохнуть спокойно.

— Почему, дорогая? Джим был прав, сказав, что этот малый не слишком привередлив.

— Это, пожалуй, верно. Но я бы не хотела, чтобы он был так правдив.

— Как — «так»? Я считал его отличным свидетелем для улаживания детских ссор.

— Да, конечно. Он воспроизводит все, что слышит, с точностью копировальной машины. Вот это и плохо.

Она взглянула огорченно, а затем усмехнулась:

— Ты знаешь миссис Поттл?

— Естественно.

— Кто ее не знает! — вмешался доктор. — Я, к несчастью, несу ответственность за ее «нервы».

— Она действительно больна, доктор? — спросила миссис Марлоу.

— Она слишком много ест и мало работает. Профессиональная этика не позволяет мне что-либо к этому добавить.

— Я не знала, что она у вас есть.

— Мадам, проявите уважение к моим сединам. Так что же произошло с этой Поттл?

— Так вот, на прошлой неделе мы с Любой Конски вместе обедали, и разговор зашел о миссис Поттл. Как бы то ни было, Джеймс, я была слишком откровенна, и я не знала, что Виллис сидит под столом.

— Вот как? — мистер Марлоу закрыл глаза. — Так что же дальше?

— Вы оба помните, что Поттлы остановились у Конски в Северной колонии и пробудут до тех пор, пока их дом не будет готов. Сара Поттл стала для Любы излюбленным критическим объектом, и во вторник Люба весьма красочно описывала мне некоторые из домашних привычек Сары. Два дня спустя Сара Поттл зашла, чтобы посоветовать мне, как следует воспитывать детей. Что-то из сказанного ею подействовало на Виллиса — я знала, что он находится в комнате, но не могла предположить ничего подобного — Виллис воспроизвел как раз то, что не нужно, и я не сумела заставить его замолчать. В конце концов я просто вынесла его из комнаты. Миссис Поттл ушла, не попрощавшись, и больше со мной не общается.

— Не велика потеря, — заметил ее муж.

— Да, но Люба попала впросак. Ее голос невозможно не узнать, а Виллис говорит им лучше, чем она сама. Хотя я не думаю, что Люба слишком этим огорчена, — вы бы только послушали, как Виллис воспроизводит Любино описание того, как Сара Поттл выглядит по утрам и что она в связи с этим предпринимает!

— Вы бы послушали, — добавил Макрей, — что миссис Поттл думает по поводу слуг.

— Я слышала. Она находит чудовищным, что Компания не поставляет нам слуг.

Доктор кивнул:

— Прямо с воротничками на шее.

— Ну и женщина! Не могу понять, зачем вообще она решила поселиться в колонии.

— Разве ты не знаешь? — сказал ее муж. — Они надеялись мгновенно здесь разбогатеть.

— Хм!

Лицо доктора Макрея приобрело невинное выражение.

— Миссис Марлоу, мне в качестве ее лечащего врача, возможно, было бы полезно услышать, что Виллис может сказать относительно миссис Поттл. Как вы думаете, он повторит это для нас?

— Вы, доктор, старый пройдоха, любитель сплетен.

— Согласен. Подслушивать мне тоже нравится.

— Бесстыдник.

— Вновь согласен. Мои нервы отдыхают. Я не испытываю стыда уже много лет.

— Виллис, возможно, представит нам презанимательный отчет о том, что наболтали дети за последние две недели.

— Может быть, вы уговорите его?

Миссис Марлоу внезапно улыбнулась:

— Попытка не пытка.

Она вышла из комнаты, чтобы принести шарообразного друга Джима.

IIII

ГЕККО

Рассвет в среду был холоден и ясен, что обычно для Марса. Саттоны и Марлоу, за исключением Оливера, собрались на грузовой пристани Колонии, находящейся на западном русле канала Стримон, чтобы проводить своих мальчиков.

Температура поднималась, и дул упругий утренний ветер, но было все еще минус тридцать. Твердая ледяная корка голубовато-стального цвета, покрывавшая канал в этих широтах, сегодня не растает. На ней, рядом с пристанью, покоился почтовый скутер с Малого Сёртиса, чей корпус опирался на два острых, как бритва, полоза. Его водитель еще не закончил перетаскивать груз из портового склада в кузов.

Тигриные полосы на маске Джима, боевая раскраска Фрэнка и радужные переливы на костюме Филлис позволяли легко узнать ребят, хотя только рост и поведение отличали их от взрослых,

двое из которых — доктор Макрей и отец Клэри — не были родственниками Марлоу и Саттонов. Священник говорил что-то Фрэнку низким серьезным голосом.

Вскоре он повернулся и обратился к Джиму:

— Твой пастор просил меня проститься с тобой, сын мой. К несчастью, бедняга прикован к постели марсианской простудой. Но он все равно явился бы сюда, не спрячь я его маску.

Как и священник, капеллан-протестант был холостяком; они жили в одном доме.

— Он очень болен? — спросил Джим.

— Не то чтобы очень. Но прими благословение от него и от меня тоже, — он протянул руку.

Джим бросил свою дорожную сумку, переложил коньки и Виллиса в левую руку и обменялся рукопожатием. Последовала неловкая пауза. Наконец Джим сказал:

— Почему бы вам всем не пойти домой, пока вы не превратились в льдышки?

— Точно, — согласился Фрэнсис, — это хорошая мысль.

— Я полагаю, водитель почти готов, — подхватил мистер Марлоу. — Ну, сын, позаботься о себе. Увидимся после переселения.

Он торжественно пожал руку сыну.

— Счастливо, отец.

Миссис Марлоу обняла Джима, прижалась к нему своей маской и сказала:

— Мальчик мой, ты слишком мал, чтобы покидать дом надолго!

— Ну пожалуйста, мама!

Но он тоже обнял ее, а затем в объятия попала Филлис.

— По местам, — позвал водитель.

— Всем пока! — Джим повернулся, почувствовав, что кто-то взял его за локоть. Это был доктор.

— Позаботься о себе, Джим, и никому не давай себя в обиду.

— Спасибо, док.

Джим повернулся и протянул водителю документы о приеме в колледж, в то время как доктор прощался с Фрэнсисом.

Водитель просмотрел их:

— Оба бесплатно, да? Ладно, поскольку сегодня утром нет ни одного платного пассажира, можете ехать в верхнем салоне.

Он оторвал контроль. Джим взобрался внутрь и пошел к дорогим обзорным местам, находившимся за и над водительской кабиной и позволявшим хорошо видеть окрестности. Фрэнк присоединился к нему. Судно вздрогнуло, когда водитель домкратом высвободил вмерзшие в лед полозья, и под рев турбины плавными несильными рывками машина выбралась на трассу. Берега понеслись мимо, а затем, с повышением скорости, слились в две

сплошные стены. Лед был зеркально гладок, и вскоре они достигли крейсерской скорости, составлявшей более двухсот пятидесяти миль в час. Водитель снял маску, Джим и Фрэнк, увидев это, последовали его примеру. Теперь давление внутри салона поддерживалось встречным ветром, к тому же, благодаря уплотнившемуся воздуху, стало существенно теплее.

— Клево, да? — сказал Фрэнсис.

— Да. Посмотри на Землю.

Высоко над Солнцем их родная планета плыла в северо-восточной части неба. Она зеленовато мерцала на темно-пурпурном фоне. Рядом с ней, легко различимая невооруженным глазом, находилась маленькая звезда абсолютно белого цвета — Луна, спутник Земли. Точно к северу по курсу, не более чем в двадцати градусах над горизонтом завис Деймос — внешняя луна Марса. Это был крохотный бледный диск, почти исчезнувший в лучах Солнца, размером чуть больше какой-нибудь далекой звезды и заметно уступающий Земле по своей яркости.

Фобос — внутренняя луна — был не виден. На широте Чаракса он никогда не поднимался более чем на восемь градусов над линией горизонта на час-другой дважды в сутки. Днем он исчезал в синеве неба, и едва ли мог найтись столь безрассудный человек, чтобы наблюдать за ним во время ночных холодов. Насколько Джим мог припомнить, ему не доводилось видеть Фобос, разве что во время переселения из колонии в колонию.

Фрэнсис перевел взгляд с Земли на Деймос.

— Попроси водителя включить радио, — сказал он, — Деймос поднялся.

— Зачем нам эти передачи? — ответил Джим. — Мне интереснее смотреть по сторонам.

Теперь берега были не столь высоки. Из-под крыши салона он мог видеть находившиеся за ними поля. Хотя сезон был на исходе, орошаемые участки вдоль канала еще зеленели, и он наблюдал, как растения поднимались из почвы навстречу утреннему солнцу.

Иногда на расстоянии многих миль ему удавалось различить красноватые дюны пустыни. Увидеть зеленый пояс восточного русла их канала было невозможно — он находился за горизонтом.

Не предупредив, водитель включил радио, и наполнившая салон музыка вытеснила низкий рев реактивной турбины. Это была земная музыка Сибелиуса, композитора-классика из другого века. Марсианская колония существовала еще недостаточно долго для того, чтобы создать свое собственное искусство, и продолжала заимствовать культурные достижения. Ни Джим, ни Фрэнк не знали имени композитора, да и не стремились узнать. Берега канала

вновь поднялись, смотреть стало не на что, кроме сплошной ледяной колеи, — они откинулись в креслах и задремали.

Виллис впервые с момента выхода из дома шевельнулся. Он выдвинул свои глаза-стебельки, с любопытством посмотрел вокруг и начал покачивать ими в такт музыке.

Музыка вскоре кончилась, и дикторский голос произнес:

— Говорит станция общемарсианского вещания Д-М-С, Марсианская Компания, Деймос. Через ретрансляционный передатчик на Малом Сертисе вы можете слушать познавательную программу. Доктор Грейвс Армбрустер изложит свои взгляды на тему «Экологические размышления об экспериментальном искусственном симбиозе в отношении к...»

Водитель мгновенно выключил приемник.

— Не выключайте, — запротестовал было Джим. — Начало было интересное.

— Послушай, ты же просто выпендриваешься, — ответил Фрэнк. — Ты не знаешь даже значения этих слов.

— Черта с два я не знаю. Они означают...

— Заткнись и выспись.

Последовав собственному совету, Фрэнк откинулся назад и закрыл глаза. Уснуть ему, однако, не удалось. Виллис, несомненно, (тем, что он использовал в качестве разума) переваривал только что услышанную программу. Он раскрылся и начал воспроизводить ее вслух целиком: партию духовых и все остальное.

Водитель в изумлении повернулся назад и что-то сказал, но Виллис заглушил его. Он добрался до самого конца, не забыв даже прерванное объявление. Водителю удалось, наконец, докричаться:

— Эй, парни! Что там у вас? Переносной магнитофон?

— Нет, попрыгунчик.

— Что-что?

Джим приподнял Виллиса, чтобы водитель мог его видеть.

— Попрыгунчик. Его зовут Виллис.

Водитель изумленно уставился на марсианина.

— Ты хочешь сказать, что эта штуковина и есть магнитофон?

— Нет. Это попрыгунчик. Я уже сказал, его зовут Виллис.

— Я должен взглянуть на него, — заявил водитель.

Он включил что-то на пульте управления, затем повернулся и просунул голову и плечи внутрь обзорного плафона.

Фрэнк сказал:

— Аллё, вы нас разобьете.

— Будь спокоен, — посоветовал водитель. — Я поставил его на автопилот. Берега будут высокими еще пару сотен миль. Так

что это за штуковина? Когда ты втащил ее в салон, я подумал, что это волейбольный мяч.

— Нет, это Виллис. Скажи человеку «привет», Виллис.

— Привет, человек, — радостно сказал Виллис.

Водитель почесал затылок:

— Это превосходит все, что я видел когда-либо на Кеокуке. Что-то вроде попугая, да?

— Он — *попрыгунчик*. У него есть какое-то научное название, но оно означает просто «марсианский круглоголовый». Никогда не видели таких прежде?

— Нет. Это, знаешь ли, братишка, самая сумасшедшая планета во всей Системе.

— Если вам здесь не по душе, почему бы вам не вернуться туда, откуда прибыли? — спросил Джим.

— Не груби, малец. Сколько ты хочешь за эту штуковину? Я думаю, что нашел бы ему применение.

— Продать Виллиса? Вы что, спятили?

— Иногда и мне так кажется. Ну ладно, мне это просто взбрело в голову.

Водитель вошел в свою кабину, остановившись однажды по дороге, чтобы еще раз хорошенько рассмотреть Виллиса.

Мальчики вытащили бутерброды из своих походных сумок и быстро умяли их. После этого предложение Фрэнка вздремнуть показалось чрезвычайно привлекательным. Они проснулись, только когда машина начала тормозить. Джим сел, протер глаза и крикнул вниз:

— Что случилось?

— Подъезжаем к станции «Циния», — ответил водитель. — Стоянка до заката.

— Лед не будет держать?

— Может, будет, а может, и нет. Температура поднялась, и я не собираюсь рисковать.

Машина мягко остановилась, затем опять завелась и медленно вползла вверх по скату, где вновь остановилась.

— Все на выход, — крикнул водитель. — К закату быть здесь — иначе останетесь.

Он выбрался наружу, мальчики следом за ним.

Станция «Циния» находилась в трех милях к западу от древнего города Циния, где западное русло Стримона соединяется с каналом Оэроэ. Она представляла собой просто общую спальню, столовую и ряд сборных помещений. На востоке мерцавшие в небе зубчатые башни Цинии, казалось, парили: слишком прекрасны были они для материального объекта.

Водитель вошел в маленькую гостиницу. Джим хотел побро-

дить вокруг и обследовать город, тогда как Фрэнк предпочитал сначала посетить ресторан. Мнение Фрэнка возобладало. Ребята зашли в ресторан и после некоторых раздумий вложили часть своего скудного капитала в кофе и неопределенного цвета суп.

Водитель вскоре оторвал взгляд от тарелки и сказал:

— Эй, Джордж! Видел когда-нибудь подобное? — он показал на Виллиса.

Джорджем звали официанта, который был по совместительству кассиром, содержателем отеля, станционным смотрителем и представителем Компании. Он взглянул на Виллиса.

— Угу.

— Да? Где? Ты думаешь, я смогу найти такого?

— Вряд ли. Иногда случается видеть, как они скачут вокруг марсиан. Но не часто, — он вновь вернулся к чтению «Нью-Йорк Таймс» более чем двухлетней давности.

Покончив с едой, мальчики оплатили счет и собрались покинуть помещение. Повар, он же официант, он же станционный смотритель остановил их.

— Подождите, ребята. Вы куда собираетесь?

— На Малый Сертис.

— Я не об этом. Куда вы собираетесь сейчас? Почему бы вам не подождать в комнате отдыха? Если хотите, можете вздремнуть.

— Мы думали побродить здесь по окрестностям, — объяснил Джим.

— Ладно. Только в город не ходите.

— Почему?

— Потому, что Компания против, вот почему. Без пропуска нельзя. Поэтому держитесь от города подальше.

— А как можно получить пропуск? — настаивал Джим.

— Никак. Циния пока еще закрыта для посещений, — он возобновил прерванное чтение.

Джим собрался было продолжить расспросы, но Фрэнк потянул его за рукав. Они вместе вышли на улицу.

— Не его это дело, я думаю, запрещать нам идти в Цинию, — сказал Джим.

— Так что с того? Он считает, что его.

— Что мы теперь будем делать?

— Пойдем в Цинию, естественно. Только не будем спрашивать разрешения у этого жлоба.

— А если он засечет нас?

— Как? Он же прилип к стулу, на котором сидит. Айда.

— О'кей.

Они направились на восток. Путь нельзя было назвать легким:

дороги не было, а все растения по берегам канала достигали максимальной высоты, вытянувшись навстречу лучам полуденного солнца. Однако марсианское притяжение облегчает труд пешехода, идущего даже по самой неровной поверхности. Они быстро добрались до берега Оэроэ и, повернув направо, пошли вдоль него по направлению к городу.

По гладким прибрежным камням идти стало существенно легче. Воздух был теплым и приятным, несмотря на то, что поверхность канала местами еще не оттаяла. Солнце стояло высоко: сейчас они находились на добрую тысячу миль ближе к экватору, чем на рассвете.

— Тепло, — сказал Виллис, — Виллис хочет гулять.

— Ладно, — согласился Джим. — Только не свались в канал.

— Виллис не свалится.

Джим опустил его на землю, и малыш, подскакивая и катясь, направился вдоль берега, заглядывая иногда в густую растительность, совсем как щенок, обследующий незнакомую местность.

Они прошли, пожалуй, с милю, и городские башни уже высились в небе, когда мальчики повстречали марсианина. Это был относительно маленький экземпляр, не больше двенадцати футов ростом. Он стоял совершенно спокойно, опираясь на все три ноги, по-видимому, полностью ушедший в себя. Обращенный на них глаз смотрел не мигая.

Джим с Фрэнком, конечно, привыкли к обычаям марсиан и понимали, что стоявший перед ними созерцал «иной мир». Они перестали разговаривать и двинулись мимо, стараясь на задеть его ног.

Виллис действовал иначе. Он стал скакать вокруг ног марсианина, постоянно касаясь их, затем остановился и издал пару заунывных покряхтываний.

Марсианин зашевелился, осмотрелся, внезапно наклонился и сгреб Виллиса.

— Эй! — завопил Джим. — Отпусти его!

Ответа не последовало.

Джим поспешно повернулся к Фрэнку.

— Скажи ему, Фрэнк. Я никогда не смогу заставить его понять меня. Пожалуйста!

Марсианский язык Джим понимал плохо, а говорил еще хуже. Фрэнк знал его несколько лучше. Умеющие говорить по-марсиански жалуются, что это вредно для горла.

— А что сказать-то?

— Скажи ему, пусть положит Виллиса на землю!

— Успокойся. Марсиане никогда никому не причиняют вреда.

— Ну скажи ему тогда, пусть положит Виллиса на землю.

— Попробую.

Фрэнк напряг голосовые связки и принялся за дело. Наличие респиратора и волнение ухудшали его и без того не слишком хорошее произношение. Тем не менее он прощелкал и прокудахтал до конца фразу, которая должна была означать то, чего добивался Джим.

Безрезультатно.

Он попробовал сказать то же самое иначе. Вновь безрезультатно.

— Не получается, Джим, — признался он. — Либо он не понимает меня, либо просто не хочет слушать.

Джим закричал:

— Виллис! Эй, Виллис! С тобой все в порядке?

— Виллис в порядке!

— Прыгай сюда! Я тебя поймаю.

— Виллис в порядке.

Марсианин наклонил свою голову и, кажется, впервые заметил Джима. Одной рукой он поддерживал Виллиса, две другие его руки, извиваясь, внезапно опустились и обняли Джима: одна ладонь поддерживала его снизу, другая ухватила поперек живота.

Его подняли, и через мгновение он увидел перед собой большой влажный глаз марсианина, который, в свою очередь, пристально смотрел на него. Марсианский «человек» покачивал взад и вперед своей головой, с тем чтобы хорошенько рассмотреть его каждым своим глазом.

Джим впервые оказался так близко к марсианину, но событие не вызвало у него интереса. Он попробовал выскользнуть из объятий, но внешне столь хрупкий марсианин оказался сильнее его.

Вдруг откуда-то из верхней части головы марсианина раздался голос. Джим не смог понять, что же ему сказали, хотя различил наличие вопросительного сигнала в начале фразы. Однако голос марсианина произвел на него неожиданное впечатление. Несмотря на грубый и каркающий тембр, голос этот был исполнен такой теплоты, симпатии и дружелюбия, что абориген перестал его пугать. Наоборот, возникло впечатление, что общаешься со старым надежным другом.

Марсианин повторил вопрос.

— Что он говорит, Фрэнк?

— Я не совсем понял. Он вполне дружелюбен, но я не могу понять его.

Марсианин заговорил вновь, Фрэнк слушал.

— По-моему, он приглашает тебя пойти с ним.

Джим колебался лишь одно мгновение.

— Скажи ему, что я согласен.

— Джим, ты спятил?

— Не бойся. У него добрые намерения. Я уверен в этом.

— Ну ладно.

Фрэнк проквакал о согласии. Абориген подобрал под себя одну ногу и крупным шагом устремился по направлению к городу. Фрэнк затрусил следом. Он изо всех сил старался не отставать, но скорость была слишком высока. Он остановился, чтобы перевести дыхание и крикнул:

— Подождите меня.

Маска приглушила его голос.

Джим тщетно пытался сформулировать требование остановиться и уже бросил эту затею, как вдруг его осенило.

— Послушай, Виллис, Виллис-малыш. Скажи ему, что надо подождать Фрэнка.

— Подождать Фрэнка? — спросил Виллис с сомнением.

— Да, подождать Фрэнка.

— Ладно.

Виллис заухал что-то своему новому другу. Марсианин остановился и опустил свою третью ногу. Пыхтя, подбежал Фрэнк.

Марсианин высвободил одну из державших Джима рук и сгреб ею Фрэнка.

— Эй! — запротестовал Фрэнк, — кончай это.

— Не нервничай, — посоветовал Джим.

— Но я не хочу, чтоб меня несли.

Ответ Фрэнка оборвался, поскольку марсианин вновь зашагал вперед. Обремененный такой ношей, он двигался теперь с помощью всех трех своих ног, из которых по меньшей мере две постоянно опирались о землю. Способ был тряский, но на удивление быстрый.

— Как ты думаешь, куда он нас несет? — спросил Джим.

— Кажется, в город, — ответил Фрэнк и добавил: — Нам нельзя упустить скутер.

— Не беспокойся, у нас еще уйма времени.

Марсианин молча продолжал пробираться к Цинии. Виллис, судя по всему, был счастлив, как пчела в цветочном магазине. Джим устроился поудобнее, чтобы насладиться поездкой. Теперь, когда его голова высилась в добрых десяти футах над землей, возможности обзора значительно увеличились: он мог смотреть поверх расположившихся вдоль канала растений и видеть все вплоть до радужных башен Цинии. Эти башни не были похожи на башни Чаракса, и вообще на Марсе нельзя было найти даже двух похожих друг на друга городов. Каждый из них выглядел как уникальное произведение искусства, как воплощенный замысел того или иного творца.

Джим размышлял о том, зачем построили эти башни, для чего они предназначены, сколько им лет.

Раскинувшаяся по берегам канала растительность окружала их темно-зеленым морем, погрузившись по пояс в которое шел марсианин.

Широко расправленные навстречу солнцу листья жадно поглощали лучистую энергию — источник жизни. Они сворачивались, когда тело аборигена касалось их, с тем, чтобы вновь распрямиться, когда он пройдет мимо.

Приближаясь, башни росли. Марсианин внезапно остановился и опустил мальчиков на землю. Он продолжал, однако, нести Виллиса. Прямо перед ними, скрытый нависшей зеленью, находился косой спуск под землю, который вел ко входу в туннель.

Джим посмотрел туда и спросил:

— Что ты думаешь об этом, Фрэнк?

— Ого! Не знаю, что и сказать.

Ребята бывали в Чараксе и Копайсе, но только в заброшенных их частях, расположенных на поверхности. Впрочем, времени на обдумывание им не предоставили: их проводник большими шагами устремился вниз по склону.

Джим с криком: «Эй, Виллис!» — побежал следом. Марсианин остановился и перекинулся с Виллисом парой фраз. Попрыгунчик откликнулся:

— Джим, жди.

— Скажи ему, чтобы он отпустил тебя.

— Виллис в порядке. Джим, жди.

Марсианин двинулся дальше таким шагом, что Джим в любом случае не мог бы угнаться за ним. Он уныло вернулся к началу спуска и уселся на бортик.

— Что ты собираешься делать? — спросил Фрэнк.

— Ждать, я думаю. Что еще я могу делать! А что ты собираешься делать?

— Хм, я с тобой. Но я не хочу опоздать на скутер.

— И я тоже. Тем более, что вообще нельзя оставаться здесь после заката.

Резкое понижение температуры с наступлением темноты — это почти единственная перемена местной погоды, но для землянина она означает смерть от переохлаждения (в том случае, если он не надел специальную одежду и не находится в постоянном движении).

Они ждали и наблюдали за юркающими мимо жучками-прядильщиками. Один — маленький живой треножник, высотой не более дюйма — остановился рядом с коленом Джима; казалось, он изучал мальчика. Джим дотронулся до него; он мгновенно расправил крылышки и унесся прочь. Не приходилось даже быть настороже, так как водянщики никогда не подходили близко к поселениям марсиан; мальчики просто ждали.

Примерно через полчаса их марсианин — или, во всяком случае, марсианин того же размера — вернулся. Виллиса с ним не было. У Джима вытянулось лицо. Однако марсианин сказал на своем языке: «Идите со мной», — поместив вопросительный сигнал в начале фразы.

— Пойдем или нет? — спросил Фрэнк.

— Пойдем. Скажи ему.

Все трое двинулись вниз. Марсианин положил свои огромные ласты-ладони мальчикам на плечи и вел их рядом. Вскоре он остановился и поднял их. На этот раз они не возражали. Даже после того, как они проникли в глубь туннеля на несколько сотен ярдов, дневной свет, казалось, по-прежнему освещал все вокруг. Он проникал отовсюду, но главным образом, сквозь потолок. По человеческим меркам туннель выглядел очень большим, но для марсиан он был всего лишь достаточно просторным. На пути они миновали еще нескольких туземцев; тех кто подавал признаки жизни, их «хозяин» приветствовал, но если встречный находился в неподвижной, типичной для транса позе, то расходились молча.

Однажды их проводник перешагнул через шар, диаметром примерно три фута. Сначала Джим не понял, что это такое, затем, присмотревшись внимательнее, удивился. Он обернулся и продолжал его разглядывать. Это было невозможно, но, тем не менее!

Он созерцал нечто, чему немногие люди были свидетелями и чего ни один человек не хотел бы увидеть: свернувшегося шаром марсианина, ластоподобные ладони которого покрывали все, за исключением его изогнутой спины. Марсиане — современные, цивилизованные марсиане — не впадали в спячку, но в какие-то отдаленные эпохи их предкам наверняка приходилось это делать, так как их строение и сейчас позволяет им принимать надлежащую для сохранения тепла и влаги шарообразную форму, если возникнет желание.

Такое желание возникает не часто.

С точки зрения земной морали, для марсианина свернуться шаром было равносильно смертельной дуэли, и они прибегают к этому, только когда оскорбление столь велико, что иные меры не достаточны.

Это означает: я порвал с вами, я покинул ваш мир, я отрицаю само ваше существование.

Первые люди на Марсе не понимали этого и, вследствие своего невежества относительно местных ценностей, не раз наносили оскорбления марсианам. В результате процесс колонизации Марса затянулся на многие годы; потребовалось умение самых искусных дипломатов и лингвистов с Земли, дабы восстановить нормальные отношения с аборигенами. Джим недоверчиво разглядывал свернув-

шегося марсианина, думая о том, что могло заставить его поступить так по отношению к целому городу. Он припомнил страшный случай, произошедший со Второй экспедицией на Марс, о котором ему говорил доктор Макрей.

— Этот паршивый болван... — рассказывал доктор, — он был лейтенантом медицинской службы, что мне крайне неприятно признавать, — этот идиот уцепился за ласты того малого и попробовал развернуть его. Тогда это и случилось.

— Что случилось? — спросил Джим.

— Он исчез.

— Марсианин?

— Нет, офицер медицинской службы.

— Ну! А как он исчез?

— Не спрашивай меня, я этого не видел. Свидетели — их было четверо — клятвенно утверждали, что вот он был, раз — и его уже нету, как будто он натолкнулся на буджама.

— Что такое буджам? — поинтересовался Джим.

— Ведь вы, современная молодежь, совершенно необразованны. Буджам — это из книги; я откопаю где-нибудь экземплярчик для вас.

— Но каким образом он исчез?

— Не спрашивай меня. Можешь назвать это массовым гипнозом, если это тебя сколько-нибудь успокоит. Это успокаивает меня, но не слишком сильно. Семь восьмых айсберга всегда под водой, это все, что я могу сказать.

Джим никогда не видел айсберг, и поэтому сравнение пропало даром, однако, созерцая свернувшегося марсианина, чувствовал он себя крайне неспокойно.

— Ты видел? — спросил Фрэнк.

— Уж лучше бы нет, — ответил Джим. — Интересно, что с ним случилось?

— *Баллотировался на мэра и проиграл.*

— Неуместная шутка. Может он... тссс!

Джим внезапно замолчал. Он заметил еще одного марсианина, неподвижного, но не свернувшегося шаром. Вежливость требовала тишины.

Несший их марсианин внезапно повернул налево и вошел в зал; здесь их отпустили. Помещение показалось им огромным; марсиане, вероятно, использовали его для непринужденных общественных собраний. Здесь находились расставленные вокруг каркасы, используемые марсианами вместо стульев. Само помещение было круглым и завершалось куполом; создавалась иллюзия открытого пространства, так как куполообразный потолок имитировал марсианское небо. Бледно-голубое на горизонте, оно постепенно синело, затем

становилось пурпурным и, наконец, почти черным с ярко сияющими звездами — в самой высокой точке потолка.

Миниатюрное, но вполне убедительное солнце располагалось к западу от меридиана. Благодаря какому-то зрительному эффекту нарисованные горизонты представлялись далекими. Оэроэ на северной стене, казалось, тек мимо.

— Ну клёво! — так Фрэнк прокомментировал увиденное.

Джим реагировал сдержаннее.

Хозяин разместил их рядом с двумя каркасами для отдыха. Ребята и не пытались усесться на них — пара стремянок показалась бы удобнее. Марсианин большими печальными глазами взглянул сначала на них, затем на каркасы и вышел из зала.

Очень скоро он вернулся в сопровождении еще двух марсиан; все трое несли разноцветную материю. Они кучей свалили ее в центре комнаты. Первый марсианин подхватил Джима и Фрэнка и осторожно положил их на кучу.

— Я думаю, он хочет сказать: «Соорудите себе стул», — заметил Джим.

Эта материя не была соткана, а представляла собой сплошное полотно вроде паутины и почти столь же мягкое, хотя значительно более прочное, и играла оттенками всех цветов от бледно-голубого до насыщенного темно-красного. Мальчики растянулись на ней в ожидании.

Их «хозяин» устроился на одном из каркасов, остальные два сделали то же самое. Воцарилось молчание. Ребята не были какими-нибудь туристами и хорошо понимали всю бесполезность попыток торопить марсианина. Спустя какое-то время Джима осенила идея. Чтобы проверить её, он осторожно приподнял свою маску.

— Эй! Что ты делаешь? — воскликнул Фрэнк. — Хочешь задохнуться?

Джим поднял маску снова.

— Все в порядке. Здесь высокое давление.

— Не может быть. Мы же не проходили пневматическую дверь.

— Убедись сам.

Джим опять приподнял маску. Увидев, что его лицо не посинело и не исказилось от удушья, Фрэнк отважился последовать примеру и обнаружил, что ничто не препятствует дыханию. На самом деле, давление было ниже, чем то, к которому он привык дома, и обитателю Земли оно показалось бы просто стратосферным, но все же для малоактивного человека воздуха хватало.

Еще несколько марсиан прошествовали внутрь и не спеша устроились на каркасах. Спустя некоторое время Фрэнк сказал:

— Ты догадываешься, что происходит, Джим?

— Хм, возможно.

— Никаких «возможно». Это совместное вознесение.

«Совместное вознесение» — это неточный перевод марсианской идиомы, которой именовалось самое обычное для них общественное событие: говоря примитивно, все просто сидят и молчат. С таким же успехом движение конского волоса по сухой кошачьей жиле можно было назвать скрипичной музыкой.

— По-моему, ты прав, — согласился Джим. — Закроем-ка лучше рты.

— Давай.

Настала продолжительная тишина. Мысли Джима унеслись далеко прочь: он думал о колледже, о том, что он там будет делать, о своей семье, о событиях прошлого. Вскоре ощущение реальности вернулось к нему, и он понял, что уже много лет не чувствовал себя счастливее, хотя никаких особых на то причин он не видел. Это было тихое счастье, он не испытывал желания ни смеяться, ни даже улыбаться, но сознание полной удовлетворенности и спокойствия не покидало его.

Он отчетливо ощущал присутствие марсиан, каждого в отдельности, и это ощущение становилось все острее и острее. Никогда прежде не замечал он, сколь прекрасны они были. «Безобразный как туземец», — эта расхожая фраза бытовала среди колонистов. Джим с удивлением вспомнил, что даже сам употреблял ее, и изумился, зачем он это делал.

Он ощущал также присутствие Фрэнка возле себя и думал о том, как сильно он его любит. Надежный — вот как он назвал бы Фрэнка; хорошо иметь рядом такого человека. Он удивлялся, почему он никогда не говорил Фрэнку о том, что он его любит.

Он немного скучал без Виллиса, но не слишком беспокоился о нем. Такого рода заседание было бы Виллису не по вкусу; он любил шумные, бурные забавы, не относящиеся к числу утонченных. Джим отогнал мысли о Виллисе, лег на спину и отдался радости бытия. С восхищением он отметил, что неизвестный художник, создавший интерьер этой комнаты, предусмотрел для миниатюрного Солнца возможность перемещаться по потолку, точно имитируя небесный путь реального светила. Джим следил за тем, как оно двигалось на запад, и вскоре стало снижаться к нарисованному горизонту.

Позади раздалось негромкое бормотание — он не мог различить слов, — затем другой марсианин откликнулся. Один из них отделился от своей рамы для отдыха и засеменил из комнаты. Фрэнк приподнялся и сказал:

— Кажется, мне снился сон.

— Ты что, уснул? — спросил Джим. — А я — нет.

— Черта с два — «нет». Ты храпел, как доктор Макрей.

— Да я даже не вздремнул.

— Да что ты говоришь!

Марсианин, уходивший куда-то, вскоре вернулся. Джим не сомневался, что это был именно он; теперь он научился их различать. Он нес чашу для питья. Фрэнк вытаращил глаза.

— Как ты думаешь, уж не собираются ли они угощать нас водой???

— Похоже на то, — голос Джима был исполнен благоговения.

Фрэнк покачал головой.

— Лучше не рассказывать об этом, нам никто никогда не поверит.

— Ты прав.

Церемония началась. Марсианин, державший чашу, назвал свое имя, слегка коснулся ее носика и передал дальше. Следующий марсианин назвал себя и тоже будто бы отпил. Чаша пошла по кругу. Джим запомнил, что приведшего их сюда марсианина звали Гекко. Имя показалось Джиму приятным и подходящим. Наконец чаша дошла и до Джима. Марсианин вручил ее ему, пожелав: «Чтобы никогда не довелось тебе испытать жажду». Смысл фразы был абсолютно ясен Джиму.

Хор голосов вокруг него подхватил ответ: «Чтобы смог ты напиться, когда бы ни пожелал!» Джим, взяв чашу, припомнил слова доктора о том, что болезни марсиан не заразны для людей.

— Джим Марлоу! — провозгласил он, взял в рот носик и глотнул.

Возвращая ее, он покопался в своих скудных познаниях местного языка, сосредоточился на артикуляции и исхитрился произнести:

— Пусть вода всегда будет чистой и в изобилии для тебя.

Одобрительный шепот послышался в ответ. Марсианин передал чашу Фрэнку.

Церемония завершилась почти по-земному — шумной беседой. Джим тщетно силился понять, что говорил ему марсианин, примерно в три раза выше него, когда Фрэнк сказал:

— Джим! Ты видишь солнце? Мы рискуем опоздать на скутер!

— А? Но это же не настоящее солнце, это игрушка.

— Да, но оно двигается так же, как настоящее. Мои часы подтверждают это.

— Ради Бога, где Виллис?! Гекко — где Гекко?

Гекко, услышав свое имя, подошел и вопрошающе что-то прокудахтал Джиму. Джим постарался объяснить причину их беспокойства, запутался в синтаксисе, использовал неверные указатель-

ные сигналы и совсем потерял контроль над произношением. Фрэнк решил говорить сам и оттеснил его в сторону. Вскоре он обернулся к Джиму:

— Они доставят нас туда до заката, но Виллис останется здесь.

— Что? Они не могут так поступить!

— Это то, что он говорит.

Джим задумался.

— Скажи, чтобы они принесли сюда Виллиса и спросили его самого.

Гекко охотно так и поступил. Виллиса внесли и положили на пол. Вразвалочку он подкатился к Джиму и сказал:

— Привет, Джим! Привет, Фрэнк!

— Виллис, — сказал Джим серьезно, — Джим собрался уходить. Виллис пойдет с Джимом?

Виллис, казалось, был озадачен.

— Останься тут. Джим, останься тут. Виллис останется тут. Хорошо.

— Виллис, — отчаянно сказал Джим, — Джим должен уйти. Виллис идет с Джимом?

— Джим идет?

— Джим идет.

Казалось, что Виллис весь сжался.

— Виллис пойдет с Джимом, — печально сказал он.

— Скажи Гекко.

Виллис сказал. Марсианин, похоже, удивился, но спорить не стал. Он подхватил обоих мальчиков, попрыгунчика и направился к двери. Другой большой марсианин, чье имя, как вспомнил Джим, было Г. Куро, взял у Гекко Фрэнка и поплелся следом. Когда они поднимались по туннелю, Джим внезапно почувствовал, что ему необходима маска; Фрэнк тоже надел свою.

Свернувшийся шаром марсианин продолжал перегораживать проход; оба «носильщика» перешагнули через него без всяких комментариев.

Солнце опустилось совсем низко, когда они вышли наружу. Хотя марсианина невозможно заставить двигаться быстрее, средняя скорость его передвижения весьма высока; и длинноногая пара в мгновение ока покрыла три мили, отделявшие их от станции «Цинния». Солнце коснулось горизонта, и воздух стал уже колючим от холода, когда мальчиков и Виллиса выгрузили на пристань. Марсиане немедленно повернули обратно, торопясь к теплу своего города.

— До свидания, Гекко! — крикнул Джим. — До свидания, Г. Куро!

Водитель и станционный смотритель стояли на пристани. Водитель был явно готов к отправлению и с нетерпением ожидал своих пассажиров.

— В чем дело? — спросил станционный смотритель.

— Мы готовы, — ответил Джим.

— Вижу, — сказал водитель.

Он внимательно глядел вслед удаляющимся фигурам, затем моргнул и повернулся к смотрителю.

— Оставим это, Джордж. Я вижу, в чем дело. Что ж, давайте в машину, — добавил он, обращаясь к мальчикам.

Они последовали совету и забрались внутрь плафона. Машина рывками сползла по скату на ледяную поверхность, повернула влево на канал Озроэ и набрала скорость. Солнце скрылось за горизонтом, и лишь короткий марсианский закат еще некоторое время освещал окрестности. На глазах у мальчиков прибрежные растения на ночь втягивались в почву. Через несколько минут земля, еще полчаса назад покрытая буйной растительностью, стала голой, как настоящая пустыня.

Появились ослепительно яркие звезды. Зарницы мягкой вуалью зависли над краем неба. Крошечный немерцающий огонек поднялся на западе и двинулся навстречу звездам.

— Фобос, — сказал Фрэнк. — Смотри!

— Вижу, — ответил Джим. — Холодно. Пошли спать.

— Пойдем. Я есть хочу.

— У меня еще остались сэндвичи.

Они проглотили каждый по сэндвичу, затем спустились в нижний салон и расползлись по койкам. Тем временем машина, миновав город Гесперидум, свернула на канал Эриментус и взяла направление запад — северо-запад, но Джим уже не заметил этого. Ему снилось, что они с Виллисом поют дуэтом для изумленных марсиан.

— Конечная станция! Все на выход!

Водитель продолжал их трясти.

— А?

— Поднимайтесь, попутчики. Это — Малый Сёртис.

IV

АКАДЕМИЯ ЛОВЕЛЛА

Дорогие мама и папа!

Я не позвонил вам когда мы приехали в среду вечером потому что мы приехали только в четверг утром. Когда я попытался позвонить в четверг телефонистка сказала мне что

Деймос вне зоны приема Южной колонии а потом я узнал что пройдет около трех дней прежде чем можно будет дозвониться через Деймос а письмо дойдет быстрее и сэкономит вам четыре с половиной кредитки за междугородный телефонный разговор. Теперь я понял что не успею отослать это письмо прямо сейчас и может вы получите его уже после того как я смогу вам позвонить если конечно получится но вы наверно не понимаете как мы все заняты в колледже и сколько у нас обязанностей а свободного времени мало и все-таки вы наверно уже знаете от мамы Фрэнка что пока у нас все в порядке и как бы то ни было я сэкономил вам четыре с половиной кредитки потому что не позвонил.

Я прямо слышу как Филлис сейчас говорит что я намекаю на то что сэкономленные четыре с половиной хорошо бы переслать мне но я не имею в виду ничего такого потому что я никогда не стал бы делать ничего подобного а кроме того у меня еще остались деньги от тех что вы мне дали до моего отъезда а также часть от подаренных ко дню рождения денег и при бережном с ними обращении я сумею дотянуть до вашего прибытия сюда после Миграции даже хотя все здесь дороже чем дома. Фрэнк говорит что это потому что они всегда вздувают цены из-за туристов но сейчас здесь нет никаких туристов и их не будет до прибытия «Альберта Эйнштейна» на следующей неделе. Во всяком случае если вы просто разделите сэкономленное пополам со мной вам тем не менее останется две с четвертью кредитки чистой прибыли.

Мы не добрались досюда в среду вечером потому что водитель решил что лед может проломиться поэтому мы задержались на Станции Циния и мы с Фрэнком просто болтались по округе до заката чтобы убить время.

Нам с Фрэнком разрешили жить вместе и у нас теперь роскошная комната. Она рассчитана только на одного и в ней имеется только одна парта но мы изучаем почти одни и те же предметы и часто можем пользоваться проектором вместе. Я наговариваю это письмо на встроенный в парту магнитофон потому что этой ночью Фрэнк дежурит на кухне и мне осталось выучить только немножко по истории и я сделаю это позже вместе с Фрэнком когда он вернется. Профессор Стьюбен говорит что он не знает что они станут делать если количество их студентов будет и дальше расти а комнат больше нет наверно повесят их на крючки но он просто шутит. Он большой шутник и всем нравится и все расстроятся когда он улетит на «Альберте Эйнштейне» и вместо него будет новый директор.

Вот пока и все потому что Фрэнк вернулся и нам надо заниматься потому что завтра у нас опрос по истории.

Любящий вас сын
Джеймс Мэдисон Марлоу,
младший.

P. S. Фрэнк сказал мне только что что он тоже не написал своим старикам и спросил не могли бы вы позвонить его маме и сказать ей что он в порядке и чтобы она пожалуйста сразу выслала ему его фотоаппарат который он забыл.

P. P. S. Виллис передает привет. Я только что говорил с ним.

P. P. P. S. Скажи Филлис что девчонки здесь красят волосы полосами. Мне кажется это глупость.

Джим.

Если бы профессор Отто Стьюбен, магистр, доктор юриспруденции не ушел на пенсию, жизнь Джима в академии Ловелла сложилась бы иначе, но он уволился и вернулся в долину Сан-Фернандо, чтобы отдохнуть в достатке и благополучии. Весь колледж явился на его проводы в Марспорт. Он пожал всем руки, слегка всплакнул и передал своих учеников на попечение Маркусу Хоу, который недавно прибыл с земли и теперь занял освободившуюся должность.

Когда Джим и Фрэнк пришли из космопорта, они обнаружили, что вернувшиеся раньше столпились у доски объявлений. Они протиснулись ближе и прочли привлекший всеобщее внимание листок:

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

Все студенты обязаны быть аккуратными и содержать в постоянном порядке себя и свои помещения. Надзор за соблюдением означенных правил старостами из числа студентов оказался неудовлетворительным. Вследствие этого директор еженедельно будет проводить официальный осмотр. Первый такой осмотр состоится в десять сто, в субботу, седьмого Цереры.

(подпись)
М. Хоу, директор.

— Ну ни фига себе! — взорвался Фрэнк. — Что ты об этом думаешь, Джим?

Джим ошеломленно смотрел на сообщение.

— Я думаю, что сегодня шестое Цереры.

— Да, но сама идея? Он, наверное, думает, что это исправительная колония.

Фрэнк повернулся к старшекурснику, который вплоть до настоящего момента был старостой их участка.

— Андерсон, что ты об этом думаешь?

— Я совсем ничего не понимаю. Мне кажется, что у нас и так все было как надо.

— А что ты намерен в связи с этим делать?

— Я? — молодой человек слегка задумался, прежде чем дать ответ. — Мне остался всего один семестр до диплома, затем я смоюсь отсюда. Полагаю, я буду молча гнуть свою линию и как-нибудь перетерплю все это.

— Хм? Тебе легко так рассуждать, а у меня впереди еще двенадцать семестров. Я что, преступник, что ли?

— Это, парень, твои проблемы.

Старшекурсник ушел. Один из толпившихся студентов, казалось, нимало не переживал по поводу объявления. Это был Герберт Бичер, сын Генерального Представителя Компании, новичок в школе, и вообще на Марсе. Другой парень заметил его ухмылку.

— Чем ты доволен, турист? — спросил он. — Ты знал об этом заранее?

— Естественно.

— Ручаюсь, это твоя идея.

— Нет, но мой старик говорит, что вы тут уже давно разболтались. Мой старик говорит, что Стьюби был слишком мягок, чтобы укрепить дисциплину в колледже. Мой старик говорит, что...

— Чихать мы хотели на то, что говорит твой старик. Пошел отсюда.

— Не стоит тебе говорить так о моем старике. Я буду...

— Пошел отсюда, я сказал!

Бичер-младший посмотрел на своего противника — рыжеволосого молодца по имени Келли — понял, что тот не шутит, и мгновенно испарился.

— Он-то может ухмыляться, — мрачно сказал Келли. — Он живет со своим папашей. А это касается только тех, кто вынужден жить в колледже. Это же настоящая должностная дискриминация!

Примерно треть студентов приходили в колледж только учиться. Это были, главным образом, сыновья сотрудников Компании, живших в Малом Сёртисе. Еще треть были мигрирующие колонисты, а остальные — дети землян, занятых в основном работой над атмосферным проектом на отдаленных станциях. Большинство

этих последних были боливийцы и тибетцы, и несколько эскимосов. Келли обратился к одному их них:

— Что думаешь делать, Чен?

Выражение широкого азиатского лица осталось неизменным.

— Не вижу причины для беспокойства, — он отвернулся.

— Как? Ты хочешь сказать, что не будешь защищать собственные права?

— Это скоро отменят.

Джим с Фрэнком вернулись в свою комнату, но продолжали обсуждать случившееся.

— Фрэнк, — спросил Джим, — что все это значит? Ты думаешь, они провернули такую же штуку и в женском колледже?

— Я могу позвонить Долорес Монтез и спросить ее.

— Ммм... не стоит. Это несущественно. Важно только одно: что нам в связи с этим делать?

— А что мы может сделать?

— Не знаю. Хорошо бы спросить об этом отца. Он всегда говорил мне, что я должен отстаивать свои права — но, может быть, это не тот случай, кто знает?

— Послушай, — предложил Фрэнк, — почему бы не спросить наших отцов?

— Ты хочешь позвонить им? А сегодня вечером есть связь?

— Нет, не надо им звонить, это слишком много стоит. Мы просто подождем, пока наши старики прибудут сюда после переселения; осталось уже совсем недолго. И тогда, если мы поднимем шум, здесь будут наши родственники, которые нас поддержат, иначе мы ничего не добьемся. А пока будем сидеть тихо и делать то, о чем он нас просит. Возможно, от нас не будут требовать слишком многого.

— Это разумное предложение.

Джим встал.

— Теперь, я думаю, мы можем попробовать избавиться от этого мусора.

— О'кей. Да, Джим, мне тут пришло кое-что в голову. Фамилия председателя Компании, кажется, Хоу?

— Джон В. Хоу, — согласился Джим. — Так что с того?

— Так ведь фамилия директора тоже Хоу.

— Хм, — Джим покачал головой. — Это ничего не значит. Хоу — очень распространенная фамилия.

— Спорим, что это кое-что да значит. Док Макрей говорит, что для того, чтобы получить теплое местечко в Компании, надо быть чьим-нибудь двоюродным братцем. Док говорит, что персонал Компании — одна большая счастливая семья и что разговоры о

том, что это неподкупная организация — самая удачная шутка с того момента, когда Бог изобрел женщину.

— Хмм... Ну, я не знаю. Куда положить этот хлам?

На следующее утро во время завтрака всем вручили листки с предписанием «Порядок в комнатах, официально рекомендованный к осмотру»; ребятам пришлось переделывать то, что было сделано накануне вечером. Поскольку предписания директора Хоу не учитывали возможности совместного проживания двух человек в одноместной комнате, выполнить их было нелегко; к десяти часам работа еще не завершилась. Однако уже двумя часами позже директор добрался до их пенала. Он заглянул внутрь, казалось, собрался уйти, но вместо этого вошел в комнату. Он указал на их прогулочные костюмы, висевшие на крючках у платяного шкафа.

— Почему вы не удалили эту варварскую мазню с ваших масок?

Ребята удивились. Хоу продолжал:

— Вы что, не смотрели сегодня на доску объявлений?

— Нет, сэр.

— Посмотрите. Вы несете ответственность за выполнение всего вывешенного на доске.

Он крикнул в направлении двери:

— Дежурный!

Один из старшекурсников появился в дверях.

— Да, сэр.

— Эти двое лишаются выходных до тех пор, пока не выполнят требования инспекции. Пять штрафных очков каждому.

Хоу огляделся.

— Эта комната невероятно неряшлива и неопрятна. Почему не выполнили соответствующее предписание?

Джим онемел от очевидной несправедливости. Наконец он вымолвил:

— Эта комната рассчитана на одного. Мы сделали все, что смогли.

— Не пытайся оправдаться. Если у вас недостаточно места, чтобы аккуратно сложить вещи, избавьтесь от всего лишнего.

Его взгляд впервые остановился на Виллисе, который при виде незнакомцев откатился в угол и втянул всю свою оснастку. Хоу ткнул пальцем в его сторону.

— Гимнастические снаряды должны храниться на платяном шкафу, либо оставаться в спортзале. Они НЕ должны валяться в углах.

Джим хотел ответить, но Фрэнк пнул его в голень. Хоу продолжал читать нотацию, продвигаясь к двери.

— Я понимаю, вы, молодые люди, выросли вдали от цивилизации и не обладаете достоинствами культурного общества, но я сделаю все возможное, дабы исправить положение. Я считаю, что этот колледж должен выпускать, прежде всего, цивилизованных молодых джентльменов.

У двери он задержался и добавил:

— Когда отмоете маски, доложите об этом в моем кабинете.

Лишь только Хоу оказался вне пределов слышимости, Джим спросил:

— Зачем ты меня пнул?

— Ты паршивый идиот, он подумал, что Виллис — это мяч.

— Я знаю, я как раз хотел поправить его.

Фрэнк возмутился:

— Неужели ты еще не понял, что от добра добра не ищут? Ведь ты же хочешь остаться с Виллисом? Хоу бы тут же накатал какое-нибудь правило, по которому Виллис станет контрабандой.

— Но он не может так сделать!

— Черта с два не может! Я начинаю догадываться, что Стьюби не давал развернуться талантам нашего приятеля Хоу во всю ширь. Как думаешь, что означают его «штрафные очки»?

— Не знаю, но думаю, ничего хорошего.

Джим взял свой респиратор и взглянул на веселые тигриные полосы.

— Ты знаешь, Фрэнк, я как-то не хочу становиться «цивилизованным молодым джентльменом».

— И я тоже!

Прежде чем мыть маски, они решили бросить взгляд на доску объявлений, чтобы не навлечь на себя дополнительных неприятностей, и для этого вышли в фойе. На доске было приколото:

ОБЪЯВЛЕНИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

1. Обычай раскраски респираторных масок так называемыми «различительными узорами» упраздняется. Маски должны быть чистыми, и каждому студенту надлежит написать собственное имя (буквами размером один дюйм) на груди и на плечах своих прогулочных костюмов.

2. Студентам предписывается постоянное ношение рубашек и ботинок или тапочек во всех присутственных местах за исключением их личных комнат.

3. Содержать домашних животных запрещается. В исключительных случаях, когда редкие разновидности представляют собой научный интерес, специальные условия кормления и присмотра за

вышеупомянутыми разновидностями могут быть созданы в биологической лаборатории.

4. Запрещается хранение пищи в жилых комнатах. Студенты, получающие продуктовые посылки от родителей, обязаны оставлять их у заведующей-интенданта и некоторое количество может быть запрошено сразу после еды, за исключением завтрака в субботу утром. Специальное разрешение может быть получено на проведение «праздничных вечеринок» в свободное время в таких случаях, как дни рождения и т. п.

5. Студенты, лишенные выходных вследствие дисциплинарных взысканий, могут читать, учиться, писать письма, играть на музыкальных инструментах или слушать музыку. Им запрещается играть в карты, посещать комнаты других студентов или покидать территорию колледжа по любым причинам.

6. Студенты, желающие позвонить по телефону, обязаны оформить письменный запрос в установленной форме и получить ключи от телефонной кабины в административном помещении.

7. Студенческий совет распускается. Студенческое самоуправление будет восстановлено только в том случае, если поведение студенческого коллектива будет соответствовать должному уровню.

(подпись)
М. Хоу, директор

Джим свистнул.

— Посмотри-ка сюда, Джим, — сказал Фрэнк, — роспуск Студсовета — ты только подумай! Как ты считаешь, не придется ли нам получать разрешение, чтобы почесаться? За кого он нас тут держит?

— Хоть обыщи меня, Фрэнк, у меня нет рубашки.

— Ну, я могу одолжить тебе фуфайку, пока не купишь что-нибудь. Взгляни на пункт три — тебе надо действовать.

— Хм? А что тут?

Джим перечитал его.

— Тебе надо пойти и умалить нашего биолога, чтобы договориться о Виллисе.

— Что?

Джим просто не связал распоряжение, касающееся домашних животных с Виллисом; он не воспринимал Виллиса как одного из них.

— *Я* не могу сделать этого, Фрэнк. *Он ужасно расстроится.*

— Тогда тебе лучше отправить его домой на попечение твоих родственников.

Джим тупо смотрел перед собой.

— Я не стану этого делать. Не стану!

— Тогда что ты будешь делать?

— Не знаю.

Он подумал немного.

— Ничего не буду. Я просто буду прятать его. Ведь Хоу даже не знает, что он у меня есть.

— Хм... ты можешь действовать так до тех пор, пока кто-нибудь не настучит.

— Не думаю, что кто-нибудь из парней способен на это.

Они вернулись в свою комнату и попытались убрать узоры с масок, однако не слишком успешно: краска въелась в пластик, и им удалось только размазать ее по поверхности. Спустя некоторое время студент по фамилии Смёзи, приоткрыв дверь, заглянул внутрь:

— Почистить вам ваши маски?

— А ничего не получится: краски слишком въелись.

— Ты последний догадался об этом. Но по доброте сердечной и из желания помочь ближнему я готов выкрасить твою маску в цвет, неотличимый от первоначального — четверть кредитки за маску.

— Я так и знал, что ты не промахнешься, — ответил Джим.

— Так согласен или нет? Решай, а то желающих много.

— Смитти, ты готов продавать билеты на похороны собственной бабушки.

Джим протянул четверть кредитки.

— Хорошая мысль. Как думаешь, сколько брать за один?

Парень достал банку с лаком и кисточку и быстро замазал горделивую раскраску Джима, пользуясь для этой цели пигментом, который великолепно имитировал унылый желтовато-серый цвет оригинала.

— Ну вот! Через пару минут высохнет. А как ты, Саттон?

— Давай, кровосос, — согласился Фрэнк.

— Ну можно ли так говорить о своем спасителе? Мне предстоит трудное свидание на женской половине, а я здесь трачу драгоценное субботнее время, помогая вам.

Смёзи столь же быстро разделался с маской Фрэнка.

— Тратишь время, зарабатывая денежки на свидание, ты хотел сказать, — уточнил Джим. — Смитти, что ты думаешь об этих хитрых правилах, которые придумал новый директор. Следует ли нам смолчать или учинить протест?

— Протест? Для чего?

Смёзи собрал свои приспособления.

— Во всякой новинке есть новые возможности для бизнеса,

надо только уметь их увидеть. Если у вас проблемы, заходите к Смёзи — особые услуги в любое время.

Он задержался у двери.

— Не стоит упоминать о билетах на похороны моей бабушки. Она, пока не откинет копыта, не желает об этом слышать. Бабуля — чрезвычайно принципиальная девочка во всем, что касается ее репутации.

— Фрэнк, — сказал Джим, когда Смёзи ушел, — не нравится мне чем-то этот парень.

Фрэнк пожал плечами.

— Он выручил нас. Пойдем отметимся и снимем с себя взыскание.

— Хорошо. Он напомнил мне один из афоризмов дока: «Любой из когда-либо написанных законов создает возможность для взяточничества».

— Совсем не обязательно. Пошли.

Они обнаружили длинную очередь у директорской двери. Впускали группами по десять человек. Хоу быстро осмотрел маски, а затем начал читать нотацию:

— Я полагаю, что это станет для вас, юные джентльмены уроком не только опрятности, но и внимания. Если бы вы заметили, что находилось на доске объявлений, то вы были бы, каждый из вас, готовы к инспекции. Что касается самого нарушения, то я хочу, чтобы вы поняли, что данный урок выходит за рамки ребяческих и варварских рисунков, которыми вы покрывали собственные респираторы, впрочем, весьма возмутительных.

Он сделал паузу и убедился, что его внимательно слушают:

— Нет причин, по которым колониальные порядки должны быть грубы и вульгарны, и, являясь главой данной организации, я намерен следить за этим, дабы исправить любые недостатки вашего домашнего воспитания. Главной, а возможно, и единственной целью образования является формирование характера — а характер может быть создан только благодаря дисциплине. Я льщу себя надеждой, что являюсь исключительно хорошо подготовленным человеком, дабы взяться за эту задачу. Прежде чем приехать сюда, я двенадцать лет работал преподавателем Военной Академии в Скалистых Горах — исключительно прекрасного училища, училища, которое выпускало *мужчин*.

Он вновь сделал паузу, то ли, чтобы перевести дыхание, то ли, чтобы дать возможность обдумать уже сказанное. Джим пришел сюда с целью избавиться от взыскания, но надменное отношение директора и, в первую очередь, его утверждение, что колониальная жизнь представляет собой нечто второсортное, постепенно довели его до кипения.

— Мистер Хоу? — обратился он.

— А? Да? Что?

— Это не Скалистые Горы, это Марс. И это не Военная академия.

Одно мгновение казалось, что удивление и гнев доведут мистера Хоу до какой-нибудь дикости или даже до апоплексического удара. Однако он все же сдержался и процедил сквозь зубы:

— Как твоя фамилия?

— Марлоу, сэр. Джеймс Марлоу.

— Для тебя, Марлоу, было бы лучше, много лучше, если бы это была военная академия.

Он повернулся к остальным:

— Вы можете идти. Выходные восстановлены без ограничений. А ты, Марлоу, подожди.

Когда они остались наедине, Хоу сказал:

— Марлоу, в мире нет ничего более оскорбительного, чем самоуверенный мальчишка, неблагодарный выскочка, который не знает своего места. Благодаря великодушию Компании ты имеешь возможность получить прекрасное образование. Тебя не доведут до добра дешевые остроты в адрес людей, назначенных Компанией, чтобы следить за твоим обучением и благополучием. Ты понял это?

Джим молчал.

— Ну же! Отвечай, парень. Признай свою вину и принеси извинения. Будь мужчиной! — отрывисто сказал Хоу.

Джим продолжал молчать. Хоу барабанил пальцами по столу, наконец он сказал:

— Отлично, иди в свою комнату и подумай об этом хорошенько. У тебя все выходные на размышления.

Когда Джим вернулся, Фрэнк внимательно посмотрел на него и покачал головой в восхищении.

— Ну, парень! — сказал он. — Ты даешь.

— Кто-то должен был сказать ему.

— Это точно. Но что ты теперь собираешься делать? Перережешь себе горло или просто уйдешь в монастырь? Старина Хоу с сегодняшнего дня ни на минуту не даст тебе спуску. Вообще-то, теперь ты не самый безопасный сожитель.

— Черт возьми, Фрэнк, если ты так считаешь, подыщи себе, ради Бога, другого соседа!

— Спокойно, спокойно! Я не собираюсь смываться от тебя. Я с тобой до конца. «Улыбаясь, парень упал замертво». Я рад, что ты ему вмазал. У меня не хватило бы смелости сделать это.

Джим растянулся поперек своей койки.

— Мне кажется, я не смогу здесь остаться. Я не привык,

чтобы меня шпыняли и глумились надо мной безо всякой причины. А теперь я получу этого вдвое больше. Что мне делать?

— Черт его знает.

— Во времена Стьюби это было хорошее местечко. Я думал, что таким оно для меня и останется.

— Стьюби был мужик что надо. Но что ты можешь сделать кроме как заткнуться и молча надеяться, что он забудет об этом?

— Послушай, все это не нравится и остальным. А вдруг, если мы объединимся, то заставим его сбавить обороты.

— Вряд ли. Ты был единственный, кто не сдрейфил высказаться. Ведь даже я не поддержал тебя — а я согласен с тобой на все сто.

— А что, если все мы напишем родителям?

Фрэнк покачал головой.

— Тебе не удастся уговорить всех — и какой-нибудь задрыга настучит. Вот тогда ты попадешь как кур в ощип: за подстрекательство к бунту или еще за какую-нибудь подобную чушь. В любом случае, — продолжал он, — ну что ты сможешь написать в письме такого, что ясно доказывало бы, будто мистер Хоу делает нечто, на что он не имеет права? Я знаю, что скажет мой старик.

— И что же он скажет?

— Он мне много раз рассказывал про школу, в которую он ходил на Земле, какое это было суровое заведение. Мне кажется, он немного этим гордится. Если я сообщу ему, что Хоу не разрешает нам хранить в комнате печенье, он только посмеется надо мной. Он скажет...

— Черт возьми, Фрэнк, дело не в запрете на хранение пищи в наших комнатах; дело в общей ситуации.

— Конечно, конечно. Я знаю об этом. Но попытайся объяснить это моему старику. Все, что мы можем сообщить — это пустяки, вроде правила о пище. Ситуация должна стать намного хуже, прежде чем можно будет убедить наших родителей что-нибудь сделать.

Соображения Фрэнка подтвердились. По мере распространения новостей, студенты, один за другим, заходили к ним, некоторые чтобы пожать Джиму руку за данную директору отповедь, некоторые — просто из любопытства — увидеть чудака, у которого хватило безрассудства выступить против официальных властей. Прояснился, однако, амбивалентный факт: новый директор колледжа никому не нравился, и все возмущались какими-либо из его новых «дисциплинарных» мер, но никто не стремился присоединиться к тому, что — как всем казалось — заведомо обречено на поражение.

В воскресенье Фрэнк пошел в Малый Сёртис, но не в располо-

женный поблизости город марсиан, а в колониальный поселок. Джим — вроде как под домашним арестом — остался в своей комнате, делал вид, будто занимается, и болтал с Виллисом. Фрэнк вернулся перед ужином и заявил:

— Я принес тебе подарок.

Он кинул Джиму крохотный сверток.

— Ты настоящий друг! Что это?

— Открой и посмотри.

Внутри оказалась запись танго, сделанная в Рио и только что прибывшая с Земли на «Альберте Эйнштейне». Называлась она «Quién Es La Señorita?". Джим необычайно любил латиноамериканскую музыку, и Френк помнил об этом.

— Ну, старик! — Джим подошел к парте, заправил пленку в магнитофон и приготовился наслаждаться. Фрэнк остановил его.

— Лучше потом. Был звонок к ужину.

Джим нехотя подчинился, но, вернувшись, он крутил ее раз за разом, пока Фрэнк не настоял на том, что пора заниматься. Еще раз он включил танго перед самым отбоем.

Коридор общежития был уже минут пятнадцать погружен в темноту, когда «Quién Es La Señorita?» грянуло вновь. Фрэнк вскочил.

— Ты спятил? Джим, выключи, нашел время!

— Это не я, — возразил Джим. — Это, должно быть, Виллис. Это точно Виллис!

— Ну тогда заставь его заткнуться. Заглуши его. Положи на него подушку.

Джим включил свет.

— Виллис, эй, Виллис! Кончай шуметь!

Виллис, по-видимому, даже не слышал его. Он стоял на полу в середине комнаты и тщательно воспроизводил каждую ноту, отбивая такт стебельками своих глаз. Его исполнение было превосходно и включало в себя всё: от маримб до вокального хора.

Джим поднял его.

— Виллис, заткнись, приятель.

Виллис продолжал отбивать такт.

Дверь распахнулась, силуэт директора Хоу показался на пороге.

— Ну так я и думал, — сказал он торжественно. — Никакого уважения к правам и покою окружающих. Выключайте магнитофон. И знайте, что в течение следующего месяца свобода вашего передижения ограничена этой комнатой.

Виллис продолжал играть. Джим попытался заслонить его своим телом.

— Ты что, не слышал моего приказа? — спросил Хоу. — Я сказал выключить эту музыку.

Он быстро подошел к парте и дернул рычажок выключателя магнитофона. Поскольку тот уже находился в положении «выключено», то единственным результатом стал сломанный ноготь. Хоу согнал с лица недиректорское выражение и сунул палец в рот. Виллис добрался до третьего припева. Хоу обернулся.

— Каким образом эта штука получает питание? — отрывисто спросил он.

Не получив ответа, он шагнул к Джиму.

— Что ты прячешь?

Он оттолкнул Джима в сторону и с очевидным недоверием и отвращением в глазах посмотрел на Виллиса.

— Это что?

— Это Виллис, — несчастным голосом ответил Джим, стараясь говорить так, чтобы его было слышно.

Хоу не был предельно туп; постепенно до него дошло, что музыка, которую он слышал, исходила от этого странного пушистого шара, находившегося перед ним.

— А что такое «Виллис», позволь спросить?

— Ну, он это... попрыгунчик. Обитатель Марса.

В этот момент Виллис решил закончить композицию, выдохнул из себя мелодичным контральто «buenas noches» и замолк — на минуту.

— Попрыгунчик? Никогда не слышал о них.

— Их мало кто видел, даже из колонистов. Они редко встречаются.

— Лучше бы еще реже. Что-то вроде марсианского попугая, я полагаю.

— Нет, нет!

— Что значит «нет, нет»?

— Он совсем не попугай. Он говорит, он думает, он — мой друг!

Хоу наконец перестал удивляться и вспомнил о цели своего визита.

— Все это к делу не относится. Ты читал мое распоряжение насчет домашних животных?

— Да, но Виллис — не домашнее животное.

— А что же ещё?

— Он не может быть домашним животным. Домашние животные — это чья-либо собственность. Виллис — не собственность; он... это... он просто Виллис.

В этот момент Виллис решил воспроизвести все, что он услышал после танго.

— Знаешь, когда я слышу эту музыку, — произнес он голосом Джима. — Я даже забываю про старого злыдня Хоу.

— Я не могу забыть о нем, — продолжал Виллис голосом Фрэнка. — Жаль, что я не нашел в себе сил дать ему отповедь в тот раз вместе с тобой, Джим. Знаешь, что? Я думаю, Хоу свихнулся, понимаешь, на самом деле, свихнулся. Ручаюсь, что пацан он был трусливый, это-то его и испортило.

Хоу побелел. Доморощенный психоанализ Фрэнка попал не в бровь, а в глаз. Он вскинул руку как для удара, затем опять опустил ее — в неуверенности, кому его нанести. Виллис поспешно втянул все свои выступающие части и стал гладким, как бильярдный шар.

— А я говорю, что это домашнее животное, — яростно рявкнул Хоу, когда вновь обрел способность говорить. Он подхватил Виллиса и направился к двери.

Джим бросился за ним.

— Послушайте! Мистер Хоу — вы не можете забрать Виллиса!

Директор обернулся.

— Не могу, вот как? Иди спать. Утром придешь ко мне в кабинет.

— Если с Виллисом что-нибудь случится, я... я...

— Что — ты? — он остановился. — Ничего с твоим драгоценным любимчиком не случится. А теперь возвращайся в постель, пока я тебя не выпорол.

Он вновь повернулся и ушел, не удосужившись проследить за тем, выполнен или нет его приказ.

Джим, с катящимися по щекам слезами, стоял и смотрел на закрывшуюся дверь, содрогаясь от ярости и отчаяния. Фрэнк подошел и положил руку на его плечо.

— Джим, Джим, ну что ты так? Ты же слышал, он обещал не трогать Виллиса. Пойдем спать, уладим дело утром. В худшем случае тебе придется отправить Виллиса домой.

Джим стряхнул руку. Фрэнк продолжал.

— Не дай ему вывести тебя из терпения, старик; если он допечет тебя, ты сделаешь какую-нибудь глупость и на этом погоришь.

— Я уже вне себя.

— Я знаю и не виню тебя за это. Но тебе надо успокоиться и поработать головой. Он же хотел поддеть тебя — ты сам это видел. Что бы он ни делал или ни говорил, ты должен держать себя в руках и быть хитрее его — иначе ты пропал.

— Мне кажется, ты прав.

— Я знаю, что прав. И док сказал бы то же самое. А теперь пошли спать.

Ни одному из них не довелось выспаться этой ночью. Под утро Джиму приснился кошмарный сон, что Хоу — это свернувший-

ся марсианин, которого он, вопреки собственному желанию, пытался развернуть.

Перед завтраком на доске объявлений появилось новое сообщение. Оно гласило:

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ

Впредь все личное оружие должно постоянно храниться в арсенале. Институт ношения оружия студентами упраздняется. Оружие выдается по распоряжению директора только в случае, когда студент покидает территорию колледжа и прилегающего к нему поселения. Практика ношения личного оружия там, где марсианская фауна не представляет реальной опасности, прекращается.

(подпись)
М. Хоу, директор

Джим и Фрэнк прочли это объявление одновременно.

— Не понимаю, — сказал Джим, — на кой ему понадобилось столько лишних хлопот? Особенно учитывая тот факт, что большинство из нас имеют лицензию.

Все студенты обычно хранили свои пистолеты в арсенале, но регистрировать там оружие приходилось только тем, кто все еще не получил лицензий.

Фрэнк перечитал сообщение.

— Знаешь, что я думаю?

— Нет, а что?

— Я думаю, он боится лично тебя.

— Меня? Почему?

— Из-за того, что случилось вчера вечером. В твоих глазах была готовность убить, и он видел это. Я думаю, он хочет укоротить тебе руки. Я думаю, ему абсолютно наплевать на то, что все остальные таскают пистолеты.

— Ты и впрямь так думаешь? Хм... может, это и неплохо, что наши пистолеты сейчас не в арсенальной.

— Вопрос в следующем: что в связи с этим ты собираешься делать?

Джим постоял в нерешительности.

— Я не собираюсь отдавать свой пистолет. И отец, я уверен, не похвалил бы меня за это. В любом случае я имею лицензию и не обязан подчиняться. Я — квалифицированный стрелок, я прошел осмотр у психиатра, я, наконец, дал клятву; я обладаю таким же правом носить оружие, как и он.

— О'кей, в этом я с тобой согласен. Но не мешало бы нам придумать что-нибудь, прежде чем ты пойдешь к нему.

За завтраком придумалось «*что-нибудь*» — им оказался студент Смёзи. Фрэнк негромко изложил Джиму возникшую идею; позавтракав, они вместе подошли к нему и увели в свою комнату.

— Слушай, Смитти, — начал Джим, — ведь ты человек широкого кругозора, не так ли?

— Хмм... возможно. А что?

— Видел объявление утром?

— Ну да. Кто ж его не видел? Все теперь ворчат по этому поводу.

— А ты собираешься отдавать свой пистолет?

— Мой пистолет и без того уже был в арсенальной. Зачем он мне здесь? Я предпочитаю работать головой.

— В таком случае тебя не станут вызывать по поводу твоего пистолета. Теперь давай предположим, что тебе на сохранение передали два свертка. Ты не станешь их развертывать и не будешь знать, что в них находится. Как ты считаешь, ты сможешь найти безопасное, *действительно* безопасное место для их хранения, в то же время оставляя за собой возможность вернуть их по первому требованию?

— Вы, очевидно, захотите, чтобы я не рассказывал об этих, как их... свертках?

— Неа. Никому ни слова.

— Гм... это будет дорого стоить.

— Сколько?

— Ну что же, получится не менее двух кредиток в неделю.

— Слишком дорого, — сказал Фрэнк.

— Хорошо, вы — мои друзья. Для вас я установлю твердую расценку в восемь кредиток до конца года.

— Дорого.

— Тогда шесть, за меньшее я не соглашусь. Вы должны оплатить риск.

— Заметано, — сказал Джим, прежде чем Фрэнк успел продолжить торг.

После того, как Смёзи с пакетом ушел, Джим явился в кабинет директора.

V

СТЕНЫ ИМЕЮТ УШИ

Доктор Хоу, прежде чем принять Джима, заставил его ждать тридцать минут за дверью. Когда его наконец впустили, Джим увидел, что Хоу был вполне доволен собой. Он поднял глаза.

— Да? Ты хотел видеть меня?

— Вы сказали, чтобы я пришел к вам, сэр.

— Вот как? А как твоя фамилия?

«Он прекрасно знает мою фамилию, — раздраженно подумал Джим. — Он хочет, чтобы я вышел из себя». Он вспомнил о предостережении Фрэнка не терять над собой контроль.

— Джеймс Марлоу, сэр, — спокойно ответил он.

— Ах, ну да. Итак, Марлоу, зачем ты хотел меня видеть?

— Вы сказали мне прийти к вам. Насчет Виллиса.

— Виллиса? Ах, ну да, марсианский круглоголовый, — Хоу улыбнулся одними губами. — Интересный экземпляр для науки.

Хоу смолк. Молчание затянулось, и Джим начал догадываться, что директор хочет заставить его заговорить первым. Джим уже смирился с мыслью, что он не сможет оставить Виллиса в колледже. Он сказал:

— Я пришел, чтобы забрать его. Я отнесу его в город и отправлю домой.

Улыбка Хоу стала шире.

— Ах, вот как? Объясни мне, ради Бога, как ты собираешься это сделать, если в течение следующих тридцати дней ты лишен права выходить за пределы колледжа?

Предостережение Фрэнка все еще звучало в его ушах, казалось, Джим и сейчас слышит его голос. Он ответил:

— Хорошо, сэр, я сегодня же попрошу кого-нибудь сделать это для меня. Теперь я могу забрать Виллиса?

Хоу наклонился вперед и сложил руки на животе.

— Сейчас, Марлоу, ты коснулся самого интересного момента. Вчера вечером ты сказал, что это существо — не домашнее животное.

— Ну и что? — озадаченно спросил Джим.

— Ты очень на этом настаивал. Ты сказал, что он — не твоя собственность, но твой друг. Это верно, не так ли?

Джим колебался. Он интуитивно ощущал какой-то подвох, но не мог понять, в чем он заключается.

— И что из этого следует?

— Так сказал или нет? Отвечай!

— Ну... да.

Хоу наклонился вперед.

— В таком случае, почему ты требуешь, чтобы я вернул тебе это существо? У тебя нет на него никаких прав.

— Но, но...

Джим запнулся, не найдя, что сказать. Его подвели слова, эта столь ненадежная штука, он не знал, что ответить.

— Вы не можете так поступить! — выпалил он. — Вы тоже не

являетесь его владельцем! У вас нет права держать его взаперти.

Хоу аккуратно сложил кончики пальцев.

— Вот это еще требует доказательства. Хотя ты отказался от каких-либо прав на него, не исключено, что это существо, тем не менее, является собственностью — в таком случае, *оно* было найдено на территории колледжа, и от имени колледжа я могу предъявить на него права, как на разновидность, интересную для науки.

— Но... Вы не можете так поступить, это несправедливо! Если он кому-то и принадлежит, то только мне! Вы не имеете права...

— Тихо!

Джим умолк. Уже более спокойно Хоу продолжал:

— Не надо рассказывать мне, что я могу и чего не могу. Ты забываешь о том, что я in loco parentis* для тебя. Какими-либо из своих прав ты можешь воспользоваться только через меня, как если бы я был твоим родным отцом. Что касается прав обладания этим существом, то я занят изучением этого вопроса и собираюсь проконсультироваться у Генерального Агента сегодня во второй половине дня. Ты будешь проинформирован о результате в соответствии с установленным порядком.

Латинская фраза, как было рассчитано, смутила Джима, но из всего сказанного Хоу он отметил для себя одно место и ухватился за него.

— Я сообщу об этом моему отцу. Это вам не пройдет.

— Что, угрозы? — Хоу кисло ухмыльнулся. — Не думай просить ключи от телефонной будки; я не собираюсь позволять студентам звонить своим родителям всякий раз, когда я учу их не распускать нюни. Своему отцу пошли письмо — но прежде дашь мне его прослушать.

Он встал.

— Все, ты свободен.

Фрэнк уже ждал:

— Не вижу крови, — заявил он, разглядывая Джима. — И как все это было?

— Ох, ну и тип!

— Плохо, да?

— Фрэнк, он не хочет отдавать мне Виллиса.

— Он хочет заставить тебя отправить его домой? Но ты это предвидел.

— Да нет же. Он вообще не хочет отдавать мне Виллиса. Он постоянно ловчил, но все сводилось к тому, что он его сцапал и не собирается возвращать, — казалось, Джим готов разрыдаться. —

---

* вместо родителей

Бедный малыш Виллис, ты ведь знаешь, какой он робкий. Что мне делать, Фрэнк?

— Я ничего не понимаю, — медленно выговорил Фрэнк. — Он не может взять себе Виллиса, просто не может. Виллис принадлежит тебе.

— Я говорю, он постоянно ловчил — но он подразумевал поступить именно так. Как мне забрать его? Фрэнк, я должен его забрать.

Фрэнк не ответил; Джим окинул комнату безутешным взглядом и наконец заметил:

— Что здесь произошло? — спросил он. — Похоже, что ты пытался все переломать.

— А, ты об этом. Я как раз хотел тебе рассказать. Пока тебя не было, пара шестерок Хоу сделала здесь обыск.

— Хм?

— Пытались найти наши пистолеты. Я просто прикинулся идиотом.

— Пытались, вот как?

Казалось, Джим на что-то решился.

— Я должен найти Смёзи.

Он направился к двери.

— Эй, подожди — зачем тебе нужен Смитти?

Джим оглянулся, и выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

— Я собираюсь взять пистолет, пойти туда и забрать Виллиса.

— Джим, ты болван!

Джим молча продолжал идти к двери. Фрэнк подставил ногу, повалил его и, когда Джим растянулся, уселся сверху. Он захватил правую руку Джима и заломил ее ему за спину.

— Полежи немного, — сказал он Джиму. — Пока не успокоишься.

— Пусти меня.

— Ты одумался?

Молчание.

— О'кей, — продолжал Фрэнк. — Я смогу так сидеть столько, сколько будет нужно для тебя. Скажи мне, когда успокоишься.

Джим попытался вырваться; Фрэнк потянул вверх его руку, и тянул до тех пор, пока он не завопил и не замер.

— Вот так лучше, — сказал Фрэнк. — Теперь слушай сюда: ты, Джим, хороший парень, но ты действуешь сгоряча. Предположим, ты возьмешь свой пистолет, и, предположим, ты сумеешь так запугать старину Хоу, что он, трясясь от страха, выдаст тебе Виллиса. Ты думаешь, как долго он останется с тобой? Ты знаешь, как долго? Ровно столько, сколько ему потребуется, чтобы дозво-

ниться до местной полиции. После чего они посадят тебя куда следует и опять отберут Виллиса. И ты никогда его больше не увидишь, не говоря уже о тех заботах и страданиях, которые ты доставишь своим родителям.

Последовала продолжительная тишина. Наконец Джим сказал:

— Ладно, пусти меня.

— Ты передумал размахивать здесь пистолетом?

— Да.

— Честное слово? Клятва получившего лицензию на ношение оружия и все такое прочее?

— Да, обещаю.

Фрэнк помог ему подняться и отряхнул его. Джим потер свою руку и сказал:

— Не стоило так сильно ее выкручивать.

— Удивительно, ты еще и жалуешься, а ведь тебе следовало бы поблагодарить меня. А теперь хватай свою тетрадь; мы опаздываем на лабораторку по химии.

— Я не пойду.

— Не валяй дурака, Джим. Незачем накапливать прогулы и потом пролетать на экзаменах, только потому, что ты зол на директора.

— Не в этом дело. Я ухожу, Фрэнк. Я не останусь в этом колледже.

— Что? Не спеши, Джим! Я знаю, что́ ты чувствуешь, но ведь учиться можно только здесь или нигде. Твои старики не в состоянии позволить себе роскошь послать тебя учиться на Землю.

— Нигде, в таком случае. Здесь я не останусь. Я собираюсь здесь торчать ровно столько, сколько понадобится, чтобы вызволить Виллиса, потом я — домой.

— Что ж... — Фрэнк перестал чесать свой затылок. — Твое дело. Но, послушай, — ты ничего не потеряешь, если пойдешь на лабораторную по химии. Это никак тебе не повредит; в любом случае, ты ведь не собираешься отправляться немедленно.

— Не пойду.

Фрэнк встревожился.

— Обещаешь мне никуда отсюда не выходить и не совершать опрометчивых поступков до тех пор, пока я не вернусь?

— Тебе-то зачем об этом беспокоиться?

— Обещай, Джим, или я тоже прогуляю лабораторную.

— Ну хорошо, хорошо. Иди.

— Порядок! — Фрэнк умчался.

Вернувшись, он обнаружил Джима развалившимся на койке.

— Спишь?

— Нет.

— Решил, что будешь делать?
— Нет.
— Я могу чем-нибудь помочь?
— Нет.
— Ты на редкость разговорчив, — заметил Фрэнк и сел за парту.
— Не сердись.
За оставшуюся часть дня вестей от Хоу не поступило.
На следующий день Фрэнк сумел убедить Джима пойти на занятия, отметив, что не стоит лишний раз привлекать к себе внимание, когда ищешь возможность вызволить Виллиса.
Не напомнил о себе Хоу и во вторник. Ночью, примерно через два часа после отбоя, Фрэнк внезапно проснулся. В комнате что-то шевелилось.
— Джим, — негромко позвал он.
Мертвая тишина. Стараясь не шуметь, Фрэнк потянулся и включил свет. Джим стоял около двери.
— Джим, — жалобно спросил Фрэнк, — почему ты мне не ответил? Ты хочешь напугать меня до смерти?
— Извини.
— Что случилось? Почему ты вылез из постели?
— Не беспокойся. Спи дальше.
Фрэнк выбрался из-под одеяла.
— Ну, нет! Я буду беспокоиться — до тех пор, пока из твоих глаз не исчезнет это бешеное выражение. Давай, выкладывай.
Джим отмахнулся.
— Я не хочу впутывать тебя в это. Иди спать.
— Думаешь меня заставить? Перестань валять дурака и рассказывай. Что ты собираешься делать?
Неохотно Джим объяснил. Ему представлялось вероятным, что директор Хоу запер Виллиса где-то в своем кабинете. Джим собирался, взломав дверь, попытаться выпустить его.
— А теперь иди спать, — сказал он в заключение. — Если они спросят тебя — ты ничего не знаешь, ты всю ночь спал.
— Чтобы ты один взялся за это? Ну уж нет! В любом случае тебе потребуется кто-нибудь — стоять на шухере.
Фрэнк начал шарить в своем платяном шкафу.
— Мне не нужна никакая помощь. Что ты ищешь?
— Резиновые перчатки, — ответил Фрэнк. — Ты получишь помощь независимо от того, хочешь ты этого или нет, неуклюжий ты идиот. Я не хочу, чтобы тебя поймали.
— Зачем тебе перчатки?
— Слыхал когда-нибудь про отпечатки пальцев?
— Конечно, но он и так поймет, кто это сделал, — и мне все равно, меня здесь уже не будет.

— Конечно, он поймет, но может быть, не сможет ничего доказать. Давай, надевай вот это.

Джим взял перчатки, что подразумевало молчаливое согласие на помощь Фрэнка в этой затее.

На Марсе кражи случаются нечасто, и замки здесь — вещь не привычная. Что до ночных сторожей, то рабочая сила не транспортируется через миллионы миль космического пространства только для того, чтобы использоваться для присмотра за тихими коридорами мужского колледжа. Некоторый риск на пути к административной части колледжа заключался для Джима и Фрэнка в возможности случайной встречи с каким-нибудь беспокойным студентом, вышедшим в туалет после ночных бдений.

Они старались двигаться как можно тише, тщательно вглядываясь в каждый отрезок коридора, прежде чем шагнуть вперед. Через несколько минут они стояли перед внешней дверью административной части, никем — как они, во всяком случае, надеялись — не замеченные. Джим толкнул дверь — она была заперта.

— Зачем они ее запирают? — прошептал он.

— От таких, как мы с тобой, — ответил ему Фрэнк. — Вернись за угол и не смыкай глаз.

Он начал шуровать в замке ножом.

— О'кей.

Джим направился к пересечению коридоров и продолжил наблюдение. Спустя пять минут Фрэнк свистнул ему, и он вернулся.

— В чем дело?

— Ни в чем. Пошли.

Фрэнк открыл дверь. На цыпочках они прошли прихожую и, миновав конторские столы и кучи сваленных стопками бобин, подошли к внутренней двери с табличкой: «*Маркус Хоу — директор (без стука не входить)*».

Надпись на двери была новая, так же, как и замок. Замок был отнюдь не символический, из тех, что можно открыть или взломать ножом: изготовленный из титана и снабженный цифровым кодом, он более уместно выглядел бы на сейфе.

— Думаешь, сможешь его открыть? — тревожно спросил Джим.

Фрэнк тихонько присвистнул.

— Не говори ерунды. Игра окончена, Джим. Давай посмотрим, сможем ли мы вернуться спать, так, чтобы нас не застукали.

— Может, получится снять дверь с петель?

— Все равно, она открывается не туда. Я лучше попробую прорезать дырку в перегородке.

Он шагнул в сторону, встал на колени и приставил острие ножа к стене.

Джим огляделся. Из коридора через комнату, в которой они

находились, к стене кабинета директора проходила вентиляционная труба. Ее отдушина была лишь чуть уже, чем нужно для плеч. Если отвинтить фланцы и отвести в сторону изгиб трубы...

Нет, он даже не мог до нее дотянуться и не на что было вскарабкаться. Шкафы с картотекой, как он обнаружил, были привинчены к полу.

Под дверью находилась маленькая решетка, через нее использованный воздух выходил из кабинета наружу. Вынуть ее было невозможно, да и само отверстие оказалось бы слишком мало́, но он лег на пол и попытался посмотреть сквозь нее. Увидеть ничего не удалось: комната по ту сторону была погружена во мрак.

Он приник к отдушине и позвал:

— Виллис! Эй, Виллис! Виллис, дружище...

Фрэнк немедленно подошел к нему и сказал:

— Перестань. Ты что, хочешь, чтобы нас поймали?

— Тс-с.

Джим приложил ухо к решетке.

Оба они услышали приглушенный ответ:

Джим! Эй, Джим!

Виллис! Иди сюда, Виллис! — откликнулся Джим и прислушался вновь. — Он там, — сказал он Фрэнку, — заперт во что-то.

Точно, — согласился Фрэнк. — А теперь не мог бы ты успокоиться, пока кто-нибудь сюда не явился?

— Мы должны помочь ему выбраться. У тебя что-нибудь получилось со стеной?

— Ничего. Там проволочный каркас внутри пластика.

— Но мы должны достать его оттуда. Что же делать?

— Ни черта у нас не получится, — сказал Фрэнк убежденно. — Выхода нет. Нам надо вернуться и лечь спать.

— Можешь возвращаться, если хочешь. Я останусь здесь и достану его.

— Твоя беда в том, Джим, что ты никогда не можешь признаться, что проиграл. Пошли!

— Нет. Тс-с! — Слышишь что-нибудь?

Фрэнк прислушался.

— Слышу. Что это?

Откуда-то изнутри кабинета доносился скребущий звук.

— Это Виллис. Пытается выбраться, — заявил Джим.

— Все равно не получится. Пошли.

— Нет.

Джим продолжал прислушиваться у решетки. Фрэнк нетерпеливо ждал, его тяга к приключениям теперь была более чем удовлетворена. Он колебался между нежеланием бросить Джима

и стремлением вернуться в свою комнату, прежде чем их поймают. Тем временем скребущий звук продолжался.

Он прекратился некоторое время спустя. Раздалось негромкое «хлоп!», как если бы нечто мягкое, но весьма тяжелое, упало с высоты около фута, затем послышался едва различимый шелест.

— Джим? Эй, Джим?

— Виллис! — завопил Джим.

Голос попрыгунчика доносился теперь прямо из-за решетки:

— Джим возьмет Виллиса домой.

— Да, да! Жди там, Виллис, Джим должен найти способ помочь Виллису выйти.

— Виллис выйдет, — решительно заявил попрыгунчик.

— Фрэнк, — взволнованно сказал Джим, — если бы нам удалось найти что-нибудь вроде ломика, я смог бы выломать эту решетку из ее рамы. Я думаю, что Виллис сумеет протиснуться сквозь нее.

— У нас нет ничего такого. У нас нет ничего, кроме ножей.

— Думай, приятель, думай! Может, что-нибудь есть в нашей комнате, ну хоть что-нибудь?

— Я ничего такого не припоминаю.

Скребущий звук возобновился, и Фрэнк добавил:

— Что это Виллис там замышляет?

— Думаю, он пытается открыть дверь. Мы должны найти способ открыть ее для него. Слушай, ты залезешь ко мне на плечи и попробуешь отсоединить манжету этой вентиляционной трубы.

Фрэнк прикинул.

— Бесполезно. Даже если мы сдвинем вниз трубу, на другой стороне стены останется решетка.

— Откуда ты знаешь?

— Так всегда делается.

Джим замолк. Фрэнк, безусловно, был прав, и он это знал. Скребущий звук продолжался. Фрэнк опустился на одно колено и приложил голову к решетке. Он прислушался.

— Спокойно, — посоветовал он Джиму вскоре. — Я думаю, что, возможно, Виллис сумеет выбраться.

— Что ты имеешь в виду?

— Это звук пилы, если только я что-либо понимаю в звуках.

— Хм?.. Виллис не может пропилить дверь. Еще дома я запирал его много раз.

— Может быть, это так, а может, и нет. Может, он просто не хотел выбираться.

Скребущий звук стал теперь более отчетливым. Через несколько минут около решетки начал образовываться круглый пропил, затем находившаяся внутри пропила часть двери упала наружу. Сквозь

образовавшуюся дыру секунду был виден Виллис. Из его бочкообразного тела торчала когтистая ложноножка толщиной в дюйм и длиной в восемь дюймов.

— Что это? — спросил Фрэнк.

— Без понятия. До сих пор я ничего подобного не видел.

Втянувшись, странная конечность исчезла внутри тела, и сомкнувшийся над этим местом мех не оставил даже намека на ее существование. Форма тела Виллиса продолжала меняться до тех пор, пока не начала походить более на дыню, чем на шар. Он протиснулся сквозь дыру.

— Виллис вышел, — гордо заявил он.

Джим схватил его на руки.

— Виллис! Виллис, дружище.

Попрыгунчик свернулся клубочком в его руках.

— Джим потерялся, — сказал он с укором, — Джим ушел.

— Да, но больше такого не будет. Виллис остается с Джимом.

— Виллис остается. Хорошо.

Джим потерся щекой о своего пушистого друга.

Фрэнк откашлялся.

— Было бы неплохо смотаться отсюда к нам в берлогу.

— Угу.

Обратный путь до комнаты они проделали быстро и, насколько они могли заметить, не привлекли постороннего внимания. Джим плюхнул Виллиса на свою кровать и посмотрел вокруг.

— Что мне нужно попробовать взять с собой, хотел бы я знать? Надо добраться до Смитти и взять мой пистолет.

— Подожди, — сказал Фрэнк, — не суетись. На самом деле, тебе вовсе не обязательно уходить, если хочешь знать.

— Как это?

— Я не повредил замок на внешней двери; личного замка Хоу мы вообще не касались. Все, о чем может идти разговор в связи с бегством Виллиса — это дыра, пролезть сквозь которую мы, безусловно, не могли и, вероятно, еще одна такая же в столе Хоу. Доказать он ничего не сможет. Ты договоришься, чтобы Виллиса отправили назад, а мы просто тихонько отсидимся.

Джим покачал головой.

— Я ухожу. Виллис — это только одна из причин. В колледже, которым управляет Хоу, я не останусь, даже если мне за это заплатят.

— Но к чему такая спешка, Джим?

— Я не спешу. И не виню тебя за то, что ты остаешься. Через год ты сдашь кандидатские экзамены на космолетчика и смотаешься отсюда. Но если только тебе случится пролететь на сессии, ручаюсь, ты не удержишься здесь до окончания.

— Возможно, и нет. Ты придумал, как выбраться отсюда, чтобы Хоу не остановил тебя? Ведь ты не рискнешь выйти, пока не настанет день — слишком холодно.

— Я дождусь, когда рассветет, и спокойно уйду.

— Твоя задача, — сказал Фрэнк сухо, — исчезнуть отсюда. То, что ты хочешь сделать, называется «сбежать тайком». Я думаю, нам надо прикинуть, как спрятать тебя до тех пор, пока это не удастся организовать. Прекрасный шанс, должно быть, представится днем.

Джим хотел спросить Фрэнка, почему он так считает, но в этот момент Виллис повторил часть фразы — всего два слова. Сначала он произнес их голосом Фрэнка, затем еще раз, густым, сочным голосом взрослого мужчины.

— Прекрасный день! — сказал он.

— Замолчи, Виллис.

Виллис повторил снова:

— Сегодня прекрасный день, Марк. Садись, приятель. Всегда рад тебя видеть.

— Я слышал этот голос, — сказал Фрэнк озадаченно.

— Спасибо, генерал. Как поживаете, сэр? — продолжал Виллис, на сей раз точно имитируя весьма приторную интонацию директора Хоу.

— Вспомнил, — сказал Фрэнк, — Я слышал его по радио, это Бичер — Генеральный Представитель Компании.

— Тс-с..., — сказал Джим. — Я хочу послушать.

Виллис продолжал говорить — теперь опять сочным баритоном.

— Неплохо, совсем неплохо для старика.

— Вздор, генерал, вы совсем не старик, — опять голосом Хоу.

— Спасибо, дружище, — продолжал Виллис. — Что в твоей сумке? Контрабанда?

Виллис воспроизвел верноподданнический смешок Хоу.

— Отнюдь. Просто экземпляр для научного исследования — весьма занятное существо, которое я конфисковал у одного из моих студентов.

Последовала короткая пауза, а затем сочный голос сказал:

— Черт возьми! Марк, откуда ты взял эту живность?

— Я только что сказал вам об этом, сэр, — раздался голос Хоу, — я был вынужден отобрать его у одного из моих студентов.

— Да, да — но ты понимаешь хотя бы, *что* это такое?

— Конечно, сэр, я нашел его в справочнике: Areocepha — lopsittacus Bron ...

— Не говори ты мне свои ученые слова, Марк. Это — круглоголовый, марсианский круглоголовый. Вот что важно. Ты говоришь, что взял его у студента; как ты думаешь, ты сможешь выкупить

его у него? — теперь сочный баритон звучал крайне заинтересованно.

Ответ Хоу был неторопливый.

— Не думаю, сэр. Я полностью уверен, что он не захочет продать.

Секунду он колебался, а затем спросил:

— Это важно?

— Важно? Это зависит от того, как ты понимаешь слово «важно», — ответил голос Генерального Представителя. — Как ты считаешь, шестьдесят тысяч кредиток — это важно? Или даже семьдесят. А именно эту сумму — я уверен — Лондонский зоопарк заплатит за него, помимо оплаты за доставку.

— Правда?

— Правда. Я располагаю постоянным кредитом одного лондонского скупщика в размере пятидесяти тысяч. И я не сомневаюсь, что цену можно поднять.

— Вот как? — Хоу осторожно согласился. — Это стало бы удачным приобретением для Компании, не так ли?

Последовала короткая пауза, а затем добродушный смех.

— Марк, старина, ты меня убиваешь. Слушай — ты в Компании, чтобы руководить колледжем, верно?

— Да.

— А меня наняли, чтобы следить за соблюдением ее интересов, так? На службе мы как следует трудимся и отрабатываем свою зарплату. После этого остается еще восемнадцать часов в день, которые принадлежат лично каждому из нас. Тебя нанимали, чтобы ты отыскивал редкие виды животных?

— Нет.

— И меня — нет. Ты понимаешь меня?

— Кажется, да.

— Я уверен, что понимаешь. Я, как-никак, достаточно хорошо знаю твоего дядю; и не сомневаюсь, что он не послал бы сюда своего племянника, предварительно не разъяснив ему, что к чему. Он сам, могу заверить тебя, отлично в этом разбирается. Дело в том, старина, что в местах вроде этого для сообразительного человека существуют безграничные возможности, если только он сам не дремлет. Не взятки, ты понимаешь.

Виллис остановился. Джим хотел было что-то сказать, но Фрэнк оборвал его.

— Молчи! Мы ничего не должны пропустить.

Голос Представителя продолжал:

— Никаких взяток. Законные возможности для бизнеса — вот естественные спутники нашей работы. Теперь, мистер Хоу, насчет студента: во что обойдутся уговоры? Я не хочу давать слишком

много, иначе он начнет что-нибудь подозревать. Этого быть не должно.

Хоу не торопился с ответом.

— Я почти не сомневаюсь, что он не продаст, генерал, но кажется, есть другой способ.

— Какой? Я что-то не понимаю тебя.

Ребята услышали, как Хоу изложил свою теорию собственности относительно Виллиса. Они не могли видеть, как Бичер ткнул Хоу под ребра, но слышали приступы его хохота.

— Ох, вот это да! Марк, так ты меня совсем прикончишь. Твои таланты пропадают зря в кресле школьного учителя, ты должен стать представителем.

— Что ж, — ответил голос Хоу, — я отнюдь не собираюсь преподавать всю свою жизнь.

— Ты и не будешь. Мы подыщем представительство для тебя. Так или иначе, колледж станет меньше и утратит свое прежнее значение, когда будет реализована антимиграционная политика.

(— О чем он говорит? — прошептал Фрэнк; — Тихо! — ответил Джим).

— Есть какие-нибудь новости по этому поводу? — поинтересовался Хоу.

— В любой момент ожидаю звонка твоего дяди. Вечером можешь зайти, старина, вероятно, они у меня будут.

Оставшаяся часть разговора не представляла большого интереса, тем не менее Виллис старательно воспроизвел ее. Ребята дослушали до момента, когда Хоу распрощался, после чего Виллис умолк.

Джим кипел от ярости.

— Отправить Виллиса в зоопарк! Одна мысль чего стоит! Я надеюсь, что он попробует задержать меня, когда я буду уходить, это будет удобный предлог, чтобы пальнуть в него!

— Сбавь обороты, парень! Интересно, — продолжал Фрэнк, — что они имели в виду, когда говорили об «антимиграционной» политике?

— Мне показалось, он сказал «иммиграционная»

— Уверен, что «антимиграционная». Сколько сейчас времени?

— Около трех.

— У нас впереди примерно три часа. Давай посмотрим, Джим, чего еще мы сможем добиться от Виллиса. Я подозреваю, что там кроется что-то важное.

— О'кей.

Джим подхватил пушистый шар и сказал:

— Виллис, дружище, что еще ты знаешь? Расскажи Джиму обо всем, что ты слышал, обо *всем*.

Виллис с удовольствием согласился. В течение следующего часа

он пробежался по обрывкам диалога, бóльшая часть которого касалась несущественной школьной рутины. Наконец терпение мальчиков было вознаграждено: они вновь услышали елейные интонации Гейнса Бичера:

— Марк, старина...

— А, генерал, заходите. Присаживайтесь. Рад вас видеть.

— Я на минуту — сказать, что я получил сообщение от твоего дорогого дяди. В постскриптуме он передает тебе свои наилучшие пожелания.

— Хорошо. Спасибо, сэр.

— Не за что. Ты не закроешь дверь?

Виллис воспроизвел звук закрываемой двери.

— Теперь можно разговаривать. Сообщение, конечно, касалось антимиграционной политики.

— Да?

— Я рад сообщить, что Совет согласился с точкой зрения твоего дяди. Южная колония останется на месте; груз с этого корабля, так же, как и со следующего, будет отправлен в Северную колонию, где у новых иммигрантов будет почти двенадцать летних месяцев, чтобы приготовиться к зиме. Что ты хихикаешь?

— Ничего существенного, сэр. Один из студентов, сущий чурбан по фамилии Келли, рассказывал мне сегодня, что сделает со мной его отец, когда он окажется здесь во время переселения. Представляю себе его лицо, когда он узнает, что прибытие его отца не предполагается.

— Ты не должен говорить ему ничего подобного, — голос представителя был резок.

— А?

— Я хочу, чтобы все было проделано как можно более гладко. Никто не должен ничего знать до самого последнего момента. Среди колонистов найдутся горячие головы, которые начнут сопротивляться этой политике, несмотря даже на уже доказанный факт, что при разумных мерах предосторожности опасности марсианской зимы незначительны. Я собираюсь отсрочить миграцию на две недели под каким-нибудь предлогом, затем опять отсрочить ее. Ко времени, когда я объявлю об изменении, будет слишком поздно предпринимать что-либо.

— Великолепно!

— Спасибо. Это, действительно, единственный метод общения с колонистами, друг мой. Ты здесь недостаточно долго для того, чтобы узнать их так, как знаю их я. Это куча неврастеников, большинство из которых были неудачниками на Земле, и они доведут любого до безумия, если он не будет достаточно тверд с ними. Они, по всей видимости, не понимают, что всем, что они

из себя представляют, и всем, чем они обладают, они обязаны непосредственно Компании. Вот, к примеру, эта новая политика: если позволить колонистам продолжать делать все по-своему, они по-прежнему будут передвигаться вслед за Солнцем, как заведено среди богатых плейбоев — и все за счет Компании.

Виллис перешел на голос Хоу.

— Я полностью согласен с вами. Если судить по их детям, то это непослушная и неуправляемая публика.

— И абсолютно ленивая, — согласился другой голос. — Ты должен быть тверд с ними. Мне нужно идти. Да, теперь этот, как его, редкая разновидность: ты держишь его в надежном месте?

— Да, безусловно, сэр. Заперт в этом шкафу.

— Хм... лучше бы перенести его ко мне.

— Вряд ли это нужно, — возразил голос Хоу. — Видите замок на двери? Он вполне надежен.

Прозвучали слова прощания, и Виллис замолк. Фрэнк в ярости что-то бормотал себе под нос.

VI

ПОБЕГ

Джим взял его за плечо:

— Очнись и помоги мне. Я уже опаздываю.

Фрэнк вкрадчиво произнес:

— Интересно, а как он перенес бы зиму в Чараксе? Может быть, ему нравится сидеть в помещении одиннадцать или двенадцать месяцев подряд — или выходить на улицу, когда там минус сто.

— Верно, верно, — согласился Джим, — но помоги же мне.

Фрэнк внезапно повернулся, снял с вешалки прогулочный костюм Джима и бросил ему. Затем он взял свой и начал быстро надевать его. Джим удивился.

— Эй, что ты делаешь?

— Я пойду с тобой.

— Как?

— Ты думаешь, что я буду сидеть здесь и готовить уроки, когда некто задумал мошенническим образом вынудить мою мать переносить полярную зиму? Мою собственную мать? У нее плохое сердце, это убьет ее.

Он отвернулся и начал вытаскивать вещи из шкафа.

— Давай поторопимся.

Поколебавшись, Джим сказал:

— Да, Фрэнк, но как же твои планы? Если ты сейчас бросишь колледж, то никогда не станешь космолетчиком.

— Ну и что? Это дело важнее.

— Я один смогу предупредить всех об их замыслах не хуже, чем если нас будет двое.

— Повторяю тебе, вопрос решен.

— Хорошо. Я только хотел убедиться, что ты отдаешь себе отчет. Пошли.

Джим влез в свой костюм, застегнул его, подтянул ремни и начал собирать вещи. Ему пришлось отказаться от значительной их части, так как он хотел, чтобы Виллис путешествовал в его сумке.

Он подхватил Виллиса.

— Послушай, парень, — сказал он, — мы собираемся домой. Я хочу, чтобы ты сидел внутри, где тепло и хорошо.

— Виллис пойдет гулять?

— Виллис пойдет гулять. Но я хочу, чтобы ты оставался внутри и не говорил ни слова до тех пор, пока я тебя не достану. Понял?

— Виллис не говорит?

— Виллис совсем не говорит, до тех пор, пока Джим его не достанет.

— Хорошо, Джим, — Виллис подумал немного и добавил: — Виллис играет музыку?

— Нет! Ни звука, ни слова. Никакой музыки. Виллис свернется и так и останется.

— Хорошо, Джим, — ответил Виллис обиженно и мгновенно превратился в гладкий шар. Джим опустил его в сумку и застегнул ее.

— Пошли, — сказал Фрэнк. — Надо найти Смитти, забрать наши пистолеты и двигаться.

— Солнца не будет еще почти целый час.

— Мы должны рискнуть. Послушай, сколько у тебя денег?

— Немного. А что?

— Плата за проезд домой, дубина.

— Ох...

Джим был так занят другими заботами, что просто не подумал о том, что за билет надо платить. В колледж они, естественно, доехали бесплатно, но эта их неурочная поездка не была санкционирована, следовательно, требовались наличные.

Они объединили свои сбережения — не хватало даже на один билет и было много меньше, чем нужно на два.

— Что нам делать? — спросил Джим.

— Недостающие возьмем у Смитти.

— Как?

— Добудем. Пошли.

— Не забудь про свои коньки.

Смёзи, благодаря личному обаянию, жил в комнате один.

Когда они встряхнули его, он быстро проснулся и сказал:

— Хорошо, командир, я приду незаметно.

— Смитти, — сказал Джим, — мы хотим взять наши... нам нужны те свертки.

— Я не работаю ночью. Заходите утром.

— Они нам нужны сейчас.

Смёзи вылез из постели.

— Естественно, ночные услуги оплачиваются дополнительно.

Он встал на свою койку, снял с вентиляционной трубы решетку, залез глубоко внутрь и вытащил завернутые пистолеты.

Джим и Фрэнк разорвали обертку и пристегнули пистолеты к ремням. Смёзи, подняв брови, наблюдал за ними. Фрэнк добавил:

— Нам нужны деньги, — и сказал сколько.

— Почему пришли ко мне?

— Потому что я знаю, что у тебя есть.

— Вот как? А что я получу взамен? Благодарную улыбку?

— Нет.

Фрэнк достал свою логарифмическую линейку — великолепный круглый инструмент с двадцатью одной шкалой.

— Сколько дашь за это?

— Хм... шесть кредиток.

— Не валяй дурака! Моему отцу она обошлась в двадцать пять.

— Тогда восемь. Мне за нее больше десяти не дадут.

— Возьми ее в качестве залога за пятнадцать.

— Десять наличными. У меня здесь не ломбард.

Логарифмическая линейка Джима пошла еще дешевле, за ней отправились часы каждого из них, а следом менее существенные предметы по совсем низким ценам.

Наконец у них ничего не осталось, кроме коньков, и оба мальчика отклонили соответствующее предложение, хотя до искомой суммы им все еще недоставало двенадцати кредиток.

— Ты должен дать нам остальное просто под честное слово, Смитти, — сказал ему Фрэнк.

Смёзи внимательно разглядывал потолок.

— Хорошо. Принимая во внимание, какими прекрасными клиентами вы были, я могу сообщить, что я так же собираю автографы.

— Как это?

— Вы оба напишите мне общую расписку на шесть процентов в месяц.

— Согласен, — сказал Джим.

Закончив, они повернулись, чтобы уйти. Смёзи сказал:

— Мой хрустальный шар подсказывает мне, что вы, джентльмены, собираетесь исчезнуть. Но как?

— Просто выйдем и все, — ответил Джим.

— Хм... Мне кажется, вы не обратили внимания на то, что входная дверь теперь по ночам заперта. Наш друг и наставник мистер Хоу лично отпирает ее, когда появляется утром.

— Шутишь!

— Пойди, убедись сам.

Фрэнк потянул Джима за руку.

— Пошли. Вышибем ее, если понадобится.

— Зачем же так грубо? — сказал Смёзи. — Идите через кухню.

— Ты хочешь сказать, что запасной выход не заперт? — спросил Фрэнк.

— Да нет, он тоже заперт.

— Тогда оставь свои идиотские штучки.

— Мне следовало бы обидеться, — ответил Смёзи, — но я делаю скидку тому, кто это произнес. Хотя черный ход закрыт, Хоу не пришло в голову позаботиться насчет установки замка на кухонном мусоропроводе.

— На мусоропроводе?! — возмутился Джим.

— Как хотите. Это единственный путь, чтобы исчезнуть незаметно.

— Мы воспользуемся им, — решил Фрэнк. — Пошли, Джим.

— Подождите, — сказал Смёзи. — Один из вас сможет включить мусоропровод для другого, но кто сделает это для оставшегося? Он-то застрянет.

— Ах, ну да, — Фрэнк взглянул на него. — Ты.

— А что взамен?

— Черт тебя возьми, Смитти, а в лоб? Ты уже ободрал нас как липку.

Смёзи пожал плечами.

— Я разве отказываюсь? Как-никак, это я рассказал вам о мусоропроводе. Отлично, я просто внесу это в список расходов: добровольность совета, детальная информация, реклама. Кроме того, я не люблю, когда мои клиенты ссорятся с законом.

Они быстро шли в направлении большой школьной кухни. Ловкие перемещения Смёзи по коридорам свидетельствовали о давних навыках периодического несоблюдения правил. Добравшись до места, Смёзи сказал:

— Порядок, кто пойдет первым?

Джим с отвращением посмотрел на устройство. Это был встроенный одной стороной в стену металлический цилиндр размером

с бочку средней величины. Он вращался вокруг своей главной оси с помощью вмонтированного в стену рычага. Имеющееся в нем большое отверстие позволяло находившимся в помещении складывать туда отбросы, которые впоследствии удалялись наружу, не нарушая герметичности жилища, — это была простейшая разновидность пневматического замка. Внутренности цилиндра красноречиво указывали на его постоянное использование по прямому назначению.

— Я пойду первым, — решился он и надел на лицо респиратор.

— Подожди, — сказал Фрэнк.

Он разглядывал разложенные по кухонным полкам консервы. Он выбросил из сумки лишнюю одежду, а на ее место начал укладывать банки.

— Скорее, — торопил Смёзи, — я хочу вернуться в постель еще до подъема.

— Зачем это? — обратился Джим к Фрэнку, — через несколько часов мы будем дома.

— На всякий случай. Я готов.

Джим забрался в мусоропровод, подтянул колени и прижал к груди свою сумку. Цилиндр повернулся, он ощутил внезапный перепад давления и жуткий холодный сквозняк. В следующий момент он уже поднимался с поверхности аллеи позади школы.

Заскрежетав, цилиндр вернулся в исходное положение, и через секунду Фрэнк приземлился рядом.

Джим помог ему подняться.

— Ну и вид у тебя, парень! — сказал он, касаясь остатков картофельного пюре, которые прилипли к костюму его приятеля.

— У тебя тоже, но сейчас нет времени заботиться об этом. Чертовский холод, однако!

— Скоро потеплеет. Пошли.

Розовое зарево восходящего солнца уже подсвечивало восточный край неба, но воздух был еще по-ночному холоден. Они торопливо зашагали по аллее к находящейся за колледжем улице, а затем повернули направо. Эта часть города имела абсолютно домашний вид и могла бы сойти за город на Аляске или в Норвегии, но вдали, на фоне светлеющего неба вырисовывались четкие контуры древних башен Малого Сёртиса, демонстрируя всю иллюзорность ее земного облика.

Они подошли, как и намеревались, к притоку канала и присели, чтобы надеть коньки. С 22-дюймовыми острыми, как бритва, лезвиями, они предназначались исключительно для скоростного бега. Джим управился первым и спустился на лед.

— Надо спешить, — сказал он, — я чуть не отморозил себе зад.

— Ты еще мне будешь рассказывать!

— Этот лед такой твердый, что почти не скользит.

Фрэнк присоединился к нему, они взяли свои сумки и покатились. Через несколько сот ярдов приток влился в Большой Городской Канал, они свернули на него и, набрав скорость, покатились к стоянке скутеров. Несмотря на быстрый бег, их трясло от холода, когда они добрались до нее.

Они вошли сквозь пневматическую дверь. Дежурство нес все тот же единственный служащий. Он поднял глаза, и Фрэнк подошел к нему.

— Сегодня есть скутер на Южную колонию?

— Примерно через двадцать минут, — сказал клерк. — Вы хотите отослать эти сумки?

— Нет, нам нужны билеты, — Фрэнк протянул их объединенный капитал.

Клерк молча оформил бумаги. Джим издал вздох облегчения — скутеры до Колонии ходили не каждый день. Вероятная ситуация, при которой им пришлось бы скрываться в течение дня или даже дольше, а затем пытаться улизнуть, избегая возможной встречи с Хоу, приводила его в уныние.

Они уселись в глубине помещения и стали ждать. Вскоре Джим спросил:

— Фрэнк, Деймос взошел?

— Я не видел. А что?

— Может, я смогу дозвониться домой.

— Нет денег.

— Я закажу с оплатой переводом.

Он направился к кабинке, находившейся напротив рабочего стола клерка, тот поднял голову, но ничего не сказал. Войдя, он соединился с оператором. Подсознательно Джим опасался сообщать что-либо своему отцу даже после того, как Виллис выдал секрет так называемой «антимиграционной политики».

Экран засветился, и на нем появилась симпатичная девушка с модной полосатой шевелюрой.

— Соедините меня с Южной колонией, — сказал Джим.

— Связь появится ближе к полудню, — сообщила она. — Может быть, запишите сообщение на пленку?

Это был тупик: такие сообщения не принимались к оплате переводом.

— Нет, спасибо, я позвоню позже, — соврал он и отключился.

Клерк уже стучал по двери кабины.

— Водитель ждет вас, — сказал он Джиму.

Джим поспешно нацепил респиратор и, миновав пневматическую дверь, побежал за Фрэнком. Водитель закрывал багажное отделение скутера. Он взял билеты, и оба мальчика поднялись на борт. Они

снова оказались единственными пассажирами и забрались в верхний салон.

Десять минут спустя, устав лицезреть восходящее Солнце, Джим заявил:

— Хочется спать. Пойду вниз, пожалуй.

— А я попрошу водителя включить радио, — сказал Фрэнк.

— Да ну его к черту. Мы оба провели бессонную ночь. Пошли.

— Ну ладно.

Они спустились в нижний салон, нашли себе по койке и залезли в них. Через несколько минут оба храпели.

Отправившись из Малого Сёртиса на рассвете, скутер опережал дневную оттепель, поэтому остановка в Гесперидуме не требовалась. Он продолжал двигаться на юг и к полудню достиг Цинии. Была глубокая осень, и прочность льда к югу от Цинии не вызывала сомнений — канал Стримон оттает лишь следующей весной.

Водитель радовался, что идет по расписанию. Когда к концу утра поднялся Деймос, он расслабился и включил радио. То, что он услышал, заставило его быстро осмотреть своих пассажиров. Они все еще спали, и он решил ничего не предпринимать до тех пор, пока не доберется до станции «Циния».

По прибытии он поспешил внутрь. Остановка скутера разбудила Джима с Фрэнком, но вылезать они не стали.

Вскоре водитель вернулся и сказал:

— Обеденный перерыв. Все на выход.

— Мы не голодны, — ответил Фрэнк.

Вид у водителя был растерянный.

— Все равно лучше выйти, — настаивал он. — Когда машина стоит, в ней здорово холодает.

— Ну и пусть, — Фрэнк собирался вытащить банку каких-нибудь консервов, как только водитель уйдет, — желудок давал знать, что со вчерашнего ужина до полудня прошло немало времени.

— В чем проблемы? — спросил водитель. — Денег нет?

Что-то в выражении их лиц побудило его сказать:

— Каждому по сэндвичу, за мой счет.

Фрэнк отказался, но вмешался Джим.

— Не дури, Фрэнк. Спасибо, сэр. Мы согласны.

Джордж, агент-смотритель и мастер на все руки на станции «Циния», задумчиво посмотрел на них и молча выдал по сэндвичу. Водитель мгновенно проглотил свою еду. Увидев, что он встал, ребята тоже поднялись.

— Не торопитесь, — сказал он им. — У меня еще на двадцать-тридцать минут работы; загрузка и проверка.

— Мы можем вам чем-нибудь помочь? — спросил Джим.

— Неа. Будете только мешать. Я позову вас, когда все будет готово!

— Ладно. Спасибо за сэндвичи.

— Не за что.

Он вышел. Менее чем через десять минут их уши уловили слабый звук отъезжающего скутера. Ошеломленный Фрэнк ринулся к окну наблюдения за транспортом. Машина была уже готова исчезнуть за южным горизонтом. Фрэнк повернулся к смотрителю.

— Эй, он нас не подождал!

— Неа.

— Но он сказал, что позовет нас.

— Ага, — смотритель возобновил чтение.

— Но... но почему? — настаивал Фрэнк. — Он же просил нас подождать.

Смотритель отложил свою газету:

— Дело в том, что Клем — мирный человек, и он сказал мне, что он — не полицейский. Он сказал, что не будет принимать участие в попытке арестовать двух рослых здоровых парней с пистолетами.

— Что?!

— То, что я сказал. И не слоняйтесь здесь с этими пушками. Вы видите, я не ношу свою, — по мне, так хоть всю станцию можете разобрать на части.

Джим присоединился к стоящему у прилавка Фрэнку.

— Что все это значит? — спросил он.

— Сам не знаю. Мне известно только, что поступил сигнал с требованием задержать вас. Вы обвиняетесь в краже со взломом, прогулах, порче собственности Компании, — в общем, почти во всех грехах. Выглядит так, будто вы — пара отчаянных сорвиголов, хотя вы мало на них похожи.

— Понятно, — сказал Фрэнк задумчиво. — Ну так и что же вы в связи со всем этим собираетесь делать?

— Ничего. Совсем ничего. Не далее как завтра утром сюда прибудет специальный скутер и, я думаю, там будет достаточно людей, чтобы арестовать двух преступников. А пока делайте, что хотите. Идите гулять. Бродите по окрестностям. Когда замерзнете, возвращайтесь.

Он возобновил чтение.

— Понятно. Пошли, Джим.

Они отступили в дальний угол комнаты для проведения военного совета. Поведение смотрителя можно было легко понять. Станция «Цинния» находилась на расстоянии почти тысячи миль от ближайших поселений и являлась единственным человеческим прибежищем среди убийственного ночного холода.

Джим чуть не плакал.

— Прости, Фрэнк. Если бы я так чертовски не захотел есть, этого бы не случилось.

— Не переживай, — посоветовал ему Фрэнк. — Ты можешь себе представить, чтобы мы застрелили пару невинных людей и угнали скутер? Я — нет.

— Я — тоже. Наверное, ты прав.

— Конечно. Наша задача — решить, что нам теперь делать.

— Одно я знаю наверняка: я не позволю им притащить меня назад в колледж.

— Я тоже. И — что более важно — мы должны сообщить своим о том, что против них замышляют.

— Послушай, может, мы сумеем дозвониться до них сейчас!

— Ты думаешь, он, — Фрэнк кивнул головой в сторону смотрителя, — позволит нам?

— Может быть. А может, и нет. Но мы пока что при оружии — и в определенной ситуации я за него возьмусь.

Джим встал и подошел к смотрителю.

— Не возражаете, если мы воспользуемся вашим телефоном?

Тот даже не поднял головы.

— Нисколько. Ради Бога.

Джим зашел в кабину. Местной связи здесь не было, аппарат представлял собой обычный радиопередатчик, связанный напрямую с ретрансляционной станцией на внешнем спутнике. Информация на шкале говорила о том, что Деймос поднялся над горизонтом. Увидев это, Джим нажал кнопку и попросил соединить с Южной колонией.

Последовала непривычно долгая пауза, а затем приятный анонимный голос сообщил:

— По независящим от нас причинам, заказы с Цинии на Южную колонию не принимаются.

Джим хотел спросить, виден ли Деймос из Южной колонии, так как он знал, насколько зависима связь от линии прямой видимости на Марсе; собственно говоря, это был единственный вид связи, с которым он был знаком, — но трансляционная станция отключилась и не ответила, когда он попробовал вновь вызвать ее.

— Похоже, что Хоу нас засек, — заметил Фрэнк. — Я не верю, что нарушилась связь. Если только не...

— Если что?

— Если только за этим не стоит нечто большее. Возможно, Бичер мошеннически контролирует все посланные сообщения до тех пор, пока не осуществит свой план.

— Фрэнк, мы обязаны сообщить нашим. Послушай, я ручаюсь,

что мы сможем отсидеться в Цинии у марсиан. Они, как-никак, угощали нас водой и...

— Допустим. И что с того?

— Дай мне договорить. Мы можем отправить письмо отсюда, сообщив нашим всю информацию, а также где и как нас искать. После этого мы будем ждать, пока они не придут и не заберут нас.

Фрэнк покачал головой.

— Если мы отправим письмо отсюда, вон та каменная физиономия неизбежно узнает об этом. Затем, когда мы исчезнем, а полицейские прибудут сюда, он отдаст его им. И тогда вместо наших его получат Бичер и Хоу.

— Ты действительно так думаешь? Никто не имеет права касаться частной почты.

— Не будь слишком наивным. У Хоу не было никаких прав приказывать нам сдавать оружие — но он приказал. Нет, Джим, мы должны сообщить обо всем сами.

На противоположной стене комнаты находилась карта территории, которую обслуживала станция. Во время разговора Фрэнк лениво поглядывал на нее. Вдруг он сказал:

— Джим, что это за новая станция к югу от Цинии?

— А? Где?

— Вон там, — показал Фрэнк.

К югу от Цинии в западном рукаве Стримона на заводскую карту чернилами была нанесена какая-то станция.

— Эта? — спросил Джим. — Это, должно быть, одно из зданий для Проекта.

Генеральный план восстановления кислорода на Марсе предполагал построить в пустыне между Цинией и Чараксом ряд заводов постоянного производства. В надежде на успешное окончание испытания атмосферного завода номер один в Ливии строительство некоторых зданий было уже завершено.

— Расстояние до нее не может намного превышать сотню миль.

— Примерно сто десять, — заметил Джим, глядя на масштаб.

В глазах Фрэнка появилось лукавое выражение.

— Я думаю, что смогу его пройти дотемна. Ты рискнешь со мной?

— Что? Ты спятил? До дома останется еще более семисот миль.

— Мы можем делать более чем двести миль в день, — ответил Фрэнк. — Разве дальше нет готовых зданий?

— На карте больше нет, — Джим задумался. — Я знаю, что они построили больше одного. Я слышал, как отец говорил об этом.

— Если придется, мы можем двигаться ночью, а спать днем. Так мы не замерзнем.

— Хм... мне кажется, что ты пытаешься обмануть самого себя.

Я однажды видел человека, которого ночь застигла на улице. Он был как бревно. Ладно, когда отправляемся?

— Сейчас.

Они взяли сумки и пошли к двери. Смотритель взглянул на них и сказал:

— Идете куда-нибудь?

— Прогуляемся.

— Можете спокойно оставить сумки. Вы же вернетесь.

Не ответив, они вышли за дверь. Спустя пять минут они уже катили на ко по западному руслу Стримона.

— Эй, Джим!

— Что?

— Давай остановимся на минуту. Я хочу надеть на себя сумку.

— И я думал как раз об этом.

Дорожные сумки мешали держать равновесие, препятствовали движению рук и не давали набрать хорошую скорость. Однако коньки здесь являлись обычным способом передвижения, поэтому к сумкам были приделаны ремни, позволяющие перекинуть их за спину, наподобие ранцев. Джим раскрыл свою, прежде чем надеть; Виллис выдвинул стебельки своих глаз и укоряюще посмотрел на него.

— Джим ходит долго.

— Прости, старина.

— Виллис не говорит.

— Теперь Виллис может говорить, сколько хочет. Послушай, если я оставлю сумку чуть-чуть приоткрытой, чтобы ты мог смотреть, ты не вывалишься наружу?

— Виллис хочет наружу.

— Нельзя. Я хочу взять тебя на чудесную прогулку. Ты не выпадешь?

— Виллис не выпадет.

— О'кей.

Он надел свою сумку, и они снова устремились вперед.

Ребята набрали скорость. При наличии быстрого льда, слабого сопротивления воздуха и низкой гравитации скорость конькобежца на Марсе ограничена лишь его техническими навыками. Оба мальчика ими обладали. Виллис издал громкое «Ура!», и они начали покрывать милю за милей.

Пустынное плато между Цинией и Чараксом расположено выше, чем дно мертвого моря между Цинией и экватором. По этому склону во́ды южной полярной шапки стремились некогда через пустыню к великому зеленому поясу у экватора. В разгар зимы

шапка достигает Чаракса; начинающийся оттуда двойной Стримон является одним из важнейших каналов, по которому талые воды весной уходят на север.

Ребята начали путь из устья канала, где его стены поднимались высоко над их головами. К тому же уровень воды — вернее, уровень льда — был низок, поскольку стояла поздняя осень. Во время весеннего половодья вода поднималась намного выше. Кроме смыкающихся далеко впереди берегов канала, голубого неба позади и темно-пурпурного над головой, смотреть было не на что. Солнце оставалось сзади и чуть западнее меридиана. Оно двигалось на север к точке летнего солнцестояния. Времена года не задерживаются на Марсе так долго, как это бывает на Земле, здесь нет океанов, чтобы сохранять тепло, и единственный «маховик» климата — это замерзание и таянье полярных шапок.

Поскольку смотреть было не на что, ребята, нагнув головы и размахивая руками, сосредоточились на скольжении.

Много миль монотонного движения притупили внимание Джима; мысок его правого конька зацепился за что-то на льду. Он упал. Костюм предохранил его от обморожения об лед, к тому же он знал, как надо падать, но Виллис выскочил из сумки, как пробка из бутылки. Инстинктивно попрыгунчик за долю секунды втянул в себя все выступы. Подобно мячу он ударился об лед и покатился, остановившись только через несколько сотен ярдов. Увидев, что Джим свалился, Фрэнк затормозил хоккейным приемом, создав целый фонтан ледяных брызг, и вернулся, чтобы помочь Джиму подняться.

— Ты в порядке?

— Да. Где *Виллис*?

Они покатились вперед и увидели попрыгунчика, который стоял на крошечных ножках и ждал их.

— Эгей! — крикнул Виллис, когда они оказались рядом. — Давай еще раз так!

— Ну нет, насколько это в моих силах, — заверил Джим и вновь засунул его в сумку. — Послушай, Фрэнк, сколько времени мы уже путешествуем?

— Не больше трех часов, — решил Фрэнк, взглянув на Солнце.

— Жаль, что у меня нет часов, — пожаловался Джим. — Мне не хотелось бы проскочить мимо станции.

— Ну, до нее еще по меньшей мере два часа.

— Но как мы вовремя ее заметим? Из-за этих берегов ничего не видно.

— Хочешь повернуть назад?

— Нет.

— Тогда перестань ныть.

Джим умолк, но не успокоился. Возможно, что только благодаря этому он не пропустил единственный признак присутствия станции, когда они подъехали к ней, тогда как Фрэнк промчался мимо. Это был обычный береговой откос. Такие откосы — ровесники самого канала — попадались через каждые несколько минут, но этот имел над собой консольный брус, подобный тем, что используются для поддержки флагштока. Джим распознал в нем земную работу.

Он остановился. Фрэнк уехал вперед, но вскоре заметил, что Джима сзади нет, и вернулся.

— В чем дело? — крикнул он.

— Я думаю, что это она.

— Хм... возможно.

Они сняли коньки и вскарабкались по откосу. Наверху, недалеко от берега находилось одно из похожих на пузырь зданий, которые по всему Марсу являются признаком земных пришельцев. За ним был заложен фундамент восстановительного завода. Джим издал вздох облегчения. Фрэнк кивнул и сказал:

— Как раз там, где ожидали ее найти.

— И едва успели, — добавил Джим.

Солнце находилось уже далеко на западе у самого горизонта, и было видно, как оно опускается все ниже.

В помещении, естественно, никого не было; на этой широте возможность возобновить работу появится только весной. Давление не поддерживалось, они просто открыли входную дверь и прошли внутрь. Фрэнк нащупал выключатель и зажег свет: светящееся кольцо получало энергию от атомного блока питания и не требовало постоянного присутствия человека.

Помещение было предельно просто оборудовано: по всему его периметру, за исключением отсека для кухни, шел сплошной ряд коек. Фрэнк удовлетворенно посмотрел вокруг.

— Похоже, что мы нашли новый дом, Джим.

— Угу.

Джим осмотрелся, увидел термостат и нажал кнопку. Температура стала подниматься под аккомпанемент слабого шипения, поскольку прилаженный к термостату регулятор давления включил комнатный компрессор. Спустя несколько минут ребята смогли снять маски, а затем и прогулочные костюмы.

Джим пошуровал в кухонном отсеке, открывая шкафы и заглядывая на полки.

— Нашел что-нибудь? — спросил Фрэнк.

— Ничего. Оставили бы хоть банку фасоли.

— Может быть, теперь ты оценишь мой шмон на школьной кухне перед уходом. Ужин через пять минут.

— Признаю, у тебя талант настоящего жулика, — согласился Джим, — честь тебе и слава.

Он приоткрыл водопроводный кран.

— В баке полно воды, — заявил он.

— Хорошо! — ответил Фрэнк. — Это избавляет меня от необходимости спускаться вниз за льдом. Я должен наполнить свою маску. Последние несколько миль она была совсем сухая.

Форма марсианской маски напоминает высокий колпак: в ней необходимо разместить не только маленький компрессор вместе с блоком питания, но и небольшой резервуар для воды. Имеющаяся в маске трубка позволяет носящему ее утолять жажду во время прогулки, но это — лишь второстепенная функция. Основной смысл наличия в маске воды — увлажнять фильтр, через который проходит воздух, прежде чем попасть в нос надевшего маску человека.

— Вот как? Тебе следовало бы хорошенько подумать, прежде чем выпивать все до конца.

— Я забыл наполнить ее перед отъездом.

— Турист!

— Ты же знаешь, что мы спешили.

— И как долго ты был без воды?

— Я точно не знаю, — уклончиво ответил Фрэнк.

— Что с твоим горлом?

— В порядке. Может, чуть-чуть сухое.

— Дай мне посмотреть, — настаивал Джим, подходя ближе. Фрэнк оттолкнул его.

— Я говорю тебе, что все в порядке. Пошли есть.

— Ну хорошо.

Они поужинали мелконарезанной консервированной солониной и тут же легли спать. Виллис устроился у Джима под боком и воспроизводил его храп.

На завтрак ели то же самое, поскольку часть солонины осталась с вечера, а Фрэнк настаивал на том, что ничто не должно пропасть. Виллис завтракать не стал, так как прошлый раз ел всего две недели назад, зато выпил почти кварту воды. Они уже были готовы уйти, когда Джим поднял электрический фонарик.

— Смотри, что я нашел.

— Отлично. Клади его на место и пойдем.

— Я хочу взять его, — ответил Джим, запихивая его в свою сумку. — Он может нам понадобиться.

— Вряд ли, к тому же он не твой.

— Побойся Бога, я не ворую, я беру его взаймы, в обстоятельствах крайней необходимости.

Фрэнк пожал плечами.

— Ладно. Пошли.

Несколько минут спустя они вновь неслись по льду на юг. День был прекрасен, как почти все марсианские дни. Когда Солнце поднялось достаточно высоко для того, чтобы его лучи проникли в глубь русла канала, стало почти тепло, несмотря на глубокую осень. Около полудня Фрэнк заметил брус мачты, подсказавший местонахождение еще одного здания для Проекта, и они смогли пообедать внутри него, что избавило их от утомительной, неопрятной и неприятной процедуры, связанной с попытками приема пищи через ротовой клапан респираторной маски. Здание было близнецом предыдущего с той только разницей, что фундамент для прилегающего завода еще не был заложен.

Они уже собрались покинуть помещение, когда Джим сказал:

— Похоже, что ты покраснел, Фрэнк. У тебя жар?

— Это просто избыток здоровья, — заупрямился Фрэнк. — Чувствую себя отлично.

Он закашлялся и надел маску. «Марсианская ангина», — подумал Джим, однако ничего не сказал, так как помочь Фрэнку ничем не мог.

Марсианская ангина — это не болезнь в точном смысле слова, это просто состояние чрезвычайной сухости в носоглотке, которое является следствием прямого воздействия марсианского воздуха. Влажность атмосферы на Марсе обычно почти равна нулю. Обезвоженное горло становится благодатным местом для любых находящихся в нем болезнетворных микроорганизмов. Обычный результат — тяжелая форма ангины.

Вторая половина дня прошла спокойно. Когда Солнце начало клониться к горизонту, вероятное расстояние до дома едва ли существенно превышало пятьсот миль. Все это время Джим внимательно следил за Фрэнком. Его приятель, казалось, двигался так же легко, как всегда; возможно, подумал Джим, тот кашель был просто ложной тревогой. Он подъехал к Фрэнку.

— Думаю, пора начать поиски станции.

— Согласен.

Вскоре они миновали еще один откос, сооруженный давно умершими марсианами, но ни мачты с перекладиной, ни какого-либо другого признака человеческой деятельности они не обнаружили. Берега, хотя и ставшие заметно ниже, все же были еще слишком высоки, чтобы смотреть поверх. Джим слегка ускорил шаг; они торопились.

Подъехали к следующему откосу, но вновь никаких признаков того, что здание может находиться непосредственно наверху. Джим остановился.

— Хочу предложить подняться и посмотреть, что там на бере-

гу, — сказал он. — Мы знаем, что они ставят здания рядом с откосами, и они могли по какой-либо причине снять мачту.

— Мы просто зря потратим драгоценное время, — возразил Фрэнк. — Если мы поспешим, то еще засветло успеем добраться до следующего откоса.

— Ну, если ты так думаешь... — Джим набрал скорость.

Следующий откос выглядел точно так же. Джим вновь остановился.

— Давай посмотрим, — попросил он. — Похоже, что стемнеет раньше, чем мы успеем добраться еще до одного.

— Ладно.

Фрэнк нагнулся и начал стаскивать с себя коньки.

Они быстро вскарабкались на берег. В свете косых лучей заходящего солнца не видно было ничего, за исключением растущей вдоль канала марсианской флоры.

Джим готов был зарыдать от крайней усталости и разочарования.

— Что же нам теперь делать? — спросил он.

— Спускаться вниз и двигаться вперед, пока не найдем, — ответил Фрэнк.

— Я не думаю, что мы сумеем разглядеть в темноте мачту с брусом.

— Тогда покатим дальше, — мрачно сказал Фрэнк. — До тех пор, пока не рухнем вниз лицом.

— Мы раньше успеем замерзнуть.

— Если тебя интересует мое мнение, — ответил Фрэнк, — то я думаю, что дело дрянь. Я не смогу двигаться ночь напролет, даже если мы не замерзнем.

— Плохо себя чувствуешь?

— Мягко говоря. Пошли.

— Хорошо.

Виллис выбрался из сумки и устроился на плече у Джима, чтобы лучше видеть. Вдруг он прыгнул вниз и покатился прочь. Джим попытался схватить его, но не успел.

— Эй! Виллис! Иди сюда!

Виллис не отвечал. С трудом продвигаясь вперед, Джим побежал следом. Среди дня — в обычное для прогулок время — он бы легко прошел под растениями, но в предвечерние часы бóльшая их часть опускалась к самой земле, готовая втянуться на ночь в почву. Некоторые из наименее морозоустойчивых растений уже сделали это, оставив после себя лишь клочки голой земли.

Казалось, растительность нисколько не мешала Виллису, доставляя, однако, серьезные трудности Джиму; он не мог поймать маленького негодяя. Фрэнк крикнул:

— Берегись водянщиков! Смотри под ноги!

Услышав это, Джим стал передвигаться осторожнее — и еще медленнее. Он остановился.

— Виллис! Эй, Виллис! Иди сюда! Иди сюда, черт тебя побери, или мы уйдем и бросим тебя.

Это была абсолютно пустая угроза. Шумно продираясь сквозь заросли, подошел Фрэнк:

— Мы не можем торчать здесь, Джим.

— Догадываюсь. Кто же знал, что он выкинет такой номер в самое неподходящее время?

— Он просто совсем очумел. Пойдем.

Издалека до них донесся голос Виллиса — точнее голос Джима в исполнении Виллиса:

— Джим! Эй, Джим! Иди сюда!

Джим начал продираться через скручивающиеся листья. Фрэнк шел следом. Они увидели попрыгунчика на краю огромного растения — пустынной капусты, имеющей добрых пятьдесят ярдов в поперечнике. Пустынную капусту трудно встретить рядом с каналом. Это вид сорняка, который не растет на зеленом дне моря в низких широтах, зато его можно найти в пустыне на расстоянии многих миль от воды.

Обращенная к западу сторона растения все еще стелилась по земле полукруглым веером, тогда как его вторая половина почти вертикально торчала, жадно поглощая своими плоскими листьями солнечные лучи, поддерживающие жизненно необходимый для растений процесс фотосинтеза. Будучи морозоустойчивым, это растение не закрывается до полного захода Солнца и вообще не втягивается в почву. Вместо этого оно сворачивается в плотный шар, таким образом защищая себя от холода, и, в то же время, становится похожим на одноименное земное растение.

Виллис сидел у края той его стороны, которая стелилась по земле. Джим подошел к нему.

Виллис вскочил на лист пустынной капусты и покатился к ее центру. Джим остановился и сказал:

— Виллис, черт тебя побери, иди сюда. Иди сюда, пожалуйста.

— Не ходи к нему, — предостерег Фрэнк. — Эта штуковина может сомкнуться над тобой. Солнце почти зашло.

— Не пойду. Виллис! Иди сюда!

— Иди сюда, Джим, — отозвался Виллис.

— Нет, ты иди сюда.

— Джим, иди сюда. Фрэнк, иди сюда. Там холодно. Здесь тепло.

— Что делать, Фрэнк?

Виллис позвал опять:

— Иди, Джим. Тепло! Тепло всю ночь.

Джим задумался.

— Знаешь что, Фрэнк? Мне кажется, он хочет, чтобы эта штука сомкнулась над ним. И он хочет, чтобы мы присоединились к нему.

— Похоже на то.

— Иди, Джим! Иди, Фрэнк! — настаивал Виллис. — Скорее!

— Возможно, он знает, что делает, — добавил Фрэнк. — Как говорит док, у него есть инстинкт марсианина, а у нас нету.

— Но если мы залезем внутрь капусты, она нас раздавит.

— Может быть.

— В любом случае, мы задохнемся.

— Вероятно.

Внезапно Фрэнк добавил:

— Поступай, как знаешь, Джим, я дальше идти не могу.

Он шагнул на широкий лист, вздрогнувший от прикосновения, — и медленно побрел к попрыгунчику. Секунду Джим смотрел на них, а затем бросился следом.

Виллис восторженно их приветствовал:

— Фрэнк — хороший! Джим — хороший! Здесь тепло и хорошо всю ночь.

Солнце медленно исчезало за дальней дюной. Порыв ветра повеял на них вечерним холодом. Дальние края листьев поднялись и начали скручиваться.

— Мы еще можем выбраться отсюда, если прыгнем, — испуганно сказал Джим.

— Я остаюсь. — Фрэнк, тем не менее, с тревогой следил за приближающимися листьями.

— Мы задохнемся.

— Возможно. Замерзнуть еще хуже.

Внутренние листья скручивались быстрее внешних. Один из них, достигавший в ширину четырех футов и не менее десяти в длину, поднялся вверх позади Джима и начал скручиваться, пока не коснулся его плеча. Джим нервно оттолкнул его. Лист дернулся было назад, но затем вновь медленно двинулся к нему.

— Фрэнк, — завопил Джим, — они удавят нас!

Фрэнк тревожно смотрел на широкие листья, теперь смыкавшиеся везде вокруг них.

— Джим, — сказал он, — садись. Широко расставь ноги, потом возьми меня за руки, и мы сделаем арку.

— Зачем?

— Чтобы занять как можно больше места. Скорее!

Джим поспешил. Выставив локти и колени, они сумели образовать нечто вроде неровного шара, примерно пяти футов в поперечнике и чуть меньшей высоты.

Листья сомкнулись, казалось, ощупали их и охватили плотным

кольцом, давление которого, однако, не было настолько сильным, чтобы преодолеть сопротивление человеческих мускулов. Вскоре исчезли последние просветы между листьями, и они оказались в полной темноте.

— Фрэнк, — позвал Джим, — а теперь мы можем шевелиться?

— Нет! Дай возможность внешним листьям занять свое место.

Довольно долго Джим сидел тихо. Он знал, что прошло немало времени, поскольку успел досчитать до тысячи. Уже пошла вторая, когда Виллис шевельнулся где-то между его ног.

— Джим, Фрэнк, тепло, хорошо, да?

— Да, Виллис, — согласился он. — Как дела, Фрэнк?

— Думаю, теперь можно расслабиться.

Фрэнк опустил руки. Находящийся непосредственно над головой внутренний лист немедленно начал скручиваться и коснулся его. Он инстинктивно отмахнулся — лист вернулся на прежнее место.

— Уже становится душно, — сказал Джим.

— Не волнуйся, все в порядке. Дыши неглубоко, не разговаривай, не двигайся и тогда ты истратишь меньше кислорода.

— Какая разница, задохнемся мы через десять минут или через час? Мы сделали глупость, Фрэнк; как ни крути, а до утра мы не дотянем.

— Ну почему же? Я читал в одной книжке, что в Индии были люди, которые давали закопать себя в землю на дни и даже недели, и когда их откапывали, они еще были живы. Их называли «факиры».

— Мошенники, а не «факиры»! Я в это не верю.

— Говорю тебе, я читал об этом в книжке.

— Ты что, думаешь, что все, напечатанное в книжках, — правда?

Фрэнк ответил не сразу.

— Лучше, чтобы там написали правду, потому что это наш единственный шанс. А теперь помолчи, пожалуйста. Если ты и дальше будешь болтать, то израсходуешь весь воздух, и по твоей милости мы оба задохнемся.

Джим умолк. Единственным доносившимся до него звуком было дыхание Фрэнка. Он протянул руку и коснулся Виллиса — попрыгунчик втянул все свои стебельки. Теперь это был гладкий шар, видимо, погруженный в сон.

Дыхание Фрэнка вскоре перешло в тяжелый храп. Джим попробовал заснуть, но не смог. Полная тьма и все возрастающая спёртость воздуха огромной тяжестью давили на него. Он опять пожалел о своих часах, утраченных благодаря коммерческому таланту Смёзи. Если бы только знать, который теперь час и сколько осталось до рассвета — он чувствовал, что смог бы вытерпеть все это.

Постепенно он убедился, что ночь прошла — или почти прошла. Он ждал теперь зарю — одновременно с ее приходом должно было раскрыться гигантское растение.

Он ждал этого «в любой момент» в течение, как он определил, по крайней мере, двух часов, и в конце концов начал паниковать. Он знал, что уже поздняя осень; он также знал, что пустынная капуста на весь зимний период сворачивается шаром. Очевидно, их с Фрэнком постигла грандиозная неудача: они нашли приют в капусте в ту самую ночь, когда она окончательно закрылась на зиму.

Через долгих двенадцать месяцев, более чем через триста дней, растение раскроется навстречу весеннему Солнцу и освободит их — мертвых. Он был уверен в этом.

Он вспомнил о фонарике, подобранном в первом из найденных ими зданий для Проекта. Эта мысль показалось ему занятной, и он временно отвлекся от своих страхов. Он нагнулся, протянул руки за спину и попытался добраться до сумки, по-прежнему висевшей за плечами.

Листья над ним сомкнулись, ударом он заставил их вернуться на место. Он сумел нащупать фонарь, вытащил его и включил. Луч света ярко осветил тесное пространство. Фрэнк прекратил храпеть, моргнул и сказал:

— Что случилось?

— Я просто вспомнил о нем. Хорошо, что я захватил его, да?

— Лучше погаси его и ложись спать.

— Он не расходует кислород, а я так чувствую себя спокойнее.

— Может, ты и чувствуешь, но ты расходуешь больше кислорода, если не спишь.

— Возможно.

Внезапно Джим вспомнил о том, что пугало его до того, как он включил фонарь.

— Это не имеет значения.

Он изложил Фрэнку свои соображения о том, что они обречены навсегда остаться в этом растении.

— Чушь! — сказал Фрэнк.

— Сам ты чушь! Почему же тогда оно не раскрылось на рассвете?

— Потому что, — сказал Фрэнк, — мы здесь не больше часа.

— Что?

— Не больше часа. А теперь замолкни и дай мне поспать. И хорошо бы ты погасил фонарик.

Фрэнк снова положил голову на колени. Джим умолк, но свет выключать не стал. Так ему было спокойнее, а кроме того, те листья, которые постоянно стремились сомкнуться у них на макуш-

ке, теперь отодвинулись и расправились, плотно прижавшись к внутренней стороне следующего слоя листьев. Повинуясь присущему растениям бессознательному рефлексу, они сделали все, чтобы возможно большая часть их поверхности воспринимала свет фонаря.

Джим не стал предаваться размышлениям на эту тему, его сведения о фотосинтезе и гелиотропизме были весьма скудны. Он просто заметил, что при свете фонаря пространство вокруг них — как ему казалось — увеличивалось, и что скручиванье листьев стало доставлять куда меньше забот. Он прислонил фонарь к Виллису, который даже не шевельнулся, и попробовал расслабиться.

Похоже, что при включенном свете стало менее душно, и у него возникло ощущение, будто давление немного возросло. Он подумывал уже снять свою маску, но решил не делать этого. Вскоре, сам того не заметив, он задремал.

Он спал и ему снилось, что он спит. Ночевка в пустынной капусте была только невозможным, фантастическим сном; колледж и директор Хоу — это просто кошмар; он дома, спит в своей постели, а Виллис прижался к нему. Завтра они с Фрэнком отправятся на Малый Сёртис учиться в колледже.

Это был всего лишь кошмар, возникший потому, что он представил, будто кто-то отобрал у него Виллиса. Они собирались отнять у него Виллиса! Они не могут так поступить, он не допустит этого!

Опять новый сон, опять он не подчиняется директору Хоу, опять освобождает Виллиса и убегает — и опять они сидят в середине закрывшегося пустынного растения.

С горькой уверенностью он знал, что все сны закончатся именно так, ибо такова была реальность — быть пойманными и удушенными в сердцевине свернувшегося на зиму гигантского сорняка — здесь предстояло умереть.

Он кашлянул и забормотал что-то, попытался проснуться и погрузился в менее мучительный сон.

VII

ПОГОНЯ

Крошечный Фобос — внутренняя марсианская луна — вынырнул из-за горизонта и с бешеной скоростью понесся с запада на восток, навстречу своему красному хозяину — просыпающемуся Марсу. Благодаря его неторопливому вращению — двадцать четыре с половиной часа на каждый оборот — вскоре омылся солнечными лучами восточный Стримон; а затем, миновав

полосу пустынной земли между двумя руслами канала, добрались они и до берегов Стримона западного. Вот они скользнули по огромному шару, пристроившемуся около восточного берега канала — пустынной капусте, свернувшейся от холода.

Растение шевельнулось и расправилось. Его освещенная Солнцем сторона распласталась по земле, а другая расправилась веером, наподобие павлиньего хвоста, ловя почти горизонтальные лучи. В этот момент из самой ее середины на распластанные листья выпали два измятых и негнущихся человеческих тела, наряженные в блестящие эластичные костюмы и нелепые шлемы.

Вместе с ними выпал маленький мячик, который выкатился на несколько ярдов на край толстых зеленых листьев и остановился. Он выдвинул стебельки глаз и небольшие опорные выступы, а затем, переваливаясь с боку на бок, двинулся к лежащим телам и потерся об одно из них.

Он помедлил, потерся опять, затем откатился назад и издал слабый вопль, в котором слились безутешное горе и ужас утраты.

Джим открыл налитый кровью глаз:

— Кончай этот адский вой, — сказал он сердито.

— Джим! — пискнул Виллис и прыгнул к нему на живот, где продолжал подскакивать в радостном экстазе.

Джим скинул его с себя, а затем поднял одной рукой.

— Успокойся. Веди себя как следует. О-ох!

— Что случилось, Джим?

— Рука затекла. О-о-ох!

Новые попытки шевельнуться дали Джиму понять, что его ноги тоже затекли. А также спина. И шея.

— Что с тобой? — спросил Фрэнк.

— Весь как деревянный. Сегодня мне будет легче надеть коньки на руки. Послушай...

— Послушай что?

— Может быть, мы не поедем. Может быть, весеннее половодье уже началось?

— Что? Что ты там бормочешь?

Медленно и осторожно Фрэнк сел.

— Ну, весеннее половодье. Мы ведь как-то перезимовали, хотя я не понимаю, как. Теперь мы...

— Не прикидывайся глупее, чем ты есть. Посмотри, откуда встает Солнце.

Джим посмотрел. Марсианские колонисты следят за движением Солнца более внимательно, чем кто бы то ни было на Земле, исключая, разве что, эскимосов. Единственное, что он смог сказать, было:

— Ох...

А затем добавил:

— Я думаю, что это был сон.

— Либо так, либо ты дурее даже, чем обычно. Пошли.

Застонав, Фрэнк поднялся на ноги.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Джим.

— Как мой собственный дедушка.

— Я имею в виду твое горло, — настаивал Джим.

— С этим порядок.

Приступ кашля тут же опроверг сказанное. Не без труда Фрэнку вскоре удалось остановиться. Кашлять, когда ты в респираторе, — последнее дело. Чихать еще хуже.

— Хочешь завтракать?

— Пока нет, — ответил Фрэнк. — Давай сначала найдем станцию, чтобы поесть со всеми удобствами.

— О'кей.

Джим снова запихнул Виллиса в сумку и экспериментальным путем установил, что может стоять и ходить. Заметив фонарик, он сунул его к Виллису и вслед за Фрэнком пошел к берегу.

Растительность вдоль канала начала вылезать наружу, ноги стали запутываться. Зеленые растения, все еще не ожившие после ночного холода, не могли достаточно быстро отодвигаться в сторону, когда ребята цеплялись за них.

Они дошли до берега.

— Откос примерно в сотне ярдов направо, — решил Фрэнк. — Ага, вижу его. Пошли.

Джим схватил его за руку и потянул назад.

— Ты чего? — спросил Фрэнк.

— Посмотри вдоль канала на север.

— Ого!

К ним приближался скутер. Вместо двухсот пятидесяти или больше миль в час — скорость, с которой обычно идет такое судно, — этот полз вперед на минимальной. Сверху, прямо на его крыше, сидели два человека.

Фрэнк поспешно отпрянул.

— Джим — хороший мальчик, — сказал он одобрительно. — Я бы так и уперся в них. Думаю, надо дать им возможность уехать.

— Виллис — хороший мальчик тоже, — важно вставил Виллис.

— Уехать? Как бы не так! — ответил Джим. — Ты что, не видишь, что они делают?

— Что?

— Они идут по нашим следам!

Фрэнк удивился, но отвечать не стал. Он осторожно выглянул наружу.

— Берегись! — предостерег Джим. — У него бинокль.

Фрэнк отпрянул. Однако он видел уже достаточно; скутер остановился приблизительно в том же месте, где накануне остановились они. Один из сидевших на крыше пытался жестами объяснить что-то водителю сквозь смотровое стекло салона и показывал на откос.

Следы коньков на льду канала никем, естественно, не уничтожались; и едва ли можно было предположить, что кто-нибудь еще, кроме двух убежавших мальчиков, мог проехать по здешнему льду, так далеко от человеческого жилья в это время года. На льду, безусловно, были следы, оставленные скутерами, но, подобно всем конькобежцам, Джим и Фрэнк отдавали предпочтение нетронутой поверхности.

И теперь оставленные коньками красноречивые отметины предоставляли возможность любому проследить их путь от станции Цинния до откоса.

— Если мы убежим назад в кусты, — прошептал Джим, — мы можем прятаться, пока они не уедут. Они никогда не найдут нас здесь.

— А если они не уедут? Ты хочешь опять ночевать в капусте?

— В конце концов им придется это сделать.

— Да, но не слишком скоро. Они знают, что мы поднялись по откосу; они останутся и будут искать дольше, чем мы сможем здесь высидеть. Они могут позволить себе это, у них есть скутер.

— Хорошо, что же нам делать?

— Мы пойдем пешком вдоль берега на юг по крайней мере до следующего откоса.

— Тогда пошли. Они сейчас будут наверху.

Ребята трусцой побежали к югу, Фрэнк шел первым. Прибрежные растения поднялись уже достаточно высоко, чтобы можно было скрыться за ними; Фрэнк держался примерно в тридцати футах от берега. Полумрак под широкими листьями и стебли растений избавляли их от возможности быть замеченными издалека.

Опасаясь змеевидных червей и водянщиков, Джим поглядывал вокруг и просил Виллиса о том же. Они двигались довольно быстро. Спустя несколько минут Фрэнк остановился, приложил к губам палец, и они прислушались. Джим не услышал ничего, кроме хриплого дыхания Фрэнка; если за ними и велась погоня, то преследователи были еще далеко.

Они прошли по меньшей мере две мили к югу от откоса, когда Фрэнк резко остановился. Джим натолкнулся на него и они чуть не свалились в канал. Он шел с востока на запад и представлял собой узкий рукав главного канала. На протяжении от Цинии до Чаракса

имелось несколько таких рукавов. Некоторые из них соединяли восточное и западное русла Стримона, другие просто несли воду к близлежащим ложбинам пустынного плато.

Джим заглянул в узкую и глубокую расщелину.

— Боже мой! Мы чуть туда не нырнули.

Фрэнк не ответил. Он опустился на колени, затем сел и взялся руками за голову. Его душил внезапный приступ кашля. Когда он кончился, его плечи продолжали трястись, как будто от рыданий.

Джим взял его за руку.

— Ты ведь совсем больной, парень?

Фрэнк не ответил.

— Бедный Фрэнк, — сказал Виллис и издал неодобрительный щелчок.

Джим снова взглянул на канал и наморщил лоб. Вскоре Фрэнк поднял голову и сказал:

— Все в порядке. Это просто минутная слабость — чуть не свалились в канал, который преградил нам путь. Я так устал.

— Послушай, Фрэнк, — сказал Джим. — У меня новый план. Я пойду вдоль этой канавы на восток, до тех пор, пока не найду способ спуститься в нее. Ты пойдешь назад и сдашься...

— Нет!

— Дай мне сказать! Это разумно. Ты слишком болен, чтобы идти дальше. Если ты останешься здесь, ты умрешь. Ты сам это понимаешь. Кто-то должен рассказать обо всем нашим — это буду я. Ты вернешься, сдашься и наплетешь им о том, как я ушел тем путем — любым путем, кроме этого. Если у тебя получится хорошо, ты сможешь надуть их и заставить весь день гоняться за их собственной тенью, а я успею сделать хороший рывок. Тем временем ты отлежишься в теплом и удобном скутере, а вечером будешь уже в постели школьного изолятора. Разве все это не разумно?

— Нет.

— Почему нет? Это просто упрямство.

— Нет, — повторил Фрэнк, — я не согласен. Во-первых, я не пойду к ним. Я скорее сдохну здесь...

— Чушь!

— Сам ты чушь. Во-вторых, за один день ты не успеешь далеко от них оторваться. Как только они убедятся, что там, где я сказал, тебя нет, они просто начнут вновь прочесывать канал на скутере, и завтра тебя поймают.

— Ну... ладно, но что же тогда делать?

— Не знаю, но только не это, — он вновь закашлялся.

Несколько минут оба молчали. Наконец Джим сказал:

— А какой у них скутер?

— Обычный грузовой — Хадсон-600, я думаю. А что?

— Он сможет развернуться на этом льду?

Фрэнк взглянул на маленький канал. Его стены отвесно уходили вниз; уровень воды был так низок, что ледяная поверхность не превышала двадцати футов в ширину.

— Исключено, — ответил он.

— В таком случае они не станут прочесывать этот рукав, по крайней мере, на скутере.

— Я понял тебя, — заметил Фрэнк. — Ты предлагаешь нам перебраться на восточный Стримон и по нему добраться до дома. Но откуда ты знаешь, что этот рукав доходит дотуда? Ты что, так хорошо помнишь карту?

— Нет, не помню. Но скорее всего, он доходит. А если нет, то все равно по нему можно проехать больше, чем полпути, а остальное придется топать на своих двоих.

— Когда мы выйдем к восточному руслу, до Чаракса останется еще как минимум пятьсот миль. А на этом русле есть станции, хотя мы и прозевали одну вчера.

— Вероятность найти проектные станции на восточном русле такая же, как и на западном, — ответил Джим. — Проектные работы начнутся следующей весной на каждом из них. Я знаю — отец об этом много говорил. В любом случае мы больше не можем идти по этому руслу, они прочесывают его — так что же толочь воду в ступе? Перед нами, по сути, один вопрос: можешь ли ты встать на коньки? Если нет, то я все-таки считаю, что ты должен вернуться.

Фрэнк поднялся.

— Могу, — сказал он мрачно. — Пошли.

Они смело отправились вдоль булыжной набережной, уверенные, что их преследователи все еще продолжают обыскивать прилегающую к откосу территорию. Пройдя три-четыре мили на восток, они обнаружили откос, позволяющий спуститься на лед.

— Попробуем? — спросил Джим.

— Конечно. Даже если они пошлют сюда кого-либо на коньках, я сомневаюсь, что он заберется так далеко: ведь на льду не осталось наших следов. Я устал идти.

Они спустились вниз, надели коньки и двинулись вперед. Ходьба сгладила в памяти бóльшую часть неудобств прошедшей ночи, и было приятно вновь оказаться на льду. Джим дал возможность Фрэнку вести бег, и, несмотря на болезнь, тот взял хороший темп, оставляя позади милю за милей.

Они миновали приблизительно сорок миль, когда берега стали заметно ниже. Джим видел это, и у него возникло крайне неприятное предчувствие, что этот маленький канал не представляет собой сквозную перемычку между восточным и западным руслом, а яв-

ляется обычным стоком к какой-нибудь пустынной низине. Свои подозрения он оставил при себе. К концу следующего часа уже не было необходимости жалеть своего приятеля: истина стала очевидной для обоих. Берега теперь стали столь низкими, что появилась возможность смотреть поверх них, и ледяная полоса впереди более не сливалась с синевой неба у горизонта, но оканчивалась своеобразным тупиком.

Вскоре ребята добрались до него — это было замерзшее болото. Берега исчезли; края неровной ледяной корки упирались везде в зеленые заросли. Растущая вдоль канала трава замерзла и сухими пучками торчала там и сям из-подо льда.

Они продолжали пробираться к востоку, пользуясь, где позволяла поверхность, коньками и обходя встречающиеся на пути островки. Наконец Фрэнк объявил:

— Конечная станция! Все на выход! — и сел, чтобы снять коньки.

— Извини, Фрэнк.

— За что? Оставшуюся часть пути пройдем пешком. Это, наверняка, не так уж далеко.

Они направились сквозь окружающую их зелень, шагая так, чтобы растения успевали отпрянуть в сторону. Болотные разновидности были ниже, чем их родственники у канала. Высотой едва по плечо, они обладали существенно меньшими листьями. Пройдя пару миль по такой растительности, ребята оказались среди песчаных дюн. Передвигаться по сыпучему красному песку из окиси железа было нелегко, а дюны, на которые приходилось взбираться, либо обходить вокруг, еще более усложняли дело.

Даже когда Фрэнк шел в обход, Джим предпочитал карабкаться напрямик; он высматривал на горизонте темно-зеленую линию вдоль восточного Стримона, но пока безуспешно.

Виллис потребовал, чтобы его выпустили. Сначала он принял ванную в чистом песке, затем стал держаться немного впереди Джима, бросаясь то туда, то сюда и распугивая жучков-прядильщиков. Джим только что взобрался на дюну и смотрел вниз вдоль другого ее склона, когда услышал отчаянный писк Виллиса. Он оглянулся.

Фрэнк огибал конец дюны, и Виллис был вместе с ним, точнее, Виллис ускакал вперед. Теперь попрыгунчик замер. Фрэнк, по всей видимости, ничего не замечал; опустив голову, он беззаботно брел вперед. Готовый к броску, прямо перед ним стоял водянщик.

Расстояние было большим даже для меткого стрелка. Происходящее показалось Джиму до странности нереальным. Фрэнк будто бы примерз ногами к грунту, и водянщик сам медленно приближался к своим жертвам. Джиму казалось, что он располагает

вечностью, чтобы достать оружие, тщательно прицелиться и выпустить первый заряд.

Он зацепил чудовище, но оно продолжало идти. Джим снова навел оружие и спустил курок. Его луч, направленный точно в центр паразита, разрезал его надвое, как если бы тот натолкнулся на циркулярную пилу. Он, однако, продолжал двигаться, пока обе его, теперь отдельные, половины не упали в разные стороны, дрожа в конвульсиях. Огромная, изогнутая, как турецкий ятаган, левая клешня остановилась в нескольких дюймах от Виллиса

Джим сбежал с дюны. Фрэнк, больше не похожий на статую, теперь действительно остановился. Он стоял и, часто моргая, смотрел на то, что еще секунду назад было воплощением внезапной и отвратительной смерти. Когда подошел Джим, он обернулся и сказал: «Спасибо».

Джим не ответил и пнул подергивающуюся ногу чудовища.

— Мерзкая тварь, — сказал он напряженно. — Боже, как я их ненавижу. Хорошо бы спалить их всех разом по всему Марсу.

Он прошел вдоль туловища, определил место яйцеклада и тщательно сжег его дотла.

Виллис не шевелился и тихонько всхлипывал. Джим вернулся, подхватил его и сунул в свою походную сумку.

— Впредь нам не стоит разлучаться, — сказал он. — Если тебе не хочется карабкаться, я пойду в обход.

— Хорошо.

— Фрэнк!

— А? Что такое, Джим? — голос Фрэнка звучал вяло.

— Что ты видишь впереди?

— Впереди?

Фрэнк решительно попытался напрячь свои глаза и избавиться от застилающего их тумана.

— Так это канал, вернее, его зеленый пояс. Выходит, мы дошли.

— А что еще? Разве ты не видишь башню?

— Что? Где? А — там... Да, кажется, вижу. Да, действительно, вон башня.

— Господи, Боже мой, ты что, не понимаешь, что это значит? Марсиане!

— Ну да, наверное.

— Так порадуйся!

— Чему?

— Они пустят нас к себе, приятель! Марсиане — хорошие ребята, ты отдохнешь в тепле, прежде чем мы пойдем дальше.

Фрэнк оживился, но ничего не сказал.

— Они даже могут знать Гекко, — продолжал Джим. — Это настоящая удача.

— Весьма вероятно.

Только через час они с трудом дошли до маленького марсианского города. Он был так мал, что мог похвалиться лишь одной башней, но для Джима он казался прекраснее Большого Сёртиса. Они прошли вдоль стены и вскоре обнаружили ворота.

Хватило всего нескольких минут, чтобы надежды Джима, еще недавно столь радужные, почти полностью испарились. Даже прежде, чем он увидел заросший сорняками центральный сад, пустующие дорожки и погруженные в тишину дворы: маленький город был покинут.

Марс, очевидно, обладал некогда более многочисленным туземным населением, чем теперь. Здесь встречаются города-призраки. И даже в наиболее крупных центрах, таких как Чаракс, Большой и Малый Сёртисы, Гесперидум, есть районы, в которых давно не живут, и в которые иногда разрешают приводить туристов с Земли. Этот городок, никогда, видимо, не имевший большого значения, был покинут, возможно, еще до того, как Ной начал сооружать киль для своего корабля.

Не желая что-либо комментировать, Джим задержался на площади. Фрэнк остановился и опустился на металлическую плиту, — ее полированная поверхность блестела иероглифами, за возможность прочитать которые любой земной ученый отдал бы собственную руку.

— Что ж, — сказал Джим, — отдохни немного, а потом, я думаю, мы найдем способ спуститься к каналу.

Голос Фрэнка звучал глухо:

— Я — пас. Дальше идти не могу.

— Ну, ты уж совсем...

— Говорю тебе, Джим, это действительно так.

Джим задумался.

— Знаешь что — я поброжу тут вокруг. В таких местах под поверхностью всегда есть уйма проходов. Я подыщу нам местечко для ночлега.

— Как знаешь.

— Никуда не ходи.

Он уже готов был уйти, когда неожиданно осознал, что Виллис исчез. Он вспомнил, что, когда они вошли в город, попрыгунчик выскочил на землю.

— Виллис... где Виллис?

— Откуда я знаю?

— Я должен найти его. Виллис! Эй, Виллис! Иди сюда!

Мертвая площадь эхом откликнулась на его призыв.

— Эй, Джим!

Это был Виллис, в полном порядке, его голос донесся до Джима откуда-то издалека. Вскоре сам он появился в поле зрения. Однако, он был не один — его нес марсианин.

Марсианин подошел к ним, опустил свою третью ногу, наклонился и ровным низким голосом обратился к Джиму.

— Что он говорит, Фрэнк?

— А? Я не знаю. Скажи ему, чтобы он уходил.

Марсианин вновь заговорил. Джим перестал рассчитывать на переводческие возможности Фрэнка и сосредоточился, пытаясь разобраться самостоятельно. Он различил вопросительный сигнал в начале высказывания: фраза представляла собой то ли приглашение, то ли какое-то предложение. За ним последовал оператор движения в паре с каким-то корнем, значение которого Джиму ни о чем не говорило.

Он ответил одним вопросительным сигналом, надеясь, что туземец повторит сказанное. Вместо него ответил Виллис:

— Пойдем, Джим, — отличное место!

— Почему нет? — подумал Джим про себя и ответил:

— Хорошо, Виллис.

Марсианину он ответил сигналом общего согласия, напрягая горло, чтобы произнести неземной тройной задненебный, необходимый для этой цели. Марсианин повторил его, затем, перевернув, поднял ближайшую к ним ногу и, не оборачиваясь, быстро зашагал прочь. Он прошел примерно двадцать пять ярдов, когда, по-видимому, заметил, что за ним никто не идет. Он так же быстро вернулся и использовал общевопросительный сигнал в значении «что такое?»

— Виллис, — тревожно сказал Джим, — я хочу, чтобы он отнес Фрэнка.

— Отнес Фрэнка?

— Да, как нес его Гекко.

— Гекко не здесь. Это — К'бумч.

— Его зовут К'бумк?

— Да — К'бумч, — согласился Виллис, исправив произношение Джима.

— Хорошо. Я хочу, чтобы К'бумч отнес Фрэнка, как Гекко носил его.

Виллис и марсианин мычали и каркали какое-то время между собой, затем Виллис сказал:

— К'бумч спрашивает, Джим знает Гекко?

— Скажи ему, что мы друзья, друзья по воде.

— Виллис уже говорит ему.

— Как насчет Фрэнка?

Но оказалось, что Виллис уже сказал об этом своему новому знакомому, потому что К'бумч обхватил Фрэнка двумя ластообразными ладонями и поднял вверх. Фрэнк открыл было глаза, но тут же снова закрыл их, будто ему безразлично все, что с ним происходит. Джим побежал вприпрыжку за марсианином, задержавшись только, чтобы подхватить коньки, оставленные Фрэнком на металлической плите. Марсианин привел его в огромное здание, которое казалось внутри даже больше, чем снаружи, — так ярко были освещены стены. Марсианин не стал мешкать, а сразу пошел к проходу в дальней стене. Это был пологий спуск в туннель.

Марсиане, видимо, так и не изобрели ступеней или, что более вероятно, никогда не испытывали в них необходимости. Гравитация на поверхности Марса составляла только тридцать восемь процентов от нашей, что позволяло использовать неимоверно крутые по земным параметрам спуски. Марсианин вел Джима вниз по длинному ряду таких нисходящих коридоров.

Вскоре Джим обнаружил, что так же, как некогда под городом Циния, атмосферное давление увеличилось. С чувством огромного облегчения он снял маску; он не мог позволить себе этого вот уже более суток. Изменение давления наступило внезапно, и он понял, что движение вниз не является единственной тому причиной, как нельзя было объяснить это и уже достигнутой при спуске глубиной — явно недостаточной для столь резкой перемены.

Джим с недоумением размышлял на эту тему и в конце концов решил, что здешние пневматические замки превосходят все мыслимые конструкции.

Коридоры кончились, и они вошли в большой зал с куполообразным потолком, сквозь который лился ровный свет. Стены представляли собой ряды переходящих друг в друга арок. К'бумч остановился и вновь обратился к Джиму, упомянув в вопросе имя Гекко.

Джим покопался в памяти и старательно составил простое заявление:

— Гекко и я вместе пили воду. Мы — друзья.

Марсианин, казалось, остался доволен; он провел их в одну из боковых комнат и аккуратно положил Фрэнка на пол. Дверь позади закрылась, бесшумно скользнув на место. Для марсиан эта комната была маловата, в ней находилось несколько рам для отдыха. На одной из них К'бумч расположил свое неуклюжее тело. Внезапно Джиму стало тяжело стоять и он резко опустился на пол. Ощущение тяжести сохранялось, а вместе с ним и легкое головокружение — Джим продолжал сидеть.

— Ты в порядке, Фрэнк? — спросил он.

Фрэнк что-то пробормотал. Его дыхание было затрудненным и грубым. Джим снял с него маску и коснулся лица — оно горело.

Сейчас он ничем не мог помочь Фрэнку. Чувство тяжести по-прежнему сохранялось. Марсианин, по-видимому, не был склонен к беседам, да и Джим не стремился разговаривать — на местном языке, во всяком случае. Виллис свернулся шаром. Джим лег рядом с Фрэнком, закрыл глаза и попытался ни о чем не думать.

На мгновение он почувствовал легкость, почти как при полете, затем тяжесть опять вернулась, и он задумался о том, чем же он, собственно, заболел. Еще несколько минут он пролежал неподвижно, но вскоре его покой был нарушен туземцем, который наклонился к нему и заговорил. Он сел и обнаружил, что вновь чувствует себя прекрасно. К'бумч подхватил Фрэнка и вышел из комнаты.

Большой зал с куполообразным потолком, казалось, не изменился, но теперь в нем толпилось не меньше тридцати марсиан. Когда обремененный двумя ношами К'бумч, а следом Джим, вышли из прохода, один из них отделился от группы и шагнул вперед. Для марсианина он был слегка низковат.

— Джим-Марлоу, — сказал он, употребив звательный сигнал.

— Гекко! — закричали Джим вместе с Виллисом.

Гекко склонился над Джимом.

— Мой друг, — сказал он на своем языке, — мой маленький несчастный друг.

Он поднял Джима и понес его, остальные марсиане расступились, давая им дорогу.

Гекко быстро миновал несколько туннелей. Оглядываясь, Джим видел, что К'бумч и остальные не отставали, поэтому он решил позволить событиям идти своим чередом. Скоро Гекко свернул в средних размеров зал и опустил Джима. Фрэнка уложили рядом, он протер глаза и спросил:

— Где мы?

Джим огляделся. В комнате находилось несколько распложенных кру́гом каркасов для отдыха. Куполообразный потолок имитировал небо. На одной из стен, убедительно изображенный, куда-то стремился канал. В другом месте изогнутой стены располагался силуэт марсианского города, зубчатые башн которого парили в воздухе. Джим знал эти башни, знал, отличительной чертой какого из городов они являлись; Джим помнил и комнату.

Это была та самая комната, в которой он совершил «совместное вознесение» с Гекко и его друзьями.

— Боже мой, Фрэнк, — мы опять в Цинии.

— Как? — Фрэнк внезапно сел, ошеломленно осмотрелся, — затем снова лег и плотно закрыл глаза.

Джим не знал, плакать ему или смеяться. Все усилия! Вся их

борьба, попытки убежать и добраться до дома, храбрый отказ Фрэнка сдаться перед лицом усталости и болезни, ночь в пустынной капусте — и вот они опять здесь — не больше, чем в трех милях от станции Циния.

VIII

ИНОЙ МИР

Джим занялся домашним — вернее, больничным — хозяйством в самой маленькой из комнат, которую Гекко смог ему подыскать. Сразу после встречи было «совместное вознесение». По его окончании Джим обнаружил, что, как и в прошлый раз, его уровень владения местным языком улучшился. Он сумел объяснить Гекко, что Фрэнк болен и нуждается в покое.

Гекко предложил позаботиться о Фрэнке, но Джим отказался. Марсианская терапия может вылечить Фрэнка, но может и убить его. Вместо этого он попросил большое количество питьевой воды — теперь, когда он был «другом по воде», почти названным братом, он имел на это право; и попросил тот цветной марсианский шелк, которым они пользовались в помещении с каркасами для отдыха. Из этой материи Джим соорудил постель для Фрэнка и рядом с ней гнездышко для себя и для Виллиса. Он уложил Фрэнка, разбудил его, чтобы он смог как следует напиться, и стал ждать выздоровления своего друга.

В комнате было тепло и уютно. Джим снял свой прогулочный костюм, вытянулся и почесался. Подумав, он стянул эластичное облачение и с Фрэнка, а затем укрыл его слоем яркой разноцветной ткани. После этого, в поисках провизии, он залез в походную сумку Фрэнка. До настоящего момента он слишком устал и был слишком занят, чтобы заботиться о своем желудке; теперь от одного вида этикеток у него потекли слюнки. Он вытащил банку синтетического апельсинового сока с витаминной добавкой и банку искусственного филе из кур. Это филе было приготовлено на дрожжах в Северной колонии, но Джим привык к дрожжевому протеину, и его привкус казался ему не менее приятным, чем мясо настоящего цыпленка. Насвистывая, он достал свой нож и принялся за дело.

Виллис куда-то исчез, но Джим не скучал по нему. В его подсознании не возникала тревога о Виллисе, пока оба они находились в туземном городе; все здесь дышало атмосферой покоя и безопасности. Собственно говоря, Джим почти забыл о своем пациенте и вспомнил о нем только, когда поел и вытер рот.

Фрэнк продолжал спать, но его дыхание было хриплым, и лицо все еще горело. Хотя атмосферное давление было здесь достаточно высоким, а воздух довольно теплым, он был по-марсиански сух. Джим достал из сумки носовой платок, намочил его и положил на лицо Фрэнка. Время от времени он увлажнял его заново. Позже он достал другой платок, опустил его в воду и повязал на собственном лице.

В сопровождении Виллиса вошел Гекко.

— Джим-Марлоу, — произнес он и расположился поудобнее.

— Гекко, — ответил Джим и вновь намочил ткань на лице Фрэнка.

Марсианин долго стоял неподвижно, и Джим уже решил, что он унесся мыслями в свой «иной мир», но, когда Джим взглянул на него, глаза Гекко смотрели внимательно и заинтересованно.

После долгого ожидания он спросил у Джима, что и зачем он делает. Джим попытался объяснить, что его раса вместе с воздухом должна вдыхать воду, но его запас марсианских слов, несмотря на «совместное вознесение», не соответствовал поставленной задаче. Он замолк и последовала еще одна долгая пауза. Наконец, марсианин и Виллис ушли.

Скоро Джим заметил, что ткань на его лице, как и на лице Фрэнка, стала высыхать медленнее. Спустя еще некоторое время она совсем перестала сохнуть. Он снял ее с себя, так как ощущение было не из приятных, и решил, что у Фрэнка мокрая ткань тоже вызывает подобное чувство; тогда он вообще перестал пользоваться платками.

Вернулся Гекко. Помолчав не более десяти минут, он заговорил, тем самым продемонстрировав почти бешеную для марсианина спешку. Он спросил, стала ли влажность воздуха теперь достаточной? Джим ответил, что да и поблагодарил его. Помолчав примерно двадцать минут, Гекко вновь ушел. Джим решил лечь спать. Позади остался длинный трудный день, и предыдущую ночь едва ли можно было назвать спокойной. Он посмотрел вокруг, надеясь найти способ выключить свет, но ничего не нашел. Оставив эту мысль, он лег, натянул до подбородка многоцветную ткань и уснул.

— Эй, Джим, проснись.

Джим с трудом открыл затуманенные глаза и опять закрыл их.

— Отстань.

— Давай, очухивайся. Я уже два часа как проснулся, пока ты тут храпишь. Я хочу кое-что узнать.

— Что? Скажи, как ты себя чувствуешь?

— Я? — спросил Фрэнк. — Отлично. Почему тебя это интересует? Где мы?

Джим внимательно посмотрел на него. Цвет лица Фрэнка стал несомненно лучше, и голос звучал нормально, хрипота исчезла.

— Ты был совершенно болен вчера, — сообщил он ему. — Мне кажется, ты бредил.

Фрэнк наморщил лоб.

— Может быть. Мне, безусловно, снились отвратительные сны. Один идиотский был про пустынную капусту.

— Это был не сон.

— Что?

— Я говорю, это был не сон — пустынная капуста... и все остальное. Ты знаешь, где мы?

— Об этом я тебя и спрашиваю.

— Мы в Цинии, вот мы где. Мы...

— В Цинии?!

Джим попытался последовательно изложить Фрэнку события двух прошедших дней. Некоторые затруднения возникли у него, когда он коснулся их внезапного перемещения с канала назад в Цинию, так как сам он до конца этого не понимал.

— Мне кажется, там, под каналом, нечто вроде метро. Знаешь, наподобие того, о котором ты читал.

— Марсиане не занимаются инженерными работами такого рода.

— Марсиане проложили каналы.

— Да, но это было очень давно.

— Возможно, метро они проложили тоже очень давно. Что ты знаешь об этом?

— Да ничего, пожалуй. Ну ладно. Я проголодался. Осталось что-нибудь поесть?

— Конечно.

Джим встал и огляделся. Виллис так и не появился.

— Я хочу найти Гекко и узнать у него, где Виллис, — заволновался он.

— Ерунда, — сказал Фрэнк. — Давай завтракать.

— Ну... ладно.

Поев, Фрэнк заговорил о главном.

— Значит, мы в Цинии. Но нам по-прежнему необходимо добраться до дома и как можно скорее. Проблема в следующем: как это сделать? Насколько я понимаю, если марсиане сумели доставить нас сюда так быстро, то они же смогут сделать обратное — вернуть нас туда, где нашли, и тогда мы отправимся домой по восточному руслу Стримона. Как тебе такая идея?

— Нормально, я думаю, — ответил Джим, — но...

— Тогда первое, что надо сделать, — это найти Гекко и без лишних проволочек попытаться договориться с ним.

— Первое, что надо сделать, — возразил Джим, — это найти Виллиса.

— Зачем? Разве мы не натерпелись из-за него? Оставь его, ему здесь хорошо.

— Фрэнк, ты совершенно неправильно относишься к Виллису. Разве не он выручил нас из беды? Если бы не Виллис, ты продолжал бы губить свои легкие среди пустыни.

— Во-первых, если бы не Виллис, мы бы вообще не попали в беду.

— Ведь это не так. Правда в том...

— Ладно, ладно. О'кей, иди ищи Виллиса.

Джим оставил Фрэнка отряхивать с себя остатки завтрака и зашагал прочь. И хотя никогда впоследствии он не мог связно изложить то, что с ним тогда произошло, некоторые основные факты несомненны. Сначала он искал Гекко и спросил о нем первого встретившегося в коридоре марсианина, варварским образом поставив имя Гекко сразу после общевопросительного сигнала.

Джим не был и, вероятно, никогда не станет профессиональным лингвистом, но его попытка сработала. Первый встречный марсианин отвел его к другому, подобно тому, как обитатель Земли повел бы иностранца к полицейскому. Второй марсианин отвел его к Гекко.

Без особого труда Джим объяснил Гекко, что хочет забрать Виллиса. Гекко выслушал, а затем спокойно объяснил, что то, к чему стремится Джим, невозможно.

Джим начал снова, уверенный, что причиной непонимания было его слабое знание языка. Гекко подождал, пока он закончит фразу, дал знать, что он правильно понял, чего хочет Джим, но что требование это неосуществимо — Джим не может взять Виллиса. Нет. Гекко был огорчен необходимостью отказать своему другу, вместе с которым он пил чистую воду жизни, но это совершенно невозможно.

Благодаря непосредственному воздействию незаурядной личности Гекко Джим понял бóльшую часть сказанного и домыслил остальное. Отказ Гекко не вызывал сомнений. Джим не имел при себе оружия, но, в любом случае, к Гекко он не испытывал той ненависти, которую вызывал у него директор Хоу. Прежде всего Джим ощущал поток теплой симпатии, волнами исходящей от Гекко, и все же он был ошеломлен, рассержен и абсолютно не согласен с этим смириться. Некоторое время он в упор смотрел на марсианина, затем резко повернулся и пошел прочь, не разбирая дороги и крича:

— Виллис! Эй, Виллис! Сюда, Виллис-малыш, иди к Джиму!

Марсианин двинулся следом, каждый его шаг был равен трем шагам Джима. Джим побежал, продолжая кричать. Он свернул за

угол, столкнулся лицом к лицу с тремя аборигенами и промчался между их ног, тогда как Гекко попал в транспортную пробку, где потратил время на соблюдение требуемых ситуацией марсианских приличий. Тем временем Джим успел существенно оторваться.

Он заглядывал в каждую попадавшуюся на пути арку и кричал. Одна из них вела в зал, где марсиане застыли в похожем на транс состоянии, именуемом ими посещением «иного мира». В обычной ситуации тревожить погруженного в транс марсианина Джим был склонен не больше, чем ребенок американской западной приграничной полосы — дразнить гризли. Но сейчас он был не в состоянии что-либо заметить и остеречься. Здесь он тоже крикнул, вызвав доселе неслыханное и немыслимое замешательство, самым слабым выражением которого явилась сильная дрожь; один бедняга был так потрясен, что резко поднял все свои ноги и свалился на пол.

Джим не видел этого, он уже убежал и кричал у входа в другой зал.

Гекко нагнал его и поднял вверх, обхватив двумя огромными ладонями-ластами.

— Джим-Марлоу, — сказал он, — Джим-Марлоу, друг мой...

Джим всхлипнул и ударил марсианина обоими кулаками по жесткой груди. Некоторое время Гекко терпел это, а затем третьей ластой обхватил руки Джима, не давая ему высвободить их. Джим посмотрел на него бешеным взглядом.

— Виллис, — сказал он на родном языке. — Я хочу Виллиса. У тебя нет на это права!

Гекко обнял его и мягко ответил:

— Я не в состоянии помочь тебе. Это от меня не зависит. Нам нужно идти в другой мир.

Он зашагал прочь. Джим не отвечал, утомленный собственной вспышкой. Гекко пошел нисходящим коридором, за которым последовал другой, а за ним еще один. Они спускались все ниже и ниже, много глубже, чем когда-либо доводилось бывать Джиму, и глубже, возможно, чем приходилось спускаться любому из землян. На верхних уровнях им еще попадались другие марсиане, ниже не было ни одного.

Наконец Гекко остановился в небольшом помещении глубоко под землей. От других оно отличалось полным отсутствием декораций; его простые жемчужно-серые стены выглядели почти не по-марсиански. Здесь Гекко положил Джима на пол и сказал:

— Это ворота в другой мир.

Джим поднялся.

— А? — сказал он. — Что ты имеешь в виду? — а затем старательно перевел свой вопрос на местный язык. Впрочем, напрасно: Гекко не слышал его. Джим вытянул шею и посмотрел вверх.

Гекко стоял совершенно неподвижно, твердо опираясь на ноги. Его глаза были открыты, но безжизненны. Гекко погрузился в «иной мир».

— Боже мой, — забеспокоился Джим, — он, безусловно, нашел самое подходящее время, чтобы выкинуть такой трюк.

Он не мог решить, что же ему теперь делать: попытаться в одиночку отыскать путь наверх или ждать Гекко. Туземцы, по слухам, обладали способностью погружаться в транс на недели, но док Макрей высмеивал подобные утверждения.

Он решил хотя бы недолго подождать и, обняв колени руками, сел на пол. Он заметно успокоился и не слишком спешил, как будто Гекко сумел заразить его по дороге своим бесконечным спокойствием.

Спустя весьма неопределенный промежуток времени в комнате стало темнее. На сей раз Джим не волновался; полностью умиротворенный, он вновь испытывал то огромное счастье, которое открылось ему во время двух «совместных вознесений».

Вдали крошечное пятно засветилось и стало расти. Но мрак в маленькой, жемчужно-серой комнате не рассеялся. Вместо этого из пятна возник природный ландшафт. Впечатление было, будто с помощью цветного стереоскопического кинопроектора демонстрировалась последняя и лучшая из работ Голливуда.

О том, что она не была привезена с Земли, Джим догадался потому, что картина, хотя абсолютно реалистичная, не имела ни сюжета, ни дешевого коммерческого финала.

Казалось, что он видит поросль вдоль канала с высоты одного фута над поверхностью. Изображение постоянно блуждало, как будто камера была установлена на очень низкой тележке, то и дело цеплявшейся за стебли растений. Изображение быстро смещалось на несколько футов, останавливалось, затем полностью менялось и вновь приходило в движение, но никогда «точка зрения» не отрывалась высоко от поверхности. Иногда оно описывало полный круг, давая панораму в 360 градусов.

Во время одного из таких оборотов Джим заметил водянщика. Было бы совершенно не удивительно, если бы он не узнал его, так как тот выглядел фантастически огромным. По мере приближения он заполнил весь экран. Но нельзя было не узнать эти изогнутые как турецкий ятаган клешни, внушающее леденящий ужас зияющее отверстие хобота, эти тяжело ступающие лапы и не ощутить особенно тошнотворное отвращение, вызываемое всем его обликом. Джим почти почувствовал его запах.

Точка, с которой велось наблюдение, не менялась, она застыла, в то время как мерзкое чудовище неотвратимо приближалось в последнем броске. В самый последний момент, когда оно заполнило

экран, что-то произошло. Лицо — вернее то, что его заменяло, — исчезло, развалившись на куски, и чудовище рухнуло дымящейся грудой.

Изображение совершенно исчезло, и несколько секунд на экране вращался цветной калейдоскоп. Затем веселый мелодичный голос сказал:

— Ну что за прелестный малыш!

Изображение появилось снова, как будто подняли занавес, и Джим увидел другое лицо, почти столь же чудовищное, как безликий ужас, который оно сменило.

Хотя лицо заняло весь экран и было причудливо искажено, Джим без труда опознал в нем респиратор колониста. Но наиболее поразительный, чуть не выведший его из состояния спокойного равновесия, с которым он созерцал этот театр теней, факт заключался в том, что он узнал эту маску. Она была раскрашена теми самыми тигриными полосами, которые за четверть кредитки замазал Смёзи. Именно так некогда выглядела его собственная маска.

Он услышал, как его собственный голос произнес:

— Ты слишком мал, чтобы бродить здесь в одиночестве, другая такая тварь может в самом деле поймать тебя. Я, пожалуй, возьму тебя домой.

Теперь изображение двигалось через заросли вдоль канала на большей высоте, раскачиваясь и подпрыгивая в такт шагам мальчика. Вскоре «камера» выбралась на открытую местность и вдали показались похожие на звезду очертания Южной колонии и полусферы ее куполов.

Джим приноровился к ситуации, в которой он наблюдал и слышал самого себя, и освоился с восприятием всего окружающего глазами Виллиса. Воспроизводимое было абсолютно неотредактировано: без единого пропуска воспроизводилось все, что увидел и услышал Виллис с момента, когда Джим взял его впервые под свое покровительство. Зрительная память Виллиса была не всегда точна, на нее, казалось, влияло его собственное понимание увиденного и то, насколько он к этому привык. Джим — тот «Джим» в театре теней — сначала обладал тремя ногами и прошло некоторое время, прежде чем воображаемый отросток исчез. Остальные действующие лица: мать Джима, старый док Макрей, Фрэнк развились из бесформенных пятен в четкие, хотя слегка искаженные изображения.

С другой стороны, каждый звук воспроизводился с полной ясностью и точностью. По мере того, как Джим смотрел и слушал, он обнаружил, что Виллис наслаждался каждым звуком, с особым восхищением внимая голосам, новизна и сила воздействия которых не притуплялась.

Больше всего ему нравилось наблюдать себя сквозь призму восприятия Виллиса. Попрыгунчик относился к Джиму с теплотой и мягким юмором. Джим «на экране» был лишен величия, но окружен глубокой заботой; его любили, но не уважали. Он, то есть сам Джим, был большим бестолковым слугой, полезным, но прискорбно ненадежным в своих поступках, подобно плохо выдрессированной собаке. Что до других человеческих существ, то они представляли собой загадочные создания, в общем безвредные, однако непредсказуемо опасные при движении. Это представление попрыгунчика о людях чрезвычайно позабавило Джима.

Так, день за днем, неделя за неделей, разворачивались события, включая даже периоды темноты и спокойствия, когда Виллис сворачивался, чтобы поспать, или когда его запирали. Вот дело дошло до Малого Сёртиса и до плохого периода, когда Джим пропал. Хоу предстал в качестве презираемого голоса и пары ног. Бичер был безликим ничтожеством. Так продолжалось, шаг за шагом, и Джим почему-то не устал и не утомился. Он просто был внутри цепи событий и разорвать ее ему было не проще, чем Виллису, — да он, собственно говоря, и не пытался. В конце концов она завершилась в марсианском городе Циния, и все погрузилось во тьму и безмолвие.

Джим вытянул затекшие ноги; постепенно становилось все светлее. Он оглянулся, но Гекко все еще пребывал в глубоком трансе. Он посмотрел назад и обнаружил: в том, что казалось ему монолитной стеной, открылась дверь. Он заглянул в находящуюся по другую ее сторону комнату, тщательно имитирующую, как это часто случается здесь, наружный пейзаж: буйная растительность, присущая скорее морскому дну к югу от Цинии, чем местной пустыне.

В комнату вошел марсианин. Никогда потом Джим не мог подробно описать его облик, так как его лицо и, в первую очередь, глаза приковали к себе всё внимание. Выходцу с Земли всегда трудно определить возраст марсианина, однако у Джима возникла твердая уверенность, что этому марсианину очень много лет — больше, чем его отцу, даже больше, чем доктору Макрею.

— Джим Марлоу, — отчетливо произнес туземец, — приветствую тебя, Джим Марлоу, друг моего народа и мой друг. Я дам тебе воды.

Он говорил по-английски, и его интонации слегка напоминали кого-то.

Никогда прежде не доводилось Джиму слышать, как марсианин говорит на земном языке, но он знал, что кое-кто из них владеет английским. Возможность говорить по-своему явилась необычайным облегчением:

— Я пью с вами. Желаю вам всегда наслаждаться чистой и обильной водой.

— Спасибо, Джим Марлоу.

Настоящая вода не появилась, да в ней и не было необходимости. Затем последовал период вежливого молчания, во время которого Джим размышлял над голосом марсианина. Он казался на удивление знакомым и слегка напоминал голос отца, хотя, с другой стороны, он заставлял вспомнить и дока Макрея.

— Ты огорчен, Джим Марлоу. Твоя беда — наша беда. Как я могу помочь тебе?

— Мне ничего не надо, — ответил Джим. — Только добраться домой вместе с Виллисом. Они забрали Виллиса. Зачем они сделали это?

Последовавшая пауза тянулась даже дольше, чем предыдущая. Наконец марсианин ответил:

— Стоящий на земле не видит того, что за горизонтом, но Фобос видит все.

Он секунду помедлил, прежде чем произнести слово «Фобос». Как бы поясняя, он добавил:

— Джим Марлоу, я только недавно выучил твой язык. Прости меня, если я запинаюсь.

— Что вы, вы говорите великолепно! — совершенно искренне сказал Джим.

— Я знаю слова, но что они обозначают мне не всегда ясно. Скажи, Джим Марлоу, что такое «лайдонзупарк»?

Джиму пришлось просить его повторить фразу, прежде чем стало ясно, что речь идет о Лондонском зоопарке. Джим попытался объяснить, но был вынужден остановиться еще до того, как закончил свою мысль. От марсианина повеяло такой холодной, неумолимой яростью, что Джим испугался.

Спустя некоторое время настроение марсианина резко изменилось, и Джим вновь купался в теплом потоке дружелюбия, который изливался на него подобно солнечным лучам и был не менее реален, чем свет Солнца.

— Джим Марлоу, ты дважды спас малыша, которого ты называешь «Виллис», от... — здесь он использовал сначала неизвестный Джиму марсианский термин, затем заменил его на «водянщиков». — Ты много таких убил?

— Штук несколько, я думаю, — ответил Джим и добавил: — Я убиваю их при каждой встрече. Они стали слишком умными, чтобы подолгу болтаться рядом с колониями.

Марсианин, казалось, обдумывал услышанное, но вновь сменил тему, когда, наконец, решил ответить:

— Джим Марлоу, два, а возможно, три раза ты спас малыша;

один, а возможно, два раза наш малыш спас тебя. С каждым разом вы все больше привязывались друг к другу. День за днем вы все больше привязывались друг к другу, и теперь вы оба будете несчастны порознь. Не уходи отсюда, Джим Марлоу, оставайся. Я приветствую тебя в моем доме как сына и друга.

Джим покачал головой:

— Я должен идти домой. На самом деле, я должен идти домой прямо сейчас. Это очень великодушное предложение, и я хотел бы поблагодарить вас, но...

Он объяснил, какая над колонией нависла угроза и почему ему срочно необходимо доставить туда сообщение.

— Если позволите, сэр, мы — я и мой друг — хотели бы оказаться там, где К'бумч нашел нас. Только я хочу забрать Виллиса, до того, как мы уйдем.

— Вы хотите вернуться в тот город, где вас нашли? Вы не хотите вернуться домой?

Джим объяснил, что они с Фрэнком пойдут домой оттуда.

— А теперь, сэр, почему бы вам не спросить Виллиса, захочет ли он остаться или пойти вместе со мной?

Старый марсианин вздохнул точно так же, как, бывало, вздыхал отец Джима после бесплодной семейнойй дискуссии.

— Есть закон жизни и есть закон смерти, и каждый из них — закон перемен. Выветривается даже самая твердая скала. Понимаешь ли ты, мой сын и друг, что даже если тот, кого ты называешь «Виллис», вернется с тобой, однажды настанет время, когда малыш будет должен покинуть тебя?

— Ну да, наверное. Вы хотите сказать, что Виллис сможет пойти со мной?

— Мы поговорим с тем, кого ты называешь Виллис.

Старик обратился к Гекко, который вздрогнул и пробормотал что-то во сне. Затем все трое начали подниматься вверх по тем же коридорам; Гекко нес Джима, а старик шел чуть-чуть позади.

Они остановились в зале примерно на полпути к поверхности. Сперва здесь было темно, но, как только они вошли, зажегся свет. Джим увидел, что от пола до потолка комната была опоясана рядáми маленьких ниш, в каждой из которых сидело по попрыгунчику, похожих друг на друга как однояйцевые близнецы.

Когда стало светло, малыши выдвинули свои глаза-стебельки и с интересом осмотрелись. Непонятно откуда донесся возглас:

— Привет, Джим!

Джим посмотрел вокруг, но не смог распознать говорившего. Прежде чем он успел что-либо предпринять, эта фраза прокатилась эхом по всей комнате:

— Привет, Джим! Привет, Джим! Привет, Джим! — звучало каждый раз голосом Джима.

В замешательстве Джим обратился к Гекко:

— Который из них Виллис? — спросил он, забыв перейти на местное наречие.

— Который из них Виллис? Который из них Виллис? Который из них Виллис? Который-который-который из них Виллис? — вновь грянул хор.

Джим шагнул в середину комнаты:

— Виллис! — скомандовал он, — иди к Джиму.

Попрыгунчик пробкой выскочил из среднего яруса справа, плюхнулся на пол и подкатился к нему.

— Подними Виллиса, — потребовал он.

Джим осторожно выполнил эту просьбу.

— Где был Джим? — поинтересовался Виллис.

Джим почесал попрыгунчика.

— Ты не поймешь, если я скажу тебе. Послушай, Виллис, Джим собирается идти домой. Виллис хочет идти домой вместе с ним?

— Джим идет? — спросил Виллис с сомнением, как будто из-за неумолимого хорового эха ему стало труднее понимать.

— Джим идет домой, прямо сейчас. Виллис идет или собирается остаться здесь?

— Джим идет, Виллис идет, — заявил попрыгунчик так, будто это был закон природы.

— О'кей, скажи об этом Гекко.

— Зачем? — недоумевающе спросил Виллис.

— Скажи об этом Гекко, или останешься здесь. Давай, говори ему.

— Хорошо.

Обращение Виллиса к Гекко воплотилось в серию карканий и кудахтаний. Ни старый марсианин, ни Гекко ничего не ответили. Гекко подхватил двух малышей, и они вновь зашагали вверх. У входа в комнату Фрэнка и Джима Гекко отпустил их. Джим внес Виллиса.

Когда они вошли, Фрэнк поднял глаза. Он лежал, развалившись на шелке, а на полу, рядом с ним, пока еще нетронутая, стояла еда.

— Я вижу, ты его нашел, — заметил он. — У тебя ушло на это немало времени.

Джим внезапно почувствовал себя виноватым. Он отсутствовал Бог знает сколько времени. Дни? Недели? Этот фильм с мельчайшими подробностями охватывал многомесячные события.

— Черт возьми, прости, Фрэнк, — извинился он. — Ты волновался из-за моего отсутствия?

— Волновался? Почему? Я просто не знал, ждать или нет тебя к обеду. Ты пропал по меньшей мере на три часа.

— На три часа?

Джим хотел было возразить, что скорее на три недели, но затем передумал. Он вспомнил, что во время своего отсутствия не ел, однако чувство голода было не острее, чем обычно.

— Угу, да, конечно. Извини. Послушай, ты можешь еще немного подождать с обедом?

— Зачем? Я умираю от голода.

— Потому что мы уходим отсюда, вот почему. Гекко и еще один местный ждут, чтобы отвезти нас назад в тот город, где мы встретили К'бумча.

— Что ж, ладно! — Фрэнк набил рот и начал натягивать уличную экипировку. Джим во всем последовал его примеру.

— Мы можем доесть в этой штуковине, в метро, — из-за набитого рта слова было трудно разобрать. — Не забудь налить воду в маску.

— Не беспокойся. Я не собираюсь дважды попадать впросак.

Сначала Фрэнк наполнил свой резервуар, затем резервуар Джима, сделал большой глоток, а оставшуюся воду предложил товарищу. Через минуту с перекинутыми через плечо коньками они были готовы в путь. Маленькая группа гуськом прошествовала по коридорам и переходам к залу «станции метро» и остановилась у одной из арок.

Старый марсианин вошел, но, к вящему удивлению Джима, Гекко распрощался с ними. Они обменялись ритуальными учтивостями, достойными расставания друзей по воде, после чего Фрэнк и Джим с Виллисом вошли внутрь, и дверь за ними закрылась. Кабина немедленно пришла в движение. Фрэнк сказал:

— Оп! Что это? — и резко сел.

Надежно устроившийся на каркасе для отдыха старый марсианин не ответил. Джим засмеялся:

— Разве ты не помнишь предыдущую поездку?

— Не очень. Послушай, мне тяжело.

— Мне тоже. Во время движения это неизбежно. Теперь, может, перекусим? Вероятно, пройдет немало времени, прежде чем у нас опять появится возможность пристойно поесть.

Фрэнк вынул то, что осталось от обеда. Когда с ним было кончено, Фрэнк подумал и открыл еще одну банку. Прежде, чем им удалось приступить к ее содержимому — холодным жареным бобам с искусственной свининой, — его желудок неожиданно сделал сальто.

— Эй! — завопил он, — В чем дело?

— Ни в чем. В прошлый раз тоже так было.

— Я думал, мы на что-то напоролись.

— Говорю тебе, все в порядке. Передай мне немного бобов.

Они съели бобы и стали ждать; спустя некоторое время ощущение тяжести исчезло, и Джим понял, что они прибыли.

Дверь кабины открылась, и они вышли в круглый зал, точно такой же, как тот, что они покинули. Фрэнк удрученно осмотрелся.

— Послушай, Джим, — мы так никуда и не уехали. Произошла какая-то ошибка.

— Нет, никакой.

Он обернулся, намереваясь обратиться к старому марсианину, но дверь в арке позади них уже закрылась.

— Вот это плохо, — сказал он.

— Что плохо? Что они нас надули?

— Они нас не надули; просто эта комната выглядит точно также, как та, в Цинии. Ты убедишься сам, когда мы выйдем наружу. Нет, я сказал, что это плохо, потому что я не успел... — Джим остановился, поняв, что он так и не узнал имени старого марсианина. — Потому что я не успел попрощаться со стариком, не с Гекко, а со вторым.

— С кем?

— Ну с тем, с другим. С тем, который ехал с нами.

— С каким-таким другим? Я никого, кроме Гекко, не видел. И никто с нами не ехал, мы там были одни.

— Как? Ты что, ослеп?

— А ты что, спятил?

— Фрэнк Саттон, ты будешь, глядя мне в глаза, утверждать, что не видел ехавшего с нами марсианина?

— Я же сказал тебе.

Джим глубоко вздохнул.

— Ну хорошо, я только хочу сказать, что, если бы ты не смотрел все время на свою еду, а иногда поглядывал вокруг, ты заметил бы кое-что еще. Как в...

— Кончай, кончай с этим, — прервал его Фрэнк. — Пока я не разозлился. Там было шесть марсиан, если тебе так больше нравится. Давай подымемся наверх, выйдем на улицу и посмотрим, что к чему. Мы зря тратим время.

— Ну хорошо.

Они стали подниматься по коридорам. Джим молчал: происшествие расстроило его больше, чем Фрэнка.

Пройдя часть пути, они были вынуждены надеть свои маски. Спустя еще примерно десять минут они добрались до комнаты, залитой солнечными лучами, миновали ее и вышли на улицу.

Теперь пришла очередь Фрэнка удивляться и сомневаться:

— Джим, я знаю, что я тогда чуть не бредил, но разве, хм...

разве тот город, откуда мы пришли, не был крепостью с единственной башней?

— Был.

— А этот — нет.

— Да, этот — нет.

— Мы заблудились.

— Верно.

IX

ПОЛИТИКА

Они находились посреди большого внутреннего двора, столь типичного для многих марсианских зданий. Отсюда можно было разглядеть верхушки городских башен, по крайней мере, некоторые, но их поле зрения было существенно ограничено.

— Что, по-твоему, нам надо делать? — спросил Фрэнк.

— Ммм... попытаемся найти какого-нибудь туземца и тогда, может быть, удастся выяснить, где мы оказались. Жаль, что я позволил тому старику уйти от нас, — добавил Джим. — Он говорил по-английски.

— Ты опять за свое? — сказал Фрэнк. — В любом случае я думаю, что у нас мало шансов: город выглядит абсолютно заброшенным. Знаешь, что я думаю? Я думаю, они просто вышвырнули нас.

— Я думаю, они просто вышвырнули нас, — согласился Виллис.

— Заткнись. Они не стали бы так поступать, — встревоженно сказал Джим Фрэнку. Он прошелся вокруг и взглянул поверх крыши здания. — Послушай, Фрэнк...

— Да?

— Ты видишь те три маленькие башни, похожие друг на друга? Ты можешь разглядеть их верхушки?

— Ну? Причем здесь они?

— Мне кажется, я видел их раньше.

— Послушай, мне кажется, я тоже!

Они побежали. Через пять минут они стояли на городской стене, и последние сомнения рассеялись: они находились в пустынной части Чаракса. В трех милях под ними располагались оболочки куполов Южной колонии. Сорок минут бодрой ходьбы, перемежаемой бегом вприпрыжку, и они были дома.

Они разделись и пошли каждый к себе.

— Пока! — крикнул Джим Фрэнку и поспешил к родному жилищу.

Казалось, прошла вечность, прежде чем пневматический замок позволил ему войти. Еще до того, как давление сравнялось, он услышал, как динамик голосом то матери, то сестры спрашивал, кто пришел, — и решил не отвечать, чтобы его появление стало для них сюрпризом.

Но вот он вошел и увидел Филлис, чье лицо застыло от изумления, а затем она повисла у него на шее, крича:

— Мама! Мама! Мама! Это Джим! Это Джим!

А Виллис скакал по полу и вторил:

— Это Джим! Это Джим!

Его мать, оттеснив в сторону Филлис, крепко обняла его и залила его лицо слезами; и сам он тоже чуть-чуть не заплакал.

Наконец, он сумел высвободиться. Мама отошла немного в сторону и сказала:

— Дай-ка мне посмотреть на тебя, родной. Ох, бедный мой мальчик! Как ты себя чувствуешь? — она уже была готова заплакать вновь.

— Все в порядке, — успокоил ее Джим. — Почему со мной должно что-то произойти? Послушай, папа дома?

Миссис Марлоу внезапно заволновалась:

— Нет, Джим, он на работе.

— Я немедленно должен его увидеть. Послушай, ма, что это у тебя такой странный вид?

— Ну, потому что... Да нет, ничего. Сейчас я позвоню ему.

Она подошла к телефону и вызвала лабораторию экологии. Он слышал ее осторожный голос:

— Мистер Марлоу? Дорогой, это Джейн. Ты не мог бы прийти домой прямо сейчас?

И ответ отца:

— Это неудобно. Что случилось? У тебя странный голос.

Мама через плечо взглянула на Джима:

— Ты один? Меня не могут подслушать?

Отец:

— Скажи мне, в чем дело?

Мать ответила почти шепотом:

— Он дома.

Последовала короткая пауза. Наконец отец сказал:

— Сейчас приду.

Тем временем Филлис приставала к Джиму:

— Послушай, Джимми, что же ты делал все это время? Ты заставил здорово поволноваться своих близких.

— Ничего. Какой сегодня день?

— Суббота.

— Суббота, какое?

— Суббота, четырнадцатое Цереры, естественно.

Джим удивился. Четыре дня? Всего четыре дня с тех пор, как он ушел из Малого Сёртиса? Но, когда он восстановил их в памяти, то согласился с этим. Принимая на веру слова Фрэнка, якобы там, под Цинией, он провел только около трех часов, он убедился, что все события укладываются в этот срок.

— Здóрово! В таком случае я, кажется, вовремя.

— Как это «вовремя»?

— А? Ты все равно не поймешь. Подожди годков несколько.

— Умник!

Миссис Марлоу вернулась от телефона.

— Отец сейчас будет дома, Джим.

— Да, я слышал. Хорошо.

Она посмотрела на него:

— Ты не проголодался? Может быть, хочешь чего-нибудь?

— Конечно. Упитанного теленка и шампанского. На самом деле, я не очень голоден, но перекусить могу. Как насчет какао? Я уже несколько дней ем все холодное из банок.

— Какао скоро будет готово.

— Лучше ешь сейчас все, что можно, — вмешалась Филлис. — Тебе, вероятно, не дадут того, что ты захочешь, когда...

— Филлис!

— Но, мама, я только хотела сказать, что...

— Филлис, замолчи или выйди из комнаты.

Сестра Джима притихла, продолжая что-то бормотать. Скоро какао было готово, и когда Джим его пил, вошел отец. Он торжественно обменялся с ним рукопожатием, как будто Джим был уже взрослый мужчина.

— Рад видеть тебя дома, сын.

— Чертовски здорово быть снова здесь, папа, — Джим проглотил остатки какао. — Слушай, папа, мне нужно о многом рассказать тебе, и не стоит терять время. Где Виллис? — он посмотрел вокруг.

— Кто-нибудь видел, куда он делся?

— Бог с ним, с Виллисом. Я хочу знать...

— Но Виллис для этого и нужен, папа. А, Виллис! Иди сюда!

Вперевалочку Виллис выкатился из коридора, Джим подхватил его.

— Хорошо, Виллис у тебя, — сказал мистер Марлоу. — Теперь послушай меня. В какие неприятности ты попал, сын?

Джим нахмурился:

— Не знаю даже, откуда начать.

— Есть ордер на арест тебя и Фрэнка! — ляпнула Филлис.

— Джейн, будь добра, постарайся убедить свою дочь помолчать, хорошо? — сказал мистер Марлоу.

— Филлис, ты слышала, что я тебе сказала?!

— Но, мама, ведь все про это знают!

— Возможно, Джим не знает.

— Думаю, что знаю, — сказал Джим. — Когда мы добирались домой, они послали полицейских за нами.

— Фрэнк пришел с тобой? — спросил отец.

— Конечно! Но мы смылись от них. Они тупые, эти полицейские из Компании.

Мистер Марлоу нахмурился.

— Послушай, Джим, я собираюсь позвонить Представителю и сообщить ему, что ты здесь. Но я не собираюсь позволить тебе сдаться, прежде чем мне не предъявят нечто намного более убедительное, чем все, что я до сих пор видел, и, безусловно, не раньше, чем мы услышим твою версию всего случившегося. А когда ты сдашься, твой отец пойдет с тобой и будет защищать тебя.

Джим выпрямился.

— Сдамся? Ты о чем, папа?

Его отец внезапно изменился, будто постарел и устал прямо на глазах.

— Марлоу не скрываются от закона, сын. Знай, я буду рядом, что бы ты ни сделал. Но ты должен быть готовым к этому.

Джим вызывающе посмотрел на отца.

— Папа, если ты считаешь, что Фрэнк и я сделали более двух тысяч миль по Марсу, только чтобы, добравшись сюда, сдаться, — то тогда надо подождать, пока тебя не осенит новая идея. И любой, кто попытается арестовать меня, скоро поймет, что это непросто сделать.

Филлис слушала, округлив глаза, мать молча роняла слезы.

— Сын, ты не можешь так к этому относиться, — сказал отец.

— Вот как? — сказал Джим. — А я отношусь. Но почему бы тебе не выяснить сначала, что к чему, а уж потом заводить разговор о моем аресте, — его голос звучал чуть-чуть резко.

Отец кусал губы. Мать сказала:

— Пожалуйста, Джеймс, почему бы тебе не подождать и не выслушать все, что он скажет?

— Ну конечно, я хочу послушать, что он скажет, — в тоне мистера Марлоу чувствовалось раздражение. — Я же говорил об этом. Но я не могу позволить моему сыну сидеть здесь и поставить себя вне закона.

— Ну, пожалуйста, Джеймс!

— Слушаю тебя, сын.

Джим посмотрел вокруг.

— Теперь я так взволнован, я просто не знаю, с чего начать, — сказал он горько. — Это великолепная встреча. Ты что, думаешь, что я стал каким-то преступником?

— Извини, Джим, — сказал отец медленно. — Начнем с самого важного. Расскажи нам, что случилось.

— Ну... хорошо. Но подожди — Филлис сказала, что есть ордер на мой арест. За что?

— Ну... прогулы — но это пустяк. Действия, причинившие ущерб школьной дисциплине и порядку, — я сам не знаю, что они имеют в виду. Это ерунда. Но у них есть и серьезные обвинения: кража со взломом, и еще одно они добавили на следующий день — бегство из-под ареста.

— Бегство из-под ареста? Вот глупость! Ведь они нас не поймали.

— Да? А как насчет остального?

— Кража — это тоже глупость. Я ничего не крал у него, у Хоу, я имею в виду директора Хоу — это он украл у меня Виллиса. И только смеялся надо мной, когда я потребовал его назад! И это я «обокрал» его!

— Продолжай.

— В отношении взлома есть известная доля правды. Я вскрыл его кабинет — вернее, пытался вскрыть. Но он не сможет ничего доказать. Хотел бы я посмотреть, как он объяснит мое проникновение через круглую десятидюймовую дырку. И мы не оставили отпечатков. Если на то пошло, — добавил он, — я имел на это право. Он запер там Виллиса. Послушай, папа, а мы не могли бы потребовать выписать ордер на арест Хоу за кражу Виллиса? Почему он должен делать все по-своему?

— Стой, подожди немного. Я теперь ничего не понимаю. Если ты можешь предъявить иск директору, я, конечно, тебя поддержу. Но объясни все толком. Какая дырка? Ты прорезал дырку в двери директорского кабинета?

— Не я, Виллис.

— Виллис?! А как он может разрезать что-нибудь?

— Черт его знает. Он просто выпустил руку с чем-то вроде когтей на конце и пропилил себе выход. Я позвал его, вот он и выбрался.

Мистер Марлоу потер лоб.

— Все становится еще непонятнее. А как вы сюда добрались?

— На метро. Видишь ли...

— На метро?!

Казалось, Джим совсем запутался, но тут вмешалась его мать:

— Послушай, Джеймс, может быть, ему будет проще рассказывать, если мы не станем перебивать, и он сможет изложить все по порядку?

— Думаю, что ты права, — согласился мистер Марлоу. — Я повременю с вопросами. Филлис, принеси мне карандаш и блокнот.

Приободренный, Джим начал все с начала, и в результате получился довольно связный и полный рассказ, от заявления Хоу о введении инспекций военного типа до их путешествия на марсианском «метро» из Цинии в Чаракс.

Когда Джим закончил, мистер Марлоу задумчиво почесывал подбородок.

— Джим, если бы не твоя заслуженная репутация предельно честного человека, я бы подумал, что ты сочиняешь. Как бы то ни было, я тебе верю, но это самая фантастическая история из всех, что я когда-либо слышал.

— Ты по-прежнему считаешь, что я должен сдаться?

— Что? Нет, нет — теперь все предстало в другом свете. Оставь это мне. Я позвоню Представителю и...

— Секунду, папа.

— А?

— Я еще не все тебе рассказал.

— Что? Ты должен, сын, если мне придется...

— Я не хотел окончательно запутать мой рассказ еще одной деталью. Я скажу тебе о ней, но сначала хочу кое-что узнать. Разве Колония не должна сейчас переселяться?

— Предполагалось, что да, — согласился отец. — Миграция должна была начаться вчера в соответствии с утвержденным расписанием. Но ее отсрочили на две недели.

— Это не отсрочка, папа, это сговор. Компания собирается не позволить Колонии мигрировать в этом году. Они хотят заставить нас остаться здесь на всю зиму.

— Что? Да чушь собачья, сын. Полярная зима для землян не шутка. Но ты ошибся, это просто отсрочка; Компания сейчас переоборудывает систему питания в Северной колонии и, пользуясь тем, что зима в этом году задержалась, хочет завершить все еще до нашего прибытия.

— Говорю тебе, папа, это просто предлог. А на самом деле Колонию намерены продержать здесь, пока не станет слишком поздно, и вынудят вас остаться на всю зиму. Я могу это доказать.

— Как?

— Где Виллис?

Попрыгунчик снова исчез, обходя дозором свои владения.

— Бог с ним, с Виллисом. Ты выдвинул неслыханное доселе обвинение. Почему ты утверждаешь такое? Говори, сын.

— Но мне нужен Виллис, чтобы доказать это. Эй, малыш! Иди к Джиму.

Джим вкратце пересказал то, что он узнал, благодаря звукозапоминающим способностям Виллиса, а затем попытался заставить его воспроизвести услышанное.

Виллис был этому только рад. Он повторил почти все сказанное ребятами за последние несколько дней, воспроизвел огромное количество марсианской речи, непонятной вне контекста, и спел «Quién es la Señorita?», но не смог, либо не захотел вспомнить разговор Бичера.

Джим все еще возился с ним, когда зазвонил телефон.

— Подойди, Филлис, — сказал мистер Марлоу.

Через секунду она вернулась.

— Папа, тебя.

Джим остановил Виллиса, и они смогли услышать весь разговор от начала до конца.

— Марлоу? Это Представитель Компании. Я слышал, что появился ваш парень.

Отец Джима бросил взгляд через плечо, помедлил:

— Да, он здесь.

— Отлично, никуда не выпускайте его. Я пошлю за ним человека.

Мистер Марлоу вновь помедлил.

— В этом нет необходимости, мистер Крюгер. Я еще не кончил с ним говорить. Он никуда не уйдет.

— Ну что такое, Марлоу? Вы не можете мешать исполнению законной процедуры. Я немедленно исполню требование закона.

— Вот как? Это вам только так кажется, — мистер Марлоу хотел было что-то добавить, подумал и отсоединился. Телефон зазвонил опять.

— Если это Представитель, — сказал он, — я не стану с ним говорить. Если я начну, то скажу что-нибудь, о чем потом пожалею.

Но это был не он. Это был отец Фрэнка.

— Марлоу? Джеймс, это Пэт Саттон.

Разговор показал, что каждый из отцов, побеседовав со своим сыном, пришел примерно к одинаковым выводам.

— Мы с Джимом как раз пытались добиться чего-нибудь от его попрыгунчика, — добавил мистер Марлоу. — Он, по-видимому, подслушал чрезвычайно занятный разговор.

— Да, я знаю, — согласился мистер Саттон. — Я тоже хочу это услышать. Подождите, пока мы придем.

— Отлично. Да, между прочим, дружище Крюгер собирается прямо сейчас арестовать ребят. Будьте осторожны.

— Да, я знаю об этом. Он только что звонил мне, и я послал его ко всем чертям. Ну, пока!

Мистер Марлоу отключился, затем подошел к входной двери и запер ее. То же самое он сделал с дверью из туннеля. И как раз вовремя: вскоре сигнал сообщил о том, что кто-то подошел к двери.

— Кто там? — спросил отец Джима.

— По распоряжению Компании!

— По какому распоряжению и кто это?

— По поручению Представителя. Я пришел за Джеймсом Марлоу-младшим.

— Можете спокойно идти назад. Вы его не получите.

За дверью послышалось какое-то бормотанье, затем она задрожала.

— Откройте дверь, — послышался другой голос. — У нас есть ордер.

— Убирайтесь. Я отключаю переговорное устройство, — мистер Марлоу щелкнул тумблером.

Вскоре индикатор давления показал, что посетители ушли, но чуть позже он вновь засвидетельствовал чье-то присутствие. Мистер Марлоу включил динамик.

— Если вы вернулись, то зря, — сказал он.

— Что за прием, Джеймс, старина? — сказал голос мистера Саттона.

— Ох, Пэт! Ты один?

— Со мной только Френсис.

Их впустили.

— Ты там не видел исполнителей? — поинтересовался мистер Марлоу.

— Видел. Я наскочил на них.

— Отец сказал им, что, если они тронут меня, он заставит их пожалеть об этом, — гордо заявил Фрэнк. — И он заставит, это точно.

Джим взглянул на отца. Мистер Марлоу смотрел в сторону. Мистер Саттон продолжал:

— Теперь, что там насчет этого любимчика Джима? У него есть доказательства для нас? Давайте его запустим и послушаем, что он скажет.

— Мы пробовали, — сказал Джим. — Сейчас я попробую еще. Сюда, Виллис....

Джим посадил его к себе на колени.

— Послушай, Виллис, ты помнишь директора Хоу?

Виллис немедленно превратился в гладкий шар.

— Да не так надо, — возразил Фрэнк. — Ты ведь помнишь, что сработало в тот раз. Эй, Виллис.

Виллис выдвинул глаза.

— Слушай сюда, парень. «Прекрасный день. Прекрасный день, Марк», — пропел Фрэнк, неплохо имитируя сочные, неестественные интонации Генерального Представителя, — «Садись, приятель».

— Всегда рад тебя видеть, — Виллис воспроизводил голос Бичера абсолютно точно. Начав отсюда, он великолепно продекламировал оба подслушанных им разговора между директором и Генеральным Представителем, не пропустив лишенный интереса промежуток между ними.

Он закончил с этим и, по-видимому, намеревался пересказать все, что последовало потом, вплоть до настоящего момента, но Джим сумел его остановить.

— Да, — сказал Марлоу-старший. — Что ты об этом думаешь, Пэт?

— Я думаю, это ужасно, — вмешалась мать Джима.

Мистер Саттон криво ухмыльнулся.

— Завтра я доберусь до Малого Сёртиса и не оставлю там камня на камне.

— Разделяю твои чувства, — согласился мистер Марлоу. — Но это касается всей Колонии. Я думаю, что для начала нам надо созвать городское собрание и рассказать всем, с чем мы, собственно, не согласны.

— Хм! Ты, безусловно, прав, но ты лишишь нас большого удовольствия.

Мистер Марлоу улыбнулся.

— Я полагаю, заваруха будет достаточной, чтобы нашлось дело и для тебя, прежде чем все окончится. Крюгеру это не понравится, как, впрочем, и достопочтенному мистеру Гейнсу Бичеру.

Мистер Саттон пожелал, чтобы доктор Макрей осмотрел горло Фрэнка, и Марлоу-старший, несмотря на протесты, решил, что Джиму тоже не помешает пройти осмотр. Они вдвоем проводили мальчиков к дому доктора. По дороге мистер Марлоу предупредил их:

— Ребята, ждите здесь, пока мы не вернемся. Я не хочу, чтобы исполнители Крюгера сцапали вас.

— Пусть только попробуют!

— Да, пусть.

— Я не хочу, чтобы они пробовали; я хочу поскорее уладить это дело. Мы пойдем сейчас в офис Представителя и предложим

заплатить за взятую вами пищу, и, Джим, я предложу возместить ущерб, который Виллис причинил драгоценной директорской двери. Потом...

— Но, папа, нам не следует этого делать. Хоу не должен был запирать его.

— Парень прав, — сказал мистер Саттон. — Другое дело пища — ребята взяли ее, и мы заплатим.

— Верно, — согласился мистер Марлоу, но было бы неплохо лишить основы эти нелепые обвинения. Затем я попытаюсь получить ордер на арест Хоу за попытку украсть или поработить Виллиса. Что скажешь, Пэт? Украсть или поработить?

— Лучше «украсть», так не возникнет дополнительных осложнений.

— Хорошо. После этого я потребую, чтобы он согласовал свои действия с Центральным бюро, прежде чем что-либо предпринимать. Я думаю, это заставит его на некоторое время сбавить обороты.

— Пап, — вмешался Джим, — ты ведь не станешь сообщать Представителю, что мы знаем об их антимиграционном заговоре, правда? Он сразу же позвонит Бичеру.

— Пока нет, он узнает об этом на городском собрании. Тогда он не сможет позвонить Бичеру — через два часа зайдет Деймос, — мистер Марлоу посмотрел на часы. — Скоро увидимся, ребята. А сейчас нам надо заняться делом.

Когда они вошли, доктор Макрей поднял глаза:

— Мэгги, забаррикадируй дверь! — крикнул он. — Здесь два опасных преступника.

— Здрасте, док.

— Входите и располагайтесь. Рассказывайте.

Прошел целый час, прежде чем Макрей сказал:

— Хорошо, Фрэнк. Теперь, я думаю, пора тебя осмотреть. Джим, потом твоя очередь.

— Со мной все в порядке, док.

— Сделай-ка еще кофе, пока я буду заниматься Фрэнком.

В комнате было полно новейшего диагностического оборудования, но Макрей им не пользовался. Он задрал Фрэнку голову, велел ему сказать «а-а-а-а», простукал его грудь и послушал сердце.

— Будешь жить, — заявил он. — Любой пацан, сумевший стопом добраться из Сёртиса до Чаракса, проживет долгую жизнь.

— «Стопом»? — удивился Фрэнк.

— Пробираться попутным транспортом. Это выражение давным-давно вышло из употребления. Теперь ты, Джим.

С ним он разделался даже еще быстрее. После этого три приятеля вернулись к прерванной беседе.

— Я хочу подробнее узнать о ночи, что вы провели в кочане капусты, — заявил док. — С Виллисом понятно: любой исконный обитатель Марса может поджать хвост и в течение неопределенно долгого срока жить без воздуха. Но, по всем законам, вы оба должны были задохнуться. Растение полностью закрылось?

— Ну, да, — подтвердил Джим и рассказал о происшествии подробно. Когда он упомянул про фонарик, Макрей прервал его.

— Постой, постой. Ты не говорил о нем раньше. Фонарик спас ваши жизни, сынок.

— Как? Почему?

— Фотосинтез. Ты осветил зеленый лист и он не мог не поглощать углекислый газ, выделяя при этом кислород, точно так же, как ты не мог не дышать.

Доктор посмотрел на потолок; он что-то подсчитывал и его губы шевелились:

— В любом случае, очевидно, было очень душно, — площадь поверхности зеленых листьев там слишком мала. А какой у вас был фонарь?

— Джи.И. — «Полуночное солнце». Было жутко душно.

— «Полуночное солнце» обладает достаточно мощной спиралью, чтобы выполнить этот трюк. Отныне, если соберусь куда-нибудь дальше, чем за двадцать футов от крыльца, возьму с собой такой же. Это хорошая штукенция.

— Что я по-прежнему не в состоянии понять, — сказал Джим, — так это, как я мог всего за три или четыре часа посмотреть фильм, в котором отснята вся наша совместная с Виллисом жизнь — минута за минутой, без каких-либо пропусков.

— Этот вопрос, — медленно сказал доктор, — отнюдь не так загадочен, как другой: почему тебе это показали?

— А?

— Я тоже об этом думал, — сказал Фрэнк. — Ведь Виллис не слишком важная персона... спокойно, Джим! Зачем было нужно демонстрировать Джиму его биографию? Что вы думаете об этом, док?

— Единственное, имеющееся у меня объяснение этому столь невероятно, что я, пожалуй, оставлю его при себе. А что касается времени, Джим, — ты можешь придумать какой-либо способ для записи чьих-то воспоминаний?

— Нет.

— Я пойду дальше и однозначно заявлю, что это невозможно. Ты утверждаешь, что *видел* то, что Виллис *помнил*. Это говорит тебе о чем-нибудь?

— Нет, — признался Джим, — теперь я совершенно ничего не понимаю. Но я *действительно* видел это.

— Вне сомнения — потому что *видение* происходит в мозгу, а не в глазах. Я могу закрыть глаза и «увидеть» Великую Пирамиду, мерцающую под пустынным солнцем. Я могу увидеть ослов и погонщиков, кричащих на туристов. Видишь их? Черт возьми, я могу почувствовать их запах — но только в собственной памяти. Вернемся к тому, что я сказал, Джим. Когда единственная версия объясняет все факты, ты должен принять ее. Это гипноз.

— Но, но... — Джим был просто вне себя; казалось, что задета самая интимная часть его личности, — но я действительно видел это, говорю вам. Я был там.

— Я присоединяюсь к доку, — сказал ему Фрэнк. — На обратном пути тебе все еще мерещилась всякая ерунда.

— Тот старичок поступил так, чтобы доехать вместе с нами; если бы ты раскрыл глаза пошире, ты бы увидел его.

— Полегче там, — предостерег доктор. — Если вам, дуралеям, хочется подраться, идите на улицу. Вам не приходит в голову, что каждый из вас может быть прав?

— Что? Как это так? — возразил Фрэнк.

— Я не люблю лишних слов, но вам скажу. Я прожил достаточно долго, чтобы понять: человек жив не хлебом единым, и любой жмурик, которого я вскрываю, — это не сам человек. Материализм — самая нелепая из всех философий. Ну, хватит об этом.

Фрэнк снова хотел было что-то возразить, когда дверной сигнал сообщил о приходе посетителей — вернулись родители мальчиков.

— Заходите, заходите, джентльмены, — прорычал доктор, — вы как раз вовремя. Мы совершаем вылазку в бездны солипсизма. Взойдите на кафедру и примите участие. Кофе?

— Солипсизм, вот как? — сказал мистер Саттон. — Френсис, не обращай внимание на старого язычника. Слушай то, что говорит тебе отец Клэри.

— Он и так не обращает на меня внимания, — ответил Макрей. — У пацанов хорошая защитная реакция. Вам удалось разобраться с господином Главным Палачом?

Мистер Марлоу хмыкнул:

— Из Крюгера можно веревки вить.

Собрание колонистов было назначено на вечер того же дня в конференц-зале административного здания, находившегося

в центре похожего на звезду архитектурного комплекса. Мистер Марлоу и мистер Саттон, организовавшие собрание, появились раньше всех и обнаружили, что дверь помещения заперта и два крюгеровских исполнителя стоят при входе. Мистер Марлоу решил не вспоминать о том, что всего несколько часов тому назад они пытались арестовать Фрэнка с Джимом; он поздоровался и спокойно сказал:

— Хорошо бы открыть дверь. Сейчас начнут подходить люди.

Исполнители не двинулись с места. Старший из них, по фамилии Дамонт, заявил:

— Собрания сегодня не будет.

— Что? Это почему?

— Приказ мистера Крюгера.

— Он объяснил причину?

— Нет.

— Это собрание, — сказал им мистер Марлоу, — было созвано в соответствии с правилами и будет проведено. Отойдите.

— Мистер Марлоу, не осложняйте себе жизнь. У меня есть приказ и...

Мистер Саттон шагнул вперед:

— Позволь, я поговорю с ним, Джеймс.

Он поправил на себе ремень. Позади Фрэнк, ухмыльнувшись, посмотрел на Джима и тоже поправил ремень. Все четверо были вооружены, так же, как и исполнители; отцы решили, что не стоит полагаться на данное Крюгером обещание воздержаться от каких-либо действий, пока из Малого Сёртиса не поступят распоряжения относительно ордера на арест.

Дамонт испуганно посмотрел на Саттона. В Колонии не было настоящей полиции; эти двое служили клерками в Представительстве Компании и стали исполнителями только по назначению Крюгера.

— Вы не имеете права ходить вооруженными до зубов в пределах Колонии, — жалобно проговорил он.

— А, вот в чем дело? — вкрадчиво сказал мистер Саттон. — Ну оружие здесь даже не потребуется. Возьми-ка, Френсис, мою пушку, — с пустой кобурой он шагнул по направлению к ним. — Вас нежно подвинуть или будем пихаться?

Многие годы до прибытия на Марс мистер Саттон руководил малосговорчивыми строительными бригадами, опираясь не только на авторитет инженерного диплома. Ростом он лишь немного превосходил Дамонта, но был существенно плотнее. Дамонт сделал шаг назад и наступил на ногу своему напарнику:

— Послушайте, мистер Саттон, вы не... Ага! Мистер Крюгер!

Все обернулись. Представитель приближался. Он оценил ситуацию и быстро спросил:

— В чем дело? Почему вы мешаете моим людям, Саттон?

— Я им ни капли не мешаю, — возразил мистер Саттон, — это они мешают мне. Скажите им отойти в сторону.

Крюгер покачал головой:

— Собрание отменяется.

Мистер Марлоу шагнул вперед.

— Кем?

— Я отменил его.

— По какому праву? У меня есть согласие всех членов Совета, и, если это необходимо, я добуду вам подписи двадцати колонистов.

В соответствии с уставом Колонии двадцать человек имеют право созвать собрание без согласия Совета.

— Это не имеет значения. Устав гласит, что на собраниях рассматриваются вопросы «общественного значения», но нельзя назвать таковыми ваши претензии к уголовным обвинениям — и я не позволю воспользоваться правилом Устава для этой цели. В конце концов последнее слово за мной. Я не намерен подчиняться власти толпы и всеобщему возмущению.

Тем временем из подходивших к административному зданию колонистов возникла небольшая группа. Марлоу спросил:

— У вас все?

— Да, с единственным дополнением, что все здесь присутствующие должны разойтись по домам.

— Они поступят так, как им нравится, — и я тоже. Мистер Крюгер, я изумлен: неужели дело, касающееся гражданских прав, не имеет общественного значения? Среди наших соседей есть такие, чьи ребята все еще находятся на попечении, если вы это так называете, директора Хоу. Им небезынтересно, как относятся к их сыновьям. Однако, не это является целью собрания. Даю вам слово, что ни я, ни мистер Саттон не намереваемся просить Колонию предпринять какие-либо действия в связи с обвинениями, выдвинутыми против наших сыновей. На таких условиях вы готовы убрать ваших исполнителей?

— Какова же, в таком случае, цель?

— Дело представляет огромную важность для каждого члена Колонии. Я расскажу о нем на собрании.

— Хм!

К этому моменту уже несколько членов Совета находилось среди толпы. Один из них, мистер Хуан Монтез, шагнул вперед:

— Одну минуту, мистер Марлоу, когда вы позвонили мне насчет собрания, я не знал, что Представитель против.

— Это дело вне компетенции Представителя.

— Такая ситуация еще никогда не возникала. Но ведь он обладает правом вето в отношении созыва собраний. Почему вы не сказали нам, чему посвящено собрание?

— Не уступай, Джеймс! — это был доктор Макрей, он протиснулся вперед. — Что ты за тряпка, Монтез? Мне жаль, что я голосовал за тебя. Мы встречаемся тогда, когда нам это нужно, а не тогда, когда Крюгер разрешит. Что думаете об этом, люди?

В ответ послышался одобрительный гул. Мистер Марлоу сказал:

— Я и не собирался говорить ему, док. Я хочу говорить при закрытых дверях.

Монтез и другие члены Совета сгрудились кучкой, обсуждая что-то. От них отделился Хендрикс, председатель:

— Мистер Марлоу, чистая формальность: вы не могли бы сказать Совету, зачем вам нужно это собрание?

Отец Джима покачал головой:

— Вы уже дали добро. В ином случае я нашёл бы двадцать подписей и вынудил провести собрание. Вы что, не можете противостоять Крюгеру?

— В подписях нет необходимости, Джеймс, — сказал ему Макрей. Он повернулся к быстро растущей толпе:

— Кто хочет собрание? Кто хочет услышать то, что Марлоу нам сообщит?

— Я хочу, — раздался крик.

— Кто это? А — Келли. Хорошо. Келли и я — уже двое. Найдется здесь еще восемнадцать человек, которые не пожелают спрашивать у Крюгера разрешение чихнуть? Говорите.

Раздался еще один возглас, за ним еще один.

— Это три и четыре.

Прошло немного времени, и Макрей сосчитал двадцатого. Он повернулся к Представителю:

— Убери от двери своих шестерок, Крюгер.

Крюгер сплюнул. Хендрикс пошептался с ним, затем сделал исполнителям знак уйти. Они были только рады. Толпа потекла в зал.

Крюгер подыскал себе местечко сзади, хотя обычно сидел в президиуме.

Отец Джима заметил, что ни один из членов Совета не стремился занять председательское кресло, и сам шагнул на трибуну.

— Давайте изберем председателя, — заявил он.

— Веди собрание, Джеймс, — это был док Макрей.

— В соответствии с установленным порядком, пожалуйста. Это выдвижение?

— Господин председатель...

— Да, мистер Конски?

— Я предлагаю вашу кандидатуру.

— Хорошо. Выдвигайте теперь другие.

Больше предложений, однако, не последовало, бразды правления были вручены ему единогласно.

Мистер Марлоу сообщил, что им получены новости, имеющие жизненно важное значение для Колонии. Затем безо всяких комментариев он рассказал о том, как Виллис попал в руки Хоу. Крюгер встал:

— Марлоу!

— Обращайтесь, пожалуйста, соответствующим образом.

— Господин председатель, — кисло согласился Крюгер, — вы сказали, что это собрание не для того, чтобы привлечь симпатии к вашему сыну. Вы просто пытаетесь избавить его от неприятной необходимости... Вы...

Мистер Марлоу опустил председательский молоток:

— Вы лишаетесь слова. Садитесь.

— Я не сяду. С нескрываемой наглостью вы...

— Мистер Келли, я назначаю вас парламентским приставом. Следите за порядком. Подберите себе помощников.

Крюгер сел. Мистер Марлоу продолжал:

— Это собрание не имеет никакого отношения к обвинениям, выдвинутым против моего сына и Фрэнка Саттона, но имеет отношение к новостям, которые я благодаря им получил. Все вы видели марсианских круглоголовых — попрыгунчиков, как их называют дети, и вы знаете об их изумительной способности повторять звуки. Возможно, большинство из вас слышали, как это делает любимчик моего сына. Случилось так, что именно этот круглоголовый присутствовал в кабинете Хоу, когда обсуждались кое-какие вещи, о которых нам всем необходимо знать. Джим, принеси сюда своего любимца.

Смутившись, Джим взошел на трибуну и положил Виллиса на председательский стол. Виллис посмотрел вокруг и тут же задраил свои люки.

— Джим, — тревожно шепнул его отец, — вытащи его оттуда.

— Попробую, — согласился Джим. — Ну давай, парень. Никто не обидит Виллиса. Вылезай. Джим хочет поговорить с тобой.

Его отец обратился к присутствующим:

— Эти существа — очень пугливые. Тише, пожалуйста. Ну что там, Джим?

— Я пытаюсь.

— Черт возьми, нам следовало бы сделать запись.

Наконец Виллис выглянул наружу.

— Послушай, Виллис, дружище, — продолжал Джим, — Джим хочет, чтобы ты поговорил. Все ждут, когда ты заговоришь. Ну давай: «Прекрасный день. Прекрасный день, Марк».

— Садись, приятель, — подхватил Виллис. — Всегда рад тебя видеть, — затараторил он, повторяя слова Хоу и Бичера.

Кто-то узнал голос Бичера; раздалось приглушенное восклицание, когда он сказал об этом другим. Мистер Марлоу неистово жестикулировал, призывая всех успокоиться.

Вскоре, когда Бичер начал доверительно излагать свою теорию «законных взяток», Крюгер встал. Келли положил руки ему на плечи и вновь усадил его. Крюгер начал протестовать; Келли зажал ему рот ладонью и улыбнулся: это было именно то, к чему он постоянно стремился с тех пор, как Крюгера назначили руководить Колонией.

В промежутке между двумя важными разговорами аудитория заволновалась; жестами Марлоу объяснил, что самое интересное еще впереди. Волноваться, однако, не стоило: остановить уже начавшего говорить Виллиса было не проще, чем иного застольного оратора.

Когда он закончил, все озадаченно молчали, затем послышался ропот, мгновенно перешедший во всеобщий гам. Его сменил рев, поскольку каждый пытался перекричать другого. Марлоу ударил молотком, призывая всех к порядку, и Виллис, испугавшись, свернулся шаром. Вскоре молодой специалист по фамилии Эндрюс попросил слова.

— Господин председатель... мы понимаем, как все это важно, но насколько мы можем верить этой зверюге?

— А? Я не думаю, чтобы какая-либо из них оказалась способна повторять что-либо, помимо услышанного. Здесь есть эксперт-психолог, который мог бы дать свое заключение? Что вы думаете об этом, доктор Ибанез?

— Я согласен с вами, мистер Марлоу. Круглоголовый способен порождать речь, соответствующую его интеллектуальному уровню, но то, что он сейчас воспроизвел, предварительно должно было быть услышано. Он повторяет словно попугай. Сомневаюсь, что подобная «запись», если позволите мне так ее назвать, могла быть изменена после того, как ее запечатлела нервная система животного. Это непроизвольный рефлекс — сложный и великолепный, но все же рефлекс.

— Вы удовлетворены ответом, Энди?

— Нет, не совсем. Все мы знаем, что попрыгунчик — это только суперпопугай и не настолько умен, чтобы лгать. Но принадлежит ли этот голос Генеральному Представителю? Он похож на него, но я слышал его только по радио.

— Это Бичер, — откликнулся кто-то. — Мне достаточно часто приходилось слушать его ахинею, когда я жил в Сёртисе.

Эндрюс покачал головой:

— Голос действительно похож, но мы должны знать наверняка. Возможно, это талантливый актер.

Крюгер сидел не шевелясь, в состоянии шока. Новости были полной неожиданностью и для него, так как Бичер, избегая риска, не доверял такой информации кому-либо из провинциальных чиновников. Однако, совесть Крюгера была не совсем чиста: в его официальной корреспонденции имелись некоторые намеки на то, что сообщение Виллиса соответствует действительности: миграция не могла произойти без ряда традиционных приказов, издаваемых Центральным бюро. Он также испытывал беспокойство, поскольку знал, что никакой подготовительной работы не производится, хотя, в соответствии с официальным заявлением, переселение должно было начаться меньше, чем через две недели.

Однако замечания Эндрюса подали ему слабую надежду. Поднявшись, он заявил:

— Я рад, что хотя бы у кого-то хватило здравого смысла не попасться на удочку. Сколько времени вы потратили на то, чтобы научить его этому, Марлоу?

— Заткнуть ему рот, шеф? — спросил Келли.

— Нет. На это необходимо ответить. Я думаю, что здесь все зависит от того, верите вы или нет моему парню и его приятелю. Кто-нибудь из вас желает задать им вопросы?

Худой долговязый человек выбрался откуда-то из глубины зала:

— Я могу уладить дело.

— Что? Замечательно, мистер Толанд, вам слово.

— Нужно принести пару приборов. На это уйдет всего несколько минут.

Толанд был инженер-электроник и специалист по акустике.

— А... Я, кажется, понял, что вы намерены сделать. Вам нужен образец с голосом Бичера — для сравнения, не так ли?

— Ага. Но у меня есть все, что надо. Каждый раз, когда Бичер произносил речь, Крюгер просил записать ее.

Несколько человек вызвалось помочь Толанду, после чего Марлоу предложил устроить перерыв. Миссис Поттл сразу же поднялась.

— Мистер Марлоу!

— Да, миссис Поттл. Прошу всех успокоиться.

— Лично я ни минуты больше не собираюсь оставаться здесь и слушать весь этот вздор. Только подумайте: обвинить в таком дорогого мистера Бичера! Не говоря уже о том, что

вы позволили этому ужасному Келли делать с мистером Крюгером! А что до этого зверя, — она указала на Виллиса, — то ему совершенно нельзя доверять, я прекрасно это знаю.

Она фыркнула, сказала: «Пошли, дорогой» мистеру Поттлу и ринулась вон.

— Остановите ее, Келли! — мистер Марлоу сохранял спокойствие. — Я надеюсь, никто не попытается уйти отсюда, пока мы не примем решение. Если Колония решит действовать, возможно, неожиданность даст нам определенное преимущество. Собрание позволит мне принять меры к тому, чтобы ни один скутер не покинул Колонию до тех пор, пока вы не определитесь относительно обсуждаемого вопроса?

Единственное «нет» прозвучало из уст миссис Поттл.

— Найдите себе помощников, мистер Келли, — приказал Марлоу, — и обеспечьте выполнение решения собрания.

— Хорошо, шеф!

— Теперь вы можете идти, миссис Поттл. А вы, мистер Крюгер, — нет.

Мистер Поттл остановился в замешательстве, а затем засеменил следом за женой.

Вернулся Толанд и установил свой аппарат на трибуне. С помощью Джима удалось убедить Виллиса повторить текст, на сей раз для магнитофона. Вскоре Толанд поднял руку.

— Достаточно. Теперь мне надо найти несколько слов для сравнения.

Он выбрал «колония», «компания», «день» и «марсианский», поскольку они встречались в каждой записи Виллиса и в радиовыступлениях Генерального Представителя.

Он тщательно проверял каждое из них, высвечивая на экране осциллоскопа сложный комплекс неподвижных волн, в которые воплотились воспринимаемые на слух особенности индивидуального произношения, позволяющие опознать чей-либо голос с не меньшей достоверностью, чем отпечатки пальцев дают возможность идентифицировать чью-нибудь личность.

Наконец он встал:

— Это голос Бичера, — заявил он категорически.

Отец Джима вновь был вынужден опустить молоток, призывая к порядку. Когда все успокоились, он сказал:

— Итак, — какова будет ваша воля?

— Давайте линчуем Бичера, — крикнул кто-то.

Председатель предложил всем ограничиться реальными задачами.

— А что Крюгер может сказать по этому поводу? — раздался еще один выкрик.

Марлоу повернулся к Крюгеру:

— Господин Представитель, вы выражаете интересы Компании. Вам слово.

Крюгер облизал губы:

— Если допустить, что это животное повторяет высказывания, которые действительно принадлежат Генеральному Представителю...

— Перестань юлить!

— Толанд доказал это!

Глаза Крюгера забегали: перед ним стояла проблема, неразрешимая для человека такого склада.

— Да ведь это вовсе не мое дело, — сказал он сердито. — Меня скоро отсюда переведут.

Поднялся Макрей:

— Мистер Крюгер, вы отвечаете за наше благополучие. Вы хотите сказать, что не станете защищать наши права?

— Дело в том, доктор, что я работаю на Компанию. И даже если ее политика такова — а я не уверен в этом, — вы не можете ожидать от меня выступления против оной.

— Я тоже работаю на Компанию, — доктор помрачнел. — Но я ей не продавался со всеми потрохами, — он обежал толпу взглядом. — Что скажете, люди? Может, выставим его отсюда в шею?

Марлоу вновь был вынужден призвать к порядку:

— Садитесь, доктор. Нам некогда тратить время по пустякам.

— Господин Председатель...

— Да, миссис Палмер?

— Как вы думаете, что нам делать?

— Я предпочел бы услышать предложения из зала.

— Напрасно — вы узнали об этом раньше, чем мы; и, должно быть, уже что-то решили. Расскажите нам.

Марлоу увидел, что ее пожелание пользуется поддержкой.

— Ну что ж, хорошо, я выражу наше общее с мистером Саттоном мнение. По контракту мы имеем право на миграцию, и Компания обязана нам это позволить. Я собираюсь мигрировать немедленно.

— Я тоже!

— И я!

— Вопрос! Здесь вопрос!

— Откроем дебаты? — спросил Марлоу.

— Один момент, господин председатель... — это говорил некто по имени Хамфри Гиббс — невысокий аккуратный человек. — Мы действуем слишком поспешно и, если мне будет позволено так выразиться, в противоречии с установленным порядком. Мы

еще не исчерпали всех имеющихся у нас возможностей. Нам следует связаться с мистером Бичером. Существуют, возможно, серьезные основания для такого изменения политики.

— А как вы себя чувствуете при минус сто?

— Господин председатель, я просто вынужден просить вас призвать всех к порядку.

— Пусть он скажет, — распорядился Марлоу.

— Как я уже говорил, существуют, возможно, серьезные основания, но правление Компании на Земле, вероятно, не слишком хорошо осведомлено о здешних условиях. Если мистер Бичер не способен помочь нам, следует связаться с правлением и попытаться договориться. Но нам не следует ставить себя над законом. Если даже произойдет самое плохое, у нас есть контракт; и если нас к тому принудят, мы всегда можем подать в суд.

Он сел. Макрей снова поднялся.

— Кто-нибудь возражает против моего выступления? Я не хочу нарушать процедуру.

Последовала одобрительная тишина; и он продолжил:

— Итак, этот слюнтяй хочет подать в суд! Ко времени, когда он «исчерпает все имеющиеся у нас возможности» — и нас вместе с ними! — на улице будет минус сто тридцать и иней толщиной в фут. А он желает организовать длительный судебный процесс — там, на Земле — и нанять адвоката!

Если хотите соблюдать контракт, соблюдайте его сами. Вы знаете, что кроется за всем этим: еще в прошлом году, когда Компания сократила пособие на домашнее хозяйство и стала взимать деньги за излишки багажа, все стало ясно. Я предупреждал вас тогда — но правление было за сто миллионов миль отсюда, и вы предпочли платить, а не бороться. Компания терпеть не может тратиться на наш переезд, но еще более важен тот факт, что они страстно желают прислать к нам дополнительное количество иммигрантов, причем быстрее, чем мы сможем их принять. Им кажется, что они с наименьшими потерями выпутаются из ситуации, если как Южная, так и Северная колонии будут постоянно заняты. Это, конечно, проще, чем строить новые дома.

Как только что заметил любезный Гиббс, они не знают, какие здесь условия, и не понимают, что мы не сможем эффективно трудиться зимой.

Вопрос не в том, сможем мы или нет пережить полярную зиму: смотрители-эскимосы зимуют здесь каждый год. И дело не просто в контракте. Главное — хотим мы быть свободными людьми, или мы позволим принимать за нас решения на другой планете, кем-то, кто Марса в глаза не видел!

Еще минуту — позвольте мне закончить! Мы — передовой отряд. Когда атмосферный проект будет завершен, за нами последуют миллионы других людей. Ими что, тоже будет править совет собственников с Земли? Что, Марс останется ее колонией? Пришло время решить этот вопрос!

Воцарилась мертвая тишина, а затем раздались редкие аплодисменты.

— Продолжаем дебаты? — спросил Марлоу.

Поднялся мистер Саттон.

— В том, что сказал док, доля правды есть. Мне никогда не нравилось подчиняться помещикам, не живущим в своем поместье.

— Правильно, Пэт, — воскликнул Келли.

— Я снимаю эту тему с обсуждения, — сказал отец Джима. — Настоящий и единственный вопрос на сегодня — вопрос о немедленной миграции. Вы готовы голосовать?

Проголосовали единогласно. Если кто-то воздержался, то, во всяком случае, не стал подавать голос против. Таким образом уладив дело, они затем избрали чрезвычайный комитет, председатель которого был подотчетен комитету, а комитет за свои решения отчитывался перед всей Колонией.

Председателем был вновь избран Джеймс Марлоу-старший. Предлагали также доктора Макрея, но он отказался даже от обсуждения. Мистер Марлоу расквитался с ним, включив его в комитет.

В Южной колонии жили пятьсот девять человек (включая детей и стариков). В их распоряжении было одиннадцать скутеров: количество, в принципе, достаточное. Однако, для того, чтобы перевезти всех за один раз, людей приходилось грузить почти как тюки, ограничивая багаж несколькими фунтами ручной клади. Обычно миграция осуществлялась не менее чем в три этапа, причем Малый Сёртис обеспечивал дополнительное число скутеров.

Отец Джима решил перевезти всех разом, надеясь, что последующее развитие событий позволит вернуться за личными вещами. То и дело раздавались голоса протеста, но он упорно стоял на своем, комитет его поддерживал, и никто не пытался созвать городское собрание. Было решено отправляться в понедельник на рассвете.

Крюгеру позволили вести дела своей конторы — Марлоу предпочитал заправлять всем самостоятельно. Но Келли, который продолжал оставаться чем-то вроде начальника полиции, вменялось

в обязанность постоянно держать Крюгера под контролем. Келли позвонил Марлоу в воскресенье днем:

— Аллё, шеф, слышали новость? Пара полицейских из Компании только что прибыла на скутере, чтобы забрать ваших с Саттоном парней назад в Сёртис.

Марлоу задумался: Крюгер, должно быть, позвонил Бичеру, как только узнал, что ребята вернулись домой.

— Где они сейчас?

— Здесь, в кабинете Крюгера. Мы их арестовали.

— Приведите их сюда. Я хочу задать им несколько вопросов.

— Хорошо.

Скоро они появились — два крайне раздраженных мужчины, обезоруженные и в сопровождении Келли и его помощника.

— Отлично, мистер Келли. Нет, оставаться не нужно — я вооружен.

Когда Келли и его заместитель ушли, один из людей Компании сказал:

— Вам это так не пройдет, знаете ли.

— Повреждений вам не нанесли, — спокойно заметил Марлоу, — и вскоре вам вернут ваше оружие. Я просто хочу вас кое о чем спросить.

Но все, чего ему удалось от них добиться — это была пара недовольных отрицательных ответов. Вновь зазвонил местный телефон, и на экране появилось лицо Келли:

— Вы мне не поверите, шеф...

— Не поверю чему?

— Старая лиса Крюгер удрал в том самом скутере, на котором прибыли эти пташки. Я даже не знал, что он умеет водить.

Выражение лица Марлоу ничем не выдало его чувств. После короткой паузы он ответил:

— Время отправления переносится: поедем сегодня на закате. Бросайте дела и сообщите всем об этом.

Он посмотрел на диаграмму.

— Это будет через два часа десять минут.

Протесты зазвучали громче, чем когда-либо прежде, и, тем не менее, когда Солнце коснулось горизонта, первый скутер отправился в путь. Остальные двинулись следом с интервалами в тридцать секунд.

Солнце скрылось, и одновременно с ним тронулся последний скутер. Колония устремилась на север.

X

«НАС ЗАГНАЛИ В УГОЛ»

Четыре скутера представляли собой устаревшую модель, и их максимальная скорость не превышала двухсот миль в час. Они шли впереди, задавая темп. Приблизительно в полночь у одного из них забарахлил двигатель, и всей колонне пришлось сбавить ход. Примерно в три скутер совсем встал, пришлось остановиться и размещать его пассажиров по другим скутерам — занятие весьма рискованное.

Макрей и Марлоу снова забрались в штабную машину, шедшую последней. Доктор взглянул на часы:

— Думаешь остановиться в Гесперидуме, командир? — спросил он, когда скутер тронулся.

Станцию Циния они проследовали без остановки, до Гесперидума оставалось совсем немного, а за ним, примерно в семистах милях, находился Малый Сёртис.

Марлоу нахмурился:

— Я бы не хотел. Если мы задержимся в Гесперидуме, то придется ждать до заката, чтобы укрепился лед, и мы потеряем почти сутки. Крюгер опережает нас, и в распоряжении Бичера окажется целый день, чтобы найти способ нас остановить. Если бы я был уверен, что после восхода лед будет держать достаточно долго и мы успеем добраться туда... — он остановился и закусил губу.

В Южной колонии была ранняя зима, и канал встал подо льдом до самой весны. Но они уже почти достигли экватора. По ночам покрытые льдом, утром здесь каналы оттаивали из-за ежедневных резких перепадов температуры, которые происходили вследствие разреженности марсианской атмосферы. К северу от экватора, куда они направлялись, весенние воды уже побежали с тающей полярной шапки. Вода замерзала в канале ночью, но это был плавучий лед, двигавшийся вместе с потоком, а ночные облака помогали сохранить дневную жару.

— В случае, если проскочим без остановки, что думаешь делать, командир? — настаивал Макрей.

— Сразу к пристани, поднимем скутеры и загрузим все имеющиеся там лодки. Как только лед станет достаточно слабым для того, чтобы лодки могли разбить его, отправляемся на север. Было бы неплохо, если бы примерно сотни полторы наших уже двинулись из Малого Сёртиса еще до того, как Бичер придет в себя. У меня нет никакого конкретного плана — только желание действовать быстро и решительно, чтобы у него тоже не осталось

времени рассчитывать свои шаги. Я хочу поставить его перед уже свершившимися фактами.

Макрей кивнул.

— Дерзость — ключ к победе. Действуй.

— Я хочу, но боюсь за лед. Если скутер провалится, будут жертвы — по моей вине.

— У тебя достаточно толковые водители, чтобы выстроить машины эшелоном, как только взойдет Солнце. Джеймс, я давно усвоил, что в этой жизни иногда необходимо рисковать. Иначе ты просто растение, цель которого — попасть в суп, — он умолк и стал вглядываться куда-то через плечо водителя. — Там впереди свет — это, должно быть, Гесперидум. Решайся, Джеймс.

Марлоу не ответил. Спустя некоторое время свет остался позади. Когда Солнце взошло, Марлоу велел своему водителю выбраться из колонны и возглавить ее. Около девяти они миновали стоянку скутеров Малого Сёртиса, затем космопорт и оказались прямо у бухты, которая являлась конечной станцией на главном канале, если двигаться с севера. Водитель вырулил на откос и еще больше снизил обороты, не обращая внимания на полозья. Головная машина проползла вдоль откоса и остановилась; остальные затормозили следом.

Из штабной машины выбрались Марлоу, Келли и Макрей, за ними, с Виллисом на руках, последовал Джим. Двери других скутеров открылись, и люди начали выходить.

— Келли, скажи им вернуться в машины, — мистер Марлоу говорил отрывисто.

Услышав это, Джим спрятался за его спину и попытался не привлекать к себе внимания.

Марлоу сердито смотрел на бухту. В ней не было ни одной лодки. На противоположном берегу, вытащенный на ростры, стоял один маленький катер со снятым мотором. Наконец Марлоу повернулся к Макрею.

— Да, док, я влип и не знаю, как выкрутиться.

— Если бы ты остановился в Гесперидуме, было бы не лучше.

— И не хуже.

Какой-то человек вышел из складского помещения и направился к ним.

— Что это там? — спросил он, глядя на стоящие скутеры. — Цирк?

— Это ежегодная миграция.

— Никак не мог понять, когда ваши люди проедут на север. Здесь об этом — ни слова.

— А где лодки?

— Всё еще разбросаны там и сям, главным образом у проект-

ных объектов, я думаю. Я с этим не связан. Позвоните лучше в транспортное агентство.

Марлоу опять нахмурился:

— Вы можете мне сказать, по крайней мере, где находится наше временное жилище?

Каждый раз, когда начиналась миграция, для поэтапно прибывавших колонистов отводился отдельный склад, предварительно переоборудованный в нечто, напоминающее казарму, так как единственная гостиница Компании — отель «Марсополис» — располагала только двадцатью номерами.

Человек растерялся:

— Теперь, когда вы упомянули об этом, я сообразил, что не слышал о проведении соответствующих работ. Похоже, весь график полетел к чертям, да?

Марлоу выругался, поняв, что его вопрос был неуместен. Бичер, естественно, не сделал никаких приготовлений для миграции, которую он вообще не собирался разрешать.

— Где-нибудь поблизости есть телефон?

— У меня в конторе — я здесь заведующий складом. К вашим услугам.

— Спасибо, — сказал Марлоу и пошел туда. Макрей направился следом.

— Что собираешься делать?

— Хочу позвонить Бичеру.

— Ты думаешь, это разумно?

— Черт возьми, должен же я выпустить людей из машин. Там ведь грудные дети — и женщины.

— Они в безопасности.

— Послушай, док, теперь, когда мы здесь, Бичер обязан что-то сделать.

Макрей пожал плечами:

— Тебе решать.

Переговорив сначала с несколькими секретарями, Марлоу, наконец, увидел на экране Бичера. Генеральный Представитель не узнал его:

— Да? Ну говори, дружище, какое там у тебя срочное дело?

— Моя фамилия Марлоу. Я исполняю обязанности председателя комитета жителей Южной колонии. Я хочу знать...

— Ах, да! Знаменитый мистер Марлоу. Мы видели, как прибыла твоя армия голодранцев, — Бичер отвернулся и сказал что-то в сторону. Ему ответил голос Крюгера.

— Теперь, когда мы здесь, что вы собираетесь с нами делать?

— Делать? А разве не ясно? Как только вечером застынет лед, вы все развернетесь и поедете назад — туда, откуда приехали.

Все, кроме тебя — ты останешься здесь до суда. И твой сын, если я правильно помню.

Марлоу сдержался:

— Я говорю не об этом. Мне нужно помещение со столовой и туалетами на пятьсот человек.

Бичер только отмахнулся:

— Пусть остаются, где есть. Один день не принесет им вреда. Это им наука.

Марлоу хотел было ответить, передумал и отсоединился:

— Ты был прав, док. Разговаривать с ним не имеет никакого смысла.

— Что ж, вреда это тоже не принесло.

Они вышли на улицу и обнаружили, что Келли построил цепочку своих помощников вокруг скутеров.

— Я начал волноваться и поэтому решил расставить вокруг кое-кого из парней.

— Из тебя бы получился лучший командир, чем я, — сказал ему Марлоу. — Что-нибудь произошло?

— Один из бичеровских полицейских сунулся сюда, но затем опять ушел.

— Почему ты его не схватил? — спросил Макрей.

— Да я хотел, — ответил Келли, — но он не остановился, когда я крикнул ему. Его мог остановить только выстрел.

— Надо было слегка его зацепить, — сказал Макрей.

— Надо? — обратился Келли к Марлоу. — У меня было желание, но я не знал, в какой стадии сейчас наши отношения. Это — открытая война или просто ссора с Компанией?

— Ты поступил правильно, — заверил его Марлоу. — Стрельбы не будет, если только Бичер сам не начнет ее.

Макрей хмыкнул, Марлоу повернулся к нему:

— Ты не согласен?

— Я вспомнил случай, с которым я столкнулся на американском Западе. Уважаемый гражданин застрелил в спину профессионального убийцу. Когда его спросили, почему он не дал противнику возможность защищаться, этот гражданин сказал: «Он — мертвый, а я — живой, всё именно так, как я хотел». Джеймс, если ты будешь относиться к заведомому мерзавцу как к порядочному человеку, ты окажешься в жутко невыгодном положении.

— Доктор, сейчас не время рассказывать истории. Я должен немедленно добыть для этих людей безопасное жилье.

— Я остаюсь при своем мнении, — настаивал Макрей, — поиски жилья — не самое срочное дело.

— Что же тогда самое срочное?

— Создай оперативную группу из своих лучших стрелков и пошли их сцапать Бичера и других чиновников Компании. Я берусь руководить.

Марлоу сердито отмахнулся.

— Вне обсуждения. Пока мы — группа граждан, действующих в соответствии с законом. Один такой шаг — и мы все вне закона.

Макрей покачал головой.

— Ты не понимаешь значения уже совершенных тобой поступков. Ты знаешь, что вода течет вниз по склону, но думаешь, что она никогда не достигнет дна. С точки зрения Бичера, ты уже вне закона. Мы все.

— Ерунда. Мы просто добиваемся выполнения контракта. И если Бичер что-то себе позволяет, мы действуем соответственно.

— Говорю тебе, сынок, — за дело надо браться твердой рукой.

— Доктор Макрей, если вы так хорошо во всем разбираетесь, почему вы отказались стать председателем?

Макрей покраснел:

— Простите, сэр. Каковы будут ваши распоряжения?

— Вы знаете Сёртис лучше меня. Где здесь здание, которое мы могли бы реквизировать в качестве временного пристанища?

Джим решил, что настал удачный момент.

— Пап, — сказал он, выходя из-за его спины, — я знаю, где мы сейчас, а колледж находится...

— Джим, у меня нет времени на болтовню. Иди в машину.

— Но, папа, туда идти всего десять минут!

— Я думаю, его предложение не лишено смысла, — вмешался доктор. — В колледже есть настоящие кровати для детей и кухня.

— Хммм — хорошо. Может быть, нам стоит использовать оба здания и устроить женщин и маленьких детей в женском колледже?

— Джеймс, — посоветовал доктор, — рискуя снова выслушать отповедь, я говорю «нет». Не разделяй свои силы.

— Я, собственно говоря, и не собирался. Келли!

— Да, сэр.

— Выводите всех. И пошлите к машинам по человеку из числа ваших помощников — пусть отвечают за каждую группу и не дают им разбрестись.

— Есть.

На улицах заселенной землянами территории Малого Сёртиса пешеходов почти не было — они предпочитали пользоваться тунелями. Те несколько человек, которых колонисты все-таки повстречали, казалось, были удивлены, но ни один из них не доставил им хлопот.

Пневматический замок на входной двери колледжа отличался

сверхпрочностью. Когда, после повторного усилия, внешняя дверь наконец открылась, Хоу шагнул вперед. Он был рассержен.

— Что все это значит? — спросил он.

Едва завидев его, Виллис свернулся шаром. Джим спрятался за спину отца. Марлоу шагнул вперед:

— Сожалеем, но мы вынуждены использовать помещение колледжа в качестве временного приюта.

— Этого делать нельзя. И вообще, кто вы такой?

— Моя фамилия Марлоу. Я отвечаю за миграцию.

— Но... — внезапно Хоу повернулся, пробрался сквозь толпу и исчез.

Спустя почти тридцать минут Марлоу, Макрей и Келли зашли в колледж вместе с последней группой. Марлоу приказал Келли поставить по часовому за каждой дверью. Макрей хотел было предложить выстроить цепочку вооруженных охранников снаружи здания, но смолчал.

Мистер Саттон ждал Марлоу в прихожей:

— Экстренное сообщение от миссис Палмер, шеф, — она просила передать вам, что еда будет готова примерно через двадцать минут.

— Отлично! Я сам не прочь слегка перекусить.

— А штатная повариха колледжа сидит, надувшись, в столовой. Она хочет поговорить с тобой.

— Объяснись с ней сам. Где Хоу?

— Черт его знает. Он пронесся здесь, как ангел-истребитель.

Человек протискивался вперед сквозь толпу — прихожая была переполнена не только колонистами, но и студентами. Повсюду происходили встречи родителей с их сыновьями. Келли хлопал по спине своего отпрыска, и тот не оставался в долгу. Стоял гул. Человек, наконец, пробрался, наклонился к уху Марлоу и сказал:

— Мистер Хоу у себя в кабинете. Он там заперся, я только что пытался зайти к нему.

— Пусть сидит, — решил Марлоу. — Вы кто?

— Ян ван дер Линден, здешний преподаватель естественно-научных дисциплин. А вы, если позволите?

— Фамилия — Марлоу. Я отвечаю за этот сумасшедший дом. Послушайте, мы собираемся пробыть здесь по крайней мере день или два. Вы могли бы отправить домой ребят из города — и учителей тоже.

Преподаватель колебался:

— Мистеру Хоу не понравится, если я поступлю так без его согласия.

— Я в любом случае намерен сделать это, но вы можете

ускорить этот процесс. Я беру на себя полную ответственность.

Джим сквозь толпу увидел маму и не стал дожидаться конца разговора. Она прислонилась к стене, держа Оливера; ее внешний вид свидетельствовал о крайней усталости. Филлис стояла рядом. Джим скользнул в толпу.

— Мама!

Она обернулась:

— Что, Джимми?

— Пойдем со мной.

— Ох, Джимми, я слишком устала.

— Пошли! Я знаю место, где ты сможешь прилечь.

Через несколько минут он привел их в комнату, в которой когда-то жили они с Фрэнком. Мама опустилась на его койку.

— Джимми, ты ангел.

— Не волнуйся. Фил принесет тебе что-нибудь поесть. Я пойду назад и посмотрю, что происходит.

Он пошел было, но задержался.

— Фил, ты не могла бы позаботиться о Виллисе?

— Почему? Я тоже хочу посмотреть, что происходит.

— Ты девочка, тебе лучше не путаться под ногами.

— Но мне нравится! Я думаю, что все это имеет ко мне такое же отношение...

— Перестаньте, дети. Джимми, мы позаботимся о Виллисе. Скажи отцу, где мы находимся.

Джим передал сообщение и стал в конец длинной очереди за едой. Когда очередь наконец подошла, и завтрак был съеден, он обнаружил, что большинство колонистов собралось в огромной аудитории колледжа. Он вошел туда, отыскал взглядом доктора Макрея с Фрэнком и пробрался к ним.

Его отец призывал к порядку, используя рукоятку своего пистолета в качестве председательского молотка.

— Слово мистеру Линтикуму.

Выступавшему было около тридцати лет, он говорил в раздражающе агрессивной манере:

— Доктор Макрей прав: нечего нам валять дурака. Мы должны раздобыть лодки, чтобы добраться до Копайса, верно? Бичер нам их не дает, верно? Всё, чем он располагает, — это наряд полиции, верно? Даже если он мобилизует каждого в Сёртисе мужчину, у него будет где-то сто пятьдесят ружей, верно? У нас вдвое больше. Кроме того, Бичер не сможет заставить всех местных работников воевать с нами. Так что нам делать? Пойдем туда, возьмем его за шкирку и сами заставим сделать то, что нужно. Верно? — он уселся с довольным видом.

— Храни Господь меня от моих друзей, — пробормотал Макрей.

Несколько человек хотели говорить, Марлоу выбрал одного из них:

— Слово мистеру Гиббсу.

— Господин председатель... соседи... Мне редко доводилось слышать более непродуманное и провокационное выступление. Вы, мистер Марлоу, склонили нас к этой опрометчивой авантюре, которую я никогда не одобрял...

— Вы же согласились! — крикнул кто-то.

— Тихо! — сказал Марлоу. — Переходите к делу, мистер Гиббс.

— ...но предпочел подчиниться воле большинства, а не выступить против. Сейчас нервозность и спешка могут привести нас к прямому насилию. Но теперь, когда мы находимся здесь, рядом с резиденцией правительства, совершенно очевидно, что надо подать прошение и попытаться искупить вину.

— Если вы хотите этим сказать, что нужно попросить у Бичера транспорт до Копайса, мистер Гиббс, то я уже это сделал.

Гиббс слегка улыбнулся:

— Простите меня, мистер Марлоу, но личность просителя иногда влияет на результат принимаемого решения. Насколько я понимаю, среди нас находится мистер Хоу, директор этого колледжа и человек, пользующийся авторитетом у Генерального Представителя. Не будет ли разумно обратиться к нему за помощью в ведении переговоров с Представителем?

— Ему последнему из живущих на Марсе я позволю говорить от моего имени! — крикнул мистер Саттон.

— Соблюдай процедуру, Пэт, — сказал Марлоу. — Я тоже так считаю, но не буду возражать в случае, если это совпадет с желанием большинства. Но, — продолжал он, обращаясь к залу, — здесь ли еще Хоу? Я что-то его не вижу.

Келли поднялся с места:

— Он здесь, забился в свой кабинет. Я поговорил с ним через отдушину. Я пообещал, что здорово его вздую, — пусть выйдет оттуда и постоит за себя, как подобает мужчине.

— Ну это уж чересчур! — возмутился мистер Гиббс.

— У нас свои счеты — дело касается моего парня, — объяснил Келли.

Марлоу стукнул по столу.

— Я полагаю, мистер Келли откажется от этих претензий, если вы пожелаете, чтобы Хоу вел переговоры от вашего имени. Будет такое предложение?

Его сделал Гиббс, и в результате только он и Поттлы проголосовали «за». После голосования Джим сказал:

— Папа?

— Обращайся должным образом, сын. Что у тебя?

— Господин председатель, у меня идея. Я вот что думаю: если у нас нет лодок, может, мы сумеем добраться до Копайса тем же способом, каким Фрэнк и я вернулись в Чаракс — то есть с помощью марсиан? Если люди того захотят, — добавил он, — я думаю, мы с Фрэнком могли бы вернуться туда, найти Гекко и узнать, что можно сделать.

Некоторое время было тихо, затем послышалось бормотание: «О чем это он говорит?» Хотя почти все колонисты слышали рассказ двух мальчиков, было очевидно, что в него не поверили, либо просто не обратили на него внимания. Сообщение противоречило личному опыту, а большинство колонистов были привязаны к идее «здравого смысла» не меньше, чем их родственники на Земле.

Мистер Марлоу нахмурился:

— Мы не слышали о том, чтобы туземцы располагали подобными средствами коммуникации отсюда до Копайса...

— Ручаюсь, они у них есть!

— И мы не знаем, позволят ли они нам воспользоваться ими, даже если они здесь есть.

— Но, папа, Фрэнк и я...

— Процедурный вопрос, господин председатель! — это снова был Гиббс. — В соответствии с каким порядком вы позволяете выступать детям на совещании взрослых людей?

Мистер Марлоу смутился; слово взял доктор Макрей.

— Еще один процедурный вопрос, господин председатель. С каких пор этот тюфяк... — он показал на Гиббса.

— Доктор, держите себя в руках.

— Извините. Я хочу узнать, почему этот великолепный образец несгибаемого патриота и мужа, мистер Гиббс, пришел к заключению, что Фрэнк с Джимом и другие вооруженные люди их возраста не являются гражданами? Могу добавить, что я был взрослым мужчиной, когда достопочтенный Гиббс еще пускал слюни на свой передник.

— Я призываю вас к порядку!

— Простите. Я хочу сказать: в то время он даже не достиг нынешнего возраста мальчиков.

Мы живем в обществе первопоселенцев и любой юноша, достаточно взрослый для того, чтобы сражаться, — это мужчина и требует соответствующего к себе отношения. И любая девушка, способная готовить и ухаживать за детьми, — тоже взрослый человек. Понимаете вы это или нет, но наступает момент, когда вы должны будете бороться за свои права. Молодежь будет сражаться, и вам надлежит относиться к ней соответственно. Двадцать пять — мо-

жет, хороший возраст для получения гражданских прав в отживающем свой век, одряхлевшем Земном обществе, но мы здесь не обязаны следовать обычаям, которые нам не подходят.

Мистер Марлоу стукнул своим пистолетом:

— Я снимаю эту тему с обсуждения. Джим, потом подойди ко мне. У кого-нибудь есть предложения по проблемам текущего момента? Мы вступаем в переговоры или прибегаем к силе?

— Я одобряю, — сказал мистер Конски, — этот шаг, если возникнет необходимость, но она может и не возникнуть. Не согласитесь ли вы, мистер Марлоу, позвонить мистеру Бичеру еще раз? У нас достаточно сил — мы можем поступить так, как сочтем нужным. Не исключено, что это вразумит его. Вот моя мысль.

Эта идея получила одобрение. Мистер Марлоу выдвинул предложение, чтобы кто-нибудь другой вел переговоры от имени колонистов, но оно было отклонено. Он сошел с трибуны и направился к переговорной кабинке. Замок, поставленный Хоу, пришлось взломать.

Казалось, Бичер был доволен собой:

— Ах, ну да — мой добрый друг Марлоу. Ты позвонил, чтобы сдаться?

Марлоу спокойно изложил Бичеру цель своего звонка.

— Лодки в Копайс? — засмеялся Бичер. — Вечером скутеры заберут вас назад в Южную колонию. Все, кто к тому времени будет готов к отправке, избегут последствий своих необдуманных решений. Кроме тебя, конечно.

— Позвольте заметить, что мы численностью значительно превышаем любые силы, которые вы способны собрать здесь, в Малом Сёртисе. Мы намерены действовать в соответствии с контрактом. Но если вы вынудите нас прибегнуть к силе, мы сделаем это.

Бичер ухмыльнулся во весь телеэкран:

— Угрозы не страшат меня, Марлоу. Сдавайтесь. Выходить по одному, без оружия, с поднятыми руками.

— Это ваше последнее слово?

— Только одна деталь. Вы держите мистера Хоу под арестом. Немедленно отпустите его, или я обвиню тебя в захвате заложников.

— Хоу? Он не заключенный; он может уйти в любое время.

Бичер пояснил сказанное.

— Это личное дело Келли и Хоу, — ответил Марлоу. — Можете позвонить Хоу в кабинет и сказать ему об этом.

— Ты должен обеспечить ему личную безопасность, — настаивал Бичер.

Марлоу покачал головой:

— Я не собираюсь вмешиваться в частную ссору. У себя в каби-

нете Хоу в безопасности, и мне не о чем волноваться. Бичер, я даю тебе еще один шанс мирно предоставить нам лодки.

Бичер посмотрел на него и отсоединился.

— Может быть, вам следовало бы скормить меня волкам, шеф, — сказал Келли.

Марлоу почесал подбородок.

— Не думаю. Я не должен держать заложника — но в этом здании безопаснее, когда Хоу здесь. Насколько мне известно, в Сёртисе нет бомб или другого мощного оружия — но хотел бы я знать, что вселяет в Бичера такую уверенность?

— Он блефует.

— Возможно, — Марлоу вернулся и сообщил результаты переговоров всем колонистам.

Миссис Поттл встала:

— Что ж, мы немедленно принимаем великодушное предложение мистера Бичера! Вы только подумайте, — держать в заключении мистера Хоу! Я очень надеюсь, что вы понесете должное наказание, и этот грубиян мистер Келли — тоже. Пошли, дорогой! — вновь царственной походкой она направилась к выходу, а мистер Поттл засеменил следом.

— Есть еще желающие сдаться? — спросил Марлоу.

Гиббс неуверенно огляделся и пошел за ними. В полной тишине они покинули зал. Затем Толанд сказал:

— Предлагаю приготовиться к действиям.

— Поддерживаю!

— Поддерживаю предложение!

Начинать дебаты никто не хотел; предложение было тут же принято. Марлоу избрали капитаном с полномочиями назначить офицеров.

Вдруг, с бледным лицом и дрожащими руками, спотыкаясь, вошел Гиббс.

— Они мертвы! Они мертвы! — кричал он.

Восстановить порядок Марлоу не удалось. Тогда он протиснулся сквозь окружившую Гиббса толпу и спросил:

— Что случилось? Кто мертв?

— Поттлы. Меня тоже чуть не убили.

Он достаточно успокоился, чтобы рассказать о случившемся. Все трое надели маски и вышли за дверь. Миссис Поттл не стала озираться и сразу шагнула на улицу, ее муж шел сзади. Их сожгли, как только они миновали арку. Их тела лежат на улице перед колледжем.

— Это ваша вина, — взвизгнул Гиббс, глядя на Марлоу, — вы втравили нас в это дело.

— Секунду, — сказал Марлоу. — Они сделали все, что требовал

Бичер? По одному, подняв руки и так далее? У Поттла не было оружия?

Гиббс покачал головой и отвернулся.

— Не в том дело, — горько сказал Макрей. — Пока мы вели дебаты, Бичер загнал нас в угол.

XI

ОСАЖДЕННЫЕ

Как показала проверка, это была печальная правда. Главный и запасной выходы находились под прицелом, по всей видимости, бичеровских полицейских — которые, неуязвимые для ответного огня, обладали возможностью сжечь любого, кто попытается покинуть здание. Пневматическая конструкция дверных замков превращала любую вылазку в самоубийство.

Колледж находился в некотором удалении от местных жилых домов и не был соединен с ними туннелем. Окна также отсутствовали. Колония насчитывала сотни людей, обладавших правом носить оружие, — и, однако, горстка бичеровских стрелков могла держать их здесь как в мешке.

Под влиянием громогласного доктора Макрея собрание возобновило работу.

— Прежде чем я начну, — сказал Марлоу. — Есть еще желающие сдаться? Я вполне уверен, что Поттлов застрелили, потому что они вышли на улицу без предупреждения. Если начать кричать и махать чем-нибудь белым, то, очевидно, капитуляция будет принята.

Он подождал. Вскоре поднялся один человек с женой, за ними еще несколько потянулись к выходу. В зале царила гробовая тишина.

Когда дверь за ними закрылась, капитан Марлоу вернулся к организационным вопросам. Он назначил миссис Палмер уполномоченной по хозяйственной части, док стал начальником штаба, Келли возглавил охрану, ответственную за внутреннюю безопасность. Саттон и Толанд получили задание сконструировать нечто вроде переносного экрана для отражения продольного огня, которым были поражены мистер и миссис Поттл. Джим с напряженным интересом следил за приготовлениями до тех пор, пока, после назначения взводных командиров, не стало ясно, что его отец не намеревается ставить ребят в строй. Студентов колледжа разбили на два резервных взвода, а затем отпустили.

Джим остался, пытаясь перекинуться словом со своим отцом. Наконец он сумел привлечь к себе внимание:

— Па...

— Не до тебя сейчас, Джим.

— Но, папа, ты же велел подойти к тебе насчет марсиан, которые помогут нам добраться до Копайса.

— Марсиане? Ах... ну да, — мистер Марлоу задумался, а потом сказал: — Забудь от этом, Джим. Пока мы отсюда не выберемся, ни этот, ни любой другой план не сработает. Пойди, посмотри, как там мама.

Отвергнутый, Джим мрачно побрел прочь. Фрэнк догнал его и зашагал рядом:

— Знаешь, Джим, иногда ты несешь значительно меньше всякого вздора, чем обычно.

Джим подозрительно посмотрел на него:

— Если это комплимент — спасибо.

— Не комплимент, Джим, простая справедливость. Хотя я не часто одобряю твои смутные идеи — признаю, на этот раз тебе в голову пришла отличная мысль.

— Заканчивай вступление и переходи к делу.

— Отлично. Дело: когда ты предложил обратиться за помощью к марсианам, ты попал в самую точку.

— Да? Что ж, спасибо, но мне самому так не кажется. Как заметил отец, мы не сможем ничего сделать до тех пор, пока не найдем способ выбраться отсюда. А тогда, я думаю, нам уже не понадобится их помощь.

— Ты слишком торопишься с предположениями. Давай, как сказал бы док, проанализируем ситуацию. Во-первых, твой отец позволил им загнать нас сюда.

— Оставь в покое моего отца!

— Я не хочу сказать о нем ничего плохого. Твой отец — отличный парень. Но, действуя по-джентльменски, он предоставил им возможность поймать нас в ловушку; и мы не можем отсюда выбраться. Я не виню его за это, но так оно и есть. И что они в связи с этим собираются делать? Твой старик говорит моему и этому растяпе Толанду соорудить щит — что-то вроде брони, — который позволит нам выйти наружу, где мы сможем постоять за себя. Ты полагаешь, у них что-нибудь получится?

— Не знаю, я не думал об этом.

— А я думал. Ничего у них с этим не выйдет. Отец — хороший инженер. Дайте ему оборудование и материал, и он сделает все, что хотите. Но что у него есть? Студенческая мастерская — а ты знаешь, в каком она состоянии. Компания никогда не тратилась на ее оборудование; она годится только, чтобы делать подставки

для книг. Материал? Из чего они собираются изготовить щит? Из крышек кухонных столов? Разряд прошьет их, как бумагу.

— Ну, здесь найдется что-нибудь, чем они смогут воспользоваться.

— Назови.

— Так что же ты предлагаешь нам делать? — спросил Джим раздраженно. — Сдаваться?

— Нет, естественно. Наши старики двинулись по наезженной колее. Здесь-то мы и проявим находчивость — используем твою идею.

— Перестань говорить о моей идее. У меня нет никаких идей.

— Отлично. Беру авторство целиком на себя. Мы сообщим Гекко, что нам нужна помощь. Он наш друг по воде, он позаботится об этом.

— Чем Гекко может нам помочь? Марсиане не воюют.

— Это верно, но что из этого следует. Люди никогда не воевали с марсианами, *никогда*. Бичер не рискнет их обидеть. Все знают, с каким трудом Компании удалось убедить марсиан, что не произойдет ничего плохого, если они разрешат нам здесь поселиться. Предположим теперь: двадцать-тридцать марсиан — или даже один — притопают к главному входу этого здания: что будут делать бичеровские полицейские?

— Хм?

— Они перестанут стрелять, а мы повалим отсюда. Вот что Гекко может для нас сделать. Он может устроить все так, что Бичеру придется отозвать своих стрелков. Он будет вынужден пойти на это.

Джим задумался. Идея, безусловно, не без достоинств. Каждому прибывшему на Марс, буквально вбивали в голову, что аборигенам нельзя мешать, нельзя их провоцировать, нарушать их обычаи и, тем более, причинять им вред. К таким выводам, ставшим важнейшим законом для всех поселений на Марсе, привела странная и печальная история первых контактов с марсианами. Джим не допускал мысли, что Бичер когда-либо нарушит эту заповедь, — и точно так же он не мог представить себе, чтобы это сделали полицейские Компании. В обычных условиях главной обязанностью полиции был надзор за соблюдением этого правила, особенно со стороны прибывших с Земли туристов, которым никогда не позволялось вступать в контакт с аборигенами.

— Имеется одна неувязка, Фрэнк. Предположим, Гекко и его друзья захотят прийти. Как мы дадим ему знать, что нам необходима помощь? Мы ведь не можем просто позвонить ему по телефону.

— Нет, не можем — вот тут-то ты и нужен. *Ты* можешь послать ему сообщение.

— Как?

— Виллис.

— Ты спятил!

— Неужели? Предположим, ты вышел через главную дверь — фьють! И тебя больше нету. Но предположим, это сделал Виллис? Кто станет стрелять в попрыгунчика?

— Мне это не нравится. Виллиса могут поранить.

— Если мы будем просто сидеть как клуши и ничего не делать, ты тем самым подпишешь ему смертный приговор. Бичер отправит его в Лондонский зоопарк.

Джим обдумал услышанное и ответил:

— В любом случае, твой план имеет уйму недостатков. Даже выбравшись наружу целым и невредимым, Виллис не сумеет найти Гекко, и в том, что касается передачи сообщения, на него нельзя полагаться. С таким же успехом он может начать петь или цитировать дурацкие шутки дока. У меня есть идея получше.

— Попробуй убедить меня.

— Ручаюсь, что бичеровские головорезы не додумались взять под наблюдение мусоропровод. Я сам сообщу Гекко обо всем.

Фрэнк задумался:

— Не годится. Даже если они не ведут наблюдение за мусорником, они все равно увидят тебя с того места, откуда они следят за запасным выходом. Они накроют тебя, прежде чем ты сможешь встать на ноги.

— Я дождусь темноты.

— М-м-м-м... может получиться. Только лучше я сделаю это. Я бегаю быстрее.

— Ну, знаешь!

— Ладно! Мы сделаем это вдвоем — с часовым перерывом. Но не стоит забывать про Виллиса. Он тоже примет участие. Один из нас, возможно, доберется. Да, постой — ты недооцениваешь своего маленького друга. Мы научим его, что сказать. Затем ты велишь ему пойти в туземный город, остановить первого встречного марсианина и воспроизвести услышанное. Остальное сделает марсианин, потому что это будет частью нашего сообщения. Остается только один вопрос: достачно ли Виллис смышлен для того, чтобы выполнить твое задание? У меня есть серьезнейшие сомнения на этот счет.

— Ты всегда держал Виллиса за идиота. Напрасно. Ты просто не понимаешь его.

— Отлично. В таком случае он сумеет добраться до города и передать послание. Или все-таки нет?

— Мне это не нравится.

— Что ты предпочтешь — подвергнуть Виллиса небольшому

риску или допустить, чтобы твоя мать и маленький братишка провели зиму в Южной колонии?

Джим закусил губу:

— Хорошо, давай попробуем. Надо найти Виллиса.

— Не спеши. Ни ты, ни я не владеем туземным языком настолько, чтобы выразить свою просьбу. Но док владеет. Он поможет нам.

— Он — единственный из взрослых, кому я могу это доверить. Пошли.

Они нашли Макрея, но сразу переговорить с ним не удалось. Находясь в телефонной кабинке, он рычал на экран:

— Я хочу говорить с доктором Ролингсом. Ну так давайте его — что вы там грызете свой карандаш! Скажите ему, что это доктор Макрей... А, добрый день, доктор!.. Нет, я только что прибыл... Как идут дела, доктор? Все продолжаешь кремировать собственные ошибки?.. Ну, разве не все мы?.. Извини, не могу. Я заперт... Заперт, я сказал... З...А...П...Е...Р...Т, как буйный пьяница... нет, совсем безо всякой причины. Этот обезьяноподобный придурок, Бичер... Да; ты что, не слышал? Вся Колония загнана в здание колледжа... стреляют в нас, если мы только пробуем высунуть нос наружу... Нет, я не шучу. Ты знаешь тощего Поттла — он и его жена были убиты меньше двух часов назад. Приходи сам, посмотри и убедись, какой кретин тут у вас заправляет...

Экран внезапно погас. Макрей выругался и начал возиться с настройкой.

Вскоре экспериментальным путем он установил, что аппарат отключен. Пожав плечами, он вышел.

— В конце концов они меня засекли. Но я поговорил с тремя наиболее важными людьми.

— Что вы делали, док? — спросил Джим.

— Создавал в тылу у Бичера пятую колонну. Мир не без добрых людей, сынок, но необходимо втолковать им, что к чему.

— Послушайте, доктор, вы не могли бы уделить нам какое-то время?

— Зачем? Твой отец поручил мне несколько дел, Джим.

— Это важно.

Они отвели Макрея в сторону и поделились с ним своими планами.

Макрей задумался:

— Может получиться. Твоя идея использовать неприкосновенность марсиан великолепна, Фрэнк. Ты должен стать политиком. Однако, что до второго трюка — прыжка с парашютом из мусорного ящика — если ты спросишь своего отца, он будет против.

— Разве вы не можете его попросить? Вас он послушает.

— Я сказал *«если* ты спросишь своего отца».

— Теперь понял.

— Что касается другого дела — сгоняйте за зверенышем и заходите ко мне в класс «С», я устроил там свой кабинет.

Джим и Фрэнк пошли за Виллисом. Джим обнаружил, что его мама и Оливер спят, а сестра и Виллис исчезли. Он уже хотел уйти, когда мать проснулась.

— Джимми?

— Я не хотел будить тебя, мама. Где Фил? Мне нужно найти Виллиса.

— Она на кухне, помогает готовить, я думаю. А разве его здесь нет? Он лежал тут, на кровати, вместе с ребенком и со мной.

Джим посмотрел опять, но не обнаружил никаких признаков Виллиса.

— Пойду, спрошу Фил. Может, она пришла и взяла его.

— Он не мог далеко укатиться. Прости, Джим.

— Я найду его.

Он пошел на кухню и увидел свою сестру.

— Откуда я могу знать, — сказала она. — Когда я ушла, он был с мамой. Ну что ты так на меня смотришь?

Джим присоединился к Фрэнку.

— Черт возьми, из-за них он куда-то исчез. Придется нам поискать.

После часа розысков и доброй сотни вопросов они убедились, что если попрыгунчик и был в колледже, то он нашел чрезвычайно необычное место, чтобы спрятаться. Джим так встревожился, что совершенно забыл о главной для всех опасности.

— Так всегда выходит, когда доверяешься женщинам, — сказал он горько. — Что же мне делать, Фрэнк?

— Обыщи меня.

Они находились в наиболее удаленном от их бывшей комнаты конце здания и решили пойти назад в надежде, что он мог вернуться. Когда они проходили через прихожую, Джим внезапно остановился.

— Я слышу его!

Оба прислушались.

— Открой! — донеслась сказанная голосом Джима фраза. — Пусти Виллиса!

Голос звучал из громкоговорителя над дверью.

Джим бросился к пневматическому замку и был остановлен охранником.

— Эй, — запротестовал он, — открой замок. Это Виллис.

— Скорее это ловушка. Отойди назад.

— Впустите его. Говорю вам, это Виллис.

Часовой не ответил, но щелкнул выключателем, который управлял замком. Он удалил всех из зоны прямого огня и встал у двери, с оружием наготове.

Внутренняя дверь открылась и вперевалочку вкатился Виллис.

Виллис явился в качестве всеобщего утешителя:

— Джим, выходи, все — выходи. Виллис ходит гулять.

— Как ты попал на улицу?

— Вышел.

— Но как?

Виллис, по всей видимости, не видел в этом ничего сложного и не стал приводить подробности.

— Может, он вышел вместе с Поттлами? — предположил Фрэнк.

— Возможно. Я думаю, это не имеет значения.

— Идем к людям, — предложил Виллис. Он назвал несколько туземных имен, затем добавил: — Было хорошо. Друзья по воде. Дали Виллису хорошую воду, много выпил.

Он издал чмокающий звук, имитируя Джима, хотя сам губ не имел.

— Ты же пил всего неделю назад, — укоризненно сказал Джим.

— *Виллис — хороший!* — возразил попрыгунчик.

— Постой, — сказал Фрэнк, — он был у марсиан.

— Да хоть у самой Клеопатры; он не должен никуда убегать.

— Ты что, не понимаешь? Он может пробраться к туземцам, он уже был у них. Мы только должны быть уверены в том, что он передаст им послание для Гекко.

Эта новость, достигнув ушей Макрея, повысила его интерес. Втроем они составили послание по-английски, с тем, чтобы Макрей его перевел.

— Приветствую тебя, — начиналось оно, — это послание от Джима Марлоу, друга Гекко из города... — здесь они вставили непередаваемое и абсолютно непроизносимое марсианское название Цинии. — Кто бы ты ни был, друг моего друга, прошу тебя немедленно передать Гекко это послание. Я в большой беде и мне нужна твоя помощь.

Дальше сообщалось о сути этой беды и о том, каких действий ожидают от марсиан для ее устранения. Телеграфная краткость не требовалась, так как для нервной системы Виллиса запомнить тысячу слов было так же легко, как если бы их было всего десять.

Макрей перевел это, затем натаскал Джима в чтении, после чего они попытались втолковать Виллису, что он должен сделать. Виллис

был не против, но его привычно бездумное, легкомысленное отношение к любой проблеме довело их почти до истерики. Наконец появилась надежда, что он в состоянии выполнить поставленную перед ним задачу: по крайней мере, (а) на вопрос, что он должен сделать, он отвечал: «навестить друзей», и (б) на вопрос, что он им скажет, он (обычно) отвечал повторением послания.

— Может сработать, — решил Макрей. — Известно, что марсиане располагают средствами быстрого обмена информацией, хотя мы никогда не знали, что это за средства. Если наш толстячок не забудет о том, что он должен сделать и зачем он отправился в это путешествие...

Джим отнес его ко входной двери. По распоряжению Макрея охранник пропустил их. Ожидая, пока сработает замок, Джим еще раз проэкзаменовал Виллиса. Казалось, попрыгунчик твердо помнил о проведенном инструктаже, хотя его ответы продемонстрировали обычный для него интеллектуальный сумбур.

Не рискуя выйти из «мертвой зоны», Джим остановился в проходе, тогда как Виллис скатился с крыльца. Поттлы лежали на том же месте; Виллис посмотрел на них и двинулся зигзагом вдоль по улице, пока не исчез из ограниченного дверным проемом поля зрения Джима. Джим пожалел, что не догадался захватить с собой зеркало, которое можно было бы использовать как перископ. Наконец, он призвал на помощь все свое мужество, лег на пол и выглянул за дверь у самой нижней ее части.

Виллис был уже далеко, и ничего с ним не случилось. В дальнем конце улицы находилась какая-то преграда. Пытаясь разглядеть, что это такое, Джим высунул голову еще на один дюйм. Дверная рама над ним плюнула клубом дыма, и он услышал треск едва не попавшего в него электрического заряда. Он резко отпрянул и пошел назад.

В его желудке возникло сосущее чувство утраты: он не сомневался, что больше никогда не увидит Виллиса.

XII

НЕ СТРЕЛЯЙТЕ!

Для Джима и Фрэнка день тянулся утомительно долго. До наступления темноты они ничего не могли предпринять для реализации собственного замысла. Тем временем лидеры колонистов совещались между собой, но дискуссия велась при закрытых дверях, и участие ребят в ней не предусматривалось.

Приятной возможностью отвлечься стал ужин: во-первых, они

были голодны, а во-вторых, после ужина кухня должна опустеть, и появится доступ к мусоропроводу. По крайней мере, они на это надеялись. В действительности выяснилось, что обслуживающий кухню женский персонал сначала не торопясь занялся уборкой, а затем обнаружил намерение сидеть здесь всю ночь, попивая кофе и разговаривая.

Ребята заходили на кухню под разными предлогами, которые со временем возбудили подозрение у миссис Палмер. В очередной раз Джим шел следом за другим парнем, размышляя, что же придумать теперь, — когда наконец услышал, как тот сказал:

— Миссис Палмер, капитан Марлоу просил узнать, не будет ли слишком сложно оставить ночную вахту — готовить кофе и сэндвичи для часовых?

— Нет, конечно, — услышал Джим ее голос, — с удовольствием. Генриетта, ты не могла бы найти добровольцев? Начну я сама.

Джим выщел.

— Каковы наши шансы? — спросил Фрэнк. — Они там не собираются в скором времени разойтись?

Джим объяснил, сколь малы были шансы, — вернее, их не было вовсе. Фрэнк выругался, использовав пару слов, которые Джим никогда раньше не слышал.

— Что будем делать, Джим?

— Не знаю. Может, когда там останется только одна, она будет время от времени выходить?

— Может, мы сумеем ее вытащить, если наплетем ей что-нибудь?

— Может, мы скажем ей, что ее просят зайти в штаб? Это должно сработать.

Они все еще продолжали обсуждать эту тему, когда погас свет.

Внезапно стало темно, как если бы они оказались в пещере, и — хуже того — воцарилась зловещая тишина. Джим только-только успел понять, что причиной полного отсутствия каких-либо звуков было прекращение циркуляции воздуха в результате остановки компрессора на крыше, когда раздался крик женщины.

Вслед за ней закричала другая, еще более пронзительно. Затем повсюду из темноты раздались голоса: спрашивая, жалуясь, утешая.

В другом конце холла вспыхнул свет, и Джим увидел своего отца:

— Спокойно. Просто отключилось питание. Потерпите.

Луч света внезапно метнулся в их направлении и ударил в глаза.

— Вы, ребята, идите спать.

Отец Джима двинулся дальше. С другой стороны до них доносился низкий рык докторского голоса, призывающего людей замолкнуть и успокоиться.

Вернулся отец Джима. На этот раз он сказал:

— Всем — в костюмы. Надеть респираторы. Мы надеемся исправить поломку через несколько минут, но не хотим, чтоб кому-нибудь стало плохо. Не волнуйтесь: здание способно держать давление как минимум полчаса. Это более чем достаточно, мы успеем приготовиться к разреженному воздуху, даже в том случае, если потребуется какое-то время, чтобы устранить неполадки.

Появлялись все новые фонари, и вскоре, если не комнаты, то, по крайней мере, переходы в здании стали достаточно освещенными. В коридорах виднелись неясные очертания движущихся человеческих фигур — все надели свои прогулочные костюмы. Задумавшие выбраться наружу, Джим с Фрэнком уже давно облачились в соответствующую амуницию, взяли оружие и стояли с респираторами наготове.

— Сейчас, по-моему, удобный момент, — сказал Фрэнк.

— Нет, — ответил Джим, — они по-прежнему на кухне. Я вижу свет.

По коридору шел Макрей, Джим окликнул его:

— Док, как вы думаете, сколько времени уйдет на починку света?

— Ты шутишь? — спросил Макрей.

— Что вы хотите сказать, док?

— Это одна из бичеровских штучек. Он отключил нас от электростанции.

— Вы убеждены?

— Мы проверили — это не авария. Я удивляюсь, почему Бичер не сделал этого еще несколько часов назад. Но не стоит болтать, Джим: у твоего бати и так едва хватает сил удержать всех наших кумушек от скандала.

Он пошел дальше.

Несмотря на заверения капитана Марлоу, истинное положение вещей вскоре стало всеобщим достоянием. Давление понижалось медленно, так медленно, что приходилось предупреждать каждого о необходимости надеть респиратор, иначе неосмотрительные рисковали не заметить наступление кислородного голодания. После этого списывать все на временные неполадки, которые удастся очень скоро устранить, стало невозможно. Температура в помещении опускалась медленно. В закрытом, изолированном пространстве прямой угрозы замерзнуть не было, однако ночной холод начинал проникать внутрь.

Штаб Марлоу размещался теперь в прихожей, в круге света,

который отбрасывал единственный фонарь. Осмотрительно держась в тени, Джим и Фрэнк околачивались рядом, поскольку не желали ничего пропустить и поскольку совершенно не желали идти спать в соответствии с приказом... Тем более, как заметил Фрэнк, кровати, которыми они располагали, уже были заняты миссис Марлоу, Филлис и Оливером. Ребята не отказались от идеи воспользоваться мусоропроводом, но инстинктивно они ощущали, что вокруг слишком много суеты и поэтому уединение, столь необходимое для этой цели, едва ли теперь возможно.

Джозеф Хартли, один из гидрофонистов Колонии подошел к Марлоу. Сзади стояла его жена с грудной дочкой в герметичной кроватке, компрессор которой торчал вверх над гладкой пластиковой оболочкой подобно печной трубе.

— Мистер Марлоу — я хочу сказать, капитан Марлоу...

— Да?

— Вы должны что-то сделать. Наш ребенок не вынесет этого. Она заболела крупом, а мы не можем ей помочь в такой ситуации.

Макрей протиснулся вперед:

— Тебе надо было принести ее ко мне, Джо, — он тщательно осмотрел ребенка через пластик и заявил:

— Похоже, что малышка в порядке.

— Она больна, говорю вам.

— Хмм... Я не могу как следует осмотреть ее, не имея к ней доступа. Не могу измерить температуру, но вряд ли ей угрожает что-нибудь серьезное.

— Вы просто пытаетесь меня утешить, — сказал Хартли сердито. — Вы ничего не можете знать о ней, пока она находится в герметической кроватке.

— Прости, сынок, — ответил доктор.

— Что толку от ваших извинений! Кто-то должен что-нибудь сделать. Это не может... — жена потянула его за рукав, он отвернулся, и они зашептались. Скоро он повернулся назад. — Капитан Марлоу!

— Да, мистер Хартли?

— Вы все поступайте, как хотите, а с меня достаточно. Я должен подумать о жене и ребенке.

— Решайте сами, — холодно сказал Марлоу и резко отвернулся.

— Но... — начал было Хартли и остановился, видя, что Марлоу больше не обращает на него никакого внимания. Он выглядел неуверенно, как человек, который хочет, чтобы кто-нибудь отговорил его от принятого решения. Жена взяла его за руку, он повернулся, и они вместе пошли к главному входу.

— Чего они хотят от меня? — спросил Марлоу Макрея. — Чудес?

— Именно, старина. Большинство людей никогда не взрослеет. Они ждут, что папа достанет им «Луну с неба». И тем не менее, — продолжал доктор, — Джо ненароком сказал правду. Мы должны что-то сделать.

— Я не могу найти выход из положения до тех пор, пока у Саттона и Толанда не появятся какие-нибудь результаты.

— Их больше ждать нельзя, сынок. Мы во что бы то ни стало должны вырваться отсюда. Теоретически человек может жить много дней, не снимая респиратора. Практически ничего из этого не выйдет, и Бичер рассчитывает именно на это. Ты не заставишь несколько сот человек ползать здесь во тьме и холоде, не снимая необходимых для жизни масок, в течение неопределенно долгого времени. Раньше или позже начнется паника.

Марлоу выглядел измученным:

— Мы не можем выйти туннелем. Мы не можем выйти вообще никак, только через двери. А двери под обстрелом. Это — самоубийство.

— Придется пойти на это, сынок. Я поведу вылазку.

Марлоу вздохнул:

— Нет, я .

— У тебя жена и дети. У меня никого, и я так давно живу в долг, что потерял счет времени.

— Это — моя привилегия. Вопрос решен.

— Посмотрим.

— Я сказал, вопрос решен, сэр!

Спор остался неоконченным; внутренняя дверь вновь отворилась и, шатаясь, вошла миссис Хартли. Она вцепилась в крошечную кроватку и безудержно рыдала.

Полностью повторилась история Поттлов и Гиббса. Когда Макрею наконец удалось разобрать что-то сквозь рыдания, выяснилось, что Хартли действовали очень осторожно, ждали, кричали о своем желании сдаться и зажгли фонарь. Ответа не последовало, поэтому они крикнули вновь, и Джо Хартли с поднятыми руками шагнул с порога, а жена освещала его фонарем.

Он был сражен, как только вышел за дверь.

Макрей отвел ее к женщинам, а затем пошел на разведку. Он вернулся почти немедленно.

— Найдите мне стул, — потребовал он и посмотрел вокруг. — Ты, Джим, сгоняй куда-нибудь.

— В чем дело? — спросил Марлоу.

— Подожди немного. Я подозреваю одну вещь.

— Будь осторожен.

— Именно поэтому мне нужен стул.

Вскоре вернулся Джим со стулом, и доктор снова вышел за дверь. Он появился примерно через пять минут.

— Это самострел, — заявил он.

— Что ты имеешь в виду?

— Бичер не рискнул оставить своих людей ночью на улице — по крайней мере я так считаю. Это — автомат. Они установили систему электронной слежки. Как только вы пересекаете линию, раздается выстрел, и заряд попадает именно туда, где бы вы находились в случае, если решили выйти наружу. Он показал полдюжины обгорелых дыр в стуле.

Марлоу осмотрел их.

— Но самое важное, — продолжал Макрей, — что это автомат неподвижный. Он поражает в двух местах: на высоте примерно двух футов и четырех футов над ступенькой. Человек может проползти под лучом, если у него крепкие нервы.

Марлоу выпрямился.

— Покажи мне.

Через несколько минут они вернулись с еще более дырявым стулом.

— Келли, — оживленно сказал Марлоу, — мне нужно двадцать добровольцев для вылазки. Оповести всех.

Желающих оказалось более двухсот; нужно было отобрать наиболее подходящих. Как Фрэнк, так и Джим попытались войти в их число, но отец Джима отказался брать кого-либо, кроме взрослых неженатых мужчин — за исключением самого себя. Кандидатуру Макрея он тоже отклонил.

Доктор отвел Джима в сторону и прошептал:

— Не суетись. Через несколько минут я останусь за главного.

Поисковая группа пошла на выход. Марлоу повернулся к Макрею:

— Мы двинемся в сторону электростанции. Если через два часа не вернемся — примите командование на себя, — он повернулся и закрыл за собой дверь.

Как только она закрылась, Макрей сказал:

— О'кей, еще двадцать добровольцев.

— Разве вы не собираетесь ждать два часа? — спросил Келли.

— Займись своим делом! Когда я уйду, отвечать за все будешь ты, — он повернулся и кивнул Джиму с Фрэнком. —Вы двое — со мной.

Макрей очень быстро сформировал свой отряд, так как, по-видимому, отобрал в уме кандидатуры еще до того, как ушел Марлоу. Один за другим они пошли к двери.

Когда внешняя дверь распахнулась, Макрей направил луч своего

фонаря на улицу. Поттлы и несчастный Джозеф Хартли лежали там, где упали, но других тел на улице не было. Макрей повернулся и сказал:

— Дайте-ка стул. Я продемонстрирую, как работает эта штука.

Он сунул его в открытую дверь. Мгновенно два параллельных земле выстрела прорезали дверной проем. Их яркость слепила глаза, и, когда сами лучи погасли, два бледно-фиолетовых следа ионизации повисли в воздухе, а затем постепенно исчезли.

— Вы видите, — говорил доктор, как будто читая лекцию студентам-медикам, — что не имеет значения, куда мы помещаем стул.

Опять сунув стул в проем, он стал перемещать его вверх и вниз. Выстрелы повторялись через каждую долю секунды, но всегда в тех же местах — на высоте колена и на высоте груди.

— Я думаю, лучше всего, — продолжал доктор, — пойти в атаку. Потом увидим, что получится. Вперед!

Джим сглотнул и шагнул вперед, а может, его подтолкнули, он и сам не знал точно. Он посмотрел на смертельный рубеж, нагнулся, и с бесконечной осмотрительностью неуклюже выбрался на улицу.

— Не останавливаться! — приказал доктор. — Рассредоточьтесь.

Чувствуя себя в полном одиночестве, однако крайне возбужденный, Джим побежал по улице. У конца здания он ненадолго задержался и осторожно посмотрел за угол. Нигде никого; он шагнул и затаился в темноте, готовый спалить любой движущийся предмет.

Впереди слева он увидел ту самую странную конструкцию, за желание разглядеть которую много часов назад от чуть не заплатил собственной макушкой. Теперь было ясно, что выстрелы производились оттуда.

Кто-то подошел к нему сзади. Он резко развернулся и услышал громкий вопль.

— Не стреляй! Это я — Фрэнк.

— А где остальные?

— Скоро придут, я думаю.

У находившегося перед ними здания, за щитом, с которого велась стрельба, мелькнул свет.

— Мне кажется, там ходят, — сказал Фрэнк.

— Ты их видишь? Думаешь, мы должны стрелять?

— Не знаю.

Кто-то еще топал по улице позади них. А рядом с местом, где, как думал Фрэнк, он видел человека, в темноте вспыхнул выстрел; луч прошел мимо. Абсолютно рефлекторно Джим нажал курок; он засек место вспышки.

— Ты накрыл его, — сказал Фрэнк, — молодец!

— Ты уверен? — спросил Джим, — А что с тем парнем позади меня?

Он почувствовал, что дрожит.

— А вот и он сам.

— Кто стрелял в меня? — спросил подошедший. — Где они?

— Уже нигде, — ответил Фрэнк, — Джим накрыл его.

Фрэнк постарался разглядеть маску, но ночь была слишком темна.

— Кто это?

— Смитти.

Френк с Джимом оба удивленно ахнули — это был Смёзи, человек практичный.

— Да не смотрите вы на меня так, — недовольно сказал Смёзи. — Я пошел в самый последний момент, чтобы защитить собственные вклады. Парни, вы должны мне деньги.

— Я думаю, Джим только что вернул тебе долг, — сказал Фрэнк.

— Никоим образом! Это — совершенно другое дело.

— Ладно, потом, — сказал Фрэнк.

Подходили остальные. Вскоре, запыхавшись, появился Макрей и зарычал:

— Я же велел вам, пустые ваши головы, рассредоточиться! — он перевел дыхание и сказал: — Возьмемся за главные представительства Компании. Рысью, и не сбиваться в кучи.

— Док, — сказал Джим, — некоторые из них сидят вон в том доме.

— Кто некоторые?

— Кто-то, стрелявший в нас, вот кто.

— Ага. Всем остановиться, — своим хриплым голосом Макрей проинструктировал их, затем спросил: — До всех дошло?

— Док, — обратился к нему Фрэнк, — а как насчет ихнего устройства? Почему бы его не разломать для начала?

— Я, должно быть, старею, — сказал Макрей. — Кто-нибудь здесь разбирается в технике достаточно, чтобы подобраться к нему и вырвать ему зубы?

Из тьмы вынырнула безликая фигура.

— Давай, — сказал док, — мы прикроем тебя.

Колонист побежал вперед, метнулся за щит, загораживающий стационарный автоматический бластер, и остановился. Он возился несколько минут, затем последовала необычайно яркая вспышка. Он прибежал назад:

— Закоротил его. Ручаюсь, я сжег все предохранители на подстанции.

— Ты уверен, что разделался с ним?

— Теперь им не поставишь даже точку над «i».

— Отлично. Ты, — Макрей схватил за руку одного из своей команды, — дуй назад и сообщи Келли. Ты, — он показал на парня, который испортил оружие, — обойди дом и посмотри, что можно сделать со второй установкой. Вы двое прикройте его. Остальные — за мной — офис впереди, если верить плану.

Чтобы выполнить задание, Джиму нужно было прокрасться по фасаду здания и занять прикрывающую позицию, не доходя двадцати футов до дверного проема. Путь вел мимо человека, в которого он стрелял. Тела на тротуаре не было, и Джим не знал, попал ли. Темнота не позволяла разглядеть следы крови.

Макрей дал время своим войскам прикрытия занять соответствующие позиции, а затем он и еще шесть человек, среди которых был Фрэнк, начали лобовой штурм. Доктор сам подошел ко входу в здание и толкнул внешнюю дверь. Она открылась. Жестом пригласив штурмовую группу следовать за ним, он вошел. Внешняя дверь здания закрылась за ними.

Джим с пистолетом наготове прижался к обледеневшей стене: он всматривался в темноту. Казалось, ожидание на морозе затянулось до бесконечности; ему уже начали мерещиться первые признаки зари на востоке. Наконец он увидел перед собой силуэты, поднял пистолет, но затем узнал в одном из них дородную фигуру доктора.

Макрей держал ситуацию под контролем. Они арестовали и обезоружили четырех человек.

— Отведи их назад в колледж, — приказал док одному из отряда, — первого, кто сделает лишнее движение, пристрели на месте. И скажи тому, кто теперь за главного, чтобы посадил их под замок. Пошли, ребята. Настоящее дело еще впереди.

Сзади донесся крик; Макрей обернулся.

— Док! подождите нас!

Это был Келли. Он подбежал к ним и спросил:

— Что собираетесь делать?

Вслед за ним из колледжа на улицу сплошной шеренгой выходили люди.

Макрею потребовалось несколько минут для того, чтобы в связи с увеличением количества стволов изменить планы. Один из взводных — гражданский инженер по фамилии Альварез — остался за старшего в колледже. Он должен был организовать внешнюю охрану здания и выслать патрули на близлежащие улицы. Келли получил распоряжение захватить основной узел связи, находившийся на пути из города в космопорт. Это был важнейший ключ к контролю над ситуацией в целом, так как в узле связи располагалась не только местная телефонная станция, но и радиосвязь с

Деймосом (а оттуда — со всеми другими марсианскими поселениями), радарные маяки и другие вспомогательные средства для посадки прилетавших с Земли кораблей. Задачу захватить Общепланетное представительство — важнейший офис Компании на Марсе, собственную резиденцию Бичера — Макрей оставил себе. Личные аппартаменты Генерального Представителя являлись частью этого же здания; и доктор надеялся схватиться с самим Бичером.

Чтобы помочь Марлоу, Макрей отправил отдельную команду в сторону электростанции, а затем сказал:

— Пошли, пока мы все не замерзли. В темпе!

Тяжело топая, он побежал впереди.

Джим отыскал в толпе Фрэнка и догнал его:

— Чего вы так долго торчали в этом доме? — спросил он. — Наткнулись на сопротивление?

— Долго торчали? — повторил Фрэнк. — Мы не были там и двух минут.

— Ты, должно быть...

— Там, сзади, прекратить разговоры! — крикнул док.

Джим умолк и задумался.

По приказу Макрея главный канал они перешли по льду, так как на мосту их могла подстерегать засада. Перебирались парами, оставшиеся сзади прикрывали идущих. Перебравшиеся рассредотачивались и, в свою очередь, прикрывали тех, кому еще предстояло идти. Переход тянулся медленно, как в кошмарном сне; человек на льду представлял собою идеальную мишень — и, тем не менее, двигаться быстрее было невозможно. Джим очень жалел о том, что не взял с собой коньки.

На противоположном берегу доктор собрал всех.

— Поворачиваем на восток и обходим стороной жилые дома, — сказал он хриплым шепотом. — Теперь — *тихо*! — если вам дорога́ собственная жизнь. Разделяться не будем, потому что я не хочу, чтобы вы в темноте перестреляли друг друга.

По предложенному Макреем плану они должны были окружить здание и блокировать все выходы из него, тогда как сам Макрей и примерно половина отряда попытается прорваться через главный вход.

— Когда вы обогнете здание и встретитесь по ту сторону, — предупреждал Макрей тех двух людей, которые должны были возглавить маневры по флангам и организовать прикрытие, — вам, возможно, будет чертовски сложно отличить друга от врага. Будьте осторожны. Пароль — «Марс», ответ — «свобода».

Джим попал в группу захвата. Шестерых из группы док расставил перед дверью веером, в результате чего получилась ровная цепочка двадцати пяти ярдов длиной, и приказал им, по возмож-

ности, найти себе укрытие. Трое находились на открытом пандусе у двери; он велел им лечь и держать оружие наизготовку.

— При малейшем подозрении открывайте огонь, — распорядился он. — Остальные — за мной.

Джим снова оказался в числе *этих* остальных. Макрей подошел к наружной двери и толкнул ее. Она была заперта. Он нажал кнопку звонка и стал ждать.

Никакого эффекта. Макрей опять нажал на кнопку и ласково сказал в микрофон:

— Откройте. У меня важное сообщение для Представителя.

По-прежнему никакого эффекта. Макрей притворился рассерженным:

— Поспешите, пожалуйста! Я здесь совсем замерз.

За дверью хранили полное молчание. Тогда Макрей заговорил открытым текстом:

— Ладно, Бичер, открывай! Ты окружен, и мы просто вышибем дверь. Тридцать секунд тебе на размышления.

Отсчет начался.

— Я бы хотел, чтобы у нас получилось, — шепнул док Джиму, а затем громко сказал: — Время вышло, Бичер. Мы начинаем.

Из-под двери с шипом вырвался сжатый воздух: пневматический механизм замка пришел в движение. Макрей жестом приказал им отойти чуть-чуть назад. Затаив дыхание, они ждали с пистолетами наготове. Каждый навел оружие туда, где через мгновение между стеной и дверью должен был образоваться зазор.

Но вот дверь открылась, и в проеме на фоне освещенной прихожей появилась одинокая фигура:

— Не стреляйте! — сказал приятный уверенный голос. — Все кончено. Все в порядке.

Макрей вгляделся:

— А, доктор Ролингс! — воскликнул он. — Чертовски рад увидеть здесь твою физиономию.

XIII

ЭТО УЛЬТИМАТУМ

Ролингс полночи провел в наглухо запертом офисе вместе с еще полдюжиной известных граждан, которые пытались вразумить Бичера. Когда о происшедшем, и особенно о гибели Поттлов стало известно, Бичер лишился всякой поддержки, теперь он мог положиться лишь на подхалимов, прихлебателей и подчиненную ему социально нейтральную полицию Компании.

Даже Крюгер, не выдержав всеобщего давления, сломался и, пытаясь уговорить Бичера пересмотреть свои действия, был заперт вместе с остальными, среди которых к тому моменту находился главный инженер электростанции. Но именно доктор Ролингс сумел уговорить охранника рискнуть своим положением и открыть дверь — доктор лечил его жену.

— Не думаю, что Бичер когда-либо предстанет перед судом, даже если мы отправим его на Землю, — сказал Макрей, обращаясь к Ролингсу и Марлоу. — Что думаешь об этом, доктор?

Они втроем сидели в дальнем кабинете здания Общепланетного представительства. Марлоу пришел сюда после того, как на электростанции его застало послание Макрея, и немедленно занялся делами. Он рассылал извещения во все лагеря Проекта и в другие отдаленные поселения, в том числе в саму Северную колонию, пытаясь собрать лодки. Потом, шатаясь, и с воспаленными от бессонницы глазами, он попробовал составить подходящий доклад, чтобы послать его на Землю. Однако Макрей, наконец, остановил его и настоял на том, что сперва необходимо немного отдохнуть.

— Паранойя? — спросил Ролингс.

— Ярко выраженный случай.

— Я тоже так думаю. Я замечал некоторые ее признаки, но заболевание не получило полного развития, пока воля больного не натолкнулась на противодействие. Его нужно госпитализировать в отдельную палату.

Доктор Ролингс посмотрел через плечо на закрытую дверь. За ней был Бичер.

Ролингс отвернулся:

— Что думаешь о Хоу, доктор?

— Слишком мало видел его, чтобы установить диагноз, — проворчал Макрей.

— Что ты собираешься с ним делать, Джим? — спросил он, повернувшись к Марлоу.

Тот нахмурился:

— Ничего. С теми обвинениями, которые мы можем выдвинуть против него, не стоит даже возиться. Просто отправим его назад.

Макрей кивнул:

— Так и надо. Виселицы он не достоин — слишком большая честь. Вышвырнем его отсюда.

— Меня в основном беспокоит вопрос, — продолжал Марлоу, — кем его можно заменить. Колледж должен начать работу еще до нашего отправления в Копайс. Почему бы не попробовать тебе, док? Временно, конечно.

Макрей удивился:

— Мне? Упаси Господь!

— Хорошо, но я же должен найти кого-то, кто взнуздает этих юнцов, при этом, естественно, не прибегая к смирительной рубашке. Они все любят тебя.

— Нет, еще и еще раз — нет!

— В колледже есть один молодой человек, — вмешался Ролингс, — которого профессор Стьюбен готовил на свое место, до того как Компания прислала Хоу. Ван дер Линден. Вполне приятный, разумный парень. Моему сыну он нравится.

Марлоу заинтересовался:

— Я видел его мельком. Он помог нам. Но, безусловно, не в моей власти назначить его.

Макрей фыркнул:

— Ты меня уморишь, Джеймс!

Марлоу допил кофе и поставил чашку:

— Очень может быть. Думаю вздремнуть пару часиков на одном из этих столов. Док, тебя не затруднит разбудить меня, если я кому-нибудь понадоблюсь?

— Конечно, — согласился Макрей, не собираясь, однако, тревожить его, пока он как следует не отдохнет. — Не беспокойся.

Джим и все остальные вернулись в колледж, где должны были остаться вплоть до того момента, когда наконец появится возможность отправиться на лодках в Копайс. Миссис Палмер со своей командой спешно готовила грандиозный завтрак для уставших ребят и мужчин. Джим тоже проголодался и совершенно выбился из сил, но был слишком возбужден, чтобы думать о сне, хотя уже занялась заря.

Он только что взял чашку кофе и дул на него, когда появился Смёзи.

— Слушай, насколько я понял, ты в самом деле убил того полицейского, который пальнул в меня.

— Нет, — возразил Джим. — Он только ранен и сейчас в лазарете. Я видел его.

Смёзи был встревожен.

— А, черт, — сказал он наконец. — Такое случается только раз в жизни. Вот твоя долговая расписка.

Джим изумленно уставился на него:

— Смитти, ты спятил.

— Возможно, но лучше возьми ее.

Джим порылся в глубинах собственной памяти и процитировал отца:

— Спасибо, не надо. Марлоу всегда оплачивают свои долги.

Смёзи посмотрел на него и сказал:

— Ну и черт с тобой, неблагодарный прохвост!

Он порвал расписку на мелкие клочки и торжественно удалился.

Джим с интересом посмотрел ему вслед: «По какому поводу он так растрогался?» Он решил навестить Фрэнка и рассказать ему об этом.

Он нашел его, но не успел еще открыть рот, когда над толпой раздался крик:

— Марлоу! Джим Марлоу!

— Капитан Марлоу находится в Общепланетном представительстве, — ответил кто-то.

— Не он, его сын, — откликнулся первый голос. — Джимми Марлоу! Поторопись. Тебя ждут у главного входа.

— Иду, — крикнул Джим. — Что там такое?

Он начал пробираться к двери. Фрэнк шел за ним следом. Вызвавший его человек дождался, пока он подойдет поближе, прежде чем ответить:

— Ты не поверишь — мне и самому не верится. Марсиане.

Джим и Фрэнк поспешили на улицу. У входа, их ждали более дюжины марсиан. Среди них были Гекко и Г. Куро, но не было К'бумча. Не обнаружил Джим и того, которого считал «главой» всего марсианского племени. Гекко заметил их и сказал на своем языке:

— Приветствую тебя, Джим Марлоу, приветствую тебя, Фрэнк Саттон, чья дружба с нами скреплена водой.

С одной из ластообразных ладоней Гекко раздался знакомый голос:

— Привет, Джим!

Виллис выполнил возложенную на него миссию, возможно, чуть-чуть поздновато, но весьма успешно.

Еще один низкий приятный голос что-то мягко пробормотал. Гекко выслушал и спросил:

— Где тот, который украл нашего малыша?

Джим, совсем неуверенный в своем знании местного языка, сказал только:

— А?

— Он хочет знать, где Хоу, — сообщил Фрэнк и ответил на беглом, весьма правильном марсианском.

Хоу по-прежнему сидел в своем кабинете, так как, несмотря на неоднократные предложения выйти, боялся встречи с Келли.

Гекко дал понять, что хочет войти в помещение. Удивленные, но готовые помочь, ребята повели его за собой. Чтобы войти в прихожую, Гекко пришлось сложиться в нечто, напоминающее вешалку для шляп, но он все-таки протиснулся, поскольку дверной проем был достаточно большим. В колледже его вторжение вызвало

сенсацию, сравнимую разве что с появлением слона в церкви. Люди уступали ему дорогу.

Внешняя дверь административной части потребовала от Гекко еще бóльших усилий, но, ведомый Джимом и Фрэнком, он преодолел и ее. Он передал Виллиса Джиму, а затем тщательно ощупал своей ластой дверную ручку кабинета Хоу. Внезапно он дернул, и дверь открылась, причем сломался не только замок, но и петли. Он присел и полностью закрыл своим телом дверной проем.

Ребята посмотрели друг на друга; Виллис превратился в шар. Все услышали, как Хоу сказал:

— Что это значит? Кто...

Затем Гекко распрямился, насколько предназначенное для людей помещение позволяло ему это сделать, и направился к выходу. Мальчики замерли в нерешительности, наконец Фрэнк сказал:

— Пойдем посмотрим, что он с ним сделал.

Он шагнул к искореженной двери и заглянул внутрь.

— Я его не вижу. Послушай, Джим, — его здесь вообще нет.

Джим тоже не смог никого обнаружить.

Они поспешили вслед за Гекко и догнали его перед входной дверью. Никто не пытался остановить их. Твердо усвоенные принципы общения с марсианами сработали им на пользу. Гекко обернулся.

— Где другой, который хотел обидеть нашего малыша?

Фрэнк объяснил, что Бичер находится довольно далеко и что к нему никого не пускают.

— Вы покажете нам путь, — заявил Гекко и подхватил обоих. Кто-то из марсиан взял у него Фрэнка. Джим устроился на мягких широких ластах, продолжая держать на руках Виллиса, который выдвинул свои глаза, осмотрелся и сказал:

— Отличная прогулка, да? — Джим не был в этом уверен.

Марсиане передвигались по городу, делая добрых восемь миль в час. Они пересекли мост и подошли к Общепланетному представительству. Его входная дверь была выше и шире, чем в колледже, и вся компания зашла в офис. Потолок в фойе располагался достаточно высоко даже для самого рослого из марсиан. Оказавшись в помещении, Гекко отпустил Джима, а второй марсианин точно так же поступил с Фрэнком.

Возникшие здесь суета и удивление ничем не отличались от обстановки в колледже. Навстречу вышел Макрей и, спокойно оценив ситуацию, спросил:

— Это что за сборище?

— Они хотят поговорить с Бичером, — объяснил Фрэнк.

Макрей удивленно поднял брови и заговорил на чистом марсианском. Один из прищельцев ответил ему, они обменялись серией реплик.

— Хорошо, приведу его, — согласился Макрей, а затем повторил сказанное по-марсиански.

Он ушел в сторону кабинета и через несколько минут вернулся, толкая Бичера перед собой.

— Эти ребята хотят повидать тебя, — сказал Макрей и так пихнул Бичера, что тот свалился на пол.

— Этот? — спросил марсианский парламентер.

— Он самый.

Бичер посмотрел на них.

— Зачем я вам нужен? — сказал он по-английски.

Марсиане окружили его со всех сторон.

— Убирайтесь от меня!

Они медленно приближались, сужая круг. Бичер сделал попытку вырваться, огромная ласта преградила ему путь.

Они подошли еще ближе. Бичер метался из стороны в сторону, а затем исчез за сплошной ширмой гигантских ладоней.

— Пустите меня! — донесся его крик. — Я ничего не сделал. У вас нет прав, чтобы... — сначала перейдя в пронзительный вопль, его голос затем резко оборвался.

Круг расширился и распался. Внутри никого не было, не осталось даже пятна крови на полу.

Марсиане направились к двери. Гекко остановился:

— Ты хочешь пойти с нами, друг мой? — предложил он Джиму.

— Нет, — ответил Джим, — я должен остаться здесь, — он вспомнил, что надо перевести на марсианский.

— А малыш?

— Виллис останется со мной. Ведь правда, Виллис?

— Да, Джим.

— Скажи Гекко.

Виллис сказал. Гекко, огорченно попрощавшись с мальчиками и с Виллисом, вышел наружу.

Макрей и Ролингс дрожащим шепотом вели дискуссию на месте исчезновения Бичера, капитан Марлоу слушал их с сонным и смущенным видом.

— Пойдем отсюда, Джим, — сказал Фрэнк.

— Пошли.

Марсиане были еще недалеко. Гекко увидел, как они вышли, обратился к одному из своих, затем сказал:

— Где тот, который знает наш язык? Мы хотим поговорить с ним.

— Насколько я понял, им нужен док, — сказал Фрэнк.

— Ты думаешь, он имел в виду именно его?

— Думаю, да. Давай позовем его.

Они вернулись и вытащили дока из кучки возбужденных колонистов.

— Док, — сказал Фрэнк, — они хотят поговорить с вами — марсиане то есть.

— А? — сказал Макрей. — Почему со мной?

— Не знаю.

Доктор повернулся к Марлоу.

— Что скажешь, командир? Не хочешь поучаствовать?

Мистер Марлоу вытер лоб:

— Нет, мне слишком неудобно за мое незнание языка. Возьмись за это сам.

— Ладно.

Макрей взял свой костюм и маску, позволил ребятам помочь ему одеться и не стал возражать, когда они пошли рядом. Однако на улице они отстали и наблюдали за происходящим издалека.

Макрей подошел к стоящим на откосе марсианам и обратился к ним. Несколько голосов откликнулись низким рокотом. Вскоре он оказался посреди группы, и мальчики видели, как он спрашивал и отвечал, энергично жестикулируя. Обмен мнениями весьма затянулся.

Наконец Макрей с усталым видом опустил руки. Голоса марсиан загудели в последний раз, — очевидно, аборигены прощались, и вся группа быстрым уверенным шагом направилась к мосту, за которым находился их собственный город. Макрей побрел вверх по откосу.

В прихожей Джим спросил:

— О чем вы там говорили, док?

— А? Повремени с расспросами, сынок.

Вернувшись, Макрей взял Марлоу за руку и повел в освободившийся кабинет.

— Ты тоже, Ролингс. Остальные пусть займутся своими делами.

Мальчики, однако, двинулись следом, и Макрей разрешил им войти:

— Вы можете послушать, вы тоже по уши в этом деле. Проследи за дверью, Джим. Не давай никому ее открыть.

— Так что там случилось? — спросил отец Джима. — Почему ты такой мрачный?

— Они хотят, чтобы мы улетели.

— Улетели?

— Чтобы мы убрались с Марса и вернулись на Землю.

— Что? Почему они это предлагают?

— Это не предложение, это приказ, ультиматум. Они не позаботились даже о том, чтобы дать нам время дождаться кораблей с Земли. Они хотят, чтобы мы исчезли — все до одного: мужчины, женщины, дети. Они хотят, чтобы мы исчезли немедленно — и они не шутят!

XIV

ВИЛЛИС

Спустя четыре дня, тяжело ступая, доктор Макрей вошел в тот же самый кабинет. Марлоу выглядел уставшим, но на этот раз Макрей имел еще более изможденный вид.

— Командир, попроси этих людей выйти отсюда.

Марлоу удалил всех и закрыл дверь:

— Ну?

— Ты получил мое сообщение?

— Да.

— Декларация Автономии уже написана? Люди ее одобрили?

— Да. Боюсь, мы слишком многое позаимствовали из Американской Декларации Независимости, но, так или иначе, она написана.

— Меня не слишком занимают вопросы стиля. Так что с ней?

— Она ратифицирована. И без особых проблем. Поступило несколько недоуменных вопросов из лагерей Проекта, но она была принята. Думаю, надо воздать должное Бичеру: идея независимости приобрела такую популярность благодаря ему.

— Не за что его благодарить. Он чуть не поубивал всех нас.

— Как так?

— Я объясню тебе как, — но сначала давай закончим разговор о Декларации. Я должен принять на себя некоторые обязательства. Она уже отправлена?

— Прошлой ночью радировали в Чикаго. Ждать ответа еще рано. Но позволь спросить, тебе удалось достичь успеха?

— Да, — Макрей устало протер глаза, — мы можем остаться. Это была тяжелая битва, Джеймс, но я победил. Они разрешили нам остаться.

Марлоу поднялся и достал электрический самописец:

— Хочешь наговорить все сюда, чтобы потом не повторять одно и то же?

Макрей отмахнулся:

— Нет. Любой официальный доклад должен быть тщательно отредактирован. Сначала я попробую рассказать все тебе.

Он задумался.

— Джимми, сколько времени прошло с момента первой высадки человека на Марс? Более пятидесяти земных лет, верно? Так вот за последние несколько часов я получил о марсианах больше сведений, чем было собрано за все эти годы. И все же я ничего о них не знаю. Мы постоянно думаем о них, как о *людях*, пытаемся измерить их собственной меркой. Но они не люди, они совсем на нас не похожи.

Они, — добавил он, — совершали межпланетные перелеты миллионы лет назад... а потом перестали.

— Что? — сказал Марлоу.

— Это не имеет значения. Это не важно. Это — всего лишь одна из многих деталей, выяснившихся в беседе со стариком, с тем самым, с которым разговаривал Джим. Ему, между прочим, все привиделось — старик вообще не марсианин.

— Постой, кто же он тогда?

— По-видимому, он тоже абориген, но не из тех, кого ты и я привыкли считать марсианами. По крайней мере, он на них не похож, с моей точки зрения.

— А на кого он похож? Опиши его.

Макрей растерялся:

— Хм, не могу. Вероятно, как Джим, так и я видели именно то, что каждому из нас было нужно. Это несущественно. Довольно скоро Виллис должен будет вернуться к марсианам.

— Жаль, — сказал Марлоу. — Джим огорчится, но это не слишком высокая цена.

— Ты не понимаешь, ты совсем ничего не понимаешь. В Виллисе суть всего происходящего.

— Естественно, он в это замешан, — согласился Марлоу. — Но почему в нем суть?

Макрей потер висок:

— Объяснить очень сложно, и я не знаю, с чего начать. Виллис очень важен. Ты, Джеймс, вне сомнения, войдешь в историю как основатель этой страны, но, между нами, к Джиму должно относиться как к ее спасителю. Именно благодаря Джиму и Виллису — любви Виллиса к Джиму и стойкой привязанности Джима к нему — колонисты по сей день живы — вместо того, чтобы кормить червей. Предъявленный нам ультиматум убраться с этого шарика был уступкой, сделанной из-за Джима; сначала они собирались нас уничтожить.

У Марлоу отвисла челюсть:

— Это невозможно! Марсиане не стали бы делать ничего подобного!

— Стали бы, — сказал Макрей. — Они долго присматривались к нам. Намерение Бичера отправить Виллиса в зоопарк переполнило чашу их терпения, но отношение Джима к Виллису вынудило их пересмотреть уже принятое решение. Они нашли компромисс.

— Я не могу поверить, чтобы они на такое пошли, — возразил Марлоу, — и не понимаю, как бы они это сделали.

— Где Бичер? — холодно сказал Макрей.

— М-м-м... да.

— Не стоит рассуждать о том, что они могут и чего не могут. Мы ничего о них не знаем... совсем ничего.

— Не стану с тобой спорить. Но ты не мог бы хоть как-то объяснить эту тайну Виллиса и Джима? Что в них такого? В конце концов Виллис — всего лишь попрыгунчик.

— Не думаю, что это мне удастся, — признался Макрей, — но я, безусловно, могу изложить некоторые из своих соображений. Ты знаешь марсианское имя Виллиса? Ты понимаешь, что оно означает?

— Я даже не знал, что оно у него есть.

— Оно гласит: «В ком надежды мира соединяются». Тебе это что-нибудь говорит?

— Нет, откуда!

— Возможно, я неточно его перевел. Оно может означать «Воплощающий надежду», или просто «Надежда». Допускаю, что марсиане, подобно нам, ценят поэтичность выражения. Вот мое имя — Доналд — означает «Правящий миром». Мои родители, безусловно, дали маху. Или, может быть, марсиане любят наделять попрыгунчиков причудливыми именами. Когда-то я знал пекинеса по имени — хочешь верь, хочешь нет — «Великий Чемпион Маньчжурский принц Бельведера», — внезапно Макрей вздрогнул. — Знаешь, я вдруг вспомнил, что домашняя кличка пса была Виллис!

— Не может быть!

— Может, — доктор поскреб щетину на подбородке, размышляя о том, что в одну из ближайших недель не мешало бы побриться. — Но это не просто совпадение. Прежде всего я сам предложил Джиму имя «Виллис», и, возможно, я подразумевал того пса. Обаятельный лупоглазый чертенок, ну точно как Виллис, — наш Виллис. Из этого следует, что вовсе не обязательно каждое из имен «Виллис» должно что-то означать.

Он так долго сидел молча, что Марлоу сказал:

— Ты не слишком преуспел в раскрытии тайны. Так ты считаешь, что настоящее имя Виллиса что-то означает? — иначе ты не стал бы упоминать об этом.

Макрей резко выпрямился:

— Считаю. Несомненно считаю. Я думаю, что имя Виллиса имеет буквальное значение. Постой — только не горячись. Я не собираюсь сходить с ума. Что, по-твоему, представляет собой Виллис?

— По-моему? — переспросил Марлоу. — Я думаю, что он является представителем экзотической марсианской фауны, частично разумным и приспособившимся к типичному окружению.

— Звучит весомо, — ухмыльнулся доктор. — А я думаю, что он является еще не выросшим марсианином.

Казалось, Марлоу даже обиделся:

— В их строении нет ничего общего, они отличаются друг от друга, как мел от сыра.

— Справедливо. А что общего у гусеницы с бабочкой?

Марлоу открыл рот и вновь закрыл его.

— Я тебя не виню, — продолжал Макрей, — мы никогда не считали, что подобные метаморфозы возможны у высших видов, что бы под «высшим видом» ни разумелось. Но я думаю, что с Виллисом все именно так и обстоит, и, очевидно, по этой самой причине он скоро должен будет вернуться к своим. Сейчас он в стадии личинки, однако находится непосредственно накануне перехода в стадию куколки (нечто вроде долгой спячки). Когда она закончится, он превратится в марсианина.

Марлоу закусил губу:

— В этом нет ничего безумного, но это ошеломляет.

— На Марсе всё ошеломляет. И если моя теория верна — чего, заметь, я не утверждаю, — тогда можно объяснить, *почему* Виллис является столь важным персонажем. Что?

— Ты хочешь, чтобы я усвоил слишком много информации за один раз, — сказал Марлоу устало.

— Следуй примеру Червонной Королевы. Я еще не закончил. Я думаю, что у марсиан есть еще одна стадия — стадия «старика», с которым я говорил; как мне кажется, самая загадочная из всех Джеймс, ты можешь представить себе людей, находящихся в тесных и повседневных отношениях с Небесами — со своими Небесами, — столь же тесных и привычных, как отношения, например, между Соединенными Штатами и Канадой?

— Док, сейчас я могу представить себе все, о чем ты мне говоришь.

— Мы говорим об «ином мире» марсиан — как ты это понимаешь?

— Никак. Разновидность транса, подобного тому, в который впадают индусы.

— Я спрашиваю тебя, потому что разговаривал, как они мне сказали потом, с кем-то из «иного мира» — я имею в виду «старика». Я полагаю, Джеймс, что вел переговоры о новых условиях колонизации с привидением.

— Сиди спокойно, — продолжал Макрей, — я объясню тебе, почему я так думаю. Поначалу у меня ничего не получалось и я решил сменить тему. Кстати, мы говорили по-английски: он считал всю информацию с мозга Джима. Он знал каждое слово из тех, что ты можешь услышать от Джима, и ни одного из тех, которые Джим, очевидно, не знает. Я попросил его предположить, чисто теоретически, что нам позволено остаться — в таком случае, раз-

решат ли марсиане воспользоваться их подземной транспортной системой, чтобы добраться до Копайса? Я ездил по одной из этих дорог на переговоры. Очень толково — ускорение направлено постоянно вниз, как будто комната закреплена на универсальном шарнире. Старику было трудно понять меня. Потом он показал марсианский глобус — очень похожий на земной, только без каналов. Гекко был со мной, так же, как до этого — с Джимом. У них со стариком возникла дискуссия, суть которой сводилась к вопросу: какой сейчас год? После чего глобус начал на моих глазах понемногу изменяться. Я увидел, как по всей поверхности Марса расползлись каналы, *я видел, как их сооружали,* Джеймс. А теперь ответь, — сказал он в заключение, — что это за существо, которое никак не может вспомнить, в каком тысячелетии оно находится? Ты не станешь возражать, если я назову его привидением?

— Я вообще не стану возражать, — заверил его Марлоу. — Возможно, мы все — привидения.

— Я предложил тебе одно объяснение, Джеймс, вот другое: попрыгунчики, марсиане и «старики» — совершенно разные расы. Попрыгунчики — это граждане третьего разряда, марсиане — второго, а действительных хозяев мы никогда не видим, так как они живут под землей. Им безразлично, что мы делаем на поверхности, до тех пор, пока мы подобающе себя ведем. Мы можем гулять в парке и даже ходить по траве, но мы не должны пугать птиц. Или «старик» был просто галлюцинацией, которую вызвал у меня Гекко; может быть, есть только попрыгунчики и марсиане. Решай сам.

— Не могу, — сказал Марлоу. — Я удовлетворен тем, что ты сумел достичь соглашения, которое позволяет нам остаться на Марсе. Думаю, пройдут годы, прежде чем мы поймем марсиан.

— Ты слишком оптимистичен, Джеймс. Через пятьсот лет после Колумба белый человек продолжает изучать американского индейца, пытаясь понять, чем он живет, — а ведь индеец и европеец оба — люди и похожи как две капли воды. А это — марсиане. Мы никогда их не поймем, даже сами способы мыслить у нас различны.

Макрей встал:

— Хочу помыться и поспать... после того, как повидаю Джима.

— Подожди. Как ты думаешь, док, у нас будут серьезные трудности с Декларацией автономии? Они примут ее?

— Должны принять. Отношения с марсианами еще в восемь раз сложнее, чем мы считали раньше. Управлять с другой планеты непрактично. Представь себе, что проблему, подобную нашей,

будут решать голосованием на Земле члены Совета, которые даже не видели марсиан.

— Я не об этом. Сколь серьезную оппозицию мы встретим?

Макрей вновь почесал подбородок:

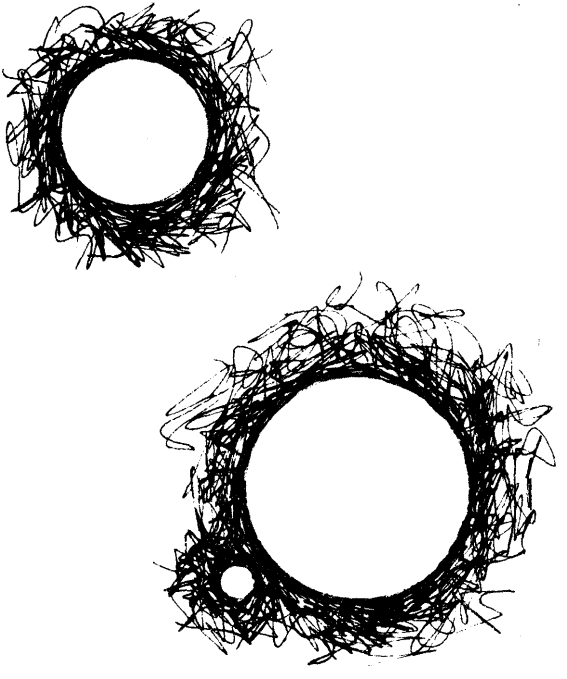
— И прежде людям приходилось бороться за свои права, Джеймс. Не знаю. Это наша задача — убедить их там, на Земле, что автономия необходима. При существующих сегодня проблемах питания и перенаселения они сделают все необходимое — как только поймут, против чего мы выступаем, — чтобы сохранить мир с марсианами и продолжить переселение. Они не захотят, чтобы что-то задержало реализацию Проекта.

— Надеюсь, ты прав.

— Со временем я обязательно окажусь прав. И не надо забывать о наших марсианах. Ладно, мне пора идти сообщить обо всем Джиму.

— Он расстроится, — сказал Марлоу старший.

— Переживет как-нибудь. Может, он найдет другого попрыгунчика, обучит его английскому и тоже назовет Виллисом. А потом он вырастет и перестанет возиться с попрыгунчиками. Это не так уж важно, — он задумался и добавил: — Но что будет с Виллисом? Я хотел бы это знать.

Айзек АЗИМОВ

ЛАКИ СТАРР И БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ МЕРКУРИЯ

ПОСВЯЩАЕТСЯ РОБИН ДЖОАН, КОТОРАЯ ИЗО ВСЕХ СИЛ СТАРАЛАСЬ МНЕ ПОМЕШАТЬ.

ОТ АВТОРА

Эта книга была впервые опубликована в 1956 году, и описание поверхности Меркурия в ней соответствует данным того периода.

Однако с 1956 года знания астрономов о Солнечной системе (благодаря исследованиям с помощью радаров и ракет) неизмеримо выросли.

В 1956 году полагали, что одна сторона Меркурия постоянно обращена к Солнцу, так что часть поверхности всегда находится на Солнце, а часть — в тени; в пограничных областях Солнце иногда светит, иногда — нет.

Однако в 1965 году, исследуя отражения от поверхности Меркурия с помощью лучей радаров, астрономы к своему удивлению обнаружили, что это не так. Обращаясь вокруг Солнца за 88 дней, Меркурий поворачивается вокруг своей оси за 59 дней. Это означает, что любая часть поверхности Меркурия бывает освещена Солнцем и что так называемой «темной стороны» не существует.

Тем не менее, я надеюсь, что читатели все равно получат удовольствие от этой истории. Однако мне не хочется, чтобы факты, считавшиеся действительными в 1956 году, но признанные недействительными сейчас, они принимали за научную информацию.

I

ПРИЗРАКИ СОЛНЦА

Лаки Старр и его маленький друг Джон Бигмэн Джонс шли вслед за молодым инженером вверх по пандусу к воздушному шлюзу, который вел на поверхность планеты Меркурий. Лаки подумал: «По крайней мере, мы недолго раскачиваемся».

Он провел на Меркурии всего час. Времени хватило лишь на то, чтобы убедиться, что его корабль «Молния Старр» благополучно убран в подземный ангар. Он успел встретиться только с механиками, которые работали при посадке и затем возились с кораблем.

То есть с этими механиками и со Скоттом Майндсом, ответственным за программу «Свет». Этот молодой человек, казалось, только его и ждал. Почти сразу же он предложил выйти на поверхность.

Как он объяснил, полюбоваться видами.

Конечно, Лаки ему не поверил. Маленькое лицо инженера горело тревогой, и, когда он говорил, рот подергивался. Глаза его ускользали от холодного ровного взгляда Лаки.

Все же Лаки согласился выйти на поверхность. До сих пор ему было известно о неполадках на Меркурии лишь то, что они представляли весьма щекотливую проблему для Совета Науки. Поэтому Лаки очень хотел выйти вместе с Майндсом.

Что же касается Бигмэна Джонса, он всегда был рад сопровождать Лаки куда угодно и когда угодно, по делу и просто так.

Однако у Бигмэна поднялись брови, когда они трое надевали скафандры, чтобы выйти на поверхность. Он почти незаметно указал на кобуру, висевшую на боку у Майндса.

Лаки тихонько кивнул в ответ. Он тоже заметил толстое дуло крупнокалиберного бластера, не влезавшее в кобуру.

Молодой инженер первым ступил на поверхность планеты. За ним Лаки Старр, последним вышел Бигмэн.

На мгновенье они потеряли друг друга в почти полной темноте. Видны были лишь звезды, яркие и твердые в холодном безвоздушном пространстве.

Первым пришел в себя Бигмэн. Сила тяжести здесь, на Меркурии, была почти равна силе тяжести на его родном Марсе. Марсианские ночи почти такие же темные, звезды в ночном небе почти такие же яркие. Его высокий голос четко прозвучал в наушниках:

— Эй, я, кажется, уже что-то различаю!

Лаки тоже начал ориентироваться, и то, что он увидел, поразило его. Конечно же, звезды не могли светить *так* ярко. Хаотический пейзаж был окутан светящимся туманом, в котором выделялись молочно-белые острые скалы.

Лаки видел нечто подобное на Луне во время двухнедельной лунной ночи. Там тоже был совершенно пустой пейзаж, грубый и хаотичный. Никогда за миллионы лет ни там, на Луне, ни здесь, на Меркурии, не ласкали поверхность струи свежего ветра или капли дождя. Голые скалы, более холодные, чем может представить воображение, стояли без льда и инея в этом безводном мире.

В лунных ночах тоже была эта молочная белизна. Но на половине Луны, во всяком случае, был свет Земли. Полная Земля светила в шестнадцать раз ярче, чем полная Луна. Это доводилось наблюдать с Земли.

Здесь, на Меркурии, в Солнечной обсерватории на северном полюсе, не было такой яркой планеты.

— Это свет звезд? — спросил он наконец, хотя знал, что это не так.

Скотт Майндс устало ответил:

— Это мерцание короны.

— Большая галактика! — слегка усмехнулся Лаки. — Корона! Ну конечно! Мог бы и сам догадаться!

— Догадаться о чем? — воскликнул Бигмэн. — Что происходит? Эй, Майндс, в чем дело?

— Обернитесь. Вы стоите спиной к ней.

Все повернулись. Лаки тихонько свистнул сквозь зубы; Бигмэн вскрикнул от удивления. Майндс промолчал.

Часть горизонта четко, словно гравюра, выделялась на фоне жемчужного неба. Каждая неровность была отчетливо видна. Небо над этим участком горизонта примерно на треть свода полыхало заревом, более ярким над самым горизонтом и бледным ближе к зениту. На небе сияли яркие и четкие, словно вырезанные, полосы бледного света.

— Это и есть корона, мистер Джонс, — сказал Майндс.

Несмотря на свое удивление, Бигмэн не забывал о правилах приличия, как он понимал их.

— Зовите меня Бигмэн, — проворчал он. — Вы говорите о короне вокруг Солнца? Я не думал, что она такая большая.

— Ее глубина миллион миль, может быть, и больше, — заметил Майндс, — а мы сейчас на Меркурии — ближайшей к Солнцу планете. Отсюда до Солнца всего тридцать миллионов миль. Вы ведь с Марса?

— Родился и вырос там, — ответил Бигмэн.

— Ну так вот, если бы отсюда видно было Солнце, то вы заметили бы, что оно в тридцать шесть раз больше, чем когда смотришь с Марса, и корона тоже. И, конечно, в тридцать шесть раз ярче.

Лаки кивнул. И Солнце, и корона кажутся отсюда в 9 раз больше, чем с Земли. А корону на Земле можно увидеть только во время полного затмения.

Так что Майндс не совсем солгал. На Меркурии было что посмотреть. В своем воображении он попытался представить корону, спрятанное сейчас за горизонтом Солнце, которое она окружает. Это был бы величественный вид!

Майндс продолжал, в голосе его слышалась явная горечь:

— Этот свет называют «белым призраком Солнца».

Лаки сказал:

— Мне нравится. Удачное название.

— Удачное? — разъярился Майндс. — Я так не думаю. Слишком много здесь говорят о призраках. Эта планета — сплошное проклятье! На ней ничего не получается, как надо. Мины не работают... — голос его оборвался.

Лаки подумал: «Пусть покипит».

Вслух он спросил:

— А что вы хотели нам показать, Майндс?

— Ах, да. Надо немного пройти. Недалеко, учитывая силу тяжести, но надо смотреть, куда ступаете. Дорог здесь нет, а мерцание короны может быть очень обманчиво. Лучше включить лампы на шлемах.

Говоря это, он включил свою лампу, и с его шлема протянулся луч света, превративший землю в желто-черное лоскутное одеяло. Вспыхнули две другие лампы, и три фигуры двинулись вперед, переступая ногами в специально защищенной тяжелой обуви. Они беззвучно шли в вакууме, при каждом шаге чувствуя, несмотря на скафандр, легкие колебания воздуха.

Они шли, и Майндс, казалось, сам с собой говорил о планете. Он говорил тихим, напряженным голосом:

— Я ненавижу Меркурий. Я торчу здесь шесть месяцев, два меркурианских года, и мне это надоело. Прежде всего, я никак не думал, что мне придется здесь пробыть дольше полугода,

но время прошло, и ничего не сделано. Все здесь не так. Это самая маленькая планета. Она ближе всего к Солнцу, правда, повернута к нему лишь одним боком. Там, — он указал рукой в направлении отблесков короны, — солнечная сторона, где местами так жарко, что можно плавить свинец и варить серу. А в противоположном направлении, — он опять взмахнул рукой, — единственная поверхность планеты во всей Солнечной системе, которая никогда не видит Солнца. Все здесь ужасно.

Он умолк, перепрыгивая через мелкую, футов в шесть шириной, щель на поверхности, напоминавшую, возможно, о каком-то очень давнем меркуриетрясении, которую не смогли залечить ветер и погода. Прыжок вышел неуклюжим, как у землянина, который даже на Меркурии сохранил привычку к искусственной силе тяжести, создаваемой под куполом обсерватории.

Увидев это, Бигмэн неодобрительно щелкнул языком. И он, и Лаки лишь чуть удлинили шаг.

Пройдя еще четверть мили, Майндс заметил:

— Мы можем посмотреть отсюда, сейчас как раз подходящее время.

Он остановился, раскачиваясь и раскинув руки для равновесия. Бигмэн и Лаки остановились маленьким прыжком, и фонтанчики гравия взметнулись у их ног.

Майндс выключил свою лампу и указал куда-то. Лаки и Бигмэн тоже погасили свет и в темноте увидели маленькое белое пятно неправильной формы.

Оно было необыкновенно ярким и блестело ярче, чем Солнце на Земле.

— Отсюда его лучше всего видно, — сказал Майндс. — Это вершина Черно-белой горы.

— Она так называется? — спросил Бигмэн.

— Именно. Надеюсь, понятно почему? Гора находится на ночной стороне, как раз достаточно далеко от Разделителя — это граница между темной и солнечной сторонами.

— Это я знаю, — обиделся Бигмэн. — Вы думаете, я совсем невежда?

— Я просто объясняю. Это пятнышко расположено на северном полюсе, а другое — на южном, где Разделитель почти не сдвигается по мере вращения Меркурия вокруг Солнца. На экваторе Разделитель сдвигается на семьсот миль в одном направлении за сорок четыре дня, а затем на семьсот миль обратно за следующие сорок четыре дня. Здесь же его сдвиг составляет лишь около полумили, вот почему это подходящее место для обсерватории. Солнце и звезды неподвижны. В любом случае, Черно-белая гора достаточно далеко отсюда, так что только верхняя половина ее

бывает освещена. Когда уходит солнце, гора погружается в темноту.

— И сейчас, — заметил Лаки, — освещена только вершина.

— Только один-два фута сверху, но и они скоро потемнеют. Она будет вся черная день или два, по земному времени, потом свет начинает возвращаться.

Даже в течение того времени, что он говорил, белое пятно уменьшилось до размеров точки, которая горела, как яркая звезда.

Все трое ждали.

— Посмотрите в сторону, — посоветовал Майндс, — чтобы глаза привыкли к темноте.

Прошло несколько томительных минут, прежде чем он сказал:

— Ладно, пошли назад.

Лаки и Бигмэн так и сделали. Некоторое время они ничего не видели.

А затем пейзаж стал словно кровавым. Или, во всяком случае, часть пейзажа. Сначала возникло лишь ощущение красного цвета. Потом что-то удалось разобрать: гору неправильной формы, увенчанную пиком. Сейчас вершина была ярко-красной, книзу красный цвет становился все темнее и терял яркость; у подножья было все черно.

— Что это? — спросил Бигмэн.

— Солнце, — ответил Майндс, — опустилось сейчас как раз настолько, что, если смотреть с вершины горы, над горизонтом видны только корона и протуберанцы. Протуберанцы — это водородные струи, которые поднимаются на тысячи миль над поверхностью Солнца, они всегда ярко-красные, но обычно Солнце поглощает цвет протуберанцев.

Лаки кивнул. Из-за густоты атмосферы с Земли протуберанцы тоже можно было увидеть только во время полного затмения или с помощью специальных инструментов.

— А вот это, — тихо добавил Майндс, — называют «красным призраком Солнца».

— Итак, у нас есть два призрака, — неожиданно сказал Лаки,— белый и красный. Это из-за них вы взяли с собой бластер, мистер Майндс?

— Что? — вскричал Майндс. Затем возмущенно спросил: — О чем вы говорите?

— Я говорю, — сказал Лаки, — что пора бы вам объяснить, зачем вы нас привели сюда. Наверное, не для того, чтобы полюбоваться видами, иначе вы не стали бы брать с собой на прогулку по пустой необитаемой планете бластер.

Майндс ответил не сразу. Выдержав паузу, он спросил:

— Вы ведь Дэвид Старр?

— Совершенно верно, — спокойно ответил Лаки.

— Вы член Совета Науки. Тот, кого называют счастливчиком Лаки Старром.

— Совершенно верно, — снова ответил Лаки с некоторой неохотой, так как члены Совета Науки избегали известности.

— Значит, я не ошибся. Вы один из их лучших исследователей, и должны выяснить, что происходит с программой «Свет».

Губы Лаки сжались и вытянулись в ниточку. Ему совсем не хотелось, чтобы об этом так легко догадывались

— Может быть, и так, может быть, нет. Зачем вы привели меня сюда?

— Я знаю, что это так, и привел вас сюда, — Майндс прерывисто дышал, — чтобы сказать вам правду, прежде чем другие наговорят вам много-много лжи.

— О чем?

— О неполадках... (ненавижу это слово) неполадках, связанных с программой «Свет».

— Но вы могли сказать мне об этом под Куполом. Зачем было вести меня сюда?

— На это есть две причины, — ответил инженер. Он дышал все так же прерывисто. — Во-первых, все они считают, что в этом виноват я. Они считают, что я не справляюсь с программой и напрасно перевожу деньги. Я хотел увести вас от них. Понимаете? Я хотел, чтобы вы не слушали их раньше, чем выслушаете меня.

— Почему они должны считать, что виноваты вы?

— Они считают, что я слишком молод.

— Сколько вам лет?

— Двадцать два.

Лаки Старр, который был немногим старше, спросил:

— И вторая причина?

— Я хотел, чтобы вы прониклись ощущением Меркурия. Я хотел, чтобы вы впитали в себя... — он замолчал.

Прямая и высокая фигура Лаки в ярком скафандре выделялась на фоне мрачной поверхности Меркурия, и молочный свет короны, «белый призрак Солнца», отражался в металлических пластинах, прикрепленных к плечу.

— Хорошо, Майндс, допустим, я верю, что не вы виноваты в провале программы. Кто же виноват?

Слов инженера сначала нельзя было разобрать. Потом удалось расслышать:

— Не знаю... Во всяком случае...

— Я не понимаю вас, — заметил Лаки.

— Послушайте, — отчаянно заговорил Майндс, — я все проверил. В часы бодрствования и в часы сна я пытался застать того,

или то, что нам мешает работать. Я следил за всеми. Я заметил, в какое время происходили неполадки: разрывались кабели или были раздавлены электроды. В одном я уверен...

— В чем?

— Никто из тех, кто живет под Куполом, не виноват впрямую. Никто. Под Куполом всего лишь около пятидесяти человек, точнее, пятьдесят два, и последние шесть раз, когда происходили разные неприятности, мне удалось проследить за всеми. Никто не находился на месте поломки, — голос его звучал пронзительно высоко.

— Чем же тогда вы объясняете эти происшествия? Меркурие-трясениями? Солнечной активностью?

— Это призраки! — дико вскричал инженер, раскинув руки. — Белый и красный призраки существуют. Вы их видели. Но есть и двуногие призраки. Я застал их, но кто мне поверит? — его было все труднее понять, он бессвязно твердил: — Говорю вам... говорю вам...

— Призраки! Вы в своем уме? — вступил в разговор Бигмэн.

Майндс тут же вскричал:

— Вы мне тоже не верите. Но я вам докажу. Я взорву призрак. Я взорву дураков, которые мне не верят. Я всех взорву. Всех!

С хриплым смехом он выхватил свой бластер и, прежде чем Бигмэн успел подбежать к нему и остановить, направил дуло в упор на Лаки и спустил курок. Невидимое разрывное поле вылетело.

II

БЕЗУМЕН ИЛИ ЗДОРОВ?

Лаки пришел бы конец, если бы они с Майндсом были на Земле.

Он слышал нарастающее безумие в голосе Майндса и осторожно ждал какого-нибудь перелома, какого-то действия, соответствующего страстности слов, которые тяжело выдыхал инженер. И все же прямого нападения он не ожидал.

Когда рука Майндса метнулась к кобуре, Лаки прыгнул в сторону. На Земле он бы опоздал.

На Меркурии все было иначе. Сила тяжести составляла две пятых от силы тяжести на Земле; сжатые мускулы Лаки отбросили его необычно легкое (даже в скафандре) тело далеко в сторону. Майндс, не привыкший к малой силе тяжести, споткнулся, пытаясь повернуться таким образом, чтобы его бластер настиг Лаки.

Поэтому молния бластера ударила в нескольких дюймах от

приземлившегося Лаки. Выстрелом в ледяной скале выбило яму глубиной в фут.

Прежде чем Майндс смог прийти в себя и снова прицелиться, Бигмэн с естественной грацией урожденного марсианина, привыкшего к малой силе тяжести, ударил по кончику антенны его скафандра.

Майндс упал. Он что-то беззвучно крикнул, затем умолк, вероятно, потеряв сознание от удара, а может, его лихорадочные эмоции достигли предела.

Бигмэн не верил ни тому, ни другому.

— Все это притворство! — возмущенно кричал он. — Наш приятель прикинулся мертвым, — он вырвал бластер из обмякшей руки упавшего инженера и направил дуло на его голову.

— Ни в коем случае, Бигмэн, — резко сказал Лаки.

Бигмэн заколебался.

— Он же хотел убить тебя, Лаки, — было очевидно, что маленький марсианин не рассердился бы так, если бы на грани смерти был он. Все же он уступил.

Лаки опустился на колени, чтобы рассмотреть через стекло шлема лицо Майндса. Его фонарик осветил бледные, судорожно сведенные черты. Он удостоверился, что давление в скафандре нормальное и что падение не повредило костюм. Затем, обхватив упавшую фигуру за талию и лодыжку, взвалил Майндса на плечи и поднялся.

— Домой, под Купол, — сказал он. — Боюсь, здесь проблема посложнее, чем предполагал наш шеф.

Ворча себе под нос, малютка Бигмэн, еле поспевая, следовал за Лаки. Он вынужден был бежать почти рысью, благо, отсутствие силы тяжести позволяло удлинить шаг. Бластер он держал наготове, так, чтобы в случае необходимости выстрелить в Майндса, не задев при этом Лаки.

Шефом был Гектор Конвей, глава Совета Науки. В непринужденной обстановке Лаки называл его дядей Гектором, потому что Гектор Конвей вместе с Огастесом Генри были опекунами молодого Лаки после смерти его родителей в результате пиратского налета неподалеку от орбиты Венеры.

Неделю назад Конвей небрежно, словно предлагая поехать отдохнуть, сказал Лаки:

— Не хочешь ли ты слетать на Меркурий?

— А в чем там дело, дядя Гектор? — спросил Лаки.

— Ничего особенного, — Конвей нахмурился, — кроме кое-каких дешевых политических трюков. Мы разрабатываем на Мер-

курии довольно дорогую программу, проводим там одно из тех фундаментальных исследований, которые, как ты знаешь, могут ничего не дать, а могут оказаться революцией в науке. Это игра. Тут все бывает.

— Я что-нибудь об этом знаю? — спросил Лаки.

— Не думаю. Работы начались совсем недавно. В любом случае, сенатор Свенсон назвал эту программу образчиком того, как Совет растрачивает деньги налогоплательщиков. Ты знаешь этот стиль. Он настаивает на расследовании, и один из его мальчиков отправился на Меркурий несколько месяцев назад.

— Сенатор Свенсон? Ясно, — Лаки кивнул. В этом не было ничего нового. За последние десятилетия Совет Науки постепенно выдвинулся вперед в борьбе против опасностей, угрожающих Земле как внутри, так и за пределами Солнечной системы. В век Галактической цивилизации, когда люди были рассеяны по планетам всех звезд Млечного пути, только специалисты могли конструктивно решать проблемы человечества. Фактически, с этим могли справиться только подготовленные Советом ученые.

Тем не менее в правительстве Земли были люди, которые боялись растущей власти Совета Науки, и были такие, которые использовали эти опасения для удовлетворения собственных амбиций. Сенатор Свенсон стоял во главе второй группы. Его нападки на Совет и обвинения в «растрате» средств на научные исследования принесли ему известность.

— Кто отвечает за программу на Меркурии? Я его знаю? — спросил Лаки.

— Кстати, программа называется «Свет», и отвечает за нее инженер по имени Скотт Майндс. Умница, но не тот человек, чтобы с этим справиться. И загадочнее всего, что как только Свенсон затеял возню, все на планете пошло кувырком.

— Если хотите, я займусь этим, дядя Гектор.

— Ладно. Неполадки еще полбеды. Главное, не хочется, чтобы Свенсон нас во что-нибудь втянул. Погляди, что он замышляет. Следи за его человеком. Его зовут Уртейл, у него репутация умного и опасного противника.

Так все это началось. Небольшое исследование с целью предотвратить политические трудности. В общем, пустяк.

Лаки приземлился на Северном полюсе Меркурия, не ожидая ничего большего, а через два часа увидел дуло бластера, нацеленное на него.

Лаки с Майндсом на плечах тащился обратно к Куполу и думал: «Нет, здесь не только в политике дело».

Доктор Карл Гардома вышел из маленькой больничной палаты и мрачно посмотрел на Лаки и Бигмэна. Он вытирал руки подушечкой из пушистого синтетического поглотителя, и, когда вытер, бросил ее в контейнер для мусора. Его темное, почти коричневое лицо было расстроено, тяжелые брови опущены. Даже черные волосы, остриженные так коротко, что стояли ежиком, казалось, подчеркивали тревогу на его лице.

— Итак, доктор? — спросил Лаки.

— Я его усыпил. Когда он проснется, все будет в порядке. Может быть, он даже забудет о том, что произошло.

— У него прежде бывали такие приступы?

— На Меркурии подобного не случалось, Мистер Старр. Не знаю, что было раньше, но последние месяцы он жил в сильном напряжении.

— Почему?

— Он чувствует себя ответственным за неполадки, из-за которых плохо идет работа по программе «Свет».

— Он действительно виноват в них?

— Ну, конечно, нет. Но вы же видите, как он переживает. Он уверен, что все обвиняют его. Программа «Свет» жизненно необходима. В нее вложена масса денег и усилий. У Майндса под началом десять строителей, все они на пять-десять лет старше него, и еще у них огромное количество оборудования.

Доктор мрачно улыбнулся, но, несмотря на его мрачность, улыбка получилась приветливой:

— Субэфирная оптика, мистер Старр, это совершенно новая область науки. Только молодые люди, едва окончившие школу, знают о ней достаточно.

— Похоже, вы сами о ней кое-что знаете.

— Только то, что рассказывал Майндс. Мы прилетели на Меркурий на одном корабле, и он заинтересовал, прямо-таки покорил меня своей программой. Вы знаете о ней?

— Ничего не знаю.

— Она включает исследование сверхпространства, той части пространства, которая лежит за известной нам обычной границей космоса. Законы природы, которые относятся к обычному пространству, не применимы к сверхпространству. Например, в обычном пространстве скорость света является предельной и двигаться быстрее невозможно, так что нужно по крайней мере четыре года, чтобы долететь до ближайшей звезды. В сверхпространстве возможна любая скорость, — врач оборвал себя на полуслове и улыбнулся, будто прося извинения: — Конечно, все это вам известно.

— Я полагаю, большинству людей известно, что открытие

сверхпространственных перемещений сделало возможными полеты к звездам, — сказал Лаки, — но как насчет программы «Свет»?

— Дело в том, что в обычном пространстве свет передается по прямой в вакууме. Изогнуть эту прямую может лишь большая сила тяжести. В сверхпространстве, напротив, эту прямую изогнуть так же просто, как хлопчатобумажную нить. Пучок света можно сфокусировать, рассеять, перегнуть пополам. Вот что утверждает теория гипероптики.

— И Скотт Майндс, насколько я понимаю, находится здесь, чтобы проверить эту теорию.

— Именно так.

— Почему здесь? — спросил Лаки. — Я хочу сказать, почему на Меркурии?

— Потому что в Солнечной системе нет другой планетарной поверхности с такой высокой концентрацией света на столь огромной площади. Эффекты, которые ищет Майндс, проще всего выявить здесь. Осуществление этой программы на Земле обойдется во сто раз дороже, а результаты будут в сто раз менее надежны. Так говорит Майндс.

— Но тут происходят всякие неполадки!

Доктор Гардома фыркнул:

— Это не неполадки. Мистер Старр, их надо прекратить. Вы знаете, что даст успех программы «Свет»? — он говорил, захваченный картиной, которую рисовало его воображение. — Земля больше не будет рабыней Солнца. Космические станции, окружающие Землю, будут собирать солнечный свет, пропускать его через сверхпространство и равномерно распределять по Земле. Исчезнет жара в пустынях и холод на полюсах. Времена года будут такими, как мы захотим. Управляя распределением солнечного света, мы сможем управлять погодой. Там, где мы захотим, будет вечное солнце или ночь любой продолжительности. Земля станет раем с кондиционированным воздухом.

— Мне представляется, что это превращение произойдет не сразу.

— Разумеется, однако это только начало... Послушайте, может быть, мне не следует об этом спрашивать, но ведь вы — Дэвид Старр, который раскрыл дело о пищевых отравлениях на Марсе?

В голосе Лаки появился металл, и брови его слегка нахмурились.

— Почему вы спрашиваете об этом?

— Ну, я ведь врач. Сначала эти отравления приняли за эпидемию какой-то болезни, и в свое время меня это очень интересовало. Говорили о молодом ученом из Совета, сыгравшем главную роль в раскрытии тайны, и упоминали кое-какие имена.

— Давайте не будем больше об этом говорить, — Лаки был недоволен, как всегда, когда сталкивался с тем, что его хорошо знают. Сначала Майндс, теперь Гардома.

— Но если вы — тот Старр, то вы здесь, я полагаю, для того, чтобы прекратить так называемые неполадки.

Лаки притворился, что не расслышал:

— Когда я смогу поговорить со Скоттом Майндсом, доктор?

— Он будет спать не меньше двенадцати часов.

— И после этого он будет в норме?

— Я в этом уверен.

Новый гортанный баритон вмешался в их разговор:

— Вы в самом деле уверены в этом, Гардома? Может быть, вы просто считаете, что наш мальчик Майндс всегда в норме?

Доктор Гардома вздрогнул при звуке этого голоса и даже не потрудился скрыть откровенную неприязнь.

— Что вы здесь делаете, Уртейл?

— Смотрю во все глаза и слушаю во все уши, хотя, подозреваю, вы бы предпочли, чтобы я этого не делал, — сказал вновь прибывший.

И Лаки, и Бигмэн с любопытством рассматривали его. Это был крупный мужчина: не высокий, но широкий в плечах и с развитыми мускулами. Щеки у него были синие от щетины, а крайняя его самоуверенность производила довольно неприятное впечатление.

— Мне безразлично, что вы там делаете своими глазами и ушами, но будьте любезны, не делайте этого в моем кабинете, — парировал Гардома.

— Почему в вашем кабинете нельзя этого делать? — поинтересовался Уртейл. — Вы врач. Сюда имеют право входить больные. Может быть, я болен.

— На что вы жалуетесь?

— Как насчет этих двоих? На что они жалуются? Я полагаю, в одном случае на гормональную недостаточность, — говоря это, он лениво скользнул взглядом по Бигмэну Джонсу.

Последовала пауза. Бигмэн побледнел, как смерть, затем будто вырос. Он медленно встал с места, глаза его широко раскрылись и извергали молнии. Губы двигались, словно пытаясь выговорить «гормональная недостаточность», словно он пытался убедить себя, что он действительно слышал эти слова, что ему не почудилось.

Затем со скоростью нападающей кобры Бигмэн, ростом всего в пять футов два дюйма,* со всей силой своих железных мускулов бросился на широкую ухмыляющуюся фигуру.

Но Лаки двигался быстрее. Он схватил Бигмэна за плечи:

---

* примерно 157 см

— Потише, Бигмэн.

Маленький марсианин отчаянно сопротивлялся.

— Ты же слышал его, Лаки. Ты слышал.

— Не сейчас, Бигмэн.

Уртейл рассмеялся резким лающим смехом.

— Отпусти его, дружище. Я размажу малютку по полу одним пальцем.

Бигмэн выл и извивался в руках Лаки.

— Я больше ничего не буду говорить, Уртейл, иначе вы можете попасть в такую переделку, из которой вас не вызволит даже ваш друг сенатор, — заметил Лаки.

Когда он это говорил, его карие глаза стали ледяными, и в голосе зазвучала сталь.

На мгновенье Уртейл встретился взглядом с Лаки, затем отвел глаза. Он что-то пробурчал насчет шуток; хриплое дыхание Бигмэна несколько успокоилось, и, когда Лаки медленно разжал руки, марсианин сел на место, все еще дрожа от едва выносимой ярости.

Доктор Гардома, напряженно следивший за этой сценой, спросил:

— Вы знаете Уртейла, мистер Старр?

— Слыхал о нем. Это Джонатан Уртейл, разъездной следователь сенатора Свенсона.

— Что ж, можно его и так назвать, — пробормотал врач.

— Я о вас тоже знаю, Дэвид Старр, или Лаки Старр, или как там вы себя называете, — сказал Уртейл. — Вы разъездной чудоребенок Совета Науки. Отравление на Марсе. Астероидные пираты. Венерианская телепатия. Я все назвал?

— Да, — беззвучно ответил Лаки.

— Не много найдется такого, чего сотрудники сенатора не знают о Совете Науки, — Уртейл торжествующе усмехнулся. — И немного такого, чего я не знаю о том, что происходит здесь. Например, я знаю о покушении на вас, и я пришел сюда, чтобы поговорить об этом.

— Зачем?

— Чтобы предупредить вас. Просто по-дружески предупредить. Я полагаю, здешний медик рассказывал вам, какой чудесный парень этот Майндс. И то, что было — всего лишь моментальная разрядка невыносимого напряжения — ведь так он говорил? Они с Майндсом большие друзья.

— Я всего лишь... — начал доктор Гардома.

— Нет уж, дайте мне сказать, — обрубил его Уртейл. — Дайте мне сказать следующее. Майндс так же безвреден, как двухтонный астероид, летящий в направлении космического корабля. Когда он нацелил на вас бластер, это не было временным помешательст-

вом. Он знал, что делал. Он хладнокровно хотел убить вас, Старр, и если вы не будете внимательны, в следующий раз ему это удастся. Держу пари на сапоги вашего маленького дружка марсианина, он предпримет еще одну попытку.

III

СМЕРТЬ ЖДЕТ В КОМНАТЕ

Пауза, которая последовала за этим, была приятна, пожалуй, только Уртейлу.

Затем Лаки спросил:

— Зачем? Какие у него для этого основания?

— Потому что он боится, — тихо заговорил Уртейл. — Потому что он здесь, и сюда вложены миллионы. Миллионы, которые дал ему щедрый Совет Науки. А его эксперименты не получаются. Собственную некомпетентность он объясняет неполадками. В конце концов он вернется на Землю и будет там кричать, что все на Меркурии приносит несчастье. Затем он опять потребует у Совета, или, точнее, у налогоплательщиков, денег, чтобы осуществить какую-нибудь очередную глупую программу. Теперь вот вы прилетели на Меркурий, чтобы во всем разобраться, и он испугался, а что, если Совет вдруг узнает хоть часть правды. Вот в чем дело.

— Если это правда, то вам она уже известна, — заметил Лаки.

— Да, и я надеюсь доказать это.

— В таком случае, вы представляете опасность для Майндса. И если верить вам, он должен убить вас.

Уртейл ухмыльнулся, и его пухлые щеки расплылись, отчего его тяжелое лицо стало еще шире:

— Он действительно пытался убить меня. Было такое. Но, работая на сенатора, я попадал во всякие переделки. Я стреляный воробей.

— Скотт Майндс не пытался убить ни вас, ни кого-либо, — твердо сказал доктор Гардома, и его худое лицо совсем побелело. — Вы это тоже знаете.

Уртейл не стал отвечать. Вместо этого он обратился к Лаки:

— За нашим добрым доктором тоже нужен глаз да глаз. Как я уже говорил, они с Майндсом большие друзья. На вашем месте, я не стал бы лечиться у него даже от головной боли. Таблетками и уколами можно... — он прищелкнул пальцами.

Доктор Гардома быстро заговорил:

— В один прекрасный день кто-нибудь убьет вас за...

Уртейл небрежно ответил:

— Да? И вы хотите быть этим человеком? — он повернулся, собираясь выйти, затем бросил через плечо: — Ах, да, забыл. Я слышал, к вам хотел зайти старина Певераль. Он очень расстроен тем, что не смог вас встретить, как положено. Он огорчен. Так что зайдите к нему и погладьте по бедной старой голове. Да, Старр, еще один намек. После всего этого не надевайте никакие защитные костюмы, какой бы конструкции они ни были, не проверив их на протечки. Вы понимаете, о чем я говорю? — сказав это, он наконец ушел.

Гардома не сразу пришел в себя. Когда он смог говорить, он произнес:

— С каждым разом он раздражает меня все сильнее. Он низкий и лживый...

— Сильный и хитрый парень, — сухо сказал Лаки. — Очевидно, один из его приемов — намеренно говорить вещи, которые почти наверняка разозлят противника. А рассерженный противник уже почти беспомощен... Бигмэн, это для тебя. Нельзя кидаться на каждого, кто намекает, что росту у тебя неполных шесть футов.

— Но, Лаки, — вскричал крошечный марсианин, — он сказал, что у меня гормональная недостаточность!

— Тогда дождись подходящего момента и убеди его в обратном.

Бигмэн недовольно ворчал и стучал кулаком по твердому пластику своих серебряно-красных, высоких, до бедра, сапог (тех красивых высоких сапог, какие носят только деревенские мальчишки на Марсе, и без которых не может обойтись ни один из них. У Бигмэна была дюжина таких сапог, одни ярче других).

— Что ж, заглянем к доктору Певералю, — предложил Лаки. — Он возглавляет обсерваторию, не так ли?

— Весь наш Дом под Куполом, — ответил доктор. — Вообще-то Певераль стареет и мало с нами общается. Я рад сообщить вам, что он ненавидит Уртейла так же, как и все остальные. Но сделать ничего не может. Он не может бороться с сенатором. Хотел бы я знать, может ли с ним бороться Совет Науки? — мрачно закончил он.

— Думаю, да. Итак, не забудьте, я хочу повидать Майндса, когда он проснется.

— Хорошо. Будьте осторожны.

Лаки с любопытством уставился на него.

— Осторожен? Что вы имеете в виду?

Доктор Гардома вспыхнул.

— Просто так. Я всегда так говорю. Я ничего не имею в виду.

— Ясно. Что ж, мы еще увидимся. Пошли, Бигмэн, и хватит хмуриться.

Доктор Ланс Певераль пожал им обоим руки с энтузиазмом, который трудно было ожидать от столь пожилого человека. Его темные глаза горели интересом и казались еще темнее из-за белых бровей. Еще пышные волосы сохранили свой естественный цвет и не приобрели серого металлического оттенка. Морщинистые щеки, над которыми выделялись острые скулы, выдавали его возраст.

Он говорил медленно и спокойно.

— Мне жаль, джентльмены, очень жаль, что столь неприятное происшествие случилось так скоро после вашего прибытия в обсерваторию. Я в этом виноват.

— У вас нет оснований обвинять себя, доктор Певераль, — ответил Лаки.

— Это моя вина, сэр. Я мог быть на месте и встретить вас, как следует, но мы изучали один совершенно особенный протуберанец, и я оказался не в силах пожертвовать профессиональным интересом ради соблюдения правил гостеприимства.

— В любом случае, мы вас прощаем, — сказал Лаки и с удивлением взглянул на Бигмэна, который с открытым ртом внимал величественному потоку слов, льющихся из уст старого ученого.

— Я не жду прощения, — ответил астроном, — но мне приятно, что вы так говорите. Я отдал распоряжение, чтобы для вас приготовили помещение, — он взял обоих за руки и повел по хорошо освещенным, хотя и узким коридорам. — У нас тут тесно, особенно с тех пор, как прилетел доктор Майндс со своими инженерами, и — и другие. Думаю, вам будет приятно освежиться и, наверное, выспаться. Вы, конечно, проголодались — еду вам пришлют. Завтра у вас будет достаточно времени, чтобы встретиться со всеми как подобает, а заодно рассказать нам о цели вашего прилета. Для меня достаточно знать, что вас прислал Совет Науки. Мы устроим банкет в вашу честь.

Они шли по коридору, который постепенно спускался вниз, к центру Меркурия, туда, где находились жилые помещения.

— Вы очень любезны, — проговорил Лаки. — Вы позволите нам посмотреть обсерваторию?

Такая перспектива, видимо, обрадовала Певераля.

—Я к вашим услугам, и надеюсь, вы не пожалеете о времени, затраченном на осмотр. В основном наше оборудование смонтировано на подвижной платформе, которая перемещается в зависимости от сдвига Разделителя. Таким образом, определенная часть Солнца остается всегда под наблюдением, несмотря на движение Меркурия.

— Чудесно! Но сейчас, доктор Певераль, один вопрос. Что вы

думаете о докторе Майндсе? Мне бы хотелось получить откровенный ответ, а не дипломатическую отговорку.

Певераль нахмурился:

— Вы что, тоже командированный инженер?

— Не совсем, — ответил Лаки, — но я спрашивал о докторе Майдсе.

— Именно так. Впрочем, — астроном задумался, — он приятный молодой человек, я бы сказал, вполне компетентный, хотя и нервный, очень нервный. Он легко обижается, слишком легко. Это проявилось со временем, когда не все шло гладко с его программой, поэтому с ним иногда трудно ладить. Жаль, потому что, как я сказал, в остальных отношениях это приятный молодой человек. Конечно, здесь, под Куполом, я его начальник, но я не вмешиваюсь в его работу. Его программа не связана с работой нашей обсерватории.

— А что вы думаете о Джонатане Уртейле?

Старый астроном мгновенно остановился.

— Что вас интересует?

— Что он за человек?

— Мне не интересно судачить, — ответил Певераль.

Некоторое время они шли молча. Астроном опустил лицо.

— Есть ли под Куполом еще кто-нибудь? — спросил Лаки. — Вы и ваши сотрудники, Майндс и его группа, Уртейл. Кто еще?

— Врач, разумеется. Доктор Гардома.

— Вы не считаете его своим человеком?

— Ну, он ведь врач, а не астроном. Он обеспечивает в Доме под Куполом службу, которая необходима и которую не может выполнить машина: отвечает за наше здоровье. Он новичок.

— Как давно он здесь?

— Доктор Гардома заменил прежнего врача, как только тот отработал свою годовую смену. Кстати, он прибыл на том же корабле, который привез группу Майндса.

— Годовую смену? Это обычная смена для врача здесь?

— Как и для большинства персонала. В таких условиях трудно соблюсти преемственность, жаль выучить человека и потом его отпустить; но вообще-то жизнь на Меркурии не проста, и наших людей надо часто менять.

— Итак, сколько новых людей вы приняли за последние шесть месяцев?

— Человек двадцать. Точные цифры отражены в журналах, но примерно двадцать человек.

— Но вы сами здесь, конечно, дольше.

Астроном рассмеялся.

— Много лет, не хочу даже думать, сколько. И доктор Кук,

мой заместитель, здесь уже шесть лет. Конечно, мы часто летаем в отпуск... А вот и ваши апартаменты, джентльмены. Если что-нибудь понадобится, не стесняйтесь, свяжитесь со мной.

Бигмэн огляделся. Комната была небольшая, но кровати убирались в стенную нишу; два стула были тоже откидные; комбинированный письменный стол со стулом; маленькая кладовая; примыкающая ванная.

— Эй, — сказал он, — здесь получше, чем на корабле, правда?

— Неплохо, — согласился Лаки. — Наверное, это одна из их лучших комнат.

— Почему бы и нет? — заметил Бигмэн. — Надеюсь, он в курсе, кто ты.

— Надеюсь, что нет, Бигмэн, — сказал Лаки. — Он предположил, что я командированный инженер. Все, что ему известно — это что меня прислал Совет.

— Все остальные знают, кто ты, — настаивал Бигмэн.

— Не все. Майндс, Гардома и Уртейл... Слушай, Бигмэн, что ты не идешь в ванную? А я пока закажу еду и попрошу принести все необходимое из «Молнии Старр».

— Годится, — бодро согласился Бигмэн.

Под душем Бигмэн громко пел. Как обычно в безводном мире, вода для ванной была лимитирована, и на стене висели строгие предупреждения о том, сколько воды дозволено использовать. Но Бигмэн родился и вырос на Марсе. Он испытывал огромное уважение к воде, и ему так же не могло прийти в голову без толку плескаться в воде, как, например, мыться в говяжьем соусе. Он не жалел мыла, берег воду и громко пел.

Он встал прямо перед сушилкой, которая окатила его тело струями сухого воздуха, и похлопывал себя руками, чтобы скорей высохнуть.

— Эй, Лаки, — закричал он, — еда уже на столе? Я есть хочу.

Он слышал голос Лаки, который что-то тихо говорил, но не мог разобрать слов.

— Эй, Лаки, — повторил он и вышел из ванной комнаты. На столе стояли две дымящихся тарелки с ростбифом и картофелем. Излишняя острота аромата указывала на то, что мясо, во всяком случае, было на самом деле дрожжевой имитацией из садов на морском дне Венеры. Впрочем, Лаки не ел, а сидел на кровати и разговаривал по комнатной рации.

С ее экранчика смотрело лицо доктора Певераля.

Лаки говорил:

— Так все знали, что это будет наша комната?

— Не все, но я отдавал распоряжение приготовить для вас эту комнату по радио, и любой мог услышать. Мне казалось, что оснований для секретности нет. Полагаю, что услышать мог кто угодно. Более того, ваша комната — одна из немногих, которые оставляют для особо почетных гостей. Здесь нет никакого секрета.

— Понятно. Благодарю вас, сэр.

— Что-нибудь случилось?

— Все в порядке, — улыбаясь, ответил Лаки и разъединился. Улыбка сошла с его лица, и оно стало задумчивым.

— Черт возьми, все в порядке, — взорвался Бигмэн. — В чем дело, Лаки? Мне-то ты не можешь сказать, что все в порядке!

— Да, кое-что здесь странно. Я осматривал оборудование. Среди прочего я нашел специальные скафандры, по всей вероятности, для работы на солнечной стороне.

Бигмэн взял один из скафандров, висевших в специальной нише. Его легкость удивительно не соответствовала размерам, и это нельзя было объяснить силой тяжести на Меркурии, поскольку под куполом искусственно поддерживалась земная сила тяжести.

Он покачал головой. Как всегда, когда ему приходилось надевать скафандр, не сделанный специально по его мерке, ему и сейчас придется уменьшить до минимума все регулируемые размеры, и все равно будет неудобно. Бигмэн обреченно вздохнул. Такова была цена, которую он платил за то, что был недостаточно высоким. Он всегда именно так думал о себе: недостаточно высокий. Он никогда не считал, что пять футов два дюйма — это маленький рост.

— Марсианские пески! Здесь для нас все приготовлено, все лежит и ждет. Постель. Ванна. Еда. Скафандры.

— И еще кое-что, — мрачно сказал Лаки. — Смерть тоже ждет в этой комнате. Смотри сюда.

Лаки поднял рукав бóльшего скафандра. Шаровидное соединение легко сдвинулось, и там, где оно соединялось с плечом, была крохотная, но все же заметная дырочка. Ее было бы совсем не видно, если бы Лаки пальцами не расправил ткань.

Ткань была прорезана! Дырочку сделали явно специально. Сквозь нее виднелся изоляционный материал.

— На внутренней стороне, — заметил Лаки, — такая же прорезь. Этого скафандра как раз хватило бы на то, чтобы я добрался до солнечной стороны, а потом тихонько скончался.

IV

ЗА БАНКЕТНЫМ СТОЛОМ

— Уртейл! — тут же вскричал Бигмэн с яростью, от которой напряглись все мышцы его маленького тела. — Этот грязный негодяй...

— Почему Уртейл? — мягко спросил Лаки.

— Он предупреждал нас, чтобы мы следили за своими скафандрами, Лаки, ты помнишь?

— Разумеется. Именно это я и делаю.

— Ну конечно. Это он. Мы находим прорезанный скафандр и думаем, какой он замечательный парень. В следующий раз он запросто обведет нас вокруг пальца. Не верь ему, Лаки. Он...

— Погоди, Бигмэн, погоди немного! Не надо так быстро делать заключения. Давай посмотрим на это так. Уртейл говорил, что Майндс и его хотел убить. Допустим, мы ему поверили. Допустим, Майндс пытался пошутить со скафандром Уртейла, а Уртейл это вовремя заметил. Поэтому Уртейл предупредил нас, чтобы мы были готовы именно к этому. Может быть, это сделал Майндс.

— О марсианские пески, Лаки, это невозможно. Этот парень Майндс под завязку напичкан снотворными таблетками, а прежде он был у нас перед глазами с той самой минуты, как мы попали на эту несчастную скалу.

— Хорошо. А откуда мы знаем, что Майндс спит, напичканный таблетками? — спросил Лаки.

— Гардома сказал, — начал Бигмэн и замолчал.

— Вот именно. Гардома сказал! Хотя Майндса мы не видели. Мы знаем только то, что сказал Гардома, а доктор Гардома — большой друг Майндса.

— Они оба замешаны в этом, — проговорил Бигмэн с внезапной уверенностью. — Прыгающие кометы...

— Погоди, погоди, хоть ты не прыгай. Клянусь Большой Галактикой, Бигмэн, я просто пытаюсь разобраться в своих мыслях, а ты мне мешаешь, — он говорил неодобрительно ровно; настолько, насколько считал это возможным по отношению к своему маленькому другу.

— Ты вот обижаешься, что я не говорю тебе, о чем думаю, пока не приму решения. Вот поэтому и не говорю, веселый олух с бластером. Только я выскажу какую-то теорию, ты уже тут как тут со всем своим оружием наготове.

— Извини, Лаки, — сказал Бигмэн. — Продолжай.

— Ладно. Итак, легче всего подозревать Уртейла. Его никто не любит, даже доктор Певераль. Ты заметил, как он отреагиро-

вал, стоило нам произнести это имя? Мы видели его только раз, и тебе он не понравился.

— Да уж, — пробормотал Бигмэн.

— И мне он тоже не то чтобы понравился. Кто угодно мог прорезать этот скафандр в надежде, что подозрение падет на Уртейла, если это будет раскрыто. А раскрыто будет непременно, как только кто-нибудь умрет, если не раньше.

— Я все понимаю, Лаки.

— С другой стороны, — плавно продолжал Лаки, — Майндс уже пытался застрелить меня из бластера. Если считать это серьезным покушением, то он не похож на человека, который станет возиться с разрезанием скафандра. Что же касается доктора Гардомы, то я не представляю его в роли убийцы члена Совета только из дружеской симпатии к Майндсу.

— Так какой же вывод? — нетерпеливо воскликнул Бигмэн.

— Пока никакого, — ответил Лаки, — кроме того, что нам, пожалуй, пора спать, — он опустил кровати из ниши и пошел в ванную.

Бигмэн посмотрел ему вслед и пожал плечами.

Скотт Майндс сидел в постели, когда Лаки и Бигмэн вошли к нему на следующее утро. Он был бледен и выглядел устало.

— Привет, — сказал он. — Карл Гардома рассказал мне, что произошло. Вы не представляете себе, как я сожалею об этом.

Лаки лишь повел плечом.

— Как вы себя чувствуете?

— Как выжатый лимон, но в общем нормально, если вы понимаете, что я имею в виду. Я буду на обеде, который старина Певераль устраивает сегодня вечером.

— А это разумно?

— Я не допущу, чтобы Уртейл там оказался один и рассказывал всем, какой я сумасшедший, — лицо Майндса внезапно покраснело от ярости. — Да и доктор Певераль тоже.

— Доктор Певераль сомневается в вашей вменяемости? — мягко спросил Лаки.

— Как вам сказать. Послушайте, Старр, с тех пор, как начались эти несчастные случаи, я обследовал солнечную сторону в маленькой самоходной ракете. Я должен был это сделать. Это моя работа. Так вот — два раза я кое-что видел.

Майндс остановился, и Лаки спросил его:

— Так что же вы видели, доктор Майндс?

— Хотел бы я знать, что это было. Оба раза я видел ЭТО с довольно большого расстояния. Что-то двигалось. Что-то похожее

на человека. Нечто в скафандре. Не в специально изолированном костюме для работы, как обычно, а в обыкновенном космическом скафандре. Понимаете, из обычного металла.

— Вы не пытались рассмотреть это поближе?

— Пытался, но потерял его. На фотографиях ничего не видно. Просто светлые и темные пятна, которые, возможно, что-то означают, а возможно, не означают ничего. Но там точно что-то было. Что-то двигалось под солнцем так, словно ему наплевать и на жару, и на радиацию. Иногда оно останавливалось на солнце и стояло по несколько минут. Вот что меня больше всего удивило.

— Разве это так странно? Я хочу сказать, такие остановки?

Майндс коротко рассмеялся:

— На солнечной стороне Меркурия? Еще как странно. Там никто не останавливается. Хоть вы и одеты в специальный скафандр, вы стараетесь завершить свои дела как можно скорее и уходите в тень. Здесь, рядом с Разделителем, жара не такая страшная. Хотя радиация все равно есть. Надо только пытаться получить дозу поменьше. Наши скафандры не полностью изолированы от гамма-лучей. Если уж вам надо стоять, то стойте в тени скалы.

— Чем вы это объясняете?

Майндс понизил голос и смущенно прошептал:

— Я думаю, это не человек.

— Надеюсь, вы не будете утверждать, что это двуногий призрак? — внезапно спросил Бигмэн, прежде чем Лаки успел толкнуть его локтем, чтобы он молчал.

Но Майндс только покачал головой.

— Разве я говорил так на поверхности? А, кажется, припоминаю... Нет, я думаю, это житель Меркурия.

— Что? — вскричал Бигмэн так, словно он ожидал худшего.

— А как иначе объяснить, что он не боялся ни жары, ни излучения?

— В таком случае, зачем ему скафандр? — спросил Лаки.

— Ну, не знаю, — глаза Майндса вспыхнули, взгляд его стал беспокойным и диким. — Но что-то там было. Под Куполом всегда известно и обо всех людях, и обо всех скафандрах. Доктор Певераль отказывается снарядить настоящую поисковую экспедицию. Он говорит, мы для этого не приспособлены.

— Вы рассказывали ему то, что рассказали мне?

— Он думает, что я сумасшедший. Он думает, что мне мерещатся отражения и в них люди. Но это не так, Старр!

Лаки спросил:

— А вы обращались в Совет Науки?

— Как я мог это сделать? Доктор Певераль не поддержал бы

меня. Уртейл сказал бы, что я невменяемый, и послушали бы *его*. Кто же станет слушать меня?

— Я, — ответил Лаки.

Майндс подскочил в постели. Он выбросил руку, словно хотел схватить кого-то за рукав, но затем убрал ее. Сдавленным голосом он спросил:

— Значит, вы расследуете это?

— Сделаю все от меня зависящее, — обещал Лаки. — Обязательно.

Когда Лаки и Бигмэн пришли на банкет, все обитатели Дома под Куполом уже собрались за столом. Их появление вызвало гул приветствий и взаимных представлений, но сквозь этот гул ясно прослушивались симптомы того, что собрание обещало быть отнюдь не только приятной вечеринкой.

Во главе стола сидел доктор Певераль. Его тонкие губы были плотно сжаты, впалые щеки дрожали — он с трудом сохранял достойный облик. Слева от него широкоплечий Уртейл, откинувшись в кресле, нежно поглаживал ободок рюмки своими толстыми пальцами.

На противоположном конце стола сидел Скотт Майндс, казавшийся до боли юным и усталым, и с сердитым отчаянием смотрел на Уртейла. Рядом сидел доктор Гардома, внимательно следивший за ним, готовый вмешаться, если Майндс вдруг совершит что-нибудь безрассудное.

Остальные места, кроме двух пустых стульев справа от доктора Певераля, были заняты ответственными сотрудниками Обсерватории. Один из них, Хенли Кук, второй человек под Куполом, наклонившись, твердо сжал руку Лаки.

Лаки и Бигмэн заняли свои места. Внесли салаты, и обед начался.

Уртейл сразу заговорил хриплым голосом, который был хорошо слышен на фоне общего разговора:

— Как раз перед вашим приходом мы говорили о том, что надо бы рассказать вам о тех чудесах, которые ожидают Землю в случае удачи экспериментов молодого Майндса.

— Ничего подобного, — резко оборвал его Майндс. — С вашего позволения, я сам расскажу о своих делах.

— Да будет тебе, Скотт, — широко ухмыльнулся Уртейл, — не скромничай. Ну, послушай, я им сам все расскажу.

Рука доктора Гардомы, словно невзначай, упала на плечо Майндса, молодой инженер проглотил возглас негодования и промолчал.

Уртейл продолжал:

— Предупреждаю вас, Старр, будет здорово. Будет...

Лаки прервал его:

— Мне кое-что известно об экспериментах. Насколько я понимаю, результат может оказаться великолепным — планета с кондиционированным воздухом.

Уртейл нахмурился.

— Вот как? Рад слышать, что вы так оптимистично настроены. Бедняга Скотт не может справиться даже с пробными экспериментами. Или, во всяком случае, говорит, что не может, ведь правда, Скотт?

Майндс приподнялся, но снова рука Гардомы легла на его плечо.

Бигмэн переводил взгляд с одного собеседника на другого, с черным неодобрением останавливая его на Уртейле, но молчал.

Подали ростбиф, и разговор прервался. Доктор Певераль сделал отчаянную попытку перевести его в менее взрывоопасное русло, что ему поначалу удалось, но затем Уртейл, наколов на вилку последний кусок мяса, наклонился к Лаки и спросил:

— Так значит, вы сторонник программы, которую выполняет Майндс?

— Я считаю, что это дельная программа.

— Конечно, вы так думаете, раз вы член Совета Науки. Ну а если я докажу вам, что все эксперименты здесь дутые и что их можно провести на Земле, где они будут стоить в сто раз дешевле? Лучше бы Совет подумал о деньгах налогоплательщиков и о том, как их хоть немного сэкономить! Что вы на это скажете?

— То же самое, что я сказал бы вам в любом случае, — собранно ответил Лаки. — Я бы сказал вам, господин Уртейл, что вы, скорей всего, лжете. Это ваш великий талант и, насколько я понимаю, увлечение.

Внезапно наступила тишина, даже Уртейл молчал. Его жирные щеки словно обвисли от удивления, а глаза почти вывалились из орбит. С неожиданной страстностью он наклонился в сторону доктора Певераля, поднялся с места и с силой ударил по столу правой рукой, совсем рядом с тарелкой Лаки.

— Ни один лакей Совета... — зарычал он...

Сразу за Уртейлом вскочил Бигмэн. Никто за столом не успел ничего разобрать, так как он вскочил со скоростью нападающей змеи, но рычание Уртейла внезапно обернулось криком испуга.

Из руки Уртейла, которой он только что с такой силой ударил об стол, торчало металлическое лезвие ножа.

Доктор Певераль быстро отодвинул свой стул, все за столом зашумели; все, кроме Бигмэна. Даже Лаки, казалось, был поражен.

От удовольствия высокий голос Бигмэна казался еще выше.

— Эй, ты, бочка минерального масла, вытяни пальчики. Расправь ладошку и размажь себя по стулу.

Мгновенье Уртейл бессмысленно смотрел на своего маленького мучителя, потом очень медленно разогнул пальцы. Рука его была цела, ни одной царапины. Нож дрожал, воткнутый в твердую поверхность стола, виден был лишь дюйм волнистой люминесцентной поверхности лезвия — не материального, это было тончайшее поле нематериальной силы. Лезвие безошибочно и точно вонзилось в стол между вторым и третьим пальцами Уртейла.

Уртейл молниеносно отдернул руку, словно попал в огонь.

Бигмэн хмыкнул от удовольствия:

— Если ты еще раз поднимешь руку на Лаки или на меня, негодяй, мой ножик ударит по-другому. Что ты на это скажешь? И, кстати, что бы ты ни говорил, говори вежливо, — он взял свой нож, дезактивировал лезвие и снова вложил его в неприметную кобуру на поясе.

Лаки заговорил, слегка нахмурившись:

— Я не знал, что мой друг вооружен. Думаю, он сожалеет, что испортил вам обед, но надеюсь, господин Уртейл сделает выводы из этого инцидента.

Кое-кто засмеялся, а на лице Майндса появилась слабая улыбка.

Уртейл переводил горящие гневом глаза с одного лица на другое. Он проговорил:

— Этого я не забуду. Теперь мне ясно, что сенатор не найдет здесь поддержки и он узнает об этом. А пока что я остаюсь здесь, — он сложил руки, словно приглашая кого-нибудь выставить его.

Потихоньку разговор стал общим.

Лаки признался доктору Певералю:

— Вы знаете, сэр, ваше лицо кажется мне знакомым.

— Неужели? — астроном несколько принужденно улыбнулся. — По-моему, мы не встречались.

— Вы были на Церере?

— На Церере? — старый астроном с некоторым удивлением посмотрел на Лаки. Было очевидно, что он еще не совсем успокоился после эпизода с ножом. — На этом астероиде находится самая большая обсерватория в Солнечной системе. Я работал там в молодости, да и сейчас частенько бываю там.

— В таком случае, я мог видеть вас там.

Говоря это, Лаки не мог не вспомнить о тех волнующих днях, когда преследовали капитана Энтона и пиратов, устроивших себе пристанище на астероидах. И особенно день, когда пиратские

корабли совершили налет в самое сердце территории, контролируемой Советом, приземлившись на поверхность Цереры и внезапностью своего появления обеспечив себе временную победу.

Но доктор Певераль добродушно качал головой.

— Разумеется, сэр, я бы вспомнил вас, если бы имел удовольствие встречать прежде. Но мы не встречались.

— Очень жаль, — вздохнул Лаки.

— Мне тоже, уверяю вас. Но тогда у меня был вообще неудачный период. Из-за желудочного заболевания я пропустил все захватывающие события, связанные с пиратским налетом. Я узнал об этом только из обрывков разговоров медсестер.

Доктор Певераль оглядел стол. Хорошее настроение вернулось к нему. Робот с подносом принес десерт. Певераль сказал:

— Джентльмены, здесь шла речь о программе «Свет». Он сделал паузу, улыбнулся и продолжал: — При данных обстоятельствах это не слишком приятный разговор, но я много думал о неполадках, которые так огорчают многих из нас. Пожалуй, сейчас самое подходящее время, чтобы поделиться с вами моими соображениями по этому вопросу. Да и доктор Майндс здесь. Мы хорошо пообедали. Теперь самое время рассказать вам что-нибудь интересное.

Уртейл нарушил долгую паузу мрачным вопросом:

— *Вы* хотите что-то рассказать, доктор Певераль?

Астроном мягко ответил:

— Почему бы нет? Мне много раз в жизни приходилось говорить интересные вещи. И сейчас я скажу то, что думаю, — он внезапно стал очень серьезным. — Мне кажется, я знаю всю правду. Совершенно точно знаю все, как есть. Я знаю, кто и почему устраивает неполадки в связи с программой «Свет».

V

ОТКУДА ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬ

Благородное лицо старого астронома сияло удовлетворением, когда он оглядывал сидящих за столом: вероятно, он радовался, что так полно завладел всеобщим вниманием. Лаки тоже оглядел стол. Он отметил, с каким выражением лица встретили сотрудники заявление доктора Певераля. Печать презрения лежала на широких чертах Уртейла, доктор Гардома недоуменно хмурился, Майндс казался совсем угрюмым. Настроения остальных представляли разные варианты любопытства и интереса.

Один человек привлек особое внимание Лаки. Это был Хенли

Кук, заместитель доктора Певераля. Он рассматривал кончики своих пальцев, на лице его отражались усталость и отвращение. Но когда он поднял глаза, выражение лица его изменилось — на нем была маска непроницаемого спокойствия.

Однако Лаки подумал:

— Я должен поговорить с этим человеком.

Затем он снова переключил свое внимание на доктора Певераля.

Доктор Певераль рассуждал:

— Разумеется, ни один из нас не может быть диверсантом. Доктор Майндс говорил мне, что расследовал этот вопрос и уверен в этом. Даже без расследования я убежден, что ни один из нас не способен на такие преступные действия. Тем не менее мы должны признать, что диверсант умен. Так как производимые им разрушения направлены исключительно против программы «Свет», и вряд ли можно предположить, что они случайны или исходят от некомпетентного лица. Следовательно...

Бигмэн взволнованно воскликнул:

— Ну да, вы хотите сказать, что на Меркурии есть собственная жизнь? И что это всё меркурианцы?

Последовал гул неясных замечаний и смех, Бигмэн покраснел.

— И все же, — настаивал маленький марсианин, — разве доктор Певераль говорит не об этом?

— Не совсем, — мягко ответил доктор Певераль.

— На Меркурии нет никаких признаков собственной жизни, — безапелляционно сказал один из астрономов. — Уж в этом-то мы уверены.

Лаки вмешался:

— Насколько вы в этом уверены? Вы искали здесь жизнь?

Астроном, который только что говорил, казалось, был озадачен:

— Разумеется, снаряжались поисковые партии.

Лаки улыбнулся. Ему приходилось встречать на Марсе разумных существ, которых не видел ни один человек. На Венере он обнаружил полуразумных обитателей, хотя утверждалось, что там их быть не может. Он вообще не считал кого-либо вправе заявлять, что на той или иной планете нет жизни или разума.

Он спросил:

— Сколько было поисковых партий? Как тщательно велись поиски? Была ли обследована каждая квадратная миля?

Астроном лишь отвернулся, брови его приподнялись, словно спрашивая: зачем?

Бигмэн усмехнулся, его маленькое лицо сморщилось, и он стал похож на добродушного гномика.

Доктор Певераль ответил:

— Мой дорогой Старр, поисковые экспедиции ничего не нашли. Хотя мы и допускаем, что не следует совсем исключать возможность существования жизни на Меркурии, но все же вероятность ее весьма невелика. Давайте считать, что единственными представителями разумной жизни в Галактике являются люди. Во всяком случае, других мы не знаем.

Помня о разумных обитателях Марса, Лаки с ним не согласился, но промолчал, и старый ученый продолжал.

Его прервал Уртейл, к которому мало-помалу вернулось самообладание.

— К чему вы это все ведете? — спросил он и не смог удержаться, чтобы не добавить: — Если к чему-то ведете?

Доктор Певераль не стал прямо отвечать на вопрос Уртейла. Он переводил взгляд с лица на лицо, намеренно избегая встретиться взглядом с исследователем от Конгресса.

— Дело в том, что люди есть где угодно, не только на Земле. Люди живут во многих звездных системах, — лицо астронома странно изменилось. Все черты его заострились, он побледнел, ноздри его раздувались, словно гнев переполнял его. — Например, человеческие существа живут на планетах Сириуса. А что, если это они срывают наши исследования?

— Зачем это им? — задал встречный вопрос Лаки.

— Почему бы и нет? Они и раньше совершали агрессию против Земли.

Это была правда. Лаки Старр совсем недавно сам помогал отразить атаку космической флотилии из системы Сириуса, приземлившейся на Ганимеде, но тогда они убрались из Солнечной системы без особых последствий. С другой стороны, для землян было обычным делом обвинять сирианцев во всех своих бедах.

Доктор Певераль с напором утверждал:

— Я *был* там. Я *был* у Сириуса всего пять месяцев назад. Этому предшествовала большая волокита, так как Сириус не хочет принимать ни иммигрантов, ни гостей, но в данном случае речь шла о межзвездной астрономической конвенции, и мне удалось получить визу. Я решил, что следует увидеть все собственными глазами, и *должен* сказать, я не был разочарован.

Планеты Сириуса редко заселены и крайне разобщены. Живут там изолированно, семьями, с собственными источниками энергии и службами. В каждой семье есть группа механических рабов — по-другому это назвать нельзя, это рабы в виде позитронных роботов, которые выполняют всю работу. Сирианские люди считают себя воинствующей аристократией. Любой из них умеет управлять космическим кораблем. Они не успокоятся, пока не разрушат Землю.

Бигмэн беспокойно задвигался в кресле.

— Марсианские пески, пусть только попробуют. Пусть только попробуют, вот все, что я скажу.

— Именно это они и сделают, когда хорошо подготовятся, — ответил Пивераль, — и, если только мы срочно не предпримем какие-нибудь меры, чтобы предотвратить опасность, они могут выиграть. Чем мы можем противостоять им? Да, у нас есть биллионы населения, но многие ли умеют жить в космосе? Мы — шесть биллионов кроликов, а они — миллион волков. Земля беспомощна, и с каждым годом становится все беспомощней. Мы питаемся зерном с Марса и дрожжами с Венеры. Мы добываем минералы на астероидах, а раньше добывали их на Меркурии, когда тут еще вели разработки в шахтах.

Видите ли, Старр, если программа «Свет» осуществится, Земля будет зависеть от космических станций, потому что она через них будет получать солнечный свет. Неужели вы не понимаете, насколько легко уязвимыми мы окажемся? Сирианские налетчики захватят передовые посты Системы, вызовут панику и голод на Земле, даже не утруждаясь атаковать нас впрямую.

И чем мы можем на это ответить? Не важно, скольких из них мы убьем, но уцелевшие сирианцы будут всегда независимы и самодостаточны. Любой из них сможет продолжить войну.

Старый ученый почти задыхался от страсти. Его искренность не вызывала сомнений. Казалось, он наконец высказал все, что долгие годы не давало ему покоя.

Лаки скользнул взглядом обратно на Хенли Кука, заместителя доктора Пивераля. Тот спрятал лицо, опустив голову на руки, опершись локтями о стол. Лицо его было залито краской, однако Лаки показалось, что то была краска не гнева или негодования, но замешательства.

Скотт Майндс скептически заметил:

— Ну и что из этого, доктор Пивераль? Живут они у своего Сириуса, зачем им лететь на Землю? Что они могут от нас получить? Допустим, они завоюют Землю, все равно им ведь придется поддерживать нас...

— Чепуха! — отрезал старый астроном. — Чего ради? Им нужны земные ресурсы, а не население. Подумайте об этом. Они уморят нас голодом. Это будет составной частью их политики.

— Но, послушайте, — проговорил Гардома, — ведь это же невероятно.

— Они сделают это не потому, что жестоки, — объяснил доктор Пивераль, — а из политических соображений. Они презирают

нас. Для них мы по интеллекту не намного выше животных. У самих сирианцев очень развито расовое сознание. С тех пор, как земляне впервые колонизировали планеты системы Сириуса, они всегда берегли себя, и им удалось избежать болезней и различных нежелательных для них черт нашего характера.

На вид они все одинаковые, тогда как земляне могут быть любого цвета, размера, формы, вида. Сирианцы считают нас низшей расой. Вот почему они не хотят, чтобы мы эмигрировали на их планеты. Они не пускали меня на съезд, пока правительство не приняло все мыслимые меры. Были допущены астрономы из любых систем, но не с Земли.

Кроме того, человеческая жизнь, любая человеческая жизнь, не слишком много для них значит. Они машиноцентричны. Я видел, как они обращаются со своими металлическими людьми. Пожалуй, они заботятся о сирианском роботе больше, чем о сирианском человеке. Для них робот стоит сотни землян. Они ласкают этих роботов. Они их любят и ничего для них не жалеют.

Лаки пробормотал:

— Роботы дорогие. С ними надо бережно обращаться.

— Может быть, и так, — ответил доктор Певераль, — но люди, привыкшие слишком беспокоиться о машинах, становятся бесчувственными по отношению друг к другу.

Лаки Старр подался вперед и оперся локтями о стол. Его темные глаза были серьезны, как и все его красивое, еще чуть мальчишеское лицо. Он сказал:

— Доктор Певераль, если у сирианцев такое высокое расовое сознание и они добились полного единообразия представителей своей расы, то в конце концов они сами себя уничтожат. Прогресс человечества обеспечивается его разнообразием. Земля, а не сирианские планеты, стоит на передовом крае научных исследований. Это земляне поселились на планетах Сириуса, и мы, а не наши сирианские кузены, с каждым годом расширяем сферу своих научных исследований. Даже позитронные роботы, которых вы упомянули, были изобретены и разработаны землянами.

— Да, — ответил астроном, — но земляне не пользуются этими роботами. Они перевернут всю нашу экономику, а для нас важнее комфорт и спокойствие сегодня, чем безопасность завтра. Своими научными достижениями мы сами себя ослабляем, тогда как у Сириуса с их помощью становятся сильнее. В этом разница и в этом опасность.

Доктор Певераль снова откинулся в кресле. Вид у него был мрачный. Механический разносчик подносов убрал со стола.

Лаки указал на него:

— Это ведь тоже робот.

Механический разносчик подносов тихо выполнял свою работу. Это был гладкий предмет, быстро двигавшийся в диамагнитном поле так, что его изогнутое основание практически никогда не касалось пола. Его гибкие щупальца аккуратно убирали со стола тарелки, некоторые ставили на верх аппарата, некоторые складывали в контейнер на боку.

— Это обычный автомат, — ответил доктор Певераль, — у него нет позитронного мозга. Он не может сам адаптироваться к изменениям в своем задании.

— Итак, вы считаете, что работу над программой «Свет» срывают сирианцы? — спросил Лаки.

— Да. Я так считаю.

— А зачем это им?

Доктор Певераль пожал плечами.

— Возможно, это лишь часть большой программы. Я не знаю, происходят ли какие-нибудь неполадки еще где-нибудь в Солнечной системе. Может быть, это первые опыты по подготовке к крупному вторжению и завоеванию. Сама по себе программа «Свет» ничего не значит, тогда как сирианская угроза значит все. Мне хотелось бы довести это до сведения Совета Науки, правительства и народа.

Хенли Кук прокашлялся и заговорил — впервые за этот вечер.

— Сирианцы, как и мы, люди. Если они на планете, то *где* же они?

Доктор Певераль холодно ответил:

— Это и должна выяснить поисковая экспедиция. Хорошо подготовленная, хорошо оснащенная экспедиция.

— Минуточку, — заговорил Майндс, глаза его сверкали от волнения, — я был на солнечной стороне, и клянусь...

— Хорошо подготовленная, хорошо оснащенная экспедиция, — твердо повторил старый астроном. — Ваши одиночные полеты ничего не дают, Майндс.

Инженер запнулся и смущенно замолчал.

Вдруг Лаки сказал:

— Похоже, вам все это не нравится, Уртейл. Каково ваше мнение относительно предположений доктора Певераля?

Исследователь поднял глаза на Лаки и долго смотрел на него с ненавистью и явным пренебрежением. Было очевидно, что он не забыл и постарается не забыть и впредь разговор за столом.

— Свое мнение я оставлю при себе. А скажу я вот что: я не дурак, чтобы принять за чистую монету все, что вы сейчас здесь наговорили.

Он замолчал; Лаки подождал, не скажет ли он что-нибудь еще, и, увидев, что тот закончил, повернулся к Певералю:

— Я не уверен, что нужна очень основательная экспедиция,

сэр. Если предположить, что сирианцы находятся на Меркурии, то, может быть, нам удастся логически определить их местопребывание?

— Валяй, Лаки, — тут же выпалил Бигмэн. — Покажи им!

Доктор Певераль заметил:

— Я не совсем понимаю вас.

— Я хочу сказать, что мы должны подумать, как могли бы вести себя сирианцы в данной ситуации. Если они регулярно в течение нескольких месяцев срывают работу по программе «Свет», для них удобнее всего иметь базу недалеко от места, где осуществляют исследования. В то же время эта база должна располагаться так, чтобы ее было нелегко обнаружить. Во всяком случае, это последнее условие им удалось осуществить. Так вот, где может быть это близкое, но укромное местечко? Где они устроили свою базу?

— Давайте разделим Меркурий на две части, солнечную и темную стороны. Мне кажется, было бы глупо с их стороны устраивать базу на солнечной стороне. Слишком жарко, высокая радиация, и вообще крайне негостеприимно.

— Не более негостеприимно, чем на темной стороне, — заметил Кук.

— Нет, нет, — сразу возразил Лаки, — здесь вы ошибаетесь. Солнечная сторона, с ее средой, для человека действительно абсолютно непривычна. Вот темная сторона — это нечто очень знакомое. Это просто поверхность, обращенная к космосу, а условия космоса вполне привычны. На темной стороне холодно, но не холодней, чем в космосе. Здесь темно и нет воздуха, но не темней, чем в любой части космоса, не освещенной Солнцем непосредственно. И уж конечно, не меньше воздуха. Раз люди научились жить в космосе, да еще с комфортом, они вполне могут жить и на темной стороне.

— Продолжайте, — сказал доктор Певераль, его старые глаза сияли от интереса. — Продолжайте, мистер Старр.

— Однако устройство базы, которая должна работать несколько месяцев, дело не простое. Где-то должен быть корабль или корабли, которым в один прекрасный день надо будет вернуться к Сириусу. Если же их заберет отсюда какой-то другой корабль, у них должны быть большие запасы пищи и воды, а также источники энергии. Все это требует места, и в то же время должно быть надежно укрыто. Таким образом, остается только одно место, где все это можно спрятать.

— Где, Лаки? — спросил Бигмэн, почти подпрыгивая от нетерпения. Уж он-то ни минуты не сомневался в словах Лаки. — Где?

— Ну, так вот, — продолжал Лаки, — когда я только прилетел

сюда, доктор Майндс упомянул о заброшенных шахтах на Меркурии. Несколько секунд назад доктор Певераль тоже говорил о бывших шахтах. Из этого я делаю вывод, что где-то на планете есть пустые шахтные стволы и коридоры, и они должны быть расположены либо здесь, либо на южном полюсе, так как только в полярных районах температурные колебания не очень велики. Все правильно?

Кук неуверенно сказал:

— Да, здесь есть шахты. До того, как здесь устроили обсерваторию, Дом под Куполом был центральной шахтой.

— Значит, мы сидим наверху громадной норы в Меркурии. Если сирианцам удается так удачно спрятать крупную базу, где же еще ей быть? Вот откуда грозит опасность.

Шепот удовлетворения послышался за столом, но все замолчали при звуке гортанного голоса Уртейла:

— Все это очень хорошо, — сказал он, — но к чему вы клоните? Что вы собираетесь делать?

— Мы с Бигмэном, — ответил Лаки, — собираемся войти в шахту, как только будем к этому готовы. Если там хоть что-нибудь есть, мы найдем это.

VI

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Доктор Гардома резко спросил:

— Вы собираетесь идти туда одни?

— Почему бы нет? — вмешался Уртейл. — Героика — это дешевый успех. Конечно, они пойдут одни. Там нет никого и ничего, и они это знают.

— Хочешь пойти с нами? — спросил Бигмэн. — Если оставишь здесь свой длинный язык, то вполне сможешь влезть в скафандр.

— Зато ты утонешь в любом скафандре, — проворчал Уртейл.

Доктор Гардома снова сказал:

— Нет никакой необходимости идти одним, если только...

— Но это лишь предварительное исследование, — ответил Лаки. — Ничего с нами не случится. В конце концов, вдруг Уртейл окажется прав. Может, там действительно ничего нет. В крайнем случае мы будем поддерживать контакт с Домом под Куполом; надеемся, что справимся с сирианцами, если встретим их. Мы с Бигмэном привыкли к сложным ситуациям.

— Кроме того, — добавил Бигмэн, — и его личико гнома сморщилось в усмешку, — мы с Лаки любим безвыходные ситуации.

Лаки улыбнулся и встал.

— Если нас извинят...

Уртейл сразу же поднялся, повернулся и вышел. Лаки проводил его взглядом.

Лаки остановил проходившего мимо Хенли Кука, слегка тронув его за локоть.

Кук посмотрел на него с участием.

— Слушаю вас. Чем могу быть полезен?

Лаки тихо сказал:

— Не могли бы вы зайти к нам, и как можно скорее?

— Через пятнадцать минут. Хорошо?

— Прекрасно.

Кук почти не опоздал. Он осторожно вошел в комнату. Его худое лицо было озабочено, и эта озабоченность казалась его обычным состоянием. Ему было хорошо за сорок, и седина уже проступила в его светло-каштановых волосах.

Лаки извинился:

— Я забыл сказать вам, где нас найти. Простите.

Кук удивился:

— Но я же знаю, где вас поселили.

— Ну, все равно. Спасибо, что выполнили нашу просьбу.

— Что вы, — Кук сделал паузу, затем поспешно сказал: — С удовольствием. Очень рад.

— Тут случилась маленькая неприятность с одним из скафандров, которые были в этой комнате. Со скафандром для работы на солнечной стороне.

— Со скафандром? Неужели мы забыли оставить пленку с инструкцией?

— Нет, нет. Пленку я посмотрел. Совсем другое.

Кук спросил:

— Что-нибудь не так?

— Не так? — вскричал Бигмэн. — Посмотрите сами, — он расправил рукава, чтобы показать прорези.

Кук сначала остолбенел, затем медленно залился краской, глаза его стали круглыми от ужаса.

— Я не понимаю... Это невозможно... Здесь, под Куполом!

Лаки заметил:

— Самое главное — заменить этот костюм.

— Но кто мог это сделать? Мы должны выяснить.

— Не стоит беспокоить доктора Певераля.

— Нет, нет, — сразу же согласился Кук, словно вовсе не он только что говорил прямо противоположное.

— Мы выясним все детали в свое время. А пока что мне хотелось бы заменить скафандр.

— Конечно. Я сейчас же отдам распоряжение. Ничего удивительного, что вы позвали меня. Великий космос, — он задумчиво встал и, вероятно, собрался уходить.

Но Лаки остановил его.

— Погодите, это не так уж важно. Нам с вами надо поговорить о других вещах. Кстати, пока мы еще не начали разговор... Мне показалось, что вы не согласны с мнением доктора Певераля о сирианцах?

Кук нахмурился:

— Я предпочел бы не обсуждать этот вопрос.

— Я наблюдал за вами, пока он говорил. По-моему, вы были не согласны.

Кук снова сел. Он крепко сжал свои костлявые руки и сказал:

— Доктор Певераль уже старый человек. Он занимался сирианцами много лет и почти помешался на этой почве. Они ему мерещатся под кроватью. Он обвиняет их во всех бедах. Если наши пластины перегреются — виноваты сирианцы. С тех пор, как он вернулся от Сириуса, стало еще хуже, так как он не может забыть, через что ему пришлось пройти.

— И через что же ему пришлось пройти?

— Я предполагаю, что ничего ужасного не было. Но он прошел через карантин. Его поселили в отдельном здании. Иногда с ним были очень вежливы, иногда, наоборот, очень грубы. Боюсь, они просто не могли ему угодить. Потом к нему приставили позитронного робота для персональных услуг.

— Он и на это возражал?

— Он считает, это потому, что они сами не желали к нему подходить. Я хочу сказать, он *все* воспринимал как оскорбление.

— Вы были с ним?

Кук покачал головой.

— Сирианцы согласились принять только одного человека, а он старший по рангу. Мне пришлось уступить. Он ведь очень стар — слишком стар.

Кук будто вслух размышлял. Внезапно он поднял голову.

— Конечно, это все между нами.

— Безусловно, — заверил его Лаки.

— А ваш друг? — неуверенно произнес Кук. — Я хочу сказать, он, конечно, благородный человек, но немножко, как бы выразиться, горяч.

— Эй, — обиделся Бигмэн...

Рука Лаки любовно опустилась на голову маленького друга и погладила по волосам.

— Да, он действительно горяч, — согласился Лаки, — как вы сами видели на банкете. Я не всегда успеваю вовремя остановить его, и когда он рассердится, бывает, вместо головы он пускает в ход язык и кулак. Я всегда должен об этом помнить. Но если я специально прошу его о чем-нибудь молчать, он молчит, и все тут.

— Спасибо, — сказал Кук.

Лаки продолжал:

— Вернемся к моему вопросу: вы согласны с доктором Певералем, что в данном случае тоже виноваты сирианцы?

— Нет, не согласен. Откуда они могли узнать о программе «Свет», и что им за дело до этой программы? Не представляю себе, чтобы они посылали корабли и людей, рискуя навлечь на себя неприятности, ради порчи нескольких кабелей. Что же касается доктора Певераля, то я должен сказать вам, что уже некоторое время он чувствует себя задетым.

— Каким образом?

— Майндс и его группа прилетели сюда и начали работу, пока он был у Сириуса. Он вернулся, а они уже здесь. Он знал, что они должны прилететь сюда, это давно планировалось. Все равно, возвратившись и обнаружив, что они уже здесь, Певераль испытал шок.

— Он не пробовал избавиться от Майндса?

— Что вы, ничего подобного. Он был очень дружелюбен. Просто он почувствовал, что в один прекрасный день его здесь тоже сменят, и может быть, это произойдет скоро, а ему ненавистна сама мысль об этом. Вот почему ему приятно ощутить большую ответственность и начать грандиозное дело сирианцев. Понимаете, это *его игрушка.*

Лаки кивнул:

— Скажите, а вы бывали на Церере?

Кук, казалось, удивился столь внезапной перемене темы, но ответил:

— Случалось. А в чем дело?

— С доктором Певералем? Или один?

— Обычно с ним. Он летает туда чаще, чем я.

Лаки ухмыльнулся.

— А вы были в прошлом году, когда пираты совершили налет на Цереру?

Кук тоже улыбнулся.

— Нет, но старик был. Мы несколько раз слышали эту историю. Он ужасно злится: практически никогда не болеет, а тут вдруг совершенно вышел из строя. Он все это пропустил.

— Да, вот как получается... А теперь, я думаю, пора поговорить

о главном. Мне не хочется беспокоить доктора Певераля. Как вы говорите, он старый человек. Вы его заместитель и чуть-чуть помоложе, — Лаки улыбнулся.

— Разумеется. Чем могу помочь?

— Я про шахты. Насколько я понимаю, где-то под Куполом есть записи, карты, планы, какие-то материалы, по которым мы сможем узнать о расположении главных стволов и так далее. Мы, естественно, не можем блуждать наугад.

— Уверен, что такие материалы есть, — согласился Кук.

— А вы сможете их найти и просмотреть вместе с нами?

— Да, конечно.

— Как вы считаете, доктор Кук, шахты в хорошем состоянии? Я хочу сказать, мы можем не бояться обвалов или чего-нибудь в этом роде?

— О нет, я уверен, что ничего подобного не может произойти. Несколько стволов находятся прямо под нами, и когда строили обсерваторию, план шахты внимательно изучался. У стволов хорошие опоры, вы будете в полной безопасности, особенно если учесть силу тяжести на Меркурии.

— Как же получилось, — спросил Бигмэн, — что шахты закрыли, если они в таком хорошем состоянии?

— Замечательный вопрос, — сказал Кук, и слабая улыбка осветила его обычно меланхоличное лицо. — Вы предпочитаете объяснение правдивое или интригующее?

— И то, и другое, — тут же ответил Бигмэн.

Кук предложил закурить, но Лаки с Бигмэном отказались; тогда он сам зажег сигарету, но прежде отрешенно повертел ее в руках.

— Правда такова. Меркурий — очень плотная планета, поэтому надеялись, что она станет богатым источником тяжелых металлов: свинца, серебра, ртути, платины. И почти не ошиблись: не так богато, как ожидали, но совсем не плохо. К сожалению, добыча оказалась неэкономичной: содержание шахт здесь и транспортировка руды на Землю или даже на Луну для переработки подняли стоимость руды слишком высоко.

Интригующее объяснение совсем другое. Когда пятьдесят лет назад здесь начали строить обсерваторию, работы в шахтах еще шли полным ходом, хотя некоторые стволы уже начали закрывать. Первые астрономы слышали разные истории от шахтеров и передавали их вновь прибывшим. Эти истории составляют часть Меркурианского фольклора.

— Что за истории? — спросил Бигмэн.

— Похоже на то, что шахтеры умирали в стволах.

— Марсианские пески! — вспылил Бигмэн. — Везде умирают. Вы думаете, кто-нибудь живет вечно?

— Они замерзали насмерть.

— Как?

— Это было загадочное замерзание. Стволы в те дни прекрасно отапливались, в каждом костюме был автономный подогрев. Такие истории, как вы знаете, обрастают подробностями, и в конце концов шахтеры стали спускаться в шахты не иначе как большими группами, перестали заходить в боковые стволы, и шахты закрылись.

Лаки кивнул. Он спросил:

— Вы достанете планы шахт?

— Немедленно. И другой скафандр вместо испорченного.

Сборы напоминали подготовку к большой экспедиции. Принесли и проверили новый скафандр вместо прорезанного.

Затем были принесены и изучены карты. Вместе с Куком Лаки наметил примерный маршрут экспедиции, проходивший по основным стволам.

Лаки предоставил Бигмэну заботиться о дополнительных контейнерах с гомогенизированной пищей и водой (все это можно было проглотить, не снимая скафандра), проверять источники энергии и давление в кислородных баллонах, а также исправность сборника отходов и регулятора влажности.

Сам он совершил короткое путешествие на свой корабль «Молния Старр». Он добрался до корабля по поверхности, захватив с собой пакет, содержимое которого было неизвестно Бигмэну. Вернулся он без пакета, но принес с собой два маленьких предмета, которые были похожи на толстые пряжки для ремней, слегка изогнутые, тускло блестевшие, с красным стеклянным четырехугольником в центре.

— Что это? — спросил Бигмэн.

— Микроэргометры, — ответил Лаки. — Экспериментальные. Знаешь, вроде эргометров на борту корабля, только там они прикреплены к полу.

— И что они могут обнаружить?

— За сотню тысяч миль, как на корабле, они, конечно, ничего не могут обнаружить, но выявить источник атомной энергии миль за десять, наверное, смогут. Смотри, Бигмэн, вот здесь он заряжается. Понятно?

Ногтем большого пальца Лаки нажал на маленькую прорезь с одной стороны механизма. Металлическая стрелка задвигалась туда-сюда, и вдруг красная бляшка на поверхности ярко вспыхнула. Лаки поворачивал маленький эргометр в разных направлениях.

В каком-то положении красная бляшка засияла с энергией вновь вспыхнувшей звезды.

— Возможно, в этом направлении находится электростанция Дома под Куполом, — сказал Лаки. — Нам надо отрегулировать механизм так, чтобы он на нее не реагировал, иначе мы можем запутаться, — он принялся регулировать прибор с помощью двух крошечных контрольных кнопочек, почти невидимых. Работал он с улыбкой, его обаятельное молодое лицо светилось от удовольствия.

— Знаешь, Бигмэн, еще не было случая, чтобы я приехал к дяде Гектору и он не дал бы мне какого-нибудь новейшего устройства, разработанного в Совете. Он считает, что раз мы с тобой вечно рискуем (как он любит говорить), нам они необходимы. Иногда, правда, мне кажется, он хочет, чтобы мы лишний раз опробовали эти приборы в полевой обстановке. Вот этот, пожалуй, может оказаться полезным.

— Каким образом, Лаки?

— Во-первых, Бигмэн, если в шахтах действительно сирианцы, то у них должна быть маленькая атомная электростанция. Без этого невозможно — энергия нужна для подогрева, для электролитической обработки воды и так далее. На небольшом расстоянии этот эргометр засечет ее. А во-вторых...

Он замолчал, и Бигмэн огорченно поджал губы. Лаки о чем-то думал и потом он скажет, будто его мысль была слишком неопределенной, чтобы выражать ее вслух.

— Один эргометр для меня? — спросил он.

— А как же, — ответил Лаки и бросил ему эргометр, который Бигмэн поймал на лету.

Хенли Кук ждал их, когда они уже в костюмах, но еще с непокрытыми головами вышли из своей комнаты. Шлемы они несли под мышкой.

— Мне захотелось проводить вас до ближайшего входа в шахты.

— Спасибо, — сказал Лаки.

Под Куполом заканчивался период сна. Люди всегда устанавливали чередование периодов бодрствования и сна подобно тому, как это происходит на Земле (даже там, где не было ни дня, ни ночи). Это помогало ориентироваться во времени. Лаки специально выбрал этот час: ему совсем не хотелось входить в шахты во главе процессии любопытных, как того требовал доктор Певераль.

Коридоры были пусты, свет притушен. Они шли, и тяжелая тишина словно давила, звук шагов казался еще громче.

Кук остановился.

— Вот вход номер два.

Лаки кивнул.

— Хорошо. Надеюсь, скоро увидимся.

— Точно.

Пока Кук со своей обычной мрачной серьезностью возился с замком, Лаки и Бигмэн одели шлемы, плотно закрепив их парамагнитными застежками. Лаки сделал первый вдох консервированного воздуха и испытал почти что наслаждение, так это было для него привычно.

Сначала Лаки, за ним Бигмэн вступили в воздушный шлюз. Стена закрылась за ними.

— Готов, Бигмэн?

— А как же, Лаки, — Лаки услышал его слова в наушниках; маленькая фигура казалась тенью в очень слабом свете шлюза.

Затем открылась противоположная стена. Они почувствовали, как облако воздуха вылетело в вакуум, и снова ступили вперед, через отверстие.

Прикосновение к наружным кнопкам — и стена закрылась за ними. На сей раз свет исчез совершенно. Наступила абсолютная темнота.

Они очутились в тихих и пустых шахтах Меркурия.

VII

ШАХТЫ МЕРКУРИЯ

Они включили лампы на своих шлемах, и мрак рассеялся. Перед ними протянулся тоннель, конец которого терялся в темноте. Пучок света имел обычную четкую границу, неизбежную в вакууме. Все, что не попадало в этот пучок, оставалось абсолютно черным.

Высокий человек с Земли и его маленький товарищ с Марса не боялись этой темноты и шли вперед, спускаясь в чрево Меркурия.

Бигмэн с любопытством оглядывал тоннель, освещенный его лампой и напоминающий тоннели на Луне. Аккуратно закругленный с помощью бластеров и техники распада, он тянулся вперед, прямой и ровный. Рельефные стены переходили в скалистый потолок. Овальное поперечное сечение, слегка сплющенное сверху и совершенно сплющенное снизу, указывало на огромную прочность структуры.

Бигмэн слышал свои шаги через воздух в скафандре. Шаги Лаки он различал как чуть заметную вибрацию вдоль стены. Это был не вполне звук, но для человека, который провел часть своей жизни в вакууме и почти вакуумной среде, эта вибрация была полна смысла. Он умел «слышать» вибрацию твердого материала так же, как обычный землянин слышит вибрацию воздуха, именуемую «звуком».

Время от времени они проходили мимо скальных колонн, которые остались не взорванными, потому что служили опорой для скалистого слоя между тоннелем и поверхностью. Они тоже напоминали лунные шахты, только опоры были толще, и многочисленнее, что было разумно, ибо сила тяжести на Меркурии, хоть это и маленькая планета, в два с половиной раза больше, чем на Луне.

Тоннель ответвлялся от основного ствола, по которому они спускались. Лаки не спешил; он останавливался у каждого ответвления и сверялся с картой.

Для Бигмэна самым печальным в этой заброшенной шахте был след людской деятельности: болты, которыми когда-то были прикреплены осветительные пластины, ярким дневным светом озарявшие коридоры, слабые метины там, где парамагнитные реле обеспечивали тягу для вагонеток с рудой, боковые карманы, в которых, возможно, располагались комнаты, где шахтеры в перерывах обедали у полевых кухонь, или лаборатории для исследования образцов руды.

Все демонтировано, все сорвано, кругом голые камни.

Но не в характере Бигмэна было долго размышлять о таких вещах. Он был обеспокоен, скорее, недостатком действия. Он пришел сюда не на прогулку.

— Лаки, эргометр ничего не показывает.

— Я знаю, Бигмэн. Крыша.

Он сказал это спокойно, без ударения, но Бигмэн знал, что он имел в виду. Он нажал на своем радиоприемнике специальную кнопку, которая включала защиту передающей волны и снимала искажения с передачи. Это было привычное для Бигмэна и Лаки оборудование, хотя оно не входило в традиционную оснастку космического скафандра. Бигмэн добавил шифратор к радиопульту, когда готовил костюмы, почти автоматически.

Сердце Бигмэна забилось быстрее. Когда Лаки установил связь между ними, он почувствовал, что опасность здесь, рядом. Во всяком случае, ближе. Он спросил:

— Что случилось, Лаки?

— Пора поговорить, — голос Лаки звучал словно издалека, как будто шел одновременно отовсюду. Это было неизбежным след-

ствием несовершенства принимающего дешифратора, который не мог снять все шумы. Лаки сказал:

— Если верить карте, это тоннель номер семь-а. По нему можно быстро дойти до одного из вертикальных стволов, выходящих на поверхность. Я пойду туда.

Бигмэн удивился.

— *Ты пойдешь? Зачем, Лаки?*

— Чтобы выбраться на поверхность, — и Лаки легко рассмеялся. — Зачем же еще?

— А для чего?

— Чтобы одному пройти по поверхности к ангару и к «Молнии Старр». Когда я в прошлый раз ходил на корабль, я взял с собой новый скафандр.

Бигмэн пережевал это и затем медленно спросил:

— Значит, ты направляешься на солнечную сторону?

— Именно так. Я направляюсь к большому Солнцу. Я, во всяком случае, не могу заблудиться — надо только идти по направлению к отблескам короны на горизонте. Это очень просто.

— Слушай, Лаки, брось ты это! Я думал, сирианцы сидят в шахте. Разве не ты сам доказал это на банкете?

— Нет, Бигмэн, я не доказал это. Я просто быстро говорил, так, чтобы это звучало убедительно.

— Так почему же ты не сказал этого мне?

— Потому что мы уже говорили об этом раньше, я не хочу возвращаться к этому. Я не могу рисковать, ты потеряешь терпение в самый неподходящий момент. Если бы я сказал тебе, что наш спуск в шахту — это часть большого плана и если бы, не ровен час, Кук чем-нибудь рассердил тебя, ты бы мог ему все выболтать.

— Никогда, Лаки. Просто ты не любишь о чем-нибудь говорить, пока у тебя все не готово.

— Это верно, — согласился Лаки. — Во всяком случае, дела обстоят так. Мне нужно было, чтобы все поверили, что я спускаюсь в шахту. Мне надо было, чтобы никому и в голову не могло прийти, что я собираюсь на Солнечную сторону. А добиться этого можно только одним способом: сделать так, чтобы никто, решительно никто, даже ты, Бигмэн, не знал об этом.

— А зачем это тебе? Ты можешь мне сказать, Лаки, или это тоже большой секрет?

— Вот что я тебе скажу. У меня есть сильное подозрение, что весь этот саботаж организовывает кто-то под Куполом. Я не верю ни в каких сирианцев.

Бигмэн был разочарован.

— Ты хочешь сказать, что здесь, в шахтах, ничего нет?

— Я могу ошибаться. Но я согласен с доктором Куком. Маловероятно, чтобы Сириус приложил столько усилий, связанных с установкой секретной базы на Меркурии, ради такой мелочи. Если бы это и входило в планы сирианцев, то они скорее попытались бы подкупить какого-нибудь землянина, чтобы это сделал он. В конце концов, кто прорезал скафандр? Уж в этом-то виноваты не сирианцы. Даже доктор Певераль не считает, что под Куполом есть сирианцы.

— Значит, ты ищешь предателя, Лаки?

— Я ищу диверсанта. Он может быть предателем на службе у Сириуса, а может, у него свои причины. Я надеюсь, что моя дымовая завеса в виде спуска в шахту обманет преступника и он не уйдет, равно как и не станет готовить мне малоприятную встречу.

— Какого результата ты ждешь?

— Узнаю, когда найду.

— О'кей, — сказал Бигмэн. — Я согласен. Нам по пути. Пошли.

— Ни в коем случае! — почти испугался Лаки. — Великая Галактика, мой мальчик! Я сказал, что *я* пойду. Скафандр только один. Ты останешься здесь.

Впервые до сознания Бигмэна дошло значение местоимений, которые употреблял Лаки. Лаки говорил: «я», «я». Ни разу он не сказал: «мы». Они всегда были вместе, и Бигмен был убежден, что «я» означает «мы».

— Лаки! — вскричал он, разрываемый обидой и отчаянием. — Почему я должен остаться?

— Потому, что я хочу быть уверен в том, что люди под Куполом думают, что мы здесь. Возьми карту и иди по маршруту, который мы обсуждали, или близко к нему. Каждый час держи связь с Куком. Рассказывай ему, где ты, что видишь, говори все, как есть; ничего не надо придумывать — только говори, что я с тобой.

Бигмэн задумался.

— А если они захотят поговорить с тобой?

— Наври, что я занят. Кричи, что ты только что видел сирианца. Скажи, что ты должен разъединиться. Придумай что-нибудь, но уверь их, что я здесь. Понятно?

— Все ясно. Марсианские пески, ты выйдешь на солнечную сторону, и все самое интересное произойдет с тобой одним, а я буду шататься в темноте и играть в игры с радиопередатчиком.

— Не унывай, Бигмэн, может быть, в шахтах что-нибудь есть. Я не всегда прав.

— Держу пари, что на этот раз ты прав. Здесь внизу *ничего* нет.

Лаки не мог отказать себе в удовольствии пошутить.

— Здесь можно замерзнуть насмерть, помнишь, Кук говорил? Ты можешь исследовать это.

Бигмэн юмора не понял:

— Ой, заткнись.

Последовала короткая пауза. Затем Лаки положил руку на плечо своего друга.

— Извини меня, Бигмэн, это было не смешно. Правда, не унывай! Мы очень скоро снова будем вместе. Ты же знаешь.

Бигмэн сбросил руку Лаки.

— Ладно. Хватит тянуть резину. Раз ты говоришь, что так надо, значит, я все сделаю. Только ты ведь там можешь схватить солнечный удар, осел ты эдакий, там же не будет меня, чтобы за тобой присмотреть.

Лаки рассмеялся.

— Постараюсь быть осторожным.

Он повернул вниз, к тоннелю «семь-а», но не прошел и двух шагов, как его окликнул Бигмэн.

— Лаки!

Лаки остановился.

— Что?

Бигмэн откашлялся.

— Слушай. Не делай глупостей, ладно? Я хочу сказать, меня ведь рядом не будет, чтобы вытащить тебя из беды.

— Ты говоришь прямо как дядя Гектор. Не хочешь ли ты сам последовать своему совету, а?

Они не умели по-другому выразить свою привязанность друг к другу. Лаки помахал рукой и еще мгновение был виден в луче лампы Бигмэна. Затем он повернулся и ушел.

Бигмэн смотрел ему вслед. Он наблюдал, как фигура постепенно сливалась с окружающей темнотой, затем свернула за угол и исчезла из поля зрения.

Он почувствовал тишину, и ощущение одиночества усилилось вдвойне. Не будь он Джоном Бигмэном Джонсом, он бы ослабел от такой потери, он был бы сломлен, оказавшись в одиночестве.

Но он был Джон Бигмэн Джонс, и, сжав зубы, он уверенно пошел вниз по основному стволу.

Через пятнадцать минут Бигмэн в первый раз вышел на связь с Домом под Куполом. Он был несчастен.

Как мог он поверить в то, что Лаки действительно надеется на какие-то приключения в шахтах, что сирианцы откликнутся на радиопозывные Лаки или что удастся подслушать их?

Связь была надежная, но передача барахлила; необходимо было набраться терпения и поискать в эфире.

Он раздумывал, почему Кук все это разрешил, и вдруг он вспомнил, что Кук ведь тоже не верил в сирианцев. В них поверил только Бигмэн. Умник!

От досады на себя он готов был прогрызть корпус корабля.

Наконец он настроился на Кука и подал условный сигнал.

Кук тут же ответил:

— Как слышите?

— Марсианские пески! Все в порядке. Лаки ушел вперед футов на двадцать, но пока ничего не видели. Сообщить больше нечего, так что даю отбой, хорошо?

— Мне нужно поговорить с Лаки Старром.

— А что? — Бигмэн старался говорить как можно непринужденней. — Поговорите в другой раз.

Кук колебался, затем согласился:

— Хорошо.

Бигмэн мрачно кивнул сам себе. Другого раза не будет. Он даст отбой, и все кончится.

...Интересно, сколько ему придется бродить в темноте, пока Лаки выйдет с ним на связь? Час? Два? Шесть? А если пройдет шесть часов, а связи не будет? Сколько ему надо здесь пробыть? И сколько он *сможет* пробыть?

А что, если Кук потребует подробную информацию? Как сказал Лаки, надо описывать все, что он увидит, но вдруг Бигмэн не сможет это сделать? Вдруг он проболтается, что Лаки ушел на солнечную сторону? Лаки никогда больше не будет ему доверять! Ни за что!

Он отогнал от себя эти мысли. Ни к чему хорошему они не приведут.

Если бы хоть что-нибудь его отвлекло. Что-нибудь, кроме темноты и вакуума, слабой вибрации от его собственных шагов и звука его собственного дыхания.

Он остановился, чтобы уточнить свое местонахождение в главном стволе. Проверить было не трудно: цифры и буквы с номерами боковых переходов были глубоко высечены в стенах, их четкость ничуть не пострадала от времени.

Однако из-за низкой температуры карта стала хрупкой, и с ней стало трудно обращаться; это не улучшало настроения. Он направил свет лампы на пульт управления на груди, чтобы отрегулировать влажность. Окошко его шлема изнутри слегка запотело от дыхания, может быть, из-за того, как он сказал себе, что температура внутри скафандра поднялась вместе с температурой внутри его самого.

Он только что кончил возиться с кнопкой и вдруг резко поднял голову, словно прислушиваясь.

Именно это он и делал. Он пытался уловить ритм слабой

вибрации, которую он сейчас «расслышал» только потому, что сам не двигался.

Он задержал дыхание, оставаясь так же недвижим, как каменные стены тоннеля.

— Лаки? — выдохнул он в передатчик. — Лаки? — пальцы правой руки потянулись к пульту. Он прослушал передающую волну. Никто другой ничего бы не разобрал в этом легком шепоте. Но Лаки все бы понял и ответил. Бигмэн боялся признаться самому себе, как он хотел услышать этот голос.

— Лаки? — снова спросил он.

Вибрация продолжалась. Ответа не было.

Дыхание Бигмэна участилось, сначала он дышал с напряжением, затем с дикой радостью и возбуждением, которое всегда охватывало его, когда опасность была рядом.

Кто-то еще был в шахтах Меркурия. Кто-то, но не Лаки.

Кто же? Сирианец? Неужели Лаки все-таки оказался прав, хотя он утверждал, что просто создает дымовую завесу?

Может быть.

Бигмэн вынул бластер и погасил свет.

Знают ли они, что он здесь? Они идут сюда, чтобы захватить его?

Вибрация «звучала» не так, как могут «звучать» шаги двоих, троих или нескольких человек: стерто и неритмично. Натренированное ухо Бигмэна отчетливо различало «трум-трум» — это был звук шагов одного человека, который шел не спеша.

А Бигмэн был готов к встрече с одним человеком где угодно и в любых условиях.

Он тихонько вытянул одну руку и дотронулся до ближайшей стены. Вибрация стала гораздо «слышнее». Значит, шли оттуда.

Он осторожно, наощупь, двинулся вперед, слегка касаясь стен. Вибрация, которую вызывал тот, другой, была слишком интенсивна, слишком неосторожна. Или он был уверен, что в шахтах никого нет (как еще минуту назад в этом был уверен Бигмэн), или, если он преследовал Бигмэна, он не совсем правильно вел себя в вакууме.

Собственные шаги Бигмэна звучали, как тишайший шепот, он двигался, как кошка, а вибрация другого человека оставалась прежней. Если бы он преследовал Бигмэна по звуку, внезапная перемена в движении Бигмэна должна была бы изменить и его поведение. Но этого не произошло. Все это только подтверждало вывод Бигмэна: тот человек думал, что в шахтах он один.

Бигмэн пересек тоннель и повернул направо. Его рука на стене одновременно помогала ему идти и указывала путь к незнакомцу.

Затем он увидел ослепительную вспышку фонаря далеко впере-

ди — луч света лампы на шлеме другого человека скользнул по нему. Бигмэн буквально примерз к стене.

Свет исчез. Незнакомец пересек тоннель, в котором находился Бигмэн. Он не собирался идти по этому тоннелю.

Бигмэн легко заспешил вперед. Он найдет этот поперечный тоннель и будет преследовать того, другого.

Тогда они встретятся. Он, Бигмэн, представитель Земли и Совета Науки, и враг, представляющий... кого?

VIII

ВРАГ В ШАХТЕ

Бигмэн рассчитал правильно. Когда он дошел до отверстия в стене, лампа незнакомца виднелась впереди, а сам он не подозревал о присутствии Бигмэна. Должно быть, не подозревал.

Бластер Бигмэна был наготове. Он мог бы выстрелить, но тогда делать уже будет нечего. Мертвые не рассказывают историй, а мертвые враги не отвечают на вопросы.

Он вел преследование с кошачьим терпением, все сокращая расстояние, следуя за лампой и пытаясь понять, кто же этот враг.

С бластером наготове, Бигмэн начал налаживать контакт с незнакомцем. Прежде всего радио! Пальцы нажали настройку на общую местную передачу. Возможно, враг не может принимать передачу на тех волнах, которыми пользовался Бигмэн. Маловероятно, но возможно! Очень маловероятно, но вполне возможно!

Впрочем, какое это имеет значение? Всегда есть альтернатива: выстрел из бластера. Это будет явным свидетельством его силы. Бластер вызывает уважение, язык его понятен всем.

Он заговорил, вкладывая в свой высокий голос всю силу, на которую был способен:

— Эй, ты, стой! Стой на месте и не оборачивайся! На тебя нацелено дуло бластера!

Бигмэн зажег лампу на своем шлеме и в свете увидел, что враг замер на месте, даже не пытаясь обернуться. Это доказывало, что он слышал Бигмэна. Бигмэн скомандовал:

— А теперь повернись! Медленно!

Фигура повернулась. Правая рука Бигмэна загораживала луч света, так как металлическая скорлупка лампы была прикреплена к крупнокалиберному бластеру. В сиянии света очертания бластера очень успокаивали его.

Бигмэн сказал:

— Этот бластер заряжен. Мне и раньше случалось из него убивать, а я стреляю без промаха.

У врага, очевидно, был радиоприемник. Он явно все слышал, так как взглянул на бластер и сделал движение, словно хотел рукой защититься.

Бигмэн изучал костюм врага, насколько это было возможно. Скафандр выглядел очень буднично (неужели у сирианцев были те же модели?). Он коротко спросил:

— Вы настроены на волну?

Услышав голос в наушниках, Бигмэн подпрыгнул от неожиданности. Голос был знакомый, даже искажения радиопередачи не смогли изменить его:

— Это малыш, да?

Никогда в жизни Бигмэну не требовалось столько самообладания, чтобы не пустить в ход бластер. Оружие подпрыгнуло у него в руках, а фигура перед ним метнулась в сторону.

— Уртейл! — заорал Бигмэн.

Удивление сменилось разочарованием. Никакого сирианца! Только Уртейл!

Затем его пронзила мысль: что здесь делает Уртейл?

Уртейл сказал:

— Ну да, это Уртейл. Так что убери игрушку.

— Уберу, когда захочу, — ответил Бигмэн. — Что ты здесь делаешь?

— Шахты Меркурия — не твоя частная собственность, так мне кажется.

— Раз у меня бластер, они мои, толстомордый негодяй, — Бигмэн отчаянно соображал, но, увы, ничего не мог придумать. Ну что тут делать с этим ядовитым скунсом? Отвести его обратно под Купол — значит, выдать, что Лаки уже не в шахтах. Бигмэн может сказать им, что Лаки отстал, но это вызовет подозрения, а то и опасения, когда им не удастся связаться с ним. И потом, в чем он мог обвинить Уртейла? В конце концов, шахты открыты для всех.

С другой стороны, не мог же он так и стоять, с дулом, направленным на человека.

Был бы тут Лаки, он бы что-нибудь придумал.

И тут словно телепатическая искра вспыхнула в вакууме между двумя мужчинами. Уртейл внезапно спросил:

— Кстати, а где Старр?

— Не твое дело, — ответил Бигмэн. Затем он спросил с внезапным убеждением: — Ты ведь преследовал нас? — и слегка тряхнул бластером, словно побуждая Уртейла говорить.

В свете лампы Бигмэна лицо, почти невидимое за окошком шлема, слегка наклонилось, словно следя за бластером. Уртейл сказал:

— А если да?

Снова наступила пауза.

— Ты шел по боковому переходу. Ты хотел выйти у нас за спиной.

— Я сказал — а что если да? — голос Уртейла звучал почти лениво, словно его владелец совершенно расслабился, и для него было наслаждением видеть направленное на него дуло бластера. Уртейл продолжал: — Где же твой друг? Где-нибудь поблизости?

— Я знаю, где он. Можешь не беспокоиться.

— А я хочу беспокоиться. Позови его. Твой приемник настроен на местную передачу, иначе я не слышал бы тебя так хорошо... Ты не возражаешь, если я открою свой кран с водой? Пить хочется, — его рука медленно двинулась.

— Осторожно, — сказал Бигмэн.

— Всего глоточек.

Бигмэн напряженно следил за ним. Он не думал, что с помощью пульта управления на груди можно пустить в ход какое-нибудь оружие, но можно внезапно усилить свет, так что он станет ослепляющим, или... или... ну, что угодно.

Но пальцы Уртейла закончили свое дело, а Бигмэн все еще стоял в нерешительности, и слышен был только звук глотка.

— Напугать тебя? — спокойно спросил Уртейл.

Бигмэн не нашел, что ответить.

Голос Уртейла стал резким.

— Ну-ка, позови его. Позови Старра!

Повинуясь приказному тону, рука Бигмэна шевельнулась и застыла.

Уртейл рассмеялся.

— Ты почти сменил настройку, да? Тебе нужна передача на расстояние. Здесь его нет, ведь правда?

— Ничего подобного, — вскричал Бигмэн. Он горел от возмущения. Огромный желчный Уртейл был умен. Вот он стоит, мишень для бластера, и все же это сражение выигрывает он, потому что чувствует себя хозяином ситуации, в то время как положение Бигмэна, который не мог ни выстрелить, ни опустить бластер, ни уйти, ни остаться, было просто несостоятельно.

В голову пришла дикая мысль: а почему бы не выстрелить?

Но он знал, что не сделает этого. Он ничем не сможет объяснить эту смерть. И даже если бы ему это удалось, насильственная смерть представителя сенатора Свенсона принесла бы огромный вред Совету Науки. И Лаки тоже!

Был бы Лаки здесь...

В какой-то степени оттого, что он этого очень хотел, сердце его подпрыгнуло, когда Уртейл слегка приподнял свою лампу и осветил коридор, пробормотав при этом:

— Нет, все-таки я ошибся, а ты прав. Вот он идет.

Бигмэн рванулся:

— Лаки...

Будь он спокоен, как всегда, он бы дождался, пока Лаки подойдет и опустит руку ему на плечо, Но Бигмэн отнюдь не был спокоен. Положение его было невозможно, его переполняло желание найти какой-нибудь выход.

Он успел только один раз выкрикнуть «Лаки» и налетел на тело, которое было вдвое массивнее, чем его собственное.

Еще несколько секунд он продолжал цепляться за свой бластер, но рука другого человека крепко держала его руку, сильные пальцы разжимали и выламывали его пальцы. Бигмэн запыхался, голова кружилась от внезапного нападения, и бластер выпал из его рук.

Он упал, а когда попытался встать, увидел башней возвышающегося над ним Уртейла, дуло его собственного бластера было направлено теперь на него.

— У меня есть свой, — мрачно сказал Уртейл, — но я подумал, что, пожалуй, возьму твой. Не двигайся. Оставайся на четвереньках. Вот так.

В эту минуту Бигмэн ненавидел себя, как никогда. Позволить так глупо провести себя! Он почти заслуживал смерти. Он скорей умрет, чем снова встретит Лаки и признается ему:

— Он посмотрел в тоннель за моей спиной и сказал, что ты идешь, поэтому я обернулся.

Он проговорил придушенным голосом:

— Стреляй, если можешь. Стреляй, а потом Лаки все равно выследит тебя и уж позаботится, чтобы ты провел остаток своей жизни прикованным к самому маленькому и холодному астероиду, который когда-нибудь использовали в качестве тюрьмы.

— Лаки так сделает? Где же он?

— Поищи.

— Я найду его, потому что ты мне скажешь, где он. А прежде всего ты мне скажешь, зачем он спустился в шахту. Что он здесь делает?

— Ищет сирианцев. Ты слышал, что он говорил.

— Ищет газ от комет, — прорычал Уртейл. — Этот старый дурак Певераль может сколько угодно говорить о них, но твой-то друг ему не поверил ни на минуту. Не поверил бы, даже если бы

у него были мозги, как у тебя. Он пришел сюда за другим. Говори, зачем.

— Еще чего!

— Говори, спасай свою шкуру!

— Недостаточная причина для меня, — возразил Бигмэн, вставая на ноги и делая шаг вперед.

Уртейл отступил и прислонился к стене.

— Еще одно движение, и я с удовольствием взорву тебя. Мне не очень-то важно, что ты скажешь. Конечно, это сэкономило бы время, но не слишком. Провести с тобой больше пяти минут — непозволительная потеря времени. А теперь послушай, что я тебе скажу. Может быть, ты зарубишь себе на носу, что ни ты, ни твой герой в жестяных латах, Старр, никого не обманете. Ни один из вас не способен ни на что большее, чем фокусы с активированными ножами, которые вы проделываете с безоружным человеком.

Бигмэн мрачно подумал: «Вот что задело этого негодяя. Я выставил его болваном перед всеми, и теперь он хочет, чтоб я перед ним ползал».

— Если ты все время собираешься болтать, — лениво сказал Бигмэн, постаравшись вложить в свой голос как можно больше презрения, — то уж лучше давай стреляй. Лучше пусть меня разорвет на куски, чем я умру от твоего бесконечного трёпа.

— Потише, малыш, потише. Во-первых, сенатор Свенсон метит в Совет Науки. Ты лишь самая маленькая частичка этой цели, а твой друг Старр — всего лишь еще одна частичка, не намного больше. Стрелять в эту цель буду я. Мы поставим этот Совет на место. Люди на Земле знают, что он отравлен коррупцией, что его сотрудники зря переводят деньги налогоплательщиков и набивают собственные карманы...

— Все это наглая ложь, — взорвался Бигмэн.

— Это решит народ. Мы объясним людям, как их обманывает Совет, и посмотрим, что они скажут.

— Только попробуйте! Иди и попробуй!

— Именно это мы и собираемся сделать. И это нам удастся. И вот наш экспонат номер один: вы двое в шахте. Я знаю, для чего вы здесь. Сирианцы! Ха! Старр или специально подстроил, чтобы Певераль рассказал эту историю, или просто умело этим воспользовался. Я скажу тебе, чем вы тут занимаетесь. Вы хотите устроить сирианский лагерь и потом его всем показывать. «Я один выследил их, — скажет Старр. — Я, Лаки Старр, великий герой». Ученые мужи поднимут большой шум, а Совет Науки потихоньку свернет свою программу «Свет». Они уже выжали из этой программы все, что могли, и пора устраивать

свои делишки... Только ничего из этого не выйдет, потому что я поймаю Старра на месте преступления, и он будет по уши в грязи, как и весь Совет.

Бигмэна тошнило от ярости. Он готов был разорвать Уртейла голыми руками, но сумел сдержаться. Он понимал, почему тот так говорит. Потому что знает гораздо меньше, чем старается показать. Он пытается что-нибудь вытянуть из Бигмэна и для этого нарочно хочет разозлить его. Но Бигмэн отплатит ему той же монетой. И тихим голосом Бигмэн начал:

— Знаешь что, вонючий негодяй, если кто-нибудь выследит тебя и выпустит из тебя весь кометный газ, покажется твоя душонка — размером с земляной орех. Если из тебя вытряхнут всю труху, ничего не останется, кроме мешочка из грязной кожи.

— Хватит! — заорал Уртейл.

Но Бигмэн заорал еще громче, так, что его высокий голос зазвенел:

— Стреляй, трусливый пират! Ты показал, какой ты трус, за общим столом. Встань передо мной, как мужчина перед мужчиной, с голыми кулаками — я хочу посмотреть, как ты снова струсишь, хоть ты и очень много о себе воображаешь.

Теперь Бигмэн был весь внимание. Пусть Уртейл действует неосмотрительно и поспешно. Пусть он стреляет, не целясь, просто повинуясь импульсу, — Бигмэн отпрыгнет в сторону. Может, он и умрет, но, во всяком случае, это шанс.

Но Уртейл словно окаменел и стал еще холоднее.

— Хватит болтать, я все равно убью тебя. И ничего со мной не случится. Я скажу, что защищался, и постараюсь, чтобы мне поверили.

— С Лаки у тебя это не получится.

— У него будут свои трудности. Когда я с ним покончу, его мнение не будет иметь никакого веса, — Уртейл твердо держал в руках бластер. — Хочешь получить?

— От тебя? — спросил Бигмэн.

— Как знаешь, — холодно сказал Уртейл.

Бигмэн ждал, ждал, не говоря ни слова, пока рука Уртейла не окаменела и шлем слегка не наклонился, как будто тот целился, хотя в этом не было необходимости на таком расстоянии.

Бигмэн считал мгновенья, пытаясь вычислить, когда ему надо будет сделать отчаянный прыжок, чтобы спасти жизнь, как это сделал Лаки, когда в него целился Майндс. Но здесь с ним не было товарища, который мог бы сбить Уртейла так, как он, Бигмэн, сбил тогда Майндса. Да и Уртейл — не нервный, больной Майндс. Он просто рассмеётся и снова прицелится.

Мускулы Бигмэна напряглись для последнего прыжка. Он приготовился к тому, что жить ему осталось не больше пяти секунд.

IX

ТЬМА И СВЕТ

Но стоя так, с напряженным до предела телом, с мускулами ног, почти вибрирующими от готовности сжаться и вытолкнуть тело в прыжке, Бигмэн вдруг услышал удивленный хриплый возглас.

Оба они стояли в сером темном мире, и лучи от ламп на их шлемах скрещивались. За пределами этих лучей ничего не было видно, так что намек на какое-то движение, происходившее за пределами видимости, сначала не был понят.

Его первой реакцией, первой мыслью было: Лаки! Неужели Лаки вернулся? Неужели он сумеет стать хозяином ситуации?

Но он опять почувствовал движение, и мысль о Лаки угасла.

Казалось, кусок каменной стены оторвался и медленно, лениво падал, что было характерно для Меркурия из-за низкой силы притяжения.

Это был каменный канат, который непонятным образом растянулся, достал до плеча Уртейла — и прилип к нему. Один такой канат уже опоясал его талию. Еще один двигался вниз и кружился, словно он был частью нереального мира замедленного движения. Но как только конец его обернулся вокруг руки и груди Уртейла и коснулся металлического покрытия, рука оказалась плотно и намертво прижатой к груди. Неповоротливая и с виду хрупкая скала будто обладала могучей силой питона, сжимающего в кольцах свою жертву.

Если первой реакцией Уртейла было удивление, то теперь в его голосе звучал только ужас.

— Холодно, — хрипло прокаркал он. — Они холодные.

У Бигмэна кружилась голова, когда он пытался оценить новую ситуацию. Кусок скалы совсем закрыл руку Уртейла ниже локтя, виден был только приклад бластера.

Наконец, выплыл последний канат. Все они так походили на скалы, что были незаметны пока не отделялись от стены.

Канаты соединялись между собой, словно были единым организмом, но в этом организме не было ядра, так сказать, «тела». Это был каменный спрут, состоящий из одних щупалец.

Ход мыслей Бигмэна будто взорвался.

Он подумал о том, что за долгие века эволюции в скалах Меркурия могла развиться собственная жизнь. Совершенно иная форма жизни, не известная на Земле. Жизнь, которая поддерживается только крохами тепла.

А почему бы нет? Щупальца могут переползать с места на место

в поисках необходимых крох тепла, Бигмэн ярко представил, как они ползут к северному полюсу Меркурия, где обосновались люди. Сначала шахты, а затем обсерватория снабжали их нескончаемыми струйками тепла.

Человек также мог стать их жертвой. А почему бы нет? Человеческое тело ведь тоже источник тепла. Случайно в эту ловушку мог попасть одинокий шахтер. Парализованный внезапным холодом и страхом, он не в состоянии даже позвать на помощь. Через несколько минут его радиопередатчик «садится», и он не может дать о себе знать. А потом он вообще замерзает и превращается в ледяную статую.

Сумасшедшая история Кука о смерти в шахтах вовсе не была бессмысленной.

Все это за мгновение пронеслось в голове Бигмэна, пока сам он оставался на месте, все еще потрясенный новым поворотом событий.

Голос Уртейла звучал мольбой и последним хрипом полузадушенного:

— Не могу... Помоги мне... помоги... Они холодные... Холодно...

Бигмэн крикнул:

— Держись! Я иду.

В один миг исчезла мысль, что этот человек — враг, что лишь несколько мгновений назад он собирался хладнокровно убить Бигмэна. Маленький марсианин знал только одно: вот беспомощный человек, зажатый в тисках чего-то нечеловеческого.

С тех пор, как человек впервые покинул Землю и устремился навстречу опасностям и тайнам космоса, сам собой возник неписаный закон: людские распри должны быть забыты перед лицом общего врага, нечеловеческих и бесчеловечных сил других миров.

Возможно, не все соблюдали этот закон, но для Бигмэна он был непреложен.

Одним прыжком он оказался рядом с Уртейлом, пытаясь оторвать его руку. Уртейл промычал:

— Помоги мне...

Бигмэн ухватился за бластер, который все еще находился в руке Уртейла, стараясь при этом не дотрагиваться до щупальца, обернувшегося вокруг сжатого кулака Уртейла. Про себя Бигмэн рассеянно отметил, что щупальца эти не были гладкими, как змеи. Они состояли из отдельных частиц, словно были составлены из многочисленных твердых сегментов, соединенных вместе.

Другой рукой Бигмэн, в поисках опоры, на мгновенье дотронулся до щупальца и тут же рефлекторно отдернул руку. Он почувствовал ледяной холод, проникающий внутрь и обжигающий.

Каким бы способом эти существа ни извлекали тепло, это не было похоже ни на что, о чем ему доводилось слышать.

Бигмэн отчаянно тянул на себя бластер, раскачивая и выкручивая его. Сначала он не обратил внимания на прикосновение врага к своей спине, но потом ледяной холод пронзил его и не отпускал. Попытавшись отпрыгнуть, Бигмэн понял, что сделать этого не может. Щупальце настигло его и обернулось вокруг.

Двое мужчин были так туго связаны, что казалось, они срослись вместе.

Физическая боль от холода нарастала, и Бигмэн рванул бластер, как сумасшедший. Неужели поддался?

Его остановил голос Уртейла, который прошептал:

— Бесполезно.

Уртейл зашатался, затем медленно, под влиянием меркурианской силы тяжести, опрокинулся набок, увлекая за собой Бигмэна.

Тело Бигмэна онемело. Оно теряло чувствительность. Он уже не мог точно сказать, продолжает ли он держаться за дуло бластера или нет. Если да, то действительно ли оно уступило его диким усилиям, или это был последний проблеск его жаждущего сознания?

Лампочка на шлеме светила тускло, так как энергию забирали прожорливые канаты.

Еще немного — и они замерзнут насмерть.

Оставив Бигмэна в шахтах Меркурия и надев специальный скафандр в тишине и спокойствии «Молнии Старр», стоявшей в ангаре, Лаки ступил на поверхность Меркурия и обратил лицо навстречу «белому призраку Солнца».

Несколько долгих минут он стоял не двигаясь, снова вбирая в себя молочное сияние Солнечной короны.

Любуясь короной, он рассеянно сгибал и разгибал по очереди руки и ноги. Скафандр со специзоляцией был сделан лучше, чем обычный космический. Кроме того, он был очень легкий. Создавалось необычайное ощущение, будто скафандра нет. В безусловно безвоздушном пространстве от этого становилось неуютно, но Лаки, отбросив в сторону все неприятные мысли, стал разглядывать небо.

Звезды были так же многочисленны и ярки, как в открытом космосе, поэтому не они занимали его внимание. Его интересовало кое-что другое. Прошло уже два дня по земному исчислению с тех пор, как он видел небо. За два дня Меркурий продвинулся на одну сорокчетвертую часть своего пути по орбите вокруг Солнца. Следовательно, больше восьми градусов неба появилось на

востоке, и более восьми градусов исчезло на западе. Это означало, что стали видны другие звезды.

И другие планеты. Венера и Земля — обе должны были появиться над горизонтом.

Вот они. Венера была выше. Яркий, как алмаз, кусочек белого света, гораздо ярче, чем когда смотришь с Земли. С Земли Венеру плохо видно. Она находится между Землей и Солнцем, поэтому когда она оказывается ближе всего, с Земли видно только темную сторону. С Меркурия Венера видна во всей своей красе.

В данный момент Венера находилась в трех миллионах миль от Меркурия. Эти планеты иногда приближаются друг к другу на расстояние около двадцати миллионов миль, тогда опытный глаз может увидеть Венеру в виде крошечного диска.

Даже на таком расстоянии, как сейчас, свет ее мог поспорить со светом короны, и, посмотрев себе под ноги, Лаки сумел, как ему показалось, разглядеть двойную тень, протянувшуюся от его ног — тень, отбрасываемую короной (пляшущую) и Венерой (четкую). Он подумал, что в идеальных условиях тень могла бы быть тройной — добавилась бы тень, отбрасываемая Землей.

Землю он также нашел без труда. Она была совсем низко над горизонтом, и хотя светила ярче любой звезды или планеты, видимых на ее собственном небе, свет ее был бледен в сравнении с великолепной Венерой. Она была не столь ярко освещена более далеким от нее Солнцем; на ней было меньше облаков, поэтому она могла отразить меньше света. Кроме того, она была вдвое дальше от Меркурия, чем Венера.

Все же в некотором отношении она была несравненно интересней: Венера светила чистым белым светом, тогда как свет Земли был зеленовато-голубым.

Больше того, рядом с ней, чуть задевая горизонт, виднелся слабый желтый свет Луны, ее спутника. На небе Земля вместе с Луной представляли уникальное зрелище по сравнению с планетами, вращающимися внутри орбиты Юпитера. Двойная планета, неразлучные планеты, таинственно летящие по небу в компании друг друга, маленькая все время вертится вокруг большой, и это выглядит как медленное качание из стороны в сторону.

Лаки смотрел на эту картину, наверное, дольше, чем следовало, не в состоянии оторваться. Жизнь часто уносила его далеко от родной планеты, и от этого Земля становилась ему еще дороже. Все квадриллионы человеческих существ, населяющих Галактику, происходили от землян. В течение всей истории человечества Земля была практически единственным домом человека. Кто же сможет спокойно смотреть на искорку света, посылаемую Землей?

Покачав головой, Лаки перевел взгляд. Надо было браться за дело.

Твердой походкой он направился к мерцающей короне, стараясь не очень отрывать ноги от поверхности, как и полагается при низкой силе тяжести; лампочка на шлеме была включена, и он внимательно смотрел вниз, чтобы не оступиться.

Он уже примерно представлял себе, что он может найти, но пока это была лишь идея, не подкрепленная никакими фактами. Лаки ненавидел обсуждать подобные идеи, ведь иногда это бывает просто интуиция. Он не любил обдумывать такие вещи даже про себя. Слишком велик был риск привыкнуть к идее и начать воспринимать ее за действительность и таким образом ненамеренно исключить возможность существования других гипотез.

Он видел, как это происходит с полным энтузиазма, легковерным и всегда готовым действовать Бигмэном. Он не раз видел, как смутные предположения превращались в голове Бигмэна в твердые убеждения.

Он нежно улыбнулся при мысли о своем маленьком веселом друге. Тот бывал неблагоразумен, ему не хватало хладнокровия, но он был надежен и горел бесстрашием. Лаки предпочитал, чтобы рядом с ним был Бигмэн, а не целая флотилия вооруженных космических кораблей с гигантами на борту.

Ему сейчас очень не хватало марсианина с личиком гнома. Именно сейчас, когда он парил над поверхностью Меркурия. И, частично ради того, чтобы стереть из памяти неприятные ощущения, Лаки вернулся к мыслям о делах.

Вся беда в том, что здесь слишком много подводных течений.

Во-первых, Майндс, нервный, неуравновешенный, неуверенный в себе. До сих пор так и не ясно, была ли его атака на Лаки моментальной вспышкой безумия или рассчитанным шагом. Во-вторых, Гардома, друг Майндса. То ли он был убежденным идеалистом, поверившим в сказку программы «Свет», то ли поддерживал Майндса по причинам более практического характера? Если так, то что это за причины?

Затем Уртейл, основной очаг беспокойства. В его намерения входило разрушить Совет, и Майндс стал главным объектом его атаки. Однако заносчивость Уртейла, естественно, вызывала ненависть к нему везде, где бы он ни появился. Майндс, конечно, ненавидел его, и Гардома тоже. Доктор Певераль ненавидел его, но более сдержанно. Он даже не захотел говорить о нем с Лаки.

На банкете Кук, казалось, избегал говорить с Уртейлом и даже не поднимал на него глаза. Было ли это просто потому, что Кук хотел избежать острых и едких замечаний Уртейла, или на это были более специфические причины?

О Певерале Кук был не слишком высокого мнения. Повышенная озабоченность старика Сириусом конфузила его.

И еще на один вопрос Лаки очень хотелось бы знать ответ. Кто прорезал его скафандр?

Факторов накопилось слишком много. Мысль Лаки скользила среди них, но пока ниточка была слишком тонкой. Он по-прежнему избегал останавливаться на чем-то определенном. Его ум должен оставаться свободным.

Дорога пошла в гору, и он автоматически изменил походку. Он был так занят собственными мыслями, что ландшафт, который открылся ему, когда он поднялся по склону, буквально ошарашил его — он не был готов к такому.

Из-за сломанного горизонта выползал верхний край Солнца, но еще не само Солнце. Видны были только протуберанцы, окружавшие Солнце, вернее, их маленькие кусочки.

Протуберанцы были ярко-красные, а один, в самом центре картины, состоял из горящих, медленно колыхавшихся ручейков.

Четко видное на фоне скал Меркурия, не затуманенное атмосферой или пылью, это было зрелище неправдоподобной красоты. Языки пламени, казалось, вырывались из-под темной корки, покрывавшей поверхность Меркурия, словно на горизонте планета была объята огнем, или внезапно прорвался гигантский вулкан, и началось извержение.

Пожалуй, эти протуберанцы были значительнейшим явлением на Меркурии. Лаки знал, что протуберанец, на которой он смотрит, достаточно велик для того, чтобы проглотить сотню таких планет, как Земля, или пятьсот таких, как Меркурий. Вот он горит атомным огнем, освещая Лаки и все вокруг.

Он повернул свою лампочку в другую сторону и огляделся.

Поверхность всех скал, повернутых прямо к протуберанцам, была омыта ярко-красным светом, остальные поверхности были черные, как уголь. Словно кто-то нарисовал бездонную яму с полосками красного цвета. Вот уж поистине «красный призрак Солнца».

Рука Лаки отбрасывала черную тень ему на грудь. Поверхность, по которой он шел, была полна опасностей, так как пятна света, попадавшие на каждую неровность, обманывали глаз: казалось, что можно правильно оценить ландшафт.

Лаки снова повернул свою лампу и двинулся вперед по направлению к протуберанцам, видневшимся над изогнутым горизонтом, и с каждой милей Солнце поднималось над горизонтом на шесть минут.

Это означало, что меньше, чем через милю будет видно уже

само Солнце, и он выйдет на освещенную Солнцем половину Меркурия.

Лаки и не догадывался, что в тот самый миг Бигмэн был на пороге смерти. Поворачивая в сторону солнечной стороны, он думал только об одном: там кроется опасность и загадка, и разгадка проблемы — тоже там.

X

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

Протуберанцы стали лучше видны. Их красный цвет стал еще ярче. Корона не пропала (здесь не было атмосферы, которая рассеяла бы свет протуберанцев и размыла мерцающий блеск), но теперь казалась не столь значительной. Звезды были видны и останутся видны; Лаки знал, что на Меркурии звезды видны, даже когда Солнце в зените. Но кому сейчас нужны были звезды?

Лаки бежал вперёд ровно и быстро; он мог так бегать часами, не уставая. При необходимости он мог так бежать даже на Земле, невзирая на силу тяжести.

А потом безо всякого предупреждения, без предварительного зарева, без единого намека — ***он увидел Солнце!***

Вернее, он увидел тончайшую, как волос, линию, и это было Солнце. Это была линия невыносимой яркости, обрисовавшая обломок скалы на горизонте, словно какой-то неземной художник обвел эту серую скалу ярко-белой краской.

Лаки оглянулся. На неровной почве, по которой он шел, метались всполохи красного цвета от протуберанцев. Но прямо у его ног нарождался прилив белого цвета, и кристаллы начинали играть в солнечном свете.

Он опять пошел вперед, и линия света превратилась сначала в маленькое пятнышко, затем пятнышко стало увеличиваться.

Граница Солнца была четко видна, она чуть-чуть поднималась над горизонтом в середине и нежно закруглялась с обеих сторон.

Человеку, привыкшему к очертаниям Солнца на Земле, эта почти плоская кривая внушала благоговение и страх.

Протуберанцы не утопали в солнечном сиянии; словно огненно-красные волосы, они выползали из края Солнца и шевелились, точно змеи. Разумеется, протуберанцы окружали Солнце целиком, но увидеть их можно было только у края диска. На фоне самого Солнца они терялись в мощном сиянии.

И над всем этим простиралась корона.

Любуясь этой картиной, Лаки не переставал удивляться, как

удачно приспособлен к подобным условиям скафандр со специзоляцией.

Одного не защищенного специзоляцией взгляда на край Солнца здесь, на Меркурии, было достаточно, чтобы ослепнуть. Видимый свет сам по себе чрезвычайно ярок, а ведь все кругом насыщено ультрафиолетовыми лучами, и это излучение, не смягченное атмосферой, было губительно для зрения и, в конечном счете, смертоносно.

Стекло же лицевой пластины спецскафандра по своей молекулярной структуре было устроено так, что прозрачность его уменьшалась пропорционально яркости света, попадавшего на пластину, и Лаки мог без всякого риска смотреть на Солнце, почти не ощущая дискомфорта. В то же время свет короны и звезд проходил сквозь стекло неизмененным.

Спецскафандр защищал его и в других отношениях. Он был пропитан свинцом и висмутом, это не сильно увеличивало его вес, однако препятствовало проникновению солнечного ультрафиолетового и рентгеновского излучения. Наличие у костюма положительного заряда позволяло отразить большинство космических излучений в одну сторону. Собственное магнитное поле Меркурия было слабым, но приближенность к Солнцу обусловливала высокую плотность космических лучей. (В то же время космические лучи состоят из положительно заряженных протонов, а одноименные заряды отталкиваются.)

Ну и, конечно, скафандр защищал его от жары, не только с помощью специальной изоляции, но и с помощью своей зеркальной поверхности, представляющей собой псевдожидкий молекулярный слой, который можно было активировать нажатием кнопки.

В сущности, решил Лаки, размышляя о преимуществах спецскафандра, пожалуй, жаль, что такой скафандр нельзя использовать при любых условиях. К сожалению, структурная непрочность этого скафандра, связанная с почти полным отсутствием металла, делала его непригодным во многих случаях, исключая те, когда требовалась защита прежде всего от жары и радиации.

Лаки уже прошел целую милю по солнечной стороне и не ощущал чрезмерной жары.

Это не удивило его. Домоседам, которые черпают знания о космосе из дешевых фильмов ужасов, солнечная сторона любой планеты, лишенной воздуха, представляется просто твердой массой, где царит вечная жара.

Но это сверхупрощение. Многое зависит от высоты Солнца над горизонтом. На Меркурии, например, в тех местах, где лишь часть Солнца виднеется над горизонтом, поверхности достигает сравнительно мало тепла, и эта малость распространяется

на большую площадь, так как лучи падают почти горизонтально.

«Погода» изменится, если пройти дальше, в глубь солнечной стороны; вот где Солнце будет стоять высоко в небе, и все будет точно так, как в этих фильмах.

И потом, обычно есть тень. При отсутствии воздуха свет и жара идут по прямой. Ни то, ни другое не может проникнуть в тень, разве что крошечными частичками, отражаясь от соседних освещенных поверхностей. Поэтому тени были черные, как уголь, и в них царил ледяной холод, хотя Солнце всегда светило очень ярко и сильно грело.

Лаки обращал все больше внимания на тени. Сначала, когда появился только верхний край Солнца, почти вся почва оставалась в тени, на ней были лишь случайные пятнышки света. Теперь, когда Солнце поднималось все выше и выше, свет распространялся все дальше, и пятна света сливались, а тени, зацепившиеся позади валунов и холмов, становились отчетливо видны.

В какой-то момент Лаки сознательно нырнул в тень, отбрасываемую вершиной скалы, которая находилась в сотне ярдов от него, и почувствовал себя так, словно целую минуту провел на темной стороне. Тепло Солнца пропало. Вокруг почва весело искрилась в солнечном свете, а в тени ему пришлось включить лампу на шлеме, чтобы видеть, куда ступать.

Он не мог не заметить разницы между солнечными и затененными участками поверхности, потому что на солнечной стороне у Меркурия было нечто вроде атмосферы. Не в том смысле, как на Земле, — никакого азота, кислорода, двуокиси углерода или водяных паров, ничего подобного. Но на солнечной стороне местами что-то плавилось. Сера была жидкая, жидкими были кое-какие летучие компоненты. Пары этих веществ клубились над перегретой поверхностью Меркурия. В тени эти пары замерзали.

Лаки смог лично убедиться в этом, когда провел пальцем по темной поверхности выступившей породы и на пальце оказалось пятно замерзшего ртутного инея, мерцавшее в свете его лампы. Как только он вышел на солнце, пятно быстро превратилось в сверкающие капельки и затем, чуть медленней, испарилось.

Солнце становилось все жарче. Это не беспокоило Лаки. Даже если станет уж очень жарко, он всегда может зайти в тень и охладиться.

Коротковолновое излучение заслуживало большего внимания. Лаки сомневался, стоит ли беспокоиться по этому поводу при столь кратком воздействии. Рабочие на Меркурии очень боялись радиации, потому что постоянно облучались малыми дозами. Лаки вспомнил, что Майндс особо подчеркнул, что диверсант, которого он видел, стоял на Солнце без движения. Было естественно,

что Майндс обратил на это внимание. При хронической экспозиции любое удлинение времени воздействия радиации было просто глупостью. В случае с Лаки, впрочем, можно было надеяться, что воздействие окажется непродолжительным.

Он бежал через пятна черноватой почвы, которые выделялись на фоне более обычного для Меркурия красновато-серого цвета. Красновато-серый цвет был хорошо знаком Лаки. Он напоминал цвет почвы Марса, смесь силикатов с добавками окиси железа, которые и придавали ей красноватый оттенок.

Черный цвет, скорее, озадачивал. Там, где почва была черная, она была гораздо горячее, так как черный цвет поглощает больше солнечного тепла.

Он наклонился на бегу и увидел, что черные участки имели рыхлую структуру, но не были похожи на песок. Немного грунта попало ему на перчатку. Он рассмотрел его. Это мог быть графит, а мог быть сульфид железа или меди. Это могло быть что угодно, но он был готов биться об заклад, что это неочищенный сульфид железа.

Наконец, он сделал остановку в тени скалы и оценил ситуацию. Судя по тому, что Солнце теперь полностью вышло из-за горизонта, за полтора часа он прошел примерно пятнадцать миль. Впрочем, в тот момент глоток запасенной жидкости его интересовал несравненно больше, чем пройденное расстояние.

Где-то слева от него должны быть кабели Майндса, вернее, его программы «Свет». Справа — другие кабели. Их точное местонахождение не важно. Они покрывали сотни квадратных миль, и бродить среди них наугад в поисках диверсанта было просто глупо.

Майндс попытался это сделать на свой страх и риск и потерпел неудачу. Если объект или объекты, которые он видел, действительно были диверсантами, то их могли предупредить из-под Купола. Майндс не скрывал, что направлялся на солнечную сторону.

А вот Лаки это скрыл. Предупреждения не будет, во всяком случае он на это надеется.

И потом, у него был помощник, какого не было у Майндса. Он вытащил из кармана скафандра свой маленький эргометр. Он держал его перед собой в ладони, освещая лампой.

Освобожденная красная стрелка яростно запрыгала. Лаки слегка улыбнулся и отрегулировал ее. Здесь было много коротковолновой солнечной радиации.

Пламя погасло.

Тогда Лаки осторожно вышел на солнце и обследовал горизонт во всех направлениях. Где был источник атомной энергии (но не Солнце), если такой источник был? Разумеется, стрелка указывала

на Дом под Куполом, но огонек, который вспыхнул, когда он направил прибор в ту сторону, стал еще ярче, когда он опустил эргометр. Энергетическая станция Дома под Куполом находилась почти в миле отсюда под поверхностью планеты, и для того, чтобы указать на нее, было достаточно наклона в двадцать градусов.

Он медленно повернулся, осторожно удерживая эргометр двумя руками, так, чтобы блестящий материал его скафандра не блокировал сигнальное излучение. Повернулся кругом второй раз, третий.

Ему показалось, что в одном направлении на приборе появились очень короткие вспышки — едва достаточные, чтобы разглядеть их при таком ярком солнечном свете. А может быть, просто ему очень хотелось увидеть эти вспышки.

Он попробовал еще раз.

Ошибки не было!

Лаки посмотрел в том направлении, куда указывал прибор, и двинулся вперед. Он не скрывал от себя, что прибор мог зафиксировать всего лишь кучку радиоактивной руды.

Один из кабелей Майндса он заметил примерно через милю.

Это был не просто отдельный кабель, а целая паутина из кабелей, полузарытая в грунт. Он прошел вдоль кабеля ярдов сто и увидел квадратную металлическую пластину шириной около четырех футов, очень гладко отполированную. Звезды отражались в ней с потрясающей яркостью, словно это был бассейн с чистой водой.

Что ж, подумал Лаки, в определенном положении он может увидеть отражение Солнца. Затем он заметил, что угол наклона пластины менялся, и она то становилась почти вертикально, то лежала горизонтально. Он оглянулся, чтобы разобраться, потому ли она двигалась, что ловила Солнце.

Вновь посмотрев на пластину, Лаки был поражен. Светлый квадрат больше не был светлым. Он почернел и стал тусклым. Таким тусклым, что даже Солнце Меркурия во всем своем блеске не могло сделать его хоть немного светлее.

Он наблюдал дальше. Тусклая поверхность задрожала и раскололась на куски.

Пластина снова была яркой.

Он просмотрел еще три цикла; угол подъема пластины ставил ее почти вертикально. Сначала — невероятное отражение; затем совершенно тусклая матовая поверхность. Лаки понял, что матовая поверхность поглощала свет, а гладкая отражала. Смена фаз была регулярной, однако могла быть и произвольной. Он не мог дольше

стоять и наблюдать, да и его познания в гипероптике были не столь велики, чтобы разобраться в целях всего происходящего.

Вероятно, сотни или даже тысячи таких пластин, связанных между собой сетью кабелей и получающих энергию от атомных микропилей из-под Купола, поглощали и отражали свет, повернутые под разными углами к Солнцу. Вероятно, все это каким-то образом могло пересылать световую энергию через гиперкосмос, и этим процессом можно управлять.

И, вероятно, порванные кабели и смятые пластины мешали нормальной работе всей системы.

Лаки снова посмотрел на свой эргометр. Указатель теперь светился гораздо ярче, и он опять пошел в указываемом направлении.

Ярче, ярче! Что бы там его ни ожидало, это *что-то* меняло свое положение. Источник гамма-лучей не был прикреплен к поверхности Меркурия.

И *это* означало, что там была отнюдь не кучка радиоактивной руды. Там было что-то переносное, а для Лаки, в свою очередь, это означало, что там был человек или что-то принадлежащее человеку.

Сначала Лаки увидел фигуру — движущуюся песчинку, черную на фоне ярко освещенного грунта.

К этому времени он уже начал искать тень, чтобы немного остыть.

Лаки ускорил шаг. Температура снаружи скафандра еще не поднялась до точки кипения воды. Внутри, к счастью, температура была значительно ниже.

Он мрачно подумал: если бы Солнце было над головой, а не на горизонте, даже такой скафандр не помог бы.

Фигура не обращала на него никакого внимания. Она продолжала идти своей дорогой. Судя по походке, существо не было столь привычно к малой силе тяжести, как Лаки. Можно даже сказать, что оно двигалось неуклюже. И тем не менее, фигура передвигалась. Шла по поверхности.

На ней не было спецскафандра. Даже с такого большого расстояния Лаки ясно видел металлическую поверхность.

Лаки приостановился в тени скалы, но тут же сделал над собой усилие и снова вышел на Солнце, не успев как следует остыть.

Жара, очевидно, ничуть не беспокоила фигуру. Во всяком случае, за то время, что Лаки наблюдал за ней, она не сделала ни шага, чтобы спрятаться в тень, хотя иногда тень была совсем близко.

Лаки задумчиво покачал головой. Пока все сходилось.

Он ускорил шаг. Жара начала давать о себе знать: казалось, ее можно потрогать и стиснуть в кулаке. Но осталось лишь несколько мгновений.

Лаки шел уже не своим обычным широким шагом. Вся сила его мускулов была вложена в гигантские прыжки длиной до пятнадцати футов.

Он закричал:

— Эй, ты! Да, ты! Обернись!

Он сказал это властно, со всей силой убеждения, на которую был способен, надеясь, что тот, другой, услышит радиосигнал и не придется объясняться знаками.

Фигура медленно повернулась, и ноздри Лаки раздулись в знак холодного удовлетворения. До сих пор, во всяком случае, все было так, как он ожидал, ибо фигура эта не была человеческой — в ней не было ничего от человека!

XI

ДИВЕРСАНТ!

Фигура была высокая, даже выше Лаки. Она была высотой почти в семь футов и довольно широкая. Глаз различал на ней только металл, блестящий на солнце и черный в тени.

Но под этим металлом не было плоти и крови, только снова металл, механизмы, трубки, микропили, снабжавшие фигуру ядерной энергией и производившие гамма-лучи, которые выявил Лаки своим карманным эргометром.

У этого создания были чудовищные конечности, и сейчас оно стояло перед Лаки, широко расставив ноги. Две фотоэлектрические клетки, в которых вспыхивал темно-красный свет, заменяли глаза. Вместо рта на металле в нижней части «лица» была прорезь.

Это был механический человек, робот, и Лаки хватило одного взгляда, чтобы понять, что он произведен не на Земле. Позитронных роботов изобрели на Земле, но таких моделей там не делали.

Рот робота равномерно открывался и закрывался, словно он в самом деле говорил.

— Я ничего не могу расслышать в вакууме, робот, — Лаки сказал это строго, зная, что очень важно с самого начала подчеркнуть, что он человек и, следовательно, хозяин. — Включи радио.

Теперь рот робота перестал двигаться, но в приемнике Лаки

зазвучал голос: хриплый и неровный, с большими промежутками между словами:

— Что вы здесь делаете, сэр? Почему вы здесь?

— Не спрашивай меня, — сказал Лаки. — Почему *ты* здесь?

Робот мог говорить только правду. Он сказал:

— Я получил инструкцию периодически разрушать определенные объекты.

— Кто дал такую инструкцию?

— У меня есть инструкция не отвечать на этот вопрос.

— Тебя сделали в системе Сириуса?

— Меня сконструировали на одной из планет Сирианской конфедерации.

Лаки нахмурился. У этого существа был крайне неприятный голос. Лаки случалось видеть в экспериментальных лабораториях нескольких роботов, изготовленных на Земле. Они получили голоса, которые и прямо, и по радио звучали так же приятно и естественно, как голоса хорошо образованных людей. Право же, сирианцам следовало бы над этим поработать.

Его мысль перескочила на более неотложную проблему. Он сказал:

— Я должен найти затененное место. Пойдем со мной.

Робот тут же ответил:

— Я направлю вас в ближайшую тень.

Он пустился рысцой, его металлические ноги при этом двигались не совсем четко.

Лаки последовал за этим созданием. Ему не нужно было указывать направление в тень, но он хотел понаблюдать за походкой робота, и немного отстал.

То, что с большого расстояния показалось Лаки неуклюжей походкой вразвалочку, оказалось вблизи ярко выраженной хромотой. Хромой робот с хриплым голосом. Два несовершенства в роботе, который внешне производил впечатление восхитительного чуда механики.

Вдруг его осенило, что робот, вероятно, не приспособлен к жаре и излучению на Меркурии. Наверное, такие воздействия повредили его. Лаки был ученым, и это опечалило его. Машина была слишком красива, чтобы ее так портить. Лаки с восхищением рассматривал робота. Под массивным черепом из хромированной стали находился «мозг» машины в форме яйца и размером с человеческий мозг. Он состоял из губчатого платиново-иридиевого сплава, внутри которого квадриллионы квадриллионов позитронов возникали и исчезали за миллионные доли секунды. Возникая и исчезая, они следовали заранее вычисленными путями, которые упрощенно дублировали думающие клетки человеческого мозга.

Инженеры сделали такой расчет этих позитронных путей, чтобы роботы служили человечеству, и вложили в эти пути «Три Закона Роботов».

Первый Закон состоял в том, что робот не может вредить человеку сам, и допускать, чтобы ему был нанесен вред. Это никак не разъяснялось. Нельзя было заменить или превратно истолковать этот Закон.

Второй Закон состоял в том, что робот должен повиноваться приказам, кроме тех, которые нарушают Первый Закон.

Третий Закон позволял роботу защищаться, но только не нарушая при этом Первого и Второго Законов.

Лаки отвлекся от своих размышлений, когда робот споткнулся и чуть не упал. На почве не было никаких неровностей, насколько Лаки мог видеть: ни малейшей щелочки, за которую робот мог бы зацепиться. Если бы она была, ее бы выдала черная полоска тени.

Поверхность здесь была гладкая, как стол. Робот изменил походку безо всякой причины и упал на бок. Он отчаянно размахивал конечностями, чтобы встать. Когда это ему удалось, он возобновил свой бег в тень, как будто ничего не случилось.

Лаки подумал: он явно в плохом рабочем состоянии.

Они вместе вошли в тень, и Лаки включил свою лампу. Он сказал:

— Это плохо, что ты ломаешь нужное оборудование. Ты этим наносишь вред человеку.

Никакие эмоции не отразились на лице робота, да и не могли отразиться. В голосе тоже не было эмоций:

— Я подчиняюсь приказу.

— А как же Второй Закон? — сурово спросил Лаки. — Ты же не можешь подчиняться приказам, которые наносят вред человеческим существам. Таким образом ты нарушаешь Первый Закон.

— Я не видел никаких людей. Я никому не нанес вреда.

— Ты нанес вред людям, которых ты не видел. Говорю тебе, ты сделал это.

— Я не вредил ни одному человеку, — упрямо повторил робот, и Лаки нахмурился, услышав это бездумное повторение. Несмотря на свою отполированную внешность, модель эта была, похоже, не слишком совершенна.

Робот продолжал:

— Я получил инструкцию избегать людей. Меня всегда предупреждали о приближении людей, но меня не предупредили о вас.

Лаки разглядывал сияющий меркурианский пейзаж, большей частью грубый и серый, в котором были, впрочем, большие участки

рыхлой черной почвы, которая казалась обычной для этой части Меркурия. Он думал о Майндсе: тому дважды удалось выследить робота (теперь его рассказ стал понятным), но он так и не сумел подойти к нему ближе. Его собственное тайное вторжение на солнечную сторону, да еще и с эргометром, к счастью, удалось. Внезапно он с нажимом спросил:

— *Кто* велел тебе избегать людей?

Лаки не очень надеялся провести робота. У робота механический ум, думал он. Его нельзя провести или обмануть, как нельзя обмануть лампочку на шлеме скафандра, сделав вид, что ты нажал кнопку включения.

Робот ответил:

— Я получил инструкцию не отвечать на этот вопрос, — затем медленно, скрипучим голосом, словно против воли, он сказал: — Я не хочу, чтобы ты продолжал задавать мне такие вопросы. Они меня смущают.

«То, что ты нарушаешь Первый Закон, тебя не смущает», — подумал Лаки.

Он нарочно вышел из тени на Солнце. Робот последовал за ним:

— Какой у тебя серийный номер?

— РЛ—726.

— Очень хорошо, РЛ—726, ты понимаешь, что я человек?

— Да.

— Я недостаточно защищен, чтобы выносить жару меркурианского Солнца.

— Я тоже.

— Я понял это, — сказал Лаки, помня, как несколько минут назад робот чуть не упал. — Все равно человек гораздо хуже приспособлен для этого, чем робот. Ты понимаешь это?

— Да.

— А теперь слушай. Я хочу, чтобы ты прекратил свою разрушительную работу и хочу, чтобы ты сказал мне, кто дал тебе приказ ломать оборудование.

— Я получил инструкцию...

— Если ты не будешь мне подчиняться, — громко сказал Лаки, — я останусь здесь на солнце до тех пор, пока не умру, и тогда ты нарушишь Первый Закон, потому что ты позволишь мне умереть, хотя можешь не допустить этого.

Лаки мрачно ждал. Свидетельство робота, конечно, не будет принято к сведению ни в одном суде, но оно подтвердит, что Лаки напал на верный след, если робот скажет то, чего ожидает Лаки.

Но робот колебался. Один глаз его вдруг стал поблескивать

(еще одно несовершенство!), затем он заговорил. Сначала вместо слов послышалось только громкое клокотанье, потом он, запинаясь, почти как пьяный, произнес:

— Я перенесу вас в безопасное место.

— Я буду сопротивляться, — сказал Лаки, — и тебе придется нанести мне вред. Если же ты ответишь на мой вопрос, я сам вернусь в тень, и ты спасешь мне жизнь, не нанеся при этом вреда.

Тишина.

Лаки возобновил разговор:

— Ты скажешь мне, кто приказал тебе ломать оборудование?

И вдруг робот наклонился вперед, подошел к Лаки и остановился в двух футах от него.

— Я просил вас не задавать мне этот вопрос.

Руки его протянулись, словно он хотел схватить Лаки, но он не завершил движение.

Лаки мрачно наблюдал, ничуть не волнуясь. Робот не мог повредить человеческому существу.

Но тут робот поднял одну из своих мощных рук и поднес ее к голове, как это сделал бы человек при головной боли.

Болит голова!

Внезапная мысль обрушилась на Лаки. Великая Галактика! Он был глуп, слеп, преступно слеп!

Не ноги робота были не в порядке, не его голос, и не его глаза. Как могла на них повлиять жара? Конечно же, был поврежден сам позитронный мозг, его нежный позитронный мозг, подвергнутый прямому воздействию жары и излучениям меркурианского Солнца в течение... какого же времени? В течение месяцев?

Мозг был уже частично разрушен.

Если бы этот робот был человеком, любой сказал бы, что у него умственный спад, что он на пути к безумию.

Сумасшедший робот! Сведенный с ума жарой и радиацией!

Как долго продержится Третий Закон в этом полуразрушенном позитронном мозге?

А Лаки Старр стоял, угрожая роботу своей смертью, и этот робот, уже почти сумасшедший, протягивал к нему руки.

Сама дилемма, перед которой поставил робота Лаки, наверное, приближала его к безумию.

Лаки начал осторожно отступать. Он спросил:

— Тебе лучше?

Робот ничего не ответил. Он убыстрил шаги.

Лаки подумал: «Если он собирается нарушить Первый Закон, значит, он на пороге полного распада. Позитронный мозг должен быть совсем разрушен, если он способен на такое. С другой сто-

роны, робот терпит уже несколько месяцев. Он может просуществовать в таком виде еще столько же».

Лаки отчаянно рассуждал сам с собой, пытаясь приостановить действия и подумать еще. Он спросил:

— У тебя голова болит?

— Болит? — сказал робот. — Я не понимаю значение этого слова.

Лаки сказал:

— Мне становится жарко. Давай лучше пойдем в тень.

Больше никаких разговоров о том, что он изжарится насмерть. Лаки отступал в тень почти бегом.

Голос робота прогромыхал:

— Мне было сказано пресекать всякое вмешательство в отданные мне приказы.

Лаки достал бластер и вздохнул. Будет очень обидно, если ему придется разрушить робота. Это было замечательное творение человека, и Совет мог бы с пользой исследовать его устройство. А просто уничтожить, не получив даже необходимой информации — это было отвратительно. Он сказал:

— Стой.

Руки робота взмахнули на бегу, и Лаки пролетел на волосок от них, воспользовавшись в полной мере преимуществами меркурианской силы тяжести.

Если бы можно было как-нибудь сманеврировать в тень; если бы робот последовал за ним туда...

Прохлада могла бы успокоить пришедшие в негодность позитронные пути. Робот стал бы более управляемым, более разумным, и Лаки, возможно, был бы избавлен от необходимости его уничтожить.

Лаки снова увернулся, и снова робот кинулся за ним, из-под его металлических ног вылетали фонтанчики черного песка, быстро опадавшие обратно, так как на планете отсутствовала атмосфера, в которой этот песок мог бы задержаться в суспензии. Это была жуткая гонка, безмолвный, бесшумный бег человека и робота в вакууме.

Уверенность Лаки росла. Движения робота становились все более неуклюжими. Контроль над механизмами и реле, управлявшими его конечностями, был явно нарушен и нарушался все больше.

Тем не менее робот явно пытался вывести его из тени. Вне всяких сомнений, он хотел убить Лаки.

И все равно Лаки не мог заставить себя выстрелить из бластера.

Он внезапно остановился. Робот тоже остановился. Они стояли

лицом к лицу, их разделяло пять футов, они стояли на черном пятнышке сульфида железа. Чернота, казалось, еще усиливала жару, и Лаки чувствовал нарастающую слабость. Робот мрачно стоял между Лаки и тенью. Лаки сказал:

— Прочь с дороги, — говорить было трудно.

— Мне было сказано пресекать всякое вмешательство в отданные мне приказы. Вы вмешивались в них.

У Лаки не было выбора. Он просчитался. Ему еще ни разу не пришлось усомниться в незыблемости Трех Законов — ни при каких обстоятельствах. Он слишком поздно осознал правду, и результатом его просчета была угроза собственной жизни и необходимость уничтожить робота.

Он грустно поднял бластер.

Почти тут же он понял, что допустил второй просчет. Он слишком долго ждал, и накопление тепла и усталости сделало его тело такой же несовершенной машиной, как и тело робота. Рука его с трудом поднялась, а робот вдруг показался ему вдвое больше, чем в действительности.

Робот двинулся, и на этот раз усталое тело Лаки не смогло сделать достаточно быстрое движение. Бластер был выбит и улетел. Рука Лаки была плотно сжата металлической рукой, другая металлическая рука обняла его за талию. Даже при самых благоприятных обстоятельствах Лаки не смог бы противостоять силе стальных мускулов механического робота. Этого не смог бы сделать ни один человек. Сейчас он почувствовал, что теряет всякую способность к сопротивлению. Он ощущал только жару.

Робот сжимал его все сильнее, сваливая Лаки назад, словно тот был тряпичной куклой. Лаки вспомнил о структурной непрочности спецскафандра. Обычный космический скафандр вполне защитил бы его даже от робота. Спецскафандр был бесполезен. В любой момент какая-нибудь его деталь могла не выдержать.

Лаки беспомощно шевелил свободной рукой, пальцы касались черного песка внизу.

Одна мысль вспыхнула в его голове. Он отчаянно попытался собрать все свои силы для одного последнего удара, чтобы предотвратить смерть от руки безумного робота, казавшуюся неизбежной.

XII

ПРЕЛЮДИЯ К ДУЭЛИ

Неприятное положение, в котором оказался Лаки, было зеркальным отражением того положения, в котором оказался несколькими часами ранее Бигмэн, с той лишь разницей, что

Бигмэну угрожала не жара, а нарастающий холод. Каменные «канаты» держали его так же прочно, как металлический робот держал Лаки. Правда, у Бигмэна еще оставалась надежда. Его немеющие пальцы отчаянно цеплялись за бластер, сжатый в руке Уртейла.

И бластер поддавался. Собственно говоря, он освободился так неожиданно, что онемевшие пальцы Бигмэна чуть не выронили его.

— Марсианские пески! — пробормотал он, держась за бластер.

Если бы он знал, где у этих щупалец находится самое уязвимое место, если бы он мог взорвать любую часть их, не задев Уртейла или себя, все было бы просто. Увы, он мог только рискнуть и надеяться, правда, не слишком сильно, на удачу.

Его правый палец вертел кнопку, регулирующую силу взрыва. У него кружилась голова, а это был плохой знак. Уже несколько минут Уртейл не подавал никаких признаков жизни.

Он задал минимальную силу взрыва. Еще одно: надо нажать на курок указательным пальцем, и при этом не уронить бластер.

Великий Космос! Он не должен уронить его.

Указательный палец дотронулся до нужного места и нажал.

Бластер нагревался: он видел тусклый, красный блеск сквозь решетку дула. Это было очень плохо для решетки — бластер не был предназначен для использования в качестве теплоизлучателя, но другого выхода не было.

Собрав все оставшиеся силы, Бигмэн забросил бластер как можно дальше.

Затем ему показалось, что действительность на миг покачнулась, словно он вот-вот потеряет сознание.

Потом он почувствовал первый прилив тепла, крохотный росточек тепла, который вошел в его тело из работающей системы энергоснабжения. Бигмэн слабо вскрикнул от радости. Этого тепла было достаточно — он понял, что энергию больше не поглощают прожорливые тела теплососущих щупалец.

Он пошевелил руками. Поднял ногу. Руки и ноги были свободны. Щупальца исчезли.

Лампочка на шлеме разгорелась ярче, и он смог хорошо разглядеть то место, куда упал бластер. Место, но не сам бластер: там, где должен был быть бластер, лениво шевелилась масса серых извивающихся щупалец.

Дрожащими руками Бигмэн схватил бластер Уртейла, поставил его на минимальный нагрев и зашвырнул подальше. Это отвлечет чудовищ, если иссякнет энергия в первом бластере.

Бигмэн быстро сказал:

— Эй, Уртейл! Ты меня слышишь?

Ответа не было.

Собрав все силы, он потащил за собой фигуру в космическом скафандре. Лампочка на шлеме Уртейла мигала, а индикатор автономной системы энергоснабжения указывал, что система пока работает. Температура внутри скафандра должна быстро прийти в норму.

Бигмэн связался с Домом под Куполом. Другого решения в настоящий момент быть не могло. Они ослаблены, источники питания почти не работают — в таком состоянии еще одна встреча с меркурианской жизнью может убить их. Уж как-нибудь он постарается не подвести при этом Лаки.

Было просто удивительно, как быстро их нашли.

Выпив две чашки кофе и поев горячей еды, окруженный светом и теплом Дома под Куполом, неунывающий Бигмэн уже рассматривал недавно пережитый кошмар всего лишь как неприятное происшествие в прошлом.

Доктор Певераль хлопотал вокруг него, похожий одновременно на взволнованную мамашу и на нервного пожилого джентльмена. Его серые стальные волосы были растрепаны.

— Вы уверены, Бигмэн, что с вами все в порядке? Никаких неблагоприятных эффектов?

— Я прекрасно себя чувствую. Никогда не чувствовал себя лучше, — настаивал Бигмэн. — Вопрос о том, док, как там Уртейл?

— Вероятно, с ним все будет в порядке, — голос астронома стал холоден. — Доктор Гардома осмотрел его и считает, что он не так плох.

— Хорошо, — проговорил Бигмэн почти радостно.

Доктор Певераль спросил с некоторым удивлением:

— Вы беспокоитесь за него?

— Еще как, док. Я на него рассчитываю.

Вошел доктор Хенли Кук, почти дрожа от волнения.

— Мы послали людей в шахту посмотреть, не удастся ли поймать одно из этих созданий. Они взяли с собой нагревающиеся подушки. Знаете, как наживку для рыбы, — он повернулся к Бигмэну. — Вам крупно повезло, что вы от них избавились.

Голос Бигмэна зазвенел от возмущения и обиды.

— Это было не везение, а ум. Я понял, что большинство из них ищет просто прямой источник тепла. Я понял, что это их любимый вид энергии. И я дал им ее.

Вскоре доктор Певераль ушел, но Кук остался — говорил о чудищах, расхаживая туда-сюда и беспрерывно рассуждая вслух.

— Вы представляете? Старые истории о холодной смерти в шахтах, оказывается, не выдуманы. Нисколько не выдуманы! По-

думать только! Обыкновенные каменные щупальца действуют, как тепловые губки, высасывая энергию отовсюду, где только удается присосаться. Вы их точно описали, Бигмэн?

— Конечно. Когда поймаете, увидите сами.

— Какое открытие!

— Как могло случиться, что их не обнаружили раньше? — спросил Бигмэн.

— Судя по вашим рассказам, они сливаются с окружающей средой. Защитная мимикрия. И потом, они нападают только на одинокого человека. Возможно, — он заговорил быстрее, оживленнее, пальцы его при этом переплетались, — здесь действует какой-то инстинкт, какие-то зачатки интеллекта, заставляющие их прятаться и не попадаться на глаза. Я уверен в этом. Они обладают своего рода умом, который заставляет их держаться подальше от нас. Они знают, что единственный способ оставаться в безопасности — это быть невидимыми, поэтому они нападают только на одинокого, без спутников, человека. И вот в течение тридцати или более лет ни один человек не спускался в шахту. Бесценные источники необыкновенного тепла ушли, щупальца все же ни разу не поддались соблазну проникнуть в сам Дом под Куполом. Но когда люди, наконец, снова вошли в шахту, искушение оказалось слишком велико, и одно существо совершило нападение, несмотря на то, что там было два человека, а не один. Для них это нападение оказалось роковым. Их обнаружили.

— Почему они не переберутся на солнечную сторону, раз им нужна энергия и они такие умные? — поинтересовался Бигмэн.

— Возможно, там слишком жарко, — сразу сказал Кук.

— Они кинулись на бластер. Он был нагрет докрасна.

— Вероятно, на солнечной стороне слишком сильное излучение. Может быть, они не могут к нему адаптироваться. А может быть, на солнечной стороне существует другой вид подобных существ. Откуда мы знаем? Может быть, те, которые живут на темной стороне, питаются радиоактивными рудами и блеском короны.

Бигмэн пожал плечами. Подобные рассуждения он считал бесполезными.

Кук, казалось, тоже переменил ход мыслей. Он задумчиво смотрел на Бигмэна, ритмически поглаживая одним пальцем подбородок.

— Итак, вы спасли жизнь Уртейлу.

— Совершенно верно.

— Что ж, наверное, это хорошо. Если бы Уртейл умер, они бы обвинили вас. Сенатор Свенсон постарался бы как следует потрепать нервы и вам, и Старру, и Совету. Никакие объяснения

не помогли бы. Раз вы присутствовали при смерти Уртейла, значит, вы виноваты.

— Послушайте, — сказал Бигмэн, беспокойно задвигавшись, — когда я могу увидеть Уртейла?

— Когда угодно, как только разрешит доктор Гардома.

— Соединитесь с ним и скажите, что я хочу видеть Уртейла.

Кук задумчиво разглядывал маленького марсианина.

— Что вы задумали?

Так как то, что задумал Бигмэн, было связано с силой тяжести, ему пришлось частично посвятить в свой план Кука.

Доктор Гардома открыл дверь и кивнул Бигмэну, чтобы он вошел.

— Можете поговорить с ним, Бигмэн, — прошептал он. — Мне он уже надоел.

Он вышел, и Бигмэн с Уртейлом снова оказались один на один.

Джонатан Уртейл был слегка бледен (там, где не зарос щетиной), но это был единственный знак испытания, через которое ему довелось пройти. Он растянул губы в дикарской ухмылке.

— Я цел, если ты пришел убедиться в этом.

— Я пришел убедиться именно в этом. А также задать тебе один вопрос. Ты все еще веришь в этот бред, якобы Лаки Старр хотел построить в шахте сирианскую базу, чтобы всех обмануть?

— Я докажу это.

— Слушай, приятель, ты же знаешь, что это ложь, и ты собираешься добыть лжеулики. Поддельные доказательства! Я, конечно, не ожидал, что ты будешь ползать у меня в ногах и благодарить меня за то, что я спас тебе жизнь ...

— Погоди! — лицо Уртейла медленно покраснело. — Я помню только, что та штука свалилась на меня совершенно неожиданно. Это был несчастный случай. Я не знаю, что случилось после этого. И не поверю тому, что скажешь *ты*.

Бигмэн заорал в ярости:

— Ах ты, грязь космическая, да ты звал на помощь!

— Где твои свидетели? Я ничего не помню.

— А как, ты воображаешь, ты смог выбраться оттуда?

— Я ничего не воображаю. Может быть, эти штуки сами сползли с меня. Может быть, их вообще не было. Может быть, это упал кусок скалы и сшиб меня. Если ты пришел сюда, ожидая, что я буду рыдать у тебя на плече и дам обещание не трогать твоего дружка, то я тебя разочарую. Если тебе больше нечего мне сказать — до свиданья.

Бигмэн сказал:

— Ты кое о чем забыл. Ты пытался убить меня.

— Где свидетели? Если ты сейчас же не выкатишься, я нахмурюсь и сдую тебя отсюда, карлик!

Героическим усилием Бигмэн сохранил спокойствие.

— Я заключу с тобой сделку, Уртейл. Ты пустил в ход все угрозы, какие только смог придумать, и все лишь потому, что ты на полдюйма выше и на полфунта тяжелей, но в тот единственный раз, когда я тебе нанес удар, ты уполз в сторону.

— У тебя был активированный нож, а я был безоружен. Не забывай об этом.

— Я сказал, что ты трус. А вот теперь встань передо мной так, как есть, без оружия, и давай поборемся! Или ты еще слишком слаб?

— Слишком слаб — для тебя? Да я два года проваляюсь в больнице и все равно не стану слишком слаб для тебя!

— Тогда борись! Перед свидетелями! В энергетическом отсеке довольно места. Я уже договорился с Хенли Куком.

— Кук, должно быть, ненавидит тебя. Как насчет Певераля?

— Его никто не спрашивал. И Кук совсем не ненавидит меня.

— По-моему, ему не терпится, чтобы тебя убили. Но боюсь, что не доставлю ему этого удовольствия. Почему я должен драться с полпинтой кожи и ветра?

— Трус!

— Я спросил почему? Ты сказал, что заключишь со мной сделку.

— Верно. Если выиграю я, то не скажу никому ни слова о том, что случилось в шахте, о том, что действительно случилось. Если выиграю я, ты оставишь в покое Совет.

— Хороша сделка. Какое мне дело, что ты станешь болтать обо мне?

— Значит, ты не боишься проиграть, так?

— О Космос! — восклицание было весьма красноречиво.

Бигмэн сказал:

— Итак?

— Ты, наверное, думаешь, что я дурак. Если я буду драться с тобой перед свидетелями, то меня привлекут к суду за убийство. Да если я до тебя пальцем дотронусь, я тебя раздавлю. Пойди поищи другой способ самоубийства.

— Ладно. На сколько больше меня ты весишь?

— На сто фунтов, — презрительно сказал Уртейл.

— На сто фунтов жира, — взвизгнул Бигмэн, и его личико гнома искривилось в свирепой гримасе. — Вот что я тебе скажу. Давай драться при меркурианской силе тяжести. Это даст тебе

преимущество в сорок фунтов. И твоя инерция остается при тебе. Достаточно честно?

— О Космос, да я бы просто разок вмазал тебе, чтобы приклеить твой большой рот к твоей несчастной маленькой рожице.

— У тебя есть шанс это сделать. Так по рукам?

— Клянусь Землей, вот это сделка! Постараюсь тебя не убить, но это все, что я могу обещать. Ты сам напросился, ты умолял меня.

— Правильно. А теперь пошли. Пошли, — Бигмэн был так взволнован, что говорил, не переставая при этом подпрыгивать и чуть-чуть боксировать кулачками, легко, как птичка. В сущности, ему так не терпелось скорее начать эту дуэль, что он ни разу даже не вспомнил о Лаки и не почувствовал, что тот в опасности. Он и не догадывался, что совсем недавно Лаки вступил в более опасную схватку, чем та, которую собирался начать Бигмэн.

В энергетическом отсеке стояли громадные генераторы и тяжелое оборудование, но там было достаточно свободного места для собраний персонала. Это была старейшая часть Дома под Куполом. В самом начале существования Дома, еще до того, как была взорвана галерея первой шахты на Меркурии, здесь на раскладушках, между генераторами спали инженеры-строители. Сейчас это место иногда использовалось даже для общих вечеринок.

В данном случае оно должно было стать рингом, и Кук вместе с полдюжиной техников остановился у боковых линий в некотором сомнении.

— Это все? — спросил Бигмэн.

Кук ответил:

— Майндс и его люди на солнечной стороне. Десять человек в шахте, разыскивают ваши канаты, а остальные работают с инструментами, — он оценивающе посмотрел на Уртейла и спросил: — Вы уверены в том, что вы затеяли, Бигмэн?

Уртейл разделся до пояса. Грудь и плечи у него были густо покрыты волосами, и он с гордостью атлета поигрывал своими мускулами.

Бигмэн равнодушно посмотрел в сторону Уртейла.

— С тяжестью все в порядке?

— Мы выключим ее по сигналу. Я все приготовил так, чтобы это не затронуло работающих под Куполом. Уртейл согласен?

— Разумеется, — Бигмэн улыбнулся. — Все в порядке, приятель.

— Надеюсь, — горячо отозвался Кук.

Уртейл спросил:

— Когда мы начнем? — затем, оглядев маленькую группу зрителей, поинтересовался: — Кто-нибудь будет ставить на обезьянку?

Один из техников посмотрел на Бигмэна с неловкой усмешкой. Бигмэн, тоже раздевшийся до пояса, казался удивительно гибким, но разница в размерах придавала матчу гротесковый вид.

— Никаких пари, — сказал техник.

— Вы готовы? — спросил Кук.

— Я готов, — ответил Уртейл.

Кук облизал свои бледные губы и дернул ручку выключателя. Звук работающих генераторов изменился.

Бигмэн качнулся от внезапной потери веса. Остальные тоже качнулись. Уртейл споткнулся, но быстро встал и осторожно двинулся в середину свободного пространства. Он не позаботился поднять руки, а просто стоял в абсолютно расслабленной позе.

— Давай, жук, начинай, — сказал он.

XIII

РЕЗУЛЬТАТЫ ДУЭЛИ

Со своей стороны Бигмэн мягко продвигался вперед, делая медленные грациозные шаги, словно на пружинах.

Так оно и было — в какой-то степени. Сила притяжения на поверхности Меркурия была почти в точности такой же, как на поверхности Марса, и он чувствовал себя как дома. Его холодные серые глаза, внимательно наблюдавшие за противником, отмечали каждое колебание тела Уртейла, каждый узелок, обозначавший *внезапно напрягшуюся* мышцу, когда тот пытался держаться прямо.

Небольшие ошибки даже в способе удерживать равновесие были неизбежны для человека, работающего при непривычной для себя силе тяжести.

Бигмэн внезапно запрыгал с ноги на ногу из стороны в сторону; движения были как бы сломаны, это походило на танец и в то же время сбивало с толку.

— Что это такое? — раздраженно прорычал Уртейл. — Марсианский вальс?

— Вроде того, — ответил Бигмэн. Его рука взлетела вперед, и голые костяшки сжатого кулака с шумом ударили Уртейла в бок, отчего толстяк пошатнулся.

Публика ахнула от изумления, и кто-то закричал:

— Давай, парень!

Бигмэн стоял, подбоченясь, в ожидании, пока Уртейл восстановит равновесие.

Через пять секунд Уртейлу это удалось, но теперь у него на боку горело сердитое красное пятно, и такие же, еще более сердитые пятна горели на щеках.

Он сделал мощный выпад правой рукой, ладонь которой была полураскрыта, словно он считал достаточным одного шлепка, чтобы навсегда убрать со своего пути это кусачее насекомое.

Но удар все продолжался, и тянул Уртейла за собой. Бигмэн нырнул, когда ладонь была от него в каких-то долях дюйма, проделав это со спокойной уверенностью своего превосходно координированного тела. Уртейл в результате усилий, предпринимаемых, чтобы остановить собственный выпад, качнулся назад, к Бигмэну.

Бигмэн поставил ногу на задницу Уртейла и мягко оттолкнулся. В результате отдачи он легко отпрыгнул назад на другую ногу, тогда как Уртейл падал вперед в гротесково замедленном движении.

По сторонам раздался смех.

Один из зрителей выкрикнул:

— Я передумал, Уртейл. Я заключу пари.

Уртейл будто не слышал этого. Он снова повернулся лицом к Бигмэну, из уголка его толстых губ вытекла вязкая капля слюны и потекла по подбородку.

— Включите тяжесть! — хрипло закричал он. — Пусть она будет нормальная!

— В чем дело, бочка? — поддразнил его Бигмэн. — Разве сорока фунтов в твою пользу не достаточно?

— Я убью тебя. Я убью тебя! — кричал Уртейл.

— Валяй! — Бигмэн раскинул руки в издевательском приглашении.

Но Уртейл угрожал всерьез. Он кружил вокруг Бигмэна, очень неуклюже подпрыгивая.

— Сейчас я пущу в ход свои тяжелые ноги, жук, и уж если я тебя за что-нибудь схвачу, то этот кусок я оторву.

— Давай, хватай.

Мужчины, наблюдавшие за поединком, настороженно притихли. Уртейл был громадный, как бочка, сутулый, руки его болтались туда-сюда, ноги были широко расставлены. Он удерживал равновесие, ловя ритм тяжести.

В сравнении с ним Бигмэн выглядел хрупким стебельком. Он был грациозен и уверен в себе, как танцовщик, но все же выглядел до обидного маленьким.

Бигмэн, казалось, совсем не волновался. Внезапно оттолкнув-

шись ногами, он высоко подпрыгнул, а когда Уртейл ринулся на поднявшуюся в воздух фигуру, Бигмэн поднял ноги и опустился позади своего соперника, прежде чем тот смог обернуться.

Раздались громкие аплодисменты, и Бигмэн усмехнулся. Он сделал почти пируэт, нырнув под одну из угрожавших ему громадных рук, дотянулся и крепко ударил краем ладони по бицепсу своего противника.

Уртейл подавил крик и снова завертелся.

Теперь Уртейл сохранял ужасающее спокойствие и не реагировал ни на какие провокации Бигмэна. Со своей стороны, Бигмэн старался, как мог, заставить Уртейла быстро двигаться, чтобы он потерял равновесие.

Вперед — назад; быстрые, острые удары, которые кажутся порхающими, но на самом деле очень чувствительны.

Но в голове маленького марсианина росло уважение к Уртейлу. Тот дрался всерьез. Он охранял землю, на которой стоял, как медведь, отражающий нападение охотничьей собаки. А Бигмэн был охотничьим псом, который может только вертеться, пытаясь схватить, заманивать в ловушку, но старается держаться подальше от медвежьих лап.

Уртейл был даже внешне похож на медведя: со своим волосатым телом, маленькими глазками, налитыми кровью, и небритым лицом с выдающейся нижней челюстью.

— Дерись, приятель, — съязвил Бигмэн, — а то я один развлекаю зрителей.

Уртейл медленно покачал головой.

— Подойди поближе, — сказал он.

— Ну конечно, — легко согласился Бигмэн, кинувшись вперед. Движением быстрым, как молния, он схватил Уртейла сбоку за челюсть, и в то же мгновенье пролетел у него под рукой.

Рука Уртейла двинулась было, но поздно, и движение осталось незаконченным. Он слегка покачнулся.

— Попробуй еще раз, — попросил он.

Бигмэн попробовал еще раз, на сей раз согнувшись и нырнув под другой рукой, завершив представление маленьким поклоном в благодарность за крики одобрения.

— Попробуй еще раз, — сказал Уртейл заплетающимся языком.

— Пожалуйста, — сказал Бигмэн. И бросился вперед.

На этот раз Уртейл тщательно подготовился. Он не пошевелил ни головой, ни руками, но его правая нога выстрелила вперед.

Бигмэн согнулся вдвое, почти вися в воздухе, или попытался согнуться, но это ему не совсем удалось. Его лодыжка была поймана и на мгновенье грубо припечатана ботинком Уртейла. Бигмэн взвизгнул от боли.

Быстрым движением Уртейл пронес его вперед, и Бигмэн судорожным отчаянным толчком о его спину ускорил это движение.

На этот раз Уртейл, уже лучше освоившийся с малой силой тяжести, не был так далеко отброшен вперед и быстрее восстановил равновесие, тогда как Бигмэн, у которого горела лодыжка, двигался кругом с испуганной неловкостью.

С диким криком Уртейл ринулся на марсианина, и Бигмэн, опиравшийся на здоровую ногу, оказался недостаточно проворен. Его правое плечо очутилось в громадном, словно окорок, кулаке, его правый локоть — в другом кулаке. Вместе дуэлянты повалились.

Зрители разом закричали, и Кук с серым, как пепел, лицом наблюдавший за поединком, каркающим голосом воскликнул:

— Прекратите драку! — но никто не обратил на это внимания.

Крепко держа Бигмэна, Уртейл встал на ноги, подняв марсианина, словно тот был перышком. Бигмэн, с лицом, искривленным от боли, извивался, пытаясь достать ногами до пола.

Уртейл глухо прокричал в ухо маленького человечка:

— Ты думал, что очень умный, раз тебе удалось заставить меня бороться при низкой силе тяжести. Ты и теперь так думаешь?

Бигмэн не терял времени на раздумья. Надо во что бы то ни стало одной ногой достать до пола... Или хотя бы до коленной чашечки Уртейла, потому что его правая стопа как раз напротив колена Уртейла. Этого будет довольно.

Бигмэн сильным толчком откинулся назад.

Уртейл качнулся вперед. Само по себе это не было опасно для Уртейла, но его балансирующие мускулы сделали слишком большое усилие, не соответствующее силе тяжести, и, пытаясь выпрямиться, он качнулся в сторону. Бигмэн, ожидавший этого, тут же сместил центр тяжести и ударил вперед.

Уртейл упал так внезапно, что зрители не успели разглядеть, как это произошло. Бигмэн почти выкрутился на свободу.

Он стоял на карачках, как кошка, но его правая рука была все еще сжата. Бигмэн положил левую руку на запястье Уртейла и неожиданно быстро ударил снизу коленом по его локтю.

Уртейл взвыл и ослабил хватку, меняя положение, чтобы уберечь собственную руку, иначе Бигмэн сломал бы ее.

Бигмэн воспользовался этим шансом. С быстротой бьющей струи он полностью высвободил свою зажатую руку, не отпуская при этом запястье Уртейла. Свободной рукой он вцепился в плечо Уртейла выше локтя. Таким образом, он теперь держал левую руку Уртейла в двух местах.

Уртейл пытался встать на ноги, в это время тело Бигмэна согнулось, и мышцы спины напряглись. Он разгибался, копируя движения встающего Уртейла.

Мускулы Бигмэна, объединившись с усилиями Уртейла, медленно приподняли это громадное тело над полом, впечатляюще демонстрируя, чего можно достигнуть при низкой силе тяжести.

Хотя мускулы его были напряжены так, что могли порваться, Бигмэн поднял торс Уртейла еще выше, а затем отпустил, наблюдая за его падением по траектории параболы. Согласно земным стандартам, падение выглядело гротесково замедленным.

Все наблюдали за падением и для всех была неожиданностью перемена силы тяжести. Полная земная сила тяжести обрушилась на них с силой и скоростью выстрела из бластера, и Бигмэн упал на колени, больно подвернув лодыжку. Зрители также упали — раздался хор криков боли и удивления.

Бигмэн лишь краем глаза увидел, что произошло с Уртейлом. Перемена силы тяжести застала его почти на верхнем конце параболы, прихлопнув его вниз с резким ускорением. Он со стуком ударился головой о защитную колонну одного из генераторов.

Бигмэн, с трудом поднявшись, пытался втряхнуть разум в свои пустые мозги. Он зашатался и увидел распростертую фигуру Уртейла и рядом с ним стоящего на коленях Кука.

— Что случилось? — вскричал Бигмэн. — Что случилось с силой тяжести?

Другие повторили тот же вопрос. Насколько Бигмэн мог разобрать, Кук был единственным, кто оказался на ногах, единственным, кто способен был думать.

— Не обращайте внимания на силу тяжести, — сказал Кук, — Уртейл...

— Он ранен? — спросил кто-то.

— Уже нет, — Кук поднялся с колен. — Я уверен, что он умер.

Они неловко сгрудились вокруг тела.

— Лучше позвать доктора Гардому, — Бигмэн едва сам себя слышал, говоря это. Мрачные предчувствия обрушились на него.

— У вас будут неприятности, — сказал Кук. — Вы убили его, Бигмэн.

— Его убила перемена силы тяжести.

— Это будет трудно объяснить. Вы его бросили.

— Я отвечу за все. Не волнуйтесь.

Кук облизал губы и посмотрел в сторону.

— Я позову Гардому.

Гардома прибыл через пять минут, и краткость его исследования доказывала, что Кук не ошибся.

Врач поднялся на ноги, вытирая руки носовым платком. Он мрачно сказал:

— Умер. Повреждение черепа. Как это случилось?

Несколько человек заговорили одновременно, но Кук движением руки заставил всех замолчать. Он сказал:

— Поединок между Бигмэном и Уртейлом...

— Между Бигмэном и Уртейлом! — взорвался доктор Гардома. — Кто допустил это? Вы с ума сошли! Разрешить Бигмэну драться с ...

— Потише, — сказал Бигмэн. — Я-то цел.

В порядке самозащиты Кук сердито сказал:

— Совершенно верно, Гардома, умер Уртейл. А на драке настаивал Бигмэн. Вы признаете это, не так ли?

— Конечно, я признаю это, — ответил Бигмэн. — А еще я говорил, что это должно быть при силе тяжести Меркурия.

Глаза доктора Гардомы широко раскрылись.

— Сила тяжести Меркурия? Здесь? — он посмотрел на свои ноги, словно удивляясь, что за штуки с ним проделывает его разум, и неужели он действительно легче, чем он чувствует.

— Меркурианской силы тяжести уже нет, — сказал Бигмэн, — потому что в самый критический момент поле псевдотяжести вдруг переключилось на полную земную тяжесть. Бам! Вот так! Это и убило Уртейла.

— Почему псевдотяжесть переключилась на земной уровень? — спросил Гардома.

Последовала тишина.

Кук слабо выдавил:

— Могло быть короткое...

— Чушь, — отрезал Бигмэн. — Рычаг поднят вверх. Он не сам поднялся.

Последовала новая пауза, крайне неприятная.

Один из техников прокашлялся и сказал:

— Может быть, кто-то из нас, возбужденный поединком, двигался кругом и случайно задел его плечом, даже не подозревая об этом.

Другие охотно согласились. Один из них воскликнул:

— Великий Космос! Это случайность.

— Мне придется доложить об этом случае, Бигмэн, — сказал Кук.

— Хорошо, — маленький марсианин сохранял спокойствие. — Я уже арестован за убийство?

— Н-нет, — Кук замялся. — Я не арестую вас, но я должен доложить, и в конце концов вас, может быть, арестуют.

— Угу. Что же, спасибо за предупреждение, — в первый раз с момента возвращения из шахты Бигмэн вдруг подумал о Лаки. Да, хорошенький сюрприз ожидает Лаки, когда он вернется.

Как это ни странно, маленький марсианин волновался, хотя и был уверен, что сумеет выбраться из беды... и на процессе показать Лаки одну или две штучки.

Послышался новый голос:

— Бигмэн!

Все посмотрели наверх. Это был Певераль, который шел по пандусу, спускавшемуся с верхних уровней.

— Великий Космос, Бигмэн, вы здесь, внизу? И Кук? — затем, почти обиженно: — Что здесь происходит?

Казалось, никто не может вымолвить ни слова. Взгляд старого астронома остановился на распростертом теле Уртейла, и с мягким удивлением он спросил:

— Умер?

Бигмэн был шокирован: Певераль, казалось, потерял всякий интерес к событию. Даже не дождавшись ответа на свой вопрос, он снова повернулся к Бигмэну.

— Где Лаки Старр?

Бигмэн открыл рот, но не смог произнести ни звука. Наконец он чуть слышно прошептал:

— Почему вы спрашиваете?

— Он все еще в шахте?

— Ну...

— Да или он на солнечной стороне?

— Ну...

— Великий Космос, отвечайте, он на солнечной стороне?

— Я хочу знать, почему вы спрашиваете об этом.

— Майндс, — нетерпеливо сказал Певераль, — облетал на маленькой ракете участок, где размещаются его кабели. Он иногда это делает.

— Так что же?

— Я хочу знать, с ума он сошел или действительно видел там Лаки Старра?

— Где? — сразу же вскричал Бигмэн.

Доктор Певераль неодобрительно поджал губы.

— Так, значит, он все-таки там. Тогда все ясно. Так вот, ваш друг Лаки Старр, очевидно, попал в беду с механическим человеком, с роботом.

— С роботом!

— И, если верить Майндсу, который не спускался вниз, а ждет поисковой партии, Лаки Старр мертв!

XIV

ПРЕЛЮДИЯ К СУДУ

Лаки, согнувшись, лежал в безжалостных объятиях робота и уже ждал скорой смерти. Но поскольку она не пришла сразу, в нем вспыхнула слабая надежда.

А что если робот, в растерзанном уме которого еще жила врожденная память о недопустимости человекоубийства, окажется не способен нарушить закон, столкнувшись напрямую с подобной ситуацией?

Потом он подумал, что это невозможно, так как ему показалось, что хватка робота постепенно становится еще крепче.

Он закричал что было силы:

— Отпусти меня! — и взмахнул свободной рукой, которая болталась, касаясь пальцами черной грязи. Это был последний шанс, самый последний и, увы, такой слабый шанс.

Он поднял руку к голове робота. Он не мог повернуться и посмотреть — голова его была плотно прижата к груди робота. Рука его скользнула по гладкой металлической поверхности черепа два раза, три раза, четыре раза. Он убрал руку.

Больше он ничего не мог сделать.

Затем... Было ли это его воображение, или действительно хватка робота стала слабеть? Неужели большое Солнце Меркурия наконец-то приняло его сторону?

— Робот! — закричал он.

Робот издал какой-то звук, похожий на скрип ржавого механизма.

Его хватка действительно слабела. Теперь следовало ускорить события и напомнить механизму Главные Законы Робота.

— Ты не можешь нанести вред человеческому существу.

Робот прохрипел:

— Я не могу... — вдруг запнулся и неожиданно упал.

Однако он продолжал так же крепко, мертвой хваткой, держать Лаки.

— Робот! Отпусти меня!

Толчками робот ослабил хватку. Не совсем, но ноги Лаки освободились, и он мог двигать головой.

— Кто приказал тебе разрушать оборудование?

Он больше не боялся дикой реакции робота на этот вопрос. Он знал, что сам довел позитронный ум до полного распада. Но на последних стадиях перед окончательным разрушенем робот, может быть, еще вспомнит хоть что-то из Второго Закона. И Лаки повторил:

— Кто приказал тебе разрушать оборудование?

Робот издал неясный звук:

— З... З...

Затем, так некстати, отказал радиоконтакт, и рот робота дважды открылся и закрылся, словно в этой ситуации крайней необходимости он пытался говорить обычным способом.

Затем не последовало ничего.

Робот был мертв.

Но теперь Лаки, освободившийся из-под гнета реальной близости смерти, был в смятении. У него не хватало сил окончательно отделить от свого тела конечности робота. Его радиопередатчик был помят в крепких объятиях металлического человека.

Он знал, что прежде всего необходимо восстановить силы. Для этого нужно уйти от прямых лучей большого Солнца Меркурия, и побыстрее. Это означало, что он должен добраться до тени, отбрасываемой ближайшим склоном, той тени, до которой он не смог добраться во время дуэли с роботом.

Превозмогая боль, он подогнул под себя ноги и стал медленно передвигаться в сторону тени, таща за собой тяжелого робота. Еще раз. Еще раз. Лаки казалось, что этот процесс длится вечно. Вселенная мерцала над ним.

Еще раз. Еще раз.

В ногах уже не было силы, и он вообще их не чувствовал. Робот весил, наверное, тысячу фунтов.

Даже при низкой силе тяжести на Меркурии эта задача была свыше его слабеющих сил, и им двигала одна лишь воля. Сначала в тени очутилась голова. Свет померк. Он подождал, тяжело дыша, затем с усилием, чуть не надорвав мышцы бедер, он толкнул себя вперед еще и еще раз.

Он был в тени. Одна из ног робота находилась все еще на солнце, рассылая отражения во все стороны. Лаки, посмотрев через плечо, смутно отметил это. И, почти с благодарностью, он забылся.

Были краткие периоды, когда к нему вновь приползали ощущения.

Затем, значительно позже, он спокойно лежал, сознавая, что лежит на мягкой постели, и пытался эти краткие периоды воскресить. В памяти всплывали люди, которые подходили к нему, движение в ракете, голос Бигмэна, пронзительный и взолнованный. Чуть лучше он помнил, как над ним хлопотал врач.

Потом снова провал, после которого он слышал вежливый го-

лос Певераля, осторожно задававший ему вопросы. Лаки помнил, что отвечал связно, так что худшее к тому моменту было уже позади. Он открыл глаза.

Доктор Гардома хмуро смотрел на него, все еще держа в руке шприц.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он.

Лаки улыбнулся.

— Как я должен себя чувствовать?

— Я полагаю, как мертвый, — после всего, что вам пришлось вынести. Но у вас замечательный организм, так что вы будете жить.

Бигмэн, который нетерпеливо вертелся на задворках поля зрения Лаки, наконец-то стал хорошо виден.

— Нечего благодарить за это Майндса. Почему этот тип с грязью вместо мозгов не спустился и не выручил Лаки, когда увидел ногу робота? Чего он ждал? Он оставил Лаки умирать?

Доктор Гардома отложил шприц и мыл руки. Стоя спиной к Бигмэну, он сказал:

— Скотт Майндс был убежден, что Лаки мертв. Его единственной мыслью было ни к чему не прикасаться, чтобы никто не мог обвинить его в убийстве. Майндс помнил, что однажды он уже пытался убить Лаки и что другие об этом не забыли.

— Как он мог думать о подобных вещах? Робот...

— На Майндса давят, и в последние дни он сам не свой. Он позвал на помощь; это лучшее, что он мог сделать.

— Отнесись к этому спокойнее, Бигмэн, — сказал Лаки. — Мне не угрожала опасность. Я переспал ее в тени, и сейчас все в порядке. Что слышно о роботе, Гардома? Его спасли?

— Он здесь, под Куполом. Но мозг его разрушен, изучать его нельзя.

— Очень плохо.

Врач повысил голос:

— Ну, хорошо, Бигмэн, пойдемте. Пусть он поспит.

— Эй, — возмущенно начал Бигмэн.

Лаки тут же сказал:

— Все в порядке, Гардома. Дело в том, что мне хотелось бы поговорить с ним с глазу на глаз.

Доктор Гардома заколебался, потом пожал плечами.

— Вам надо поспать, но даю вам полчаса. Потом он должен уйти.

— Он уйдет.

Как только они остались одни, Бигмэн схватил Лаки за плечо и восторженно потряс его. Он проговорил полузадушевным голосом:

— Глупая обезьяна. Если бы жара не прикончила этого робота как раз вовремя — как в фантастических фильмах...

Лаки грустно улыбнулся.

— Это не совпадение, Бигмэн, — сказал он. — Если бы я ждал такой же концовки, как в фантастическом фильме, я бы умер. Мне пришлось перехитрить робота.

— Как?

— У него прекрасно отполированная коробка с мозгом. Она отражает бóльшую часть солнечных лучей. Это значит, что температура позитронного мозга достаточно высока, чтобы нарушить его работу, но не достаточно — чтобы он прекратил работать вовсе. К счастью, большая часть меркурианской почвы состоит из сыпучего черного вещества. Мне удалось мазнуть черным его голову.

— Что это дало?

— Черный цвет поглощает тепло, Бигмэн. Он не отражает. Температура мозга робота быстро увеличилась, и он умер почти сразу. Впрочем, этого все равно долго бы ждать не пришлось... Ну, ладно, не стоит об этом говорить. А что происходило здесь, пока меня не было? Если что-нибудь вообще происходило?

— ***Что-нибудь?*** О! Да ты только послушай!

Лаки слушал Бигмэна, и выражение его лица становилось все мрачнее по мере того, как разворачивались события в рассказе.

Когда Бигмэн закончил, он сердито хмурился:

— Вообще, зачем ты дрался с Уртейлом? Это было глупо.

— Лаки, — обиженно сказал Бигмэн. — Это был *стратегический* шаг! Ты всегда говоришь, что я на всех кидаюсь и мне нельзя доверить ничего серьезного и умного. А вот это было очень умно. Я знал, что могу стереть его в порошок при низкой силе тяжести.

— Похоже, тебе это не совсем удалось. Твоя лодыжка перевязана.

— Я поскользнулся. Несчастный случай. И потом, я действительно выиграл. Тут была сделка. Он мог здорово навредить Совету своим враньем, а если бы я выиграл, он бы слез с нас.

— И он дал тебе слово, что так сделает?

— Ну... — начал Бигмэн обеспокоенно.

Продолжил Лаки:

— Ты говоришь, что спас ему жизнь. Он знал об этом, и все же это не заставило его отказаться от своих планов. Неужели ты думаешь, что он отказался бы от них в результате кулачного боя?

— Ну... — снова сказал Бигмэн.

— Особенно, если бы он проиграл и злился от унижения, что его прилюдно побили... Вот что я тебе скажу, Бигмэн. Тебе просто очень хотелось побить его и отомстить за то, что он смеялся над

тобой. Твои разговоры о сделке — только предлог. Разве не так?

— Ах, Лаки! Марсианские пески...

— Скажи, я не прав?

— Я хотел заключить сделку...

— Но больше всего ты хотел подраться, а теперь смотри, что получилось.

Бигмэн опустил глаза.

— Прости меня.

Лаки тут же смягчился.

— О, Великая Галактика, Бигмэн, я не сержусь на тебя. Право, я больше злюсь на себя. Я неправильно обращался с этим роботом и чуть не погиб, потому что ни о чем не думал. Я видел, что он не в порядке, но никак не связывал это с воздействием жары на позитронный мозг до тех пор, пока угроза для меня не стала слишком велика... Конечно, прошлое — это урок на будущее, но вообще давай забудем об этом. Вопрос в том, что же делать в ситуации с Уртейлом.

Настроение Бигмэна разом поднялось.

— Во всяком случае, — сказал он, — этот тип слез с нас.

— Он-то слез, — сказал Лаки, — а как насчет сенатора Свенсона?

— Гм.

— Как мы все это объясним? Расследуется деятельность Совета Науки, и в результате драки, инициатором которой выступил некто, близкий Совету, почти член его, Уртейл, ведущий это расследование, умирает. Выглядит скверно.

— Это был несчастный случай. Поле псевдотяжести...

— Это нам не поможет. Придется поговорить с Певералем и...

Бигмэн покраснел и торопливо сказал:

— Он всего лишь старик. Он не обращает на все это никакого внимания.

Лаки привстал, опершись на локоть.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что он не обращает на все это внимания?

— Он действительно не обращает ни на что внимания, — страстно заговорил Бигмэн. — Он пришел, когда Уртейл лежал мервый на полу и почти не обратил на это внимания. Только спросил: «Он умер?» — и все.

— И все?

— Все! Затем он спросил о тебе — где ты, и сказал, что Майндс передавал, будто тебя убил робот.

Лаки пристально смотрел на Бигмэна.

— Это все?

— Все, — смущенно сказал Бигмэн.

— Что произошло потом? Давай же, Бигмэн. Ты не хочешь, чтобы я говорил с Пераралем. Почему?

Бигмэн отвернулся.

— Ну, давай же, Бигмэн!

— Ну, тут будет что-то вроде суда надо мной.

— *Суд!*

— Пераль сказал, что это убийство и что оно будет иметь большой резонанс на Земле. Он сказал, что мы должны определить виновного.

— Понятно. Когда будет суд?

— Ох, Лаки, я не хотел говорить тебе это. Доктор Гардома сказал, что тебе нельзя волноваться.

— Ты ведешь себя как наседка, Бигмэн. Когда будет суд?

— Завтра в два часа дня по стандартному времени Системы. Но не стоит беспокоиться об этом, Лаки.

— Позови Гардому.

— Зачем?

— Делай, что я сказал.

Бигмэн вышел и вернулся с доктором Гардомой.

Лаки обратился к доктору:

— Ведь я могу встать с постели завтра в два часа дня, не правда ли?

Доктор Гардома колебался:

— Мне бы хотелось, чтобы вы еще полежали.

— Это не важно, чего бы вам хотелось. Я ведь не умру от этого?

— Вы не умрете, если встанете с постели прямо сейчас, мистер Старр, — обиделся доктор Гардома. — Но это нецелесообразно.

— Тогда все в порядке. Передайте доктору Пераралю, что я буду присутствовать на суде над Бигмэном. Надеюсь, вы знаете об этом?

— Знаю.

— Все знают, кроме меня. Да?

— Вы были не в том состоянии...

— Передайте доктору Пераралю, что я буду на суде и чтобы суд без меня не начинали.

— Я передам ему, — сказал Гардома, — а сейчас вам лучше поспать. Пойдемте, Бигмэн.

Бигмэн взвизнул:

— Одну секунду, — он быстро подошел к постели Лаки и сказал: — Слушай, Лаки, не стоит огорчаться. Вся ситуация у меня под контролем.

Брови Лаки поднялись.

Бигмэн, почти лопался от важности:

— Я хотел удивить тебя, черт возьми. Я могу доказать, что не имею никакого отношения к тому, что Уртейл сломал себе шею. Я решил эту загадку, — он похлопал себя по груди. — Я решил! Я! Бигмэн! Я знаю, кто виноват во всем.

— Кто?

Но Бигмэн тут же вскричал:

— Нет! Не скажу. Я хочу продемонстрировать тебе, что думаю не только о кулачных боях. На сей раз я буду актером, а ты зрителем, вот и все. Узнаешь все на суде.

Лицо маленького марсианина сморщилось в довольной усмешке, он протанцевал чечетку и вслед за Гардомой вышел из комнаты с видом веселого триумфатора.

XV

СУД

Почти в два часа пополудни Лаки вошел в кабинет доктора Певераля.

Остальные уже были на месте. Доктор Певераль, сидевший за старинным столом, вокруг которого собралось много народу, приветливо кивнул ему.

Лаки мрачно ответил:

— Добрый день, сэр.

Все очень походило на тот вечер, когда они собрались на банкет. Разумеется, здесь был Кук, выглядевший, как всегда, нервным и несколько сухопарым. Он сидел в большом кресле справа от доктора Певераля, а маленькая фигурка Бигмэна смущенно ерзала и совершенно терялась в таком же большом кресле слева.

Был Майндс, его худое лицо выглядело угрюмо, а сплетенные пальцы, разъединяясь, барабанили по ноге. Рядом с ним сидел бесстрастный доктор Гардома. Его тяжелые веки приподнялись, и он неодобрительно посмотрел на Лаки, когда тот вошел. Присутствовали также астрономы, возглавлявшие отделы.

Собственно говоря, единственным человеком, кто присутствовал на банкете и кого не было сейчас, был Уртейл.

Доктор Певераль мягко сказал:

— Мы можем начинать. Во-первых, несколько слов мистеру Старру. Насколько я понял, Бигмэн представил вам это собрание как суд. Ничего подобного, уверяю вас. Если суд будет, а я надеюсь, что нет, он состоится на Земле в присутствии профессиональных судей и присяжных. Мы же собрались здесь для того, чтобы составить отчет о происшедшем и отправить его в Совет Науки.

Доктор Певераль переставил на столе какие-то предметы, находившиеся в беспорядке, и сказал:

— Позвольте мне объяснить, для чего необходим подробный отчет. Во-первых, в результате смелого проникновения мистера Старра на солнечную сторону был остановлен диверсант, мешавший работе доктора Майндса. Он оказался роботом, сделанным в системе Сириуса, и он уже не действует. Мистер Старр...

— Да? — откликнулся Лаки.

— Важность этого события столь велика, что я позволил себе расспрашивать вас об этом сразу после того, как вас принесли под Купол, и вы находились в полубессознательном состоянии.

— Я помню это, — сказал Лаки, — очень хорошо.

— Можете ли вы подтвердить некоторые из ваших ответов сейчас, чтобы мы могли их записать?

— Могу.

— Прежде всего, участвуют ли в этом какие-нибудь еще роботы?

— Робот не сказал об этом, но думаю, что нет.

— И все же, он не говорил, что он единственный робот на Меркурии?

— Не говорил.

— В таком случае могут быть и другие.

— Не думаю.

— Однако это всего лишь ваше личное мнение. Робот не говорил, что здесь нет других роботов.

— Не говорил.

— Хорошо. Сколько сирианцев участвуют в этом деле?

— Робот не сказал. Он получил инструкцию не говорить этого.

— Он указал базу сирианских оккупантов?

— Он ничего об этом не говорил. Он вообще не упоминал сирианцев.

— Но сам робот сделан в системе Сириуса, ведь так?

— Он признал это.

— А-а, — доктор Певераль невесело улыбнулся. — В таком случае, я полагаю, всем очевидно, что сирианцы на Меркурии и что они действуют против нас. Нам следует поставить в известность Совет Науки. Должны быть организованы поиски на Меркурии, и, если даже сирианцам удастся скрыться и покинуть планету, мы, во всяком случае, будем осознавать повышенную опасность со стороны Сириуса.

Кук забеспокоился:

— Еще стоит вопрос о естественных формах жизни на Меркурии, доктор Певераль. Об этом нам также следует проинформировать Совет, — повернувшись, он обратился ко всем присутствующим:

— Вчера удалось поймать одно из этих созданий и...

Старый астроном несколько раздраженно прервал его:

— Да, доктор Кук, разумеется, Совет будет информирован об этом. Тем не менее, вопрос о сирианцах остается главным. Мы должны пожертвовать другими делами ради того, чтобы защитить себя от надвигающейся опасности. Например, я предлагаю доктору Майндсу отложить все работы по его программе до тех пор, пока Меркурий не будет обезврежен для землян.

— Поосторожнее с этим, — воскликнул Майндс, — в это вложена куча денег, и времени, и усилий.

— Я сказал, до тех пор, пока на Меркурии не станет безопасно. Я не имею в виду, что работа над программой «Свет» должна быть прекращена совсем. И так как следует прежде всего подумать об опасности, угрожающей нам на Меркурии, нужно сделать все возможное, чтобы покровитель Уртейла сенатор Свенсон, не смог этому помешать.

В разговор вступил Лаки:

— Вы хотите сказать, что сенатору надо дать козла отпущения в виде Бигмэна, снабженного ярлыком и связанного по рукам и ногам. И пока он будет волноваться и точить когти на Бигмэна, здесь, на Меркурии, можно будет без помех искать сирианцев.

Астроном приподнял седые брови.

— Козел отпущения, мистер Старр? Нам нужны только факты.

— Ну, ладно, продолжайте, — Бигмэн беспокойно заерзал в кресле. — Факты у вас будут.

— Хорошо, — сказал доктор Певераль. — Может быть, вы и начнете как главное лицо? Расскажите все, что произошло между вами и Уртейлом своими словами. Расскажите все своими словами, но я бы попросил вас быть кратким. И помните, все, что вы скажете, будет записано на звуковую микропленку.

Бигмэн спросил:

— Вы хотите, чтобы я дал клятву говорить только правду?

Певераль покачал головой.

— Это не официальный суд.

— Как знаете, — и с удивительной бесстрастностью Бигмэн рассказал всю историю. Начав с оскорблений Уртейла относительно его роста, он перешел к встрече в шахте и закончил дуэлью. Он выпустил только угрозы Уртейла по адресу Лаки Старра и Совета.

Затем доктор Гардома рассказал о том, что произошло во время первой встречи Уртейла и Бигмэна и еще раз описал для микропленки сцену на банкете. Затем он перешел к лечению Уртейла после его возвращения из шахты:

— Он быстро поправился после гипотермии. Я не спрашивал

его о подробностях, а сам он мне ничего не рассказывал. Впрочем, он спрашивал о Бигмэне, и, судя по тому выражению, которое появилось на его лице, когда я сказал, что Бигмэн чувствует себя прекрасно, я сделал вывод, что его неприязнь к Бигмэну не уменьшилась. Он вел себя так, словно не Бигмэн спас ему жизнь. Но насколько я знаю этого человека, Уртейл не из тех, кто подвержен приступам благодарности.

— Это всего лишь мнение, — торопливо вмешался доктор Певераль, — и я предалагаю не записывать подобные заявления.

Затем выступил доктор Кук. Он говорил о дуэли:

— Бигмэн настаивал на поединке. Вот все, что я могу сказать. Мне казалось, что если раунд состоится при низкой силе тяжести, как предлагал Бигмэн, и при свидетелях, то ничего дурного не произойдет, и мы сможем вмешаться, если дело примет серьезный оборот. Я думал, что, если я откажусь, они все равно будут бороться, но без свидетелей, и результаты могут быть серьезными. Хотя вряд ли результаты могли бы быть серьезнее тех, которые получились. Но я не мог предвидеть этого. Конечно, мне следовало посоветоваться с вами, доктор Певераль, я признаю это.

Доктор Певераль кивнул.

— Разумеется, вы должны были это сделать. Но факты таковы: Бигмэн настаивал на дуэли и на низкой силе тяжести, не правда ли?

— Совершенно верно.

— И он уверял вас, что при этих условиях убьет Уртейла.

— Его точные слова были: «убью этого негодяя». Я думаю, что он выражался фигурально. Я уверен, что он не замышлял убийство.

Доктор Певераль повернулся к Бигмену.

— Можете ли вы что-нибудь сказать в связи с этим заявлением?

— Да, могу. И так как сейчас свидетельствует доктор Кук, я хочу провести перекрестный допрос.

Доктор Певераль, казалось, удивился.

— Это не суд.

— Послушайте, — горячо заговорил Бигмэн, — смерть Уртейла не была несчастным случаем. Это было убийство, и предоставьте мне возможность доказать это.

Последовавшая за этим заявлением тишина длилась не больше одного мгновения. Затем все разом заговорили.

Голос Бигмэна поднялся еще выше и стал пронзительным.

— Я хочу провести допрос доктора Хенли Кука.

Лаки Старр холодно сказал:

— Я предлагаю вам позволить Бигмэну сделать это, доктор Певераль.

Старый астроном был крайне смущен:

— Право, я не... Бигмэн не может... — он запнулся и замолчал.

Бигмэн начал:

— Прежде всего, доктор Кук, каким образом Уртейл узнал маршрут, которым Лаки и я следовали в шахте?

Кук покраснел.

— Я и не предполагал, что ему известен маршрут.

— Он не шел непосредственно за нами. Он продвигался параллельным коридором, словно хотел внезапно догнать нас и идти в хвосте, но уже после того, как мы удостоверимся, что в шахте мы одни и никто нас не преследует. Для этого он должен был совершенно точно знать наш маршрут. Мы с Лаки разрабатывали этот маршрут с вами, и больше никто не был в это посвящен. Лаки не говорил с Уртейлом, я тоже. Кто это сделал?

Кук дико оглядел всех, словно прося о помощи.

— Я не знаю.

— Разве не очевидно, что это сделали вы?

— *Нет*. Может быть, он подслушал.

— Он не мог подслушать пометки на карте, доктор Кук... Впрочем, продолжим. Я дрался с Уртейлом, и, если бы сила тяжести осталась на уровне Меркурия, он был бы сейчас жив. Но она не осталась на этом уровне. Она внезапно прыгнула на уровень Земли именно в тот момент, когда это могло убить его. Кто сделал это?

— Я не знаю.

— Вы первым оказались рядом с Уртейлом. Что вы делали? Хотели удостовериться, что он умер?

— Это ужасно. Доктор Певераль... — Кук повернул к шефу горящее лицо.

Доктор Певераль взволнованно спросил:

— Вы обвиняете доктора Кука в убийстве Уртейла?

Бигмэн сказал:

— Послушайте. Внезапная перемена силы тяжести придавила меня к полу. Когда я встал на ноги, все остальные или так же, как я, вставали на ноги, или были все еще на полу. Когда вам на спину без предупреждения падает от семидесяти пяти до ста пятидесяти фунтов, вы не спешите встать на ноги. Но Кук поспешил. Он был не только на ногах, но уже успел подойти к Уртейлу и склониться над ним.

— Что это доказывает? — спросил Кук.

— Это доказывает, что вы не упали, когда увеличилась сила тяжести, иначе вы бы не успели дойти до Уртейла. А *почему* вы не упали, когда изменилась сила тяжести? Потому что вы *ожидали* этого и были к этому готовы. А *почему* вы ожидали этого? Потому что это *вы* дернули рычаг.

Кук повернулся к доктору Пераралю:

— Это беспочвенное обвинение. Это безумие.

Но доктор Пивераль смотрел на своего заместителя с ужасом.

Бигмэн сказал:

— Позвольте, я попробую воссоздать картину. Кук работал на Уртейла. Поэтому Уртейл узнал наш маршрут в шахте. Это единственное объяснение. Но он работал на Уртейла из страха. Возможно, Уртейл шантажировал его. В любом случае, для Кука единственным способом избавиться от Уртейла было убить его. Когда я сказал, что могу убить негодяя, если мы будем драться при низкой силе тяжести, я, вероятно, вложил эту мысль в его голову, и во время драки он следил за нами, стоя рядом с рычагом и ожидая подходящего момента. Вот и все.

— Погодите! — вскричал Кук почти задушенным голосом. — Все это... все это...

— Вы можете со мной не согласиться, — сказал Бигмэн. — Если моя теория верна (а я уверен, что она верна), Уртейл имел что-то, какие-то записи на бумаге или на пленке, с помощью которых он мог шантажировать Кука. Иначе Кук не запутался бы до такой степени и не пошел на убийство. Так что ищите в вещах Уртейла. Вы что-нибудь найдете, и это будет улика.

— Я согласен с Бигмэном, — сказал Лаки.

Доктор Пивераль был ошеломлен:

— Я полагаю, это единственный способ разрешить данный вопрос, хотя как...

Из Хенли Кука, казалось, вышел весь воздух, он стоял бледный, потрясенный, беспомощный.

— Подождите, — слабо выдавил он. — Я все объясню.

Все лица повернулись к нему.

Впалые щеки Хенли Кука были залиты потом. Руки, когда он почти молитвенно поднял их, дрожали.

— Уртейл пришел ко мне вскоре после того, как прилетел на Меркурий. Он сказал, что расследует работу обсерватории. Он сказал, что у сенатора Свенсона есть сведения, что работа неэффективна и что это пустая трата средств. Он сказал, что доктор Пивераль, очевидно, должен уйти на пенсию; что он уже стар и не способен нести ответственность за работу. Он сказал, что я могу стать его естественным преемником.

Доктор Пивераль, который слушал его с видом плохо скрытого удивления, воскликнул:

— Кук!..

— Я согласился с ним, — угрюмо сказал Кук. — Вы действительно слишком стары. Всем здесь управляю я, а вы тем временем заняты своей сирианской манией, — он снова повернулся к Лаки: — Уртейл обещал, если я помогу ему в расследовании, постараться сделать меня следующим директором обсерватории. Я поверил ему:

все знают, что сенатор Свенсон могущественный человек. Я дал ему очень много информации. Кое-что было в письменном виде и подписано мною. Он объяснил, что ему это надо для дальнейших юридических процедур.

А потом... а потом он начал пользоваться этой письменной информацией через мою голову. Выяснилось, что он гораздо больше интересуется программой «Свет» и Советом Науки. Он хотел, чтобы я, используя свое положение, стал его личным шпионом. Он ясно дал мне понять, что если я откажусь, он пойдет к доктору Певералю с доказательством того, что я сделал. Это означало бы конец моей карьеры, конец всего. Мне пришлось стать его шпионом. Я вынужден был сообщить ему о маршруте Старра и Бигмэна. Я держал его в курсе всего, что делал Майндс. Всякий раз, когда я хоть чуть-чуть поддавался ему, я еще больше оказывался в его власти. И скоро я осознал, что когда-нибудь он сломает меня, несмотря на всю помощь, которую я ему оказывал. Он такой человек. Я вдруг понял, что единственный способ освободиться от него — это убить его. Если бы только я знал как.

И тут пришел Бигмэн со своим планом — драться с Уртейлом при низкой силе тяжести. Он был так уверен в победе! И тогда я подумал, что смогу... У меня был один шанс из ста, может быть, один из тысячи, но я подумал: что я теряю?.. Я встал у пульта управления псевдотяжестью и ждал своего шанса. Он появился, и Уртейл умер. Сработало великолепно. Я считал, что это сойдет за несчастный случай. Даже если Бигмэн окажется в беде, Совет Науки поможет ему выкарабкаться. Никто не пострадает, кроме Уртейла, а он сто раз заслужил это. Во всяком случае, так обстояли дела.

В наступившей затем потрясенной тишине послышался хриплый голос доктора Певераля:

— При данных обстоятельствах вы, Кук, разумеется, должны считать себя освобожденным ото всех обязанностей и под а...

— Эй, да не спешите же, не спешите! — воскликнул Бигмэн. — Признание еще не закончено. Послушайте, Кук, ведь вы уже второй раз пытались убить Уртейла, не так ли?

— Второй раз? — глаза Кука трагически поднялись на Бигмэна.

— А как насчет прорезанного скафандра? Уртейл посоветовал нам следить за скафандрами, так что у него, вероятно, был опыт такого рода. Он говорил, что это сделал Майндс, но ведь Уртейл вечно все врал, и нельзя было верить ни одному его слову. Я хочу сказать вот что: вы пытались таким образом убить Уртейла, но он нашел прорезь и заставил вас перенести скафандр в нашу комнату, когда мы приехали. Потом он нас предупредил о такой возможности, чтобы мы считали его своим сторонником, и при этом преследовал

еще одну цель — настроить нас против Майндса. Разве не так?

— Нет! — вскричал Кук. — Нет! Я не имею никакого отношения к этому скафандру. Никакого!

— Послушайте, — начал Бигмэн, — мы же все равно не поверим...

Но тут встал Лаки Старр.

— Все правильно, Бигмэн. Кук не имеет никакого отношения к этому скафандру. Можешь ему поверить. Прорезь в скафандре сделал тот же человек, который отдавал приказания роботу.

Бигмэн недоверчиво уставился на своего высокого друга.

— Ты имеешь в виду сирианцев, Лаки?

— Никаких сирианцев, — ответил Лаки. — На Меркурии нет никаких сирианцев. И никогда не было.

XVI

РЕЗУЛЬТАТЫ СУДА

Глубокий голос доктора Пивераля стал хриплым от смятения.

— Никаких сирианцев? Да знаете ли вы, о чем говорите, Старр?

— Прекрасно знаю, — Старр подошел к столу доктора Пивераля, сел и оглядел собрание.

— Я убежден, что доктор Пивераль меня поддержит, когда я объясню причины своего заявления.

— *Я* поддержу вас? Уверяю вас, этого не случится, — пропыхтел старый астроном, его лицо выражало горькое неодобрение. — Вряд ли стоит это обсуждать... Кстати, нам ведь придется поместить Кука под арест, — он привстал.

Лаки мягко усадил его обратно.

— Все в порядке, сэр. Бигмэн позаботится о том, чтобы Кук оставался под котролем.

— Я не доставлю вам никакого беспокойства, — глухо проговорил полный отчаяния Кук. Тем не менее Бегмэн подвинул свое кресло поближе к креслу Кука.

Лаки сказал:

— Доктор Пивераль, вспомните тот вечер и банкет, и ваши собственные слова о сирианских роботах... Между прочим, доктор Пивераль, вы ведь уже давно знали, что на планете есть робот, не так ли?

— Что вы имеете в виду? — беспокойно спросил астроном.

— Доктор Майндс рассказывал вам о том, что видел движущиеся фигуры, похожие на людей, одетых в металлические скафандры,

и что они выносили солнечное излучение лучше, чем этого можно ожидать от землян.

— Это действительно так, — вмешался в разговор Майндс, — и мне следовало догадаться, что я вижу робота.

— У вас не было такого опыта общения с роботами, как у доктора Певераля, — Лаки снова повернулся к старому астроному. — Я уверен, что вы заподозрили существование на планете робота сирианской конструкции сразу же, как только Майндс все это рассказал вам. Его описание вполне соответствует этому случаю.

Астроном медленно кивнул.

— Я сам, — продолжал Лаки, — так же, как и Майндс, выпустил из виду роботов, когда услышал от него эту историю. Однако после банкета, на котором вы, доктор Певераль, говорили о Сириусе и сирианских роботах, мне вдруг пришло в голову, что это и есть объяснение всему. Должно быть, вы подумали то же.

Доктор Певераль снова медленно кивнул:

— Я понимал, что сами мы никак не сможем бороться с сирианским вторжением. Вот почему я не поддерживал усилий Майндса.

Услышав это, Майндс побледнел и ожесточенно пробормотал что-то себе под нос.

— А вы никогда не обращались с этим вопросом в Совет Науки? — спросил Лаки.

Доктор Певераль колебался.

— Я боялся, что мне не поверят и что я добьюсь только одного — меня сменят. Честно говоря, я не знал, что делать. Было очевидно: Уртейл мне не поможет. Его интересовали только собственные планы. Когда приехали вы, Старр, — тут его голос стал глубже, а речь потекла свободней, — я почувствовал, что у меня наконец появился союзник, и я впервые заговорил о Сириусе, его опасности и роботах.

— Да, — сказал Лаки, — а помните, что вы говорили о привязанности сирианцев к своим роботам? Вы употребили слово «любовь». Вы говорили, что сирианцы балуют своих роботов, что они любят их, что они ни в чем им не отказывают. Вы говорили, что для них каждый робот стоит сотни землян.

— Ну конечно, — сказал доктор Певераль. — Так и есть.

— В таком случае, раз уж они так любят своих роботов, неужели они послали бы одного из них на Меркурий без специальной изоляции? Не прошедшего адаптации к солнечному излучению? Неужели они обрекли бы одного из своих роботов на медленную, мучительную смерть под солнцем?

Доктор Певераль молчал, у него дрожала нижняя губа.

Лаки продолжал:

— Я сам не мог даже помыслить о том, чтобы взорвать робота,

хотя моя жизнь была в опасности. А я не сирианец. Так неужели сирианец мог быть так жесток по отношению к роботу?

— Но важность этой миссии... — начал доктор Певераль.

— Согласен, — сказал Лаки. — Я не говорю, что сирианцы не послали бы на Меркурий робота с целью саботажа, но, Великая Галактика, они бы в первую очередь защитили его мозг. Даже если оставить в стороне их любовь к роботам, этого требует простой здравый смысл. Так робот дольше прослужит.

Все собравшиеся одобрительно зашумели.

— Но, — запинаясь, начал доктор Певераль, — если это не сирианцы, то кто...

— Итак, — сказал Лаки, — давайте посмотрим, какие у нас есть версии. Номер один. Два раза Майндс выслеживал робота, и два раза он исчезал, когда Майндс пытался приблизиться. Позже робот сообщил мне, что он получил инструкцию избегать людей. Очевидно, он был предупрежден, что Майндс ищет диверсанта. Очевидно также, что его предупредил кто-то из Дома под Куполом. Обо мне не предупредили, потому что я объявил, что собираюсь в шахту. — Версия номер два. Когда робот уже лежал, умирая, я еще раз спросил его, от кого он получал указания. Он смог сказать только: «З... З...», — затем его радиосистема отказала, но рот двигался, будто он произносил слово из нескольких слогов.

Бигмэн, светло-рыжие волосы которого от возбуждения стояли дыбом, внезапно вскричал:

— Уртейл! Робот пытался произнести «Уртейл»! Этот грязный негодяй все время занимался саботажем! Все сходится! Все...

— Может быть, — сказал Лаки, — может быть! Посмотрим. Мне просто пришло в голову, что, возможно, робот пытался сказать «землянин».

— А возможно, — сухо заметил Певераль, — что это был просто слабый звук, который издал умирающий робот, и он вовсе ничего не значил.

— И это возможно, — согласился Лаки. — Но теперь мы подошли к версии номер три, последней. Она такова: робот сделан в системе Сириуса, следовательно, надо выяснить, кто из людей здесь, в Доме под Куполом, мог каким-то образом иметь собственного сирианского робота? Кто из нас был на планетах Сириуса?

Глаза доктора Певераля сузились:

— Я был.

— Именно так, — сказал Лаки Старр, — вы и никто другой. Вот ваш ответ.

Все зашумели, и Лаки попросил тишины. Он говорил властным голосом, лицо его было строгим.

— Как член Совета Науки, — сказал он, — заявляю, что с это-

го момента руководителем обсерватории являюсь я. Доктор Певераль смещен с поста директора. Я связался с штаб-квартирой Совета на Земле. Сюда уже направлен корабль. После его посадки будут предприняты необходимые шаги.

— Я требую, чтобы меня выслушали, — выкрикнул доктор Певераль.

— Вас выслушают, — сказал Лаки, — но сначала вы должны выслушать, в чем вы обвиняетесь. Вы здесь единственный человек, который имел возможность украсть сирианского робота. Доктор Кук говорил нам, что во время вашего пребывания на Сириусе к вам был приставлен робот для услуг. Это верно?

— Да, но...

— Когда он был вам больше не нужен, вы направили его в свой собственный корабль. Каким-то образом вам удалось обойти сирианцев. Возможно, им и присниться не могло, что кто-нибудь может совершить такое ужасное, с их точки зрения, преступление, — украсть робота. Вероятно, поэтому они не предприняли никаких мер предосторожности.

Более того, в этом случае у нас больше оснований предположить, что робот пытался сказать «землянин», когда я спрашивал его, от кого он получал приказания. Вы были единственным землянином у Сириуса. Вероятно, вас называли «землянин», когда робота готовили к работе с вами. Он должен был думать о вас, как о «землянине».

— И наконец, кто был лучше всех осведомлен об исследованиях на солнечной стороне? Кто мог с максимальной точностью сообщить роботу по радио, когда он был в безопасности, а в какой момент ему следовало спрятаться?

— Я отрицаю все, — напряженно сказал доктор Певераль.

— Отрицать бесполезно, — сказал Лаки. — Если вы настаиваете на своей невиновности, Совету придется обратиться в систему Сириуса за информацией. Робот сообщил мне свой серийный номер — РЛ-726. Если сирианские власти ответят, что во время вашего пребывания у Сириуса к вам был приставлен робот РЛ-726 и что он исчез примерно в то же время, когда вы покинули Сириус, это будет доказательством вашей вины.

Кроме того, вы совершили преступление — кражу робота — в системе Сириуса, а так как у нас с сирианскими планетами заключен договор о выдаче преступников, возможно, придется сдать вас им под арест. Поэтому я бы посоветовал вам, доктор Певераль, признаться и дать ход правосудию на Земле, а не настаивать на своей невиновности и рисковать попасть к сирианцам, которые будут судить вас за то, что вы украли одного из их любимых роботов и замучили его до смерти.

Доктор Певераль невидящими глазами с сожалением посмотрел на собравшихся. Он медленно встал и рухнул на пол.

Доктор Гардома кинулся к нему и послушал сердце.

— Он жив, но лучше его перенести в постель.

Через два часа доктор Гардома и Лаки Старр сидели у постели доктора Ланса Певераля. Поддерживая контакт с штаб-квартирой Совета, Доктор Ланс Певераль диктовал им свое признание.

Лаки улетал все дальше от Меркурия. Но даже удостоверившись в том, что посланцы Совета полностью овладели ситуацией, он все еще не мог избавиться от напряжения. Лицо его было задумчиво.

Бигмэн, сморщившись от волнения, спросил:

— В чем дело, Лаки?

— Мне жаль старого Певераля, — ответил Лаки. — Он по-своему хотел сделать, как лучше. Сирианцы действительно представляют опасность, хотя и не столь непосредственную, как он полагал.

— Совет не отправит его к Сириусу?

— Вероятно, нет, но его боязнь Сириуса столь велика, что это помогло выудить из него признание. Конечно, это было жестоко, но необходимо. Сколь бы ни были патриотичны его побуждения, он совершил покушение на убийство. Преступление Кука тоже было вынужденным, но все равно оно остается преступлением, как бы плохо мы ни думали об Уртейле.

— А вообще, что старик имел против программы «Свет»?

— Певераль ясно выразил свою мысль на банкете, — сказал Лаки. — Все было высказано в тот вечер. Помнишь, как он возмущался, что Земля сама себя ослабляет тем, что импортирует пищу и ресурсы. Он говорил, что программа «Свет» сделает Землю зависимой от космических станций даже в получении солнечного света. Он хотел, чтобы Земля была самодостаточна и, соответственно, могла лучше противостоять сирианской угрозе.

В его уже несколько неуравновешенном мозге зародилась идея, якобы он будет способствовать этой самодостаточности путем саботажа программы «Свет». Возможно, сначала он привез с собой робота просто в качестве веского доказательства могущества сирианцев. Вернувшись, он обнаружил, что исследования по программе «Свет» широко развернуты, и превратил робота в диверсанта.

Когда появился Уртейл, он, вероятно, сначала испугался, что Уртейл станет расследовать неполадки с программой «Свет» и разоблачит его. Поэтому он подбросил в комнату Уртейла прорезанный скафандр, но Уртейл обнаружил прорезь. Возможно, Уртейл действительно полагал, что в этом виноват Майндс.

— Конечно, да ты только вспомни. Когда мы в первый раз

встретили старика, он не мог даже говорить об Уртейле, так он его ненавидел.

— Точно, — сказал Лаки, — и было совершенно непонятно, за что, так же, как например, Майндса. Я думал, что, может, есть какая-нибудь неизвестная мне причина.

— Ты впервые заподозрил его тогда, Лаки?

— Нет, не тогда. Я впервые подумал о нем, когда увидел прорезанный скафандр. Такую вещь, очевидно, удобнее всего было сделать самому Певералю. И у него же была возможность спрятать костюм после того, как умрет тот, для кого он предназначен. Он лучше всех знал, где мы будем жить, и приготовил скафандр. Меня беспокоило одно: какие у него мотивы? Почему он хочет меня убить? Очевидно, мое имя ничего ему не говорило. Когда мы встретились в первый раз, он спросил меня, не командированный ли я инженер, как Майндс. А вот Майндс слышал обо мне и хотел, чтобы я ему помог. Доктор Гардома слышал обо мне в связи с отравлениями на Марсе. Уртейл, конечно, знал обо мне все. Я удивился, что доктор Певераль ничего обо мне не слышал.

Например, на Церере — мы с тобой там долго были, когда произошла битва с пиратами. Там находится самая большая обсерватория в Солнечной системе. Не мог ли в это же время там быть доктор Певераль? Я спросил его об этом, и он ответил, что никогда меня прежде не встречал. Он признал, что ему случалось бывать на Церере, и позже Кук сказал нам, что старик часто летает туда. А Певераль стал объяснять, хотя я не расспрашивал его, что он был болен во время пиратского налета, и Кук потом подтвердил все, что он сказал. Он себя выдал. В своем волнении доктор Певераль наговорил лишнего.

Маленький марсианин широко раскрыл глаза:

— Что-то не понимаю.

— Это очень просто. Если Певераль много раз бывал на Церере, почему он счел необходимым рассказать именно о том своем визите, когда состоялся пиратский налет? Почему именно о том, а не о каком-нибудь другом? Очевидно, он знал, по какому случаю я был на Церере, и это алиби было предназначено специально для меня. Следовательно, он знал, кто я такой.

А если он знал, кто я, то почему пытался убить меня, и Уртейла тоже? Нам подложили прорезанные костюмы, ты же знаешь. Мы оба занимались расследованием. Чего боялся Певераль?

И тут за банкетным столом он разговорился о сирианцах и роботах, и все стало на свои места. Рассказ Майндса вдруг обрел смысл, и я сразу понял, что робота на Меркурий могли привезти либо сирианцы, либо доктор Певераль, и больше никто. Мне казалось более вероятным, что это сделал Певераль, что он говорит

о сирианцах для того, чтобы отвести подозрения от себя. Если бы робота нашли и неполадки прекратились, это бы послужило дымовой завесой, которая скрыла бы его собственную роль в этом саботаже, и, более того, это было бы прекрасной антисирианской пропагандой.

Мне нужны были доказательства. Сенатор Свенсон поднял бы крик, что это мы устраиваем дымовую завесу, чтобы скрыть некомпетентность и расточительство Совета. Мне нужны были веские доказательства. Так как рядом был Уртейл, я никому не рискнул говорить о своих планах, даже тебе, Бигмэн.

Бигмэн возмущенно зарычал:

— Когда ты, наконец, начнешь доверять мне, Лаки?

— Тогда, когда я смогу рассчитывать на то, что ты прекратишь выделывать боксерские фокусы с людьми, которые вдвое тяжелее тебя, — сказал Лаки с улыбкой, несколько уменьшившей язвительность этого замечания. — Итак, я отправился за роботом на солнечную сторону и решил использовать его в качестве свидетеля. Это мне не удалось, и пришлось вытягивать признание из Певераля.

Лаки покачал головой.

Бигмэн спросил:

— Ну, а что же Свенсон?

— Я надеюсь, что с этим покончено, — ответил Лаки. — Он вряд ли сможет много сделать теперь, после смерти Уртейла, так как в этом случае мы используем доктора Кука как свидетеля грязных приемов Уртейла. Но мы ему также ничем не сможем помешать, потому что двух самых ответственных работников меркурианской обсерватории пришлось освободить от должностей за уголовные преступления. Так что у нас с ним ничья.

— Марсианские пески! — застонал Бигмэн. — Этот парень опять будет висеть у нас на шее.

Но Лаки покачал головой.

— Нет, о сенаторе Свенсоне не стоит очень беспокоиться. Он жесток и опасен, но именно поэтому он заставляет Совет быть все время начеку, не дает нам расслабляться.

И потом, — задумчиво прибавил он. — Совету Науки нужна оппозиция так же, как Конгрессу и правительству. Если когда-нибудь Совет сочтет себя выше критики, то может настать время, когда он установит свою диктатуру на Земле, а мне совсем этого не хочется.

— Что же, возможно, и так, — сказал Бигмэн разочарованно, — но все равно, этот Свенсон мне не нравится.

Лаки рассмеялся, протянул руку и взъерошил волосы марсианина.

— Мне тоже, но не стоит сейчас думать об этом. Посмотри, вокруг звезды, и кто знает, куда мы полетим через неделю и зачем?

СОДЕРЖАНИЕ

К. САЙМАК

РОКОВАЯ КУКЛА
Перевод с англ. Л. Папериной, В. Рыжкова
5

Р. ХАЙНЛАЙН

КРАСНАЯ ПЛАНЕТА
Перевод с англ. А. Синодова
185

А. АЗИМОВ

ЛАКИ СТАРР И БОЛЬШОЕ СОЛНЦЕ МЕРКУРИЯ
Перевод с англ. И. Обуховой
357

РОКОВАЯ КУКЛА

Сборник фантастических романов

Редактор *М. Ю. Лютенко*
Технический редактор *Н. М. Привезенцева*
Корректоры *Е. М. Тюрина, Л. И. Серова*

ИБ № 151

Сдано в набор 26.08.91. Подписано в печать 15.11.91.
Формат 60 × 88¹/₁₆. Бумага газетная.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Усл. печ. л. 29,5. Усл. кр.-отт. 31,42. Уч.-изд. л. 31,5.
Тираж 100 000 экз. Заказ № 1123. Цена 12 р.

Объединение «Всесоюзный молодежный книжный центр».
101463, ГСП-4, К-6, ул. Петровка, 26.

Фотонабор изготовлен типографией № 7 «Искра революции».
103001, Москва, Трехпрудный пер., 9.

